Таинственное обаяние русского леса

Предисловие

Русский лес… Красота и очарование его кажутся бесконечными в своём видимом однообразии. Он наполнен могучим дыханием жизни, дышит ароматом девственной свежести и нашёптывает что-то приятное. Лес возбуждает наши мечты и память гулкими голосами далёкой старины, перекликается звонким щебетом птиц и расстилает под ногами путника нескончаемые дороги. Он зовёт за собою под таинственные своды своих тенистых деревьев, скрывающих волшебные чары…

Близок лес сердцу русского человека, хоть порой им и не постигаем. Во все времена года обращается человек к нему с молчаливым вопросом, и не всегда лес ему отвечает. Строго хранит он свои тайны, созидаемые веками.

Ещё лес копит в себе богатство, давая приют зверью и птице, переживает столетия не нарушаемой ничем тишины и думает своими неясными шумами. Он – величественное безмолвие, воскрешающее в душе мудрую печаль… Печаль по чему-то ещё не утраченному, но и не обретённому.

И вековечная тоска, и тихий свет радости, и несказанные тайны – всё это слышится в глубоком молчании нашего родного леса. Пробежит ветер по вершинам старых сосен и елей – и заскрипят могучие деревья, готовые помериться силой с непогодой. Шумит лесная крепь невиданными и вещими голосами, неудержимо влечёт к себе и навевает думы о том, что человек – сам сын природы, вырастившей его и лес.

Любимые с детства деревья говорят русскому человеку неизмеримо больше, нежели не совсем понятные ему горы и море. Только лес, дарованный как божественный сад, свыше, даёт ему истинное отдохновение. Кажется человеку, что лес оберегает его от лиха, в нём он ищет своё пристанище, к нему обращает свой пристальный взор.

Оказавшись под сводами деревьев, человек сразу ощущает удивительную благодать и покой. На него снисходит непередаваемое чувство соединённости с окружающим его царством. Даже какое-то умиление, западающее в сокровенную глубину души.

Крылатая народная молва говорит о лесе в самых любовных выражениях: «Лес – к селу крест, - гласит она, - а безлесье – неугоже поместье!» Не на чем глаза остановить человеку, если нет с ним рядом какого-либо дерева.

Там, где поднимаются ввысь деревья, душа человека воспаряет к небесам. «Был бы хлеб да муж, а лес никогда не переведётся!» - убеждает людская мудрость, принимая лес как нечто исконное и неотъемлемое от жизни. И ещё более убедительно и правдиво: «Возле леса жить – голода не видать!»

Лес в народе недаром слывёт садом Господним, дарованным для всех и про всякого: «Лесная сторона не одного волка, а и мужика досыта накормит!» Однажды в лесу родившись, ему приходилось и под кустом креститься, и вокруг него венчаться, да ещё пенькам молиться! «На что нам мякина с лебедой, -

замечал неприхотливый крестьянин, - когда сосна кругом: поскоблил – и брюхо набито?»

Он же, большей частью от щедрот лесных питающийся, часто приговаривал: «Лес богат, не то что наш брат!» Для мужика нелегко было прокормиться одним хлебом, и он обращал свой взор к лесу, где ему и обжорный ряд, и пушнина, и курятная лавочка.

Кто жил в лесу, словно омывался божественным светом, и, чувствуя его присутствие, добрел душой. Человек никогда не оставался перед лесом в долгу, а жил мудро. И на деревья глядел весело, ровно говорил: «Аль кому в лесу лесу мало?!»

Но только, по народной пословице, в лесу Бог лесу не уравнял, а в народе – людей! Растёт лес, не переставая, подтягивается, и становится человеку добрым подспорьем. Только какому-нибудь непутёвому, бестолково заплутавшему и отчаявшемуся в жизни, бросали: «Как в тёмном лесу». Видно, правду мудрость гласит: «Доброму человеку – любая травинка в надобность, худому – и дерево нипочём».

О бывалых людях, которые не представляли себе жизни без леса, было сложено такое присловье: «Соколу лес не в диво!» Были они по-особенному мудры и глубоки, наблюдательны и чутки, жили в согласии со своей душой и никому зла не причиняли. Достаточно им было для общения лесной тишины и покоя, всего, что обещала эта неиссякаемая природная кладовая.

Кто любил лес и знал в нём толк, мог обмолвится меж нерадивых людей и такими словами: «Беда не по лесу ходит, а по людям!» Загляните, мол, в себя, разберитесь в своих душевных зарослях, а уж потом и на лес пеняйте! Нет в сравнении с ним места на земле более достойного и близкого для русского человека. Из него ему надлежит, не уставая, черпать недостающие знания, чтобы не пришлось когда-нибудь в сердцах заметить: «Всё был лес, да лес, оглянулся – одно залесье!»

Благоговейное смирение просыпалось в душе русского человека при входе под своды леса, если он признавал его своим храмом. Но и для знающего человека ещё многое в лесу оставалось в лесу невысказанным. Под знакомыми уже издавна кронами деревьев текла необычная, стоящая особняком от человека жизнь. Там, в святая святых лесного царства, жила неувядающая тайна.

Должно быть, таинственность этого лесного мира и вызвала к жизни великое множество загадок обо всём, что связано с ним. Словно сердцем чувствовал русский человек чудодейственный лесной дух, и шаг за шагом приближался к нему. Ни малейшие подробности не могли ускользнуть от его зоркой души: чуял человек скрытое дыхание лесной силы и наполнялся ей.

По словам русской загадки – «Что выше лесу?», ничто не могло быть выше его, чем красное солнышко и ветер. А уж потом – тянущиеся к ним деревья… Но каждое дерево имело свою особенную жизнь, приуроченную к всеобщей жизни леса, и, конечно, крепкую привязанность к себе русского народа.

В русском лесу нет ничего, чему бы нельзя было не поклониться, и потому мне до глубины души жаль наших исковерканных, выщербленных лесов, которые

слагали и, несмотря ни на что, продолжают слагать родную для всех нас русскую красоту. Жаль так, что хочется плакать навзрыд, ибо не вернёшь эту первозданную дичь и глушь, те сказочные уголки, которые ещё недавно тешили душу, воспитывали её своей неописуемой потаённостью, звали в дальнюю дорогу. Нет их теперь, почти не осталось, но память жива.

Жива она тем, что всё-таки успел человек кое-что увидеть, и по этому малому и старинному, когда-то открытому им знанию, потихонечку воссоздал картину прошлого. Какой дремучей и радостной предстаёт она мысленному взору, какой желанной и близкой для памятливого несгибаемого сердца! Веки вечные стоять бы этой первобытной чаще, а человеку учиться у неё истинной жизни!

Но верится, что не кончилось ещё древнее царство лесов, как не изменилось к нему глубокое сердечное чувство русского человека. След и того и другого, хочется думать, неискореним.

Мир тебе - родной русский лес! Пребывай веки веков в крепком здравии, пусть не затронет твоих могучих дерев незаслуженная ранняя кончина, пошумишь ты ещё своими раскидистыми вершинами не один десяток лет, ублажая душу человека голосами птиц, свивших себе в них бесчисленные гнёзда, порадуешь неописуемой волей и красотой, навевая неприкаянные, но прекрасные мысли. Я с тобой, живи светлым покоем своей тёмной дремучей души.

Первая часть. Дух деревьев

Хоть сон и милее отца с матерью, говорили в народе, но иной раз не можешь никак уснуть, не досыпаешь ночами: заботливому человеку и сон не в сон. А вот деревья каждый год засыпают надолго, на всю зиму: кажется, забылись навечно. Какими снами убаюкивают себя они, в чём находят успокоение? Глубокими кажутся их непробудные сны, или, быть может, они очень чуткие?

Ещё в народе велось такое знание, что сон, на самом деле, не богатит, но это не может относиться к деревьям. Сон для них - что богатство: чем больше спишь, тем больше хочется, и копят они в нём недостающие для жизни силы, что определяют будущий весенний рост. Сон им самим Господом на душу положен, а значит, сладок и благостен.

Именно поэтому, наверное, зимой лес живёт особенной мудрой жизнью. Словно подаёт весть неведомому и всевышнему лесному духу, что следит за каждым его вздохом. В эту пору, как никогда, видно, что состоит лес из разных деревьев, и они будто приготовились к зимней сказке.

Но зима уравнивает в себе все деревья, когда они пытаются сохранить своё лицо, и деревья неустанно и молчаливо пленяют сердце зимы, чтобы она была к ним благосклонна. Под сенью леса как будто пробуждается невидимое движение, одним, еле уловимым дыханием касаясь пришедшего туда человека, и неумолимо захватывает его с собой.

Вот и зимнее молчание деревьев исполнено множества звуков, и они ещё более таинственны, чем летом. Родившиеся в глубине зимы, звуки эти помогают человеку хоть одним глазком заглянуть в великую книгу природы, казалось бы, наглухо захлопнутую на зимних страницах.

И вековечная тоска, и тихий свет радости, и несказанные тайны - всё это слышится в глубоком молчании родного заснеженного леса. Пробежит ветер по вершинам старых сосен и елей - и заскрипят могучие деревья, готовые помериться силой с зимней непогодой. Шумит величественная лесная крепь неизведанными и вещими голосами, неудержимо влечёт к себе и навевает думы о том, что человек - сам сын природы, что вырастила его и лес.

Близок лес сердцу русского человека, хоть порой им и не постигаем. Во все времена года обращается он к нему с молчаливым вопросом, и не всегда лес ему отвечает. Строго хранит он свои тайны, созидаемые деревьями.

Оказавшись под сводами деревьев, человек сразу ощущает удивительную благость и покой. На него снисходит непередаваемое чувство соединённости с окружившим его лесным царством: даже - какое-то умиление, западающее в самую сокровенную глубину души.

Любимые с детства деревья говорят русскому человеку неизмеримо больше, нежели не совсем понятные ему горы или море. Только лес, дарованный, как божественный сад, свыше, дает ему истинное отдохновение.

Кажется человеку, что лес оберегает его от лиха, в нём он ищет свое пристанище, к нему обращает пристальные взоры.

Когда деревья засыпают зимой, они кажутся совершенно безжизненными: меж ними - благотворная замкнутость и покой. Не зря и у людей завелась пословица: сонного леса не буди - счастье зимы его нашло и захватило. Но именно зиме суждено выпустить лес из своих объятий: только когда это будет?

Зелёные грезы и видения слабо отражаются в забывшихся на всю зиму деревьях, и они будто не видят и не слышат. Сонный лес, что мёртвый: ни за что не поверишь в тлеющую в нём жизнь. Ему только подавай больше снега, чтобы стало ещё уютнее и теплее, и позабыл бы он про всё, не слыша шороха перебегающих в ветвях белок, не ощущая приятного порхания неугомонных синиц.

Неспешно думают свою неведомую думу замершие деревья, и самые величественные из них - сосны. Мысли сосен затерялись в высоких кронах - никак с земли не распознать. Ели стоят нахмурившиеся, седые, будто обиделись на сковавшую их движения зиму: что-то не доделали они, видимо, в своей укромной жизни, не успели. Берёзы нелепо распростёрли ветви в морозной тишине, и, кажется, не ведают, куда их девать. Осинки же чуть слышно переговариваются меж собой, на что-то ненавязчиво ропщут.

Каждый здесь живёт своими сомнениями и неспешным чередом. Ничто не может помешать раз и навсегда устоявшемуся зимнему порядку. Только ветер врывается сюда незваным гостем, и похожие с виду деревья начинают вести себя по-разному.

Сильные деревья, достигшие зрелого возраста, как будто подбираются в себе и выглядят несгибаемыми. Те, что поменьше и не в состоянии сопротивляться настырным порывам ветра, затевают вместе с ним жалобные вскрикивания. Совсем маленькие остаются для всех неприметными, и жмутся к тем, что покрепче, прося у них защиты. Старики же изо всех сил стараются переносить невзгоды достойно: им, как никому из деревьев, приходится трудно, и они скрипят и стонут, словно кляня свою уже давно безрадостную судьбу.

Задумаешься тут о духе, сокрытом, несомненно, в каждом дереве. Бесплотный житель недоступного нам мира, он невидим, но всегда ощутим. Относя слово «дух» к человеку, мы разумеем его душу, а в ней — высшую искру Божью, ум и волю, стремление к Всевышнему Отцу. То же присуще и деревьям, ещё более, чем человек, приземлённым, но и убегающим в бесконечную небесную высь.

Есть духи злые и добрые, самые светлые из них вошли однажды в деревья. В их телах они обрели ещё большую чистоту и мудрость. И тогда через них на человека стали снисходить благодать и вдохновение, сила его души укреплялась и постигала собственную неограниченную самостоятельность, постепенно отвоевывая себе будущее милосердие и доблесть. А деревья не переставали полниться духом той самой,

непревзойденной никем, божественной кротости: от неё и вырабатывается их размеренное, обогащающее всё живое дыхание.

Переводят дух деревья только с началом весеннего течения сока, и ещё, наверное, после сильного ветра, что, разбушевавшись, грозит надломить их. В суровую же зиму дух дерева так заложит снегом, что оно и не ведает, живо ли ещё? Но всегда в каждом дереве видится искра Божья. Так хочется думать.

В каких-то деревьях - дух вольный, в других - будто умеренный жар в печи, а в некоторых - худой, еле испускаемый. В молодых деревцах он весь направлен к свободе. Ещё бывают деревья, что горят духом, словно исполненные какой-то неизбывной ревности к самой жизни. Впрочем, присуще ли подобное деревьям?

Есть деревья покорные, тихие, они с каждым человеком ровно на духу исповедуются… Невозможно не заинтересоваться таким деревом, проходя мимо. Остановишься, бывало, рядом с ним, и впитываешь его робкие душевные наставления: верится почему-то, что дерево рано или поздно наберётся духовной смелости, и в полную силу заявит о себе.

Порой встречается дерево-душка - всё светящееся, радостное. Само не грустит, и другим печалиться не даёт. Остальные деревья, кажется, даже зависть берёт - какое оно приятное, да удачливое. Сами того не замечая, они тянутся к нему, привечают. А то только ещё веселей становится: чужими радостями и горем полнится, всё ему нипочем!

Нередко попадаются в лесу даже деревья-оркестры! Повсюду снега укрыли землю, с остервенением задувают вьюги, а они переговариваются меж собой на доступном только им мелодичном языке, неторопливо настраивают свои невидимые инструменты и тихонечко играют.

Эти деревья не так уж трудно разобрать в зимнем лесу. Достаточно остановиться и немного послушать: сразу различишь непрекращающуюся чудесную мелодию. Идя к ней, ты непременно набредёшь на вдохновенных музыкантов.

Некоторые деревья умудряются издавать чуть ли не духовную музыку, и выглядят от этого по-особенному торжественно. Они не напыщенны, а только необыкновенно приподняты в себе. Их духовые трубы льют над лесом неподражаемую песню, и ветер может поучиться у них волшебным нотам. Как отдыхает душа, соприкасаясь с этим звуковым потоком, что медленно наплывает, проходит сквозь тебя и уносит с собой твою неясную печаль!

А бывает, забредёшь в какую-нибудь мелкую рощицу - ни слуху, ни духу. Всё, как будто, вымерло, только неясные тени рассеянно переговариваются меж собой. К концу зимы жизнь здесь, кажется, вовсе замирает…

У деревьев же, с нанесённым им кем-то ранением, от переживаемых неведомых мучений дух захватывает. Всё в них изнутри скукожилось, будто кто опять вот-вот топором по ним хватит. Не переводя дух, стоят такие деревья в отрешённом оцепенении: кто им, кроме их самих, поможет?!

Но хоть духовное родство и пуще плотского, человек ненадолго около них задерживается. Его всё больше притягивают высокоствольные деревья, сильные, рядом с ними ему тоже хочется подумать о чём-то высоком. Им отдаёт он своё нерастраченное внимание, принимая за духовного отца, и будто исповедуется. Кто бывает на духовной исповеди - знает, каким подходящим для этого оказывается стройный лесной бор.

Благоговейное смирение просыпается в душе русского человека при входе под своды леса: он всегда признавал его своим храмом. В высоких и сильных деревьях, как нигде в природе, видна духовная крепость. Своим ростом и красотой они будто оставляют законно составленное ими завещание на случай предстоящего ухода: заблаговременно оговаривают могучее волеизъявление, подтверждая, тем самым, великую благожелательность ко всему живому и несгибаемый дух.

Дух деревьев - и в них, и повсюду. Он очищает собой лесной воздух, что слагается из еловых, сосновых, берёзовых, и ещё многих других душевных испарений. Как сложен он и, в то же время, прост, даже – ценен. Над ним невидимо работает весь ОТЕЦ-ЛЕС, и человек не должен пренебрегать им, ибо именно от дерева переходят к нему в лесу сила, любовь и верность. Ведь его корни - это связь с родной землей, а ветви тянутся к породившей всё живое Божественной Вселенной.

БЕРЁЗА

Едва ли не более всех прочих деревьев завоевала к себе любовь народа белоснежная берёза. Берёза любит обилие света, тень других деревьев угнетает её. Поэтому она стремится держаться одним белоствольным семейством-рощей, пронизанная насквозь свободой, не застоявшимся воздухом мимолетных и чудных дуновений. Ель же, несмотря на свою скрытность, тянется к общению и, как незваный гость, надоедает берёзе. Появившись однажды под её пологом, ель постепенно вытесняет берёзу из её собственного дома.

Берёза незлобива, и скоро прощает ель. Она, вообще, не терпит какого-либо душевного расстройства, и всегда остается благородной. Даже древесине её не свойственны гниль и косослои: берёза лишена присущих другим деревьям пороков.

Не страшится берёза и сырости, она стойко её в себе переживает, и никогда не жалуется. Даже в зимние метели, когда снегу наваливает много, и он пригибает берёзку к самой земле, ей, наверное, страсть как хочется распрямиться, но она покорно и кротко ждёт весеннего пробуждения. Не таит береза злой памяти на зиму, а безропотно, с достоинством её принимает.

Ещё берёза очень добра, и всегда всем помогает. Одним она мир святит, другим - крик утешает, третьих - от болезни исцеляет. Кто, как не берёза, для каждого чистоту блюдёт, а кому-то и душу согревает. Нет ничего

худого в этом дереве - от него русскому человеку только польза и удовольствие. Больных на Руси не зря отпаивали берёзовым соком.

На Семик – один из важнейших обрядовых праздников восточных славян, его ещё называли «Зелёными святками», девушки шли в лес и завивали берёзку венком. Когда распускалась берёза, по древнему обычаю принято было крестить кукушку, прилёт которой олицетворял начало новой жизни. Девушки менялись при этом крестиками, приветствуя её и будто оберегая своею заботою, ходили хороводом вкруг наряженной лентами берёзки, принося её потом в деревню.

Так на Руси чествовали берёзу, как символ женского начала, вернее – саму жизнь. Берёзу считали воплощением жизненной силы и чистоты, а так же покровительницей девушек.

Даже при наказаниях берёзкой сказывали о ней в народе с обаянием, что свойственно этому милому дереву, любовно. Родная матушка-берёза ума давала тому, кто хотя бы однажды попробовал её розог. Оттого и велась пословица, что накормить берёзовой кашей – значит, постегать веничком из её ветвей, на добрую память.

А ещё говорили: сослали в Сибирь берёзки считать. То есть, за какую-либо провинность, отправлен по большой дороге на каторгу. Не ёлочки с сосенками, а именно белые берёзоньки…

С выпавшим снегом берёзовые рощи удивительно вытягиваются, становясь ещё более лёгкими, воздушными. Кажется, подует сильнее ветер - и поплывут белые стволы в бесконечное зимнее небо. Даже в еле приметный ветерок ветки берёз внятно отзываются на его прикосновение, будто их кто заботливой рукой перебирает, причёсывает.

Зимой берёзовый лес терпеливо томится ожиданием. Тишина полнит им воздушные стволы, и в душе невольно рождается доброе чувство. Свободно стоят заснеженные деревья, без какой-либо натуги копят в себе будущую радость.

Глядя на берёзы, понимаешь, что у каждого дерева есть своя жизнь, душа и сновидения, и у березы они, наверное, белые, воздушные и лёгкие. Стоишь среди берёз и, кажется, что легко можешь заглянуть в их тайну.

Берёзовые сны реют в верхушках деревьев, уносятся в бездонные небеса, а может, вьются невидимой дымкой среди воздушных стволов, нигде особо не задерживаясь. Ближе к весне берёзовые сны почему-то представляются выломанными из луж тонкими льдинками, через которые мы в детстве разглядываем облака.

Увиденный через такую льдинку пейзаж от этого медленно струится и тает, постепенно становясь прозрачным. Берёзы очень легковесны, и порой кажется, что они растворяются в своих снах. Даже зимой не покидает ощущение, будто деревья расправляют невидимые крылья.

Свои сны берёзы могут воплощать в жизнь. Увидишь в морозный солнечный день на горизонте сиреневую кайму в их верхушках - знай: это

трогательные полунамёки того, что изведало дерево во снах. А может быть - его трепетное предчувствие скорой весенней поры…

Зимний воздух словно соткан из лёгких берёзовых переживаний, и иногда деревья путаются в них, как в сладких и желаемых тенётах. Когда же на заснеженную землю наваливаются свинцовые облака, редкое солнце радостно высвечивает яркие странички их внутренней прекрасной жизни на сдержанном и строгом фоне унылой зимы.

Всю зиму копит берёза в себе живительные соки и откровения, чтобы затем поделиться ими с человеком. Наполненная светлой музыкой своих волшебных снов, упрямыми завываниями северного ветра и приятной тяжестью белотелых снегов, она не в состоянии породить чего-либо неуместного. Сам цвет её и белоснежная свежесть родятся из матушки зимы, что хранит для всего живого ещё много хорошего и неизвестного.

Белая кора - это надежда для всего живого, необъятная тайна будущих перевоплощений и открытий. Это первозданный холст созидательницы природы для искусного художника, возжелавшего дотянуться до правды. И, конечно, самая чистая и чудесная посуда - это посуда из бересты.

Слово «белоснежная» приходит на ум почему-то именно в отношении к берёзе. Она - самое зимнее и привольное дерево, и её хочется видеть всегда.

Берёза не утомляет взор, сколько бы ты на неё ни смотрел, а лишь окрыляет его. Поднимаясь к небесам, взор не оставляет растворяющиеся в них верхушки, и как будто забирает с собой. Так берёза попадает в бесконечность.

Берёзу никогда не спутаешь с другим деревом, пока она жива. Поклоняясь её чистоте и нежности, ты будешь долго хранить в сердце волшебный образ берёзы. Будто невинная и прекрасная девушка одарила тебя проникновенным взглядом, от которого ты никак не можешь отойти и забыть его. Он преследует тебя всюду, не даёт успокоиться, и ты сладостно улетаешь с ним в бескрайние дали своего неистраченного воображения.

Стройная и немногословная всегда скромно стоит берёза перед тобой, где бы ты ни был. Пусть судьба заносит тебя в дальнюю сторону - берёза и там будет заботливо помахивать над твоей головой своими добрыми ветвями. Ничто не может взволновать сердце так, как её материнское внимание и ласка!

Зимой берёза как будто просит извинения за то, что прекратила на время дарить человеку своё признание и надежду, оставила его без своей опеки. Очень хочется берёзе осенять мир людей рождающимся в ней светом, и она несколько стыдится охватившего её оцепенения.

Но на самом деле внимание берёзы не умирает. Стоит только отправиться в лес и подойти тихонько к приглянувшемуся дереву, осторожно и бережно обнять его, и ты обязательно почувствуешь берёзовое тепло: дерево словно засветится им изнутри. Не зря из всех деревьев русского леса дороже всего нам именно берёзка: сердечнее и чище её никого из деревьев не отыскать.

Клейкой нежной листвою одевается она по весне, и кажется, будто плывёт над землёй проникновенный зелёный дым. Молодые берёзовые листочки словно ластятся к пронизанному чистотой воздуху, кружат голову своим душистым дыханием. Из каждой надломленной веточки каплет на землю живительный сок, и она ещё более пробуждается, покрываясь шелковистой свежей травкой.

Идёт по земле весна, а наши берёзоньки - её добрые провозвестники, что знаменуют своим дружным хороводом будущую радостную жизнь. Недаром в народе пословица ведётся, что и соловей начинает петь, только когда напьётся росы с берёзового листка!

ОСИНА

Если тебе однажды вдруг захочется ощутить на себе неподдельную теплоту, обратись к осине. Нет в нашем лесу дерева более мягкого и чистого. Плотью своей жёлто-белая и лёгкая, осина свободно впитывает внимание, что ей выказывает человек, и так же спокойно его ему отдаёт.

В сравнении с другими деревьями осина требует к себе весьма деликатного обращения. С виду не царевна, она всегда оказывается благородной; помогая же кому-то в беде, поражает простодушием. Несмотря на недобрую славу, что бытовала о ней в народе, осина достойно держит себя в лесу, ничем худым, на самом деле, не запятнана.

Осина очень дружелюбна... Её стройные стволы с зеленовато-серой корой вверху и пепельно-серой внизу можно увидеть рядом с любым деревом. Не гнушается она соснового, елового и липового соседства. Ко всем одинаково радушно относится, никого не выделяет.

Но, всё же, больше любит осина оставаться в окружении своих подруг и близких родственников. Тогда у неё на устах появляется мягкая улыбка, веет от осины радушием и простотой. Осина, действительно, будто тепло излучает, и от того на душе становится хорошо и покойно.

Кажется, что осинники всегда насыщены этой неброской добротой, в них удивительная мягкость линий и света. В осинниках никогда не надоедает быть, несмотря на их видимое однообразие, и даже если станет тебе в лесу скучно, раздражения они не вызывают. Гладкие, сизовато-зелёные стволы будто взлетают к небу, и там плавно растворяются.

Везде растёт осина, потому как непривередлива и скромна. Уживётся на любой почве, потихоньку наводя вокруг необходимый порядок. Раздосадованную душу успокоит, отчаявшуюся - подбодрит. И делает это незаметно, с любовью.

Задумаешься, глядя на её доброхотство, о скрытой внутри дерева горечи. Так ли у неё все ладно? Ведь недаром в народе пословицу сложили: «Одна ягода — горькая рябина, одно дерево — горькая осина!»

Может быть, в глубине себя осина переживает чьи-то неурядицы и горе, хочет поскорее мир лесной от них избавить? Никому неведомо, до чего

ей трудно приходится: осина никогда своей боли не выказывает. За то её горькой осинушкой, наверное, и прозвали.

Да, видно, нацепив на себя чужие грехи, осина для многих ещё и проклятым деревом стала. Издавна передаётся людьми поверье, будто Иуда на осине удавился, и с тех пор на ней лист дрожит. Ещё про осину говорят, что под корой у нее кровь.

Только её красная кожица, принимаемая людьми за кровь, есть боль осины, что дерево ото всех тайком бережёт. Боль оттого, что негодных борзых и гончих на ней вешали, да её колом вурдалакам грудь пробивали. И зачем ей участь такая несправедливая выдалась, во имя какой невысказанной правды?

Как заслышит осина людской плач о том, что кто-то намеревается удавиться на горькой осинушке, на самой её вершинушке, так задрожит вся листом: ровно жалобится на свою судьбу. Хочется ему, видать, с самим собой пошептаться, и дерево не перестаёт искать утешения в самом себе. Горечь невыплаканных слез и печаль осиновых откровений, видимо, не может не отразиться на жизни дерева: осина и без ветра шумит!

Все деревья представляются живыми существами, а осина – как никто: листочки её даже в тихую погоду не перестают дрожать. Но отчего такое происходит? Всё дело - в черенке каждого листа, устроенного у осины на особинку: он не круглый, как это заведено у других деревьев, и имеет несколько граней, поэтому постоянно и находится в движении, то есть – крутится.

Несведущие люди привыкли видеть в этом нечто таинственное, даже – гнетущее, связывая необычное «поведение» осинового листочка с какой-то дьявольской сутью, заключённой в осиновом дереве, но что спросишь с нелюбознательного человека? Он не желает понимать мир, что нас окружает, не замечая его прекрасной божественности.

А осина – мила и прекрасна, как и всё, созданное Божественным Мирозданием, и глупо было бы не обращать на это чудесное дерево внимания. Не зря даже в погожий день листочки её ласково шепчутся – шу-шу-шу, шу-шу-шу, отчего на душу ложится необъяснимая отрада и отдохновение. Хочется и тебе в лесу с кем-нибудь пошептаться, поделиться своей сокровенной радостью. А это – милая осинка незаметно тебя на доброе настроение надоумила, и как её за то не поблагодарить: ладило бы всё в жизни на осину!

С осиной было не поспорить, она оказывалась последним мерилом здравого смысла. Заколоти в него хоть осиновый кол – он всё будет говорить: соломинка! Если уж осиновое на кого-либо не влияло, почитай – делу аминь, остаётся бить баклуши, что опять же из осинки вытёсывались. Вот меж людей и велось: ты ему - про дубовый, а он своё – осиновый крепче!

Осина достойна самого доброго отношения, она – помощница многим животным нашего волшебного леса. Сладка осиновая кора бесшабашным зайцам, что с удовольствием поедают её всю зиму. Целые тропы с полянками

вытаптывают они у поваленных в бурелом деревьев, до белизны снега изгладывая их тоненькие верхушечки.

Нравится зайцам припрыгивать между ними лунными ночами, и их следы оживляют однообразие застывшего в снегу осинника. О присутствии зверьков напоминают ещё и аккуратные орешки помёта, в обилии оставленные ими на снегу. Глядя на них, ты представляешь, как зайцы радовались всему, что несёт с собой укромная зимняя жизнь, и, наверное, ничего более не желали.

Не спросив на то разрешения у осины, заготавливают её на зиму неутомимые бобры. Перегрызают начисто толстенные стволы, что загромождают реку, а потом отделяют от них сучья. Там, в своих укромных и уютных хатках, они будут питаться осиной долгие зимние месяцы, не зная ни в чём горя. Долго не гниющая в воде, осина сохраняет бобрам на всю зиму недостающее тепло.

Лакомятся неказистой осинкой в зиму и лоси. Выбрав деревца, что моложе и нежнее, да где к ним удобный подход имеется, они надолго замирают возле них, пока не насытятся. Осинники в эту голодную пору для лосей — излюбленное место, и они неохотно его покидают.

Если присутствие зайцев осинкам лишь чуть докучает, то соседство таких величавых животных, как лоси, порой повергает деревья в отчаяние. Им изрядно достаётся от этих лесных великанов, что только за один день поедают до пуда осиновой поросли, и деревца в присутствии зверей безропотно и отрешённо замирают. Лосям до этого нет никакого дела.

А в дереве копится неумолимая горечь: осинка из-за того невыразимо страдает. Но не озлобляется дерево за это на животных, потому как понимает: не прожить им без осинового корма зимой.

Всю свою невидимую заботу отдаёт осина и человеку. На осину заговаривали лихорадку и зубы: вырезали кусочек из коры, приговаривая – во имя Отца, и Сына, и Святого Духа, тёрли им дёсна до крови, и прикладывали его опять на своё место. Коли ноги сводит, то осиновое полено в ноги – самое верное средство, а от головных болей – в голову.

А ещё примечали: осина в серёжках – то есть, богато цветёт, будет урожай на овёс. Полетел в августе пух с осины – спеши за подосиновиками. Листья падают с осины чисто – к урожайному году. Без осинки в народе никак было не обойтись!

Более всего осина на Руси шла на резную деревянную посуду, за что и прозвали её баклушей. Очень подходило ей это название, сочетающее в себе мягкий стук и плавность линий, не глубоко скрытую гибкость. И, конечно, простоту, с коей осина относилась к человеческим помыслам в свой адрес: мол, всякому доступна я и светла, коли решишь взять меня на любое ладное дело.

В тех местностях, где хлеб не родился, а промышляли ложками и чашками, говорили: «Живы ельничком да осинничком». Из осины ладили на разную надобность лукошки и гнутые короба, мастерили лодки-долблёнки, а

из прутьев плели корзины. Обыкновенное осиновое полешко и то не пропадало даром: его клали в бочку с квашеной капустой, чтобы та не перекисла.

В конце зимы, когда снег начинает быстро осаживаться под ласково играющим солнышком, мужики по деревням начинают рубку дров. Весело, с мягким стуком разваливаются аккуратные чурбаки, и чаще всего среди них попадаются осиновые. Так и хочется тотчас подойти и потрогать эту прохладную белизну, ощутить рукой приятную тяжесть осиновых поленцев. Ровные, не сучковатые, податливо ложатся они под размеренно взлетающим топором. Одно удовольствие смотреть на такую работу, а ещё лучше — колоть самому.

Без особой жалости сжигает человек осиновые поленья, на что они, быть может, и созданы. Легко воспламеняясь, дрова горят спокойным и не коптящим пламенем. Не отрываясь, смотришь в открытую печку на их ровный огонь, и перед глазами поднимается стройный осиновый лес, пожухлый лист и степенные глухари, замершие в его ветвях. Сладко и дремотно становится на душе, по-хорошему печально.

Вспомнишь тут, что семена осины очень быстро прорастают - буквально через несколько часов после того, как рассеет их дерево. Но нежным веточкам только что взошедшего растения ещё суждено пережить нелёгкую зиму: настойчиво гнетёт к земле и калечит их мокрый снег, ломает порывистый ветер, заносят жестокие метели, не многие из них дотягивают до весны.

Вот почему осина, в отличие от других деревьев, приноровилась размножаться корнями. Все мелкие осинки рядом со своими родителями поднимаются на их корнях, и порой образуют значительные по площади заросли. На одном материнском корне может обосноваться с десяток, а то и больше, отпрысков, что будут тянуть свои ветви к свету на общую радость.

Всем оказывается хороша и угодна осина, и в переживаниях своих она постепенно накапливает в себе стойкость. Даже давно срубленная и выделанная в доски, она очень долго сохраняет белизну, совсем не поддаётся червоточине и, главное, остаётся равнодушной к сырости. Недаром колодезные срубы, купола церквей, часто подвергающиеся воздействию влаги, да бочки с ушатами изготовлялись только из неё.

Стойкость и неувядающую красоту несёт в себе осина. Всеми цветами радуги тешит глаз в сентябре, удивляет своим таинственным поведением в тепло, когда дрожит всем листом, и не разочаровывает весною. Ради других страдает, во имя добра живёт.

Даже зимой от нее польза: греет, кормит, лечит. И еще ненавязчиво предостерегает человека, чтобы он, воспринимая деревья, как живые прекрасные существа, не забывал и свою жизнь так же красиво ладить, иначе не миновать ему известного в народе проклятия.

ЕЛЬ

Вряд ли можно отыскать человека, равнодушного к такому чудесному дереву, как ель. Всякому оно известно с детства, которое немыслимо без пушистой, дышащей хвойным жаром красавицы, празднично сверкающей волшебными огнями в углу дома. Только за ней, так сладко пахнущей лесом, чудились сказочные волки с аметистовыми глазами, никогда не унывающие и кроткие зайцы, и невероятно тревожащие душу синие тени, растворяющиеся в таинственной и глубокой чаще. Всё это содержала в себе именно ёлка, как никакое другое дерево располагающая к лесному уюту.

Ель такое дерево, что о нём хочется говорить и думать бесконечно. Любимое с детства благодаря не только новогодним праздникам, но и русским народным сказкам, красочным книжкам о волшебном лесе и всегда с удовольствием воображаемому нахождению в нём, с присущим только ему незабываемым хвойным ароматом, оно имеет к себе особое отношение людей. Присутствием этого любимого всеми дерева пронизано существование каждого русского человека. Ель близка сердцу всякого, кто не мыслит себя без нашего сказочного леса, она поистине народное дерево, и, конечно, не может быть не любимо.

Ель, пожалуй, и самое обаятельное дерево на Руси. Оно, действительно, какое-то особенное, не похожее ни на кого и более всех людьми примечаемое. Словно живёт в нём лесной бог - старичок-еловичок, сказочник и затейник, что со зверьми и птицами на их языке разговаривает, да про каждого вступающего в лес главную его тайну тотчас узнаёт. Хочется поскорей к нему в гости отправиться, и ты ждёшь в нетерпении этой встречи, наслаждаясь рождественскими ночами еловым духом хотя бы у себя дома.

Встреча с ёлкой непременно должна состояться в жизни всякого человека. Только не в доме, ухоженном и обогретом, со сверкающими бенгальскими огнями и в свете свечей, а в лесу. В той самой сказочной чаще, что занимает с детства наше воображение, пугает его и тешит, влечёт к себе непрестанно, чарует. Именно в этой лесной чаще должно состояться свидание человека и дерева: несомненно, ему уготовано привнести в жизнь человека что-то очень важное и дорогое.

Человеку надлежит отправиться туда непременно одному. И знакомство со сказочным деревом должно произойти, конечно, не сразу, а постепенно. Как будто даже помимо воли самого человека, чтобы дерево только присутствовало рядом, постоянно излучая свой чудесный аромат, и ненавязчиво вливалось в его душу.

Может так получиться, что в лесу человека околдуют иные тайны... Захочется ему вдруг взметнуться над лесистыми гривами одиноким и гордым ястребом, представить себя каким-нибудь невиданным зверем или позабыть обо всём на свете перед неизведанной хвойной чащей: чем чаще лес, тем крепче с ним дружба. Ни за что не передать этого ощущения, когда ты сталкиваешься с лесными чарами.

Да только не миновать человеку в его лесных устремлениях елового прикосновения. Чутко живёт на страже лесного мира неувядающее дерево, не пропуская мимо себя человеческого внимания. Дерево будто ждёт его, а взлелеянное любознательным присутствием человека - всё раскрывается, одаривая своей дурманящей тайной.

Тронув рукой пушистые веточки, человек вдруг ощутит в себе какое-то особое чувство, за что тотчас поблагодарит дерево, и как будто успокоится душой. Взглянет на шероховатую кору ели - и не уколется сердцем. Потом посмотрит на тугие сучья, густую хвойную бахрому и разомлеет от ощущения, что прикоснулся к чему-то родному.

Что-то необъяснимо прекрасное воцарится в нём, и ещё - очень глубокое, без чего ему никак не обойтись. Захочется человеку разделить с деревом свою радость, а оно, оказывается, и по-человечески понимает...

Слушает внимательно, в такт твоим мыслям разлапистыми ветвями покачивает. Мол, высказывай всё, что на душе накопилось, и ни о чём не тревожься: я тебя терпеливо выслушаю. И такая в нём сразу мудрость откроется, что даже занемеет всё внутри от этого невероятного откровения. Неужели, думаешь, на подобное обыкновенное дерево гораздо?!

А дерево не насмехается, прямо в тебя смотрит: текут ещё дальше и глубже его еловые душистые мысли. Ни уютным это дерево не назовешь, ни укромным - разве чуть притаившимся для какой-то внушительной лесной работы, благодаря которой копится неисчислимое природное богатство. Еловые кряжи несгибаемо несут его на своих плечах, не ропщут.

Кажется, что ель бывает одинаковой во все времена года, как бы ни играли вокруг неё яркие краски осени, по-весеннему оживлённо ни вспархивали в ветвях прилетевшие кукушки, ни окутывал твоего внимания душистый жар густого елового облака летом, а зимнее безмолвие ни сковывало её в своих суровых объятиях. Ель остаётся всегда одной и той же, может быть, только зимой ненадолго изменяя своё настроение, когда в ней начинает проглядывать умудрённость от прожитых лет.

Размеренно шумят её заснеженные верхушки, будто и не спали в долгие безлунные ночи. Зимний ветер не прекращает заунывно выдувать в них томительную для души музыку. Не хочется оказаться в такую погоду старой елью, хоть и несгибаемой, но гнетомой.

Тогда начинает казаться, что из всех деревьев, что встречают в лесу лютую зиму, ель - самое раздосадованное. Порой она так сопротивляется настырному ветру и сердится, что вот-вот надломится в себе: кажется, не выдержать ей его остервенелого напора. Старость – не радость, а горб – не корысть.

Но большей частью ель в зимнюю пору стоит присмиревшей. Осинки с берёзками уже мелкую дрожь зубами выбивают, могучие сосны недовольно кудрявыми кронами покачивают, а она всё помалкивает. Ей, видать, не зябко и не колко в студёное время думы свои потаённые перекатывать, и ёлка ни о чём, вроде бы, не тревожится.

Сколько добрых пословиц мы знаем про ёлку! Наверное, ни одно дерево на Руси не удосужилось такого внимания со стороны народа, как ель.

«Ёлка чище метлы дом подметёт!» Или так: «Как хлеба край, так и под елью рай; а хлеба ни куска, и в тереме тоска». Когда желали получить ответ, задавали вопрос: «Ель, аль сосна?» То есть, «да» или «нет», где именно «ель» значило «да».

В России издавна любили ёлку. Древние люди верили, что в ели живёт дух леса – хранитель зверей, птиц и растений. Воздавая почести этому дереву, украшая его под Новый год, люди старались умилостивить этот дух. Ещё они видели в ели символ вечной молодости и силы, веря, что она никогда не увянет.

Замечали, что коли выпадет кому судьбой изба елова, зато сердце в ней будет здорово. Добрую, да статную хозяйку на деревне величали незамысловато и просто – красивая, как ёлка, а худую, да нескладную – колючая, как иголка. Ну, а ежели Новый год у ворот, то во всех избушках – ёлки в игрушках! Вот и за море хаживали не только за лучшей долей, но и по еловые шишки.

И хоть еловым веником не парятся, и сколько ёлку не щипли – яблочка с неё не будет, а только – шишка, но если приведётся в лесу бедовать, то найдёшь келью и под елью. Как говорится: и на ёлку бы лез, и ног бы не ободрал! Одним словом, иди в родной край, там и под ёлкою рай.

«Вековую ель рубить нельзя – к неприятностям», - наставляли старики. Понятное дело, что уважение и почёт необходимо выражать ко всем ценным и достойным вещам, иначе – не миновать Божьего суда, и, конечно, подобное отношение можно было отнести к любому дереву, дожившему до старости, но в народе оно родилось именно к ели, как дереву самому близкому и дорогому.

Когда не ладилось какое-то дело, вспоминали не осиновые, берёзовые или липовые, а еловые палки. «Ёлки-палки!» - восклицал в народе и досадуя, и удивляясь, и восхищаясь. А иногда – в сердцах, не находя приходящего на ум крепкого словца, и выходило это не ругательно и не обидно, скорее – с лёгкой иронией. Вроде, были поначалу пушистые и пахучие ёлки, а теперь – одни палки, да иголки. Но – еловые!

По деревням за первые дрова почитались берёзовые и осиновые, их обычно принимались колоть по весне, но в поговорках не забывали упомянуть и ель с сосной, что были те же дрова, как и оладьи с блинами та же еда. Иной раз приговаривали и на такой манер: «Ельник да березник, чем не дрова, хрен да капуста, чем не еда!» Но суть от этого не менялась: без родной сердцу ели русский человек не представлял своего существования.

Какой-нибудь пустомеля, бывало, с пренебрежением обронит: «шёл еловым лесом, а дров не видал!» И верно, еловые дрова – не самые горячие, жар от них не долгий, горят они с треском, что, по заверению знатоков, нещадно крушит кирпич, но и то правда, что на печной огонь никаких дров не напасёшься! А еловое полешко к полешку – и, глядишь, дрова, когда же

ни дров, ни лучины, то не жизнь, а кручина. Русский дровяной край был не только берёзовый, но и еловый!

Не зря меж людей велось ещё такое присловье: « ель не сосна – шумит неспроста». Да только отчего бытовала такая примета именно о ели? А дело в том, что ель шумит из-за ветра, что её колышет, сосны же сами, благодаря своему высокому росту, тихонько раскачиваются. Казалось бы, невелика разница, но наблюдательный русский человек никогда не оставлял без внимания окружающий его мир, и дорогое ему дерево – ель, входило в его жизнь на каждом шагу.

Часто можно слышать, что из-за лесу, мол, дерева не видать, и всякое дерево – ёлка ли, берёза с липой, либо та же ольха, погоды не делают. Но нет такого дерева, чтобы на него птица не садилась, и лист на лист на нём приходился.

Одно дерево среди бескрайних лесных просторов, конечно, капля в море, но кому малое не мало – тому и великое дастся, и как нам обойтись без него, особенно, если это наша изумрудная красавица-ёлка?! Ёлка более, чем какое-либо другое дерево отвечало русскому духу, глубокому и трепетному отношению народа к родной природе, ко всему, что несло в себе обаятельную лесную тайну…

Из небесной влаги, земли и солнца складывается любое дерево, а ёлка - ещё и из зимнего холода. Что-то неуловимое берёт она от зимы, только ей известное.

Если другие деревья зиму переживают, то она ею полнится. Неусыпной мощью, ветрами и морозами, лютыми метелями и снегами сыпучими: в них она по пояс увязает. Впитывает ель вместе с зимою только ей известную и неугасимую веру в то, как в лихую годину не отчаяться и выстоять.

Самозабвенно любим мы это дерево; несмотря на его мощь и силу, действительно, трепетно к нему относимся. Пристально всматриваться в жизнь елового леса нам помогает его сказочность. Вот когда человек начинает по-настоящему понимать темноту ельников и их тайну! Именно там, в русском лесу, находит он нужное ему успокоение.

Только зимой солнечный свет залегает среди елей не как среди других деревьев. Ёлки как будто завлекают его к себе и, в тоже время, не пускают. Ветви их лишь ополаскиваются скупым прикосновением солнца, не выдавая своей необыкновенной тайны. Они хранят её под своим покровом, а человек неудержимо стремится её познать. Особо хороша ель зимою.

Ближе к весне, когда солнце светит пристальней и ярче, и снег между мощных еловых стволов немножко осаживается, лучи начинают проникать туда не так осмотрительно. Ели словно отмякают под их влиянием, и всё больше расступаются.

Солнце постепенно обнимает еловые стволы, закрадываясь в самую их гущу, и тогда из них начинает просачиваться на свет невыразимая радость. Радость, способная осветить настроение любого любознательного человека.

А может быть, это - необъяснимый дух дерева, дарованный человеку для нескончаемого переживания счастья.

Случится мне в лесу натолкнуться на какую-нибудь очень старую ель, будто забывшуюся во времени среди молодых ёлочек и берёз, и я, внутренне робея и дивясь, подолгу смотрю на могучий шероховатый ствол, теряющийся в вышине. Разглядываю бесчисленные толстые ветви - сами, как деревья, и не могу наглядеться. Всё в этом древнем старце - мудрость и красота, покой и непостижимое величие. Вот где хочется замереть душой и слиться с неизведанным прошлым, уносящим тебя вглубь несказанных столетий!

Когда в такие забытые уголки заглядывает солнце, они превращаются в настоящую сказку! Её оживляют юркие белки, озорно перебегающие с ветки на ветку. Кажется, совсем дикие, ещё не ведающие человека рябчики пронизывают застоявшуюся тишину волшебным пересвистом. В сокровенной глуши пугающе, так что ухает сердце, взрываются красавцы мошники. Развалистой походкой неслышно бродят по мху могучие и недоступные медведи, нетронутыми стоят в нём богатыри боровики…

Воздух отсюда никуда не уходит, а живёт вместе с деревьями, мхом, грибами, преумножая нескончаемое долголетие еловой чащи, что незаметно преображается в сказочную быль. Усталый, приляжешь отдохнуть под красивую древнюю ель, и она вдруг ненавязчиво овеет твой лёгкий сон несказанным покоем.

СОСНА

Никакие из лесных деревьев не растут так торжественно, как сосны. Тихо меж ними, покойно, и ты знаешь, что они не оставляют тебя без своего внимания, когда ты идёшь укромною тропкою меж их розовотелых стволов, наблюдают за тобой откуда-то сверху. Ты сразу чувствуешь это, когда остаёшься среди сосен один.

В такие минуты особо ощущаешь небесное пространство, в восхищении устремив взгляд к верхушкам деревьев. Неожиданная приятная прохлада вдруг обдаст лицо, и ты сразу будто приподнимешься над землёй и полетишь. Это сосны раскрыли тебе небо - они тоже глядятся в бескрайность.

Изредка, когда деревья возвращаются к себе и становятся самими собою, они нарушают лесную тишину величественным шумом. Поначалу он накатывается отдалённо, как если бы тут было море, и постепенно охватывает тебя всего. То равномерный, то резкий и порывистый, шум копится в верхушках сосен, а потом стекает по отлитым долгой жизнью стволам вниз, в землю, где несут свою нелегкую ношу их не менее величественные корни.

На редкость стройны сосны, создающие в лесу особое пространство, они воздушны и легки. Это пространство по-особенному полнится лесными звуками и птичьими песнями, в нём хорошо живётся и дышится, замечательно мечтается. В него постоянно хочется возвращаться, а если нет

такой возможности - о нём покойно и радостно думается. Всякому готовы улыбнуться сосны, пока сам не перестаёшь удивляться.

Часто можно слышать, что нет дерева выше сосны… Верно ли это?!

Конечно, высоко в лесу вырастают и липы, и дубы, да и берёза с лиственницей не уступают другим деревьям в своём устремлении к небесам. Порой они не то, что отстают от сосны, а даже перегоняют её. Но может быть народная молва, отмечая сосну, как самое высокое дерево, подразумевает нечто иное?!

Например, то, что она из всех деревьев – самая стройная? Имея, почти по всей длине, голый ствол и густую макушку, сосна вынуждена, даже в погожий безветренный день, тихонько раскачиваться в силу своего высокого роста, и это не может не привлекать внимание человека.

Оказавшись в сосновом бору, невозможно не засмотреться на колышущиеся кудрявые верхушки, что будто завораживают своей недостижимостью и умиротворяющей красотой. И высота сосен тогда начинает восприниматься, действительно, как самая недостижимая. Убеждает в этом именно размеренное покачивание стройных корабельных стволов, не зря имеющих среди деревьев самое высокое звание. Выше себя, кажется, вырастают сосны, когда, мерно раскачиваясь, тянутся к небу.

А ещё говорят: зимой сосна кажется зеленее. И это не может вызывать сомнений, когда пушистые сосновые ветви кажутся изумрудными на фоне белотелых сугробов и белёсого неба! Зелёная хвоя сосны приобретает глубокую и таинственную густоту, присущую доброму отношению к жизни.

Зелень сосны – это не укор незрелому состоянию её души, а непревзойдённая никем из деревьев сусальная сказочная правда, хранящая в себе века постижения сосной вольного природного пространства, когда она, утверждая своим ростом мудрость, побеждает время. Так и у людей: тот, кто полностью реализовал себя – не только осознаёт свои возможности, но и постигает Бога.

«Зимой и летом – одним цветом?» - загадывают обычно о сосне, желая, наверное, огорошить слушателя, в общем-то, простым вопросом. Но какими разнообразными оказываются оттенки этого чудесного зелёного цвета, его еле уловимые сосновые настроения!

И зимой, и осенью, и весной они по-особому чутки, угадать их возможно, конечно, только в своё время года. Нужно быть неутомимым, чтобы оказаться в сосновом бору и в октябре, и в феврале, и майской порой, и погожим июльским днём. Сосна круглый год дарит что-то неповторимое и незабываемое, она распространяет вокруг задушевность, незаметно объединяя всех нас.

Иной раз заметят: сосна шумит со сна… Это значит, что она делится с окружающим её пространством своим внутренним воздухом. Сосна не может этого не делать, потому что её тело – воздушно, оно пропитано и умиротворённой тишиной, и птичьими трелями, и ароматом тонких испарений от наливающейся соком черники и хрупких молодых рыжиков.

Энергия сосны проистекает не просто так: она именно созидает окружающее её пространство.

Входишь в сосновый бор – и будто окунаешься в прозрачную чистоту. Здесь не просто красиво, а чудесно. Причём, ненавязчиво, почти незаметно, но ты обязательно почувствуешь случившуюся с тобой перемену, и тихонечко обрадуешься ей. Как непередаваемо волшебно ощущать себя среди покойных величественных стволов, кажется, отлитых из розового тёплого золота. Так хорошо, что уже никогда не хочется их покидать.

В сосновом бору тихо, чуть слышно нашёптывают что-то верхушки сосен, и даже птицы здесь будто замирают, не желая, наверное, нарушить эту чуткую тишину. Её создают именно сосны.

Сосны… Идёшь по тропинке, между мощных корабельных стволов, и невозможно не глядеть вверх, туда, где они возвышаются к небу, сливаясь там с нежной голубизной. Верхушки, покачиваясь, неслышно приветствуют тебя. Мягко пахнет осыпавшейся иглой, устилающей тропинку, созревшей брусникой, и эта благостная сосновая тишина пронизывает тебя насквозь, ты сам становишься ей.

Не сразу различишь под ногами длинные узловатые корни, их тоже покрывает бурая сосновая игла и кустики заячьей капусты. Солнечные лучики, с трудом пробившись через густые верхушки деревьев, робко касаются их нежных листиков, редкие зайчики играют на золотисто-медной шероховатой коре, и застывшие стволы от этого, кажется, оживают.

В голову вдруг ударяет сладкий запах смолы, ягод и корений: тихо и благостно вокруг, и от этой пронизанной солнечным светом чистоты приятно кружится голова. В сосновом бору иначе и быть не может, и если по народному убеждению чужая душа – дремучий бор, то сосновый бор несёт в себе только свет и радость.

А как хорошо взирать на убегающие ввысь шероховатые стволы сосен зимой! Румяное золото коры нежным светом струится над белыми снегами, никогда не истрачивается и перетекает в волшебные кроны. В их ветвях, наверное, зацепились лёгкие, чудесные мысли. Размеренно покачивают сосны своими кудрявыми головами: умудрённые бременем лет, они, конечно, несгибаемы.

Можно без конца смотреть в размеренное и мудрое существование сосен, не переставая ими восхищаться. И ещё надеяться на то, что они не устают жить вечно, заглядывают, когда хотят, на звёзды, привечают у себя разную живность, напоминая этим своим мудрым существованием о чём-то неизбывном. О том, как качались они над землею сотни и тысячи лет назад, размышляли и мужали. Как близко подбиралось к ним загадочное небо и светила луна, а они не прекращали своего роста. Соснам нужно было столько увидеть, чтобы потом обо всём рассказать любознательному человеку!

От этой способности - вглядываться в прошлое, у сосен, наверное, вырастала душа, а за ней тянулось и тело, и сосны становились ещё более мудрыми и прекрасными. Сколько увлекательного из своего прошлого могли

поведать они, наверное, человеку, незаметно становясь ему учителем и другом.

И человек, благодаря сосне, разбирал в жизни важные вещи, порой ошеломляющие для себя самого. Думал о судьбе в лесу не только деревьев, но и зверей с птицами, отчего-то мучился, когда искал ответы на самые дорогие вопросы. Так хотелось быть похожим на это необыкновенное дерево, тихо проповедующее чистоту и мудрость.

Сосна обыкновенная по всей заснеженной России держит на своих плечах её великое свободное пространство. И дух дерева, такой же свободный, помогает сосне в этом. Сосна без этого как будто даже иссыхает, а ей предназначено стоять с высоко поднятой головой.

Человек нашёл в этом дереве всё, что необходимо ему для жизни. А извлекая из него знания, он должен был понять: кто он сам, какие деревья шумят в его душе? Может быть, лучшие мечты человека родились именно благодаря деревьям. Дарованные людям Богом, сосны, наверное, однажды возвестили и продолжают терпеливо проповедовать человеку о реальности более достойного существования.

Наш хвойный лес – одно из самых загадочных и красивых чудес, и я давно влюблён в него. Постигая его тайны, хочется оставаться именно одному, чтобы всё чувствовать, примечать и понимать, вслушиваясь и всматриваясь в создаваемое лесом пространство, не упуская из виду ни единой мелочи, не утрачивая того прекрасного расположения духа, когда переживаешь трепетное соучастие души во всём происходящем.

Сосна в этом лесном царстве, как никакое другое дерево, дарует человеку удивительный покой. Она создаёт в лесу особое существование, наполненное лесными звуками и птичьими песнями, в нём хорошо живётся и дышится, в него постоянно хочется возвращаться, а если нет такой возможности – о нём покойно и радостно мечтается.

Можно без конца вглядываться в размеренное и мудрое существование сосен, не переставая ими восхищаться. Сосны и зимой не скидывают свой кафтан, и тем оказывают великую услугу не только человеку, но и глухарям, что зимуют под их пологом в лютую пору, когда все в лесу спят. На протяжении почти всего года питаются глухари сосновой хвоей.

Сбиваясь среди сосен в укромные и таинственные стаи, птицы будто охраняют вековечный сосновый уют и покой, это – их дом. Сосновая мезга глухарю сладка: хоть на хвойке, как говорится, да на своей вольке. Таков глухариный хлебушек!

Нелегко отыскать глухарей в эту пору среди скрытной лесной чащи, не каждому они доступны. Притихший зимний лес как-то сразу возрождается благодаря этим удивительным птицам, обрётшим на время покой в сосновых угодьях. Приверженность хвойным породам деревьев невероятно обаятельна в жизни глухарей.

Человек, восхищаясь лесом, не представляет себе лесной чащи без великолепных хвойных деревьев – сосны, ели и пихты. Он любит их, мечтает

о возвращении под их живописный полог, и не позволяет себе быть равнодушным к судьбе родного леса. Человек этот болеет душой за вырубленные сосны, пихты и ели, берёзы с осинами, за весь наш удивительный лес, где мы находим для себя волшебное отдохновение, ту чудодейственную радость, без которой не жить.

Я плачу вместе с глухарями о потерянном для них хвойном доме, когда он бездумно искореняется, как будто и сам остаюсь в жизни без крыши над головой. Как же возместить нам всем эту утрату? Как проникнуться божественными лесными чудесами, чтобы быть достойными их великолепия? Как стать благодарным деревьям, желая им только доброй участи, когда ты веришь в себя, в своё доброе настроение и счастливую судьбу?

Ответ один: нужно самому стать настоящим, оставаясь достойным этих сосен и пихт, осин и берёз, глухарей и незабываемых вечерних зорь, дорогих сердцу избушек, что приютили тебя в непогоду. И даже лесные невидимые существа дороги твоему очарованному сердцу, потому как ты принимаешь весь мир целиком, переживая своё радостное нахождение в нём, как единственное счастье, существующее на этой прекрасной земле.

Я очень счастлив от того, что живу, могу отправиться в гости к дорогим сердцу глухарям, под их любимые сосны, и переживать любовь к этим древним птицам, живущим ещё при динозаврах. Именно по этой причине их основную пищу составляют сосновые иголки: ведь миллионы лет назад на Земле произрастали только хвойные породы, и глухари по утрам вылетают на отмели таёжных речек или лесные дорожки, чтобы склёвывать там камешки, служащие «жерновами» для перетирания грубой сосновой пищи в их желудках. Так уж издавна повелось, что именно сосновая хвоя обеспечивает глухарей природной энергией, и она ничем для них незаменима.

Ну, если только подмороженный осиновый листок, по осени, ублажит глухаря, он для птицы вроде изысканного лакомства. Или, когда уже появляются проталины, глухарь слетает на землю и выискивает прошлогоднюю клюкву, но первое блюдо – сосновая игла. Для того, чтобы не иссякли по весне его силы, глухарь непременно должен сосновой иглы пощипать, в ней – вся питательная сила, и без присутствия на соснах глухарей – эти деревья уже не воспринимаются такими сказочными.

Ещё в сосны заходят зимней порой медлительные лоси. Да им и ни к чему теперь быстрые передвижения: ждут они от сосен того же сладостного покоя и отдохновения, что и глухари. Нелегко лосям переживать зимой тягучее течение времени, и они как будто замирают в этом сосновом царстве, неспешно поедая молодые побеги. Редко доносятся до их слуха зимой настораживающие звуки: кажется, лоси в сосняке даже теряют свою чуткость.

В заснеженных кронах сосен неслышно копошатся белки, и только изредка ты замечаешь их движение: жизнь таких маленьких зверьков в эту

суровую пору тебе сразу представляется необыкновенной. Но не более жизни вездесущих клестов, в отличие от других пернатых обитателей леса ожидающих зимой появления своего потомства. Несмотря на то, что они совсем маленькие, им не привыкать зиму зимовать, и тепло в их тщедушные тельца зароняет сосновое зернышко.

Зернышко это, само по себе, тоже очень интересно: имея по два воздушных мешочка, оно может свободно парить в воздухе, преодолевая необъятные лесные просторы. Как мудра сосна в своей непревзойдённой лёгкости овладения временем, как она неудержима!

Правда, иногда зимой что-то как будто переворачивается в сосне, настраиваясь на непонятный для человека лад. Может быть, она в эту пору без меры печальна из-за своей возмужавшей и нескончаемой величавости, а может быть, околдовал её мороз-воевода. Сосне словно не хочется жить, и она наглухо замыкается, и льёт невидимые слезы. Из них потом рождаются солнечные янтарные камни – диво таинственной сосновой судьбы.

Но редко уже встретишь сейчас нетронутый сосновый бор… Правда, если долгое время ходишь в лес, не чувствуешь себя среди сказочных великанов маленьким, неприметным. Не покидает ощущение, что сосны, завидев тебя и лучше рассмотрев, будто склоняют над тобой свои гордые головы и по-дружески приветствуют.

Неспроста сосна, особенно - зимой, остаётся для человека самым живым деревом. Задрав голову так, что чуть не сваливается шапка, тебе хочется, не переставая, внимать её умудрённому покою и утешаться несказанной красотой. А дерево, ненавязчиво вкрадываясь в твои мысли с высоты своего возраста, как будто проявляет заботу о тебе, и ты понимаешь: сосна по-настоящему добра, она никому не завидует, и постоянно излучает щедрость. Что ни толкуй, а сосновый лес мудрее елового!

ПИХТА

Среди людей, что часто бывают в лесу, часто бытует мнение, будто бы пихта в нём дерево самое тёмное. Все деревья притягивают нас потому, что они сами выросли и знают себе цену. Пихта из них, пожалуй, делает это наиболее загадочно, и тайна её не даёт покоя человеку. Даже её пушистая изумрудная зелень не в силах заглушить этой таинственной темноты.

Кажется, что пихтовые деревья в своём невидимом росте до сих пор ищут себя и никак не найдут. Именно поэтому, наверное, пихта образует между собой частые сообщества, перед которыми никто не может устоять. Любое из деревьев другой породы, попади оно под крону пихты, чахнет: тень пихты для него губительна.

В пихтовом лесу - как в потёмках, хоть свечу зажигай. Недаром пихтовые леса в народе именуются чернью. Но обладая какой-то скрытой в себе тёмной силой, в остальном они довольно беззащитны.

Без тесного соприкосновения со своими близкими родственниками пихта страдает и выглядит довольно-таки сумрачным деревом. Под её пологом способны расти лишь мхи и некоторые травы. Благодаря своему крепкому сообществу пихтовые леса именуют «чернью» или «черневой тайной».

А ещё пихта не переносит прямого попадания солнечных лучей: кора её быстро подопревает и отваливается. К тому же, дерево не любит сильного мороза, отчего молодые деревца очень переживают и жмутся под покровительство более взрослых собратьев, но даже это их часто не спасает. Может быть, поэтому пихта и одевается в мохнатую изумрудную шубу.

Удивительная особенность пихты - в сочетании её быстрой гибели с вечной молодостью. Никто никогда не видел пихтовые кладбища. Происходит это, вероятно, от того, что смола у пихты содержится в коре, тогда как в самой древесине она отсутствует, из-за чего пихта и подвержена быстрому гниению.

Как только спелое дерево заваливается, на его месте тотчас поднимается густой молодняк. Ведь пихта способна размножаться отводками, и если нижняя ветка стареющего дерева коснётся земли, она даёт начало новому дереву. Так пихта всё время обновляется в себе, и делает это невидимо, будто таясь в лесу от других деревьев.

Словом, пихта кажется деревом нелюдимым, ведущим замкнутый образ жизни, и от него становится как-то зябко. Особенно в сумерках, когда другие деревья ещё излучают еле приметный свет. Зимой это бывает хорошо заметно, и хочется поскорее миновать неуютный пихтовник.

В пихтовом лесу неизменно присутствуют мрачное спокойствие и тишина, и первое, на что в эту пору обращаешь внимание среди замерших деревьев, это – строгость. Но не суровая, а вынужденная, кажется, даже осознанная, подобная монашескому образу жизни.

Сомкнувшись, будто постоянно находясь настороже, пихты не дают проникнуть в свою обитель какому-нибудь случайному деревцу. Нелегко прижиться ему здесь и подняться среди них к свету.

Стремясь к одиночеству, пихта старается повсеместно распространять своё настырное полчище. Даже у дерева, оказавшегося на освещённом месте, нижние лапы вырастают весьма длинными, и пихтовая ветка способна укорениться и дать начало новым побегам. Так, наподобие стланика, пихты расползаются в стороны от материнского дерева, утверждая непоколебимое ничем пихтовое царство.

У пихты есть ещё один секрет, благодаря чему она невероятно устойчива. Основной корень пихты уходит глубоко в землю, в этом – её преимущество перед елью. Корни ели располагаются преимущественно в верхнем слое почвы, её стержневой корень развивается примерно до пятнадцати года, а потом отмирает.

В итоге сильные ветра способны повалить целиком даже очень мощную ель, выдрав её с корнями из земли. Кто из нас не натыкался в лесу

на такие вывороченные деревья, что поначалу пугали, напоминая поднявшегося на дыбы разъярённого медведя. У пихты же стержневой корень остаётся главным всю жизнь, и она более цепко держится за почву.

Одиноко стоит пихтовый лес в своем мрачном обличье, но, почувствовав его строгость, ощутишь и мягкость. Её рождают пушистость веток и гладкая кора с нежными вздутиями пузырьков, наполненными смолой. Дотронувшись рукой до ствола, затаившегося в себе дерева, ощутишь такой желвачок и осторожно надавишь на него пальцем: из-под мягкой коры выступит янтарный и чистый смоляной сгусток.

Тотчас пахнёт на тебя незабываемый аромат, и вспомнишь детство, когда играл с этой смолою часами, самозабвенно запуская вдоль берега реки маленькие кораблики-палочки, намазанные ею с одного края. Как быстро бежали они по воде, отталкиваясь от её поверхности чудодейственным пихтовым бальзамом, и оставляли за собой переливающийся лазурный свет. Чей-то кораблик обязательно приходил первым, и если он был твой - ты боготворил дерево, подарившее тебе победу. Чаще всего это была именно пихта, а не сосна или ель.

Ты даже чувствовал, как пихта радуется за тебя, делая это молчаливо, неброско. Она словно мягко улыбалась про себя, и готова была потрогать твои лицо и руки своими пушистыми ветвями. Ты чувствовал это и был благодарен ей. Пихта благосклонно принимала твоё маленькое торжество.

Вспоминая с детства полюбившееся тебе дерево, ты уже обращался к нему с другим лицом - уверенным и посветлевшим. Пихта же только приоткрывала свою маленькую тайну, и стояла такая же строгая, величавая. Может быть, чуточку смущаясь от твоего доброго расположения к ней, но, несомненно, оказывая тебе своё внимание.

Впрочем, нельзя сказать, что пихта дарит покой и задушевность, или что-то созидает... Скорее, она таит в себе лесную сокровенность, а значит, и необходимое для леса знание, достойное уже человеческого внимания.

И это внимание невозможно не проявить, когда приходится заночевать в лесу. Хорошо и приятно наломать пушистых веток пихты, предварительно помяв их, отчего постель становится ещё более уютной. В морозную апрельскую ночь, у костра, пихта по-матерински, заботливо, тебя согревает.

Даже медведь, залегая по осени в берлогу, норовит устелить её пахучими пихтовыми мутовками. По этим «загрызам» на верхушках небольших пихточек легко можно определить место, где расположился на зиму косолапый. Мало того, хвоей и пихтовыми шишками он ещё наполняет желудок, желая сохранить до весны своё здоровый лесной дух.

Остановившись на ночлег в лесной избушке, прежде растопишь печь, а уж потом обязательно приготовишь веник из мохнатых пихтовых веток, выметешь пол и бросишь его у входа, тщательно растерев ногами. Фитонциды, содержащиеся в пихте, обеззараживают воздух помещения, наполняя его ароматным лесным духом. Мягкость и пряный дух –

неотъемлемые свойства чудесного дерева, что великодушно послал нам Господь, а что Бог послал – то и мягонько.

А как хороши пихтовые веники, запаренные в бане! Дух от них смягчает самые негодные настроения, наполняя тело удивительным умиротворением. Кроткой становится и душа, что только успевает вдыхать и крепкую волю, и головокружительную радость. Захватывает пихтовый аромат так, что не успеваешь от этой радости дух перевести, и всё тебе начинает казаться достижимым и верным. Баня с пихтовым веником – заветное дело: свищи душа через нос!

Зимою пихтовый лес - словно мир древних сказаний. Чутко хранится здесь тайна, так что никто не может и не смеет к ней прикоснуться. На того, кто дерзнёт покуситься на эту тайну, из пихтовника, кажется, пахнёт бедою. Будто злыми чарами околдован пихтовый лес.

Даже в солнечный морозный день, бывало, забредёшь в пихты – и тронет сердце неведомым холодком. Изумрудная на солнце хвоя здесь вдруг приобретает чёрный цвет. Завораживает его темнота, что, кажется, может быть темнее ночи. На душе становится зябко, будто тебя коснулась чёрная зависть.

Глубина сумрачного пихтарника тотчас порождает в душе неприкаянность, убежать от которой, кажется, нет сил, и ты стараешься поскорее выйти из этой тёмной прохлады, что распространяют сгрудившиеся вокруг тебя пихты. Безотчётно убыстряешь ход лыж, но чернь сгущается, и весь этот пихтовый мрак начинаешь относить к какой-то нечистой силе, что породили именно пихты, из-за чего их часто считают никчёмными.

Но пихтовый лес скрывает в себе много чудес. Пихтовые лапки мы сосали в детстве, как конфетки, они содержат не только необходимые витамины, но приятный вкус и запах. Пихтовый бальзам надёжно заживляет глубокие раны, волшебные ванны из него исцеляют безнадежных больных, а смола служит для остановки кровотечений.

Кто-то ещё смешивал её с желчью кабана или медведя и пил полученную смесь при заболеваниях желудка. «Из пихтовой черни вышел да обчистился», - говорили в народе, имея в виду целебный воздух пихтовника. За это, наверное, пихту и прозвали меж людей «лесным доктором».

Общепризнанным новогодним деревом на Руси считается ёлка, но многие предпочитают встречать праздник зимы с пихтой. Ёлка колючая, смолистая, а у пихты хвоя мягкая и не выделяет этой надоедливой липкости. Пихтовая смола более терпкая и быстро схватывается. Ещё ель быстрее пихты сохнет и осыпается. К тому же, пихта - дерево более ароматное.

На пихте также растут необыкновенные шишки. Эти шишки не похожи ни на другие, в первую очередь, тем, что стоят на ветках вертикально вверх. Имея непривычный для шишек красновато-фиолетовый цвет, они напоминают диковинные свечки, появившиеся к какому-то неведомому лесному празднику. Не хочется срывать их, а хочется только любоваться ими и недоумевать.

Но как из такой шишки вылетают семена? Ведь не вверх они взлетают!

У ели шишки свисают вниз, и когда приходит пора им раскрыться, и солнце растворяет чешуйки, семена устремляются к земле. Пихта же ведёт себя иначе: осенью чешуйки сами отваливаются от стерженька шишки, тем самым освобождая семена, и оголённые шишки торчат всю зиму, как бравые солдатики, выявляя тем несгибаемость пихты.

Описать это дерево нелегко, и это описание, конечно, будет неполным, если не упомянуть, что ближе к зиме хвоя пихты начинает отливать приятной голубизной. Это дерево показывает свое очередное чудо.

А дело в том, что наступлением холодов хвоинки пихты поворачиваются вокруг своей оси, обращаясь к зиме своим голубоватым цветом. Так, наверное, пихта получает больше тепла – солнечного света, которого ей с наступлением холодов сильно не достаёт, а человека дерево радует к зиме необычным кафтаном. Видно, пихта хочет умилостивить величественную хозяйку, чтобы та позволила ей легко перезимовать суровую пору.

Зима благодушно относится к этому таинственному дереву, и как будто не замечает. Она наглухо заваливает его пушистыми сугробами, и густые ветви пихты сгибаются под их тяжестью, образуя никому невидимый шатер. Только маленькие птицы находят в нём укрытие, да, может быть, заплутавший по лесу зайчик приютится там в непогодицу.

Безропотно и тихо стоит пихта всю зиму, своим строгим видом проповедуя терпение. Стремление стоять, не изнемогая, её судьба, и пихта являет тем силу и величие здорового лесного духа. А ещё – кротость и смирение. Так века и живёт.

ЛИСТВЕННИЦА

Если какое из деревьев и славится своей долговечностью, так это лиственница. В сравнении с другими породами её древесина на редкость прочна. Многие сотни лет великолепно сохраняется она от порчи, приобретая со временем всё большую стойкость.

Откуда берёт она в себе эту силу? Что помогает ей сохранять вечную молодость?

Потемневшая от времени, лиственница приобретает твёрдость камня, а происходит это незаметно и красиво. Чудесными кажутся её превращения, созидающие собственную непоколебимость. Необычайной представляется её достаточно долгая жизнь.

Уже с рождения, наверное, лиственница имеет в себе упорство, замечательную решительность, с какой она потом устремляется ввысь. Превращаясь постепенно в великана, лиственница так, неукоснительно, постигает время, что только красит её и даёт силу.

Делает она всё это размеренно, неторопливо, переживая целые столетия. Вернее, вырастает из них во что-то ещё более мудрое и стойкое. Это «что-то» и заключает в себе дух дерева.

Не зря лиственница больше всего любит свет. Ночь для неё, как и для человека, - глубокий сон: лиственница не растёт в темноте. А вот как только занимается над лесом солнце – она просыпается, принимаясь гнать сок по своим многочисленным крепким членам. Может быть, поэтому так долговечен её возраст и ствол, а корни обретают прочность бронзы.

Мало того, лиственница, постоянно устремляясь к свету, вырастает за год чуть ли не по метру! В такой скороспелости лиственницы мне пришлось убедиться в собственном саду.

Когда, более тридцати лет назад, я привёз из лесу несколько рябинок, то в прилипшей к корням земле, на одной из них, обнаружил крошечную осинку, на которую даже не сразу обратил внимание. Но со временем осинка обогнала в росте и рябинки, и соседние ёлочки, намного превышающие её поначалу в высоту. Вездесущие сороки любили присаживаться именно на эту осинку, в возбуждении стрекоча и покачивая переливающимся на солнце хвостом.

А неподалёку, от корня давно вырубленной соседом старой лиственницы, как-то незаметно выклюнулось на свет молоденькое деревце. Произошло это гораздо позже уже давно посаженных рябин и осинки, и первые три-четыре года я вообще не придавал значения этой лиственнице, сиротливо прижавшейся к самому забору. Лиственница больше поражала своим изяществом и нежной, салатного цвета хвоей.

Так вот, буквально за десяток лет, эта лиственница не только догнала все соседние деревья, но и переросла их, в том числе – и осинку. Выросла и распростёрла к свету свои пушистые лапы, мощно расправив кряжистые плечи, и теперь уже сороки облюбовали её, а не осинку, вороны же свили себе в переплетении ветвей лиственницы гнездо… И родством, и дородством взяла лиственница: обычай у неё такой!

Другие деревья, если случиться буря, ветер с корнями выворачивает, а лиственница стоит, как вкопанная: не страшен ей ураган. Недаром лиственница ещё и самая морозостойкая порода: мороз её тоже не рвёт. Лиственница чувствует себя в лесу хозяйкой, хотя никак не выказывает своего превосходства – стойкость в ней сочетается со скромностью, что всякому к лицу, и, сохраняя в себе упорство, она проповедует мудрость.

Кажется, что лиственница проживает несколько жизней. Не сразу, а одну за другой, приобретая, в конце концов, удивительную цельность. Сколько вёсен и зим переживает она за это время, сколько новых неведомых перерождений.

С каждым годом перевоплощаясь, она перед самой зимой всё же осыпается... Может быть, именно это позволяет лиственнице по-настоящему отдохнуть, длительное время, до конца, не увядая. Ей, наверное, хочется жить ещё больше, но за долгой чередой лет она про это просто забывает.

Привилегия лиственницы оставаться удивительно молодой происходит благодаря её мудрому жизненному ритму, или, вернее сказать, дыханию, когда она по осени роняет свою ослепительно солнечную иглу. Оно, это дыхание освобождает корни от изнурительной работы, как этого не происходит у сосны, ели или пихты. Зимой, когда вся жизнь замирает, лиственница тоже дает корням отдохнуть, а сбрасывая хвою, облегчает ещё и крону. Как тут не позавидуешь её житейскому искусству!

Меня всегда поражала эта удивительная особенность дерева, которой лишены другие хвойные породы. Вроде сосен и ёлок, а зимою - без иголок! Да и почему, кстати, прозвали это дерево «лиственница», когда на её ветках произрастают иголки? Наверное, оттого, что осенью, как и у всех лиственных деревьев, золотые хвоинки, подобно листьям, опадают на землю. Они у лиственницы, в отличие от колючих елей и сосен, коротенькие, мягкие и пушистые.

Впрочем, лиственница не совсем расстаётся со своим прекрасным нарядом: на её ветвях остаются маленькие шишечки-розетки. Особенно трогательно выглядят они на белом фоне зимы. При взгляде на них зима уже не представляется такой холодной и пустой, а само дерево, в этих крохотных чашечках, будто простирает для всех какое-то дивное лесное угощение.

Правда, стволы лиственницы не назовёшь стройными, как у сосен. Они, скорее, прямые, с частыми ответвлениями, опять же прямо устремляющиеся в стороны и кверху. Зимой в лесу оголённые сухие ветви лиственниц образуют какие-то странные иглы: в них, кажется, отсутствуют жизнь и смысл.

Но нет, жизнь в лиственницах теплится, и особенно хорошо это видно по их вытянувшимся стволам. В них чувствуются такая крепость и мощь, что не страшна зима. Стволы лиственниц почему-то не хочется обнять или потрогать рукой, как это происходит с сосной, а хочется просто остолбенело стоять перед ними и представлять, как медленно копится в жилах деревьев живительный сок.

Не однажды стоял я так, заворожённый их немалым возрастом и силой, вглядываясь в далёкие верхушки, и всё никак не мог отвести взгляд. Нахождение в старом лиственничном лесу, среди огромных деревьев в два-три обхвата, необыкновенно завораживало. А если, к тому же, в их ветвях вдруг обнаруживались укромно сидящие у самого ствола, чуть ли не прижавшись к нему, покойные глухари, то и вовсе такой лиственничный бор воспринимался как сказочный. Но много ли отыщешь в наше время таковых?!

Величествен и глух лиственничный лес в зимнюю пору. Покой и немая тишина замерли меж его стволов, редко забегают сюда звери. Не прилетают и глухари, кормящиеся сладкой хвоей деревьев лишь осенью. Только одинокий ворон витает в небе над их оголенными верхушками, изредка вскрикивает что-то печальное, и отрешённо замолкает. Среди лиственниц вновь воцаряется суровая пустота.

Лиственница - дерево не из робкого десятка, к этому привыкаешь сразу. Не укротит её трескучий мороз, не властен над ней неудержимый ветер. Он только помогает ей зимой, повсюду разбрасывая крылатые семена. Немало припасло их дерево в многочисленных коричневатых шишках. С достоинством и спокойно продолжает свой род лиственница, ни на что другое не обращая внимания.

Успешно переносит лиственница любые невзгоды, вполне оправдывая оказываемое ей человеком доверие. И это неспроста, поскольку лиственница, действительно, необычайно скромна. Она нетребовательна к окружающим условиям, а быстроте её роста может позавидовать какое угодно дерево. Всё, кажется, лиственнице нипочём, и оттого у человека к ней почёт и уважение.

Какие только знамения бесконечного лесного времени не переживает это дерево-долгожитель, сколько поколений зверей и птиц прошло перед его недремлющим взором. Лиственница - непрекращающаяся гордость всего лесного мира, его непревзойдённая любовь. И если кто из лесных великанов и умирает стоя, так это лиственница, способная на самые невероятные подвиги.

Но, прежде, чем умереть, вернее – сбросить перед зимой порыжевшую листву, лиственницы успевают порадовать человека своим пышным увяданием. Нет ничего краше нежной желтизны осенних лиственниц, чей жар в сентябре греет так же нежно и сдержанно, как и осеннее солнце.

Лиственницы не вспыхивают и не догорают, а будто берут своё: деревья вкрадчиво готовятся к своему угасанию, и не перестают радоваться тому, что оно наступает не сразу, а постепенно, незаметно для всех. Лиственницы, как и все растущие существа, наслаждаются отпущенным им покоем, заслуженно обретённым к осени. Осень постепенно и радостно перевоплощает их в то, чем они и должны явиться в природе: стройными спокойными красавицами, у которых есть всё для того, чтобы очаровывать и замечательно, волшебно, молчать.

Охотники в эту пору говорят, что иголка на лиственницах начинает «закисать», то есть не только желтеет, но становится даже оранжевой, очень пахучей и сладкой, и глухарь до неё большой охотник. В сентябре иголка лиственницы составляет его основную пищу. На лиственницу глухарь вылетает утром, перед восходом солнца, и вечером, часа за три до заката.

Но не всегда иголка на лиственницах желтеет в одно время: в иной год – раньше, в другой – позднее. Всё зависит от того, когда случаются утренники. Глухарь ни за что не пропустит этого времени: он заранее вылетает на лиственницу, и пробует – легко или с трудом выщипываются иголки. Если легко – значит, самое время появиться на пожелтевших деревьях, а если с усилием – ещё рано.

В пасмурные дождливые дни глухарь просиживает на лиственницах целый день, не переставая щипать отмякшую листву. А в иной год, из-за сильных и частых инеев, игольник желтеет в какие-нибудь дни, и через

несколько суток отваливается. В такую пору глухарь также не покидает лиственницу в течение всего дня, даже ночует на ней, вероятно, угадывая, что лакомиться любимой пищей придётся недолго.

Вообще вылет глухарей на лиственницы продолжается до середины октября, пока не осыплется весь игольник. Была, говорят, игла, да спать легла. Если же игла с лиственницы спадает нечисто, быть строгой зиме.

Но прежде, чем оставить тихо светящиеся золотом деревья, глухари сами норовят напитаться их солнечной желтизной, а ещё – сентябрьским чистым воздухом и небесной синевой, предпочитая осуществлять это именно на лиственницах. Кажется, что лиственницы для них больше не корм, а душевная отсидка, какая-то скрытая радость, которую они безгранично переживают в эту пору, впитывая в себя последнее доступное тепло и забываясь в лиственничном удовольствии.

А лиственницы, кажется, не торопятся увядать. Они просто живут, с каждым морозным утром становясь всё более яркими, а на вкус сладкими. Глухари знают об этом, и прилетают на них ближе к вечеру, когда вдоволь наклюются зёрен на полях, или их кто-нибудь там потревожит. Лиственницы м птицы живут в эту пору одной жизнью, и лес от этого становится ещё краше.

Неспешно кормятся глухари сладкой лиственничной иглой, копят в себе томительную осеннюю дремоту, что вдруг наваливается на них ближе к полудню, и слетают куда-нибудь под деревья, на землю, где забываются на время, будто исчезая из жизни леса. Когда набредёшь на такого отдыхающего глухаря, поднимается он на крыло тяжело, с неохотой, и вскоре возвращается на пышущие спокойным жаром лиственничные верхушки, нигде не сумев обособиться. Схватившись лапами за ветку с самого её конца и размеренно раскачиваясь, глухарь потихоньку склёвывает листву, продвигаясь ближе к стволу, и, наверное, ничуть не задумывается: почему же замечательные деревья становятся к осени такими вкусными, доступными и так легко ему достаются.

Всё, что существует в этом мире, удивительно просто и доступно каждому, и каждый зверь, птица или человек выбирает для себя самое подходящее. Человек, например, способен решить – нужно ли ему убивать птиц и животных, если они оказываются рядом, или сохранить в своём сердце чистоту, присущую только апрельским дождям. Ему свойственно выбирать среди всего, что окружает его в жизни, и лучше стремиться к солнцу, лиственницам и глухарям, никому не досаждая, чем умножать в себе непонимание и раздражённость.

Человек призван идти к солнцу, осенью оно обжигает его душу светом огненных лиственниц, и глухари также внимают его теплу, и тихо про себя радуются.

Синее небо безмолвно висит над головой, яркие лиственницы подпирают его бездонную прозрачность, и хочется подняться над ними и посмотреть свысока на эту раздольную, красиво угасающую землю, а потом с

тихим сожалением вернуться на неё под самый вечер. Идти в сгущающихся осенних сумерках по подсохшей за день дороге и вспоминать, какие птицы были красивые и живые в опрятной лиственничной желтизне, и как хотелось дотянуться до них рукой, прикоснувшись к их тёплому оперению. Глухари бы, конечно, сразу встревожились и улетели, но приятное ощущение их близости осталось бы. Как очаровательна осень вот в такие тихие, безветренные дни, когда и солнце, и глухари, и лиственницы неразделимы!

Хорошо сидеть в ожидании глухарей, прислонившись спиной к шероховатому пахучему стволу, и смотреть, как угасает погожий сентябрьский день. Жёлтая игла, кажется. дышит жаром на фоне солнечной синевы, мягко утопает в ней, а от земли, устланной опавшим листом и мхом, приятно потягивает ароматным холодком. Хочется обращать всё своё внимание только кверху, к огненным верхушкам лиственниц, и, закрыв глаза, наслаждаться последним ласковым теплом.

Глухари, как и весной на ток, слетаются на лиственницы всегда неожиданно, молча. Но если вдруг обнаруживают в себе желание пропеть своё осеннее настроение, то быстро оставляют свою нехитрую заботу, как несущественную, необязательную для этой поры. Весной любви в их душе ровно столько, сколько силы содержат в себе восторженные апрель и май, но сейчас сентябрь, а то и октябрь, пора перебираться в хмурые сосняки.

Правда, напоследок, в отдельные тёплые дни, глухари осторожно пробуют горлом воздух: не разучились ли точить и скиркать? Но нет, всё так же таинственно и чарующе разносятся над поляной сухие, сдержанные ноты: «Т-тэк, т-тэк, т-тэк, у-оо-к!» Глухари ничего не забыли, всё помнят и просто не хотят сейчас раскрывать лесу свою душу.

Для кормёжки глухари выбирают особые лиственницы, на охотничьем языке – «присадочные», то есть – самые любимые, предпочитая их другим деревьям. На вид, казалось бы, лиственницы все одинаковые, но среди нескольких растущих рядом деревьев глухари отмечают одно, а на остальные не обращают внимания. Именно эту лиственницу птицы посещают всю осень.

Применительно к соснам я часто замечал, что глухари, как правило, предпочитают неказистые, будто ободранные кем-то деревья с несимметричными верхушками, а пышные, крепкие, с налитыми соком стволами игнорируют и не посещают. Так и с лиственницами: птицы выбирают самые неожиданные на вид, вроде бы, ничем не примечательные, но между тем заинтересовавшие их. Глухарей привлекает в таких лиственницах нечто недоступное человеку, никак им не объяснимое, и эта маленькая тайна птиц и деревьев ещё более очаровывает.

Кстати, в старину лиственницу звали «карачай» или «негла» - единственное хвойное дерево, которое, в отличие от других хвойных пород, всё-таки роняет к зиме мягкую хвою. А «карачай» - значит, упрямый, несговорчивый человек, что то и дело отступает, не стоит в слове. Но что

несговорчивого в самой лиственнице: дереве, казалось бы, податливом, живущем своей, незаметно устремляющейся ввысь жизнью?!

Может быть, её из-за этой упрямой несгибаемости так прозвали, или за прямолинейность древесины? Ствол лиственницы, как и сучья, действительно, всегда прям и несгибаем в своей устремлённости что вверх, что в стороны, и дерево порой, будто назло кому-то, отрешённо взбирается в немыслимое для других деревьев поднебесье, а отступить не в силах. Даже глухари никогда не присаживаются на его самые высокие верхушки, выбирая себе место посередине ствола.

Глухари сидят на ветках ближе к стволу, и почти бесшумно теребят лакомую иглу, но дереву достаточно лишь их щипка, чтобы она оторвалась и полетела: такую иглу в народе называли «посорка». Легка посорка, воздушна, а даёт со всего лиственничного бора тучное удобрение для будущих деревьев. Даже захваченная с земли целая горсть таких оранжевых душистых иголок совершенно не чувствуется в руке, но зато их запах кружит голову. Взял бы и осыпал ими весь лес, что, впрочем, и без того несёт в себе неисчислимые осенние ароматы.

Дровяной сор, свежая мелкая щепа, кора и луб не издают такого чудесного аромата, как эта перезревшая, но ещё очень нежная лиственничная хвоя. По осени она – словно невесомое лесное золото, ударяющее в глаза и голову всей своей драгоценной сутью. И ослепляет в солнечный день, и пьянит словно запоздалое, но благородное осеннее вино.

Хорошо лежать в тёплый осенний день на ворохе такой пахучей хвои и слушать лёгкий ветерок в высоких вершинах лиственниц. Могучие стволы неудержимо устремляются в бездонное сентябрьское небо, но тебе не хочется улетать так далеко, и ты, утопая взглядом в бескрайней вышине, остаёшься на земле, что убаюкивает своим удивительно чистым и по-осеннему ласковым покоем.

ОЛЬХА

Кто часто бывает в лесу, вряд ли отметит ольху раньше других деревьев. Больно она неприветливая, даже – задиристая, отчего не покидает ощущение, будто бы ей всё время хочется хорохориться. Зимой, проходя на лыжах между частыми её стволами, вдруг коснёшься голой рукой коры и отдёрнешь: такая она холодноватая, колкая и неуютная.

Ольха растёт преимущественно вдоль рек и ручьев, на богатых и сильно увлажненных почвах: видимо, она испытывает постоянную жажду. Крона её еле слышно нашёптывает что-то самой себе, и никем не замечается.

Летом сумрачный, тёмно-зелёный ольшаник таит в себе коварные участки трясины, и кажется пустым, безжизненным и заглохшим. Зимой он будто отдыхает от этой своей замкнутости и суеты комаров, но не преображается, а по-прежнему хранит какую-то неудовлетворённость,

глубоко скрытое желание когда-нибудь, всё-таки, показать всему свету свою настоящую сущность.

Листья ольха держит крепко, до самой поздней осени, и что примечательно - опадают они почти зелёные. Ольха будто несёт в себе вечную молодость, не желая сгибаться перед своей серой судьбой. Но упрямой её не назовёшь.

Ольха как будто усмехается тому, что отвели ей не самые лучшие владения, и не хочет быть на кого-нибудь похожей. Держится плотно, дружно, порой проявляя не в меру задиристый характер. Словом, живёт своим тёмно-серым полчищем отдельно ото всех, и в ус не дует.

Кажется, и зимой-то она не успокаивается, а стоит, нахохлившись, сердито: «Попробуй, забреди в мою чащу - обдеру начисто одежду, изорву в клочья, исцарапаю. Руки и лицо своими неудобными ветками исхлещу, пропадёт здесь любой, кто осмелится сюда забраться. Не потерплю никого!

Пью я болотную воду, сосу корнями влагу из ручьев, и тем богатею. Никому до этого дела нет, и мне оттого отрада. Что хочу, то и ворочу. Размножаюсь, как никто, новые территории завоёвываю».

Словом, ольха какая-то неуютная. Не тянет к ней человека, а только одно желание - поскорее бы из надоедливого ольшаника выбраться! Чтобы дух лесной ощутить, чистого воздуха вдохнуть. Зимой ольшаник кажется таким однообразным, что нет с ним никакого сладу!

Но непривлекательные частые ольховники, вернее даже было бы назвать их зарослями, скрывают, между тем, немало интересного. Это никем не любимое, сизо-серое лесное пространство, как ни странно, оказывается обиталищем многих птиц и даже зверей. Именно какая-то замусоренная неприглядность ольхи, произрастающей особняком, на удалении от всего лесного мира, в отличие от чистого березняка, сказочного ельника и светлого соснового бора, и привлекает лесных жителей.

Заросли ольхи служат надёжным убежищем для зайцев, они часто ложатся в них на днёвку. Бывало, забредёшь зимой в густой ольховник, тропя косого, и неожиданно поднимешь его в каких-нибудь десяти метрах. Сначала послышится еле ощутимый хруст, потом мелькнёт между серыми стволами размытый силуэт, и, выскочив через мгновение на открытое пространство, зверёк полетит живой пружиной: весь настороже, уши на слуху!

При этом чёрный глаз его будет косить себе вслед, и заяц станет различим так отчётливо, что подумаешь: белее снега его шкурка. Причиной тому – чёрные маслины мятущихся глаз зайца, что от перепуга кажутся большими и заметными.

Даже когда он уносит ноги, большие чёрные глаза его косят назад, словно присматриваясь: какая там сейчас обстановка? Не зря заяц получил в народе своё самое известное прозвище – «косой», и как оживает после него неприглядный на вид, серый ольховник!

В молодые ольховые кусты, что обычно располагаются поближе к лесным речушкам, к полудню с удовольствием слетаются на кормёжку

упитанные рябчики. В переплетении частых ольховых ветвей устраивают свои гнёзда скрытные сороки. А то вдруг юркая норка промелькнёт среди чёрных ольховых корней, и тут же исчезнет, будто её и не было.

Ольху на Руси в разных местностях называли по-своему: и ольшанина, и ёлха, и вольха, но наиболее подходящее ей название - это елоха. В нём слышится прозвище не мужское и не женское, а нечто несуразно настырное, не в меру надоедливое и своевольное. Существо, с которым и связываться никто не станет, потому как всё без толку! Посмеются себе, да в сторону отворотят.

Ольха от того, кажется, даже не переживает. Просто она такая сама по себе: ты её не тронь - и она тебя не заденет. Задирка, говорят, дерёт дырку!

Ольха, всё больше, старается замкнуться в своей невзрачной на вид обители, и ни до кого ей, вроде бы, нет дела. Проход в неё замкнут невидимой внутренней стеною, как это обычно выходит у замкнутого в себе человека: он сосредоточен только на себе. Вот и ольха – будто затаилась от всего мира, желая, кажется, заманить кого-нибудь в свои серые тенёта. Да только кому в этом охота?

В ольховые заросли, кроме норки и зайца, никакой другой зверь и не сунется: чего он там не видел! Всякий обойдёт их стороной, если на то есть возможность.

Необычность ольхи заключена и в её тёмно-серой невзрачной коре, вернее – древесине. Кому приходилось рубить это дерево - видел, как изменяет оно окраску. Только что надрубленная ольха - белая, через несколько мгновений она начинает розоветь, а когда подсохнет - приобретает нежно-красноватый цвет. Сколько скрытых настроений держит в себе ольха!

Отправившись зимнею порою в лес, и порядком намаявшись, остановишься под вечер в какой-нибудь избушке, неподалёку от реки, и, второпях, нарубишь попавшейся под руку ольхи. Ольховые полешки гулкие, сыроватые и совсем не горючие. Будто замкнувшись в себе, отрешённо лежат они у печурки, и, глядя на них, почему-то пожалеешь, что не потратил время на поиски елового сушняка. Нет в их горении ни жару, ни блеску.

В общем, как говорится, толкуй про ольховое, а еловое крепче! Не сразу вспомнишь, что в старину ольховые дрова, если их правильно заготовить, назывались «царскими». Из них получали уголь высокого качества, и затем выделывали отменный порох.

Именем ольхи звали в народе жёлто-бурый неброский цвет - ольшаный. Так окрестили и ястреба, всего бурого, без белизны и мелкой ряби. А ещё ольшаным величался меж людей непонятый никем человек, что держится обособленно, и для всех остаётся непостижимым. Может, это был бобыль или какой-нибудь шалый: в слове этом всегда звучало нечто людям чуждое, рябое.

Редко какое дерево забредает к ольхе в гости. Это может быть случайная ель или берёза. Другие же породы остаются на опушке, как будто

не решаясь заглянуть к ольхе. Им, видно, отчего-то неловко чувствовать ольховое соседство, и они всеми силами его избегают. Но непослушный ветер, всё же, временами заносит в ольшаник семена, и они прорастают там несчастливыми деревьями.

Незавидной и грустной кажется судьба у ольхи, впрочем, способной на многое. Ольха более, чем другие деревья, обогащает своими корнями землю. Может быть, она это делает исключительно для себя, но в лесу даже такое доброхотство приносит кому-нибудь пользу.

Ещё ольха очень быстро размножается. Это становится заметным зимой, на фоне белого безжизненного цвета. Деревца, что ты приметил робкими побегами весной, к концу зимы уже, оказывается, подтянулись тебе под пояс. Глядя на них, даже не знаешь, хорошо ли это. Но, видно, всякое лесное растение надлежит встречать с радостью, понимая: если оно народилось на свет – так тому и быть.

Смотришь зимой на сухие тёмно-коричневатые ольховые шишечки, и отчего-то улыбаешься... Из них будущей весной полетят по всей земле семена-орешки, и так будет длиться вечно. Забудешь тут и про то, что дерево кажется негостеприимным, и про его кажущееся внутреннее озлобление, и будто бы оно привыкло ломаться да важничать. Ну и что с того? Эка важность, если какое-либо дерево вздумало придать себе серьёзный вид!

Зато ольха лечит от всякой хвори: шишки ольхи, их собирают под осень, применяют как вяжущее средство при желудочных заболеваниях, а отвар из коры при ангине и воспалении дёсен. В народе часто использовали горячий настой коры дерева для снятия боли и усталости в ногах. С вениками из ольховых веточек ходили в баню: они источают приятный аромат и очищают кожу.

Крепким отваром листьев ольхи мыли в избах кровати, обрабатывая бревенчатые стены от клопов. Ольховыми дровами выжигали сажу из печных труб. Ольху, произрастающую на сыром месте, предпочитали при рубке колодезных срубов.

Ольховые опилки хороши при копчении мяса и рыбы: это знал любой рыбак. В старину рыбаки вываривали свои сети в настое ольховой коры, это придавало им крепость. Трудно отыскать на Руси дело, в котором невозможно было обойтись без ольхи, и, зная, что древесина её вязкая и не трескается, из ольхи даже выделывали тонкие духовые инструменты.

В народе верили, что ольха покровительствует семейному роду, она укрепляет родственные связи и не допускает, чтобы они распались, для чего высаживали это дерево вблизи домов. Иногда ветки ольхи помещали в снопы, чтобы не заводились мыши, а в огородах втыкали возле грядок, уберегая тем урожай от вредных насекомых. Бытовало даже мнение, будто бы ольха, растущая недалеко от дома, защищает от людской зависти.

Кому-то наивными представляются подобного рода суеверия относительно, казалось бы, самых обычных деревьев, но вера в нечто чудесное, ворожбу и всякие знамения были невероятно сильны в народе.

Порой в этой вере не было видно никакой причинной связи, но отвергнуть приметы и обряды люди, всё же, не решались.

Вот и считали само собой разумеющимся сажать за околицей чёрную ольху, в качестве оберега, убеждая себя в истинности совершаемого действия. Так было приятно сознавать, что именно чёрная ольха отведёт от родного дома все беды, потому как сильна была вера в духовную жизнь, где всякое живое существо, в том числе и дерево, принимались за божественное проявление. И, конечно, не возникало сомнений в том, что ольха, со своей мгновенно краснеющей древесиной, после того, как её срубили, есть тайное провозвестие природы, некий знак, сообщающий человеку истинное знание.

Дерево, пусть это была ель, либо липа с берёзой, представлялось, как нечто священное, ему даже поклонялись. Так поклонялись ольхе: в древности её почитали за душевное дерево, очищающее человека от злых духов и прочей скверны. Оно, якобы, обладало невероятно богатыми магическими свойствами. Сложно было не поверить в то, что даровала божественная природа, вот и ольху в народе воспринимали как чуть ли ни священный символ, а она – дерево деревом!

Правда, если быть честным, «ольха» - красивое слово. Произнося его, перенося при этом ударение на первый слог, незаметно начинает видеться что-то непутёвое, но милое. Представляешь почему-то веснушчатую девчонку из весёлого босоногого детства, где всегда светит солнце, всё – шиворот-навыворот, и радостно, отчего мысли об ольхе вызывают только улыбку. Воображаешь, будто это – бойкий ребёнок, убежавший от мамы, что ничего ещё в жизни не знает, а всё разумеет.

Так и ольха: растёт озорным дитятей – всё ей кстати. Но как не крути, а благодать Божья!

Всю зиму ольха отдыхает и ждёт своего пробуждения. Частые стволы стоят опущенными и присмиревшими: тихо меж ними, безропотно. Только неугомонный ветер порой врывается в оголённое ольховое царство, но надолго там не задерживается, и улетает. И тогда непоседливые чечётки оживляют его собой, суетливо перепархивая и что-то своё, еле слышное, напевая.

Бывает, в самой середине января выдастся пасмурный денёк, но в нём таится какое-то оживление: оно, то приближается к тебе, то удаляется. Его вносят чечётки – махонькие невзрачные птички с серовато-дымчатым оперением, под стать ольховым зарослям. Чечётки всю зиму держатся в них, оживляя хмурый ольховый лес.

С неугомонным щебетом срываются они с одной ольхи на другую, и в белом отрешённом затишье начинает вдруг чудиться, будто это облетают и ложатся на снег сами верхушки деревьев. Чечётки лишь издали кажутся невзрачными, на самом деле – они замечательные! Только зимой, среди заснеженной лесной тишины, можно услышать вкрадчивое нашёптывание – «чи-чи-чи, чи-чи-чи, чи-чи-чи, чет-чет, чет-чет, чет-чет».

Птички немедленно облепляют именно ольховые деревца, повисают на тонких веточках, часто боком или даже вниз головой, и их это нисколько не беспокоит. Главное, они нашли забаву – семена ольхи, висящие на ветвях аккуратными колбасками, и пусть маленькие птички останутся на некоторое время без нашего внимания, пробуя своё любимое блюдо. Хорошо, что они есть! И есть красноватые серёжки, что, как и чудесные крохотные птички с алыми шапочками, привносят в задремавший зимний вид свою маленькую радость.

А может быть, это сама ольха наговаривает им свои зимние сны, и, чуточку ободрённая от птичьего присутствия, душа её невидимо взлетает вместе с ними над белой землёй, но возвращается, такой же, неприкаянной и неприметной. Скучно, видать, ольхе в отпущенной ей природой свободе свою «сорную» сущность переживать, она, говорят, и грибы к себе не пускает.

Но зато ольха своим сизо-серым полчищем берега ручьёв и рек укрепляет. Она - заступница и сосне, и берёзе, и ёлке с осинами: в морозы дерево закрывает их от холодных ветров, своей невидимой заботою нянчит, отчего в народе и повелась пословица, что мороз перед ольхой шапку ломает. Исподволь, конечно, ольху согнёшь, но не переломишь!

ЛИПА

Сколько бы ты ни ходил по лесу, всегда встретишь в нём липу: бороздокорую, вытянувшуюся, прямую. Словно расправив плечи, возвышается она над другими деревьями, своими ветвями объемлет окружающий воздух, матереет. Ель, берёза да пихта ей не чета: она неудержима и легка в своём устремлении к небу. Липа, как никто в лесу, влечёт тебя в вышину.

Зимой дерево безлико и прямо простирает в холодное небо свои верхушки: не спит, а, скорее, умерло до весны. Навсегда, кажется, застыло в её стволах течение жизни, так что не покидает мысль: не понять тебе это дерево никогда. Но липа жива.

Она - волшебный шатёр, под сенью которого летом хорошо думать, мечтать, а зимой взирать на её раскидистые ветви и недоумевать: зачем ей такой простор? Да, видно, дереву лучше знать, каким быть, и липа живёт по-своему.

Ещё с детства, когда мы с бабушкой отправлялись в лес за грибами, полюбил я сладкий запах липы. Всегда привлекали её пушистые зелёные верхушки, уходящие в недосягаемую высоту. Казалось, никогда не попасть туда, на самый верх, где запах, наверное, наплывает волнами, как море.

Во взрослом возрасте я ещё более не мыслил себя без леса, и конечно, мне, по-прежнему, не доставало аромата этого чудесного дерева. Само слово «липа» выражало нечто головокружительное, мягкое и очень доверительное.

Оно заключало в себе всё наше русское лето, переполненное цветущими деревьями, жужжанием пчёл в их ветвях и медовым духом.

Стоит июль – макушка лета. С каждым днём всё больше цветов, всё пышнее становятся травы, и сквозь их аромат неудержимой волной пробивается кружащий голову сладостный дух – это плодоносят липы. Над ними золотистым облаком роятся неугомонные пчёлы. Ничто так не выражает наполненность роскошного летнего жара, как их настойчивое жужжание.

Достигнув своей благодатной вершины, лето, будто благодарное им, покойно замерло, затуманившись разнеженной солнечной истомой, и эту волшебную благость принесли в него липы. А пчёлы – неутомимые провозвестники июльской медоносной поры, спешат с лип к своим ульям, запасая много мёда. Недаром июль в народе получил своё название по обильно цветущей липе – «липень», или «липец», с которой пчёлы в эту пору усиленно берут взяток.

Цветут липы, пахнет мёдом, и на душе так хорошо и празднично, что ты этого даже не замечаешь. Липа – очень красивое, весёлое и, может быть, самое обаятельное лесное слово.

От липы в окружающей природе растекается какая-то особая нежность, что не излучает летом ни одно дерево. Пасечники с нетерпением ждут, когда зацветёт липа, моля заступника пчёл Зосиму, чтобы ливни не сбили дурманящий, беловато-кремовый цвет, сладостный дух от которого мягко пронизывает в июле всё вокруг.

Но отчего липа цветёт в середине лета? Её зелёные подруги уже давно сбросили свой весенний наряд. Разгадка проста: липа распускает цветы на побегах этого года. Пока молодой побег отрастёт, да проклюнутся в нём плодовые почки, глядишь, и подошло красное лето – начало июля.

У одной развесистой липы, каждый год распускающей свои ветви до самой земли, я любил собирать её дурманящие нежные соцветия, заваривая из них зимою душистый чай. Холодными вечерами, у печного огня, за таким чаем с липовым мёдом приятно было вспоминать жаркие летние дни, лёгкий ветерок в липовых ветвях, и как колышутся под старым деревом ромашки, лиловые колокольчики и зверобой.

Эта добрая липа действительно образовывала в тени своих склонившихся к земле ветвей большой зелёный шатёр. В нём необыкновенно радостно было отдыхать, пережидая зной, любоваться синими таинственными далями, и вспоминать все свои лесные и морские путешествия.

Так же, как и другие деревья, и человек, липа тоже долгие годы пестует в себе свою тайну. Гордо, независимо, не выказывая её всем. Тягучими кажутся её мысли, непостижимой — душа.

Но зимой все деревья как будто обнажают свои лица, и тогда душа их становится заметной. Она таится в образе самого дерева: в его стволе, коре и

сучьях. В том невидимом пространстве, что окружает заснеженную крону и почему-то не отпускает от себя.

Душа деревьев не спит, она глядит открытыми глазами на зимний свет, и он её не слепит. Хладнокровно взирает душа и на метели, что неустанно секут лица деревьев. В мороз она ненадолго смыкает веки, и как будто забывается.

А может быть, это тебе кажется, и душа дерева остается неутомимой. Она вглядывается пристально в самую зиму, и думает про себя что-то очень важное. То, чему не может научить её ни одно время года. Зима ниспосылает душе дерева мудрое успокоение.

Всё это бывает хорошо заметно у липы. Она и глядит, и думает, и переживает что-то неотъемлемое от неё, своё. В глубоком молчании взирает на бесконечность заснеженного пространства, ни с кем не заговаривает.

Глядя на липу, человек тоже начинает желать глубже заглянуть в себя и зиму. Ему хочется думать о чём-либо мудром и великом, что не отвергало бы его, а спасало. Человек тянется за деревом в своих мыслях, светлеет.

Причудливы липовые ветви на фоне бескрайнего зимнего неба. Они будто вычерчивают на нём только дереву понятную картину. Причём, каждая липа делает это по-особенному, не похоже на других.

Среди всех наших деревьев липа более чем кто-либо умеет задавать загадки, и это отражается в неожиданных искривлениях её мощного тела: они чаще всего встречаются именно у липы. Но, меняя образ, липа, всё же, устремляется кверху: она – одно из самых высоких представителей древесного царства.

Там, где знания её обрели силу, липа устраивает на зиму дупла. Она как будто освобождается в них от надоевших ей мыслей.

Это хорошо усвоили для себя проворные куницы. Не устающие всю зиму выискивать какую-нибудь поживу, они отдыхают там в непогоду. Облюбовав какое-либо укромное дупло и утеплив его, зверёк без забот пережидает в нём длительные морозы и метели. Липовое дупло всегда оказывается ему уютным домом.

Все деревья в годах похожи на древних старцев, но липа выглядит особенно величественной. Может быть, всё это идет от её несгибаемости и отсутствия тугих узлов, как на берёзе. Липа и в возрасте неудержимо взметает свои ветви ввысь. В липе чувствуется сила, она не позволяет ей опираться на посох-подпору. Могучи её ветви, что не просят, а восклицают.

Достаточно приходится повидать липе на своём веку. В сравнении с такими многолетними деревьями, как дуб и сосна, она более долговечна. Древесина её, белая и легкая, обладает удивительной способностью не трескаться и не коробиться.

Ещё липа очень живуча, если бы не уготовила ей судьба быть ободранной. В народе про это так сказывают: «Была липка, а стала лутошка». Лутошка - это голое дерево, оставшееся без одежды, и уже, конечно, не живое.

Деревенским людям давно известно, что липа - самое мягкое и податливое дерево. Не в силах оно отказать пристальному вниманию человека. Не скупясь, щедро одаривает его липа, а тот только успевает брать: то лыка с молодых деревцев на мочало добудет, то луба на крыши домов надерёт. Да и не перечесть всех тех рогож, кулей да верёвок, что плели из этого дерева. К тому же, липа весь русский народ обувала.

Липу начинали обдирать ещё по весне, разбирая её кору на луб и лыко. Лыко вымачивали в лесных озёрах – мочажинах, и держали так чуть ли не до осени. От грубого, деревянного слоя - отделяли тонкий, мягкий: это и было мочало. Тот тужи, у кого ременные гужи, а у нас – лыки да мочалы!

Затем мочало высушивали, развешивая на жердях, до первого мороза: оно и применялось для выделывания кулей и лукошек, коробов и рогож для саней. Ну, а лыко, что не вымачивали – сухой луб, отвозили на двор, и крыли им крыши. Из липового луба кровля выходила что надо: и тепло держало, и воду не пропускала. На такой луб подбирались липы в возрасте.

А вот на лыко для лаптей шли молодые липки от трёх до пяти лет: три липки уходило на одну пару лаптей. Лапти плели в огромном количестве и на любой сезон: летом – прохладные, зимой – тёплые. Кабы не липа и береста, мужик бы рассыпался!

Правда, в мягкости дерева была скрыта и твердость: из неё выделывали гвозди. Не уступали они по крепости ни дубу, ни вязу. Конечно, древесина липы не так прочна, как, скажем, у лиственницы, но бани строили из этого душистого и лёгкого дерева. Из него же ладили тоненькие дощечки для гармоний.

Добрым для людей оставалось всегда это дерево, его именем называли белый душистый мед, что собирали пчёлы с липового цвета, сок, отцеживаемый весной, и месяц июль, полный лесных даров и красок. И никогда не величали им дубовых мужиков, а только так, какого-нибудь не в меру хорохорящегося, фальшивого и без дела выставляющего себя напоказ человека, имеющегося в каждой деревне, нарекая его не иначе, как - липовый!

В старину считалось, что в липу никогда не попадает молния, и люди не боялись укрываться под ней во время ливней. Липовый кол вбивали в землю, где выпасался скот, от разной напасти. Из липы делали нательные крестики, и она считалась деревом Богородицы. В народе верили, что под ней отдыхает Богородица, когда спускается на землю. Согласно легенде, липа будто бы прикрывала своими ветвями Богородицу с совсем ещё маленьким Иисусом во время их бегства в Египет.

Удивительно поэтична липа в любое время года, особенно летом, когда так раскидиста её необъятная медоносная крона. Мёд – липкое сладкое вещество, будто проистекает из её мощных ветвей, растопляясь на благостном солнце, и насыщая собой весь воздух. Хочется пить его, не отрываясь от этой природной чаши, чтобы и по усам текло, и в рот попадало, и на душе сытно и радостно стало.

За эту опьяняющую задушевность липы и любят выращивать её в садах и парках. Липовые аллеи, посаженные Тургеневым и Пушкиным, до сих пор тешат людские души. Туманные образы их чудесных произведений нашёптывают людям великодушные и мудрые липы.

Зимой дерево, конечно, не дарит такого наслаждения, зато оно копит его в себе во имя будущей плодотворной жизни, чтобы опять одухотворять заблудшее человеческое сердце, повергая его в сладостный сон своих душистых наваждений. Может быть, зима взывает к человеку душой и телом именно липы.

СИРЕНЬ

Под моим окном в деревне уже долгие годы растёт сирень, и порой начинает казаться, будто она подстраивается под меня. Это очень приятное, загадочное и доброе дерево. Оно всегда будто улыбается, правда, сдержанно, но мило, а когда, в мае, его ветви сплошь покрывают розоватые и лиловые цветы, от сирени словно исходит мелодичное звучание.

Работая в огороде, я иногда смотрю на сирень и радуюсь. Сирень опять распустилась после суровой зимы, она жива и рукоплещет весне! Вернее, чудесным образом дополняет её своим восхитительным обликом, и в моей душе рождается праздник.

В начале лета огромной лиловой охапкой-кустом пенится сирень посреди набухающей и ещё не утомившейся листвы, но не гордится и не повелевает, а только нежно ублажает торжественно нарождающийся июньский пейзаж. Всё бы плыло над землёй сиреневое цветенье, и никогда не кончалось. Погружаешься взором в это сиреневое пышное благолепие, и не чувствуешь под собой ног: сирень-душа будто возносит тебя над землёй, отчего и твоя душа, точно так же, распускается сиреневым цветом, и не ведает, куда ей лететь от переполняющего счастья.

Почти весь июнь сиреневый дух душными волнами прокрадывается в дом. Все спят, окна растворены в сад, и стоит такая тишина, что слышно, как дышит каждый листик. Лёгкий шепоток от них создаёт какое-то невидимое движение, и оно ничуть не мешает, и даже приятно.

Но шорох этот перебивают настырные волны, исходящие от сирени, замершей там, под окнами, у покосившегося серого забора. Волны, по-кошачьи мягко, проникают в сонную темноту комнаты, и так же потаённо прокрадываются под кровать. Может, именно этой ночью сирень намекнёт тебе своим запахом о том прекрасном, чего ещё не было в твоей жизни, но обязательно вскоре сбудется?

А в конце июня сирень осыпается, и происходит это неожиданно, как-то разом. Ещё совсем недавно пышная, белопенная, шальная, она уже не дурманит сочностью своих снежно-фиолетовых девичьих соцветий, и будто в мгновение стареет.

Молодость её начинает казаться непрочной, а затишье после буйного цветения - печально и нескончаемо. Думается почему-то, что упоительные сиреневые дни больше не повторятся, и это будничное однообразие после пышущей ароматом сирени никогда не прекратится. Сирень так бурно цвела, благоухала, что больше не верится в её возрождение, и отчего-то на сердце наваливается необъяснимая печаль, что, впрочем, быстротечна.

Знающие люди утверждают, что сирень нужно как можно чаще укорачивать, то есть – ломать. От этого она растёт лучше, а самое главное – необыкновенно распушается. И без того прекрасная, сирень становится ещё богаче.

В доме от запаха сиреневых цветков у людей приятно кружится голова, а в саду, где она растёт, воздух всегда чистый. Пьянящий аромат сирени прохладен и сладок особенно после дождя, и тогда хочется окунуться в это сиреневое буйство запахов и красок, уже ничего не желая.

Когда сирень в самом цвету, она будто простирает свои бело-фиолетовые пахучие длани, щемит сердце острым ароматным счастьем, и всякий человек чувствует: он словно выходит за свои пределы, чего на самом деле редко когда удаётся. Сиреневый туман клубится в солнечном свете, кажется, он даже вырастает, ненавязчиво утверждаясь во всём окружающем пространстве таким же переливающимся сиреневым благом.

А бывает, сирень нахлынет на тебя упругой душной волной, наполнит сладостными мыслями и настроением, и ты вдруг почувствуешь себя до краёв заполненной сиреневым вином чашей, которую, при всём желании, невозможно расплескать. Вино переполняет тебя, но не выливается, и ты радостно несёшь его в себе, насыщаясь нескончаемо чудным сиреневым духом. Лишить сознания может только отсутствие подобных впечатлений, но никак не сиреневый дурман, его чарующая желанная истома.

Распустила, наконец, свои лиловые султаны главная весенняя обольстительница – сирень, и вокруг всё ещё более преобразилось. Какая-то мимолётная и шикарная в своём дурмане, не без некоторого благородства и совсем не кокетливая, она словно раскрывает в себе окно, и быстротечные дни упоённо уплывают через него в блаженную даль. Никто из деревьев с таким обаянием не проживает их, как это совершается у сирени.

Пышность белоснежно-лиловых султанов придаёт сирени особое великолепие и торжественность. В ней – роскошь, не стремящаяся скрыть своё обилие, в тоже время - полная лёгкости. Пышное празднество сирени – её каждодневное состояние, но, в отличие от черёмухи, неудержимо навязывающей себя всему весеннему свету, она скромна. Черёмухе, говорят, пышно в цвету, а сирень будто утопает в своём пушистом цвете: ей хорошо и уютно с самой собой, и если черёмуха – красавица, то сирень – прелесть!

При всём своём очаровании сирень не ставит себя наперёд других деревьев, а сохраняет кротость. Скромное сиреневое дерево словно не ведает своих заслуг, хотя и необыкновенно красиво. Тихая, незатейливая жизнь

сирени чудесна сама по себе, она никого не обманывает, не охмуряет, как черёмуха, и эта скромность ей удивительно к лицу.

Сирень благоухает в душе каждого человека в самую сладкую пору весны. Женщина может подарить её себе сама, когда захочет, лелея сиреневый аромат ночами напролёт. Ночи эти такие тёплые, благосклонные к ней и её чувствам, а мужчина мысленно преподносит сиреневые букеты всем женщинам, потому как, на деле, не в силах их всех одарить. Сирень так естественна, легкодоступна, и, кажется, нет женщины, которая бы не желала прижать к груди душистый сиреневый букет, с наслаждением погрузив в него милое лицо.

В чудный месяц май пробуждает сирень все эти ошеломительные переживания и, наверное, не желает умирать. Вероятно, она даже не помышляет об этом, и только мечтает жить долго. Сирень дарит и восхищение, и радость, и покой без всякой тревоги, вместе с белым цветом облаков, синим небом и золотистым солнцем.

Смешавшись с бархатным теплом весенней ночи, её запах передаёт невольное беспокойство мерцающим звёздам и всей тишине, что распростёрлась над благоухающей землёю. Не идёт сон в такую сиреневую ночь, и душа полнится каким-то сладостным ожиданием.

Трепетное дыхание сирени в этот ночной миг горячо и душисто, оно плывёт от самой земли, когда она, девственная и чистая, ещё не проснулась под лучами солнца и не отдалась ему без остатка. Горячи и душисты пухлые сиреневые цветы, источающие терпкий аромат. Нет, кажется, ничего блаженней, чем слиться с ним в едином сладостном дыхании.

По-весеннему благостно и грузно свисают в саду сиреневые ветви, чем-то неизъяснимым тревожат душу, но и вдохновляют. Столько надежды, тепла и внутреннего света таится в каждом лиловом букете! Ждёшь весной встречи с любимой женщиной, и в опьянении сиренью гадаешь: осыплет ли тебя дождём из ароматных лепестков какое-нибудь нежное создание?!

Как безукоризненно точна и чудесна в своём восприятии времени сирень: в самую благодатную майскую пору зацветает, почти весь июнь ненавязчиво и мило предлагает всем дурманящий цвет и, вроде бы, совершенно себя не исстрачивает. Впечатление такое, что это ей ничего не стоит, и даже когда сирень отцветает, она не замыкается в себе, и не грустит. В полном удовлетворении от совершённого ей чуда только незаметно притихает, но живёт, тем не менее, интересно, чутко вслушиваясь и вглядываясь во всё происходящее в природе. Недаром, под осень, листья сирени, кажется, ещё более зеленеют.

Сирень – очень жизнелюбивое растение и, действительно, дольше других деревьев сохраняет зелёные листья. Бывает, стоит уже глубокая осень, выпал снег, а она ещё зелёная. Глядя на неё по осени, всегда думаешь о внутренней силе дерева, о его несгибаемости.

Но откуда сирень черпает силы? Наверное, она такая сильная сама по себе. Вдобавок, её ветви полнятся силою ветра, солнца, дождей и воздуха, и,

впитывая эти силы, сирень, действительно, оказывается несгибаемой. Сирени отчего-то дана такая природная власть силы, что никого не ломит, а наоборот, нежно всех осеняет, насыщая своей душистой кипенью. Благодаря сирени в душе человека весной закипают чудесные жизненные волны.

Да и увядает ли сирень вообще? Вернее, она просто бросает на землю лист, не успевший пожелтеть. Сирень, по-видимому, не желает блёкнуть, и до самого конца не теряет изумрудную свежесть, ожидая своего ветра. Лишь поздней осенью прилетает к сирени такой ветерок, окружив её непритязательным вниманием, забирает оставшуюся листву, и сирень успокоено засыпает.

Но в чудесную пору пышного цветения сирень кружит голову своим ублажающим ароматом, а если в её ветвях ещё заливается соловей – провозвестник утвердившейся весны, то и вовсе тебя охватывает нескончаемая радость, и она тоже закипает в твоих жилах неудержимой жаждой к жизни, к цветению и созидающему труду. Чудится, будто наступила ни весна, а какая-то непередаваемо восхитительная пора, ты выглянул в её распахнутое окно, перевалившись через подоконник, и оказался в ней, в этом удивительно прекрасном соловьином царстве. Но лучше не попадать в неё целиком, а лишь вглядываться и вдыхать головокружительный аромат, замерев у самого края, где присутствие соловья особенно трогательно, и песня его льётся, словно родник.

На то Бог птицу благословил, она судьбою своею восторженной переполнена, и оттого – счастлива бесконечно. Это - её счастье, но мне тоже хочется его пережить. Боясь потревожить соловья, я осторожно вглядываюсь в его трепетно вздрагивающее горлышко, чуть оттопыренные крылышки и тёмный смородиновый глаз: в нём, кажется, отражена вся весенняя ночь, и первая зелёная звезда, и трогательное перешёптывание молодых трав.

Не видно, но чувствуется, как в тиши сада покачивают головками цветы, что-то чудесное друг другу нашёптывают, не желая в такую жизнеутверждающую пору хотя бы на время забываться, и соловей всё это приветствует и воспевает. Даже человека рядом не замечает, скорее всего, доверяя своё сердце и ему, и всё насвистывает свои переливчатые трели, не в силах нарадоваться: откуда в нём столько страсти берётся, что потом льётся в душе человека и лето, и осень, и зиму, и никак не иссякает? Воли соловью, видать, больше всего хочется, вот он и превозносит её во всеуслышание, вселяя в каждое живое существо надежду на счастливую судьбу. Разве человеку без этой воли обойтись?!

Странно мне стало думать, что в стародавние времена какого-то знаменитого разбойника прозвали Соловьём. За какую честь ему такое счастье выпало? Ведь хоть соловей на пересвисты и горазд, он всё больше божественную нежность и чистоту провозглашает, и его песенные переливы ложатся на душу жизнеутверждающим благом, они не грозны, и не разрушительны.

Думается, лишь за посвист соловушки, что по своей красоте и силе никем не превзойдён, был он преумножен в народных сказаниях до разбойничьей удали. Так нам всем мил этот очарованный певец, что принимаем мы всем сердцем и Соловья-Разбойника: пусть себе посвистывает на благо родимой земли и погибель её врагов!

Песня же соловья льётся по весенней земле раздольною рекой, пробуждая её и украшая, так что и самому захочется запеть соловьём, провозглашая только любовь и радость, чтобы никогда не иссякало жизнеутверждающее божественное качество нашей души, продлеваясь в достойных Бога деяниях.

Сколько раз мне приходилось слышать соловья, а всё было недосуг подглядеть, как выглядит эта птица. Однажды я всё же набрался терпения, долго и медленно подбирался к густому кусту сирени, силясь рассмотреть знаменитого певца, а когда обнаружил его в сплетении ветвей, то поначалу даже не поверил: соловей был уж какой-то совсем маленький, худосочный, и одет в неприглядное серенькое перо, будто накинул сюртучок не со своего плеча. Но вот глаза птицы поразили: большие, чёрные, как две спелые смородинки, и до того трогательные и проникновенные, что я сразу почувствовал – в них вся весна!

Общеизвестно, что соловей, действительно, знатный певец, не похожий в своём природном умении ни на одну певчую птицу. Он не просто свищет и щёлкает, как, обычно, не без восторга, принято упоминать среди людей о его непревзойдённом таланте, соловей именно поёт, издавая голосом, на удивление, восхитительные звуки. Охотники до соловьёв различают все колена его песни, и даже дали им названия: бульканье, клыканье, дробь, раскат, пленканье, лешева дудка, кукушкин-перелёт, гусачёк, юлиная-стукотня, почин, оттолчка, свисты и трели. Соловей поёт, говорят, себя тешит, но разве для всех нас по весне его песня не великая радость?!

Соловей прилетает к нам, в отличие от других певчих птиц, когда уже можно напиться воды с берёзового листа, и сразу, по прилёту, занимает густые ольховые поросли по опушкам и берегам рек, в деревнях же выбирает чаще всего черёмуху и сирень. Буровато-серая маленькая птичка, почти невидимая в ветвях, среди голубовато-фиолетовых нежных султанов, и вовсе остаётся незамеченной, но именно благодаря сиреневому одурманивающему кипению, наверное, и поёт всю ночь, от вечерней до утренней зари, а в первые две недели после начала пения - и в светлое время суток, умолкая ненадолго только в середине дня.

Соловей поёт, сидя на какой-нибудь ветке сирени невысоко от земли, несколько сгорбившись и опустив крылья. Заметить его сложно, но при всей скрытности и осторожности он часто увлекается в своих восторженных трелях, и к нему можно подойти вплотную. У очень хороших певцов в песне имеется даже до нескольких десятков колен, и как тут не забыться, весь день, без перерыва, провозглашая весну!

Пение соловья очень богато пересвистами и пощёлкиваниями, в них с удивительной прелестью нежные звуки сменяют громкие, а восторженные – печальные. Чарующая мелодия в какой-то момент словно замирает на мгновение, но после небольшой паузы следует ещё более очаровывающая трель.

Причём, всё торжество издаваемых звуков льётся неторопливо, даже, можно сказать, обстоятельно. В этом - неповторимость соловьиной песни, что всегда изумляет своим разнообразием, полнотой и силой, а в опьяняющем сиреневом аромате соловьиная песня – маленькое чудо в удивительном празднике весны. Безотчётно хочется окунуться и в соловьиную песню, и в это сиреневое буйство, скорее даже – броситься в закипевшую сирень, как в море, вмиг пропитавшись влекущим голубовато-белопенным духом.

В запахе цветущей сирени соединяешься с чем-то бесконечно далёким, полузабытым в душе, но не исчезнувшим до конца. Именно весной, у раскрытого в сад окна, всё время кажется, будто кто-то сидит рядом с ним, слушает тишину дома, и вот-вот заберётся к тебе в комнату, вместе с ароматом сирени, но не напугает.

Чудо, как хорошо переживать в сердце, вместе с весной, эту упоительную блажь, нестись в прекрасное неизведанное, и думать только о чудесном. Какое счастье просто увидеть зацветающую сирень погожим весенним вечером, когда она густо усыпана своими лиловыми султанами!

Всё вокруг необыкновенно оживлено, но никто и ничто в этой прекрасной весенней тесноте друг другу не мешает, а только ещё более возбуждается от такого незабываемого соседства. Весна на дворе – полное довольство тепла, запахов и света, и сирень сейчас просто священнодействует посреди этого природного буйства, когда всё живое не в силах скрыть своего восторга.

Волнение, кажется, только усиливается от зарождающегося над землёй сиреневого аромата, и оно вот-вот перехлестнёт через край. Напыжившееся тельце соловья дрожит, голосок беспрестанно журкает, захлёбывается, и ты замрёшь от переполняющего и его, и тебя блаженства: как страстно воодушевлено всё живое происходящим! А вокруг солнечное раздолье, пьянящий сиреневый дурман и торжество жизни, в которой соловей – её главный герой.

Такое повсюду проистекает раздольное счастье, что и соловей, бывает, захлебнувшись ароматом сиреневой накипи, соскакивает с голоса, и, кажется, некому в эту восторженную пору его поправить. Но сама весна и выправляет непередаваемые по красоте мелодичные коленца чудесной птицы, и вновь всю майскую ночь, напролёт, стелется над землёй её страстное посвистывание, и становится так явственно ощутимо, что повсюду в эти прекрасные мгновения рождается любовь.

Окно распахнуто в сад, прямиком в цветущие султаны сирени, и кажется, что весь сад благоухает вместе с ней, дышит, навевая своим

дыханием какие-то безмятежные думы, что вскоре будет и не вспомнить. В этом запахе рождается что-то новое, будто бы даже давно позабытое, то, что не сразу узнаешь, и его непременно хочется разгадать.

И тут вдруг на ветку, она ближе других протянулась к дому, чуть ли не заглядывая в комнату, юркнет серенькая птичка, отчего веточка радостно заходит под ней, да и вся сирень будто оживится, ещё более воспрянув в своём благоухающем аромате. И сердце так же радостно толкнётся в такт этой закачавшейся сиреневой веточке, сладостно защемит в груди, и не отпустит. То пожаловал к тебе в гости милый соловушко, что одним своим появлением, ещё не подав голоса, всё в душе перевернул, и так, растворив её, обнажённой и оставил, чтобы лилась в неё, без остановки, чудесная песня весны.

И сад становится не таким, каким до сих пор был, он преображается, словно переродившись, а я подхожу тихонечко к окну, и, не боясь, что мой диковинный гость улетит, осторожно облокачиваюсь на подоконник, приближая лицо к вздрагивающей от возбуждения птице. И тут настаёт миг, что, кажется, протяни руку, и коснёшься серенького пера чудесной птички.

Глазик её тревожно блестит, переливается в такт проникновенной песенке, и ты на миг сам почувствуешь себя соловьём, переживая в своём сердце всю природную трепетность птицы, её необозримую душу, и увидишь в этом трогательном смородиновом глазу птахи весь весенний восторг, саму весну, что захватила собой эту неповторимую жизнь. Каждый может позабыть себя в ней, превращаясь в одну радость.

Слушая соловья, я не могу поверить, что он трудится, исполняя свою песенку, и никак не в силах наглядеться на серенькую невзрачную птичку. Если бы не голос, думается мне, разглядел бы я её? Вряд ли. А соловей поёт, и все его чувствуют и слышат, представляя себе, что это какой-то необыкновенной красоты певец, так хороша его песенка.

Трудно удержаться, и не нафантазировать себе образ чудесной птички, что обладает необыкновенным голоском. Хочется и самому запеть, вслед за соловьём, свою историю, и вот таким нехитрым образом, этот удивительный певец обращает мир во всеобщий праздник.

И ещё вдруг пронзает мысль: в проистекающей повсюду весне трель соловья так чиста и первозданна, что люди порой и не обращают на него самого никакого внимания, воспринимая соловьиную песню как нечто совершенно обыденное, без чего и весна ни весна. Но отними у неё эту переливчатую мелодию, и нарушится совершенное естество природы, а осознав подобное – поблагодаришь её за созидательное жизнетворчество. Закрепив для себя в сердце непревзойдённого певца и его неподражаемую песенку, будешь нести её потом и всё лето, и осень, и зиму, чтобы когда-нибудь опять обрадоваться приходу новой весны и появлению в саду дорогого гостя, что утверждает по всей земле только любовь.

Плохо, если жизнь человека проходит без соловья, и нужно обязательно, хотя бы раз в жизни, собраться и отправиться в соловьиную страну, чтобы забыться в ней от счастья.

А какая радость увидеть зацветающую сирень погожим весенним днём, когда она густо усыпана вживкающими воробьями! Воробьёв - тьма, все они необыкновенно оживлены, а сидят до того плотно, что не протиснуться меж ними самой маленькой птахе, но при этом нисколько друг другу не мешают и только ещё более возбуждаются от такого тесного соседства. Весна на дворе – полное довольство тепла, запахов и света, сирень священнодействует посреди всего этого совершающегося буйства, и махонькие воробьишки не в силах скрыть своего восторга.

Их волнение, кажется, только усиливается от зарождающегося над землёй сиреневого аромата, и оно вот-вот перехлестнёт через край: напыжившиеся тельца дрожат, голоски беспрестанно журкают, захлёбываются, ты даже замрёшь напротив сгрудившихся птиц: как страстно они воодушевлены всем происходящим! А вокруг солнечное раздолье, пьянящий сиреневый дурман и торжество жизни, в котором воробьи не самые последние!

Иногда украшением сирени оказывается и чечевица! Как хорошо в саду, когда цветут яблони, вишни и сливы, от них не отстают черёмуха с сиренью: сыплется на землю мягкий душистый «снег» из лепестков. Белые «снежинки» залетают в раскрытые окна, ограду. И вот среди бело-сиреневых цветков красуется ярко-красная грудка самца чечевицы, а над огородом разносится его проникновенно восторженная песенка: «Витю видел? Витю видел? Уити-уить, уити-уить! Уити-уить! Витю видел?!»»

Всё лето снуют в ветвях сирени горихвостки и их быстро подрастающие слётки. У меня в огороде гнездо горихвосток располагается прямо над сиренью, под карнизом дома, и сразу после прилёта, обосновавшись на макушке дерева, птички дают о себе знать несколько монотонной, но мелодичной и звучной песенкой. Приведя в порядок гнездо, горихвостки распевают свои милые песенки, и при этом всегда очень оживлены, непоседливы и непрерывно трясут хвостиком, демонстрируя своё оранжевое подхвостье.

Сердобольные птички успевают вывести за весну два потомства, и вылупившиеся птенцы, громким писком, непрерывно требуют еды, вынуждая заботливых родителей сотни раз в день приносить им корм – бабочек и гусениц, клопов, жучков и прочих насекомых, а когда устают – присаживаются на распустившиеся веточки сирени, радостно оглашая округу коротенькой нежной трелью: «Фюить-фюить-ти-ти-тик, фюить-фюить-ти-ти-тик, фюить-ть!». Всю весну с летом оживляя своим присутствием садовое пространство, напоминают о себе эти милые птички, но предпочитают почему-то заросли колокольчиков, малину и сирень, хотя она давно облетела. Птички порхают под окнами маленькими оранжевыми комочками,

трогательно трясут хвостиками, и сердце моё незаметно наполняется силой, которой ему недоставало.

Не минует притихшее под осень милое дерево и вороньё… Суматошные птицы, смешно раскорячившись в глубине сирени, без устали надкусывают сухие ветви и бросают их оземь. Причём, ветви сирени крепкие и не сразу поддаются, но это обстоятельство не останавливает ворон. Они всецело погружены в захватившее их занятие, не замечая, что делается вокруг.

Я осторожно наблюдаю за птицами из окна и никак не могу понять, для чего они это делают: то ли свой клюв оттачивают, чистят, то ли просто от нечего делать забавляются? Наломанные ветви валяются под деревом, так и оставаясь непригодными, другие деревья птицы не трогают, и, знай, упорно пытаются надрать побольше веток именно с сирени. Когда воронам надоедает изводить себя странными силовыми упражнениями, они в мгновение, как ошалелые, срываются куда-то, и к сирени подлетает, наконец, белобокая сорока…

Усевшись на вершинку, она начинает без устали сокотать, накручивая хвостом, тоже пытаясь чем-то отметить своё присутствие на полюбившемся всем дереве, но так и не обнаружив для себя ничего занимательного, вскоре с недовольным криком покидает сирень. Потревоженная веточка сирени приветливо качается ей вслед, будто прощаясь с давно минувшим весенним цветением, умиротворённым благостным летом и незаметно истаивающей осенью.

И даже когда лист опадает, и землю покрывает первый снежок, на обнажившиеся веточки сирени прилетают красногрудые снегири. Оживляя собой её замерший вид, птицы домовито толкутся под самыми окнами, мягко посвистывают, но покидать сирень не спешат. Поздней осенью они с удовольствием расклёвывают засохшие ржавинки былого сиреневого цвета, неторопливо теребят его, и если день выдался тихий, пасмурный, эти потрошённые птицами семена издают тонкий пряный аромат, нежно истаивая в прохладном воздухе. Кажется, что так начинают пахнуть влажные листья сирени, её серовато-белые ветви и сами красногрудые снегири, а ты до конца понимаешь богатую суть сирени, что очаровывает даже под осень.

В сирени много любви ко всем, и она – дерево-душа, что несёт окружающему миру ароматное добро. Одна сиреневая душа, а как хороша!

РЯБИНА

Рябина в лесу сразу бросается в глаза своей открытой красотой, но в тоже время она печальна и скромна. Её алые гроздья свешиваются с ветвей не напыщенно, а в тихом довольствии собой. Рябина знает о том, как она прекрасна, и, будто смущённая этим, старается казаться незаметной.

Но получается это у неё плохо. Когда приходит её час, а это случается под осень, рябина уже не остаётся без внимания человека, и будоражит его восприятие. Человек обращается душой к дереву, что однажды становится

заметнее всех и не может не напоминать о себе повсюду. Большую часть года рябина только копит в себе силы, и начинается эта невидимая работа зимой, когда дерево ещё несёт на своих ветвях перемороженные ягоды, не склёванные вездесущими птицами.

Не сразу приметишь стволы рябины, согнутые под снегом, так что кажется, будто он её не тяготит. Рябина достаточно гибка, чтобы быть свободной от него. Снег лишь нежно прикасается к её ветвям, заботливо укутывая их от мороза, а зима как будто чувствует нежность рябины и ласково убаюкивает её. Она не позволяет себе быть с рябиной слишком жестокой, как это часто происходит с другими деревьями.

Редко обратишь внимание в зимнем лесу на рябину, может быть, лишь случайно натолкнувшись на неё, а подняв голову, заметишь сморщенные бордовые ягоды. Вспомнишь вдруг тихую осень, разноцветный лес и вспыхнувшие в нём алые плоды. Именно они привлекают твоё внимание, и душа рябины раскрывается в них таким же неповторимым чарующим светом.

Цвет рябиновых ягод ненавязчив и глубок, в нём - отражение души самого дерева. Когда все накопленные за зиму и весну силы выплеснулись в его стволе, а листва ещё не успела пожелтеть, рябина переживает самый важный миг: она гонит по ветвям нежнейший сок перевоплощения.

Человек благодарен ей за это. Обнаружив однажды над головой красные гроздья, он тоже будто перерождается душой. Скрытые чувства и мысли рябины тогда ему понятны, и душа дерева как будто сливается с его душой.

С давних пор в русском народе было принято сажать под окнами своих домов красную рябину. При этом люди и думать забывали о горечи её красивых ягод, их привлекала теплота милого деревца, всегда радостно трепещущего своими весёлыми пальчиками-листочками. В рябине присутствовала какая-то сразу располагающая к себе задушевность, и именно поэтому, наверное, она почиталась среди русских крестьян, часто обделённых судьбой в доброте и радушном отношении. Невозможно было не любить это скромное, всем доступное дерево.

Вот и ствол рябины гладок, покрыт приятной на ощупь тоненькой корой. Когда из-за облаков выглядывает солнышко, особенно – по осени, кора эта весело блестит, радостно переливаясь в его лучах. Именно в такой момент захочется прикоснуться к рябине ладонью и погладить: дерево непременно отзовётся тебе теплом.

Зацветает рябина поздно, когда уже приоделись в свои зелёные наряды берёзки и осинки, и её неприметные на вид желтовато-кремовые соцветия напоминают неловких пушистых птенцов. Их тоже сразу хочется потрогать, и на ощупь они оказывается нежными и тёплыми.

К середине августа гроздья круглых рябиновых ягод незаметно алеют, но никогда не возникает желания их попробовать. И только когда случаются первые осенние заморозки, и подбитый ими жёлтый, красный и оранжевый лист в одну ночь трогается с ветвей деревьев и устраивает листопадную

метель, захочется подойти к рябине и полюбоваться на её спелые карминовые бусы. Вот когда можно от души полакомиться подмёрзшей ароматной ягодой!

Яркие плоды рябины привлекают к себе в конце лета и множество птиц, так же, как и человек, способных оценить их достоинства. В лесу это с особым желанием проделывают дрозды, сойки и рябчики. Для всех хватает рябинового торжества, и птицы долгое время наслаждаются им. Рябина же всегда остаётся мягкой и задумчивой, нисколько не жалея накопленных в себе сокровищ: она живёт тем, что дарит их, и этим красна.

Зимой её ягоды с удовольствием поедают снегири и свиристели. В отсутствие уже опавшей листвы птицы кажутся удивительным продолжением дерева, возникая в его ветвях такими же неповторимыми плодами. Не устаёшь наблюдать за их оживленным поведением, ловя себя на мысли, что даже оголённое - дерево не умерло.

Завидев на рябине всю эту птичью братию, сразу покажется, будто между ними и деревом – какая-то необъяснимая связь, вернее – родство: рябина без птиц, вроде бы, даже тоскует, а птицам, кажется, не достаёт её красивых плодов. Рябина и снегири со свиристелями – одно целое.

Ягоды рябины терпкие, горько-кислые, но это не мешает наслаждаться ими и такому крупному зверю, как медведь. В конце августа приходит косолапый к любимому деревцу, чтобы полакомиться его сочными плодами. Медведь сдирает ягоды целыми гроздьями, оставляя на стволе дерева глубокие борозды от когтей. Иногда, кажется, что рябина всё великодушно прощает неуклюжему зверю, и он чувствует это и любит её ещё больше. Правда, не всегда так заботливо, как это делает человек.

Рябина же ни на кого не обижается. Она, вообще, довольно неприхотлива и приживается одинаково как на влажном месте, так и на сухом. Не страшны ей ни солнцепёк, ни тень, ни лютые морозы. Но лучше всего рябине жить на сдобренной черноземом почве - не сырой и хорошо освещённой.

Тогда её стройные коричневато-золотистые тельца с округлой кроной как будто охорашиваются, и в восторге чувств замирают. Рябина становится похожей на позабывшую обо всём от счастья веснушчатую девчонку, обласканную самой природой.

Рябина у нас растёт повсюду, и когда увидишь в конце лета, в окружении ещё зелёной листвы других деревьев, коралловые грозди спелых ягод, всегда задержишь на них взгляд, с лёгкой печалью подумав о том, что лето миновало, и вскоре, быть может, зарядят надоедливые дожди. Но пока августовское умиротворение приятно ублажает твоё сердце, и лёгкий ветерок придаёт рябине радостное оживление. Смотришь на это красивое дерево, улыбаешься про себя чему-то, и не в силах отвести от неё глаза: такое это милое и доброжелательное дерево, любимое в русском народе.

На свидание красную девицу приглашали выходить на долинку, чтобы посидеть там под рябинкой. Без рябинки русские люди не мыслили своего существования, дерево это оберегалось ими от худой напасти, не позволяя даже галке своим чёрным носом клевать дорогую ягоду-рябину. Не уродилась рябина – и осень не осень!

Решая вообразить себя каким-нибудь деревом, сразу приходят на ум дуб и лиственница, сосна с елью, и только затем подумаешь о милой сердцу каждого русского человека рябине, о ласково шелестящих на ветру листочках, о неприхотливом и добром нраве. Хотелось бы и тебе так ласково и беззаботно пошуметь своими заботливыми ветвями? Не переживать, а радоваться отдавая налитые соком ягоды вездесущим дроздам и синицам? Щедро сыпать спелой ягодой на первый снег, не заботясь об уходящем для себя времени…

Как тут не позавидуешь этому красивому дереву, и приходит вдруг мысль, что как бы было хорошо и тебе научиться с радостью в сердце отдавать кому-либо своё добро, ни о чём не сожалея!

Глядя на рябину, непременно подумаешь о том, как чудесна эта предосенняя пора, когда идёт по земле последний месяц лета, и хоть по-прежнему ещё случаются жаркие дни и полыхают далёкие зарницы, но ночи стали прохладны, да и росы обильно смачивают вянущие травы. Всё чаще плывут по небу тонкие нити перистых облаков – предвестники ненастной погоды. В тёмно-зелёной листве деревьев и кустарников мелькают жёлтые пряди, что отмечают чаще всего липу, в полях невидимая рука августа один за другим обрывает белые лепестки ромашек.

Просты и скромны тона уходящего лета, август как будто готовит наше восприятие к близкой поре золотой осени, но пока по опушкам леса и вдоль заборов радостно пламенеют только гроздья рябины и калины…

И вот минуло лето, и если в лесу рябины уродилась пропасть – осень непременно замучает дождями. А бывает, приход осени и вовсе не заметен. По-прежнему стоят жаркие дни, туманной дымкой закутаны дали и нередки раскаты гроз: всё говорит о затянувшемся лете. И тогда радостные рябиновые дни сменяют один другой, и так к ним привыкнешь, что они кажутся нескончаемыми, а озарила тебя этим счастьем дорогая рябинка.

Яркость упругих гроздьев тиха, и даже обилие рябины в лесу не приносит ожидаемого света: неслышно плывёт над землёй разноцветный рябиновый лист. Но вот неожиданно выскальзывает из-за облаков солнце и оживляет всё то, что представлялось до него невзрачным: на осыпающихся верхушках рябины вспыхивают радостными огоньками алые кисти. Правда, в сентябрьском солнце уже нет пыла и жара, только видимость силы, но благодаря рябине всё вокруг вмиг переменилось и засверкало!

Стоит только внимательно присмотреться в эту пору к природе, пожертвовать временем во имя обретения знаний, и она не заставит себя долго ждать, открывая для человека неиссякаемые источники его собственной силы. Конечно, не сразу, лишь после того, как эти наблюдения

будут передаваться из поколения в поколение, и первой отзовётся на внимание человека наша красавица-рябина.

В народе знали, наверное, что если листья на дереве пожелтели и опали ещё летом, предстоящая зима обещает быть долгой и суровой. Когда же листья долго держатся на ветвях, вянут, но не падают, лютым выдастся февраль. Ягоды рябины, поспевшие слишком рано, предвещали позднюю весну, зелёные же листья долго не опадают – ожидай мягкую зиму…

А ещё сложились такие надёжные приметы: если весной рябина цветёт очень пышно и летом завязывает много ягод, то осенью в лесу будет большой урожай грибов, а зима выдастся щедрой на снег. Если рябина завязала мало ягод – осень будет сухой, а если зацвела поздно, то осень будет затяжной и долго не выпадет первый снег.

Ветки рябины с ягодами считались оберегами, их срывали для украшения домов. Само же дерево нельзя было рубить. Но если хотели наломать красивых веток, то просили у дерева прощения, кланялись ему и объясняли, почему это делают.

По старинной традиции любили высаживать у своего дома именно рябину, она защищала от зависти, дарила достаток семье и не давала переступать порог дома злому человеку, а в огороде обещала богатый урожай. Если дерево, посаженное у крыльца дома, начинало болеть и переставало плодоносить, то это считали плохой приметой. Искренне верили, что рябина помогает защищать дом от пожара.

Рябина считалась символом счастливого брака. Ягодами её было принято украшать праздничный стол и обсыпать ими молодых. В обувь невесты и жениха прятали рябиновые листья, это помогало оградить от сглаза. Для этих же целей у невесты на шее должны были висеть рябиновые бусы, а у жениха – ветки на поясе. Венок же из рябины, повешенный в ограде дома, приносил ему достаток и процветание.

В народном календаре до сих пор существует праздник под названием Пётр-Павел Рябинники. В деревнях в эту пору срывали рябину кистями и развешивали под крышу, на сеновале, чтобы на морозце и тревожащем сердце ветерке она достаточно провеялась, да сахарного соку набралась. В народе всегда примечали: если в лесу рябины мало – осень будет сухая, много – дождливая, и, зная это, люди часть ягод предусмотрительно оставляли на ветвях: чтобы малым птахам было чем поживиться в голодное ненастье.

И вот подступает поздняя осень… Трогательно и чуть печально на душе, и даже угасающие костры осин не в силах оживить пасмурные октябрьские краски. Ветер обрывает последнюю листву, устилает плотным ковром дороги и тропинки. Лес вовсе почернел и притих, но увидишь под окнами пернатых гостей – снегирей, и сердце обрадуется.

Румяными плодами повисают они на ветвях рябины, могут подолгу находиться так без движения, лишь изредка тихонечко поворачивая чёрные головки и робко склёвывая сочные ягодки. Под рябинами, на которых любят

лакомиться снегири, можно увидеть «поедь» - подавленную мякоть ягод без косточек: забавные птички клюют только зерно рябины, а сочную мякоть бросают на снег.

При этом снегири всё время нежно и тоненько посвистывают, будто у них где-то под крылышками спрятаны крохотные дудочки. Тихие напевы снегирей вроде бы никак не сочетаются с суровыми завываниями подступающей зимы, но как милы сердцу эти живые яблочки посреди снежного безмолвия, на голых ветвях рябин, увешанных тяжёлыми гроздьями, припорошенными снежком!

В эту мягкую пору предзимья, когда многие деревья засыпают, рябина в своём причудливом переплетении ветвей приобретает еле угадываемую трогательную ажурность. Лёгкая, почти невесомая, стоит рябина в пронизанном чистотой воздухе. Всякий отметит её в душе и порадуется, будто повстречал в лесу давно не виденного и хорошего человека. Но короток век рябины.

Вспыхивая красками в своё лучшее время и очаровывая ими, она скоро гаснет. И почти все о ней забывают. Не то, что пихта, ель или сосна, что весь год несут в себе что-то неизменное, зелёное и живое.

Да ни к чему рябине с ними равняться. У неё своя жизнь, не похожая ни на какую другую, хотя она и дерево. Дерево, таящее в себе задумчивую загадку, какую оно своими алыми гроздьями только запутывает. Неразрешима пока рябиновая тайна, но тем и притягательна для человека, не устающего глядеться в себя и зиму.

Где-нибудь на затерянном посреди заснеженных лесов зимовье любуется человек сорванными ещё по осени рябиновыми ветвями и душой веселеет. Даже высушенные, тяжело свисают с них гроздья, аккуратно воткнутые в щели избы над окном, багровеют мягким, неугасающим светом. Такой непостижимо долгой покажется тогда зима, а сердце, обласканное рябиновым цветом, всё равно отмякает.

Проходя зимой вдоль знакомой рябиновой опушки, человек обязательно остановится под самым раскидистым деревом и сорвёт перемороженную ломкую гроздь. Ягоды на вкус покажутся сочно-сладкими и смачными. Будто для того они здесь и висели, уже давно готовые быть съеденными. Человек, наконец-то, обратил на них свое внимание, и они тотчас отблагодарили его за это.

В давнее время рябину заготавливали к зиме как еду, наравне с брусникой, клюквой и грибами. «Под ярусом-ярусом висит зипун с красным гарусом», - говорили о позабытых на чердаке плодах. Когда ягод на рябине урождалось много, что предвещало строгую зиму, обычно варили рябиновый квас от частой простуды.

Рябиной пользовались и как средством от печного угара, что в любой деревне случалось нередко из-за экономии дров, когда вьюшку закрывали раньше, чем нужно. Рябина для деревенского люда была, пожалуй,

единственным средством от этой напасти. Мороженые ягоды не только избавляли от головной боли, но и доставляли при этом удовольствие.

Часто люди собирают рябину просто за её красоту, не желая видеть, как прожорливые дрозды расклёвывают драгоценные плоды и осыпают их на землю. Сладки на вид ягоды и пахнут приятно, а есть не станешь. Только любуешься неотрывно и неизвестно зачем сберегаешь. Так и висят янтарные кисти всю зиму, изредка бередя задремавшую струнку души.

Но и сама рябина полна удивительного вдохновения! Когда, к концу лета, становится холоднее, рябина начинает расти от одного корня множеством своих повторений. И так это у неё дружно получается, что просто загляденье.

Скученным кронам деревьев от такого тесного соприкосновения только теплее и легче переносить зимнюю стужу. При кажущейся нежности, рябина, несмотря ни на что, остаётся тверда характером, и бесстрашно борется за свое неподражаемое продление. Может быть, поэтому человек слышит в ней настоящий голос родной природы и России.

Конечно, не сказать о рябине всего того, что она на самом деле представляет, да этого, наверное, и не нужно. Достаточно того, что рябина – есть, радуя нас своим покойным и добрым существованием. Рябина – отражение души русского человека: в ней ненавязчиво живёт настоящая нежная сила, и она – красива.

Рябина чутко вслушивается и всматривается в окружающее пространство, без труда понимая всё, что в нём происходит, и получается это у неё опять же ненавязчиво. Рябина, кажется, всё про всех знает, и, молча, проповедует своё вкрадчивое отношение ко всему живому, необыкновенно украшая собой русский мир.

КАЛИНА

Долгие годы росла под окнами моего деревенского дома раскидистая калина. Приземистая и широкая, будто подперев бока руками, калина при этом вовсе не воспринимала себя в саду властной хозяйкой: она была скромна, и выглядела как нечто неотъемлемое от дружного сообщества сосен и яблонек, сирени и черёмухи, ёлочек, липки и рябинок. Её непритязательные корявые веточки как будто и не ведали тянуться вверх, к небу, как это заведено у других деревьев: верно на собственную забаву, они выдумывали какую-то свою игру, разрастаясь вширь, и год от года становились пышнее и краше. Так им, наверное, хотелось.

У той же сирени или черёмухи, что всегда, обычно, располагаются с калиной по соседству, ветви прямые и разветвлённые, а вот калинушка пронизывает воздушное пространство на особинку: её веточки, поначалу, вроде бы, куда-то и устремлённые, затем складываются в изящную розетку, наподобие тонкого лепного украшения, что завершают янтарные гроздья.

Ягоды калины, как и у рябинки, тоже собраны в кисточку, только не так густо, но зато имеют неподражаемо глянцевый, будто лакированный оттенок, отчего представляются более аппетитными. Чем-то они в этом схожи с такими же гладкими и привлекательными на вид ягодками волчьего лыка.

Калина… Откуда произошло это название, такое русское и очень подходящее будто подкалённым изнутри рдяным ягодам? Не обошлось тут, наверное, без природного огня, благодаря солнцу и благодатным земным сокам «накалившими» эти чудные, красивые ягоды на довольно-таки неприметном кусте с серою, неброскою корой.

Мастерица-природа именно «накалила» эти диковинные плоды, что поспевают не сразу, чего не отнять у ирги и черёмухи, а исподволь, с загадкою на позднюю осень, когда уже и первые морозцы со снежком вот-вот подступят, и тут - на тебе: накалённая пламенем лета и осени ягода, символ молодости, здоровья и красоты! Про неё, вроде бы, и думать забыли, отдавая предпочтение всем хорошо известным и любимым деревьям, и уж когда все заготовки на зиму сделаны, обращают свой взор к калинушке, что появляется, кажется, в самый раз. Именно в позднюю осеннюю пору, когда глазу не на чем зацепиться в серо-пегое предзимье, её ягоды излучают из себя калёный насыщенный свет.

Полыхают красным огнём ягоды калины, будто вокруг и не октябрь с ноябрём, привлекая на свои ветви ещё и красногрудых снегирей. Милые птички заботливо расклёвывают спелые ягоды, крошат их на первый снежок, и они ласково рдеют на нём капельками «крови» от такого же милого дерева, оживляя хмурый предзимний вид. Как нам, русским людям, обойтись без дорогой сердцу калины?!

Когда-то на Руси с калиной пекли пироги. Моя бабушка варила из калины кисель, и мы, дети, всегда были ему рады. Приготовленное в русской печи, угощение это казалось необыкновенно вкусным! В стародавние времена, по деревням, кисти калины всегда сберегали впрок, как верное средство от ранений, простуды и цинги. Горькая, не любимая многими людьми ягода, на самом деле – сладка!

И хоть велась в народе поговорка, что не бывать калине малиной, и что чужбина – это калина, а родина – малина, калина, теми же народными устами, сама себя хвалила: «Я с мёдом хороша!» Ягоды калины, богатые витаминами, помогали от многих хворей: если пить сок калины с мёдом – простуда с кашлем не страшна. Верили, что с помощью калины можно любой недуг одолеть, когда даже молитвы до Бога не доходят. Оттого и жила меж людей вера, что не всякий умирает, кто хворает, когда о родной ягоде-калине не забывает!

Что ещё сказать о калине? Калина у нас зацветает в середине июня, что для рыбаков верная примета – начинает метать икру лещ, а поспевает к концу лета, горя на солнце ярко-красными, пронизанными светом плодами. Отправляясь в лес по грибы, невозможно пройти мимо этого чудесного

дерева, и не наломать букет с рдяными ягодами, желая украсить ими свой дом.

По деревням издавна было принято перед избой сажать калину, что росла много лет, оберегая и прадедов и их правнуков от всяких напастей. Пышная и красивая калина обещала добрую судьбу для своих хозяев. Созревшие ягоды клали на подоконник, в качестве защиты от порчи и сглаза. Посадить у могилы калину – означало выразить истинное почитание и любовь усопшему человеку.

Новорождённых детей купали в воде, настоянной на ягодах и листьях калины, чтобы они вырастали здоровыми и красивыми. Согласно старинному поверью, если человек хотел получить душевное утешение, он должен был подойти к калиновому кусту и шёпотом поведать ему о своей кручине: если он исповедовался от всего сердца – калина помогала ему, даря умиротворение.

В августе народ справлял Калинов день, одиннадцатого числа, когда довольно часто случались утренники, опасные для хлеба, оставшегося на корню. По заверениям крестьян, рожь к этой поре была «пьяна», то есть – полна зерном и клонилась к земле, отчего крестьяне с надеждой и уповали на Господа: «Пронеси Калинника мороком, а не морозом». Под «мороком» подразумевали сухой туман и облака без грозы, опасаясь проливных дождей и особенно – боя урожая градом.

Примечали, что если на Калинов день не будет утренников, так и к началу сентября, на Луппа, не заморозит. Надеялись, что с Калинника установятся тихие и прохладные дни, чтобы работы могли продолжаться без остановки. И этот невидимый перелом в природе и жизни людей приходился, как раз, на время созревания калины…

В народе бытует убеждение, будто бы яблоки трясут, а калину ломают, но это неверное отношение к деревьям, в нём отсутствует уважение к растениям, что созидают свои стволы, ветви и плоды годами. Правда, не нужно забывать, что калину на Руси, как и рябину, считали «свадебным» деревом, и по многим деревням водился такой обычай…

На столе у молодых устанавливали окорок и штоф вина с заткнутым в него пучком из веток калины, обёрнутого алою лентой. Молодых подымали - и шло потчевание: они обходили по домам родителей невесты, родичей, а воротившись, дружка рушил окорок, словом – разделывал его, расщипывал калину и разносил вино. И это был всего лишь пучок веток с ягодами!

Но вот действительно неуважительны по отношению к дереву были так называемые «калиновые мосты» - гать по болоту, мощёная калиновым хворостом, ибо калиновый кустарник, ранее в обилии произрастающий по нашим лесам, был невысок ростом, широко и густо разрастался, а значит – был плотен и удобен в укладке этой самой гати. Можно себе представить, сколько полегло калинового кустарника в прокладывании крестьянами подобного рода путей-дорог! В стародавние времена иначе было не

обойтись, и из уважения к калине такая гать в народе не зря была прозвана «мостом»!

То ли дело - «калина топлёная», то есть - испечённая в вольном духу, на костре, под наглухо замазанной тестом крышкою! Или, скажем, такое кушанье, как русская кулига, давно забытая в народе каша из воды, муки, солода и калины, подслащённая мёдом и приготовленная непременно в печи, в глиняных горшочках. Помимо повседневного употребления, это блюдо могло быть очень ценно в пост.

Невозможно не упомянуть мочёные яблоки с калиновым соком, а лучше того – подмороженные ягоды калины в сахарной пудре. И хоть говорили меж людей, что не бывать калине малиной, да только с малинника лыки не велики, при всём том, что ягоды сладки, а вот с калинника лык надерёшь, да ягод в рот возьмёшь! Особенно, когда их прихватывает первый морозец!

Не зря про калину сложили такую загадку: в сенокос – горька, а в мороз – сладка, что за ягодка?! Ешь, как говорится, горькое, доберёшься и до сладкого. А где сладко, там и гладко!

Много песен, сказок и стихов сложено в народе о гладкой калине. Чудные ягоды будто светятся изнутри, да ещё с таким ласковым привлекательным блеском, что их сразу хочется съесть! Но нет, лучше пока не трогать, потому как это не ягоды, а чистые рубины, прокалённые природой самоцветы, что горят даже в хмурый осенний день.

Ещё не опавшие листья у калины тоже багровые, под стать ягодам - трепетные, содержащие в себе свою силу. Не зря трижды в год она бывает ярче своих лесных соседей: весной весь куст усыпан крупными кремовыми соцветиями, летом калина одевается в яркий сарафан из жёлто-красных ягод, а с осенним морозцем она ещё раз меняет наряд – листья её становятся пурпурными! Разве пройдёшь мимо калины, не залюбовавшись на неё?

Поздней осенью, когда землю уже укрыл нежный снежок, я смотрю из окна на свою калину. Деревце распахнуло передо мной пёстрые ладошки и будто хочет заглянуть в дом. В них - гроздья налитых природным соком калёных ягод, калина великодушно мне их предлагает, и разве можно ей в этом отказать?

И я, конечно, выхожу к ней на двор, тихонечко касаюсь её серенькой щеки, и пробую ягодку на вкус: калинушка мне радостно улыбается. Она, оказывается, только этого и ждала!

Вторая часть. Отец-Лес

Про чудеса и тайны

Весь мир, сам по себе, чудесен, всё в нём волшебно, и важно чувствовать это волшебство и в себе, поскольку душа твоя неотделима от всего сущего: и от звёзд, и от моря, и от солнечного сияния, и от таинственной лесной чащи. Чудеса эти сохраняются в твоём сердце до тех пор, пока тебе достаточно того, что у тебя есть, ты дорожишь им, и ничего больше тебе не надо. Только в этом случае волшебству никогда не придёт конец.

То, что в лесу оказывается для тебя присущим ему волшебством, для многих людей представляется вообще не существующим, потому как они заняты в жизни несущественным. Люди просто не могут о нём ничего знать, и, значит, видеть, ворота познания перед ними закрыты. Им не хватает мужества и настойчивости в достижении открытий, когда препятствия идут только на пользу, на деле оказываясь незначительными, а божественная красота, наоборот, выступает наружу. Человек сам способен творить чудеса, если того пожелает.

Просто так разглядеть что-то необычное в лесу суждено не всякому: для этого ты сам должен быть необычен, а значит, готов к принятию тайны, какой бы невероятной она ни казалась. Готовность эту ты давно вынашивал в сердце, и быть может, благодаря лесным чудесам, она, отчасти, и утвердилась в нём. Именно сердцем ты чувствуешь приближение в жизни чуда, и оно тебя никогда не подводит.

Столкнувшись с тайнами леса, ты, как будто, попадаешь в детство, что, кажется, ушло безвозвратно. Но вот, оказавшись в волшебном лесу, оно возрождается в тебе, ты вновь переполнен значимостью всего, что происходит с тобой, и начинаешь замечать то, чего не упускал только в детстве. Ты опять чувствуешь себя самым богатым человеком на свете: солнце в твоей душе сияет!

Обаяние и правда леса так велики, что никогда не придёт на ум: раздавленная брусника алеет кровью, а роса стекленеет стекающей слезой… Скорее, лесная ягода напоминает налившуюся бровь токующего глухаря, а роса играет на свету живой жемчужиной. Всё в природе происходит вследствие действия исконных законов Вселенной, и её чудеса – это пока необъяснимые, но вечные неизменности, что даже после их понимания не перестают оставаться чудесными.

К чуду прийти гораздо легче, если знаешь о лесе больше, чем другие, а когда что-то в лесной жизни и вовсе остаётся неизвестным, то тебе остаётся только терпеливо дожидаться долгожданной встречи с чудесным. Ведь ты знаешь, как всё здорово у тебя может получиться, стоит лишь проявить выдержку и терпение, и ты очень радуешься этой способности видеть то,

чего не видят другие, обретя её в долгих хождениях по лесу. Лес чутко примечает приобретённую тобой привычку, и следит теперь только за тем, чтобы ты не навредил ни себе, ни ему.

Бывает, чудеса перестали к тебе приходить, уже долгое время их в твоей жизни не было, и это означает, что ты прервал свою душевную связь с миром леса, примирился по какой-то причине с их отсутствием, и если такое положение дел не тревожит твоё сердце, оно устраивает тебя, его требуется просто принять. Быть может, встреченных тобою в жизни чудес вполне тебе хватает, и ты перестал посещать лес, тайны его уже не привлекают тебя, как прежде, словом, ты успокоился и переболел своим увлечением лесной чащей.

Но если ты, всё же, хочешь вернуть неизведанное в свою жизнь, вновь отправляйся в путешествие, иного пути для встречи с ним не существует, и вероятнее всего – чудеса с тобой случатся. Ведь они – слияние воедино всего: и красоты природы, и твоей собственной душевной глубины, что жаждет ещё больших открытий. Даже преклонные годы не закроют от тебя появление в жизни чудес, они станут только более изысканными и простыми, если ты не изменишь самому себе.

А потому настоящее лесное чудо – это всегда, в первую очередь, вера в себя, в свой путь, что представляется чудесным. Отправляясь с утра в лес, я непременно даю себе наказ обнаружить там что-нибудь удивительное, и оно случается. Надо только иметь чуткое сердце, восприимчивое видение всего сущего, и ты обнимешься с чудом. В лесу существует ещё много не воспринятых людьми чудес, и они ждут, чтобы их открыли.

Если ты переживаешь чудо, значит, ты мудро относишься к жизни. Она остаётся благодарна тебе за это, ибо чудо – повсюду, куда бы ты ни отправился, а твоё воображение делает тебя ещё более сильным и восприимчивым, потому как с помощью его ты способен выйти за пределы себя самого, соединившись и с лесным богом, и с Великим Целым. Чудо растворено в окружающем нас пространстве, его оказывается так много, что обычный человек это чудо не замечает, а искателя оно побуждает самого творить чудеса.

И вот что интересно: от увиденного в лесу чуда никогда не приходит ощущение нереальности происходящего, а наоборот, ты понимаешь, что чудо тебя только и ожидало, чтобы проникнуть в твою душу и сделать счастливым. Так ждут тебя и лес, и горы, и море, и если ты пришёл к ним с открытым сердцем, они обязательно вознаградят благотворным знанием, и порадуются за тебя. Чудо никогда не случится, если ты его сам не ждёшь, и потому – доверься ему, а главное - самому себе, и оно придёт к тебе безо всякого уведомления, как первый снег.

Когда с тобой происходит счастье соприкосновения с чудом, ты, вроде бы, ничего не чувствуешь. Не чувствуешь, может быть, именно потому, что просто радостен и счастлив: так устроены чудеса. Они до такой степени хороши, что не хватает ни сил, ни слов, чтобы выразить охватившее тебя благостное состояние.

Ты понимаешь, что само появление чуда и есть чудо, хотя в нём нет, как будто бы, ничего неправдоподобного: просто ты этого раньше не знал, или – не замечал, и оно представляется тебе сейчас чем-то необычным. Если тебе придётся столкнуться с таким явлением ещё раз, ты, быть может, и не будешь уже реагировать на него подобным образом, так непосредственно и восторженно, как это происходило, скажем, в детстве, или – впервые в жизни: чудо тебя, наверное, сильно не обрадует. Сколько же чудес существует на свете, и как было бы хорошо, если бы эти чудеса никогда не кончались!

Если хорошенько подумать, то увиденное тобой в лесу только однажды, вернее, впервые, сразу становится чем-то необычным, а на деле это необычное – самое обыденное для леса явление. Просто ты с подобным явлением никогда не сталкивался, и всё это нужно было умудриться увидеть, докопаться до него в своих нескончаемых лесных бдениях, чего далеко не каждый способен добиться, а отсюда – своеобразное отношение к тайнам леса, отчего и возводишь их в ранг невиданной небывальщины, что, собственно, недалеко от истины.

Ведь тайны леса и вправду прекрасны, а ты, открывая эти самые, ещё не изведанные для себя вещи, поначалу даже чувствуешь себя волшебником! Вспоминая пройденные за жизнь лесные тропы, со всеми необыкновенными случаями, что на них приключились, я убеждаюсь: именно из таких волшебных моментов и слагается сценарий твоего незабываемого существования.

Переживая все эти лесные чудеса, я однажды вдруг поймал себя на мысли, что самое невероятное в них то, что они вообще случаются, необыкновенно озаряя жизнь. Главное, чтобы душа жаждала чуда, и тогда ей просто необходимо его предоставить, то есть, достичь, непременно совершая при этом душевные усилия, и что ещё более чудесно - чудесней становится и твоя душа!

А вот если ты не веришь в волшебство, оно тебя и не коснётся, и даже старания у тебя настоящего при этом не получится. Ведь если ты не веришь, что ОТЕЦ-ЛЕС обладает своей таинственной душой, то и не почувствуешь её.

А между тем, лесные чудеса незамысловаты по своей сути, и лишь отображают глубину и многообразие природы. Нужно просто приглядеться к какой-либо птице или зверю более пристально, подглядев их в самых причудливых ситуациях, что случались с тобой в лесу. Причём, в разные времена года, ночью и днём, в ненастье или солнечное раздолье, и тогда, накопив таким незаметным образом свой, непосредственно пережитый опыт, вдруг обнаружить однажды в этой самой птице или звере, /тебе казалось, что ты всё о них разузнал/, нечто тобой ещё невиданное, что представляется уже необыкновенным.

В неведомых кладовых леса такой чудесной простоты, оказывается, много, и жить этой простотой страсть, как хорошо. Иди честно, своей лесной

дорогой, так до счастья с радостью и дойдёшь! Лесной бог эту простоту тоже любит, и любознательного человека всегда примечает.

Не спеши в лесу, всматривайся во всё пристальнее, присядь на пенёк и внимательно осмотрись, а то немудрено и чудо пропустить, что требует вдумчивого и вкрадчивого к себе отношения. Не торопись поскорее до своего лесного чуда добраться, старайся сначала открытие в своей душе совершить, что подразумевает именно терпеливое вглядывание в окружающий тебя лес. Не спехом дело в лесу спорится, а толком!

Порой покажется, что встречающиеся тебе в лесу чудеса совершенно случайны, они будто бы происходят по волшебству. Только ты-то, посвятив лесной чаще много лет, хорошо знаешь, что люди созидают эти чудеса собственной неутомимостью, словно зарабатывая их для чего-то. Им не терпится поделиться увиденным с родными и знакомыми, даже, быть может, посвятить им свои лесные открытия. Но потом, с годами, они вдруг понимают, что не могли не достигать их только ради себя, во имя собственной, порой – совершенно неописуемой радости, какого-то чудесного знания, и тогда эти искатели по-настоящему влюбляются в удивительный мир природы, в её незабываемую небывальщину, что на самом деле существует.

Хорошо мечтать о чудесах, что обязательно встретишь в лесу, и тогда они действительно сбываются. Ты словно впускаешь волшебство в свою жизнь, потому что не в силах существовать без него, и оно обязательно приходит. Ты ожидал это волшебство, думал о нём, и оно случилось. Мечтайте о волшебстве, осуществляйте свои мечты, и тогда ваша жизнь тоже, незаметно, превратится в чудо.

Причём, чудеса могут располагаться в самых обыкновенных местах, ты здесь не раз бывал, но отчего-то не замечал их, устремляясь в мыслях в какие-то удивительно неведомые дали, где, непременно, по твоему разумению, только и должны располагаться эти необычайные явления. Но они, между тем, живут у тебя под боком, прямо за околицей.

Бывало, спросят: а что самое удивительное, чего тебе привелось наблюдать в лесу? И я отвечу: его невидимая поначалу жизнь, что бурлит в нём во всём своём волшебстве!

При этом я никогда не мечтал иметь волшебную палочку, чтобы сразу, без труда, всё замечательное в жизни для меня открылось. Нет, мне хотелось именно отыскивать в лесу свои чудесные небывальщины, прикладывая к этому все свои силы, постепенно накапливая и умение, и терпение, и волю к достижению чудесных открытий, чтобы я надеялся только на своё счастье, и удача приходила бы ко мне заслуженно.

Чего мало, как говорится, то и в диковинку, а это малое, одним словом - чудесное, надобно, непременно, выходить в лесу, и как это захватывающе интересно! Не какое-нибудь там сказочное диво дивное, счастливо подаренное тебе судьбой, что, на деле, быть может, и не существует, а самое, что ни на есть, волшебство!

Чаще всего люди, что редко бывают в лесу, а то и вовсе его не посещают, воспринимают лесные чудеса как нечто, действительно, сказочное, словом, несбыточное, больше придуманное кем-то для красного словца. Я же рассказываю о чудесах настоящих, какими они совершаются повсюду в нашей жизни, тем более, в лесу, каждую минуту, и «чудесами» они называются именно потому, что на самом деле, по природе своей, действительно чудесны и удивительны.

Просто их не замечают, но оттого они не перестают существовать, наоборот, становясь ещё загадочнее и прекраснее. Ведь чудеса созданы для того, чтобы люди их открывали, вслушивались в них, вглядывались, и от переживания этих чудесных природных примеров и сами становились загадочнее и лучше.

Есть в вашей жизни чудеса – и вы живы, нет – отправляйтесь в поход за ними, потому как без чудес существование неинтересно, вам следует непременно встретиться с тем, что обогатит вашу жизнь, и если вы не совершите этого – она протечёт зря, не доставив никому радости. В первую очередь, вам, и лучше решиться прожить увлекательно, с пользой, нежели впустую. Задумайтесь об этом серьёзно, ведь чудеса ждут вас!

Чудеса, действительно, оказываются очень простыми вещами, что на самом деле неизвестны людям по причине отсутствия у них любознательности, нежелания доискаться в жизни правды и о себе, и об окружающем мире, и вот это, казалось бы, простое в жизни дело и представляется в ней самым удивительным. Иногда это крохотная, одиноко парящая в предвечернем небе звёздочка, что, вспыхивая белым или зелёным огоньком, совершает полный поворот вокруг другой, более яркой звезды, причём, не один раз. Как и отчего такое происходит? А порой представится и вовсе нечто земное, замечаемое ещё в детстве, когда солнце утопает в ослепительно поблескивающих весенних лужах, так что верится, будто они становятся бездонными…

Но всегда всё это, неожиданно увиденное, вернее, подмеченное тобой, несёт в себе огромную радость, так что сердце переворачивается в груди от счастья, и ты видишь себя, как будто, со стороны, влюблённым в жизнь человеком. Если бы меня лишили однажды восприятия этой радости, я бы, наверное, умер от отчаяния. Но такие мысли, слава Богу, никогда не приходят мне на ум, и я всегда жду встречи с чудесами, похожими на сказочные сны, и они проявляются, отчего жизнь моя становится ещё прекраснее.

А как прекрасна дичь дремучего леса, когда заберёшься в какую-нибудь позабытую всеми глухомань! С непролазными зарослями сладкой малины и старыми волоками, что уже давно заброшены, но оттого ещё более таинственны и укромны… С глухими логами, поросшими сочными травами, и потаёнными лесными мочажинами, где по берегам кустится дикая

смородина и ухает по ночам болотная сова, с духовитым воздухом, насыщенным ароматом ягод и кореньев.

Что это за чудо просто находиться в лесу, в долгой разлуке с ним желая встречи. Что за счастье жить и дышать с лесной чащей в едином ритме, не представляя, как можно обходиться без её чудесной тайны, и если ты обращаешь к лесу всю свою душу, он непременно ответит тебе тем же. Ответит неисчислимыми чудесами, ещё небывалыми в твоей жизни.

Часто бывает так: кто-нибудь, прочитав мои рассказы, или, что случается ещё реже, прослушав мои истории про лес, с деланной завистью заявляет: «И повезло же тебе!» На мой вопрос: «Отчего же?», не менее деланно, даже с каким-то неудовольствием, проговаривает: «Ну, как же, столько привелось увидеть!»

И я не сразу нахожусь, что бы такому человеку ответить, ибо скажи я ему сейчас, что все эти увлекательные случаи происходили со мной в течение множества нелёгких походов в лес, может быть, их было тысячи, он и вовсе мне не поверит. А если я добавлю, что и не каждый раз приносит что-либо замечательное из жизни природы, то человек этот вообще потеряет ко мне интерес. Почему подобное происходит?!

Начать с того, что большинство таких людей сами связаны с природой, живут в деревнях, и, конечно, с детства хорошо знакомы и с пасечным делом, и с обитателями леса, и с охотой на них, и с работой на земле. Не досуг им разбираться с лесными чудесами, и воспринимают их сельские жители как нечто, само собой разумеющееся: чему же тут дивиться? Всё в природе устроено обыденно, полагают они, и так же без затей эту природу надобно принимать.

Завлекательно рассказать обо всём, что происходит в лесу, по их мнению, можно только с придумкой, то есть, выдумать историю, а на деле, так она самая обычная. Да и времени у человека, связанного с землёй и лесом, как правило, в обрез: не до увлекательных историй ему!

Что же касается городского жителя, то тот, скорее, из-за какого-то объявшего многих, особенно в последнее время душевного равнодушия, нежелания поверить в чудесную быль, сделает вид, что всё это, якобы, диковинное, его никак не занимает, да и пользы, собственно, не приносит, и тогда чему тут восхищаться?! Но, всё-таки, заложенный в глубине души интерес к существованию, как и у любого другого человека, у него имеется, время от времени он даёт о себе знать, и человек лишь напускает на себя необъяснимого для него самого туману.

С одной стороны, он будто бы не понимает – о чём идёт речь, а с другой – завидует тому, что прочитал или услышал, и, что называется, кочевряжится, изображая из себя некоего простачка, решившего изобразить удивление. И вот, что ещё более печально, редко-редко повстречается тебе истинный ценитель и любитель всего прекрасного, существующего в природе, и именно ему ты, в первую очередь, посвящаешь своё повествование.

Такой человек, несомненно, поймёт, что «везение», если оно отчасти и присутствует при открытии лесных чудес, крайне ненадёжно. Оно сравнимо, разве что, с тем самым «вдохновением», коего безрезультатно ожидают некие творческие личности, что непременно причисляют себя к «художникам», искренне полагая: так называемое «вдохновение» приходит не часто, и далеко не к каждому, и его следует вдумчиво и терпеливо дожидаться. Тогда как на деле вдохновение есть каждодневный труд, как, впрочем, и поиски чудесного в лесу, если ты искренне предан ему, нескончаемой дороге в постижении себя и окружающего мира, и чудесной тайне, составляющей суть природы.

Эти немногие люди с любовью в сердце встречают и весну света, и разудалую роскошь лета, и печальную прелесть золотой осенней поры, и сказочное обаяние русской зимы. И, конечно, они всегда почувствуют то, без чего не можешь существовать и ты, принимая как нечто самое дорогое: ночёвки у костров, ощущение себя зверем, когда пробираешься сквозь лесную чащу, неописуемо радостную слитность с ней. Такие люди – твои братья по духу, и их, пожалуй, как и лесные чудеса, тоже стоит заслужить на своём жизненном пути.

Насчёт того, что в лесу ничего так просто, даром, не даётся, и ты, и твои собратья по духу знают не понаслышке. Но разве это может являться для кого-то секретом? Даже для человека, хотя бы изредка связанного с лесом, что отправляется туда лишь по грибы и ягоды. Но и такой человек, ни на секунду не сомневаясь, подтвердит, что лес полон чудесных загадок, и раскрыть их очень не просто.

И даже если бы не было у меня братьев по духу, и не находил бы я понимания среди людей из-за своих скитаний по лесу, и тогда бы я не был одинок: со мной, несомненно, переживали бы радость птицы и звери, деревья и облака, все лесные духи. Иначе, и быть не может, если ты живёшь в согласии с природой, и от тебя зависит – чего ты добьёшься в слиянии с ней, поведёт ли она себя с тобой открыто?

Прямо из ничего – ничего и не случается, а только из любви и преданности, терпения и милосердия, отваги с волей, и всё это должно быть присуще твоему отношению к жизни, и, конечно, к ОТЦУ-ЛЕСУ, призвавшего однажды тебя к себе. Кажется, до последних дней твоих не оставляет тебя тяга к лесным просторам, всё так же будоражат кровь их потаённые уголки, и хочется, как в молодости, забраться в самую глушь, где только подумаешь о чём-нибудь, чего ещё никогда не видел, а оно и объявится. Всё неведомое, лесное доверяет тебе, правда, с оглядкой, но и этого довольно для счастья человеку, и ты, человек, не подведи всё неведомое, лесное, и станет оно тебе родным.

И тогда великая радость заполнит и тебя, и всё жизненное пространство, как весной света, и ты продолжишь свою жизнь по-новому, подобно помолодевшему весенней порой старому глухарю, что вознамерился ещё раз пропеть свою песню любви к этому чудесному миру. Звуки этой песни

разнесутся по пробуждающемуся лесу, их подхватят журавли на болотах, на укромных полянах красавцы-тетерева, и так, незаметно, запоёт вся наша прекрасная земля!

Не одну тысячу вёрст, наверное, прошагал я в поисках чудесного по бесчисленным лесным дорожкам, и всегда знал, что встречу его, это лесное потаённое обаяние, когда под пологом вековых дерев вдруг ощущаешь себя так, будто ты оказался дома: до того уютно всё вокруг, хотя и дико. Много чудес встречает тебя в лесу, и самое запоминающееся, когда, обнаружив их, ты обо всём забываешь, так завораживающе волшебно обаяние леса.

Если хочешь, чтобы природа открылась во всей своей силе, помыслы твои должны быть абсолютно чисты, ибо природа безошибочно угадывает, когда человек этой чистоты в себе достигает. И коли будешь добр к лесу, лесной бог непременно сделает счастливыми все твои осени и зимы, вёсны и долгие лета. Чтобы познать прекрасное в природе, им нужно обладать внутри себя.

Хорошо чувствовать себя в лесу ребёнком, когда будто только для тебя открываются в нём чудеса. Но прежде, чем такое чудо пережить, надобно сначала повзрослеть, лесному ремеслу хорошенько выучиться, обычаи жизни птиц и зверей разобрать, а потом уже и увидеть всё вокруг по-новому, как ребёнок, с чистотой в сердце. Вот уж когда истинная радость к душе подступит, и ты обязательно почувствуешь себя невинным младенцем, хоть и обрёл в ней к этому времени мудрость. Так уж всё в жизни замечательно устроено.

Если ты внутренне не готов к принятию чудес, что равносильно неготовности встретить своего Учителя или Бога, это можно сравнить с невежеством: иначе как объяснить то, что ты не замечешь очевидного? А чудеса – это и есть очевидная чудесная истина, единая с несметным количеством вселенских чудес, и нужно прийти в себе к тому, чтобы их разглядеть. Когда подобное происходит – благодарить кроме себя некого. Всё, чего ты достигаешь, исходит из твоих личных переживаний: не пройдя их, тебе не видать и чудесных открытий.

Каждый человек должен дойти до истины сам, но это невозможно без открытия чудес, существующих именно для того, чтобы с помощью их становиться внутренне богаче. Чудеса собираются в тебе и накапливаются, за каждым открытием возникает нечто новое, и ты с радостью идёшь к пониманию себя, постепенно постигая, что непременно должен сделать своё собственное открытие, не за счёт кого-то. В этом – суть этого чудесного мира, где свою собственную истину ты обязан постичь сам, только благодаря непосредственно тобой пережитому опыту. Иного пути не существует.

Пройдя через чудеса, ты обретаешь в глубине себя и сопереживание всему живому, и внутреннее безмолвие, наполненное любовью. Как ты любишь это чудесное существование, как ты был честен по отношению к

нему, и вот, ты являешься обладателем бесценных сокровищ, в том числе оказываясь очевидцем чудес, что появились именно благодаря твоим собственным устремлениям. Чудо произошло – ты стал внутренне богат! И ещё очень важно помнить, что всё нужно делать с любовью, без этого чудеса не покажут себя, и ты не переживёшь захватывающего дух состояния собственного роста.

Если с тобой не происходит ничего интересного, значит, ты слаб, ты боишься любых неожиданностей. Только смелому открываются чудесные вещи, потому что у него отсутствует боязнь, что его эго будет ущемлено, отсюда – присутствие целеустремлённости, мужества и желание преодолеть любые трудности. Именно смелому человеку хочется попробовать всё самому, не взирая ни на какие препятствия.

Идите в любые переживания, и помимо встреченных чудес, касается ли это леса, гор или моря, вы начнёте понимать, что с вами происходят внутренние изменения. Изменения к лучшему, потому как вы становитесь глубже, осознаннее.

Важно почувствовать, что при значительных затраченных усилиях – желаемого вы непременно достигните. Будьте искренни и усердны, и результат не заставит себя ждать: вы обретёте непосредственно пережитый вами опыт, являющийся вашим богатством, то есть, те самые драгоценные чудеса, что чаще всего встречаются в лесу.

Все свои беды забудешь за лесными чудесами, как и горе уходит за работой, и до того легко сделается на сердце, вольготно, что только бы, кажется, этими чудесами и жил. Так и есть, точно вам говорю, и что интересно – подходят эти самые небывалости, когда их не ждёшь…

Неприметно тянутся один за другим обычные походные будни, в лесном одиночестве, у костров и по избушкам, и вдруг случится с тобой нечто необыкновенное, чего ты и ожидать позабыл, а оно – здесь. Это, не похожее ни на что, необыкновенное состояние обрадует тебя со всей своею неожиданностью, и будто раскроется перед тобой мир необычайной красотою, чему, вроде бы, и сам поначалу не поверишь.

Но нет, выходит, выпало тебе опять счастье, и остаётся только радоваться. Таково оно - лесное благо, что вместе с чудом в этой дремучей чаще прячется. А ты бродишь по лесу в поисках чудесной небывальщины, и тем - необыкновенно счастлив.

Сталкиваясь с чудесами, ты, вроде как, и сам начинаешь их творить подобно деревьям и травам, облакам и животным. С помощью этих чудес ты открываешь для себя неожиданные вещи, какие так, просто, встретить не получится, если не отдал свою жизнь на волю священного постижения жизни, не обходясь на этом пути без лесной чащи. Лес несёт в себе неисчислимые чудеса, а захватывающее путешествие к ним всегда приносит чудесные открытия, и чем дальше уходишь в лес, тем глубже постигаешь красоту и величие Бытия.

Когда ты достиг в своей жизни множество чудес, ты готов идти дальше, где эти чудеса уже не будут казаться такими важными. Но они не потеряют при этом своего обаяния, потому что тебе откроется нечто ещё более прекрасное, где ты и сам можешь стать чудотворцем. Чудеса, происходящие в твоей жизни, это обычные события определённого уровня развития, и пока ты их не переживёшь, они не перестанут казаться чудесами. Тогда ты и становишься способен идти дальше, к более прекрасным явлениям этого божественного существования.

Но как чудесны были чудеса, что тебе удалось когда-то пережить! Если ты отправляешься в ещё более дальнее путешествие, ты начинаешь ценить каждый шаг на этом пути: там, в этой чудесной необозримости открывающихся возможностей, ты становишься единым с тем, что есть.

Правда, надо понимать и то, что Бог не дарит никаких чудес: чудесна сама по себе созданная Им природа, и если ты относишься к ней достойно, с интересом, как она того и стоит, то тебе открываются её чудесные стороны. Только и всего. Но как прекрасно, когда божественная природа почему-то решила благословить тебя, проявив свою милость, и тебе остаётся только пережить её величие.

Это величие подлинно, и его необходимо изучать, то есть, знать. Знать, что с тобой может произойти нечто чудесное, для кого-то – вполне обыденное, но для тебя – необыкновенное.

Ведь поиск чудесного, как утверждают издавна мудрецы, это есть, в первую очередь, внутренний поиск, и пока человек не нашёл себя, не определил свою исконную природу, чудеса во внешнем мире ему не откроются. Самым главным чудом является твоё истинное «я», именно оно бесценно, и только установив его для себя, ты осознаешь и увидишь всё, что происходит вокруг.

Многие люди искренне недоумевают: зачем им нужен лес? Значит, для каждого сомневающегося человека ещё не наступил тот особенный весенний день, когда в душе начинает распускаться молодая листва, и ты с переполняющим душу восторгом отправляешься в увлекательную лесную дорогу…

Именно в лесу в нас просыпается внутренний человек, и начинает жить в окружающей его обстановке по-своему, как бы он никогда не повёл себя в городе, и от такой перемены душа этого человека тоже преобразуется, и замечает то, на что раньше не обращала внимание. Случалось с вами подобное? Если «да», то вы – настоящий лесовик, любитель животного и растительного мира, когда дивно не убивать, а только именно любоваться природой, открывая и в ней, и в себе чудеса.

Что может быть лучше леса с его чудесами? Там так чудесно и хорошо человеческому сердцу… Чудеса в природе повсюду, только успевай примечать!

Порой, созерцая обыкновенное распускание цветка, даже после многолетнего, самого кропотливого и пристального наблюдения за природой, не находишь для всего происходящего иного определения, кроме, как – чудо! Раздумывая о чём-то чудесном, я невольно задаюсь вопросом: в чём его тайна? И тотчас отвечаю: конечно, в силе, что чудесное в себе несёт. Но если хочешь его познать, тебе тоже следует обладать силой, что, несомненно, заключается в ней самой, и потому силу необходимо в себе накопить, а уже потом, с помощью её крепости, нести в мир правду, что тоже, непременным образом, надобно в своей душе развить, достигнув ясности в её понимании.

Но как обрести эту крепость, в чём её корни? Тут заключён большой вопрос…

Ведь просто так, по одному желанию, сила никому не даётся. Её нужно выносить в себе, как женщина вынашивает плод, иначе она не придёт. Жизненная сила любит отчаянные, решительные сердца, без них она не властна над тьмой, и если не воспитывать в себе смелость, причём, с самого детства, толку не будет. А нужно обязательно быть смелым, до отчаяния, чтобы совершить однажды решительный бросок к божественному в себе, тогда и откроется тебе и сила, и правда, и твой жизненный путь.

И тут без природы никак не обойтись, без её чудесных богатств. И всё это нам, людям, даётся просто так, его не нужно даже зарабатывать, и стоит только благодарно принять, кто же пропустит эти богатства мимо себя – они уже не вернутся. Вот как важно не упустить в своей жизни главное мгновение и осмелиться на подвиг, после чего обязательно почувствуешь себя счастливым и радостным.

А мгновение это непременно коснётся твоего сердца, если ты неравнодушен ко всему, что тебя окружает. Его следует только угадать, чутко вглядываясь в жизнь и ожидая от неё одного чудесного: чудесное незамедлительно себя покажет. Ты только забудь про неудачи и перенеси своё чувство любви на всех людей, желая, чтобы и они были счастливы, как ты, и желание это непременно сбудется. Счастье для всех зависит именно от любви, потому как сама любовь и есть счастье, и эта любовь неотделима от нашей чудесной природы.

Я давно заметил, что по большей части мне приходится выхаживать лесные секреты, затрачивая при этом значительные физические усилия. Что-то я ищу в лесу и надеюсь в нём однажды увидеть, ведь не просто так часами брожу я по его неведомым лесным тропинкам…

После тридцати пройденных за день километров ноги нестерпимо тяжелеют, под лопатками неприятным холодком не даёт покоя тягучая боль, на душе становится как-то неопрятно и пусто. Всё, что ты видел и слышал, кажется тебе уже незначительным, ты не можешь понять, какие силы гнали тебя в дальнюю дорогу, что именно заставляло тело напрягаться, словом, вразумительных для себя объяснений ты не находишь.

Так, обычно, думал я, возвращаясь из лесу совершенно выбившись из сил. Не верилось, что под вечер, подле жарко мятущегося в печке огня, мне вдруг опять откроется нечто удивительное.

Но, со временем, заполнившие тебя усталость и пустота постепенно отстаиваются, и ты обнаруживаешь в прожитом дне достаточно непознанного и притягательного, вместившего, оказывается, столько впечатлений, что их, пожалуй бы, хватило не на одну лесную прогулку. В расслабляющем тело и мысли домашнем тепле начинаешь понимать, как нелегко бывает достигнуть раскрытия лесной тайны, и что цена каждого, даже самого маленького секрета неизмеримо высока. Порой она вынашивается долгие годы, а многие загадки так и остаются неразгаданными.

Не зря один из основных законов лесной академии – пристальное внимание ко всему, что тебя окружает. Это только на первый взгляд кажется простым и обычным делом, но попробуй-ка в непрекращающемся напряжении прожить в лесу утро и день, вечер с ночью, а то - и неделю! Ни зверь, ни дерево не любят по отношению к себе поверхностного интереса: они уважают в человеке глубину, что подразумевает вдумчивую неутомимость и размеренность в восприятии окружающей действительности. Столкнувшись с такой глубиной, звери обычно осторожно отступают, могут даже на какое-то время задержаться рядом с тобой, а деревья, согласно размышлениям твоего сердца, покойно покачивают ветвями.

Человек должен знать себя, умело управляя собой, а научиться этому помогает ему лес, его учительскому таланту следует позавидовать. Отдавшись однажды на его волю, ты мало-помалу непременно обнаружишь свою дорогу, если будешь честен и старателен. Так обратись, человек, сердцем к лесной стороне, не пропусти в себе этого устремления, и твой жизненный сосуд всегда будет полон энергии.

В лесу надо сразу оставить всякие надежды на чью-либо помощь, чётко понимая, что надеяться можно только на самого себя, и уже исходя из этой простой мысли, выстраивать лесной путь сообразно опыту своей души, не терпящей сомнений и страха. В ней должна присутствовать одна радость от соприкосновения с лесной чащей, непоколебимая уверенность в том, что всё у тебя сложится в ней наилучшим образом, лесные обитатели примут тебя, как родного, и твоему взору откроется то, чего раньше ты ещё не встречал. Разве тут забоишься, или охватит твоё сердце тревога, когда ты переполнен энергией леса: он – твой верный товарищ!

А вот за все твои слабости нередко достаются тебе в лесу только заячьи хвосты, да и их ещё надо заслужить. Лес наполняет твою душу тайнами только в том случае, когда шёл ты к нему достойным путём. Слившись же с лесом воедино и ощутив в душе, хотя бы на короткий миг, его величавый покой и мудрость, можно быть уверенным, что жил ты на земле до сих пор верно. И тогда окончательно пропадут границы, разделяющие лес и тебя, и,

даже надолго оставив его, ты уже не рискуешь потерять с ним связующую живую нить.

Бывает так, что на какое-нибудь явление в лесу или на сам лес множество людей глядели и ничего не замечали, а кто-нибудь один только взглянул – и сразу всё в нём разглядел. Всё увиденное вошло в него как нечто родное, чего ему, быть может, не хватало, нужно было его только приметить, и он не упустил дорогое для себя знание, потому что был готов встретить эту тайну и разгадать её. И тайна лесная пришлась ему впору, прямо по его душе, и человек обрадовался произошедшему с ним, и стал и дальше разыскивать в лесу нечто необыкновенное, что, оказывается, ожидает его повсюду.

Один случай он прикладывал к другому, и постепенно из увиденного в лесу складывалась увлекательная история, очень полезная тем людям, что поначалу не приметили в лесу ничего необычного, оно их не заинтересовало. Но человек этот открыл им своим ключиком потайную дверцу к чудесным небывальщинам, что, выходит, случаются, и заставил их поверить в удивительное волшебство природы. У людей на душе оттого будто проснулась весна, а вместе с ней пробудилась великая радость. Так бывает, если ты неравнодушен к жизни, благодаря чему несёшь благо ещё и всему свету, открывая в нём небывалое.

Наверное, поэтому справедливо было бы устроено в жизни так, чтобы каждому отпускалось его сроку понемножку, дабы он научился ценить свою жизнь, не растрачивая её понапрасну. И в этот бы самый срок своей жизни сумел уложиться так по-хозяйски верно, чтобы не потерять к ней интереса. Даже, когда пришёл бы твой смертный час, тебе бы хотелось ещё немножко пожить, не имея к жизни жадности, а переживая только радость, что дано тебе это чудесное, пусть и короткое время, когда до всего нужно дойти самому, постигая этот прекрасный мир, полный волшебных тайн и загадок.

Но всему своё время… Благотворной для искателя оказывается только длительная работа над собой, когда именно он отвечает за происходящее с ним, и если жизнь его переполнена счастьем, то это заслуга ищущего человека. Значит, пришло его время, он заслужил однажды открывшееся ему благо, наступил тот особый момент, который он пропустить никак не может, и человек встречает его с радостью в сердце: он готов принять новое чудесное знание.

Тогда и огромный лес, наполненный чудесами, может быть познан через маленький лесной родник, но к этому нужно, опять же, заслуженно прийти, и суть этого поиска зависит от тебя. Только то, что заработано благодаря непосредственно тобой пережитому опыту, имеет цену, и это твоё внутреннее богатство безгранично.

В каком бы настроении не приходил в лес – всегда стережёт тебя в нём мгновение, когда дыхание непроизвольно учащается, и ноги сами несут

навстречу к чему-то неизведанному. На этом пути всё вокруг проникнуто тайной и красотой.

Но торопясь, ты рано или поздно понимаешь, что тем самым отдаляешь переживание подлинной остроты чувств и видение. Околдованный красотой, человек обычно забывает, что ни одно откровение леса не касается его так ощутимо, как это происходит в момент неторопливого и вдумчивого созерцания.

Чудеса вовсе и не чудеса, если даются каждому легко. Настоящее чудо надобно заработать, то есть, заслужить, по правде, тогда оно и окажется настоящим, что уж никогда его не забудешь, и будешь всем рассказывать, как трудно добивался этой радости, и она однажды к тебе пришла.

Обязательно добивайтесь в своей жизни чудес, без них она не имеет никакого смысла и красоты. Даже к самому маленькому чуду нужно научиться быть готовым, всегда оставаясь внимательным и вдумчивым, пропуская через себя окружающие краски, шорохи и запахи, потому как время нашей жизни несчитанное: так может случиться, что назавтра у вас уже не будет возможности совершить шаг навстречу раскрытию не дающей покоя тайны.

Скажем, чем больше хочется увидеть какого-либо зверя или птицу, с целью узнать о них нечто неизвестное, тем реже это удаётся. Человеку надлежит вести себя в лесу естественнее, поскольку чуткие животные на расстоянии улавливают исходящую от нас энергию мысли, и остерегаются. Как тут не вспомнишь случаи, когда по разным причинам мы забываемся, не концентрируя внимание на обитателях леса, и именно в такие моменты неожиданно совершаем для себя удивительные открытия!

Неоднократно замечал за собой, но так и не понял до конца: в лесу всякий раз ты становишься другим… Отрешённым, делающим всё непроизвольно, зато точно так, как надо, и без лишней суеты. И никогда не обращаешь внимания на подобное состояние, воспринимая его как должное.

А однажды неожиданно открываешь, сколько в тебе существует звериного знания, проявляющегося только здесь, в лесу. Это, несомненно, врождённое умение вести себя в привычной и, между тем, давно забытой за предыдущие жизни природной обстановке тотчас просыпается, как только ты в ней оказываешься. Как будто именно для этого тебе предназначено жить, и лишь в лесу твоя душа обретает недостижимый среди людей покой.

Даже для изощрённого опытом восприятия в лесу не существует ничего обыкновенного: всякая мелочь в нём бывает неподражаемо привлекательна и значима. Как награда за сотни пройденных по лесу километров однажды выскользнет на лесную дорожку ярко-оранжевый колонок, усядется прямо перед тобой, и начнёт что-то вынюхивать под снегом, изредка взрывая его лапкой, а ты заглядишься на зверька и позабудешь об усталости и всех своих бедах.

Все замечательные лесные события, что выпало мне счастье пережить, появились в моей жизни именно благодаря неустанному всматриванию в

деяния природы. Часто пребывая в её лоне, моё любознательное сердце не переставало восхищаться увиденному, и я никогда не терял преданности тому таинственному, что кроется в лесной чаще, но не всякому даётся. Моя судьба всегда была неразрывно связана с судьбою ОТЦА-ЛЕСА, и я благодарен ему за то, что он, под своим волшебным пологом, привёл меня однажды к самому себе.

Страсть к лесу пробудилась во мне ещё в раннем детстве, когда отец принёс домой огненную лису, тяжело покоящуюся у него на плече. Мать поцеловала отца, перегнувшись через подоконник, а я никак не мог отвести глаз от пушистого хвоста лисы, свисающего до самой земли, и её вытянутой хитрой мордочки. Казалось, будто лиса только притворилась мёртвой, вот-вот встрепенётся и ускользнёт с нашего двора.

Удивительно мне теперь вспоминать, что в детском возрасте я прекрасно чувствовал и понимал природу, хотя и не мог ещё этого объяснить. А вот отец, который рано начал брать меня в лес, и не зря слыл в своём кругу отменным стрелком, сам, не без оснований считавший себя заправским охотником, её так тонко не воспринимал. Мало того, он был очень удивлён, даже поражён, когда десятилетним мальчишкой я вывел его из лесной чащи, заплутавшего вместе со мной во время охоты, да ещё, в подтверждение своей правоты, указал ему на глухариные наброды, что мы миновали несколько часов назад, оставив рядом и свои следы. И это в совершенно незнакомом лесу, оказавшись в нём в первый раз!

Как будто вышло так, что лес зачем-то, ещё задолго до моего детства, забрал меня в свои недра, и уже не выпускал никогда, а я мысленно жил там в разных образах, узнавая и о себе, и о нём всё больше и больше, и постепенно приближался к тому, что представляю из себя сейчас… Куда-то приведёт меня эта таинственная лесная душа, думалось раньше, а теперь ясно открылось: я сроднился с лесной чащей, и она привела меня к самому себе.

С самых ранних лет я как-то сразу усвоил, что жить лучше всего интересно, отыскивая в окружающем меня мире неведомое, а ещё куда интереснее рассказывать о нём и писать. И так, с великой охотой к жизни, я и шёл по ней все свои детские, молодые и зрелые годы, и ни разу не пожалел об этом выборе, потому что оказался он настоящим. Очень чувствительно и радостно было переживать такое отношение и к миру, и к своей жизни, и я никогда не испытывал какого-либо разочарования, ощущая в сердце только увлечённость, меня переполнял необыкновенный энтузиазм, и когда я встречал в людях скуку и неприятие жизни, то это очень удивляло.

Непонятно было неприятие людьми жизни, тем более, её осуждения, когда вокруг открывался огромный мир чудесных загадок, и их, конечно, хотелось разгадать. Огромное чувство удовлетворённости охватывало меня всегда, если я сталкивался с этими самыми чудесами, и мечты о их

достижении никогда не покидали меня. Я верил, был просто убеждён, что рано или поздно все они откроются: иначе – зачем жить?!

Но где интереснее всего бывать и, ни за что, не поддаваться скуке? Разумеется, в лесу, в мире птиц, зверей и растений, там невозможно оставаться равнодушным, и тебя поджидает множество чудес и загадок. Взаимодействие живых существ в этом удивительном мире не может не интересовать любознательного человека, и он способен, наверное, даже подружиться с ними, если будет внимателен ко всему, что его окружает. Трудно не придти однажды к такой замечательной стране, когда ты преисполнен желания познавать окружающую тебя жизнь, ведь она так прекрасна!

И я отправился в эту страну, чтобы любоваться её обитателями, отыскивая места их обитания – дикие норы и логова, чтобы таинственная жизнь зверей и растений постепенно раскрывалась передо мной, и эта связь с природой становилась всё крепче и крепче. Нужно было только начать свой исследовательский путь, ничего не боясь, решившись на него, и так оно и произошло, и я до сих пор иду по нему, уже много лет, и ни о чём не жалею. Мало того, я необыкновенно счастлив тому, как обустроил свою жизнь, совершенно не представляя её без леса.

Разве не прекрасно повидать в лесу всё своими глазами, а потом увлекательно рассказать обо всём увиденном? Чтобы и другим людям захотелось окунуться в мир природы, обнаружив там свою радость. Хорошо обживать этот мир благодаря собственным усилиям, любить его и оберегать. Быть исследователем неведомой чудесной страны, никогда не предавая её, достойная цель. Не правда ли?!

Я никогда не боялся лесной чащи, где, казалось бы, нужно чего-то остерегаться. Мне, скорее, было интересно, чем страшно. Всё, что должно было, якобы, напугать в лесу, представлялось чудесным: его непременно следует увидеть, полагал я, в нетерпении ожидая с ним встречи.

Этот интерес к потаённой лесной жизни бил во мне чистым родничком, он не перестаёт журчать в моей душе до сих пор, и по его устремлённости можно догадаться, какой силой обладает ОТЕЦ-ЛЕС, и недоумевать – как у кого-то получается не любить лесные тайны, что по своей природе, конечно, чудесны. Я-то их очень любил, и так, постепенно, моя душа образовывалась, незаметно вырастая. Много времени пожил я в наших лесах, и до сих пор не перестаю удивляться их сказочным былям, дарованным нам лесом на поучение.

В каждом лесном уголке произрастает неведомая сила, и её нужно угадать и увидеть, иначе жить неинтересно, да и слабость в себе не победишь. Другое дело, если на свой страх и риск отправляешься в путь, думая только о том, как бы загадки леса разгадать, и верные знаки о них для других людей оставить, тем самым, лесным силам угодив.

Благое дело совершит человек, если искать в своей жизни правду не перестанет! И так, мало-помалу, и дойдёт до искомой истины: Бог – в тебе, и всё вокруг проникнуто чудесным божественным качеством любви.

В лесу этим божественным свойством пронизан всякий листочек, и его не тронь, а коли привелось елового лапнику на ночлег наломать, то не забудь поблагодарить ОТЕЦ-ЛЕС, и он тебя без внимания не оставит. Живёшь ты в лесу, вроде бы, только для себя, таинства его чудесные потихоньку разматывая, а потом всегда оказывается, что жил на пользу других. Люди через тебя правду жизненную понимать начинают, заметки твои лесные кстати им приходятся, когда они в себе сомневаются, и оттого на душу каждого неравнодушного человека благостный покой ложится, растёт в нём уверенность в божественное единение со всем Сущим, и ещё больше жить хочется!

Ведь вся земля, и вся природа с её лесами, зверьми и птицей, воспринимается как самое близкое и родное, ровно это и твоя душа, и от такой простой мысли жизнь сразу становится понятной и дорогой. Ты всё делаешь в ней по своему сокровенному желанию, как чувствуешь, а выходит – так было нужно для всех. Вот среди людей оттого и говорят: живи по правде, и тогда будет получаться, что каждый человек – другому человеку брат и верный товарищ, и разве может быть на свете что-нибудь прекрасней?!

С этакой радостью всю жизнь хожу я по лесам, и думаю: это хождение – не труд, не какое-нибудь расчудесное путешествие, это – любовь. И оттого мне хочется иногда рассказывать о своей любви к лесным тропам и чудесам на них, а лучше было бы и вовсе поселиться в каком-нибудь глухом таёжном углу вместе с необыкновенными таинственными птицами глухарями, что изведали великую древность, и жить только тайнами ОТЦА-ЛЕСА, дороже которого у меня ничего и нет. Ну, может быть, ещё и тайнами моря, но ведь море – не родная земля, хотя ты большей частью состоишь из воды.

Лесная земля полна чудес, в море же нужно ещё иметь глубокое намерение погрузиться, чтобы увидеть всю его несметную красоту, скрытую от глаз, и я, всё-таки, больше люблю лес, и иногда, от переполняющих меня чувств, рассказываю о нём… Тогда, незаметно, в сердце просыпается знание, что жизнь не оканчивается никогда, в ней присутствуют покой и мудрость, и оттого думы твои – только о хорошем, о самом чудесном.

В море думается просторно, в лесу потаённо, в каждом движении лесной жизни разглядывая скрытый смысл. И если в море заложено более поэзии, даже, если оно штормовое, то в лесу зарождается спокойная, размеренная проза, впрочем, не лишённая поэтичности. Мысль в лесу не разольётся широкой крутой волной, не взовьётся легкокрылой чайкой, а неспешно пробирается сквозь глухой сузёмок терпеливым выносливым зверем, и в этом – радость соприкосновения с Батюшкой-Лесом, с его таящимися чудесами, что непременно хочется разгадать.

Чудеса в лесу повсюду, если иметь внутреннее зрение, то есть, потребность к постоянному познанию, любовь к родной природе. Трудно не замечать, как при каждом шаге, отовсюду, являют себя загадки, перебивая друг друга, будто озорные ребята. Попробуй-ка угнаться за ними - не достанешь, но пытаться нужно, иначе - зачем вообще жить! Без радости познания любимой русской сторонки русскому человеку не быть, как не быть Батюшке-Лесу без внимательного отношения к нему добрых людей.

А внимательны ли мы к нему? Ведь из общения с ОТЦОМ-ЛЕСОМ в сердце поднимается великая радость, так что уж не отступишь от своей любви к нему никогда, ибо лес этот Богом на ту самую радость великую людям насажен, истинно, и оттого благодари, человек, Господа за сотворённое Им чудо.

Лес – родник неиссякаемых историй, созвучных человеческой душе. Отчего нам так интересен лес, что мы желаем в нём для себя отыскать? И именно такого, чего в обыденной жизни нипочём, как многим кажется, не встретить. А ищет человек в природе подобие самого себя, того, чего он разобрать никак не может, но в лесу думает обнаружить, и чтобы непременно было со смыслом, увлекательно, иначе и в лес идти не стоит.

И вот, отправляется человек в леса, и всё лишнее из него постепенно исчезает, остаётся только самое необходимое, без чего действительно не обойтись. Беспрестанно докучающие, пустые мысли выветриваются сразу, как ненужный хлам. Достаточно скоро улетучивается и расхлябанность, обычно присущая людям в городе, во всём теле появляется заряженность на движение, члены наливаются энергией, взяться которой совсем недавно, казалось, было неоткуда. Да и дыхание, вместо сбивчивого, успокаивается, становясь размеренным, кровяные молоточки в висках выстукивают уже размеренно, в ритме торжествующего сердцебиения: как это чудесно – в добром настроении шагать по лесной дорожке, и думать только о ней, о чудесных лесах, что её окружают!

В душе твоей непроизвольно закипает радость: а вдруг сейчас из-под кустов выскочит заяц, и задаст стрекача, проявляя свою обаятельную индивидуальность, и ты, конечно, засвистишь ему вслед, позабыв обо всём, и даже не заметишь при этом, как в этом порывистом свисте обретаешь себя, утерянного где-то в городских заботах. В чём это выражается? Очень просто: ты повёл себя совершенно естественно, не желая показаться лучше, чем ты есть на самом деле. С тебя ниспала гордыня, ты почувствовал себя свободным от обременяющих недавно оков, и захотелось быть честным и счастливым.

Да ты, к слову сказать, им и являешься, просто запамятовал об этом, и вылетевший на опушку косой вмиг привёл тебя в чувство, ты даже позабыл сделать счастливый выстрел, и только улыбнулся. А всего лишь - подвернулся под ноги ошалевший заяц, и ты весь встрепенулся, почувствовав

в себе неведомые силы. Лес, в одно мгновение, одарил тебя чем-то очень простым, и в тоже время, необыкновенным, и ты без каких-либо сомнений поверил в его неисчислимое богатство, и принял его.

Там, в лесу, стал я находить ясные ответы на свои ещё не совсем зрелые вопросы, в лесу я учился их формулировать, и получал в ответ поразительные открытия, которые, наверное, и намеревался обрести в глубине души. Оказываясь с природой один на один, я оставлял в стороне всё то, что, несомненно, мешало мне разобраться в самом себе, и так, незаметно, на примерах жизни леса, подбирался я к своему сознанию.

Иногда я чувствовал неудовлетворённость от содеянного в лесу, но поскольку жизнь продолжалась – предпочитал вести себя уже более осознанно, и благодаря этому верному поведению в моих действиях появлялась вдумчивая размеренность и постоянство, а за ними - простота в мыслях, ощущениях и поступках. То, что поначалу представлялось мне обманчивым, как раз помогало, и я удивлялся тому доходчивому языку, на котором заговаривал со мною лес. Лесу, оказывается, до всего во мне было дело, и когда я это понял, то был ошарашен, но в тоже время почувствовал в себе силу, и благодаря этой силе стал догадываться о многих скрытых вещах.

В конце концов, я ощутил себя более сознательным и чистым, произошло это, конечно, не сразу, но мне всё очень понравилось: в моей душе проснулось великое переживание сопричастности с чудесным существованием. В лесу я пережил неимоверно сильную тягу к творчеству, и уже не сходил с этого пути никогда. И ещё я понял, что в лесу, как и в жизни, всё важно, и о нём нужно непременно думать и писать, чего бы тебе это ни стоило.

Но оказавшись под таинственным лесным пологом, ты ловишь себя на мысли: ни о чём, кроме леса, ты не думаешь, как раз освобождаясь от беспокойных размышлений, и живёшь одной жизнью вместе с деревьями, зверьми и птицами, с их счастливой и нелёгкой судьбой. Да будет им свет!

Всё нарастающее внимание к таинствам леса не передать словами… В тебе как будто просыпается некто другой, совсем иной человек, не ты, и, может быть, даже не человек вовсе, а какое-то угадывание себя, того, кого и чего ты ещё сам не познал. И вот это неожиданное узнавание чего-то неизведанного в себе также интересно и прекрасно, как и проникновение в глубинные таинства леса.

Чем же они так занимают меня, и если я когда-либо разгадаю их – что дальше? Каким лесным богам буду молиться, или только на себя надеяться? Как бы то ни было, хорошо жить на белом свете и познавать тайны леса!

Так, бывало, в один час запахнет весной, и ты уж знаешь – ничто тебя в городе не удержит… Как сказочный сон встают перед твоим внутренним взором дорогие сердцу просеки и покосы, те укромные полянки, где встречают свою весну укромной песней красавцы глухари, и ты в нетерпении собираешься в дорогу, и нет для тебя поры радостней, чем весна. Весна

захватывает тебя, ты отправляешься ей навстречу, чтобы запеть свою песню: по всей земле идёт удивительный праздник… Чудесная картина!

Ты словно очнулся ото сна, и начал думать такую же чудесную думу: про то, как терпеливо копилась в твоей душе весна, как постепенно шёл ты к своим любимым птицам – глухарям, и не для того, чтобы подстрелить, а лишь увидеть, подслушав их древнюю песню, и запеть самому. Да будет так, коли желаешь лететь к чему-то небывалому!

А вообще, встать в жизни на верное место – первое дело, и если уж встал, то не сходи с него никогда, чего бы с тобой ни случилось, а иди вперёд, развивай своё сознание, и помогай обрести его другим. Тогда и жизнь будет тебе дорога, не растратишь ты её уже на пустое, коли поставишь себе целью изучать всю её красоту и глубину, проникая в тайны и леса, и моря, и человеческой души, не уставая от этой замечательной работы, потому как нет на свете ничего полезнее и мудрее.

Конечно, большая загадка – зачем тебе дана жизнь, но ты её непременно разгадай, никто тебе ничего на этом пути не укажет, если в него не отправишься, и лучше самому в ней обо всём разузнать, чем от кого-либо услышать, так вернее будет. Никто нам ничего без нас самих не приготовит: просто будь собой, и станешь лучше всех!

Это впрямую относится к постижению лесных загадок… Если бы все люди добивались понимания жизни, то жизнь эта была бы очень неплохая. Она, впрочем, и так хорошая, но не хватает у человека желания постигать существование во всей его красе, с каждым разом проникая всё глубже и глубже, доходя, таким образом, до самых удивительных вещей, каких бы он никогда не достиг, не прояви на этом пути соответствующей выдержки и терпения. А главное, несокрушимой ничем решимости, чтобы открыть и себя самого, и окружающий мир.

Если же тебе является на пути нечто, своими собственными силами, казалось бы, недостижимое, то ты обязан до тех пор стремиться разрешать неразрешимое, пока не устранишь это неудобство и не доберёшься до правды. И как хорошо осуществлять задуманное наедине с природой, чутко вслушиваясь и вглядываясь в неё, ощущая, как в тебе пробуждается ещё большая сила. Природа только обрадуется твоим добрым устремлениям и желанию укреплять свой ум и волю, незаметно становясь мудрее, поскольку всё дело в тебе самом, в том, к чему ты себя ведёшь, к какой достойной цели.

А цели этой не видать, если не научился ты относиться ко всему животному и растительному миру с уважением, сердечно. Воспринимая весь живой мир как свой, ты скоро для себя откроешь, что идёшь по нему с великой охотою, и всё проживаемое им – задевает и тебя. Понимая Природу как Великое Целое, а себя - её неотъемлемой частицей, ты скоро узнаешь лица зверей, птиц и растений, а через них разберёшь и свою душевность, без какой тебе не жить.

И, несомненно, ты увидишь и правду, и самые расчудесные чудеса, поскольку сердце твоё живо, и огонёк сознания в нём горит. Тебе помогла

разжечь его наша Матушка-Природа, а ты сам взял управление жизнью в свои руки, и из этого вышла для всех одна радость. Ты нашёл себя в этом мире, именно – свой талант, и благодаря божественной природе развиваешь его, и устремление это необратимо: если не двигаться вперёд – счастье твоё обвалится. Так не бойся ничего, живи открыто, обнимая весь мир своей любовью, и, отправляясь в чудесные края, будет тебе божья милость.

Бывает, приходит в жизнь лесного искателя такое мгновение, когда открывается ему то, чего он добивался долго-долго, быть может, многие годы, и его никак нельзя пропустить, оно оказывается рядом с тобой неслучайно. Но если ты не почувствуешь этот момент, а главное, в себя не поверишь, чудесное мгновение способно также быстро улетучиться, только его и видели. Будь чуток сердцем, не упусти своё счастье, и когда ты его заметишь, всё вокруг и в тебе вмиг перевернётся, затрепещет восторженной птицей, и ты почувствуешь себя другим человеком.

Каким? Уже не тем, что был, совершенно чётким и проницательным, не переменчивым, как раньше, зависимым от чьего-либо отношения к себе, а абсолютно уравновешенным и покойным, с великой радостью воспринимая в душе проистекающую повсюду удивительную жизнь.

Всё тебе в лесной жизни станет страшно интересно… И о чём думают глухари, и почему они иногда по нескольку дней не прилетают на ток, и где берёт отчаянную храбрость копалуха, закрывая собой маленьких глухарят, когда идёт по земле страшный огненный пал, и кто помогает тебе в ночном лесу продвигаться своим путём, не сбиваясь, к своей долгожданной заре, и отчего темнее всего бывает час перед рассветом?

Разве не чудесно было бы разобраться во всех этих вопросах, и ещё решить не одну чудесную загадку по постижению таинственного леса, став навеки его искренним поклонником? Как это, наверное, выходит у глухаря, когда он каждую весну провозглашает во всеуслышание и её, и свою безмерную радость, и древнюю память о бесчисленных вёснах, что переживала за свою историю наша земля.

Так же вот, постепенно, постигается и сам лес: издали он представляется сплошь чёрным, немного приблизишься – он голубовато-синий, ещё ближе – седовато-серый, с бура, почти рукой подать – перед глазами встаёт густая тёмная зелень, а прикоснёшься рукой к хвойной ветви – чистый изумруд!

Чтобы познать истинную суть леса, нужно сначала заприметить его на горизонте, затем перемочь на пути к нему необъятные заснеженные поля и не отчаяться. Мало того, необходимо не растеряться при прямом столкновении с вековой чащей, не теряя к ней интереса, и уж потом осторожно подойти вплотную…

Тем, кто ещё не вошёл в лес, хочется поскорей туда войти. Тот же, кто уже побывал там, желает быстрее из него выйти… Что за сила влечёт нас туда и оттуда? И отчего, когда мы находимся в лесу, время, вроде бы,

приостанавливается, и начинается какая-то новая, особенная жизнь, к которой мы так стремились, но от которой, всё же, бежим? А кто-то и не думает ничего об этом, и равнодушие его, подобно девственной тайге, безгранично.

А между тем, в лесу постепенно обнаруживаешь в себе какую-то незнакомую раньше звериную повадку, и совершенно забываешься, как человек, пытаясь проникнуть в каждую мелочь, что тебя окружает. Даже к концу дня, уже сидя у костра, ты отрешённо вглядываешься в огонь, что гудит, как в печи с хорошей тягой, и когда поднимаешь голову к небу, то видишь только, как искры смешиваются со звёздами. Не разберёшь, где - на мгновение вспыхнувшие искры, а где – вечный свет далёких миров.

Жгучие утренники грызут лес изнутри, в еловых ветвях повисли клочья промозглого тумана, а предутренняя тьма незаметно прокрадывается в озябшую душу. Но костёр неизменно потрескивает в ночи, хранит алое тепло и не даёт затухнуть твоему интересу к загадочной лесной чаще. Постепенно кровь опять начинает бодро струиться по жилам, сердце ударяет в такт рвущемуся к небу живому огню, и хочется лететь к неумирающему свету звёзд, изучать эту удивительную сказочную жизнь и не угасать душой.

Сказочная лесная быль – это такая быль, что лучше сказки. Только потому, что она прекрасна, её и называют сказочной, а на деле эта быль и есть чудесная тайна, куда хочется проникнуть, и ведь если по правде жить, то такое желание достижимо, надо только слушать своё сердце и верить ему. Вот оно и поведёт тебя к чему-то неизведанному, и ты очень удивишься, когда вдруг осознаешь, что это прекрасное неизведанное, оказывается, всегда находилось рядом. Не отпугни его, прими всем сердцем сказочную быль, и живи по ней.

Хорошо жить по сказочной правде. Нигде, как в лесу, она во всей красе себя проявляет, и только стоит зайти под его полог, как чудесное тотчас подхватит тебя и понесёт в свою таинственную даль. Отдайся ему на волю, доверься всей душой, и небывальщины не заставят тебя долго ждать.

Так бывало в лесу уже не раз: если думаешь о чём-то таинственном и чудесном, оно обязательно тебе рано или поздно показывается, когда не отступаешь от своих мысленных и душевных устремлений. Нужно только не сомневаться ни в себе, ни в скрытой лесной тайне, что так обворожительна в своей кажущейся недостижимости, и ты веришь – обязательно её раскроешь.

Но как восхитительно это ожидание, наполненное чудесными лесными картинками, что ни днём, ни ночью не дают покоя, тем более, если идёт по земле весна. Такое в ней увидишь, такое узнаешь, чего ещё никогда не было тебе ведомо! За тем и сказочная быль в лесу существует, чтобы истину найти.

Оказавшись среди величественного дремучего леса, объятого тишиной и покоем, мне всегда хочется понять: в чём высшее предназначение моей собственной жизни? Но ели и сосны в молчании смыкают над головой густые макушки, и мои неприкаянные мысли, достигнув их, беспомощно растворяются в вышине, не находя спасительного ответа. Сам себе я тогда

начинаю казаться ничтожно маленьким, можно сказать, вообще не существующим среди этого царственного могучего леса. Почему так неотступно терзает душу это необъяснимое желание, что каждый год влечёт в знакомое мне одному место, точно обещая раскрыть некий тайный смысл, я не знаю…

Вглядываясь поздним вечером в неподвижно сомкнувшееся над головой небо, я чувствую, что есть нечто важное в таком, казалось бы, бессмысленном времяпрепровождении. Это открывается вдруг, с тревожащим душу ощущением даруемой лесом свободы и взаимосвязи со всем, что тебя в нём окружает: с могучими стволами древних деревьев, подпирающих собой звёздное небо, с ударяющей в голову грибной сыростью, буйством трав, обвивающих старые пни, с нежным цветом земляничника, распространяющего вокруг сладковато-пряный сонный аромат… Вместе с этим простым и ясным откровением лесной чащи душа тотчас наполняется мудрым покоем, и ещё таким пониманием собственной жизни, что изредка проникающая в неё туманная грусть уже не пугает, а только убаюкивает: благословен будет твой путь, если ты в своём таинственном уединении, постигая тайны леса, не отдалишься от людей.

Но трудно представить свою жизнь без лесной души, что, кажется, никогда не старится, постоянно обновляясь в своих нескончаемых жизненных примерах. Даже когда деревья в лесу умирают, старые пни окружены его мудрым вниманием и покоем. Так велика тайна лесной чащи, её неповторимый мир звуков, запахов и красок. А знаете, как эта тайна раскрывается?

В самый, что ни на есть, неожиданный миг, когда ничего, вроде бы, от леса и не ждёшь, он возьми и преподнеси тебе свой дар, что уж не забудешь никогда, потому как он – волшебный. Так и в нашей обычной жизни чаще всего происходит, когда будто бы из ничего приходит к тебе однажды дорогой человек, или случается в твоей жизни такая удача, о которой ты ни думал, ни гадал, и хорошо при этом взять себе на ум, что всё это неспроста.

Когда-то ты, должно быть, шибко постарался в выбранном по сердцу деле, словом, подналёг в старании, а через какое-то время – извольте получить вознаграждение. Подобным поворотом у Бога всё и обходится, если, конечно, чтишь Отца своего, и сам себе из этого мироощущения другом приходишься: не потопаешь, как говорится, не полопаешь. И ведь всегда заветная дверца отворяется лишь в приятном забытье, некоей отрешённости, когда не сосредоточен на желаемом, и вот тогда оно, это вознаграждение, и объявляется, никак не раньше, и чтобы овладеть тайной, тем более, лесной, необходимо секрет знать.

Спросите: какой? И я вам охотно отвечу: всё дело – в вас самих, в вашем отношении к жизни. Если, скажем, подступил самый печальный месяц в году – ноябрь, вам разве тоже надлежит скорби предаваться?

Да нет, конечно, ещё с вечера вы намеревались отправиться утром в лес, загадывая, что оно выдастся перламутрово-туманным, пахнущим пряными

травами, хоть и сырым, каким-то удивительно заветным. Если идти тихонечко, по усыпанным прелым листом укромным дорожкам, слышно, как насвистывают и перелетают повсюду упитанные рябчики. Золотое осеннее время, разумеется, миновало, но если повезёт, день выдастся укромным и радостным, как и пролёгшие в нём тропинки.

К полудню из-за тяжёлых низких облаков неожиданно проглянет ненадолго солнышко, чуть прогреет стылый воздух, и весь осыпавшийся лист превратится в мягкую душистую перину, так что ступать становится необыкновенно мягко и приятно. Осенняя трогательная пустота звенит на разные голоса, оттенки, звуки, и даже в угасающем сумраке ноября, когда, кажется, жизнь замерла, она до конца не истаивает.

Легко и приятно идти по лесу притихшей мягкой дорожкой, чувствуя, как умиротворённая осенняя пора заполняет всего тебя своей ненавязчивой и ласковой силой. Идёшь неспешно, и знаешь, что день обязательно принесёт что-нибудь чудесное, и вдруг, тотчас, как ты только об этом подумал, стремительно взмывает из-под куста орешника дружная стайка тетеревов, приятно пугая своим взрывным взлётом и привнося в окружающий пейзаж ещё большее обаяние.

Каждая птица чудесна по-своему: особенность тетерева в его взрывчатости и поразительном напоре. Одинаково оглушительно режет он воздух зимой, неожиданно взрываясь из-под снега, и осенью, когда в умиротворённой мёртвой тишине вдруг взметается свечой над частым осинником, бьётся исступлённо в его скрестившихся ветвях, отчего сердце переворачивается в сладкой истоме.

Сердце сладостно замирает, подкатывая прямо к горлу, а потом словно срывается от невозможности вытерпеть эту завораживающую паузу, и кровь тотчас мягко ударяет в виски. Короток миг тетеревиного порыва, но ещё долго стоит он в ушах, мешая на чём-либо сосредоточиться…

Когда же всё завершается, и первозданная лесная тишина вновь обволакивает твой слух, тебе начинает казаться, что ничего и не происходило: так стремителен был этот поразительный взрыв энергии, скрытый ото всех в чёрном, отливающем синью оперении тетерева. Осторожные птицы всего лишь взорвались неподалёку, что самой природой призваны быть чуткими, чтобы сохранить своё атласное перо и неподражаемое белое подхвостье, но как это было красиво! А бархатно-брусничные брови? Кто позаботится об этой птичьей красоте, кроме самого тетерева?!

Вот и прекрасная осень заботится о птицах, тихонечко шелестит пожухлым листом, ещё издали предупреждая их об опасности, но меня тетеревам остерегаться нечего, я отправляюсь в лес без ружья, за чудесами. Чудо – это то, что есть, но люди ничего о нём не знают, потому как не желают верить в его существование, а главное, они его не заслужили, и чудо им не открывается. Нужно приложить немало усилий, чтобы чудо произошло, вернее, объявилось, но даже когда это произойдёт, чудо своего

очарования не теряет, поскольку неподражаемо прекрасно, и значит, незабываемо.

Незабываема и русская осень… В конце октября – в начале ноября в лесу тихо-тихо, и если зашуршит, цепляясь за ветки, одинокий лист, почудится, будто кто-то ненароком вздохнул и затаился, а уж если пробежит мышь, то сразу встряхнёт осеннюю тишину! До печали ли тут растревоженному природой сердцу?!

Когда научишься всё в жизни принимать так, каким оно приходит, ничего заранее не загадывая, тогда и в лесу сразу многое откроется, и суть любого секрета проста: секретное, что заветное – блюди его, и если о нём не спрашивают, о том не говори. А ещё – будь честен, в первую голову, по отношению к самому себе, к тому сокровенному, что живёт только в твоей душе, не хорони его, а дай выход, и это обернётся для тебя непременным открытием. Никак иначе ты не согласуешь свою волю с волей Мироздания, и если проявишь настойчивость в достижении истины, она рано или поздно въяве скажется.

Знай: всякая тайна твоей неутомимостью и бесстрашием крыта будет, и тогда нестрашна непогода, важно, чтобы в твоём сердце солнце всегда светило, и свет этот растворит любые загадки природы, сообщающей нам всем благодать Божию. Разве возможно её не увидеть?!

Всякое явление, кое мы не умеем объяснить по известным нам законам природы, тотчас же приравнивается к чуду, а где этих чудес больше всего, если не в доступном всем нам лесу, просто переполненном ими? И чаще всего, это самое диво дивное, не иначе, как только в лесу приключающийся случай, нечто нежданно радостное, что не всегда и словом опишешь, располагается, как правило, совсем рядом, у деревенских жителей – прямо под боком. Походишь не один год в лес, говорят они, так наглядишься чудес, что в лесной чаще творятся: бывает, такие чудные, будто только для этого и родились!

Неописуемая прелесть божьих дел, действительно, имеет место быть неподалёку от человека, и важно её увидеть. И тут даже не диковина, что кукушка в чужое гнездо залетает, было бы чудо, кабы, своё свила! А ОТЕЦ-ЛЕС, знай, каждый день чудеса свои созидает: удивительны дела его, Господи.

Но лесной храм людям не на потеху устроен, а всему свету на поучение, отчего любознательному человеку лес завсегда в радость. Эдакое лесное чудо, что шире Рождества и Пасхи!

Правда, люди утратили способность удивляться этим самым обычным, но чудесным вещам, воспринимая окружающий мир только как привычную быль, и никак иначе. Но мир от этого не изменился: он по-прежнему чудесный и сказочный. И при этом в твоём общении с природой нет ничего

мистического. Всё достаточно просто, если воспринимать окружающий мир живым, где всякое явление или предмет имеют свой уровень сознания.

Когда находишься на одной волне с природой, ведёшь себя осознанно, всё вокруг непременно тебя чувствует и отзывается на твои душевные устремления. Каким-то природным энергиям, в результате таких душевных устремлений человека, представляется возможным даже оказывать ему некоторое одолжение, потому что этот человек приятен невидимым природным силам, они поддерживают его, делясь с ним своим благосклонным настроением, и так могут относиться к человеку кто угодно – и звери, и птицы, и дерево, и земля.

А вот когда человек равнодушен к собственной внутренней природе, он неминуемо проявляет равнодушие и к окружающей его жизни. Жизнь же полна энергии, отдавая её просто так, ничего за неё не требуя, бесплатно: взял бы только кто-нибудь, не проходил бездумно мимо. Какую кладезь энергии содержит в себе природа, и нужно не потерять в себе способность замечать её обыденную красоту!

Мистика, если в природе и присутствует, это не есть нечто запредельное, не присущее земной жизни, а как раз составляющее многочисленные тайны природы, которые люди не желают разгадывать, или просто не замечают. Вот и окрестили всё непонятное для себя в окружающем их пространстве загадочным словом, вместо того, чтобы постигать эту удивительную жизнь.

Я уже и сам стал про себя подумывать: а, действительно, чего же необычного во всём, что происходит в лесу? Ведь это мать-природа так просто благоволит к нам, своим непутёвым детям, и нужно быть абсолютно бездушным, чтобы не понимать этого волшебного дара, тогда как следует всего лишь быть более внимательным и чутким, как можно чаще практикуя взаимоотношения с природными энергиями.

Не начав, всегда боишься или сомневаешься: а получится ли? Никогда не нужно бояться вмешиваться в жизнь, если это не доставляет кому-либо дискомфорта. Иначе ничему не научишься и ничего не узнаешь.

Конечно, не всё у человека может складываться с самого начала, не сразу он обретает опыт! Когда у тебя что-то не получается, значит, для этого ещё не пришло время, ты просто не готов к восприятию необходимых энергий, и потому должен копить в себе силы.

Опять же, вы спросите – как?! В лесу, как и в жизни, без усилий никакие чудеса не станутся, без них не обойтись, и потому покой всегда пьёт лишь воду, а беспокой – мёд.

Я смолоду много ходил по лесу один, любил это делать, причём, бывал в одних и тех же местах, чтобы лучше их изучить, и обитающие там духи, по-видимому, хорошо меня прочувствовали. Я много лет проработал в море, проникся энергиями этой стихии, и она тоже не оставалась ко мне равнодушной. В результате длительной работы над собой, мне удалось обнаружить своё предназначение, нащупав индивидуальную программу

именно на это воплощение, и это тоже не могло не оказать значимую поддержку в понимании себя и окружающего мира.

Имея деревенский дом с земельным участком, где произрастают посаженные мною деревья, что стали мне сокровенными товарищами, я постоянно, из года в год, общаюсь с ними, забочусь, и деревья эти великодушно делятся со мной своей силой. Мне есть откуда черпать энергию, причём, самым простым образом: сопереживая со всеми перечисленными стихиями, осознавая каждый свой шаг. В противном случае, как я убедился со временем, тебе не удастся соприкоснуться в лесу с небывалым, чем-то по-настоящему чудесным, и для того, чтобы это произошло, тебе нужно вести себя осознанно.

Когда обращаешь своё пристальное внимание на всё происходящее в природе, ты восстанавливаешь единство со всем Сущим, ту неразрывную связь, что была когда-то утеряна людьми. В этом единстве покоится всё в природе, и если вдумчиво посмотреть на любое растение, просто воспринимая его как неотъемлемую от неё данность, то тебе начнёт передаваться его скрытая от глаз людей радостная тайна, некая безмятежная и глубокая суть, пребывая рядом с которой, ты неминуемо становишься сильнее. А надо-то всего лишь смотреть, вдыхать и слушать…

И вот тогда ты увидишь и почувствуешь, как каждый живой организм является только собой, без какой-либо раздвоенности, с самого рождения гармонично взаимодействуя с окружающей средой. Так и ты: созерцая красоту природы, избавляешься от зависимости быть кем-то ещё, непроизвольно ощущаешь эту красоту внутри себя, и сразу наполняешься энергией, которая, оказывается, есть твоя истинная суть, то состояние, что тебя никогда не оставит, только приумножаясь, если будешь осознавать её в себе всегда.

И как при этом важны звуки природы, все её трели и вскрикивания, шорохи и шелесты, стрекотания и насыщенная жизнью тишина?! Если ты отозвался душой, хотя бы, на эти звуки, то открываешь нечто, казалось бы, не существующее, чего, вроде бы, и не постичь, как бы ни старался, а оно есть, да какое мощное!

Всецело отдаваясь скрытому лесному миру, ты ему - близок, постепенно осознавая в себе неимоверную энергию, что соединяет тебя со всем Существованием. Если воспринимать природу только через ум, никогда не постигнешь её красоту и жизнестойкость, и потому относиться к ней нужно с душой, позволяя жизни течь в себе естественно. С этим естественным сопереживанием к тебе и приходит понимание всего Сущего, и ты целиком воссоединяешься с природой.

Природа исцеляет тебя, наделяя могучей энергией, когда ты уже не можешь жить неосознанно. Природа ждёт достойного человека, через него она осознаёт и себя, так задумал Господь, и как хорошо всегда находиться с ней в согласии.

И так, однажды, большая радость пришла ко мне в лесу, и было этой радостью – сопричастность всему, что происходит в нём, возможность, если не поленишься, увидеть это чудо и пропустить через сердце, после чего дух лесной чащи навсегда входит в тебя, уже никогда не покидая, и приносит огромное удовлетворение. Такая была эта радость, что не описать никакими словами, лишь переживать в себе, где бы ты ни находился: и в городской квартире, сидя за письменным столом, и работая в море, и даже во снах, когда к тебе приходят любимые лесные уголки, на век запечатлённые в памяти.

Я даже не сразу понял, какое это богатство, а когда понял – почувствовал себя по-настоящему счастливым. Открылось ясное осознание, что даже если и придёт в твою жизнь нелёгкое испытание, ты встретишь его достойно, как бы плохо всё не выходило, и на душе у тебя будет покойно и хорошо.

Горе вперемешку со счастьем, конечно, мучительно, но всё-таки счастье уже не покидает твоего сердца, потому что в нём давно поселилась истинная правда. Правда эта заключена в твоём искреннем интересе к жизни, к любимому тобой лесу, где каждая тропинка приводит к чуду. Лес как будто смотрит на тебя из какой-то светлой сказки, всё знает, что ты о нём думаешь, и оттого радуется вместе с тобой. Разве тут усидишь дома?!

Так уж выходило, что душа моя всегда страдала по лесу, как, впрочем, и по морю, что не было, конечно, плохо. Наоборот, мне казалось, что в любое время года лес даже ждёт меня, как и я жду с ним встречи, и получалось так, будто бы мы оба радовались, предвкушая тот момент, когда я войду под полог леса, а он как-то по-особенному поприветствует меня. Я чувствовал это всегда, правда, не сразу стал осознавать эту издавна установившуюся между нами взаимосвязь, и было очень приятно, что лес тоже чувствует меня и понимает.

Ожидая скорое соприкосновение с лесной чащей, мне уже кружил голову аромат её сырых кореньев, трав и хвои, и я верил, что мне опять откроется там нечто ещё невиданное, и так, в конце концов, и выходило. На меня снисходило вдохновение от соприкосновения с лесом, и я точно знал, что он помогает мне жить.

Пожалуй, больше всего мне помогал лесной дух, что я угадывал в удивительном воздухе, наполняющем это необыкновенное пространство, где так соразмерно умещались и птицы, и звери, и растения, и небо с землёй. И всё это необъятное, но почему-то такое родное лесное существование было очень уютно и приятно моей душе. В нём постоянно хотелось находиться, и я, без остатка, отдавал своё сердце этим укромным перелескам, старым волокам и потаённым тропинкам, светлым опушкам и забытым всеми полуразрушенным деревенькам, заброшенным дорогам и не зарастающим просекам, по которым хотелось, не щадя себя, стремиться в какие-то ещё более дремучие, таёжные дали.

Что двигало мной в этом устремлении? Наверное, неуёмное желание раскрытия тайн и постижение чудес, моё солнце в душе, и я благословляю тот час, когда судьба свела меня с таинственной лесной чащей!

Перелески

Сколько переживаний, обычно, доставляет человеку непонимание им природы, когда лес изводится почём зря, бездумно, вместо того, чтобы вовремя выбирая спелые деревья, вместо них высаживать молодую поросль. Но пусто вокруг, и там, где когда-то стояла первозданная вековая чаща, теперь раскинулась пустота, затянутая иссохшим валёжником, сплошной бурелом. Вот почему хожу я по своим любимым местам в отрешённом забытьи, и не могу избавиться от обезоруживающей горечи сожаления: уже порядком истреблены укромные и дорогие сердцу уголки, где я был когда-то счастлив.

Мощные старые ельники с деревьями в два-три обхвата можно сейчас пересчитать по пальцам. Сказочный мрак от их переплетённых, будто сросшихся крон остался больше в воспоминаниях. Теперь уже только перелески, а не исконный дремучий лес приносят удовлетворение, и эти перелески, совсем как настоящая нетронутая чаща, ещё очень остро будят воображение и щемят сердце.

Чем таким особенным отличаются они от других, почти таких же перелесков, просек, опушек и покосов, в изобилии разбросанных по нашей необъятной лесной стороне? Что в них неповторимого, глубоко скрытого от чужих глаз, а моему восприятию кажущегося самым сокровенным? Они – как отголоски былых переживаний, когда ты жил, должно быть, другой жизнью, было это давным-давно, и в той жизни все поклонялись лесу.

Наверное, я угадываю эти старинные, ещё оставшиеся лесные уголки каким-то необъяснимым чутьём. Жажда ощущать своё единение с ними ни с чем несравнима. Я ищу места далёкого прошлого в лесу и иногда нахожу их, но случается это всё реже и реже, а про себя думаю: как я люблю вас, древние, таинственные леса, уже пережившие целые века!

Сколько радости приносят эти маленькие лесочки, сколько неожиданных открытий и надежды, что не изведут леса навсегда, что наберётся у человека здравого смысла сохранить почти утраченное. «Не строй, говорят, семь церквей, а пристрой лучше семь детей», и это выражение как нельзя лучше подходит к остаткам леса, оказавшимся без присмотра.

Все перелески, как дети малые, разбежались по нашим необъятным российским просторам, и от нас зависит сохранить их, ибо было когда-то добро, да давно, а если опять будет, нас уж, может, и не будет. Перелески – это те драгоценные отголоски, по которым можно восстановить давно минувшее, и что может быть привлекательнее этих остатков былого!

Неизъяснимое счастье – затеряться в дорогих сердцу лесах и перелесках, в этих оставшихся островках лесного уюта и покоя. Остановившись в таком леске где-нибудь на исходе лета, присядешь на пенёк, осмотришься, и по еле уловимым приметам вообразишь себе тот первобытный лес, что покрывал нашу землю давным-давно.

Старые ели, сосны и пихты растут так густо, что под ними всегда сыро и сумрачно. Многие деревья засохли на корню, им некуда упасть, и, навалившись друг на друга, они стоят мёртвые, покрытые вместо хвои косматыми клоками серого лишайника. Поваленные же ветром деревья образовали непроходимый валёжник, скопившийся за десятилетия, из которых слагаются нескончаемые лесные века.

Древние, давно упавшие колоды обросли сочным зелёным мхом, середина их давно сгнила, превратившись в труху. Нет ни кустов, ни цветов, ни даже травы в таком высокоствольном тёмном лесу. Лишь в отдельных сырых местах разросся огромный остролистый папоротник, а с деревьев свисают полуистлевшие, обломанные бурей ветви. Настоящее кладбище из чёрных стволов и сучьев!

Только пользуясь звериными, преимущественно медвежьими и лосиными тропами, может продвигаться человек в этом буреломе. Почти не проникают под тёмный полог ветвей солнечные лучи. Там, наверху, набежавший ветерок слегка колышет могучие вершины, раздаются нежные голоса крохотных синиц, внизу же – мёртво и тихо.

Необъятными тучами вьётся в неподвижном воздухе мошкара. Изредка, как-то невпопад взмахивая крыльями, подлетит к старой ели дятел желна, посидит, осмотрится, а затем вопьётся в ствол когтями и начнёт скачками подниматься вверх. Или глухарь, нарушая тишину, с грохотом сорвётся с ветки, и на распростёртых крыльях скроется в непроходимой чаще.

Но всё это лишь иногда… Можно, наверное, пройти по такому лесу многие вёрсты, и никого не увидишь: ни синиц, ни дятла, ни глухаря. Редки здесь птицы и звери, величава и пустынна первобытная тайга!

Оставшийся после этой дремучей тайги перелесок – лишь небольшой лесок, отделённый полянами от других лесных уголков. Он как будто нечто обособленное, что живёт с каким-то тайным, никому неведомым умыслом.

Большой лес, говорят, - к селу крест, а безлесье – неугоже поместье, и вот такой неприметный, вроде бы, перелесок – словно лесное дитя, заплутавшее в необъятных лесных просторах, но до конца не затерявшееся. Перелесок живёт своей маленькой жизнью, часто скрытой от глаз, но, даже обратив на него внимание, не всякий разберёт его укромную жизнь. Разве в лесу лесу мало?!

Перелески же будто ждут, когда на них обратят внимание, особенно – летом, и, если это происходит, как малые дети, радуются, пытаясь тотчас очаровать и увлечь за собой. Играют своими потаёнными тенями и редкими солнечными бликами, путают укромными тропками, завлекают неведомыми голосами. Не хочешь, а забредёшь в такой перелесок, невольно углубишься в

него и обо всём позабудешь. Перелесок, как всякий озорной ребёнок, только этого и ждал!

На первый взгляд, перелески будто бы пусты, в отличие от большого леса, но чем дальше в лес, как говорится, тем больше дров. И невелик, вроде бы, перелесок, а как обухом бьёт. Словом, удивляет и всё норовит подножку поставить, отвлечь от одолевших тебя забот. Ты и сам не заметишь, как увлечёшься им, и про себя чему-то необыкновенно обрадуешься. И всё это благодаря маленькому перелеску.

Перелески в нашей лесной стороне стали привычны, и попадаются гораздо чаще, чем большие лесные массивы. Бывает, перелески соединяют их, служа непрерывающейся зелёной «пуповиной». Всегда приятно заглянуть в такие лесные перешейки в поисках грибов и обнаружить у самой опушки, под раскидистыми еловыми лапами, семейство боровиков.

Опустишься перед ними на колени, неспешно срезаешь, а сам нет-нет да поглядываешь зачем-то по сторонам. Перелесок обычно просматривается насквозь, вроде бы, негде тут спрятаться его незамысловатой тайне, но что-то невидимое, всё же, происходит вокруг, постоянно присутствует. Ты даже в какой-то миг опять оглянешься, поднимешь голову или отчего-то с удовольствием насторожишься: всё в маленьком перелеске хорошо, даже - необыкновенно, но где оно?!

Оно, это невидимое, но, всё же, ясно ощущаемое «нечто», есть душа нашего чудесного леса… Она присутствует везде, в том числе – вот в таких, неприметных на первый взгляд, перелесках, что были когда-то сплошным огромным лесом. Люди постепенно уничтожили его и оставили узенькие лесные островки, мало-мальски укрепляющие почву и создающие впечатление здоровых лесных угодий. Перелески – это живые отголоски тех далёких времён, когда ещё были целы тёмные дремучие леса.

Один перелесок, другой, всё дальше уводят они в лесную чащу. И вот, уже новые, совсем незнакомые места окружают тебя. То повстречается укромная земляничная полянка, а то обронённое глухарём перо. Может быть, где-то здесь располагается по весне глухариный ток?!

Неожиданно выходишь на волок – семь ёлок, старую лесную дорогу, пролегающую через небольшой перелесок, благодаря которому этот волок и остался. Я люблю такие старые заросшие дороги и тропы. Время сравняло глубокие колеи и стёрло следы подков. Они заброшены и, зарастая кустарником и травой, никому не нужны.

И всё же, в них таится какое-то неуловимое очарование, нечто неизведанное. Так и кажется, что за ближайшим поворотом дорожка оборвётся у сказочной избушки или приведёт к дуплу, из которого высовывается зелёная борода лешего. Ещё живы сказки дорогого для всех нас русского леса!

Сколько счастья остаётся в душе от встреч с такими потаёнными сказочными местами! Нечто особенное, ничем уже в твоей жизни невосполнимое, родное.

Как вот эти, затерявшиеся в самих себе, скромные перелески, что, несмотря на свою укромность, тоже радуют душу и будто ободряют путника, идущего по лесной дороге. По краям такой дороги, в душистой хвойной тени, глядят на тебя чудесные маленькие цветы. Это - тоже перелески, что радуют душу своим трогательным и нежным взором.

Их белый или голубенький цвет – цвет скромности, которой обладают именно лесные цветы. Пусть и неброские, они нежно улыбаются уставшему путнику и будто ободряют его. Яркие цвета не характерны для нашей средней полосы, где в них нет необходимости: здесь радует глаз милое цветочное разнообразие, в котором преобладает белый, жёлтый и фиолетовый… Перелески приветствуют нас скромным нежно-голубоватым обликом.

Что-то в них вынуждает остановиться рядом и просто, открыто улыбнуться им. Присесть на пенёк, послушать птиц, может быть, набрать горсть земляники, но время от времени взглядывать на них, будто поддерживая неторопливый душевный разговор. Беседовать – не устать: было бы что другу другу сказать, а перелески, наверное, могут многое поведать о том, что повидали на своём веку, когда вокруг стоял прекрасный дремучий лес!

Лесные перелески такие простые, ненавязчивые и милые, что удачно послужили бы, наверное, украшением в начале и конце чудесной книжки про лес - в качестве своеобразной виньетки, очень хорошо отображающей лесную тему. И легко, и красиво.

Перелески, конечно, не выдают клад, как папоротников цвет, не убивают и не опьяняют, не кружат безудержно и не вынуждают плутать, а тихо радуют, отчего на душе светлеет. Смотришь на эти цветы и невольно восклицаешь: цвести бы перелесками!

Перелески – будто глаза земли с лесной душой, открытые для всех. Улыбаясь и веселя, они при этом ещё по-своему говорят, да и выслушать могут, поскольку они не только глаза леса, но и его мысли, которые в лесу незаметно становятся и твоими. На то они и перелески – цветы, призванные ненавязчиво скрашивать человеку нелёгкую путь-дорожку, чтобы и сердцу стало спокойно, и душа была рада.

Перелески – украшение укромных лесных уголков, и если говорят, что на битой дороге трава не растёт, а если и растёт, то только спорыш, так это никак не относится к нашим перелескам: родной уголок, хоть и неказист, зато - всего краше, в нём – свой простор. Идёшь по лесной тропинке, любуешься на незатейливые, но милые сердцу перелески, и о чём-то скверном уже не помышляешь. Все худые мысли отгоняют родные перелески, помогая одолеть горы высокие, долы низкие, озёра синие и берега крутые, леса тёмные, пеньки да колоды. В самом сердце твоём дорогие цветочки по всей нелёгкой дороженьке!

Живут перелески вдоль лесных тропинок укромно, тихо и очень уютно. Укромность цветов – лесное свойство, и выходить из-под своего потаённого

полога они не намерены. Хоть и неброские на вид, перелески одаривают своим вниманием только лесного путника, и не печалятся, если тот не замечает их небесного настроения. Всякому, как говорится, свой путь, но того, кто всё-таки разглядит в траве их трепетные головки, ожидают в лесу добрые вести. Перелески всегда приветствуют любознательного, неравнодушного человека, и своим присутствием облегчают его дорогу.

Идёшь, любуешься перелесками и думаешь обо всём, что тебя окружает, а перелески будто перетекают в тебя, радуясь, что ты их отметил, и открывают свои самые сокровенные тайны. Они – скрытая душа былого леса, что, благодаря им, остаётся доступной. Глупый, говорят в народе, ищет большого места, умного же и в углу знать!

Когда на дорожках никого нет, перелески любят смотреть на солнце. Глаза жёлтенькие, ресницы белые и голубенькие – так и провожают весь день солнечный свет с востока на запад. Солнце садится за лес – перелески закрывают глазки и тоже ложатся спать. Но больше всего перелески любят следить за человеком…

А вот когда нет ни солнца, ни лесного путника, перелески растерянно озираются, ищут хоть кого-нибудь, и, никого не обнаружив, поникают головками, уставившись в землю: им, оказывается, не достаёт общения!

Даже закрываются на ночь перелески неохотно, как будто не наигрались за день, а поутру опять изумлённо поглядывают из травы в чистое летнее небо, будто наполняя себя его цветом. Небо не скупится на свою голубизну, великодушно одаривает ею зацветающую землю, и чистота перелесков на ней к лету становится нежнее неба, доверчивее любой, самой открытой улыбки. И не правда, что в один день по две радости не живёт: в лесу их целый воз, а перелески – одна из них!

Перелески-перелесочки… Не забыть их человеку, которого они хоть однажды приметили на лесной дорожке и будто обогрели своим нежным вниманием! Никогда не завянут они у человека в душе, и всегда он будет радоваться им, вспоминая синее небо, щедрое солнце, ослепительно белые облака и несмолкающие песни птиц! Живы перелески – жива и душа человека, которая через них с Богом беседует.

Жизнь в лесу

Весь день ветер не ослабевал, и я уже начал опасаться, как бы он не повлиял на прилёт глухарей. Ветер мощно гудел во тьме лесов, с легкостью сгибая тридцатиметровые ели. Он, то улетал куда-то за реку, приглушённо надрывая себя там, то возвращался к избушке, озлобленный и непреклонный.

Вслушиваясь в его неутомимые порывы, я не замечал, как забываюсь и даже теряю ощущение собственного тела. Тело становилось как будто невесомым, ненужным, оно улетало вместе со всей кружащейся землёй в выстуженное ветром апрельское небо.

Отовсюду неслись какие-то колдовские звуки, и невозможно было

понять, что они означают. Ветер творил свою томительную неразбериху, в ней, несомненно, жил какой-то скрытый смысл, и лишь некто, остающийся невидимым, но очень могущественный, в силах был его разгадать.

Изредка во мне просыпалось острое желание открыть суть этой силы, но, слегка коснувшись сознания, она тотчас ускользала. Как будто её, вообще, не было. И на душу ложилось отрешённое умиротворение.

Ветер сокрушал стволы деревьев до позднего вечера, и когда уже на замутнённом небе начали проступать звёзды, он вдруг как-то внезапно захлебнулся и исчез. Я не сразу заметил произошедшую перемену, и ещё долго сидел, глядя на успокаивающееся пламя костра, пока не ощутил подступившую, откуда-то из темноты, лёгкость такой же отрешённой свободы. Будто этот самый ветер выдул из души всё наносное, никчёмное и, слегка коснувшись на прощание лица, несказанно успокоил.

Да, подлинная жизнь была только здесь: среди щемящих душу отголосков самозабвенного ветра, древних щетинистых елей и царства загадочных птиц. Разноликие времена года, незаметно сменяя друг друга, добавляли в неё скрытого обаяния и красоты. Эта, не похожая ни на какую другую, лесная жизнь, из века в век остающаяся сама собой, вселяла веру в любого, кто не противостоял ей и стремился понять.

Но никто из людей так, толком, и не мог объяснить, откуда эта жизнь черпает свою веру, каким богам поклоняется и приносит жертвы. Недосягаемой для понимания представлялась жизнь леса, весь её опыт и веками накапливаемое могущество.

Я не мог запретить себе думать о том, на что не было пока ответа. Не мог запретить, наверное, потому, что не успел потерять способность удивляться. Удивлению же всегда сопутствовало необыкновенное наслаждение.

Всю ночь и весь последующий день находилась во мне эта тишина, наступившая после неуловимого ветра. И даже очутившись в городе, когда стихло в сознании эхо убегающей электрички, несколько померкли запахи и краски проникновенно живущего в себе леса, и растворилось ощущение удивительного полёта при взгляде на плавно парящего над макушками старых елей ястреба, её немые отголоски ещё продолжали копошиться в душе какое-то время. То утихая, то вспыхивая под воздействием случайно увиденных в городской жизни картин, в чём-то даже схожих с лесной жизнью, молчание леса порождало отсутствие какой-либо тревоги: ещё раз проходить в душе эту тишь было сладостно.

Но только на время задерживалась во мне тишина, и вскоре уже опять ощущалась острая потребность в ней, потому что в городе она неминуемо исчезала. К сердцу подступало очередное нетерпение, и воображение рисовало укромные лесные тропинки, где ты непременно должен был столкнуться с их обитателями, и не было сил, способных удержать тебя дома.

Сегодня тишина была со мной. Вечным и мудрым покоем веяло от неё.

Дрозды, предчувствуя приближение темноты, дружно взялись высвистывать на чернеющих макушках елей свои жизнеутверждающие песни, а потом неожиданно стихли. Апрельская ночь неохотно, будто вынужденная так поступать, напоминала о себе еле различимыми шелестами, что незаметно прокрадывались в тебя, и от этого на душе становилось непонятно и одиноко.

Но только на миг закрадывалась в сердце отчужденность. Из укромных оврагов, где дотаивал грязный лед, в воздух, тягучей дымкой, поднимался издыхающий зимний дух. Едко ударяя в голову и выжимая невольные слёзы, он отрезвлял, вынуждая быть ко всему окружающему внимательным и неторопливым.

И вот, ночь наступила: туманная, прохладная и большая. И опять всё кругом стихло, но ненадолго. Когда весной не спишь всю ночь, дожидаясь утра, и встречаешь его пробуждение, то понимаешь, что для лесного человека все дни и времена года слиты воедино, и он с ними неразделим. Встречая в лесу раннее утро, ты постигаешь неисчерпаемость времени и то, как скуден сам по себе световой день в сравнении с таящимися сумерками.

Здесь, в лесной избушке, можно было спокойно подумать, и даже попытаться объяснить, почему такая жизнь некоторым людям представляется более настоящей, чем в городе. Не потому ли, что люди не используют свои человеческие возможности максимально, живут недостойно собственного звания, а животные, птицы и деревья достигли в этом смысле необходимой мудрости и красоты?!

Задушенный чрезмерным, но не используемым в достаточной мере интеллектом, неправильным воспитанием, а вернее, отсутствием всяких обязанностей перед самим собой и обществом, человеческий разум уже не может направить себя на путь свободного слияния с природой. Для этого он должен быть ещё достаточно силён. Человек же, как существо довольно ленивое, всегда предпочитает наименьшие усилия, и только тот, кто сохранил звериную тоску по своему далекому прошлому, знает цену настоящему и верит в прекрасную бесконечность неповторимого будущего - способен быть поистине неутомимым.

Таким всегда не хватает гармонии, и они уходят в леса, и чувствуют там себя счастливыми, но поскольку это в высшем смысле люди, они не могут жить без людей, и рано или поздно возвращаются в город. Потом наступает момент, когда они вновь испытывают потребность в природе.

Их отвага, знание и любовь разрывают им душу на части. Не однажды познавшие удивительное состояние покоя, допустимое только среди дикой тишины лесов, камней и бегущих по небу облаков, они на всю жизнь становятся их пленниками. Ведь из всех испытаний, ниспосланных на человека судьбой, соединение с природой — чуть ли не самое благословенное.

В эту ночь я позволил себе забыть о глухарях, и крепко уснул. И ничего, кроме того, что я ощущал вокруг себя, не приходило ко мне во сне: только свежесть елового лапника, редкий дым, уносящий и сливающий со звездами мириады оранжевых искр, неизбывные и грустные порывы ветра, неловко

путающиеся в самых верхушках, чистота открывшегося ночного неба…

Тело было невесомым, сердце, словно непутёвый щенок, мягко и успокаивающе толкалось в груди, и всё в этот вечер казалось простым и понятным, так что никуда не хотелось идти. Пробуждение должно было принести на птичьих голосах уже рождающийся где-то день.

Птицы пели свои песни всё утро. Легкий ветерок разносил их над лесом, и я не думал о том, что они означают, просто это пение дивно было слушать.

Две трясогузки перепархивали над входом в избушку, посвистывали что-то своё, неистребимое и очень важное. Одна из них, что была смелее, держалась поближе к крыльцу. Смешно и неразличимо для глаз перебирая ножками, она стремительно перебегала по вросшим в землю брёвнышкам, ежесекундно тряся длинным хвостиком. Озабоченная весенней суетой кроха!

Булькающее токование тетеревов плыло откуда-то из-за реки. Колдовские звуки разошедшейся птичьей страсти набегали волнами: то становились слышнее, яростнее, то утихали, словно птицы удалялись всё дальше и дальше, охваченные своей любовной игрой. Даже в этот ранний час солнце припекало сквозь штормовку достаточно сильно, с присущим только весне жарким размахом. Я вдруг представил, какое шелковистое и тёплое перо может быть сейчас у тетерева, если погладить его рукой.

Когда тетеревиное бормотание совсем пропадало, так что невозможно было определить, откуда оно идёт, я осторожно припадал ухом к земле, напряжённо вслушиваясь в бегущие над травой звуки. И тогда опять неожиданно выплывало из-за леса грудное, загадочно-глубинное воркование, летело над освещёнными солнцем полянами и утопало в дальнем еловом лесу. Лес в тени казался тёмно-зеленым, почти чёрным. В этой его видимой черноте, должно быть, ещё таились остатки недолгой весенней ночи.

Солнце всё более разгоралось, время переваливало уже за девять, а птицы не прекращали своего самозабвенного бульканья. Но и к тетеревам мне сейчас тоже не хотелось приближаться. Лишь слушать их волнительную песню, вдоволь насыщаясь ею и успокаивая себя мыслью, что когда-нибудь потом, в конце апреля или начальные дни расцветающего мая, ты обязательно подберёшься к жарко чуфыкающему краснобровому косачу шагов на двадцать, и увидишь то, что для большинства людей остается недоступным.

Лёгкий прохладный туман затопит собой всю ложбинку, так что сначала покажутся только отдельные ветви кустарника и мохнатые верхушки молодых сосенок, затем быстро растечётся над землёй молочной кисеёй, а ты, затаив дыхание и позабыв обо всём, будешь наблюдать за ним, воображая и себя ослепительно красивым тетеревом, охваченным любовью к желанной тетёрке. И появлялась вдруг спокойная уверенность, что всё это ещё обязательно придёт, и жизнь в лесу не минует тебя вниманием, поскольку ты уже давно заложил ему свою душу, а вышло это само собой.

Предвкушение тайны

Ночью я никак не мог заснуть. Шипела на столе догоравшая свеча, в глубине леса, со сна, ухнула какая-то птица. Повернувшись на бок и вглядываясь в темноту, я пристально вслушивался, и мне казалось, будто за стеной кто-то ходит. Что-то до жути знакомое и неясное витало там, над опушкой, и его хотелось понять до конца.

Тихо приподнявшись, я толкнул дверь. Она подалась легко, растворившись почти настежь. Заклинившись о перекошенное временем крыльцо, дверь издала тягучий сухой скрип, но не вспугнула им тишину. Птица ещё раз беспокойно и сладко вскрикнула, тотчас всё о себе поведав. Не хотелось даже идти и смотреть на неё, полусонную, нахохлившуюся, потому что сознание чётко рисовало себе незамысловатые всплески её диких лесных наваждений.

Было часа три, а может быть, половина четвёртого, время, когда в весеннем лесу зарождаются первые проблески утра. Меж еловых мягких ветвей зависали редкие туманные сединки, с недосягаемых высот умиротворенно взирало на землю потухающее звёздное небо. Оно уже подёрнулось лёгкой пеленой, и потому, как будто, отступило: остуженное, довольное собой, что всё так хорошо устроило.

Дымка сумеречного света кралась над заброшенной деляной, но очертания казались ещё расплывчатыми. Не было слышно ни шороха, ни звука. Утро словно подбиралось во снах к лесным обитателям, готовое нахлынуть и захватить всеми своими запахами, красками, песнями. В этой остановившейся тишине я ожидал услышать только один, ни с чем несравнимый, чеканящий древним правдивым знанием звук, а потом и песню птицы — через века хранимый ею путь поисков этой правды.

Но глухари молчали. Не прилетев вчера, они, по-видимому, и сегодня отсутствовали на току. Не в силах сосредоточиться, я пристально вслушивался туда, откуда, по моему разумению, должно было начаться долгожданное - «тэк-е, тэк-е, тэк-е»…

Ни разу раньше не слышимое в лесу, оно почему-то ясно представлялось, и казалось, что среди тысячи звуковых оттенков я его непременно различу, а затем, по всем правилам перебегая и затаиваясь под неподражаемую песню, увижу и самого глухаря. Я ещё никогда не бывал на глухарином току, это – моё первое знакомство с древней птицей, и я с затаенным духом представляю, как всё будет.

Вот только прорезавшийся на востоке свет медленно наливается розоватым глянцем. В ожидании первобытного неведомого зова всё вокруг точно навсегда замирает. От непонятного волнения гулко толкается в груди сердце и, кажется, не хватает воздуха. А мошник, закинув голову и закатив глаза, глухой ко всему, кроме своей всё более расходящейся страсти, возбужденно переминается на толстой сосновой ветке: перья надуты, хвост распущен, мощные крылья вытянуты назад.

В этот священнодейственный момент птица лишается обычной остроты зрения и чуткости, и в неё надлежит стрелять: сначала хладнокровно прицелившись мушкой под крыло, а лучше в шею, и непременно - под неподражаемую песню. Если, конечно, сможешь преодолеть в себе путаный момент восхищения с сожалением, если не дрогнет в последний миг рука, и птица стремительно не сорвётся с ветви в разгорающуюся за лесом малиновую зарю, опахнув тебя горьковато-теплым духом дикой прошлогодней ягоды и смолистой хвои.

Я бы, наверное, преодолел это в себе, чтобы единственный раз увидеть всё самому, прочувствовать и понять до конца. Но глухари не прилетели. Я был уверен: никто не знает, что я здесь, и никто из людей сюда не придёт, а глухари, может быть, узнали. Им нашептала об этом лесная тишина. Дала некий тайный знак, что вблизи их заповедного обиталища появился человек.

Птицы куда-то перенесли центр тока, но я тогда почему-то не подумал об этом достаточно серьёзно. В то утро казалось, что мне его увидеть просто не суждено. До того место предполагаемого токовища было пустынно, даже мёртво. Как будто птицы отказали ему в своем внимании, и оно уже не надеялось на их прилёт.

Берёзы у самого болота стояли опущенные, свет их приглушенно отражался в стоячей воде между кочками. И только сосны на южном крутолобом склоне упорно тянули корявые ветви к небу, слегка пружинили ими на ветерке, роняя на землю мягкие тонкие иглы. Вперемешку со старым глухариным помётом и выбивающимися кое-где травами, они копили в этом неведомом для людей уголке сладкий лесной дух.

И все-таки вечером того же дня я опять сгорал от волнения на подслухе в робкой надежде на то, что вот, может быть, сегодня глухариное чудо коснётся меня краешком своего атласного крыла. И опять глухари не появились, и короткая весенняя ночь высыпала на небе возбужденно посверкивающие зелёные звезды, и лесная тишина вновь укрыла всех своим шелковистым безмолвием, а восторженные птицы с сожалением смолкли до утра.

Кто-то неведомый крался за стеной избушки, хрустел прошлогодними сучьями и ненадолго замирал. В глубине леса надрывно вскрикивала ночная птица, и не дающая покоя тайна по-прежнему волновала моё разгулявшееся воображение.

В ранний сумеречный час я сидел, не зажигая свечи, и почти был уверен, что глухари не запоют. Что-то не укладывалось в моих размышлениях о таинственной птице, и путь поиска глухариного токовища, что поначалу представлялся верным, оказывается, упускал в своем устремлении самое важное: то, без чего невозможно было насладиться чудодейственным зрелищем, представляя и себя красавцем-петухом, что самозабвенно провозглашает долгожданную весну… И всё же, вопреки этому, я чувствовал себя счастливым.

Беззвучие в ночи вынуждало прислушиваться к движениям души внутри себя. Мягкая пернатая тень, что оставила после себя сова, пересекая

освещенную луной поляну, навевала неизъяснимую прелесть происходящему вокруг. Проколовшаяся на западе Венера промытым белым зёрнышком неудержимо убегала к грядущему матовому востоку. Всё, что завершало весенний день, укладывало жизнь по глухим буеракам и ельникам, предвосхищая неприкаянную ночную жизнь, и составляло счастье от предвкушения тайны.

Лесной бог

Если знаться с лесными обитателями, говорили старые люди в деревнях, значит, будешь знаком и с лесным богом, что живёт в самой глубине чащи. Бог всех своих жителей привечает, в них его суть, и всё-таки он есть нечто необъяснимое, хоть и сильно ощущаемое. Глухарь со своей тайной и древностью очень напоминает мне этого лесного бога, иногда даже кажется, что в глухаре его больше, чем в других обитателях леса.

Я давно ищу этого бога, почему-то мучаюсь, и в то же время радуюсь его присутствию. Кто он и как его воспринимать? Обращаясь к лесу, обращаешься ли ты и к нему? Слышит ли он, наконец, тебя, и как реагирует на твоё внимание?

Лесной бог — это, наверное, один для всех нас Бог, только приобретший лесное обличье. Или он нечто особенное, именно лесное, доступное лишь тому, кто не мыслит себя без леса, хотя иногда и забывает про него.

Ходя в лесу, замечали всегда в народе, ходишь и под лесным богом... Он там — напоминание человеку, чтобы остановить его в неправедном слове и деле, и помочь обрести истинный путь. Он милостив и любого простит, если тот признает свою вину против зверей или растений, попросит у леса прощения и обратится к нему со всей душой. Лесной бог такого человека непременно порадует: приютит, обогреет и, если тот плутает, ликом к дому повернет.

Только лесной бог знает то, чего никто в лесу, кроме него, не знает, и ещё видит, чувствует и хранит. Хранит проявленное к себе внимание человека, которому не даст подаяния, а доверит всю свою несметную силу, если тот научится видеть и чувствовать лес, неустанно познавать его, изумляться лёгкости овладения знаниями и радоваться. Лесной бог непременно отметит для себя такого человека, если он, изумившись лёгкости овладения знаниями, обретёт постоянную потребность петь песню, переживая счастье воспарения ястребом или воспринимая происходящее неутомимым волком.

Лес весь преисполнен божьей благодати, пронизан ей насквозь, и как бы ни был он обижен человеком, в нём всегда бьётся восторженное, зелёное сердце, а мудрость его заключается в том, что он терпеливо ждёт в себе прекрасного человека. Он ежечасно, если сам человек того пожелает, предоставляет нам прекрасную возможность вглядеться в себя, через лес, и, наконец-то, начать расти душой.

Недаром самый заповедный лес называли в народе божелесье. Бог в нём

всё собою невидимо наполняет. И когда мы входим в такой лес, то непроизвольно поклоняемся в душе лесному богу. Он - наше самое близкое и родное представление о величии и беспредельности жизни. Но, обращаясь к лесу, моля лесного бога о внимании, мы забываем, что он и без того живёт в глубинах нашего сердца.

Что-то порой завораживает человека в лесной чаще, кровь толкается в висках и сердце учащённо стучит, а пальцы, живот и всё в груди немеет. Откуда-то за тобой продолжает следить пристальный взгляд, неотступно, так что не вымолвить слова. Ты как будто улетаешь, возносишься неведомой силой к вершинам деревьев и теряешь рассудок. До того могуч этот взор, что противостоять ему невозможно.

Почудится в какой-то миг, что наплывает на тебя из глубины леса бескровное старческое лицо, губ не видно из-за усов и бороды, не вздрагивают веки, но глаза не холодны, по-молодому колки и ровно спрашивают: «Кто ты? Зачем ты здесь?» Можно утонуть в их глубинном тумане, в этом густом настое дикой белены, и в то же время ничего нельзя противопоставить их удивительной ясности и чистоте.

Разверзнутые зрачки вмещают и поляну, и облака над ней, и раскидистые сосны, и тебя самого. Глаза неведомого старика как будто стерегут всё живое, но делают это ненавязчиво, с достоинством.

Сбросить их колдовство невозможно, и лучше подчиниться и робко впитывать происходящее. И тут в мгновение обнесёт каким-то жутким дуновением, на долю секунды совершенно обессилит, и уж после этого сам на себя пеняй: если спасовал, страху поддался - оставит тебя еле угадываемая сила в оскорбительном неведении; выдержишь, не сломаешься - чуточку приподнимет. Тогда взирай во все глаза, впитывай сердцем и не говори, что не желал тайны. Счастлив твой лесной бог, если только ты силён, радостен и весел.

Правда, чаще ничего не видишь в дремучем переплетении ветвей, а лишь угадываешь неясные передвижения, вскрикивания, вздохи... Охнет нечто неуловимое за спиной, и тотчас растворится в воздухе: станет он ещё прозрачнее, тоньше. Или всё лесное пространство вдруг застынет в безжизненной немоте, будто ожидая к себе достойного отношения, не отпускает…

Лучше не поддаваться тому, что необъяснимо в лесу, идти заранее избранной дорогой, и если жив лесной бог, значит, и твоя душа будет жива. Ведь где, говорят, жить, там и Богу молиться, а уж он обязательно человека услышит.

Но человек одно что гадает: звериное или людское у лесного бога обличье?! А может быть, нечто чудное, в полном смысле несусветное, что даже невозможно себе вообразить? Оборотень с окаянными глазами, медведь-супостат или неприкаянный ветер, что неугомонен и жаден до всего: ничего после себя не оставляет, забирая с собой?

Обмирает душа от самых немыслимых предположений, заходится в

смятении разгоряченное сознание. Лесной бог на всех угодить не может, а воображение человека в отношении его многолико.

Вот он представляется громовой тучей, что крадётся по земле зловещей тенью, и время от времени замирает, извергая огненные стрелы. А то смотрится в душу древним мудрецом со светлым образом, зовёт за собой и ничего не обещает, приводя тебя, в конце концов, к самому себе.

Сдержанное, еле приметное дыхание вековой чащи тоже, кажется, его излюбленная ипостась, что неожиданно порождает страшный сон и дремучую темноту. Будто не бог это вовсе, а призрак его блуждает, и будет блуждать бессмысленно и бесконечно, до скончания веков.

Иногда лесной бог воплощается в крутящиеся вихри, так он будто бы «показывается», и не к добру это появление. Вздымаются, бегут по лесным дорожкам безудержные вихри, а то схватываются друг с дружкой, пугая птиц и зверей. И вот, из самой их середины поднимается лесной господин: сивый, как вихрь, высокий, сухой старик с пыльной бородой и развевающейся во все стороны копною волос.

Покажется так только на миг, отчего-то погрозит старческою костлявою рукою, и скроется. Беда тому путнику, что, не благословясь, выйдет из дому, да в полдень попадёт туда, где крутится пыльная толчея вихрей! Седое народное слово гласило, что человек этот обязательно пропадёт.

Облик лесного бога был довольно не определён, и видоизменялся по воле тех или иных верований людей. Чаще представлялось, что окружённый своим лесным народом — русалками, лешими и прочей лесной нежитью, служащей у него на подхвате, он живёт в глухой трущобе, где у него стоит дворец- хата на курьих ножках, а вокруг виснет по зелёным мшистым ветвям всё его таёжное племя. Во все стороны леса рассылает лесной бог подвластных ему лесовиков, чтобы те оберегали его пределы от человека, когда тот вторгается в боговы владения с топором и с ружьём. Наставляет сбивать нерадивого путника с верной тропы, вынуждая его плутать в трёх соснах, заводя на такие заколдованные тропинки, по которым сколько не иди, всё к одному и тому же глухому месту и выйдешь.

Оттого-то и стараются люди жить с лесным богом в добром согласии, и тогда он не только не враждует с человеком, но и оказывает ему всякое покровительство, награждая в лесу своим местом и пищей. Охотникам оставляет на жертву в чаще первую добычу, а лесорубам строго-настрого наказывает не зачинать дела без слов «Чур меня!». Бабам же или девкам, гробовщикам да ягодницам повелевает задаривать «доброго дедушку» куском хлеба и щепотью соли, а то каким-нибудь украшением, до которых большой охотник. Но перед началом зимы, поздней осенью, лучше, вообще, не соваться в лес: хозяин его, перед тем, как залечь на зимний подневольный покой, никому не даёт пощады. Тогда от него не отчураешься, и даже хлебом-солью не отделаешься.

Чудо-юдо, маханная губа... Нелюдская сила! Да сколько бы воплощений лесной бог не переживал - всё богово дорого, а что дешёво, то бесово. Но даже

в облике лешего он может и помиловать, и сохранить, и избавить от неприятностей. Лишь один лесной бог без греха.

Священно и таинственно существование лесного бога. Оно исполнено множества загадочных перевоплощений, что помогают хоть одним глазком заглянуть в великую книгу природы, наглухо закрытую для тех, кто не пытается припасть душой к груди леса.

И вековечная печаль, и тихий свет радостей, и грозные вспышки стародавних обид, и невысказанные мысли — всё это чудится в дыхании лесного бога. Он пробегает ветром по вершинам старых богатырей-сосен, обступает зашедшего в лес человека могучей крепью, перекликается с ним совой и филином, перебегает ему дорогу бесноватым зайцем и хитрой лисой, еле уловимым прикосновением ветра навевает на душу светлые думы о том, что человек вступает в лес, зовущийся таинственным садом божьим.

И ещё, не в пример морю, горам или реке, лесной бог говорит человеку намного откровеннее и понятнее, как всё кровное, родное. Слишком долго, наверное, русский человек хоронился в родных лесных местах со всей своей верою в их бога, ревностно оберегая её. И оттого лесной бог иногда снисходит до него, овевая его душу благодатным, неизречённым покоем… А особо просветленного и радостного препровождает в свою «святая святых».

Недаром в самом сокровенном уголке души человек всегда испытывает благоговейное смущение при входе в лес, при соприкосновении с лесным богом, и такой заповедный лес он называет своим храмом. Раньше в его священных уголках совершались жертвоприношения воплощённому в природе Богу. Под страхом смертного греха, что никогда и ничем не замолить, человеку запрещалось там охотиться за зверем и птицей, не позволялось рубить ни одного дерева. Под вековой сенью божественных древес благословлялись жрецами брачные союзы, а в особо отведенных местах устраивались кладбища, где находили себе вечный покой те, кто завершал свой томительный жизненный путь.

Вступить в храм лесного бога не подготовленному к встрече с ним человеку непросто. Бог всегда ставит на пути страждущего по семь неодолимых преград, и борьба эта затянулась на целые века. Люди, в большинстве своем, доходят до невидимой границы, какую уготавливал им лесной бог, но вот перейти ее доводится немногим...

А приходишь к лесному богу, чтобы подышать его древней силищей и, может быть, угадать в ней что-то своё из далекого прошлого, что для тебя кажется всегда близким и родным. Сам находишь тропу в его зелёный терем, переживаешь непроглядную темь и самоцветные зори, пока доберёшься до места. Подступы к нему стережёт седовласый старинный бор, в чьих мохнатых вершинах затерялись вещие думы, и радость, и боль.

Вороны старухами-староверками перелетают там от дерева к дереву, но не вскрикивают, как обычно, а многозначительно молчат, что-то скрывают. Во всём окружающем пространстве угадывается властный дух, но в то же время он не тяготит.

Хочется идти, впитывать всё и радоваться вызванному из земли волшебному шёпоту, дыхание же леса обдаёт живым покоем. Его зелёные волны неслышно клубятся под сводами леса и рождают в душе смутный, чарующий звон. Невозможно при этом не отпустить лесному богу поклон, а повсюду мерещатся сказки, сон и великая благость. Судьба ли тебе войти в долгожданный лесной терем?!

Вот когда захочется прочесть лесному богу свою самую сокровенную молитву и поблагодарить его за всё, отчего жизнь сразу воспротивится затаенному страху и станет крепче. Ты вдруг ощущаешь рождающееся в тебе знание, сливаешься с ним и летишь.

Но лучше, всё же, приземлиться и посмотреть, как возвращается с ночной охоты барсук, входит в свою сокровенную нору и что-то там делает, таинственное и простое, очень необходимое ему... А вот крадётся вдоль заснеженной опушки осторожная рысь, изредка вздрагивают на её макушке кисточки ушей… Как до конца завладеть расположением дремучей чащи, что тоже не прекращает своего наблюдения за тобой?!

Так, неожиданно встрепенувшись сердцем, ты воспылаешь неудержимой мечтой, и спокойно отойдёшь от всего того, что ещё вчера непонятно будоражило и мешало. Ведь цветы в душе появляются всегда заслуженно, и нужно много времени и сил, чтобы разбудить в себе весну, желание и способность быть неутомимым, и ещё умение не разочаровываться в том, что избрал сразу, ни с кем не посоветовавшись и не обсудив. Взял и решил по-своему, а получилось так, будто все именно этого от тебя и ждали.

Слава тому, кто не только преодолевает в себе страх, но и учится ничего не бояться! А лесной бог еле ощутимо поддерживает тебя и терпеливо ждёт, когда ты обратишь к нему своё доброе внимание.

И всё же, о лесном боге легче думать как о глухаре... Что он такой же красивый, большой и древний, щедро освещенный солнцем поутру, когда восседает на вершине ели, настоящий лесной царь!

Пышут жаром красные брови, будто заря над лесом поднимается, гордо зеленеет перламутром выгнутая грудь, а ещё у него огромный хвостище, весь в опаловых пятнах, крутой, что тёмный небосвод. Не пристало лесному богу выглядеть обыденно или жутко, и он поражает своей исполненной гордого достоинства мудростью и тайной: кто бы ты ни был – знай, смекай лесную правду, как можешь, но меня уважь!

Вот что-то величественно напружинилось в самой гуще ветвей, вздрогнуло и сорвалось. От грохота взлёта стоишь неподвижно, силишься постичь, и в первое мгновение ничего не понимаешь.

Глухарь! Как тысячи лет назад, пугает он всё живое, и это живое подбирается от страха, а потом сразу отходит. Но воображение тянется за ним, улетает в таёжную даль и теряется там. Не совладать ему с древним исполином лесов, не угнаться.

Если вообразить глухаря древним лесным богом, то и вовсе растеряешься от охватившего наваждения: вот бы и тебе так, ничего не страшась, только

блюдя свою сокровенную тайну, рвануться в тёмную чащу и не затеряться. Чувствуя монолитное тело и крылья, касаться ими еловых лап, недовольно скрипеть горлом прямо на лету. Божественная птица, птица-кремень, ей все чудеса доступны, а красота глухаря - в вековечной лесной правде. Силища!

Лес может казаться мёртвым без него, но с ним — никогда! Глухарь — его самое проникновенное и родное божество, и оно никогда не умрёт. Как бы к этому ни стремились люди, он всегда останется жив, ибо призван природой обогощать лесную правду, что не боится смерти.

Увидев его хоть однажды в предутреннем азарте песни, тебе откроется путь в глубины времён, и ты поймёшь нечто важное на всю жизнь. Поймешь то, что не выразить никакими словами, главное — почувствовать это в своём сердце.

Всё в лесу живое, всё о чем-то думает, а главное — как бы лесному богу угодить, да себя просто так не продать. Думают деревья, камни и небо, про что лесному богу загадать, чтобы исполнилось всё в лучшем виде, но никто б другой про это не узнал. Каждый лесной житель норовит свою думку утешить, и лесному богу услужить: он за то без внимания не оставит. Непременно!

Молчит лес, неслышно качает верхушки чёрных елей, не доносится оттуда ни звука. Низкое солнце уже скрылось в облаках, потемнело всё вокруг, затуманившись какой-то неясной грустью. Кажется, никого в лесу нет, пусто вокруг.

Но неустанно живёт в чаще её бог, только притаился и ждёт: как кто-то разочаруется в нём, он тотчас слетит со своих могучих вершин красавцем-глухарем, присядет рядом и ненароком вдохнёт в него лесную отвагу и правду.

Для выражения этого знания у глухаря есть своя песня, которую он поёт только однажды — весной. Всё остальное время он копит её в себе.

Целый год он живёт обыкновенной незаметной жизнью, а весной тихо и радостно преображается. Для того, чтобы понять эту большую птицу, а значит – лесного бога, нужно услышать в её песне маленькие слова-ключики, что бессмысленно заменять какими бы то ни было отмычками.

В кратко выраженных и время от времени повторяющихся волшебных звуках глухарь поёт о тщете окружающей жизни и её великолепии. В них заключена незамысловатая прелесть его лесного существования. Скрытое от людских глаз и понимания, оно, наверное, кому-то представляется скучным и невыразительным, а его песня — бесполезной попыткой выбраться из него.

Втайне я мечтаю, в конце концов, отыскать единственно верное предназначение этого лесного существования, что, несомненно, сможет наполнить значимостью все затрачиваемые усилия, они - замечательны, потому как отражают мои мучительные поиски. Правда, временами в меня закрадывается червь сомнения во всём, что касается и жизни, и загадочных птиц, и тогда я ищу спасительное равновесие в самом себе, не всегда находя

его.

Но как только царь таинственного глухого леса просыпается в предрассветной мгле, и начинает своё неподражаемо обрывистое пение, я тотчас забываю обо всём. Душа с сознанием смешиваются во мне, и становится невозможным спокойно выдержать напряжение от глубинной полноты этой природной речи. Всё больше разгораясь, она потом преследует меня целый день, и не даёт возможности успокоиться.

Под самое утро глухарь слетает с ветви, будто это накопившееся в лесной глуши давнее время срывается ненароком, охает лохматыми сильными крыльями и вскоре бесследно исчезает до самой осени. В такие дни кажется, что лесной бог умер, и никакие силы уже не в состоянии возродить его, а я должен жить без него. Глухарь же, наверное, просто дремлет в каком-нибудь глубоком тенистом овражке, потихоньку готовит себя к линьке, и думает, бог знает, о чём!

Голос природы

Есть в лесу много таких птиц, чьи голоса можно без особого труда передразнить. Например, ворону, когда она, забираясь в поднебесные выси, начинает играть в воздушных потоках и издавать свое: «крум-крум, крум-крум, крум-крум», а то просто и доступно для любого подражателя: «кар-р-р, кар-р-р, кар-р-р». Или, скажем, всем хорошо известную синицу, что без остановки принимается будить нас за окном каждое мартовское утро:«пинь-пинь, синь-синь, пинь-пинь, синь-синь, пинь-пинь, синь- синь», но может и рассыпаться, будто дробной капелью с крыш:«ци-ци-ци, ци-ци-ци, ци-ци-ци». Дятел-желна всегда устремляется в полёт с тревожной озабоченностью: «крю-крю-крю, крю-крю-крю, крю-крю-крю», и потом плачуще, с жалобой: «киу-у, киу-у, киу-у». Но вот песню глухаря, сколько бы ни старался, никак не передать: слишком уж она мудрёная!

На первый взгляд, голос глухаря, конечно, не сравнишь с пением соловья, но и поговорка, что у кого голосу нет, тот и петь охоч, к нему тоже не подходит. У глухаря свой голос, не похожий ни на какой другой, да к тому же - бережно скрываемый природой под покровом темноты.

Его не услышишь просто так, а нужно отыскать птицу в дремучем лесу, в самую раздольную весеннюю пору, прокрасться к ней и остаться при этом незамеченным. Иначе древний житель лесов не удостоит тебя своей тайной, и звук его великолепной гортани не проймёт тебя до самых глубин души. Всякий зверь или птица в природе своим голосом славятся, и важно проснуться с зарёю, почувствовать сердцем, что природа тебя поджидает, и каждому звуку в ней обрадоваться.

Самое начало глухариной песни, как будто, несложно, ровно капли падают в какой-то невидимый металлический сосуд: «тэк-е, тэк-е, тэк-е». Так глухарь только приноравливается к пению, как будто настраивая свой невидимый музыкальный инструмент, которым является его гортань. Вытянув

шею и вздрагивая всем телом, он сообщает ей эти капли-звуки, что, падая, будят весенний лес.

А вот сама песня невероятно сложна и требует уникального музыкального слуха, соответствующей подготовки и доскональной знания глухариного образа жизни, чтобы, хотя бы, попытаться воспроизвести её. Представьте себе древнего лесного исполина, чей возраст превышает возраст человека! Безукоризненно вылепленное природой горло и мощный клюв, широкая грудь, загадочное и сильное нутро этой птицы, что зачаровывают и повергают своей тайной... И всё это оттачивалось веками, пробовало себя из весны в весну, и ничто не мешало такому неторопливому и вдумчивому самосовершенствованию таинственного лесного исполина.

По глубоким летам птицы - и её безупречно отточенный голос, в нём нет ничего лишнего, только восхищение, переданное глухарём доступными ему средствами, прекрасная лесная дичь и нескончаемая мощь! За долгое время ученичества глухарь действительно бесподобно отшлифовал своё мастерство, не переставая каждую весну наслаждаться этим природным умением. Может быть, именно поэтому лес сберег его песню, и глухарь начинает петь только ночью, когда многие птицы ещё видят сны.

Это даже не песня, а какой-то неведомый лесной голос, что возвещает в ночи о чём-то непостижимом и чудесном. Мало того, что человеку он непонятен, так к нему ещё надлежит добираться через непроходимые дебри, неутомимо разыскивая в необъятных лесных просторах. Ему приходится тратить на это немало времени и усилий, а обнаружив ток - стараться слиться с лесом, стать незаметным, чтобы вслушиваться и постигать голос самой природы, сокровенно повествующий о том, во имя чего она, не покладая сил, трудится нескончаемые тысячелетья.

Голос природы — это и вековая память леса, а провозвестником её она выбрала именно глухаря, такую же древнюю, как лес, птицу, призванную восхвалять по весне самую главную лесную тайну. Хорошо бы когда-нибудь открыть её, и так же, как глухарь, самозабвенно и радостно поведать о ней людям.

Угожее поместье

Интерес к лесным богатствам – нескончаем, ибо нескончаема сама таинственная чаща, что протянулась через всю нашу необъятную землю: ни конца ей, ни края! И так же нескончаемы вести в лесу, что исправно, как по заказу, случаются в природе.

Этих вестей, самых расчудесных, как ни старайся, не перечесть, чем и славен наш лес, и от того радостно становится на душе, привольно. Хочешь – ступай в ту сторону, пожелаешь в другую – ты сам себе голова, но куда бы ни обратилась твоя душа - повсюду тебя встречают чудесные лесные вести, я их называю «полесовки», и лес с ними – к селу крест, а безлесье – не угожее поместье!

Чего только не происходит с человеком в лесу, если он поистине привержен к его тайнам, и не представляет без него своей жизни. Лес преподносит ему множество чудесных загадок, раскрыть которые – страсть, как хочется, но без вдумчивого отношения к природе тут никак не обойтись, иначе клад лесной никому не даётся. И человек отправляется на свидание с батюшкой-лесом, и благодарит его за оказанное доверие и ласку, ведь без леса – ни прута, ни лесинки, ни барабанной палочки!

Шёл однажды по берегу реки человек с ружьём, увидел рябчика и выстрелил. Рябчик упал, а вместе с ним куница, притаившаяся на растущем позади дереве, но невидимая охотнику, и скопа, что только прилетела в гнездо со щукой в когтях, и расположилась чуть поодаль. Один удачный выстрел, и вот тебе нежное боровое мясо, драгоценная шкурка, хищная птица в придачу, да ещё и уха!

Мы все, кто любит и понимает лес, конечно, скажем, что выстрел оказался на удивление метким, и случается подобное везение крайне редко, наверное, на чей-то взгляд, его можно даже назвать чудом, а всё же - жалко становится и рябчика, и куницу, и скопу с выловленной рыбиной. Сразу приходит на ум такое соображение, что лучше бы человеку вовсе избавиться от пустой стрельбы по живому, и направить всё своё воображение на созидание, на помощь лесу, тогда он ещё большими чудесами одарит тебя. Аль человеку в лесу лесу мало?!

Или такое тоже бывало… Охотник, на привале, заметил двух летящих над ним, на небольшой высоте, тетеревов, и выстрелил дуплетом. Первый косач свалился к ногам охотника, прямо в лежащий открытым рюкзак, а другой угодил в кипящий на костре котелок. Если слово «чудо» существует в человеческом языке, значит, за ним скрывается удивительная действительность, которой, чаще всего, присуща простота, и где, как ни в нашем чудесном лесу, она может ещё проявиться?!

Слышал я не раз небезызвестную историю о том, что будто бы вальдшнеп, эта изумительная по красоте птица, в отличие от других куликов живущая в лесу, во время вечерней тяги иногда присаживается прямо на голову охотнику, на какую-нибудь его замысловатую кепку или шляпу. В её необычной форме, а может – и цвете, вальдшнеп, якобы, обнаруживает для себя предполагаемую и желанную самку.

Или, ещё издавна, бытует среди охотников такое поверье: если во время тяги, когда птицы с особым оживлением устремляются за самкой, подбросить шапку или фуражку, то самец, приняв её за самку, может резко снизить полёт, и опустится на то место, где упадёт брошенная вещь, чем охотник и не преминёт воспользоваться.

Стоя на тяге, мне самому подобный фокус приходилось проделывать не раз, но никогда вальдшнеп не реагировал на него, спокойно пролетая мимо, и потому я воспринимаю бытующее поверье за обыкновенную охотничью байку, тем не менее, привносящую свою обаятельную лепту во все истории, связанные с лесом. Даже удостоверившись, что способ с подбрасыванием

шапки никогда не срабатывает, охотники, всё же, не перестают в него верить, и нет-нет, да воспользуются им, когда их никто не видит. И каждый, наверняка, думает про себя: а вдруг вальдшнеп подастся на мою проделку, и опустится на землю?!

Случается в лесу и такая, почти неправдоподобная история, когда уже рябчик, а не вальдшнеп, садится на голову подманивающего его манком охотника. По объяснениям такого охотника можно лишь понять, что он сначала очень напугался, но потом обрадовался, якобы даже пытаясь ухватить рябчика рукой. Иной же охотник уверял, будто у него была какая-то необычная по форме и расцветке шляпа, которая понравилась петушку, и он выбрал её в качестве присадки. Порой находились и вовсе безудержные болтуны, что усматривали в посадке рябчика на голову охотника озорство, кураж, который петушок, оказывается, позволяет себе в пору ухаживания за самкой.

Совсем не казалось необычным, когда на ничего не подозревающего охотника, подманивающего рябчика пищиком, неожиданно нападает ястреб-тетеревятник, до такой степени воспроизведённый свист оказывается верным. В самый последний момент хищник понимает свою ошибку, и бросается наутёк, оставляя незадачливого охотника в диком изумлении. Хорошо, если ястреб не успел воспользоваться своими страшными когтями!

Со мной подобное случалось раз-другой, и в этом нет ничего удивительного, поскольку ястреб обладает отменным слухом, и камнем падает именно в ту точку, откуда доносится призывная песня рябчика. Однажды я чуть было не поплатился глазом, и спасли меня лишь широкие поля ковбойки, которую хищник сбил с головы, напугав меня при этом до смерти. С тех пор, прежде, чем подманить рябчика, я тщательно выбираю место, откуда бы открывался хороший простор, а сам бы я был никому не видим. Ведь рябчики, обладая короткими крепкими крыльями, ловко лавируют среди частых ветвей.

Вообще, трудно себе вообразить, что на рябчиковой охоте, такой спокойной и размеренной, казалось бы, лишённой каких-либо неожиданностей, порой случается и непредвиденное. Ведь само существование рябчика в лесу представляется неприхотливым и хорошо знакомым: пробуждение, звонкая песенка, возвещающая о начале нового дня, а затем размеренная кормёжка у реки, в густом черёмушнике или ольховнике. Днём птицы примолкают, как бы затаиваясь, но под вечер вновь оживляются, и опять звонко пересвистываются, кормятся, и с сумерками умолкают.

На первый взгляд, эта осёдлая жизнь ничего необычного в себе не содержит, но, тем не менее, рябчик не так прост, как принято о нём думать. Как ни странно, по большей части именно с ним, а не с какими-либо другими лесными птицами связано множество самых невероятных случаев и историй.

Среди знатоков существует мнение, что птицы разной породы никогда не слетаются в одно место, и уж, конечно, не летают в одной стае. В народе

по этому поводу есть такая поговорка: «Знай сорока сороку, а ворона ворону». И действительно, какая корысть соединяться птицам, друг на друга совсем не похожим, да ещё порой и враждующим между собой?!

Но вот однажды, возвращаясь с охоты, я вдруг поднял неподалёку от реки, в маленькой ложбинке, вальдшнепа и … рябчика, которые сидели на земле рядом. За долгие годы моего общения с лесом это случилось впервые, причём, именно с рябчиком. Птиц разделяла какая-нибудь пара метров, и они явно видели друг друга, хотя не тревожились, и ничего не предпринимали. Им, кажется, было даже хорошо вдвоём. Но что могло их соединять?

Это соседство разных птиц так и осталось для меня загадкой, и какие бы предположения я ни строил, ответа не находилось. То ли птицы случайно оказались вместе и просто не выказывали друг другу недовольства, то ли их всё-таки что-то заинтересовало, но дальше того, что они уже позволили себе, птицы не шли.

Не могли они, по-видимому, и совокупляться, поскольку стояла глубокая осень, и всякая любовная страсть среди птиц давно отсутствовала. В природе, впрочем, известны случаи соединения глухаря с тетеревом, и тетерева с рябчиком, именуемые «межняком», но допустимо ли подобное в отношении рябчика с вальдшнепом?!

Рябчик сидит, вглядывается в окружающую его осеннюю жизнь, и чего-то ждёт, не улетает. Рядом находится вальдшнеп, по осени обычно предпочитая одиночество. Причём, такое замкнутое и отрешённое, что подпускает к себе вплотную и человека, и зверя, как будто надеясь, что его не заметят, ждёт до самого конца. А тут рядом птица, и именно рябчик, на соседство которого вальдшнеп никак не реагирует!

В охотничьей литературе много хвалебных слов уделено в адрес особо сообразительных зайцев, что называют в народе «профессорами», но вот года три назад, осенью, я удостоверился в наличии удивительной сметливости и у рябчика.

Сентябрьский день, помнится, выдался на редкость ясным и безоблачным, рябчик с самого утра очень охотно откликался и летел на манок. Был уже полдень, когда в прорехе ветвей, метрах в пятидесяти, я увидел сидящего на ёлочке рябка, который тотчас отозвался на мой призыв и, ударив в свою лесную дудочку раз-другой, нырнул вниз. Это могло лишь означать, что рябчик прибежит ко мне по полу, и нужно приготовиться и ждать его с минуты на минуту.

Обычно рябчик скоро устремляется на зов петушка или курочки, но с точным расчётом: у рябчика удивительный слух. Если ты просвистел ему голоском самки, с нежным, чуть глуховатым придыханием, а затем неслышно перебежал, да ещё похлопал себя по бокам шапкой, изображая перелетевшую рябчиху, рябок непременно отзовётся и устремится тебе навстречу. Причём, окажется в точности на том месте, откуда прозвучала её песня, и будет в нетерпении выглядывать свою подружку, еле слышно

стрекоча и время от времени раздувая шейку. Но даже когда он бежит к самке полом, то ни за что не ошибётся - и очутится прямо перед ней.

Изготовившись к стрельбе, я стоял, не шелохнувшись, ибо рябчик необыкновенно зорок и, заметив малейшее движение, мгновенно улетает. Но всё было тихо, а петушок почему-то не появлялся. Выждав с минуту, я ещё раз нежно поманил курочкой, и опять тишина. Рябчик или увидел меня, или что-то заподозрил.

Слегка переступив и немного поменяв позу, я тотчас пожалел об этом, услышав за спиной шорох. А обернувшись, вдруг увидел крупного, нахохлившегося рябчика, который стоял в трёх метрах позади, чуть наклонив голову и скосив на меня востренький глазок. Он вот-вот готов был сорваться, но почему-то медлил, и я попытался осторожно повернуться к нему.

Тут уж рябчик не стерпел, стремглав бросился в заросли папоротника и исчез. Я же разочарованно присел на корточки и, улыбнувшись, наконец, облегчённо вздохнул: петушок обставил меня по всем статьям, да к тому же, кажется, посмеялся надо мной.

Выходило так, что рябчик сразу заподозрил неладное и, не желая рисковать, решил меня обойти. Либо он был достаточно старым и опытным, либо я, подманивая его, где-то сфальшивил. Рябчик не рискнул идти напрямик, пусть даже соблюдая осторожность, а заложил в обход такой круг, чтобы я его не услышал. Причём, он точно знал, где я стою, и обошёл с запасом, чтобы посмотреть, кто это свистит.

Но больше всего поразило то, как рябчик смотрел на меня, подобравшись с самого тыла. Он, судя по всему, совершенно точно представлял, с кем имеет дело, и лишь удовлетворил свой интерес. В каком-нибудь километре от деревни рябчик чувствовал себя полным хозяином, и перехитрить его, похоже, было невозможно.

Вообще, рядом с деревней подманить рябчика на пищик может далеко не каждый охотник, поскольку птица здесь пуганая и ведёт себя очень осторожно. А вот в отдалении, где рябчика много и он не так внимателен, манить его способен даже неопытный охотник, без особого слуха. Рябчик тогда доверчиво реагирует на манок, и скоро подлетает.

В азарте охоты очень легко и обознаться, приняв за рябчика человека. Со мной случалось такое, и я, помнится, получал огромное удовлетворение от того, что меня принимали за озабоченного страстью петушка. Когда я наблюдал из укрытия за тем, как ко мне крадётся обвешанный охотничьей амуницией мужичок, то больше всего поражало его лицо, а не собственное мастерство подражания. Лицо человека совершенно очевидно отражало менее притягивающие тайны, чем замечательная тайна птицы.

Но может ли что-либо в природе тронуть человеческое сердце более, чем калека, когда птица или зверь, несмотря на несчастный случай, всё же, отстаивает своё право на жизнь?! Таких обычно подбирают хищники, незамедлительно пользуясь их слабостью и подтверждая, тем самым, незыблемый закон природы о поддержании её чистоты и здоровья. Правда,

некоторым обитателям леса удаётся избежать этой участи, и нередко человеку попадается хромой кабан, трёхпалый колонок или канюк с переломленным и неправильно сросшимся крылом.

В дореволюционном журнале «Природа и охота» за 1881 год приводится рассказ неизвестного Н.Н.Е. о трёхногом переярке, более двух пудов весом, с целыми зубами, которого еле-еле загнали собаки и охотник на лошади. Мне однажды попались глухарь с огромным жилистым яйцом под крылом, образовавшимся, по-видимому, в результате вонзившегося в него сучка, и одноногий рябчик, которого подстрелил мой приятель.

Глухаря этого я заслышал издали, благодаря сильному ветру, поднявшемуся перед самым рассветом. Не будь ветра, я бы вряд ли различил вкрадчивый шелест глухариного щебетания даже в ночи, но мощный ветряной порыв донёс до меня отголоски песни, и, под шум ветра, я беспрепятственно, и довольно скоро, оказался прямо под птицей. Глухарь умостился на самой вершине высоченной ели, так что ветер бросал отрывки его скирканья, а потом – точения, то в одну, то в другую сторону. Несмотря на непогоду, птица вела себя очень оживлённо, и никак нельзя было предположить, что она в чём-либо ущербна.

Когда, после выстрела, ломая сухие еловые ветки, птица рухнула прямо под ноги, в мох, то в сумерках я не разглядел под крылом большого кожистого яйца, величиною почти с кулак. И только в избушке, укладывая глухаря в рюкзак, обнаружил это абсолютно голое жёсткое вздутие, что умещалось под левым крылом, у самого тулова.

Судя по всему, образовалось оно у птицы уже давно, было только непонятно – как она с ним уживалась? Вскрыв же нарост ножом, я извлёк из него на свет толстый обломок елового сука, положив на ладонь, тщательно рассмотрел, и опять поразился: каких усилий стоило глухарю терпеть эту внушительных размеров шишку у себя под крылом?

Уже дома я обратил внимание на то, что борода у глухаря пышная, большая, перламутровая зелень пера на груди достигает в ширину двух ладоней, а хвост, с исподу, весь усыпан крупными белыми пятнами, что могло свидетельствовать лишь о том, что птица достаточно зрелая, даже – старая, но в размерах сильно уступает своему действительному возрасту… По-видимому, это кожистое яйцо затормаживало развитие птицы, что в испуге однажды напоролась на еловый сук.

Что же касается рябчика, то с ним вышла совсем невероятная история. Мы с приятелем шли по склону лога, поглядывали по сторонам, и одновременно заметили рябчика, который как-то странно и коротко перелетал, в тоже время, не исчезая из поля зрения. Что-то будто держало его на одном месте, и не позволяло в полной мере насладиться свободой. Подстреленный, он неловко, комом свалился под ёлку.

Спустившись вниз, я, к своему удивлению, не увидел там птицы, а обнаружил на снегу след, направляющийся прямо к ручью. Рябчик плавал в

нём рывками, и сквозь прозрачную воду я вдруг отчётливо разглядел у него только одну лапку. Затем опять рассмотрел след – он оказался одноногий…

Рябчик, видимо, допрыгал до ручья на одной лапке, плюхнулся туда обессиленный, и теперь плавал совершенно беззащитным серым комочком в холодной ноябрьской воде, и мне его было очень жалко. Не знаю, если бы он не был калекой, переживал бы я так из-за него? И ещё: до сих пор для меня остаётся неразрешимой загадкой: каким образом этому рябку удавалось выживать в лесу?!

Когда петушок оказался у нас в руках, мы рассмотрели его культю, что зарубцевалась, по-видимому, совсем недавно. Нас поразила способность птицы, каким-то образом, удерживаться одной лапкой на ветке… Обратив внимание на то, что по всему склону лога в обилии произрастала черёмуха с рябиной, мы с товарищем решили, что наличие корма в одном месте и выручило покалеченную птицу, иначе бы ей невозможно было долго продержаться.

Выше мною уже упоминалось, что в охоте на рябчика случается и такое, что невозможно даже предположить. Пример тому – рябчик-калека. Но вот, скажем, ты просто манишь петушка, он тебе с желанием откликается, а поодаль отзывается ещё один, но как-то нехотя, без всякой надежды на то, что ему захочется подлететь.

Ты терпеливо переговариваешься с тем, который поблизости, и думаешь: вот сейчас он, наконец-то, припорхнёт на соседнее дерево, не вытерпит, и тут вдруг заслышишь, совсем с другой стороны, подозрительный шум, будто кто крадётся, время от времени замирая. Оттуда нет-нет, да раздаётся слабое посвистывание, скорее – неумелое, чем его можно было бы принять за робкое приглашение курочки. И у тебя сразу закрадывается сомнение, а вскоре ты замечаешь среди деревьев того самого, осторожно пробирающегося … охотника с ружьём, что поддался на твои призывные «уговоры».

Весь его вид необыкновенно сосредоточен на происходящем таинстве, на лице – выражение, с каким мы, наверное, заглядываем ночью в холодильник, ещё толком не отойдя ото сна. С улыбкой окликаешь незадачливого охотника, им оказывается деревенский житель, с манком из глухариной косточки, и он не в силах сдержать своего разочарования, даже – смущения: ведь он подкрадывался к тебе, будучи полностью уверенным, что ты – рябчик!

В не меньшее изумление повергает человека горностай, небольшой зверёк, если он, ни с того ни с сего, разъярённо вгрызается в каблук сапога охотника, когда тот находится в засаде на какого-либо зверя. Мой старший товарищ, с кем мы часто бывали в лесу, пережил подобный случай.

Он подкарауливал у норы барсука, что возвращался с охоты, и был поражён, с каким остервенением горностай впился зубами в его сапог, причём, совершенно не опасаясь человека, кажется, получая необъяснимое удовлетворение от борьбы с неведомым для него противником. Приятель мой

поначалу опешил от происходящего, а потом даже затеял игру с забавным зверьком, да и напугал, тем самым, барсука, что пробирался по лесу, отчего тот сиганул со всех ног вглубь чащи. Окажись барсук возле своей норы, горностай, чего доброго, ринулся бы и на него. Ну, как тут не рассмеяться!

Озёрные и речные чайки, то ли от жадности, то ли от присущего им стадного инстинкта, порой, всей своей невообразимо безумствующей стаей, обрушиваются на человека, когда он потрошит на берегу реки или озера пойманную рыбу, что, вообще-то, дело для них вполне привычное. Но вот случается и такое, когда налетают на тебя чёрной тучей наши обыкновенные серые вороны, раздосадованные тем, что ты подстрелил одну из наиболее надоедливых, неистово прижимают к земле, истошно галдят, и не дают выпрямиться, отчего готов бежать без оглядки, так молниеносно охватывает и тебя всеобщее птичье безумие!

Однажды, возвращаясь с охоты, мне довелось выстрелить по воронам в открытом поле. Слишком уж надоедливыми казались они, досаждая неприятным кружением над самой головой и пронзительным вскрикиванием. Но это не отпугнуло птиц, а наоборот - только ещё более раззадорило. К тому же, одну из них дробь изрядно зацепила, и она с хрипом грохнулась на спину, привлекая тем самым своих собратьев.

Ворона, остервенело, хлопала крыльями, шипела, и через минуту надо мной образовалась чёрная туча. Что-то невообразимое творилось в воздухе. И без того пасмурный осенний день сгустился до неузнаваемости, а мне вдруг стало жутко.

Птицы налетали со всех сторон, касались одежды клювом и крыльями, и, кажется, ничего не боялись. Они гнали меня так до самого леса, неистово прижимая к земле. Помнится, я тогда не на шутку был перепуган.

Мир природы многолик, и отдельным видам животных и птиц присуще необычное поведение, о котором многие люди и не подозревают. Даже узнав о каких-то необыкновенных проявлениях характера птицы или зверя, что вызывают их недоверие, люди ничего не принимают на веру, не в силах предположить, что птицы способны на подобное.

У той же вороньей породы, скажем, заведено такое своеобразное поведение, как «общественный суд», и об этом необычном явлении в жизни природы у меня тоже есть рассказ, но что касается птиц, то, по-видимому, нужно очень провиниться по вороньим понятиям, чтобы тебя осудили свои же собратья. Перед тем, как вынести «приговор», все вороны рассаживаются на большом дереве, а «подсудимый» остаётся на земле, как бы подвергаясь всеобщему осуждению. При этом одна из ворон, вероятно, выбранная «палачом», приводит «приговор» в исполнение, теребя несчастную ворону, нанося ей удары клювом и крыльями. Остальные птицы смотрят на происходящее сверху, истошно каркают, и если ворона, что в чём-то провинилась, ведёт себя неправильно, или за ней числится большая вина, все вороны, в конце концов, набрасываются на неё и заклёвывают до смерти. Мне самому пришлось однажды быть тому свидетелем.

Случается это, правда, крайне редко, вороны, скорее, дадут отпор какому угодно хищнику, чем подвергнут наказанию кого-нибудь из собратьев. Но ведь подобное всё-таки, пусть и изредка, да происходит: хотя о какой большой вине у этих птиц можно говорить, учитывая вороватый характер у всех представителей этого беспокойного семейства? И, тем не менее, ворона, как ни вертись, и спереди карга, и сзади карга!

Всех случаев, что удаётся подсмотреть в лесу, не перечесть, и многие из них кажутся неправдоподобными, если они произошли не с тобой, а с кем-то, как бы правдоподобно не рассказывал об этом удачливый свидетель. Но именно глухариные тока, с их неведомой ночной жизнью, могут подарить порой совершенно невероятные ситуации, которые бы никогда не пережил в менее богатом на впечатления дневном лесу. Где, как не на них, ещё можно открывать самые невообразимые лесные чудеса?!

Тут тебе и таинственные птицы с их потаённым от глаз человека существованием, и дикая природа с самыми глухими таёжными уголками, и разное зверьё, под покровом ночи ведущее себя более открыто, и неведомые существа, что оживляются с наступлением тёмной поры… Имей только терпение, неудержимое стремление к познанию и волю, и непременно будешь вознаграждён в своих лесных исканиях, потому как совесть твоя чиста, ты никого в лесу не обижаешь, а среди людей ищешь настоящую жизнь, что обязательно приведёт к правде. Волшебного края нашего русского леса ты уже достиг, и этот край, действительно, переполнен истинным волшебством, оно здесь повсюду.

Вот кто-то прокрадывается сквозь чащу, кажется, что прямо к тебе, и сердце заходится в сладостной истоме от предвкушения чего-то необычайного, что вот-вот случится и околдует своей тайной. Ночь только прибавляет в этом уверенности, и за неоднократное хождение ночами по глухариным токам, я давно уверился в том, что она благотворно влияет на мою душу. Именно ночью, находясь в одиночестве среди дремучего леса, вдали от человеческого жилья, я обретал спокойствие духа, а одинокие тревожные думы покидали моё сердце.

Что-то ненужное, мешающее разглядывать в жизни только удивительное, утекало из него, и на душе становилось легко и просто. Ночной лес вселял в меня веру в чудесную крепость жизни, в то, что в любом живом существе горит неистребимая жажда к чудесному существованию на земле, и всё это можно почувствовать и увидеть, только соприкоснувшись с ним, сделав его своим.

В ночном лесу душа твоя, как и мысли, начинает растекаться повсюду, обо всём догадывается, осторожно прикасаясь к шероховатым стволам великанов-деревьев, их могучим ветвям, замшелым пням… Звёздное небо окутывает тебя своим бархатистым одеялом, и ты словно растворяешься в его необъятном уюте, и вовсе перестаёшь чувствовать, что ты – человек. В какой-то миг тебе начинает казаться, что ты исчезаешь, но зато появляешься в чём-то другом, наиболее целостном и важном.

Ночной лес что-то отнимает у тебя, но и забирает с собой, чему ты, впрочем, рад, поскольку оставляешь ему ненужное, что уже отжило. Правда, пока не можешь выразить это ощущение словами, несёшь его в душе и не знаешь – куда применить. Постепенно оно становится самим тобой, тем, без чего ты себя уже не мыслишь, зная: полной тьме в твоей душе уже никогда не бывать.

О глухарях уже столько написано и говорено, что ничего нового, кажется, сказать невозможно. Многим бывалым охотникам всё это даже порядком приелось, ничем их, вроде бы, уже не проймёшь. Но вот удастся тебе, благодаря собственной неутомимости и терпению, а вернее – неувядающему интересу к лесной чаще, подглядеть нечто необычное в поведении глухаря, и ты в который раз поражаешься многоликости природы, её неповторимости и глубине, скрытом ото всех обаянии.

Чему бы, казалось, тут удивляться, другой бы, на твоём месте, так-таки ничего бы и не заметил. Но нет, для тебя всё увиденное выглядит не таким, как есть, а чем-то совершенно необыкновенным, даже порой – небывалым.

Привелось мне как-то отыскать глухариный ток неподалёку от деревни, в каких-нибудь двух-трёх верстах. В отличие от токов, когда до них нужно было добираться по разъезженной раскисшей дороге, утопая по колено в снежной каше или преодолевая сплошной бурелом, к моему току выводила чистая просека – старый волок. Волок скоро упирался в широкий покос, с трёх сторон окружённый сосновым бором, а за ним располагалась укромная полянка, где обычно и происходило токовое таинство.

Чудеса бывают, я это знаю, большие и маленькие, и вот одно из таких, на первый взгляд – совсем незначительное, мне и удалось подглядеть на этом глухарином току. К слову заметить, назван он был мною Пасхальным, поскольку отыскал я его много лет назад именно на Светлый праздник Пасхи, рано поутру.

Когда-то, давно, я вдруг твёрдо решил, что непременно найду глухариный ток, чего бы мне это ни стоило. И я его нашёл: старинный, всеми в деревне забытый и истреблённый, на нём токовал только один глухарь. Каюсь, не сдержался – и подстрелил своего первого глухаря, но оказалось, что он успел оставить потомство, ток постепенно разросся и немного переместился.

Я потом долго наблюдал за этим током, из весны в весну удивлялся всему, что происходило на нём, и, наконец, дал ему имя – Дикий. Так же, как и всем другим, что открыл и оставил на память в своей душе, после чего птиц уже не трогал.

Имена токов были незамысловаты: Быковский – по имени хозяина пасеки, что находилась рядом с токовищем, Дальний – ибо следовало туда идти аж двадцать с лишним вёрст, Новосёловский – по названию бывшей, заброшенной у старых прудов деревни, Берёзовский – потому что раскинулся на склоне у речки с соответствующим наименованием, Пасхальный – уже

упомянутый мной, и был необыкновенно счастлив. Потом ещё были Укромный, Заячий, Дорогой и Лиственничный. Да будут они живы!

Но вернёмся к глухарю, что удивил меня своим поведением. Когда я подходил к нему под песню, то отчётливо слышалось тявканье деревенских собак. Но глухарь никак не реагировал на звуки, что, по-видимому, уже не раз слышал.

Скорее всего, он уже успел привыкнуть к ним, родившись неподалёку от людей, а будучи достаточно молодым, это было заметно по его размерам, ещё не укоренился в своих годах. И вот, когда от деревни вдруг доносилось петушиное кукареканье, глухарь, примолкнув, замирал на ветке, забавно приподняв лапу, и, настороженно повернув голову, будто бы прислушивался к своему деревенскому собрату…

По всему было видно, что пение петуха его всё-таки озадачило, хотя тявканье собак, вероятно, ему приходилось слышать гораздо чаще, и глухарь, выдержав долгую паузу, опять запел, правда, уже не так активно, как-то нехотя. После того, как петух в деревне вновь огласил всю округу своим хриплым «ку-ка-ре-ку-у!», он переменил лапу, и осторожно приподнял другую. Теперь глухарь повернул голову уже в противоположную сторону, и, как-то подсев, попытался, мне показалось, повторить только что услышанное, отчего вышло и вовсе вялое кудахтанье, что совсем обескуражило его, если можно так сказать, и глухарь притих.

Всё-таки, ему не суждено было стать похожим на деревенского петуха, и, оставаясь лесным, он сейчас выглядел очень забавно. Глухарь был молод, как-то по-детски наклонив голову, настороженно вслушивался, переминался на суку, не зная – что предпринять, и молчал. Хлопком в ладоши я привёл глухаря в себя, он в мгновение подобрался, взмахнул крыльями, и улетел.

Однажды, на этом же Пасхальном току, чёрный большой глухарь пробежал у меня за спиной, словно какое-то загадочное лесное существо. У края поляны большая коренастая ель распростёрла над землёй разлапистые нижние ветви, образовав уютный шалаш, откуда я и наблюдал за тем, как этот глухарь сначала слетел на пол, осмотрелся, и чутко вслушался в предрассветную тишину.

Затем, гордо выпятив грудь, прошёлся «барином», после чего опять замер, и вдруг рассыпался возбуждённым стрекотанием и шипением, страстно вздрагивая мохнатой бородой. Проделав подобные песенные «колена» неоднократно, он вдруг взмахнул мощными крыльями, подпрыгнул на добрый метр, и тотчас, вперевалочку, забегал по полянке, как будто чуть присаживаясь, и опять невысоко взлетая. Продолжая, то и дело, подскакивать, он отрешённо заходился в прославляющем весну песенном переживании, позабыв, наверное, и о весне, и о своей страсти, и даже о копалухах, что уже давно поджидали у края полянки, когда петух обратит на них внимание.

Пара глухарок, незаметно подобравшись к токующему мошнику, подобострастно припадали к земле, распростёрши крылья, ластились,

выражая свою полную преданность ему, и глухарь, наконец, заметив их присутствие, принялся топтать то одну, то другую, беспрестанно взмахивая мощными крылами… На моих глазах свершалось обычно скрытое ото всех таинство, и я сам, без оглядки захваченный всем увиденным, забылся на какое-то время, и не заметил, как глухарь куда-то пропал. Глухарки сидели притихшие, вскоре они снялись с места, и улетели, но я не слышал громкого хлопанья крыльев петуха, что всегда сопровождает его взлёт: его нигде не было видно.

Я даже не услышал, а скорее почувствовал, что кто-то находится у меня за спиной, и обернулся. Лёгким хвойным ветерком что-то мягко прянуло в лицо, силуэт глухаря в рассветных сумерках показался неестественно большим, расплывчатым, и как-то молниеносно опять исчез. Раздалось лишь еле слышное хлопанье крыльев, будто обозначив таинственное присутствие неведомой лесной души, что вдруг насторожило и заставило оглянуться. Словно лес зачем-то напомнил мне о своей силе, но получилось это у него ненавязчиво, вскользь.

Только как глухарю удалось незаметно очутиться позади меня?! Сначала он пропал, затем неожиданно появился возле меня, вновь испарился, и всем будто руководила какая-то непонятная сила.

Помню, нечто бесовское тогда коснулось меня, я тотчас ощутил его присутствие где-то рядом, и всё время, пока это таинство происходило, не покидало ощущение, что кто-то неотступно наблюдает за моими действиями. Становилось и страшно, и хорошо от этой мысли, и я почему-то почувствовал себя счастливым.

Вроде, как тебя пропустили в невидимые врата закрытой для других лесной обители, и что-то захлопнулось за тобой навсегда, но тебе не стало от этого плохо. В тебя вошло то, что ты смог сам открыть, так как очень этого желал, и ещё почувствовал, что оно уже никогда тебя не покинет. И всё только благодаря глухарям, своей любви к ним.

Случалось, что лес дарил и просто нечто забавное, связанное с глухарями. Например, то, как один петух, заприметив токующего неподалёку соперника, в возбуждении побежал к нему навстречу, и, не удержавшись на скользком апрельском насте, покатился, как на коньках, совершенно опешив при этом. Забавно было наблюдать его случившуюся растерянность, и даже лес, кажется, в тот миг засмеялся вместе со мной.

Подстывшая глянцевая корочка сказочно отливала розовато-перламутровым блеском, и на горизонте так загадочно чернел волшебный лес, что всё увиденное воспринималось как в театре, когда занавес вдруг не вовремя раскрывается, и взору предстаёт нечто невообразимое, и от этого – радостное, чего зрители не должны видеть. От неожиданно охватившего счастья хочется захлопать в ладоши и, не переставая, удивляться: каким пленительным бывает лес, когда ты не стремишься его завоевать, и только забываешься в нём от неописуемого восторга!

Всё, связанное и с глухарями, и с весной необычно, таинственно и удивительно. Это постигаешь именно ночами, когда все ещё спят, а глухарь уже вознамерился провозгласить невидимому солнцу о своём нестерпимом желании любить. Чуткая птица в нетерпении предугадывает его появление задолго до всех, и только рыси, волки, барсуки и медведи встречают солнце со сдержанно-молчаливым недружелюбием. Недолгая весенняя ночь им в обрез, и они не успевают насладиться ею до дна.

Рыскают и бродят звери всю короткую ночь напролёт и, конечно, натыкаются в лесу на человека, что приготовился к встрече с дорогим его сердцу древним гостем. В своём терпеливом ожидании, человек, ещё более, чем зверь вкрадчив, нетороплив, и первым угадывает чужое присутствие. Лось, медведь или волк, наверное, даже не гадают встретить в ночном лесу человека, но не теряют при этом бдительности.

И всё же, человек застигает их врасплох, когда стоит в ожидании пробуждения глухаря, не шелохнувшись, цепко всматриваясь и вслушиваясь в насыщенную движением весеннюю тишину. Хрустнет вдруг слабо ветка, пробудится на мгновение дрозд, и опять всё стихнет, но ты уже знаешь: кто-то бредёт в темноте мимо и, может быть, пока не замечает тебя. От такого неведомого присутствия всё внутри подожмётся, тело сладко напружинится, и сердце готово вот-вот сорваться в неистовом восторге.

И страшно тебе вдруг станет, и до жути интересно: кто это к тебе пожаловал в гости или ты кому нечаянно перешёл дорогу своим молчаливым присутствием? А невидимый зверь опять напомнит о себе чуть слышным шорохом, ещё ближе подобрался он и, наверное, уже чувствует твоё напряжённое внимание. Нелегко становится в такой миг сдержать в груди разошедшееся сердце и, кажется, даже ночь дрожит над твоей головой, готовая закричать неслыханными голосами, захлопать мохнатыми и необъятными крыльями.

Это может быть, и, конечно, был когда-то медведь, что размеренно обследовал свой лесной участок. Зверь намеревался спуститься в небольшой ложок, перейти дамбу и следовать далее, навстречу дремучей лесной судьбе, но на его пути появился я, и медведь тотчас встревожился. Он не хотел уступать, а идти напролом не решался. Ему необходимо было принять какое-то решение, и медведь стал мучительно его искать.

Сначала он попытался обойти расположенную справа от меня мочажину, поросшую по берегам частым березняком, но что-то у него не получилось. Медведь вынужден был вернуться и, недовольно рыкнув себе под нос, замер на какое-то время. Он не знал – что делать, а дороги своей бросать не желал: видно, что-то важное влекло его по ней, то, чего он неукоснительно и упрямо себе наметил.

Постояв так немного, медведь начал перетаптываться на месте, а затем вдруг ринулся налево, вниз, по склону убегающего вглубь леса широкого распадка. По дну его неслышно струился полноводный ручей, и зверь решился его перейти.

Всем весом своего грузного тела медведь ухнулся в талую воду, но она его так обожгла, что зверь, тут же, выскочил обратно. Он даже взревел от непривычного для него бессилия, и ещё несколько раз потом безуспешно пробовал лапой ледяные струи: эта студёная вода явно была медведю не по нутру.

Я же стоял какой-то занемелый и отрешённый в ожидании того, что ещё предпримет не на шутку раздосадованный медведь? О глухаре я уже не помышлял, и только вслушивался непроизвольно в отдалённо доносящийся голос кукушки. Размеренно, она проповедовала кому-то нескончаемые года и, обрадованный её неожиданной поддержкой, я начинал принимать их на свой счёт.

А медведь, между тем, выбрался из лога и в который раз возвестил недовольным рыканьем о себе. Силуэт его к этому времени стал довольно отчётливо просматриваться на розово-лимонном фоне высоко взошедшей луны, и страх от ощущения близости зверя ещё более увеличился. Медведь, казалось, вот-вот сметёт свою преграду одним броском, и я не знал – как мне предстоит вести себя, что делать. Я сидел на корточках у края просеки, напряжённо всматривался в мятущиеся очертания зверя и ждал чего-то непоправимого и страшного, но … манящего.

Потом медведь всё-таки удалился, так и не решившись выйти на меня, а я ещё долго сидел под ёлкой, судорожно сжимая в руке небольшой охотничий нож, прислушивался к гулким ударам крови в висках и не верил, что зверь оставил попытки пройти через дамбу, и больше не вернётся. Ушёл он, как ни странно, почти неслышно, видимо, отступившись от своего маршрута.

Медведю, наверное, было досадно отказаться от того, что он наметил, и у него, должно быть, испортилось настроение. У меня же ещё долго стояли перед глазами его всклокоченный загривок, кудлатая голова и покатые плечи. Это была та редкая и в глубине души остро желаемая встреча, когда неподдельный интерес и жажда знания, несмотря ни на что, перебарывают животный страх.

Приходил ко мне и серый волк, что обычно хитрее и коварнее всех зверей. Не я почувствовал его, а он крался за мной по пятам, и когда я останавливался, пытаясь различить глухариное пощёлкивание, он тоже замирал. Я обязательно бы заметил отчётливое изображение крупных лап на зернистом снегу, медленно передвигаясь вдоль укромной просеки, но ничего ещё не было видно.

Наверное, волк сам охотился за глухарями, и моё присутствие вызывало в нём недоумение. Волк не предпринимал ничего, чтобы могло нарушить недолгий ночной покой.

Волк, наверное, злился и никак не мог постичь: что влечёт человека в такой пропащий час в лес, когда только звери обращаются к своей темноте, и нет им в этом, среди всех живущих, равных. Волк злобился, и в тоже время остерегался, потому что крадущийся человек был чем-то под стать ему,

лесному зверю. Человек, пожалуй, был даже опаснее его, поскольку хранил в себе ещё более непостижимую для зверя тайну.

Волка мучило любопытство, и он подстраивался под окружающую тишину и мрак, наверное, чутко вслушивался в каждый мой шаг. Зверь хотел проследить до самого конца моё поведение, но я лишь пристально вглядывался в чуть светлеющее небо, так же, как зверь, замирал на неопределённое мгновение и, кажется, ничего более не желал. По понятиям волка я вёл себя очень странно, но оставить меня без своего внимания зверь отчего-то не мог. Видимо, я завораживал волка своим поведением, и он продолжал неслышно следовать за мной.

Волк не покидал меня целое утро, пока я случайно не согнал единственного в тот раз глухаря. Глухарь ещё с вечера уселся на непривычном для него месте, и очень испугал меня, когда неожиданно сорвался с худенькой берёзки. Вместе с ним в морозных сумерках растворилась слабая надежда на соприкосновение в это утро с глухариной тайной.

Я ещё отрешённо постоял тогда, врасплох застигнутый такой откровенной неудачей, и в сердцах повернул назад. Вот тогда-то, тотчас за моей спиной, мне и попались на глаза свежие волчьи отпечатки, что он оставил, устремившись в укромный ложок. Может быть, глухариный слёт так напугал зверя, что вывел его из оцепенения этой своеобразной охоты, а может - волк угадал моё намерение вернуться. Так или иначе, зверь предпочёл остаться неузнанным, и поспешил неслышно раствориться в лесной чаще, как и появился.

Неудача с глухарём сразу показалась незначительной, как только я убедился в изворотливости скрытного зверя. Воображение скоро нарисовало этого одинокого волка и то пристальное внимание, которое зверь проявил по отношению ко мне. Сладостно переживая произошедшее, я ещё долго не отпускал зверя от себя, и всё думал о том, какой он, наверное, необыкновенный, дикий и мой.

Вполне возможно, что именно этот волк пришёл ко мне на следующий год, когда я забылся тревожным сном у потухающего костра. Ожидание глухариного пробуждения было так утомительно в непогодливую весеннюю ночь, что вялая дремота одолела-таки меня. Я спал без сновидений и не ведал, что прямо у моего изголовья, в каких-нибудь трёх-четырёх метрах стоит хищный лесной зверь и, может быть, смотрит в чуть белеющее лицо.

Лицо, наверное, было осунувшимся от усталости, но и покойным в перебегающих по нему огненных бликах. Волк смотрел на огонь, на меня, осторожно втягивая носом непривычные для себя запахи, и не решался что-либо предпринять. Он ровно угадывал нечто знакомое для себя, и вспоминал: когда-то подобное уже тревожило его чуткое восприятие, а волк так и не постигнул его до конца. Ему было только отчего-то приятно стоять вот так, рядом с этой неодолимой для него человеческой тайной, и волк не торопился исчезать.

Я опять ничего этого не увидел, а только угадал с рассветом по следам, которые волк оставил у края раскисшей тропинки. Вечером их не было, я хорошо это запомнил, потому, что собирал для костра хворост и, конечно, отметил бы такую важную подробность. Волк появился, как и тогда, ночью, разделил её на какое-то время со мной, но ничего не забрал. Скорее, он ещё раз одарил меня своим неуловимым присутствием, пытаясь в чём-то разобраться, и мне нисколько не стало от этого хуже.

Не жуть, а тихая радость охватила меня, и я был за что-то признателен этому вкрадчивому зверю. Я был благодарен ему за нечто очень важное, что не присутствует в обыденной человеческой жизни, но всегда неотступно привлекает. Моих неясных устремлений, должно быть, касалась лесная душа, что чаще всего приходила именно в облике зверей, и могла быть не только медведем или волком, но и неторопливым лосем, сосредоточенным в себе барсуком и лукавой рысью.

Рысь, правда, ожидалась менее других и, если честно, я о ней даже не думал. Слишком редка и осторожна была лесная кошка. Но и она порой появлялась близ глухариных токов, дабы потешить исстрадавшуюся за зиму алчность. Кровожадно ухмыляясь своими косматыми бакенами, рысь наведывалась к глухарям как будто невзначай, исподтишка поглядывая по сторонам и чутко поводя кисточками на ушах. Поступь её была мягка и бесшумна, помыслы не ясны.

Человеку всё это хорошо может быть видно, когда он преисполнен терпения и воли. Сидишь на глухарином подслухе, никто тебя не видит, а сам ты всё примечаешь. Пара ли дятлов затеяла брачную игру над молодыми ёлочками, протянул ли над головой, утробно хоркая, длинноносый вальдшнеп или с шипением пронеслись над головой взбудораженные чем-то утки, - ничто не минует твоего встревоженного весной сердца. Но как забьётся оно в груди, если вдруг заметит нечто необыкновенное, ещё никогда в лесу не виданное?!

Так однажды, неподалёку от меня, вышла на просеку хозяйка-рысь: я скорее почувствовал её, нежели увидел. Словно львица, выпирая угловато перекатывающимися лопатками, она поначалу показала из-за кустов только свой рыжий загривок. Затем появились вздрагивающие кисточки ушей, небольшая, чуть наклонённая вперёд голова и, наконец, мощные лапы. Лапы неловко, как у щенка, вываливались на тропинку, но улыбаться почему-то не хотелось: милая черта зверя может в мгновение обернуться беспощадным оружием и, понимая это, я весь был неестественно напряжён и собран.

Сквозь напряжение мне очень хотелось заглянуть в глаза хищника. Трудно представить, что можно увидеть в них за короткое мгновение! Ведь зверь, наверняка, не допустит сближения, и попытается тотчас уйти, как только почувствует на себе малейшее внимание человека. Но, может быть, рысь не отвернёт взгляд, и я успею обрести недостающий для себя смысл её скрытной звериной жизни?!

Помогла мне в этом ворона, взбалмошно перелетевшая за спиной у рыси через просеку. Рысь неожиданно ощерилась, обернулась, и я, не ведая, что творю, вмиг очутился на тропе, успев поднять к глазам бинокль. Так я и замер, ошарашено обнаружив прямо перед собой золотисто-рыжие, пронизывающие глаза.

Они смотрели холодно, будто проникая в меня, но неравнодушно. Стоило, кажется, протянуть руку – и я коснусь этого ворсистого, в крапинку, лба, а зверь не ринется на тебя, и только мягко отпрянет. Словно ему будет интересно показать свою грациозность и силу, и тут же исчезнуть, как будто его и не было. Я, помнится, был уже близок к тому, чтобы поверить в это.

А взгляд зверя как-то незаметно растворился во мне затвердевшей дикой желтизной, заворожил бездонностью животной природы, и пропал. Рысь плавно повернулась рыжим боком, вытянула заднюю ногу, и ещё раз поглядела в мою сторону. Но теперь уже мимо, как будто решив всё про меня для себя.

Рысь, по-прежнему, готова была, также покойно, брести своей потаённой лесной жизнью. И я её понял, и попрощался с этой очаровательной тайной, и мне нисколько не стало грустно. Так же тихо, как рысь ушла, я почувствовал себя настоящим человеком.

Часто по ночам, в ожидании глухариного пробуждения, это ощущение мимолётной слитности со звериным существованием замирало во мне от переполняющих впечатлений. Потаённые запахи, неведомые шорохи и звуки рождали в душе неизъяснимые чувства. Волнительный воздух весенней ночи душными волнами подкатывал к горлу и не давал перевести дыхание. Всё в лесу говорило на своём языке, ухало, шептало и бесчинствовало, так что нельзя было ничего разобрать, и я только зачарованно прислушивался к биению своего сердца, а потом вдруг замирал от собственной настороженности.

Всегда кто-нибудь выводил меня из неё, и я с ещё большим трепетом вникал в непроглядную тьму, ожидая чего-то непоправимого, но прекрасного. Порой это ожидание было невообразимой мукой. В расступающейся передо мной неведомой чаще, кажется, нарастал какой-то лохматый ужас, что вот-вот готов был навалиться на меня и поглотить… Тогда всё звериное закипало и в моей душе, и я жаждал с ним встречи.

Как-то раз кто-то шумно вывалился через кустарник прямо передо мной, и я, не в силах сдерживать себя, высветил его фонариком. Зверь ещё какое-то время не прекращал своего увлечённого продвижения, но в нескольких метрах от меня застыл. К своему великому удивлению, я вдруг узнал в нём обыкновенного … барсука, этого обаятельного и неказистого зверька, неудержимого нарушителя ночного покоя.

Радостная улыбка тотчас сменила тогда моё неприятное оцепенение, и я уже с восхищением всматривался в ослеплённого зверя, смешно притаившегося в самом себе. Барсук, помнится, зажмурился, прижав голову к земле, и так, сквозь полузакрытые веки, пытался разглядеть источник своего

беспокойства. Был он похож на подслеповатого крота, и я выключил свет, чтобы барсук мог успокоиться.

Некоторое время зверь сидел тихо, никак себя не выдавая, и я вновь осветил его, желая посмотреть – чем он занят. Барсук, оказывается, немножко перебрался в сторону и, когда почувствовал свет, вновь затих, теперь уже забавно выпятив круглый зад. Это был небольшой, симпатичный зверёк, по-видимому, возвращающийся с ночной охоты.

А я стоял, не шелохнувшись, и наслаждался беспомощностью зверя. Мне было приятно его живое присутствие, барсук же пока никак не мог разобрать: стоит ли ему опасаться возникшей преграды или надлежит, не обращая внимания, продолжить свой путь. По всему, он чувствовал себя неуютно, и я, не желая ему мешать, решил на прощание подпугнуть незадачливого зверя, чуть притопнув ногой. Результат такой попытки оказался самый неожиданный…

С невероятной для него быстротой, барсук перевернулся вокруг себя и высоко подпрыгнул на месте. Коротенькие лапы его беспомощно вытянулись в воздухе, а зад как-то задрожал и выгнулся. При этом барсук хрюкнул, как поросёнок и, приземлившись, издал такой душераздирающий вопль, что можно было достаточно напугаться за его потревоженный рассудок. В следующий миг было только слышно пощёлкивание веток и недовольное пыхтение, коим не на шутку раздосадованный зверь оглашал ещё не пробудившийся лес.

И всё же, что-то нарушилось в нём с исчезновением барсука. То ли зашевелились слабые сумерки, оживив линию ветвей, то ли птичьи сновидения увлекли за собой сладостные ночные превращения, но в лесу вдруг почувствовалось неясное копошение, предполагающее скорый рассвет. Тягостное ожидание его было приятно, и я боготворил в душе лес, что ещё до встречи с глухарями оделил меня таким замечательным подарком.

Поблагодарил лес за солнечную нежность весеннего восхода, аромат берёзового сока и клёкот дикой птицы в бездонном небе… За всю тревогу, радость и смятенье, принесённые весною, за моё прозрение, сладостную боль и разнеженную слабость во всех членах. И ещё я был признателен самому себе, другому, истинному, что отважился соприкоснуться с тайной леса, и не отказался от неё.

Наверное, я был просто переполнен счастьем, что заслуженно досталось мне без какого-либо завещания от леса, жадно им не хранимое, вольное. Всё, связанное с глухарями по весне, хотелось разделить с чужим вниманием, не обуреваемым только пустою заботою. Так было предугадано мне, должно быть, лесной душой, что, я верил, жива, и будет вечна.

И коли следовать известной поговорке, что лес – к селу крест, а безлесье – не угожее поместье, то лес должен стать для человека именно угожим поместьем, если только относиться к нему с любовью, как он того заслуживает, и потому русский человек его всегда чтил, принимая как самую

дорогую для себя ценность. И не ладно, говорят, да угодно, а по-настоящему заботливому человеку в лесу и лад, и польза.

Надобно человеку дорогому батюшке-лесу угождать, без такой заботы жизнь его по-доброму никак сложиться не сможет. В угодность лесу человек всё для него сделает, и тут без радушия не обойтись. Служить лесу для него – отрада, и как тут не вспомнишь святого Николая-Угодника, которому добрый человек тоже завсегда угождает, выявляя почтение и любовь.

Угождать – его исконная черта, ради чего он готов делиться самым ценным, хотя на всех и сам Господь не угодит, да только без любовного отношения к окружающему его миру человеку никак: сделай так, как другому любо, вот тебе и пригодное обхождение! Так и к родимому лесу душа человека должна быть распахнута, тогда и собственное поместье всегда будет справным, полное добрых плодов.

Как в старину давалось поместье в пожизненное владение или наследство с бессрочным владением землёй и угодьями, так и ОТЕЦ-ЛЕС дан ПРИРОДОЙ человеку на насущную и добрую потребу, для вещественной и душевной пользы, отчего ему и следует проявлять к нему исконное уважение. В этом угожем поместье чего только нет: и леса, и поля, и пажити с лугами, и реки с озёрами, и потаённые сказочные сузёмки, и до всего в нём человеку необходимо иметь интерес.

Но не дорога забота, без которой плохо жить, а дорого доброе лесное угодье, ибо лес – неистощимый природный колодезь. Он, конечно, по дереву не тужит, но если Бог вырастил лес, так выросло, говорят, и топорище, и хорошо, что всё это богатство людям в угоду!

Дерева

Вы когда-нибудь прикасались щекой, летним утром, к нагретой коре сосны, осторожно обняв её руками, и всем телом прижавшись к монолитному корабельному стволу? И чтобы эта раскидистая высокая сосна шумела тихонечко в своей могучей верхушке, но стояла покойно, величаво, будто ожидая, что какой-нибудь человек, может быть, это будете вы, подойдёт к ней, с восхищением вглядываясь в её, словно отлитое из тёплого золота тело, и позабудет обо всём на свете, прижавшись к ней. Если вы однажды подметили в своей жизни такую сосну, и обратили к ней всё внимание вашей души, сосна подарит вам уже свой внутренний свет, и обласканный им, вы теперь будете нести его в себе вечно.

С необыкновенной зоркостью вы подметите тогда и светлый берёзовый подлесок за околицей, на него вы совсем недавно не обращали внимания, и потаённую тень под яблонями в саду, чуть ли не по нескольку раз в день проходя между ними, и всё же, не замечая, и косые лучи солнца, ласково пробивающиеся поутру сквозь еловые лапы, и золотистый пчелиный гул над распускающими головки цветами, и пахучие заросли крапивы за баней в

самый разгар роскошного июльского дня, и всё это – благодаря красавице-сосне, что щедро поделилась с вами своей внутренней силой.

Прикоснувшись щекой к сосне, вы вдруг обязательно почувствуете, что скоро в вашей жизни случится нечто необыкновенное. Может быть, оно уже даже происходит, и, утвердившись в этом происходящем с вами чуде, вы испытаете глубокую признательность и к лесу, и к роскошному лету, и к своей судьбе, что связала вас однажды с родной нашему сердцу русской природой.

И действительно, одного прикосновения руки человека к взрослому дереву достаточно, чтобы оно вобрало в себя всю его духовную энергию и настроение. Дерево обязательно угадает человека, и поможет ему, если он того заслужил.

Человеку же, даже обхватив ствол обеими руками, невероятно трудно хотя бы предположить, чем жило когда-то и что чувствует дерево сейчас. Человек должен быть готов к тому, чтобы понять дерево, причём, не всякое, а своё, которое ему необходимо определить самому, то есть, найти. И такое дерево я однажды обнаружил.

Поначалу я не обращал на него внимания, хотя место, где дерево росло – было одно из самых любимых, именно там я начинал искать своё первое глухариное токовище. Место очень укромное, я бы даже сказал дикое, несмотря на то, что несколько лет назад там работали лесозаготовители, они и оставили после себя маленький балок с печкой. Балок вмещал в себя максимум двух человек, зимой промерзал нещадно, так, что приходилось, то и дело, подтапливать печь, но по весне и осенью держал тепло, и был мне надёжным убежищем.

На его ступеньках, однажды, я впервые в жизни увидел прямо перед собой огромного медведя: зверь пришёл ко мне ночью на запах подпорченной колбасы, что я накануне выбросил прямо перед входом в балок. Наблюдал за таинственным существованием филина, что поселился неподалёку и постепенно изводил ток, подкарауливая глухарей во время их песни, когда они ничего не слышат. Забавлялся весенней кутерьмой кукушек в еловых ветвях, подглядывал заячьи свадьбы…

Так вот, не замечал я дерева, вероятно, потому, что не был к этому готов, а когда по-настоящему увидел одним прекрасным летним утром, то очень удивился, что не обращал на него внимания раньше. Это была огромная, налитая природной силой, красавица-сосна, величественно замершая почти на краю лога, и возле неё тянулся почти заросший старый волок. Корни сосны мощными щупальцами выпирали из-под земли, закручивались тугими, розоватыми буграми, так что подойти к стволу не сразу и получилось.

Прежде я решил рассмотреть развесистую крону, будто подпирающую небесную твердь, и, прихватив рукой кепку, долго смотрел, закинув голову, вверх, пока она не закружилась. Я как-то сразу, очень чутко, ощутил, что это – необыкновенная и очень древняя сосна, и мне сейчас привелось увидеть её.

В сосне чувствовалась великая сила, и я понял, что не должен никогда забывать и оставлять её, пока опять, когда-нибудь, не вернусь к ней. Ведь это было первое в моей жизни дерево, на которое я обратил своё внимание, ощутив, что оно мне родное.

Разглядывая мощный, чуть ли не в два обхвата ствол сосны, я не мог поверить, что это величественное древесное тело созидалось невидимым воздушным пространством. Удивительным покоем и душевным равновесием веяло от этого, словно светящегося изнутри дерева, что, кажется, останавливало время. И тогда великое умиротворение снизошло на меня… А какую энергию оно вокруг распространяло!

Да, из всех деревьев наиболее проникновенно и настойчиво заглядывают в вечность, быть может, только сосны: в отличие от мудрых елей они представляются святыми! Когда в ветреный день забредёшь под сень этих самых корабельных сосен, будто оказываешься на палубе величественного брига, где кроны деревьев наполняются, как паруса, ветром, и стволы гнутся подобно мачтам.

А вот если вокруг спокойно, ощущаешь себя в уютной тихой гавани, где можно помечтать о предстоящих странствиях или вспомнить героическое былое. Только упавшая с дерева шишка выводит из этого сладостного оцепенения, но после её падения вновь хочется тотчас отправиться в увлекательное путешествие.

И все эти непередаваемые ощущения дарят именно сосны. Из всех деревьев только сосны, наверное, умеют перешёптываться между собою вершинами, и делают всегда это так вкрадчиво и трогательно, будто не виделись целую вечность. Сосны, вообще, выделяются в лесу среди всех деревьев какой-то своей воздушной обособленностью, не смотря на свои размеры.

Всё в природе находится в равном положении между собой, и каждое дерево, быть может, для того и простаивает терпеливо всю жизнь на одном месте, невидимо трудится и никого не обижает, чтобы помочь каждому человеку правильно выстроить свою судьбу. В лесу, не в пример обыденной человеческой жизни, человек может получить несравнимую ни с чем силу для творчества.

Лес для пытливого наблюдателя – родина самых невообразимых талантов, и способность отличать их присуща далеко не каждому. Именно они, эти искатели в борьбе за счастье всех живущих, отказываются порой от собственного блага и ведут других к необходимому знанию, обретая в лесу необыкновенную энергию, а отдавая её людям, получают взамен ещё большую, и от кого: от обыкновенных деревьев!

Иногда однообразие безукоризненно вытянутых корабельных стволов сосен и их пышные кроны, в отличие от дремучих таинственных елей, со временем, почему-то утомляет, но моя сосна заметно выделялась своей обособленностью среди других деревьев. К ней хотелось подойти, дотронуться до ствола рукой и замереть, вслушиваясь в размеренную музыку

еле покачивающейся густой верхушки, а ещё лучше – прижаться к телу этого величественного дерева, приложив к нему ухо… Просто – прильнуть!

Неподвижность лесного существования деревьев, на самом деле, их великое подвижничество. Постичь душу дерева легко, если самому всегда стоять на своём, утверждая необходимость неустанного устремления к небу. В понимании этого мне помогла моя сосна.

Вот такая величественная сосна, обычно, невидимая ни для кого, горделиво и в то же время просто высится веками где-то в потаённой чаще, и кажется, не содержит в себе никакой тайны, не давая, между тем, угаснуть первозданному лесному духу… Но вот однажды вдруг прилетит на неё большой пёстрый дятел, усядется поудобнее, упёршись о сухую кору упругим хвостом, да затеет свою монотонную дробь, и если ты вдруг обнаружишь такое дерево в своих сокровенных блужданиях по лесу, подойдёшь к нему в такой миг и обнимешь, отрешённо прижавшись к стволу, то почувствуешь, что дерево будто бы ожило, зазвенело протяжно и гулко только ему дарованным природой голосом, и сразу стало загадочным. Оно, конечно, и до того было живо, неся в себе завораживающую тайну, ты этого просто не замечал, а вот теперь открыл её для себя и восхитился.

Дятел деловито настукивал на макушке этой огромной дремучей сосны, и дерево звонко и мелодично, подобно колоколу, стонало от переживания своей могучей зрелости. И так радостно, даже – восхищённо, что я вмиг совершенно ясно для себя осознал: сосна радуется тому, что человек обратил на неё внимание, пришёл к ней и проникся её невидимым для людей существованием.

Обняв шероховатый ствол дерева, я с замиранием сердца вскоре почувствовал этот сладостно музыкальный, скорее даже – божественный гул в самом себе, через меня стремительно ускользающий вглубь земли. Сначала это совершенно обескуражило, а после необыкновенно обрадовало, и я вдруг пережил удивительную сопричастность всему происходящему в природе, поняв, что все мы – и земля, и я, и сосна, и небо едины.

От осознания этой простой истины, что заключалась во взаимосвязи всего сущего, я ощутил в душе покой, какую-то удивительную уравновешенность, когда всё тебя в окружающей природе необычайно трогает, пусть это – неприхотливый цветок, пушистое облако или дерево, и ты, безо всякого ущерба для себя, не перестаёшь удивляться происходящему рядом торжеству жизни. Она, ты теперь это точно знаешь, создана для радости.

Потом, в разное время года, я ещё не раз бывал в этих местах, и всё время думалось: обязательно подойду к моей сосне, обниму её, как прежде, и, может быть, вновь услышу этот удивительный природный гул, кажется, выражающий душу самой Природы. Но когда подходил и обнимал дорогое мне дерево, отчего-то возникала странная мысль: есть ли кому-нибудь дело до того, что я делаю?

И тут же приходило осознание: ведь я не иду туда, куда ведёт дорога, а иду туда, где её нет, оставляя свой след, и это не может не быть кому-либо не интересно. А значит, я не одинок, и нужно идти и дальше дорогами, которых нет на карте, так я и приду однажды к самому себе, и тогда у меня не возникнет потребности спрашивать о том – интересна ли кому-либо моя жизнь?

Испытывать радость, идя по дороге жизни, - в этом, наверное, и есть единственно верный смысл. Ты должен делать то, чего тебе по-настоящему хочется, что подсказывает тебе твоё сердце. Ведь всё, что необходимо человеку, это ясное отношение именно к своей жизни и поступкам, ко всему, что тебя окружает, и потому следует постоянно изучать себя, чтобы, в конце концов, постигнуть свою сущность. Когда человек рассчитывает лишь на свои силы, перед ним открываются новые горизонты, зависимость же от других людей или каких-либо обстоятельств, как правило, сковывает, не даёт возможности раскрыться и следовать своим путём.

У каждого человека должно быть сокровенное пространство, созданное им самим и недоступное для других: это – его незамутнённый ничем внутренний источник, откуда он черпает для себя силы. Этим пространством может быть сад, который ты посадил на своём дачном участке и ухаживаешь за ним много лет. Земля, деревья и травы дарят тебе силы в благодарность за то, что ты благотворно участвуешь в их жизни, отдавая им свои чувства.

Этим дорогим для тебя пространством может быть и какое-то место в лесу, куда тебя неизменно притягивает каждый год неведомая сила, вполне возможно, связанная с определёнными деревьями, как эта сосна. Не нужно бояться, что кто-то воспримет тебя не так, как бы тебе этого хотелось: для человека важна внутренняя свобода, спокойная уверенность в себе, иначе он не выживет, обрекая свою жизнь на постепенное угасание. Быть в ладу с собой, значит, сохранить здоровье и приумножить его, и в этом помогают нам величественные дерева.

Когда я только начинал заниматься лесом, то как-то летом натолкнулся на старую ель, будто забывшуюся во времени среди своих собратьев, что почему-то представлялись не такими древними… Поражённый её ростом, внутренне даже робея и дивясь, помню, долго стоял перед ней, отрешённо воззрившись на могучий шероховатый ствол, теряющийся в вышине. С интересом разглядывал бесчисленные толстые ветви – сами, как деревья, и не мог наглядеться.

Всё было в этом древнем старце – мудрость и красота, покой и непостижимое величие, а больше – какая-то невероятная несгибаемость, так что казалось: это умудрённое временем дерево никогда не умрёт, будет стоять вечно. Возле этой старой ели хотелось замереть душой и слиться с её неизведанным прошлым, уносящим тебя вглубь несказанных столетий!

Там удивительное место, и хотя бы раз в году я стараюсь в нём бывать. Когда в такие забытые всеми уголки заглядывает солнце, они превращаются в настоящую сказку! Юркие белки снуют тут повсюду, озорно перебегают с ветки на ветку, оживляя собой загадочную тень. Кажется, совсем дикие, ещё не ведающие в своей жизни человека рябчики пронизывают застоявшуюся тишину своим волшебным пересвистом. А то вдруг, в самой сокровенной еловой глуши, пугающе, так, что ухает в сладкой истоме сердце, взрываются красавцы-глухари: они особенно любят такие потаённые места, каких сейчас почти и не осталось.

Вот и могучие, недоступные взору человека медведи разлапистой походкою неслышно бродят здесь, оставляя после себя крепкий звериный дух. Воздух отсюда, кажется, никуда не уходит, а живёт вместе с деревьями, мхом и грибами, приумножая нескончаемое долголетие чащи, что незаметно преображается в сказочную быль.

Бредя с тяжёлой корзиной по лесу, бывало, приляжешь отдохнуть под эту красивую древнюю ель, а она вдруг ненавязчиво овеет твой лёгкий сон несказанным покоем и тенистой прохладой. Приятный ветерок остудит застоявшийся от зноя воздух, слегка вороша волосы на голове, и ты вдруг переживёшь неизгладимое счастье нахождения в недрах роскошного летнего полдня, пронизанного ароматом ягод и хвои.

Вряд ли можно отыскать человека, равнодушного к такому чудесному дереву, как ель. Всякому оно известно с детства, что немыслимо без пушистой, дышащей хвойным жаром красавицы, празднично сверкающей волшебными огнями в углу дома. Только за ней, так сладко пахнущей лесом, чудились сказочные волки с аметистовыми глазами, никогда не унывающие кроткие зайцы, и невероятно тревожащие синие тени, что зачарованно растворялись в таинственной и глубокой чаще. Всё это несла с собой именно ёлка, как никакое другое из деревьев располагая к лесному уюту.

Ель, пожалуй, самое обаятельное дерево на Руси. Оно - какое-то особенное, непохожее ни на какое другое, что более всех примечали люди. Словно живёт в нём лесной бог – старичок-еловичок, сказочник и затейник, что со зверями и птицами на их языке разговаривает, да про каждого вступающего в лес главную его правду знает. И хочется к нему поскорей в гости отправиться, а что-то не велит. Видно, не пришло ещё время, и ты ждёшь его в нетерпении, наслаждаясь рождественскими ночами сладким еловым духом.

Встреча с ёлкой должна непременно состояться в жизни всякого человека. Только не в ухоженном и обогретом доме со сверкающими бенгальскими огнями и в свете свечей, а в лесной чаще, той самой, что занимает с детства наше воображение, пугает и тешит, влечёт к себе непрестанно и чарует. Именно в ней должно состояться свидание человека и дерева, которому уготовано, быть может, что-то очень важное в нашей жизни.

Человеку надлежит туда отправиться одному. Не сразу, постепенно, как бы даже не думая об этом, но с затаенным от радости духом.

Может так получиться, что в лесу человека околдуют иные тайны… Захочется ему вдруг взметнуться над лесистыми гривами одиноким и гордым ястребом, притвориться каким-нибудь невиданным зверем или позабыть обо всём на свете перед бегущими по небу лебяжьими облаками. Ни за что не передать того ощущения, когда ты сталкиваешься с лесными чарами, особенно – в разомлевший от жара летний полдень.

Когда я эту ёлку впервые увидел, то сразу понял, что не миновать мне было именно её прикосновения в своих лесных странствиях. Неизвестно сколько находясь на страже лесного мира, это неувядающее дерево как будто ждало меня, чтобы раскрыться, а я этого никак не мог не заметить. И вот я сейчас думаю: как так выходит, что определённые деревья, именно – эти, не какие-то другие, становятся тебе ближе иных людей?!

Тронув рукой пушистые веточки, ты вдруг ощутишь в душе какое-то особое чувство, за что тотчас поблагодаришь дерево, и как будто успокоишься душой. Взглянешь на его шероховатую кору – и не уколешься сердцем. Потом посмотришь на тугие сучья, густую хвойную бахрому на них – и разомлеешь душой. Что-то необъяснимое воцарится в ней, и ещё очень хорошее и глубокое.

Захочется тебе разделить с деревом свою радость, а оно, оказывается, и по-человечески понимает: слушает внимательно, в такт твоим мыслям разлапистыми ветвями покачивает. Мол, высказывай всё, что на душе накопилось, и ни о чём не тревожься, я тебя терпеливо выслушаю. И такая в нём сразу мудрость откроется, что оцепенеет всё внутри от этого невероятного откровения. Неужели, думаешь, на подобное обыкновенное дерево гораздо?!

А оно не насмехается, прямо в тебя смотрит, и текут ещё дальше его еловые мысли. Ни уютным это дерево не назовёшь, ни укромным, разве - чуть притаившимся для какой-то внушительной лесной работы, что созидает неисчислимое лесное богатство. Еловые кряжи несгибаемо несут его на своих плечах, не ропщут.

Кажется, что ель одинакова во все времена года. Как бы не играли вокруг неё яркие краски осени, по-весеннему оживлённо не вспархивали в ветвях прилетевшие по весне кукушки, не окутывал твоего внимания душистый жар густого елового облака в летнюю пору, а зимнее безмолвие не сковывало её в своих объятиях, - ель остаётся одной и той же. Она всегда полна мудрости и покоя, может быть, только ненадолго изменяя своё настроение.

Самозабвенно любим мы это дерево и, несмотря на его силу, трепетно к нему относимся. Пристально всматриваться в жизнь елового леса нам помогает его сказочность. Вот когда человек начинает понимать по-настоящему темноту ельников и их тайну. Только там находит он нужное ему успокоение.

Даже зимой солнечный свет залегает среди елей не так, как в других деревьях. Ёлки как будто завлекают его к себе, и в то же время не пускают. Ветви их лишь ополаскиваются скупым прикосновением солнца, не забывая охранять свою необыкновенную тайну. Они заботливо берегут её под своим покровом, а человек неудержимо стремится её познать.

Ближе к весне, когда солнце светит пристальней и ярче, и снег между мощных еловых стволов немножко осаживается, лучи начинают проникать туда не так осмотрительно. Ели словно отогреваются под их влиянием, и всё больше расступаются, готовые принять в свои объятия долгожданное лето.

Солнце постепенно обнимает еловые стволы, закрадываясь в самую гущу, и тогда из них проявляется на свет невыразимо раздольная радость. Радость, способная осветить настроение любого человека. А может быть, это необъяснимый дух дерева, что открывается человеку для переживания им нескончаемого счастья.

Одиночество

Срок жизни и её смысловую наполненность устанавливает для себя сам человек: если постоянно придумывать что-либо новое, как это происходит в детстве, ты будешь продолжать развиваться. Интерес к жизни подпитывает её энергию, и она не прекращает функционировать. Жизнь не останавливается, пока ты хочешь чего-нибудь достичь, а поддерживая в себе энтузиазм, ты, несомненно, продляешь её.

Сознание при этом никогда не угасает: только успевай жить, обретая не иссякающее желание это делать, и не бойся оставаться один. Ведь здоровье – это способность организма максимально длительное время сохранять активность, не болея, а её ты сможешь накопить только в одиночестве, не расходуя понапрасну свою энергию, и если ты каждый день ставишь себе достойные цели и осуществляешь их, честь тебе и хвала.

Человек может стать самим собой, только когда проявит самостоятельность, не надеясь на других. Он должен ясно осознавать, что в принятии верных решений ему никто не нужен, он и сам способен на многое, если поверит в свои силы, что и является основополагающим в росте его сознания. Это движение к себе просто необходимо начать в молодые годы, когда физически человек ещё достаточно крепок.

Именно в молодости ты способен от многого отказаться, пожертвовать им, не боясь, что потеряешь его на век, с возрастом же такого рода «смелость» пропадает. Твоя свобода в принятии решений должна оставаться неприкосновенной, это – залог твоего неувядающего энтузиазма.

Правда, в жизни зачастую выходит так, что энергетические вибрации большинства людей выражаются в пустом напряжении, отнюдь – не созидательном, и человек интуитивно ищет спасения в одиночестве. Оттого и назначение таких состояний, как молчание и уединение, очень ценно, без них человеку пока невозможно сохранить спокойствие духа, и уж тем более –

приблизиться к своему сознанию. Именно поэтому, наверное, некоторые люди устремляются на природу, желая соприкоснуться с неведомой лесной чащей, подсознательно угадывая в ней источник недостающей энергии.

Но тому, кто боится остаться наедине с собой, в лесу делать нечего, ибо общение с ним предполагает переживание одиночества. Ты лежишь на нарах лесной избушки и слушаешь, как за стеной подкрадывается вечер. Неимоверная тоска не одолевает твоё сердце, потому как ночь в лесу к тебе вовсе не равнодушна. Среди глухой неизбывности и темноты, она натягивает чёрные сумерки на синие ели, окружает совершенным покоем и тишиной, и оттого одиночество становится желанным и неуязвимым для всего неустроенного, дурного.

Кажется, что если ты уснёшь, ночь вместе с чем-то, что давно тебя ждёт, пропадёт бесследно, и больше никогда не вернётся. Тебе хочется, чтобы она всё время была с тобой, пела над твоей головой, убаюкивала своими тихими сновидениями, но в тоже время не давала забыться. Так всегда бывает в лесу: тебе кажется, будто ты оторван ото всех, долго не можешь уснуть, и всё о чём-то думаешь.

Ветер едва-едва трогает невидимые верхушки деревьев, и в такт их шуму рождаются твои неотступные спасительницы-мысли… Мысли о том, как прожить на земле так, чтобы не было пусто и стыдно, а только счастливо и хорошо.

Если кто-нибудь, кто не добился в жизни того, чего хотел, начинает говорить, что у него не было полной уверенности в своей правоте, когда он не решился следовать жизненному выбору и идти до конца, я почему-то всегда представляю жизнь одинокого дерева. Не обладая такими возможностями, как человек, оно не перестаёт расти, изо дня в день, продолжая борьбу за то, чтобы оставаться самим собой, и, несмотря ни на что, становится мощнее стволом, раскидистей кроной. Происходит это по одной простой причине: помочь дереву в его одиноком труде никто не может, и дерево словно бы сознаёт это, и полагается только на себя.

Труд одиночки, несомненно, подвижнический труд, и дерево не способно в своей жизни обойтись без подвига, который оно неутомимо, каждый миг, совершает, как бы ему ни было тяжело и какие бы препятствия перед ним ни возникали. Всякое дерево мужественно только потому, что оно одно, дерево не способно переложить свою ответственность за собственную жизнь на кого-либо другого, и оно никогда не отказывается от дарованной ему свободы, в полной мере дорожа ей.

Каждый человек по сути своей одинок… Несмотря на то, что все мы – существа общественные и не можем себе представить своей жизни вне мира людей, душа наша, тем не менее, вынуждена принимать самые важные и ответственные для себя решения именно в состоянии одиночества, и это состояние необходимо принять, как вполне естественную данность, совсем, между тем, не предполагающую, чтобы человек замыкался. Быть среди людей, но при этом постоянно оставаться наедине со своими мыслями и

уметь принимать решения – есть неотъемлемое условие жизни, и его следует просто принять. А жить полной жизнью – это значит максимально честно и строго использовать отпущенное тебе время, и большую его часть, как не крути, тебе приходится находиться именно один на один с собой.

Только в одиночестве, если оно воспринимается верно, мы растём и становимся сильнее, ничуть, при этом, не отдаляясь от других людей, и то, что человек ничего не может сделать один – неправда. Только один он и должен показать всем, и в первую очередь – себе, что способен на очень многое.

Человек может всё, если не опустит руки, а наоборот – проявит отвагу и решимость именно тогда, когда ему одиноко. Человеку вообще не следует преодолевать своё одиночество, а нужно только правильно им распорядиться, и не нужно бежать от него, тогда как необходимо всего лишь научиться жить с ним, ибо одиночество даровано человеку Творцом, когда Он сам мужественно прошёл и проходит через него.

Только в одиночестве человеческая душа способна, наконец, осознать собственное достоинство и силу, и даже если ты упал, идя по дороге жизни, ты должен ясно отдавать себе отчёт в том, что подниматься тебе суждено самому, так же, как и продолжать путь дальше. Ты обязан приучить себя к мысли, что более полезным положением для души будет непрекращающаяся возможность и желание преодоления препятствий, а не безоблачное переживание счастья, которое само по себе ничему не учит: оно – статично. Лишь находясь в состоянии постоянной борьбы, ты сможешь выработать необходимые навыки в овладении энергией, и она способна себя восстанавливать. Дальше всех по дороге постижения уходит тот, кто имеет мужество отправиться в путь один, не рассчитывая на чью-либо помощь.

Одиночество не должно пугать человека своей видимой неестественностью или ущербностью, потому как все мы, по земным меркам, одиноки. Но это - не обречённое состояние, а необходимое для нашей души, чтобы она могла проявить себя с самой выгодной для неё стороны именно в некоей ограниченности, когда никто, кроме тебя, не в силах подтвердить собственную решимость и правоту.

А что же дерево? Представим себе его жизнь… Семя ели или сосны, однажды заронённое в почву, призвано тотчас, как и душа человека, с самого её рождения, бороться и расти. Уже тогда оно преодолевает в одиночку сопротивление заморозков и холодных дождей, неутомимого ветра и засухи, семя может склевать птица, унести в свою норку какой-нибудь жучок или муравей, и даже когда оно выпростает из-под земли свой крохотный росток, а потом – робкий стволик, его может переломить всем своим весом лось-великан или человек. Сколько преград приходится претерпеть маленькому деревцу, пока оно хотя бы немного подрастёт!

Корни деревца без устали черпают из глубины земли недостающие для роста соки, гонят их к стволу и ветвям. Ствол и ветви, невидимо взаимодействуя с микроорганизмами воздуха, ежесекундно наращивают

драгоценную древесную массу, тянутся к небу. Листья готовят пищу всему дереву, берут из воздуха невидимый углекислый газ и воду, с утра до вечера ловят солнечный свет, и с его помощью соединяют различные вещества в одно чудесное целое – живое. В густой кроне дерева находят себе приют птицы и звери, а уж о древесных плодах, что оно приносит, и говорить нечего, ибо дарят они пропитание многим живым существам, в том числе и человеку, и ещё сберегают и рассеивают семена.

И вот, однажды, каждое дерево, совершив свой невидимый подвиг, наконец, созидает совместно с другими деревьями могущественный и прекрасный лес, наполненный зверьми и птицами, плодоносными кустами и цветами. Так и души человеческие, каждая в отдельности преодолевая все тяготы этого нелёгкого подвижнического пути, способны образовать сплочённый и развитый народ, и ему по силам решать самые высокие задачи, достигая для себя, в конце концов, великого блага.

А всего лишь каждое дерево и человек жили честно, в первую очередь, по отношению к себе, несмотря ни на что развивали в своём сердце самое лучшее, достигая гармонии души и тела, но, достигнув её, не останавливались и шли дальше, обретая гармонию с окружающим миром. Не зря в народе исстари ведётся пословица: «Тот и господин, кто всё может сделать один», и человек, способный развивать своё сознание, конечно, всегда учится у дерева, именно оно преподаёт ему урок истинного созидательного труда.

И, тем не менее, одиночество не устраивает большую часть людей, они боятся быть одинокими в своих верованиях, потому что это ко многому обязывает, а свои обязанности эти люди привыкли перекладывать на плечи других. Они не понимают, что чувствовать себя одиноким – это не значит оставаться одному, а лишь только идти достойным путём к истинному объединению с теми, кто и сам в полной мере и с достоинством прошёл его.

Но человек одиночества не переносит, дичится его и не ведает своей сокровенной и радостной судьбы. Тогда как дерево свою судьбу ежеминутно, ни для кого неприметно, слагает, как берёза, что и детский крик утешает, и мир освещает, и больных исцеляет, и чистоту блюдёт!

Костёр жизни

Скучно в лесу без костра, и вся прелесть похода теряется, если не ощутил первобытного тепла огня! Сколько помню себя, а хоть раз за день да запалишь небольшой костерок, особенно под вечер, и подвесишь на него закопчённую банку на одну-две чайные кружки. Вода в ней закипает мгновенно в любую погоду, и ты с наслаждением отпиваешь чай маленькими глотками, и с благодарностью посматриваешь, как вздрагивающий огонек уносит в небо невесомые искорки. Холодные звёзды оттого становятся теплее и ближе.

До чего же иной раз прекрасно бывает просто сидеть у лесного костра, молча глядеть на его потрескивающее пламя, и, ни о чем, не думать! Особенно

весной, когда оттаивающая земля резко ударяет в нос забытыми за зиму ароматами, а из оврагов потягивает ледяным холодком. Всё в тебе поджимается от охватывающего восторга, и хочется лететь на трубный зов журавлей за рекой, и так же призывно, с тревогой, плакать о чём-то несбыточном в сгущающихся весенних сумерках.

Но костерок трепетно бьётся живым огоньком, изредка постреливает угольками, и те, недалеко отлетев, с легким шипением мгновенно гаснут в зернистом снегу. Костёр как будто держит тебя и не отпускает, и ты зачарованно всматриваешься в его мятущуюся огненную душу, и, как обычно случается в такие минуты, время, кажется, замедляет свой ход, а затем и вовсе останавливается.

Дневная жизнь уже замерла, ночная ещё не начиналась, и только костёр уверенно вздрагивает в сухих сосновых ветвях, бросая слабые блики на давно осевший, грязноватый снег. Приближается его долгожданный сумеречный час, когда он разгорится во всей своей красе, как солнце, садящееся за лесом, и будет гореть жадно, отстаивая перед сгущающейся темнотой одному ему ведомую волю. Вечер подкрадывается к костру незаметно, но огонь бесстрашно отвоёвывает у него своё пространство, приветствуя снопом взметающихся искр угасающее на западе стеклянно-зелёное небо.

Когда же ты остаёшься в лесу на ночлег, то костер необыкновенным образом озаряет его внутреннюю жизнь, и становится видно то, чего ни за что не приметишь днём, а если и обратишь внимание, так только мельком, совсем не как ночною порой. Ночь в лесу долга и темна, и у размеренно потрескивающего огонька хорошо и уютно.

А ещё рядом с ним приятно думать о том, что если отойдёшь от костра подальше, в непроглядную темноту, то обязательно увидишь что-нибудь пугающее, и ты никуда не отходишь, и только представляешь с замиранием сердца, каким оно может тебе явиться.

В лесу, у костра, укрепляется связь с родной землей и пробуждается жажда путешествовать. Когда пережидаешь ночь или непогоду, костёр всегда навевает таинственные и сокровенные думы, и ты с удовольствием строишь самые решительные планы на будущее. У лесного костра, как нигде, хочется мечтать...

История костра утопает своими непогасшими очагами в глубокой древности, когда первобытные люди хранили огонь, как зеницу ока. Огонь озарил их жизнь нелёгкими достижениями и потрясающими открытиями, а нас он возвращает к истокам понимания окружающего мира, и мы так же взволнованно переживаем рядом с ним самые важные события своей души.

Ничто, кажется, не может нарушить мерного потрескивания костра в ночной тиши: ни дождь, ни ветер, ни снег. И хотя костёр трепетен, он, в тоже время, неукротим. Даже деревья уважительно склоняются над ним, и что-то вкрадчиво нашёптывают в такт его утробному гудению.

Метнувшиеся от костра тени наполняют темноту сказочными существами, что смотрят на тебя из лесной глубины страшными глазами, и ты

тоже начинаешь всматриваться в замерший лес, и вслушиваться в не замечаемые ранее шорохи. Самые неожиданные звуки подстерегают тебя в ночном лесу, если чуть удалиться от костра. Именно в ночном лесу, у огня, происходит причащение человека к истории жизни его далеких предков и родной природы.

Тихо и неторопливо льётся у костра ночная беседа, ярче переживаются воспоминания. Про то, как сам, ещё в детстве, разводил свой первый в жизни костёр, и он не погас. Мало того, костёр разгорелся сильным, ровным пламенем и, не переставая, горел везде, где тебя заставала темнота и непогода. Костёр всегда оставался твоим спасителем и другом, на которого можно было положиться в самую трудную минуту, и общение это необыкновенно согревало и радовало.

Только у жаркого, размеренного огня в лесу услышишь самые неправдоподобные истории, и навсегда их запомнишь. Хорошо за таким вкрадчивым разговором изредка подбрасывать в костёр тонкие хворостинки, ощущая его пышущий жар, и наблюдать, как их охватывают жадные языки пламени. Приятно с восхищением следить за снопом ярких искр, что уносятся в чёрное небо: как они смешиваются со звёздами, образуя новые созвездия. Приятно просыпаться в темноте у потухающего костра и, подбросив суши, ощущать прибавляющееся тепло, смотреть, как огонь схватывается в ветках, восторженно шипит и взметает к небу пляшущие отсветы.

Почему-то, чаще всего, не ожидаешь утра, а всё больше думаешь, что эта ночь и костёр будут нескончаемы. Пока не обозначились на предрассветном небе чёрные вершины деревьев, не померкли звёзды, и лёгкий ветерок затаенно не дохнул в лицо предутренним холодком, ночь ступает неслышными шагами, то и дело, затаиваясь и неожиданно ухая. Ей не хочется отпускать от себя человека, и она поддерживает его костёр, обогревая им мимолётные, порой неведомые ей самой думы. Костру понятно это скрытое устремление ночи, и он радуется вместе с человеком её нескончаемости.

Но вот падает первая роса, постепенно покрывая костёр тонкой плёнкой пепла, и он с лёгким шипением незаметно угасает. Угольки неохотно догорают, время от времени вздрагивают и вскоре окончательно потухают.

Лёгкая туманная дымка стелется над землёй, а костёр ещё раз вздыхает, сухо выстрелив при этом последним угольком, и замирает. Какое-то время место это будет ещё источать тепло, и необременительно для окружающего леса вскоре иссякнет.

Но даже от малой искры рождается большой огонь, на который дров не напасёшься. А лучшее топливо для костра – берёза: она горит ровно, медленно и долго тлеет, оставляя много углей. Худшее же – осина, что сгорает быстро и даёт мало тепла.

Хорошо разгораются сосна с елью, образуя жаркое пламя, но они издают громкий треск и «стреляет» искрами, что небезопасно. Такой костёр, словно красный горячий цветок, глядя на который, забывают о его коварстве и вовремя не тушат. Про него обычно говорят, что при нём семь шатров цыган

вымерло!

Не случайно строптивого и неуживчивого человека на Руси звали костеря. Костеря, замечали, не улежит на одной постели. Так и костёр из сосны, ели и пихты: рвётся, мечется, стремится к чему-то, но оно остаётся для него недостижимым. И всё же, костёр неутомим в своём жарком стремлении биться неизвестно с кем, безудержно полыхать, в полной отдаче себя бесследно сгорая.

Не зря слово «костерить» в народе означало ругать, бранить и поносить. Костёр, действительно, бывает часто бранчливый, будто сердится на что-то, а порой и просто ругается, когда не может навязать кому-то свою силу. Он всех, кажется, поносит, на чём свет стоит, и уживается, наверное, только с ветром, что подхватывает его и разносит повсюду на своих неутомимых крыльях.

Костру этого только и надо... Он был бы рад, должно быть, и буре, готовый сравниться с ней в своей отрешённой неугомонности. Недаром примечали: Бог с рожью, а чёрт с костром!

Что и говорить, по характеру костёр бывает чаще буйный, нежели ровный и спокойный, но, случается, и он как будто отдыхает в себе самом, и горит как-то отрешённо, никуда не торопясь. Разведёшь такой костерок на какой-нибудь укромной весенней прогалинке, когда на оттаивающих бугорках уже тянут к солнцу головки мать-и-мачехи, и жжёшь его в свою радость, тоже никуда не торопясь. Так, полено к полену, хворостинка к хворостинке, слагается постепенно костёр твоего неугасимого чувства преданности лесу и родной природе.

Но костёр не только согревает и кормит, будит воображение и чувства, он ещё и спасает от вездесущих комаров, а уберечься от них можно … спокойным сидением у огня. За один раз натаскай дров и садись. Больше не ходи, не тревожь и не привлекай к себе их внимание.

Отойдешь на минуту, а за собой обязательно приведёшь полчища надоедливых кровососов. Надо перетерпеть их первое нашествие, и уже потом они не будут досаждать тебе. Маленькая хитрость, подсмотренная однажды в июньском лесу, пригодилась мне на долгие годы.

А ещё по костру определяют приближающуюся погоду. Дым от костра валит клубом — это означает скорое ненастье. Когда в безветренный день дым льнёт к земле — непременно быть дождю. Если же летом дым поднимается столбом — к вёдру, зимой — к морозу.

Огонь никогда не живёт без дыма: говорят, он человека чистит, жар прокаливает, а пламя посвящает. Где дым, там и огонь, а где огонь, там и зола. Схлынул огонь, потух, но то, что осталось, несёт в себе плодоносную жилу, и если она попадёт в землю — сделает её богаче.

Вообще, огонь - это чудесное явление неудержимого горенья, наивысшая степень жара, проявляющаяся в необычайной сгущенности всей его полыхающей сути. Природа, соединяющая тепло, свет, красоту и силу, способна обнять всё живое. И пламя, и жар вспыхивают всего лишь от одной искры, но искры божественной, что живёт и в людях.

В огне и живость, и горячность, и рвение с быстротой, и запальчивость нрава, как в человеке, что легко вспыхивает, по натуре он страстен и кипуч. В этом человеке, говорят, много огня, он - огонь огнём. Огонь в делах, во взоре, и всё же огонь — не человек!

Но бывает и живой огонь — огонь, вытертый из дерева или пойманный на увеличительное стекло от луча солнца. Он скрыто живёт во всём, и его только надо уметь добыть. Но, добыв, нужно суметь сохранить, управляя его неудержимой стихией.

Огонь обладает такой скрытой силой, что если возьмёт, то всё пропало. Огню верить нельзя, он — беда, как и вода. Огонь — беда, вода — беда, но и то беда, когда ни воды и ни огня! Ведь без огня даже хлеба не высушишь.

С огнём, словом, не шути, с водой не водись, ветру не верь, а дружись только с землей: от земли вышел, земля кормит, в землю и пойдёшь. По народной молве землю не зря именовали матушкой, небо - отцом, ветер - господином, а дождь – кормильцем. Солнце, не иначе, как князь, луна - княгиня, а огонь с водою — царь да царица.

Но и в батраках огонь с водой хороши, да только не дай им Бог своим умом зажить! Тогда с ними не поспоришь, поскольку без ума ходить у огня — значит обжечься, у воды — замочиться, а у сажи — замараться.

Когда с огоньком, когда с водицей живёт человек на белом свете, если себя и людей не забывает, но неправедно нажитое добро огню предаётся. Огонь в дом человека приходит, когда тот у нищего отнимет, и если такое случится, то сам с сумой по свету пойдёт. Тогда из огня, говорят, да в полымя. Огонь не вода — охватит, не всплывёшь; только праведное дело в огне не горит и в воде не тонет.

Знак огня, снизошедшего с неба, есть свет и тепло, что сопутствует человеку, невидимо находится рядом, и если человек пожелает, то всегда может взять его и владеть. Это родной огонь, предназначенный стеречь человеческую жизнь, чтобы она не затухла. Знак огня - начало начал, суть зарождающейся жизни, и ей без него не быть.

Человек во все времена желал огня, и не мог без него жить. Он добывал его, хранил, восторгался, и в то же время преклонялся перед ним. В огне было нечто выше тех понятий, которыми человек ежечасно располагал.

Огонь и пугал, и манил человека своей вековечной тайной, и человек тянулся к нему, усугубляя свою необъяснимую печаль. Печаль от невозможности постигнуть скрытую суть огня, космическую силу этого символа жизни, потому как если под разумом понимать свет, то под жизнью — огонь, а свет, собираясь в пучок, всегда становится огнём, истребляющим, таким образом, самого себя.

Костёр — это маленькое подобие солнца на земле, и человек способен разжечь его сам. Тому, кто связан с природой, не хватает его тепла всегда. И человек разводит огонь и греется рядом с ним, не забывая, что он порождён Вселенной. Костёр для человека - чуткое напоминание того первородного начала, от которого проснулась на земле жизнь, подтверждение её неугасимой

силы, радости и красоты.

Хорошо сидеть у такого лесного костра, особенно – весной, долго смотреть на его огонь и всё про всех понимать. И не терять себя при этом, а только обретать. Уноситься в глубину времен, и через дыхание потухающих углей возрождаться к новой, бесконечной жизни, что оградит от бед.

Сухой жар постепенно проникает в голову, руки и грудь, кровь начинает вскипать в жилах древними воспоминаниями, и наступает прозрение: в тебе воспылал мудрый костёр жизни.

Отец-лес

Лучшие минуты и часы своей жизни я провёл в лесу и море, переживая с ними нерасторжимую связь. Какие чудесные мысли и видения рождались в тайниках моего сознания, когда я соприкасался с лесными потаёнными просторами, отмечая в себе любимые уголки, что вспоминал потом в течение всей жизни! Сколько чудесных размышлений посетило меня, когда я проводил бессонные ночи весною, на глухариных токах, или пережидал осеннюю непогодицу в уютной лесной избушке! ОТЕЦ-ЛЕС вошёл в меня всей своей необъятной и несравнимой ни с чем мощью, и остался там навсегда, отчего я непередаваемо счастлив.

Ведь если вышел из леса чуть умнее, чем был, значит, ты не зря провёл там время: ОТЕЦ-ЛЕС тебя почему-то отметил. Сразу, конечно, этого не почувствуешь, но понимание приходит скоро. А главное, ты постепенно осознаёшь, что чем дольше ты ходишь в лес, причём, постоянно, тем лучше становишься: начинаешь видеть и слышать то, чего раньше не замечал и не видел, и так, незаметно, постигаешь через лесную чащу самого себя, а потом и Бога. Но поначалу следует лучше узнать лесное божество – ОТЕЦ-ЛЕС…

Когда позабудешь себя в лесу – знай: твоё «я» целиком погружается в самую суть природы, в её истинную глубину, и если уж попал туда – возврата нет, сделался ты насквозь «лесным», то есть – «лесовиком». Нет большего счастья, чем переживать эту радость, и необыкновенно радостно счастье, что обретаешь в общении с ОТЦОМ-ЛЕСОМ. Ты здесь – свой, и лес это чувствует, а ты понимаешь, как велик он, как проникновенен в своей мудрости и чистоте: не нарушь её! В этом есть великое благо соединения многих энергий, в том числе – человека с миром природы, и человек обязан беречь эту связь как зеницу ока, ибо нет ничего её важнее.

Я как-то сразу понял, что всё самое интересное и лучшее в окружающем мире, к чему я в жизни стремился и пришёл, уже содержала моя душа, я лишь безотчётно двигался к нему, постепенно узнавая в своём обретении. А ведь мог и не пойти, отступиться, даже пока не угадывая своё, родное, но и тогда, наверное, природа нашла бы способ открыть для меня возможность более достойной жизни, не представляя её без леса. Так сильна глубинная мощь ОТЦА-ЛЕСА, что от прикосновения к себе внимательного человека становится ещё более сказочной.

В глубине души ты всегда надеешься на то, что в завтрашнем походе в лес ты непременно встретишь нечто удивительное, но на деле, в ожидании этого завтра, всё время отчего-то сомневаешься, не верится тебе, что и в этот раз чудесное откроется твоему взору, и, конечно, поразит. Вспоминаешь, что уже не впервой тебе приходилось ошибаться в своих осторожных предположениях, и на самом деле всё оборачивалось наилучшим образом, как и представлялось в глубине души, но ты, тем не менее, опять почему-то не верил в поджидающее тебя чудесное, резонно полагая, что не может тебе везти постоянно. А открытия всё равно не заставляли себя долго ждать, и в очередной раз поражали твоё восприятие. Так многообразна и глубока душа ОТЦА-ЛЕСА, так он великодушно, как солнце, являет нам свою прекрасную жизнь.

И приходит вдруг понимание, что эта глубина и неповторимость ОТЦА-ЛЕСА неисчерпаемы, как бы планомерно и бездушно не изводили его люди, и даже в измождённом вырубками лесу, несмотря ни на что, тебя неминуемо может ожидать незабываемое, именно в тех кусочках, что ещё остались, и если ты проявишь неутомимость, это обязательно произойдёт. Произойдёт просто потому, что ОТЕЦ-ЛЕС чувствует тебя, твою жаждущую открытий душу, и только ради этого он порадует человека чем-то необычным, подарив ему свою улыбку.

Это может быть только что зацвётший, к концу апреля, оранжево-пунцовый куст волчьего лыка, издающий еле уловимый пряный запах, присущий только весне; глухариный ток, неожиданно найденный тобою неподалёку от деревни, из-за окруживших его вырубок почти недоступный, но тебе отчего-то открывшийся; лось-великан, что ничего не замечая, нежно, и в тоже время настойчиво обдирая чуткими губами молодую осинку, подпустит тебя на близкое расстояние, и ты разглядишь его пушистые ресницы и задумчивые глаза…

Бывает, в хмурое апрельское утро, когда ещё не оделся лес, робко прокукует кукушка… Сначала - раз-другой, пока нерешительно пытаясь опробовать звучание своего голоса в чистом утреннем воздухе, а через какое-то время - более уверенно, будто очнувшись ото сна, и через мгновение – уже радостно, без остановки, отчего ты невольно собьёшься со счёта от мысли, что так много тебе жить вовсе и не обязательно. Что угодно можно встретить в весеннем лесу, если не представляешь без него своей жизни.

Случалось с вами подобное, были вы по-настоящему очарованы лесной тайной, этим потаённым, скрытым от глаз людей течением жизни, где всё удивительно взаимосвязано, и так трепетно сосуществует одно с другим, но на удивление надёжно и радостно? Согласны и вы оказывать поддержку всему живому в этом лесном мире, не нарушая природной гармонии, воспринимая и себя частицей этого загадочного царства?

Не только во всё вглядываться и вслушиваться в нём, но и разговаривать с каждым живым существом, независимо – журавль это, потерявший по весне свою подругу, маленький ёжик, спрятавшийся ото всех в своей

бесхитростной норке, так что виднеется только его кругленькая попка, или изодранная когтями медведицы ёлка, залечивающая раны смолистыми слезами. Все тебе в лесу дороги, а ты - дорог ОТЦУ-ЛЕСУ, и в этом единении - смысл жизни, устроенной по божественным законам. Это - цель твоего собственного существования, что невозможно без единства птиц, зверей и растений, невозможного без содружества с человеком, когда мы все в ответе друг за друга, и как хорошо, если бы каждый почувствовал эту нерасторжимую связь, и уже никогда бы не смог без этого быть.

Да, человек бывает невообразимо силён, и пылкий дух его неукротим, но случись с ним какая беда – и идёт он за помощью к природе, в лес, как будто высокие травы, лесные озёра или ощутимое присутствие зверя смогут избавить его от отчаяния и непреодолимого нежелания жить. В такие минуты он уже не предполагает несовершенства среди лесных обитателей, убеждённо признавая, что звери страдают и мучаются точно так же, как и люди, а может быть, даже сильнее, и справляются со своей бедой нередко более достойно, чем человек.

Оглушённый болью, и в силу этого позабывший о её живительной сути, что поддерживает, так или иначе, красоту в душе, человек стремится найти опору собственному духу в лесу, и находит её. Тихий ли свет пасмурного осеннего дня поможет ему в этом, или перебежавшая дорогу огненная красавица-лисица, на мгновение настороженно замершая у самой её обочины, человек, вскоре, неминуемо для себя отметит, что жизнь удивительно полна, и ни на секунду не собирается утихать. Вновь обретя уверенность и желание жить, он вдруг незаметно почувствует в душе скрытую от него причину неведомого спокойствия и смысла именно в лесу.

Но, несказанно обрадовавшись этому, человек не в силах взять в толк, каким образом, одним своим видом, лес достигает такого счастливого поворота в его душе, и так легко справляется со всеми несчастьями? Что испытывают сами звери, когда беда настигает их в одночасье, неизъяснимым грузом ложится им на натруженные лопатки, и гибель неслышно стелется под их лапами сухим прошлогодним листом, либо заметает тропы непролазными предательскими сугробами? Как быть им, и надеяться ли сегодня на помощь других лесных обитателей, если вчера они были тебе непримиримыми врагами, только поджидающими твоей слабости, чтобы самим бойко продолжить свой бег?

Ждать такой поддержки, наверное, было бы ненадёжно, и потому сражённая молнией одинокая сосна, заяц, защемивший лапу в расколотом пне, обессиливший сохатый, загнанный в глубокие снега волками, - все они предоставлены, скорее всего, самим себе. В необъятных лесных просторах гибель их незаметна, никак неощутима, и повлиять, в целом, на жизнь природы, конечно, не в состоянии, и всё же природа позаботилась о них.

Не в силах уберечь, природа напитала плотью погибших зверей тех, кто остался жить, а значит, должен есть, выкармливать своих детёнышей, передавать им необходимый опыт. Останки ещё долгое время могли служить

птицам лакомым кормом, а истлев, удобрили собой почву, на которой в густом влажном мху заалеет когда-нибудь глянцевыми боками клюква или брусника.

Не в пример человеку, лес не оставляет без внимания ни одну былинку, мудро предоставив ей возможность благодарно воскреснуть в каком-либо ином обличье. Своим существованием лесные жители обязаны друг другу, и эта не нарушаемая взаимосвязь между ними помогает лесу преодолеть любую беду.

Придя в лес, человеку надо двигаться и дышать в такт его ритму, а не принесённому с собой. Это – не боязнь заслужить неодобрение, просто так удобнее найти с ним общий язык.

Лес обостряет чувства, и неопытный человек, быстро насыщаясь ими, постепенно начинает переносить весь интерес и обаяние леса на себя, воспринимая все его чудеса как собственную заслугу, и в результате попадает в плен разыгравшегося воображения.

Быть наедине с природой нелегко, и для этого необходимо войти в неё как можно раньше. Как примет тебя лес, зависит от тебя самого. Можно прожить рядом с ним целую жизнь – и так и не увидеть его. Можно подолгу находиться в его окружении, страстно и искренне желая раскрытия лесных тайн, но так и не добиться ничего на этом пути. Наконец, можно попытаться пробыть среди лесной тишины максимально продолжительное время, пристально наблюдая за происходящим вокруг, и всё же потерпеть неудачу.

Как бы ты ни был изощрён и настойчив в стремлении дотянуться до всего неизведанного в лесу, он без желания расстаётся со своими секретами. Лес не прощает ни единой, допущенной тобой в жизни моральной ошибки, независимо от того, произошла она по недоразумению или из-за собственной духовной небрежности.

Последствия такой, допущенной тобой однажды небрежности, когда-нибудь неминуемо скажутся на твоём отношении к лесным жителям. Происходит это, по большей части, неосознанно, исподволь, а лес, конечно, всё чувствует, и по-своему мудро реагирует на это. Лес, скорее, допустит к себе человека, не обременённого жаждой познания, даже невежественного и глупого, чем того, кто, тайно вынашивая планы проникновения в его непревзойдённый разум, сам, в тоже время, его недостоин.

Извращённый человеческий ум может принести много вреда природе, и потому сложного человека лес не один раз пропустит через себя и выслушает, прежде чем удостоверится в чистоте его намерений. Умный человек более опасен для него, нежели дикарь, в котором больше естества, и потому лес даже может его проглядеть. Но как только человек-злодей проявит себя, лес тотчас отлучит его от своих тайн, и станет вдруг недоступным и замкнутым. И нет ничего хуже, чем оказаться в лесу одному.

Человек – более способный ученик природы, нежели животные, но, тем не менее, ему приходится преодолевать, в сравнении с ними, ничуть не меньшие недостатки. Самое парадоксальное заключено в том, что, даже преодолев их, он оказывается, в итоге, перед суровыми реальностями того же мира, от которого когда-то оторвался в силу собственного развития. Только с большим пониманием происходящего вокруг и в себе самом. Наверное, именно поэтому человеку бесконечно интереснее жить на белом свете, в отличие от любого животного и птицы, искренне желая, хотя бы на время, побыть аистом, волком или только что родившимся жеребёнком.

Так поступил канадский писатель Эрнест Сетон-Томпсон, когда, оставаясь самим собой, представил себя по-человечески находчивым и умным лисом Домино, отчаянно свободным мустангом-иноходцем, царственным волком-великаном Лобо, и многими другими зверями. Обострённость и полнота восприятия окружающей лесной жизни была у него порой неизмеримо выше, чем у любого из описанных животных, несмотря на многообразную гамму чувств, какими они обладают, а происходило это по причине неудержимого стремления к познанию, способного преодолеть любые инстинкты, в том числе – страх. Неутомимому писателю это отчасти удалось, как удалось бы осуществить ещё талантливее более тонкому человеку, надолго очутившемуся однажды в лесу. Лес принял бы его под своей осеняющей тайной и укачал на еловых душистых лапах, вдохнув в сердце цепенящий восторг, силу и благость.

Но прежде, чем войти в лес, ты должен обратиться к нему с приветствием. Войдя – следовать его законам. Открывая – познавать и радоваться. Прощаясь – благодарить, петь песню и никогда не прерывать с ним внутренней связи.

Приветственная

Здравствуй, ОТЕЦ-ЛЕС!

Здравствуйте, лесные обитатели, видимые и невидимые. Вступая в ваш дом, обращаюсь к вам с добрым сердцем и открытой душой, с желанием только смотреть, чувствовать и постигать лесную мудрость. Не присваивать слепо то, что ты, лес, можешь великодушно подарить, а быть терпеливым учеником, и брать только с твоего соизволения и с чувством искренней благодарности. Прими меня в свои объятия, ОТЕЦ-ЛЕС, научи, сохрани и поддержи как в трудную минуту, так и в минуту радости. Доброго здоровья и неисчерпаемой энергии тебе века веков!

Благодарственная

ОТЕЦ-ЛЕС!

Искренне произношу тебе слова благодарности и любви за то, что снял усталость с моей души, освободил от ненужной обузы моё тело, даровал истинную радость и ощущение слитности с твоим удивительным миром. Обещаю нести в своём сердце только любовь и преданность тебе, и как бы далеко ни занесла меня судьба, я не потеряю внутренней связи с тобой. Твоя необъятная лесная душа – это и моя душа, твои печали и радости – мои печали и радости. Наши жизни слиты воедино.

Как я привязан к тебе, ОТЕЦ-ЛЕС, как близка мне твоя величественная тишина! В разлуке с тобой я скучаю по твоим зелёным чертогам, а возвращаясь к ним – безумно радуюсь. ОТЕЦ-ЛЕС, прими и отпусти меня с пониманием и верой в то, как я искренне предан твоей непостижимой тайне, что притягивает к себе с такой силой.

Только ты, ОТЕЦ-ЛЕС, способен по-настоящему успокоить сердце и принести то ощущение радости жизни, что было утрачено в борьбе с её трудностями. Только твоя неиссякаемая мощь в состоянии снять с плеч и души усталость, давая возможность почувствовать себя обновлённым и чистым. Именно чуткая жизнь под твоим пологом, ОТЕЦ-ЛЕС, делает человека счастливым, и только в окружении дикой природы он начинает чувствовать себя настоящим.

Благодарю тебя за подаренный день, за общение с тобой. Доброго здоровья и неисчерпаемой энергии тебе века веков!

Так, уже три десятка лет после того, как отказался от ружья, я всякий раз вхожу в лес и выхожу из него, но до сих пор не могу избавиться от чувства вины перед ним, и, наверное, вынужден нести её в себе вечно.

Небывалое

Сколько помню себя, во мне всегда присутствовало острое желание раскрыть суть силы, таящейся в недрах леса, но как только я в нём оказывался, эта сила, слегка коснувшись сознания, всякий раз, неминуемо, ускользала. Почему тайны леса не давались мне, минуя моё понимание, я не знал.

Нельзя сказать, что я совсем был лишён внимания леса: иногда он откликался на мои неутомимые искания. Но, тем не менее, подлинная жизнь леса долгое время оставалась для меня недосягаемой, и это несмотря на то, что я постоянно бывал в нём. Никто, даже бывалые лесовики, не могли мне объяснить: откуда неизведанные тайны леса появляются, в чём заключена их суть, да и где сам лес черпает свою силу? Каким богам поклоняются обитатели леса, и, может быть, приносят жертвы?! Слишком непостижимым

для понимания казался мне опыт лесной чащи, её веками накапливаемое могущество.

Я не мог запретить себе думать о том, на что пока у меня не было ответа, но я был уверен, что не потерял способности удивляться: ведь удивлению всегда сопутствует радость, а радости моей при общении с лесом не было предела! Конечно, очутившись в городе, таинственная лесная тишина, что воцарялась в душе, какое-то время ещё сохранялась во мне, но вскоре она исчезала. И всё же, рано или поздно, к сердцу вновь подступало нетерпеливое желание постигать этот загадочный мир, воображение опять рисовало укромные лесные тропинки, где я должен был непременно столкнуться с их таинственными обитателями, и не существовало сил, способных удержать меня дома.

Мне казалось, что если я подстрелю стремительно взлетающего краснобрового тетерева или неожиданно выскочившего на меня из чащи зайца, то в самом звере и птице обязательно обнаружу мучающую меня разгадку, что-то очень существенное, раскрывающее их тайну, и приближу к себе то, о чём раньше только мечтал разузнать. Но вот, зверь в твоих руках, ты держишь за лапы тяжело свисающего до земли белоснежного зайца, косящего на тебя чернослив своих остановившихся пугливых глаз, а тайна зверя, несмотря на удовлетворение от меткого выстрела, куда-то ускользает.

Оказывается, ты подстрелил и в себе, и в окружающей тебя чудесной природе что-то очень ценное, и оно вновь надолго прячется куда-то от тебя. Лесная сила, которую ты хоть и не видишь, зато постоянно ощущаешь, по-прежнему остаётся недосягаемой, лес отчуждённо взирает на тебя, и ты с горечью в сердце переживаешь произошедшую в окружающем пространстве перемену. Понимание этого отрезвляет, постепенно вынуждая быть в лесу более чутким и внимательным, а в своих размышлениях неторопливым, даже – осторожным.

Именно поэтому, наверное, и начинаешь ощущать свою внутреннюю неразделимость с лесом, то, как он дорог тебе на самом деле. Но ты, между тем, делаешь в нём всё не так, не сообразно с божественной природой, когда, наоборот, обязан поддерживать с ней единство и чуткую взаимосвязь, иначе все её тайны окажутся непостижимы. И всё же, ты по-прежнему берёшь с собой в лес ружьё, безотчётно жаждая подстрелить птицу или зверя.

Глухари и рябчики, вальдшнепы и тетерева, куницы и зайцы, неторопливые до величественности лоси – все они, по твоему глубокому убеждению, только и созданы для охоты на них. Как можно не выслеживать этих великолепных животных, думаешь ты, не настигать их верным выстрелом, идя по следу, не переживать восторг от того, что удалось перехитрить зверя и добыть его? Когда же охота завершена, тебе что-то мешает до конца насладиться своей удачей, и неотступно преследует мысль, что ты, как не крути, не достиг чего-то очень важного, даже не приблизился к нему. А главное, утратил в себе возможность постичь суть ОТЦА-ЛЕСА, она будто ещё более отдалилась от тебя, и кажется, стала совсем недостижимой.

И вот, именно тогда, постепенно, ты начинаешь постигать, что в этом слиянии с лесом недопустимо нести в него смерть. Только после долгой ночи, проведённой в лесу, встречая в нём раннее утро, ты проникаешься неисчерпаемостью времени, понимая, как скуден сам по себе световой день в сравнении с таинственными сумерками, в которых и зарождается тайна. В лесной избушке или у костра, как нигде лучше можно подумать и даже попытаться объяснить - отчего такая жизнь некоторым людям представляется более содержательной, чем в городе, но она не становится для них настоящей.

Может быть потому, что большинство людей не используют свои человеческие возможности максимально, и живут недостойно собственной природы? Мало того, они принимаются охотиться на обитателей леса, попав под его обаяние и безвольно пытаясь уйти от себя, тогда как животные, птицы и деревья, в сравнении с ними, уже давно достигли в этом смысле необходимой мудрости и красоты?

Задушенный неверным воспитанием, постоянно отвлекаемый от достойной цели беспокойным умом, а точнее – отсутствием каких-либо обязанностей перед самим собой и обществом, человек уже не может направить себя на путь свободного слияния с природой. Для этого он должен быть достаточно внутренне силён. Человек же, как существо довольно ленивое, всегда предпочитает наименьшие усилия, и только тот, кто сохранил звериную тоску по своему далёкому прошлому, знающий цену настоящему и верящий в прекрасную необозримость будущего способен быть поистине неутомимым и проницательным. И однажды я вдруг понял, что уже не смогу убивать, и отказался от ружья.

Да, только благодаря жаждущей познания неутомимой душе и отказу от насилия, я вдруг почувствовал себя свободным и счастливым, испытывая уже иную, не связанную с охотой потребность в природе. Во мне появилось неистребимое желание стремления к гармонии и в жизни, и в себе. И ещё – жажда знания, неудержимая ничем решительность, отвага и истинная любовь к лесу. Не однажды познав удивительное состояние покоя в лесах, допустимое только среди дикой тишины, камней и бегущих по небу облаков, я вдруг тонко почувствовал лес, и так, в тесном содружестве с природой, в полной мере стал переживать в сердце её божественное благо.

Постепенно я стал более чуток к восприятию леса, ко всему, что там происходило со мной. Например, ночью, в лесной избушке, или сидя у костра, я всегда ощущал, что окружён неведомыми лесными существами, о которых ранее даже не подозревал. В ночном лесу позволяешь себе любые фантазии, и что интересно – спишь потом крепко-крепко.

Тело становится невесомым, сердце, словно непутёвый щенок, мягко и успокаивающе толкается в груди, и ничего, кроме того, что тебя окружает, не приходит во сне: только пряная свежесть елового лапника под головой, редкий дым, уносящий и сливающий со звёздами мириады оранжевых искр, неизбывные и немножко грустные порывы ветра, неловко путающиеся в

верхушках деревьев, чистота открывающегося ночного неба… Всё кажется простым и понятным, так что никуда больше не хочется идти. Весной, особенно перед рассветом, вдруг появляется спокойная уверенность, что ничего страшного с тобой в лесу произойти не может, и жизнь не минует тебя своим вниманием, поскольку ты уже давно заложил ему свою душу, и вышло это само собой.

В последние годы меня не покидает ощущение, что все неведомые существа и духи давно покинули наши леса, до такой степени они оказались изничтоженными. Эту омертвелость не в силах оживить даже дикие звери и птицы, что всё-таки, кое-где, ещё попадаются. И я неизменно, как и раньше, отправляюсь в лес, и, несмотря ни на что, открываю в нём для себя небывалое…

Человек уж так устроен, что не в состоянии воспринять всю мудрость леса целиком, сразу, и складывает её годами из нескончаемого общения с ним, разных сказочных преданий и небывальщин, и лишь потом, незаметно и постепенно, обнаруживает удивительную и, вместе с тем, простую лесную быль. Порой к тебе может придти в лесу такое небывалое, что, кажется, не снилось никому на свете, но и его ты сможешь рано или поздно по-своему объяснить, принять и подружиться с ним.

А если не сможешь, будешь спокойно и молчаливо нести в себе эту лесную тайну, которая когда-нибудь превратится в правду, если ты, конечно, будешь честен и посвятишь ей свою жизнь. Так превратились для меня в правду даже совсем, казалось бы, обычные и вполне привычные вещи, потому как я, наконец-то, увидел в них необычное, именно чудесное, что располагается по соседству, в нашем волшебном русском лесу.

Разве не небывалое дело, если встречаешь в маленьком болотце, возле лесной дороги, куличка, что из года в год приветствует тебя, когда ты отправляешься по грибы? Или натолкнёшься в зимнем лесу на играющих у занесённых снегом коричневых плодов рогоза зайцев, позабыв за своими нескончаемыми заботами обыкновенную лесную радость?! А то проследует за тобой на глухарином току одинокий волк, не понимая, чего человек позабыл в ночном лесу, и крадётся, как зверь, так что на сердце у тебя ложится неописуемо сладостная отрада. Самое замечательное в лесу то, что он всегда, как бы глубоко ты не проник в его душу, остаётся нескончаемой сказкой.

Такие небывалые, казалось бы, чудеса и составляют природу небывальщины, а она по своей сути – божественна, и никак иначе: лесной бог чутко блюдёт состояние своего заповедного царства. И хоть говорят, что тайные пути Божьего Промысла человеку неведомы, но всякая тайна въяве будет, если приложил достаточно сил и умения для её разгадки. А разгадывать лесную тайну - страсть, как интересно!

Да, именно лесной бог посылает тебе чудные чудеса, если ты заслужил его доверие, и оно многого стоит. Именно им, неведомым лесным божеством, указано, чего тебе суждено встретить на своём пути: либо чудо невиданное, либо испытание. Не пройдя его, да порой - не одно, не обрадуется твоё сердце: надобно тебе, непременно, радость свою завоевать.

Бывает, год проходишь по лесу, а дива дивного так и не встретишь: ты сам для себя должен определить – чего хочешь от лесной жизни? Если живёт в твоём сердце справедливость, приходит время случиться и удаче, ну, а коли ради озорства с собой ружьё берёшь, да к птице и зверю без уважения относишься, не видать её тебе… Во всех твоих действиях в лесу должно присутствовать разумное поведение, даже – мудрое, и тогда счастье - на твоей стороне, ты обязательно узнаешь что-нибудь новое, по-настоящему чудесное.

Быть причастным к великой тайне жизни, к её божественности, значит, быть готовым к принятию небывальщины, что, кажется, не существует, но она есть. Ты веришь в божественное происхождение мира, в его чудесные тайны, и стремишься их познать.

Общаясь с этим таинственным миром, с той же неведомой лесной чащей, ты через жизненные примеры природы открываешь для себя собственное сознание. Ты любишь лесную жизнь, самым естественным образом предан ей, и такое отношение позволяет тебе ясно видеть и понимать.

И тогда каждый миг нахождения в лесу для тебя – непередаваемо радостное волнение, открытие и устремление к новым рубежам. Ты знаешь, что завтра можешь встретить нечто совсем иное, не менее чудесное и небывалое, и, не привыкая к достигнутому, тебе просто становится радостно жить.

Ты и чудесная реальность – едины, и ты видишь вещи такими, какими их никто не видит, но не потому, что обладаешь каким-то особенным зрением, а по причине достижения определённой зрелости: ты движешься в постижении мира соответственно настоящему чудесному моменту, на что ты именно сейчас способен, и это – главное. Научиться воскрешать себя к восприятию нового, не довольствуясь старым, пусть оно и увлекательно, свойство истинного искателя.

Обычно люди, стремясь получить в лесу что-либо сразу, не считают нужным затрачивать особые усилия, а порой и, вообще, пренебрегают ими, пытаясь как можно быстрее достигнуть желаемого, и терпят неудачу. Но человек, между тем, всегда получает только то, что он заслужил, к принятию чего готов, и не вправе требовать большего, предъявляя претензии к Божественному Существованию. Каждого ОТЕЦ-ЛЕС наделяет по достоинству, и это достоинство следует кропотливо зарабатывать в своих нескончаемых лесных бдениях.

Прежде, чем войти в лес, ты должен обратиться к нему с искренним приветствием. Войдя - следовать его законам и своему обращению. Открывая

- познавать и радоваться. Прощаясь - благодарить, петь песню, но никогда не прерывать с ним связи.

Природа небывальщины проста: хочешь, чтобы жизнь твоя была насыщена чудесами, будь достоин её. Бери жизнь в свои руки, наполни её достойными переживаниями и любовью к природе, повернись лицом к ОТЦУ-ЛЕСУ. Он, непременно, отблагодарит тебя, наполнив твоё существование чудесной благостью.

При этом очень важно понимать, что ни в коем случае недопустимо избегать безопасности в своих лесных исканиях. Если ты почувствуешь в себе потребность, хотя бы на время, опереться на что-то или кого-то, в присутствии его тебе, якобы, ничто не угрожает, ты неминуемо собьёшься с пути. Всю дорогу к чему-либо чудесному и небывалому ты должен преодолеть сам, понимая, что любая опасность и препятствия только укрепят твою волю, сделают бесстрашным.

Хорошо, если ОТЕЦ-ЛЕС помогает тебе, но любая зависимость от кого-либо губительна. Не преодолев свои страхи, скажем, боязнь ночного леса, ты не станешь сильным, а значит, открытым для чудесных тайн.

Природа небывальщины не только божественна, она ещё и глубоко человечна, поскольку без твоих обычных каждодневных усилий, в любое время года и при любых обстоятельствах, знание недостижимо. Без достаточного физического и душевного напряжения - ты ничего не познаешь, отчего и твоя собственная глубина останется для тебя сокрытой. В открытии природных тайн твоему человеческому состоянию необходимо соединиться с чудесным божественным состоянием всего Существования, чтобы настали в жизни удивительные дни, и сердце твоё необыкновенно возрадовалось.

Кажется, чего необыкновенного в том, что лохматый синий лес начинается прямо за твоей околицей, а на пригорке, возле розовеющих крепких сосен, заводит поутру своё проникновенное повествование кукушка? Июльское солнышко только-только занимается над дальним лесом, а ты отправляешься с кузовком за земляникой.

Уютной просекой спускаешься к небольшой мочажине, с затопленными корчагами, камышом и осокой, и потом, через дамбу, поднимаешься по взгорку, поросшему пушистым еловым мелколесьем. Твоему взору открывается потаённый пруд, по берегам его пунцовой стеной поднимается иван-чай, а ещё дальше вырастает сосновый бор, где богатые земляничные покосы незаметно сменяют один другого, и сердце замирает в груди от невозможности выразить красоту этого чудесного лесного места. За логом тянутся новые земляничные поляны, укромные берёзовые опушки с подберёзовиками, и повсюду - душистые росистые тени, пронизанные нежными солнечными лучами.

Как всё это лесное богатство не посчитать небывалым, хотя оно и раскинулось во все стороны, и повторяется бесконечно, но в каждом, укромно притаившемся лесном уголке оказывается неповторимым? Любовь к родимой лесной стороне тоже представляется небывалой, она, кажется,

переливается в тебе через край, и ты удивляешься - какой необъятной может быть душа, если в ней способна уместиться чуть ли не вся наша русская природа.

Теперь тебе неудержимо, как бы сильно не увлекали за собой лесные тропы, хочется сесть за письменный стол, чтобы почувствовать, как уже из твоего сердца изливаются на бумагу простые и чудесные русские слова, что своей небывалой любовью затронут и другие сердца. Разве это не восхитительное чудо?!

С детства засело мне в голову, что и жизнь, и всё существующее в ней, есть нечто небывалое, и его непременно следует лучше разузнать. Возможность встретиться с ним представлялась неоспоримым фактом, нужно было только приложить усилия, хорошенько постараться, и это небывалое непременно предстанет перед тобой.

Каждый день, сам по себе, был невероятно интересен, даже не возникало сомнений, что может происходить иначе, и во мне как-то просто родилось убеждение, будто и я могу совершить в жизни нечто небывалое, если захочу, а хотелось мне этого очень. Столько вокруг было удивительных тайн и загадок, и всё это неведомое богатство дарил ОТЕЦ-ЛЕС.

Были времена, когда я и сам, кажется, был настоящим лесным существом, что преданно, как-то даже исступлённо служит лесу. И до такой степени я был проникнут этой своей преданностью, что и себя, кажется, не помнил. Вот именно в эту пору мне и стало открываться в лесу чудесное …

Помнится, я тогда уже давно отказался от ружья, и постепенно, причём, я не сразу обратил на это внимание, ко мне начали приходить звери и птицы, будто не замечая рядом человека. Но пуще того – в моём лесном бдении появились разные неизведанные существа: я отчётливо ощущал их присутствие, и со мной нередко происходили всякие занятные истории, что не пугали, а только будоражили воображение.

Что это было – я не знал, может быть, таким образом, ОТЕЦ-ЛЕС выявлял мне своё расположение, вполне доверяя моей искренности по отношению к нему, и я был ему за это благодарен. А для всего этого требовалось именно любить лесную чащу, постоянно бывая в ней. Как выяснилось позже - беспрерывно, в любое время года, ни в коем случае не охотясь на зверей и птиц, лишь наблюдая за их жизнью.

Хорошо мне было тогда раствориться в любимом лесу, беседовать с птицами и зверьми, с самим Батюшкой-Лесом, и больше – ничего. Наверное, был я по-настоящему счастлив, и моё усталое лицо нередко светилось от невероятной радости, какую я уж давно не переживаю…

Впрочем, стоит мне только очутиться в лесу, и сердце тотчас оттаивает, я опять переживаю приподнятое настроение, и чувствую себя молодым и голодным до чудесных знаний, как и раньше. Хорошо и больно одновременно: хорошо оттого, что вновь ощущаешь эту лесную загадочную правду, а больно, что не испытать тебе уже той давней радости, того удивительного волнения, как в давние годы.

Ну, да и что с того?! Главное, что-то незабываемое и чудесное присутствовало в твоей жизни, будоражило ум и чувства, перешёптывалось с тобой чуть ли не на одном языке, и ты всё это пережил.

Так что же такое – «небывальщины»? На деле, это вполне обычные для леса явления, их просто никто не видит, а кому удаётся - из-за редких встреч с ними принимает эти невиданности за нечто небывалое, отсюда и слово – «небывальщина», само по себе, между тем, красивое, притягивающее какой-то тайной, что хочется непременно разгадать. И я, с удовольствием, эти тайны разгадывал всю свою жизнь, и «небывальщины» никогда не становились для меня при этом чем-то обыденным, они всегда превращали мою жизнь в праздник.

Ведь лесной дух никогда не показывается человеку на глаза, а только незаметно вглядывается в него. Можно иметь с младенчества какую-то первобытную слитность с лесом, чувствовать его нутром, не испытывать к нему недоверия и страха, но он всё равно будет проверять тебя на прочность своей дремучей и пугающей глубиной, в которую не всякий зверь сунется, а заглянув – отпрянет. Приняв тайну природы, даже отчасти раскрывшуюся тебе, очень важно какое-то время не рассказывать о ней никому, нести в себе, и благодаря этому - черпать желание жить, постигая небывалое.

Но иногда к тебе в лесу приходит нечто совершенно необъяснимое, его и небывалым назвать язык не поворачивается, до того оно представляется невероятным. Правда, чудесное часто исчезает после того, как его хорошо исследуют, но истинное чудо неповторимо!

Даже увиденное дважды, оно всё равно потрясает: столкнувшись с ним, ты опять обо всём забываешь, будто встречаешь впервые, и тебе хочется вновь переживать его, наслаждаясь неповторимостью момента, и чувствовать себя счастливым.

Лесной суседушка

За долгие годы хождения по лесу мне не раз привелось заночевать в лесной сторожке, и всегда это было сопряжено с переживанием в душе глубокой благодарности в адрес того неведомого человека, кто её поставил. Что за чудо, когда повстречаешь на своём пути какую-нибудь неприметную, но уютную избушку, и она как будто даже засветится от радости, стряхнёт с себя сонную одурь и преобразится. Избушка ни за что не затеряется в глухом лесном мире, если приходишь к ней заслуженно, после длительной и нелёгкой дороги.

Обычно под конец каждой крупной рубки в лесу от лесорубов непременно остаётся избушка или балок на санях, где они грелись и варили себе пищу. Про избушку вскоре забывают, и она становится прибежищем разного лесного люда. Это и рыбаки, и охотники, и просто бродячий народ, который отчего-то занесло в лес и вывело к этой самой избе.

Все лесные избушки неприметны, как самые замечательные мудрые люди, не отягощённые суетой: и те и другие редки, а заметными становятся, только когда смотришь на них любознательным взглядом, с доброжелательностью и теплотой. Лесные избушки сходны ещё в том, что в них никто постоянно не живёт: от силы проводят несколько дней, а затем покидают, в лучшем случае оставляя подвешенные под потолком мешочки с чаем, солью и макаронами.

По негласному закону, исстари заведённому среди лесовиков, ты должен позаботиться о пришедшем после тебя в избушку человеке, даже вовсе тебе незнакомом. Когда застанет его в лесу непогода, и он, прозябший и сырой, обнаружит, к своей радости, сухие спички, щепотку чая, соль, сахар и крупу, то произнесёт слова благодарности неведомому другу. А когда обогреется и переночует, то и сам оставит для такого же неведомого для него человека свой нехитрый запас. Так бывает всегда, если ты верен голосу природы, родному лесу, и забываешь себя во имя его нескончаемой жизни.

У лесных избушек, как правило, отсутствуют крылечки. Они там просто ни к чему, потому как можно посидеть и на каком-нибудь чурбачке, а подниматься куда-то вверх, ото мха, травы и кочек, неразумно. В некоторых избушках, вообще, отсутствуют половицы, и оставляется только земляной пол. Это, наверное, для того, чтобы быть ближе к земле, и проще. Но иной раз, всё же, присутствуют одна-две махонькие ступеньки, на которые всегда неловко примостишься и с удовольствием закуришь.

Ещё у лесных избушек бывает только одно окно. Окошко вырубается небольшое, квадратное, чтобы в избе было видно в светлое время. Утром, мельком взглянув в окно, можно разобрать погоду, а ночью излишняя чернота не мешала бы твоему обострённому восприятию. Уйдя же в обход, на добычу, надо быть уверенным, что хищный зверь не заберётся в дом и не испортит продукты. Чаще всего лесные дома глядят своим единственным окном на юго-восток, но не из-за того, чтобы человек мог полюбоваться природными красотами, а просто так быстрее уловишь приближающийся рассвет, поскольку день лесовика начинается очень рано.

Редко, когда избушка окажется посреди полянки, а всегда с краю, где-нибудь у самой опушки и с подсолнечной стороны, чтобы не перегревалась в жаркие дни. Особо это касается лесных пасек, где хозяин проводит всё лето.

Лесные избушки ютятся поблизости от ручейков и потаённых речушек, на худой конец, у какого-нибудь болотца, чтобы можно было сочной ягоды насобирать, кустового листа на чай заготовить и водицы нацедить. Ведь живут лесные избушки для человека, и как же им обойтись без влаги!

Все избушки, независимо от того, маленькие они или большие, ставятся всегда крепко, и лёжа на нарах, естественно, думаешь о том, как хороша такая крепкая лесная жизнь, которой многие люди себя лишают. Половину своего времени они тратят на то, чтобы придумать, куда девать вторую половину, оправдывая при этом любое безвольное попустительство. А та самая жизнь, что может стать для тебя по-настоящему надёжной и

достойной, безвозвратно уходит. Только ночуя в крепкой лесной избушке, приходишь к выводу: надо жить так, чтобы тебя можно было полюбить хотя бы одному хорошему человеку.

Я люблю все лесные избушки, что мне приходилось встречать на своём лесном пути, даже самые захудалые. Однажды мы с приятелем, по воле случая, провожали старый год в такой полуразвалившейся большущей избе, в стенах её зияли щели шириной с руку, на почерневших от времени брёвнах висела длинными клочьями жёлтая изморозь, а в прорехах потолка сверкали звёзды, и всё же мы были счастливы! На столе стоял букет сосновых веток, горела свеча, и у нас была бутылка портвейна. Сейчас этой избушки давно нет, её, как и многие другие, сожгли, но я всегда её вспоминаю, когда прохожу тем местом осенью после охоты на рябчиков или весной по пути на глухариный ток.

Сколько же их было, этих потаённых лесных избушек, что приютили, накормили и обогрели! Они не дали пропасть в промозглую осеннюю распутицу, и помогли преодолеть пробирающие до костей лютые морозы и метели. Отдохнув, ты продолжал свой путь благодаря их теплу, и не было большего счастья, чем ощущать в себе склонность к такой лесной жизни, когда многое зависело только от тебя, и ещё от того, каким воспринимает тебя лесная чаща.

Лесные избушки сменяют в твоей памяти одна другую, а ты никак не можешь остановиться на какой-либо одной, и только вспоминаешь их печное тепло и неприхотливый уют, засаленные до блеска нары и то необыкновенное ощущение слитности с чащей, что и притягивает, и пугает.

За стеной вскрикивает, вздыхает и затаивается ночь, что смотрит в тебя немигающими глазами таинственных лесных существ, что никому не приходилось видеть. Перебарывая страх, ты выходишь на крыльцо, и ночь сразу становится благосклонной, как будто даже приноравливаясь к твоему необыкновенному состоянию. В душу закрадывается какое-то очарованное благодушие, и боязнь вдруг уходит из сердца: хочется вглядываться в мерцающую темноту и встречать там взгляды неведомых животных. Весь лес неожиданно оборачивается родным и близким домом, он, вроде бы, ничего и не думал от тебя скрывать, а просто на время забылся в своих таинственных сновидениях.

Стены избушки уже не кажутся тебе крепостью, и как будто растворяются в подступающей темноте. Стол оказывается открыто стоящим посередине полянки, рядом – твоя лежанка, что сразу подымает тебя под лопатки к самым небесам, и звёзды приветливо улыбаются поблизости, стоит только протянуть к ним руку – и в тебя вольётся их чарующий свет. Свет поблескивает на ветвях деревьев и в капельках росы на траве, радостно лучится, и ночная темнота словно расступается, оживает.

Даже огонь в печи присмирел, перестал надсадно гудеть, а лишь вздрагивает изредка яркими лоскутками, и опять притихает. Всё удивительно соразмерно, радостно и очень хочется жить. Глядеть на звёзды,

дотрагиваться рукой до травы и деревьев, вдыхать пряный аромат уходящего лета и зарождающейся осени. И всё это - благодаря маленькому лесному дому, что незаметно стирает границы между тобой и лесом.

Печки в лесных избушках прогорают быстро, остывают ко второй половине ночи, если стоит сильный мороз, и приходится часто вставать и подтапливать. Огонь в такой остывающей печке быстро схватывается, дружно разгорается, посверкивая неясными бликами по стенам, и в избушке опять становится тепло.

Большинство печей маленькие, тонкостенные, с длинной проржавевшей трубой, и в ней под самым потолком имеется задвижка. Правда, она ненадолго задерживает жар, к тому же, дырявые половицы и худой порог быстро вытягивают тепло. Зимой в лесной избушке не очень-то разоспишься.

Зато в начале осени, когда ночью ещё не похолодало, или майскими раздольными днями, когда придёшь с глухариного тока, спится сладко и беззаботно. Утром долго приходишь в себя, нехотя ворочаешься, а окончательно проснувшись, идёшь умываться к прозрачному ручью, после чего скулы и руки приятно немеют. Жил бы в таких потаённых избушках целый лесной век, и никуда не торопился!

Хорошо, наверное, поставить свой лесной дом, но эта мысль никогда не приходила мне в голову, потому как вокруг было полно избушек, и все они казались родными. В любой из них можно было остановиться, заночевать и даже провести неделю-другую. Ни одна избушка никогда не закрывалась хозяином на замок, он обычно висел замкнутым на дверной ручке или, вообще, отсутствовал. В любой из таких избушек всегда создавался тот особый уют, что везде сопровождает лесного человека, и его душа становится умиротворённой и безмятежной.

В народе говорят, что если три кола вбито, бороной накрыто, то это уже дом. Но такое понятие дома не подходит к лесной избе, где всё должно быть выстроено крепко-накрепко, на долгий лесной век. Начиная строить в деревне избу, клали под угол деньги – для богатства, шерсть – для тепла, а ладан – для святости.

Лесная избушка – это особый, хоть и небольшой мир, крытый своей потаённой кровлей, и наиболее верно про неё будет замечено так: дом невелик, да лежать не велит, ибо если в лесном доме жить, значит, обо всём заботу иметь. Человек в нём словно забывает свою прежнюю городскую жизнь, и начинает новую, что зависит теперь только от него самого, от его умения, терпения и неутомимости.

Пребывание в лесной избушке хотя бы один день очищает душу от всего наносного, ненужного. Наведя в ней порядок и переночевав, причастившись, таким образом, к лесу, ты уже иначе относишься к себе и окружающим. Для тебя наступает прозрение, тот необходимый «момент истины», после которого характер твердеет, а взгляд становится ещё более ясным.

В избушке, когда ты в неё пришёл, всё замечательно и просто. И так же – в лесу, что её окружает. Лес никогда не подпустит к себе, если ты

равнодушен или разочарован, он будет долго и пристально вглядываться в тебя, выискивая и определяя самое главное. Хорошо самому не забывать его в себе, и жить достойно.

Все лесные дома ждут людей, заботятся о них и помогают стать человеком. Иначе бы их просто не существовало. Дома эти, как сами люди, трепетны, вдумчивы, и по-своему богаты тем отношением, что вдыхает в них лес.

Выходят к таким избушкам усталыми, но радостными после долгого пути, с доброй надеждой, что ничего в них не нарушено. Крыша не протекла, печь исправна, имеется небольшой запас дров. И чтобы ещё речка неподалёку текла, или хотя бы ручеёк, а лучше даже снегу зернистого в котелке натопить. На худой конец, можно в глубокой колее лесной дорожки зачерпнуть водицы, что настоялась на опавшем листе. На жарком костре всё в ней перекипит, и станет она ещё слаще, вкуснее.

Покидают же лесное обиталище с лёгкой грустью, как будто навсегда расставаясь с тем, что уже, кажется, никогда не растревожит твою душу, но в тоже время - и с облегчением. После нескольких ночей, проведённых у остывающей печки на жёстких нарах, с запахом свечки и мышиной вознёй по углам, тянет в город. Но в иной избушке, со всей её незамысловатой обстановкой, чувствуешь себя уютней, чем дома. Наверное, потому, что тебе всё очень близко в этой неприхотливой лесной жизни.

Наколотые тобою дрова жарко потрескивают в печи, когда за стеной избушки стоит тридцатиградусный мороз, в кружке на столе дымится крепко заваренный чай, по стеклу маленького окошка с хрустом соскальзывают льдинки, образуя на подоконнике чистые лужицы, и жизнь представляется необыкновенно простой и основательной. Вроде бы, ничего особенного не происходит, но именно такая незамысловатая обстановка вызывает ощущение надёжности, какое не переживаешь даже в обустроенной городской квартире.

В лесной избушке, один на один с окружающим лесом, ты почему-то ничего не боишься и с нетерпением дожидаешься утра, чтобы отправиться куда-нибудь по нескончаемой лесной дороге. На всё, что составляет сейчас твою жизнь, ты смотришь открыто, надеясь только на собственные силы, и от этого сердце переполняется радостью.

В лесной избушке, наедине с самим собой, ты начинаешь как-то особенно ясно чувствовать и мыслить. Здесь тебя ничего не сковывает, и отсутствуют какие-либо условности. Нет ничего лишнего в такой лесной жизни, она не дарит никаких иллюзий. Только ты, могучие деревья и таинственный вселенский ветер.

Я могу очень точно описать любую лесную избушку, в которой мне приводилось хоть раз провести ночь. Это потому, что в лесу все восприятия чётки, они ничем не замутнены, и тебе хочется впитывать окружающий мир таким, какой он есть. Ступеньки, труба, дверная ручка, даже расщелины в

полу запоминаются с удивительной лёгкостью, так что ты, действительно, чувствуешь себя как дома.

В лесной избушке полезно быть одному: никто не мешает тебе думать и вспоминать. Память цепко хранит аромат хвои, трав и весеннего снега, что подтаивает и с пугающим шумом сползает с крыши, крик одинокого ворона, неторопливо пролетающего над избушкой, падение сбитого выстрелом глухаря и вкус его мяса. Обрекая себя на лесное уединение, приятно размышлять о чём угодно, и тогда простая жизнь, что случается разной, видится только с хорошей стороны.

Если ты оказался в лесной избушке один, у тебя никогда не возникает тоски. Ты прекрасно чувствуешь себя, здесь ты - свой, и тебе никуда не хочется стремиться. Свербящее чувство дальней дороги не донимает лесного человека, ему не слышатся какие-либо чуждые лесу запахи и звуки, а видится лишь его теперешнее простое житьё, вкус нехитрой таёжной похлёбки на губах и пьянящее ощущение свободы.

А ещё лесным людям не занимать захватывающих дух историй про избушки, что повстречались им в жизни. Про то, как они бедовали в них без провианта, перебиваясь только добытым зверем или птицей. Как сводили их с ума нескончаемые одинокие ночи, когда, кажется, что за дверью кто-то стоит и пристально вслушивается в твоё нехитрое житьё. Избушки всегда помогали, спасали и дарили ощущение домашнего уюта в глухом, неизведанном лесу, а рассказы о них изобиловали самыми невероятными чудесами.

Издревле всякое явление, которое человек, находясь в лесу, не умел объяснить по известным нам законам природы, переносилось в разряд чуда. По ночам в избушке выдумываешь себе тысячу несуществующих опасностей, что исчезают только под утро, а днём и вовсе совершенно забываются.

Но вот приходит очередная ночь, и страхи вновь появляются: то ветер завывает волком, то ветка старой осины всю ночь скребёт по крыше, и кажется, будто это какой-то неведомый зверь пытается до тебя дотянуться, а по весне оседающий снег так ухнет или сосулька вдруг с хрустом обломится, что сердце в пятки уходит… Все звуки в ночной избушке связаны либо с явлениями природы, либо с обострённым восприятием человека.

Ночной порой в лесу человеку часто чудится стук в дверь, будто кто к нему просится, и не впустить никак нельзя, ну, а если отворишь дверь неведомому гостю – пеняй на себя! И такая оттого морока на человека найдёт, что хоть беги.

Этот «некто» стоит за дверьми, дышит еле слышно, себя никак не проявляя, но ты всё равно его чувствуешь. Не сказочное животное, а человекоподобное чудовище небывалого вида, о двух головах! Свирепый и страшный злодей, что вознамерился забрать твоё сердце и готов поразить всякого своею силою. Но все чудеса, даже самые чудовищные, становятся доступными в понимании, если ты к ним готов.

Ну, а коли не по силам правду чащобную воспринять – знай, вокруг оглядывайся, если, к тому же, дело к ночи идёт, потому как лесная нежить хоть и бессемейная, а плодится - будь здоров! Не успеешь и глазом моргнуть, как на сапог наступят, через порты перескочат, и в голову тумана зелёного вдохнут: век потом дорогу домой не отыскать! Так захороводят, что среди бела дня света не увидишь, одно слово – бесовское племя. Хорошо, если догадаешься через левое плечо себя освистать.

В одной лесной избе, сказывают, редкое ружьё на стене висело… Мужик пришёл в избу, снял его, да и ахнул из обоих стволов, а из печуры вылезает чудо-юдо лесное, царь-растопырь, такой чудной, будто на смех народился, и спрашивает этого мужика: «Где, мол, живёт Марья Хохловна?» Мужик - как был, так, пнём-раскорякой, в землю и врос. Чудные дела в лесном царстве творятся, но коли чудится, так перекрестись!

А то привидится уставшему человеку прямо под потолком лесной избы чудный образ, дивное видение… Его, кажется, и не с чего ожидать, а оно предстало. Светлый лик Пресвятой Девы, что отчего-то явилась и будто дала понять: она тебя хранит.

И уж тогда ничего в лесу не страшно, ибо знаешь: Господь твою душу бережёт, и на путь истинный наставляет. Лесной дом на этом пути – искреннее тебе утешение. Но разве всякому такое привидится?!

Бывает, человек заблудится, плутает весь день и, уже отчаявшись, вдруг натолкнётся на очутившуюся перед ним, неизвестно откуда, лесную избушку. Вся она из себя диковинная, да ладная, манит своим призрачным уютом, и будто не пускает. Стоит избушка на курьих ножках, пирогом подпёрта, блином покрыта, ни в сказке сказать, ни пером описать, человек ходит вокруг, как заколдованный, а попасть в неё не может.

Вот и выходит, что все лесные чудеса - в решете: дыр много, а выскочить некуда. Сами собою живут, и человека иной раз околдовывают, но чудное - это не только страшное, а ещё и редкое, удивительное и необычайное. Да и сам лесной бог - старый чудотворец! Из святых же чудотворцев в лесу у нас особенно чтится Николай-угодник, что первым лихо от человека отведёт, и о лесном доме для него позаботится.

Даже обыкновенная стеариновая свеча в лесной избушке представляет нечто необыкновенное, без чего совершенно невозможно обойтись. Мало того, что свеча освещает тёмные вечера осенью и зимой, так она ещё и создаёт необходимый уют, без неё его никогда не достичь. Может, конечно, выручить керосиновая лампа или даже фонарь, но обаяние укромного лесного жилища от этого почему-то исчезает.

Только свеча привносит в маленький лесной дом то ощущение чудесной сказки, без которого он никогда бы не стал таким, какой он есть на самом деле: родной и уютный, и тебе его совсем не хочется покидать. В нём слышится радостное истечение времени, в котором лесной домик существует и плывёт, как лодочка: не пугают его ни дождь, ни ветер, ни мороз. Утлым челноком в суровую непогоду проскользнёт, гордой байдарой в вёдро

радостное вырулит, всё на своём долгом лесном веку преодолеет и выдержит. Лесная избушка - это, значит, что-то неброское, но милое сердцу, и очень надёжное.

Пламя свечи чуть вздрагивает, изредка потрескивает, а вокруг – играющие на стенах блики и тени. Огонёк свечи, если приглядеться, тоже особенный, он как будто – всевидящее, но ненавязчивое око, взирающее исподволь, откуда-то изнутри. Приглянешься ему - и оно горит ровно, не вызываешь доверия – вспыхивает, шипит, а то и затаивается, поджидая, на чём бы тебя поймать. Держи тогда с ним ухо востро, главное же, не накличь на себя в лесу беды.

Без свечи в избушке не вяжется и задушевный разговор. Нет её – и всё как-то не так и не этак, а если мерцает на столе у маленького окна ласковый огонёк, хочется говорить обо всём на свете. Свеча будто тоже участвует в беседе, ненавязчиво подсказывает что-то, удивляется, даже негодует. Она – неотъемлемый свидетель всех застольных бесед, хотя её часто и не замечают. Но свеча рядом, она всегда полна жизни и света. Я не могу вспомнить случая, чтобы свеча потухла раньше того, как прекратилась беседа.

Свечной дух сладок, приятен, и даже потушенная свеча всё равно невидимо присутствует. Она легко угадывается по источаемому запаху в темноте, и пока приятель твой ворочается с боку на бок, ты думаешь о разных замечательных вещах, что произошли с тобой за день.

Хорошо лежать вот так, когда день прожит не зря, в избушке тепло, дрова заготовлены, и назавтра тихое октябрьское утро примет тебя в свои объятия. Оставшийся же свечной огарок осветит холодный вечер какому-то другому, уставшему человеку, но он, между тем, должен помнить, что свеча не встанет перед Богом, а встанет только душа.

На мой взгляд, у лесных избушек должны быть имена. Так же, как у деревень, рек или озёр. Правда, большинство избушек, что затерялись в лесах, к сожалению, остаются безымянными. Но именно в них, когда никуда не торопишься и живёшь в согласии с собой, чувствуешь, как протекает мимо божественное существование.

Лесные избушки замечательны тем, что порождают удивительно проникновенные мысли, которые никогда бы не появились в городе. Причём, мысли не о добытой птице или звере, а о мужественных и достойных поступках, что разбегаются от тебя маленькими полосатыми глухарятами, и возвращаются красивыми и гордыми птицами.

Им, как этим крохам, благостно сразу проникнуться умиротворённым уединением, и почувствовать, как вожделённо это обыкновенное, полное радостей лесное существование! Но счастье жизни так просто не заработаешь: отдай всего себя, иначе – как ты всерьёз задумаешься о собственной судьбе и о судьбе леса?!

В замечательно простой обстановке лесной избушки к человеку приходят необходимая сосредоточенность и терпение. После утомительных лесных переходов в необъятной тайге и бесконечных ночёвок у костра –

избушка встречает тебя своим устоявшимся уютным запахом, какого ты никогда не почувствуешь в городской квартире.

И сколько бы лесных избушек не встречалось на твоём жизненном пути, тебе всегда будет не доставать лёгкого дверного скрипа в лесной тиши, так что на него отзовётся лишь полная загадок тишина. Или – маленького паучка, что резво прибежит к тебе зачем-то, замрёт рядом, а в следующее мгновение исчезнет, будто его и не было. А ещё – трепетного запаха осени или лета, солнца и ветра, тёплого птичьего пера…

Окна таких избушек отсвечивают на закате какой-то простой и замечательной истиной: познав её, тебя уже никуда больше не тянет, и хочется только жить в такой маленькой избушке, у потаённого ручья, изумляться лёгкости овладения окружающим миром, и радоваться неторопливому истечению этой чудесной лесной жизни.

И вот, однажды, и твоя душа встречается в такой лесной избушке с неведомой силой. У неё всякие перевороты - за обычай, и нет ничего странного в том, что она не только в волка, зайца или сороку с вороной оборачивается, но и в нож, клубок ниток или камень. Может и вовсе не появляться на глаза человеку, донимая его разного рода звуками, что, как правило, необъяснимы и зловещи.

Встреча с этой незримой могутой приключилась у меня в одном укромном домике, что давно был кем-то поставлен между двух ручьёв, на небольшом холме, поросшем старыми елями. Я нашёл его сам, по еле приметной тропке, а потом, помнится, привёл туда своего друга. Дом был словно из сказки, приземистый, крепкий, и прятался под высокими елями, как гриб боровик, так что никто, кажется, не мог нарушить в нём мой покой.

Единственное оконце дома смотрело на восток, а дверь выходила на запад. Стены были сложены из брёвен чуть ли не в два обхвата, но сам дом казался маленьким и очень уютным. Нужно было хорошо постараться, чтобы его отыскать.

Внутри дома не было ничего необычного: у дальней стены - нары на двух-трёх человек, под ними – место для собак, на стене – полка, зеркальце, а у окна – столик. В углу приютилась ладная печка, что легко растапливалась и тотчас начинала давать тепло. Однажды, зимой, когда я провалился неподалёку от избушки под лёд, гоняясь в прибрежных корягах за колонком, она меня спасла.

Хорошо сидеть в такой избушке поздней осенью или зимой после тяжёлого дня, когда печка пышет жаром, на ней в котелке побулькивает вода и дверь распахнута настежь. Деревья, окутанные инеем, застыли в морозной тишине, даже синиц не видно, а у тебя – жара!

Стены так нагреваются, что становятся горячими на ощупь и сильно пахнут смолой, да и сам дом весь словно оживёт, как будто заворочается от удовольствия, и что-то радостное прошепчет тебе. Ты, конечно,

почувствуешь его, тоже обрадуешься, и поблагодаришь дом за то, что он дождался тебя и обогрел.

Удалённый от ближайшей деревни на полтора десятка вёрст, дом таил в себе нечто такое, что тянуло к нему. В нём хорошо думалось, сладко спалось, и вся обстановка располагала к какому-то лесному подвигу. Именно в этом доме долгой сентябрьской ночью мне пришла мысль написать свою первую лесную книгу.

Я тогда лежал и слушал, как подступает за стеной ночь, но печаль не одолевала сердце, лесная темнота окружала избушку полным покоем, и одиночество ничем не нарушалось. Мне хотелось, чтобы эта осенняя ночь всё время была со мной, убаюкивала своими шорохами, но не давала забыться. Находясь в этой укромной лесной избушке, я, как ни странно, не чувствовал себя оторванным от мира, и будто чувствовал всё за всех людей.

И вот, я опять оказался в этом уютном лесном пристанище… Придя тогда в избушку, и чуть переведя дух, я принялся растапливать печурку заботливо приготовленными кем-то дровами, а за печкою, в самом углу, кто-то недовольно, но незлобиво вздохнул, будто неохотно посторонившись, как это обычно случается, когда ты кого-нибудь невольно побеспокоишь.

Заслышав этот вздох и чьё-то неясное копошение, явно, не мышиное, я сначала подумал, что в избушку забрался какой-то лесной зверёк – енотовидная собака или барсук, что часто с ними случается. Но копошение это не было похоже на зверя, хотя кто-то ведь в домике находился, значит, он здесь обитает, и потому, должно быть, по праву считает себя хозяином.

И сразу подумалось: откуда бы здесь взяться этому невидимому хозяину, что, наверное, вознамерился напугать меня, и чем он тут пробавляется в отличие от того же «домового» в деревне? Ведь редок здесь путник, не важно – рыбак он или охотник, а между тем, неведомая сила в избушке присутствует, и неизвестно – как она себя поведёт, когда ты потревожишь её покой, вот она и подаёт о себе знать недовольным голосом и загадочным копошением. Но не с иконой же и хлебом-солью входить в каждую лесную избу?!

«Эй, невидимый доможил, - еле слышно шепчу я, скорее, пытаясь успокоить самого себя, - я тебя не потревожу, только вот немножко отдохну, и дальше пойду. Сахарку с хлебушком тебе оставлю, соли щепотку, ещё добрым словом меня помянешь. Грешного дела не допущу, ей-богу!»

Когда печка в избушке топится, хозяину её, как и мне, тоже тепло на душу ласковою заботою ложится: чего ему кручиниться? Глядишь, пообмякнет, да превратится в завидного доброхота: кто знает, может быть, даже шутливого нрава! Так и заведётся меж людей молва про лесное существо незлобивой породы: знай наших!

Неведомый лесной хозяин богат на поражающие слух звукосочетания: то стуком, то зыком, а то и нестройным стрёкотом или щебетаньем он умеет не на шутку взбудоражить воображение, после чего подумаешь, что это у тебя в голове шумит. Всякий хозяин в своём дому большой, и хоть лычком

подвяжет, а и то впрок. Шуми-голова, одним словом, что шумиху разводит, будь здоров, и шумаркать на разные лады – его привилегия.

И может быть, мой суседушка, как раз, не брюзжит, а именно так ведёт беседу: гомозится на свой причудливый лесной манер – шу-шу-шу, шу-шу-шу, шу-шу-шу. Шепчет тихонько своими невидимыми губами, будто ветер зашевелил листьями, или ещё похоже на то, когда сено перебирают, ворочают, чтобы оно просохло, и я, не шелохнувшись, вслушиваюсь в эти неведомые звуки, и только догадываюсь – кто там может быть?

Переменчивые чувства тоже шевелятся в моей душе, но я не велю им пугать меня, и раз уж попал в гости к незримому хозяину лесной избы, так изволь принять затеянную им игру. Ему, этому невидимому соседу, может быть, необозримое количество седых годов, и вот он, поминая своё давнее старьё, шевелит древними косточками, но ничего худого при этом никому не несёт. Разве осмелишься сказать ему: не шевелись, стой смирно!

Я пришёл в лес, разбередил неведомое существо, вот оно и оживилось, и нужно иметь терпение ничем его не обидеть. Ведь оно этого не заслужило, и пусть себе ворошится, таинственная лесная шевелюга!

Но как же, интересно, выглядит этот неведомый доможил? Каков он на вид? Махонький это сверчок-с-шесток, или записной «дедушка»? Для чего вообще обитает в одиноком лесном домике, призванном приютить под своею крышею усталого путника? Неужели только за тем, чтобы попугать? Может быть, суждено ему ОТЦОМ-ЛЕСОМ принимать у себя православный русский люд, не гнушаясь совместным жительством, но и не показываясь?

Так, незримым существом и живёт, свои незатейливые житейские привычки не теряя. Будучи лишь призрачным духом, по-настоящему он человека напугать не в силах, да и не заведено это, наверное, у него. Человек, скорее, сам себя лишить покоя способен, если доверится неведомой силе, и ему надобно порядок в собственной судьбе блюсти, не обижая ничем лесного духа, тогда неведомый «суседушка» обернётся ему братом, всем другим чертям на погибель.

Редкий человек, наверное, может хвалиться тем, что воочию увидел такого «лесовика». Да, должно быть, по чести, его и вовсе узреть невозможно. Не по силам это человеку, что даже чувствует себя изрядно искушённым в долгом опыте жизни. Верно одно: можно лишь услышать голос неведомого существа, а голос этот способен представится и скрипом, и стоном, и глухим кряканьем, либо – тихим окликом, будто кто ненавязчиво тебя зачем-то позвал.

И тут следует незамедлительно обронить: «К худу, или добру?», так что шепоток этот ненавязчивый сразу отвяжется. Какого-то особого зла от лесного существа ожидать, наверное, не стоит, но предостережение выявить не мешает.

При этих мыслях меня, помнится, даже смущение охватило, вернее, какое-то неудобство в душу закралось, так что я тотчас промолвил: «Батюшка-лесовик, не серчай на меня, не пеняй, что обитель твою

побеспокоил, мне бы только переночевать. Засну - не шелохнусь, с усталостью распрощаюсь, а назавтра уйду. Только доброму духу сюда дорога, злому же – отрежь путь у порога». И тесен лесной дом, да хорошо в нём: с самим лесным дедушкой приводится пошептаться!

И сразу стало тихо, словно вот-вот должно что-то произойти, но чьё-то ненавязчивое присутствие всё-таки ощущается. Какой он, лесной дедушка-свечка, лучинушка с печки, дух и хранитель дома, что стучит и возится по ночам? - думаю я. – Проказит без злого умыслу, так, ради потехи. Может даже погладить мохнатою рукою, отчего сон - только крепче! Что кому за дело до чужого деда?

Особенно рьяно он, должно быть, хозяйничает, если его не угостить, но изведав вкусненькое подношение, расправляет свои косматые пряди, и добреет. Кого дедушка полюбит, тому и косточки в руки!

Подумалось почему-то, будто это невидимое существо, мой лесной суседушка, даже стесняется себя объявить: так только, если подурит немножко, поскольку незлобивого нрава. И вдруг, как щелканёт что-то за печкой, да с таким пронзительным стрёкотом, даже – скрежетанием, с каким не может издавать звук ни одно живое существо на земле – ни птица, ни человек, ни мышь, ни кузнечик или сверчок: словом, никто! Ну, если только оно никогда и никому не было ведомо.

Мне известно, как сонно даёт о себе знать наш всеми любимый сверчок: он, вроде бы, не бранится и не кричит, что есть мочи, и не плачет без умолку, а просто как будто делится сам с собою своим незатейливым житьём-бытьём, никому особо не докучая: тем и жив. Кто часто спит на полатях в деревенском доме или лесной избе о его существовании даже забывают, до того сверчок тих и неприметен, отчего просыпается к нему такая же спокойная и тихая симпатия. Даже заслышав неприхотливое щебетание сверчка, ни за что на него не прикрикнешь, а только умилостивишься в душе чему-то трогательному, и улыбнёшься, засыпая.

Соловей, говорят, свищет, жаворонок заливается, ворона кричит, сорока стрекочет, воробей с чижиком чирикают, щегол и ласточка щебечут, а сверчок…щёлкает. Хотя, неуёмным болтуном его не назовёшь.

Пощёлкивает себе размеренно на собственную незатейливую усладу, никому зла не желая: знай, шевели своими невидимыми усами, да свищи в ноготок! Вот и само пощёлкивание его совершенно невинное, не как хлопают по воздуху бичом, желая кого осадить. Щелчком сверчка с ног не сшибёшь!

Свиристит за печкой сверчок, потирая зубчатые ножки о жёсткие крылышки, словно Бога хвалит. Была бы изба нова, а сверчки не переведутся: своя избушка, свой простор. Ну, а если это домик в лесу, да в нём гость, какой ни есть, заведётся, то сверчок и вовсе звонко зацирюкает, будто приветствуя лесного путника, отчего тому только отрада: живём – судьбу не мотаем, пустых щей не хлебаем, и хоть сверчок в горшке, а всё с наваром бываем!

Но это ночное вскрикиванье не было похоже на безвинную сонную одурь, а являло собой какое-то потустороннее стрекотание, как мне сначала показалось, намеренно отрывистое и резкое, желающее именно напугать, или отчего-то предостеречь. Непривычное для слуха человека звукосочетание, что обычно спокойно воспринимает хорошо знакомые ему звуки, совсем не вязалось с окружающей привычной жизнью: это сотрясающее воздух действие представляло собой нечто запредельное, никогда ещё мною не слышанное.

Неведомый звук закрался в моё сердце, и я будто потерял покой, что, вроде бы, обрёл совсем недавно, до того звук показался необычным, и так, замерев, лежал на нарах с открытыми глазами, пытаясь вообразить – кто это может быть? «Наверное, мне всё привиделось, - подумал я. – С чем ещё сравнить услышанное?»

И ведь звук, появившись один раз, больше не возникал, но я был уверен, что не ослышался, какое-то скрежещущее щёлканье всё-таки прозвучало. И вот, что-то проскрежетало повторно, и ещё, после чего показалось, уж точно – неслучайно! Что же это такое?!

Любой из звуков, существующий поблизости от человека, каким бы причудливым он не воспринимался, всё же оказывается знакомым, хотя бы раз слышанным, словом, привычным, пусть и необычным, а этот – на диковинку! Давно всем известно, что неведомая в народе сила и стучит, и трещит, и воздух сотрясает, и возится то за печью, то по тёмным углам, бывает, просто от скуки забавляется, вводя людей в тревожное состояние души.

Но мой «суседушка» не проявлял присущую нечистой силе пугающую наглость. Он лишь, время от времени, пощёлкивал, принимался даже посвистывать, что несколько успокоило меня, и стал я спокойно обживаться.

«Только бы ночью не защекотал, - с улыбкой подумал я, - а то ещё навалится всей своей неведомой силой, хоть и ради шутки, что-то будет?» Взяв тихонечко со стола кусочек хлебца, я покрошил его на загнётку печи, и под потрескиванье берёзовых дровишек задремал.

Хотя движения моего «суседушки» ночью не ощущались, сквозь сон я всё равно чувствовал его присутствие в ночной тишине: будто он и за печкой сидит, и у меня под нарами, а то под потолок заберётся, или, через мгновение, уже на чердаке с кем-то шушукается, как мышка, но удивительно, меня не донимает. Особо ощутимым, когда можно было угадать его присутствие, «суседушка» становился возле стола, где и хлебушек, и консервы, и карамель оставлены. Мало ему моего подношения оказалось, вот он и льнёт к сладенькому, но как он туда пробрался, я не слышу, хотя и распознаю его таинственные и бесшумные передвижения.

Может быть, «лесовичку» даже приятно, что я в его владения забрёл, да компанию, какую ни на есть, составил: он ведь, поди, неотлучно в избушке этой обитает ни неделю, и ни год, а, наверное, целую вечность… Как тут не

заскучаешь?! Но ведь не беспокоит, ведёт себя скромно, и я, не без удовольствия переживая его ненавязчивое соседство, окончательно засыпаю.

Всю ночь чувствовал я присутствие своего «суседушки», и как будто ещё ближе стал мне лес. Что-то ценное и необходимое открыл я в нём для себя, чего именно не доставало до сих пор, и был благодарен ему за это. Вроде бы, ничего не произошло, а чувство такое, словно расположение какое-то приятное между нами образовалось, что и не выскажешь.

Появилась возможность воспринимать сознательно то, чего объяснить пока не можешь, но оно удивительно благотворно ложится на душу, и хочется впитывать в себя все тайны и чудеса, что преподносит нам существование, и радоваться этому обретению, не теряя способности видеть и слышать всё так чутко, как только возможно. И разве обойтись человеку без этой неведомой, хоть и не крещёной силы?!

Кто предупредит человека о напасти, что он сам, по собственному неразумению, допустил в свою жизнь? «Домовой» или лесной «суседушка» исподволь укажут ему на его упущение, оставаясь для человека, скорее, доброхотом, нежели со злобою настроенным духом. На счастье человека может обернуться появление в его жизни такого неведомого и небывалого существа, ввергнув его в какое-то жизненное испытание, вернее, указав на него, если человек не задумается серьёзно о своём поведении в лесу, или об отношении к самому себе, что должно быть праведным.

Кто умеет чутко слушать окружающее его существование, тому такая сущность одним своим появлением подскажет верное решение, а неудачу отведёт. Всё это я не сразу уразумел, из года в год, посвящая свою жизнь ОТЦУ-ЛЕСУ, но однажды предупреждение о возможных неблагоприятных событиях, всё же, почуял, успевая заблаговременно отвратить от себя напасть, просто проявляя к жизни внимание, угадывая знаки, что подавали мне лесные духи. И ещё я постепенно, благодаря этой неведомой силе, научился понимать себя, быть смелее и проще, как-то незаметно убедившись в том, что принимать жизнь такой, какая она есть, со всем бесчисленным сонмом существ и духов, совершенно естественно.

В благодарность за то, что лесной «суседушка» приютил тебя, из дому своего не выпроводил, не погнушайся и ему сотворить какой-нибудь незатейливый подарок, кусочек ржаного хлебца с солью или сахарок, до которого он, как и все мы, большой охотник. Да не забудь слово доброе молвить: «Спасибо тебе, царь лесной, суседушка дорогой, что приютил и обогрел, не всё тебе одному горевать. Не пугай никого, привечай, как и прежде, путника добром, и будет тебе в твоём лесном мире покой и услада, а ему - укрепление сердца на всякий день, на всякий час и на всякую минуту. Да пребудет лесная сила присно, и во веки веков, аминь».

Как же, всё-таки, выглядел мой лесной старичок? – до сих пор думаю я. Может быть, он и не старичок, какой-нибудь махонький гномик, вовсе не злопамятный, а даже очень добрый и скромный. Сидит тут один целую вечность, и когда заглядывает в избушку редкий путник, он ему очень рад. Шелестит что-то непонятное на своём лесном языке, наверное, боясь напугать гостя, и мечтает только о том, чтобы этот гость задержался в его укромном домике подольше.

Скучно ему одному, вот он от радости и щебечет, и очень важно не испугаться и не обидеть это чуткое лесное существо, может быть, даже подружиться с ним. Чем же он тут занят?

В долгую зиму, когда за стеной завывают метели, хозяин лесного домика, должно быть, впадает в дрёму, и видит сны, где так дивно пахнет не то травами и цветами, не то ягодами, и в его сторожку заглядывают охотники и грибники. Он их тоже тотчас называет «суседями», и подаёт о себе знать радостным пощёлкиванием или стрекотанием. Не пугайтесь, добрые люди, невидимый обитатель этого лесного домика вас не обидит!

Так он приветствует любого, кто заглядывает к нему в гости с добром, и вы точно так же поприветствуйте его, и чем-нибудь угостите. Будьте снисходительны к одинокому существу, охраняющему глухой лесной угол и всякие чудесные вещи. От всего сердца вас прошу!

Светлая полянка

Выдался однажды в моей жизни прекрасный весенний денёк, и решил я отправиться в лес, на глухариный ток, дав ему когда-то имя «Пасхальный», потому как отыскал его на Пасху. С тех пор так и называю это чудесное лесное место, а представляет оно из себя укромную лесную полянку, как-то по-особенному уютно окружённую сосновым и еловым лесом.

Эта полянка всегда дарила мне радость, до того потаённо и чудесно она располагалась совсем неподалёку от деревни, в каких-нибудь двух-трёх верстах от неё. Я очень любил это лесное место, любил приходить сюда только за тем, чтобы просто побыть в этом необыкновенно живом лесном пространстве. Так получилось, что в тот день я пришёл ближе к полудню, не надеясь уже застать глухарей, а желая лишь насладиться любимой природой.

В сосняке, скрывающим полянку с юго-востока, было полно всякого древесного хлама, и я нарубил с полдюжины сухих сосновых лесин. Выбрав большую ель, растущую у самой опушки, уложил лесины на толстую нижнюю ветвь старого дерева, прямо над землёй, покрыл этот настил плащ-накидкой, и лежак был готов. Оставалось только улечься, подложив под голову рюкзак, и любоваться всем, что происходит на полянке: интересное не заставило себя долго ждать.

Когда находишься в лесу какое-то время неподвижно, в нём всегда случается то, чего просто так никогда не увидишь, ну, если только случайно. Человек всего этого, как правило, не имеет возможности наблюдать, не

замечая порой, как проходит мимо собственная жизнь, а оно, между тем, происходит в лесу постоянно. Все самые чудесные события в нём для большинства людей, чаще всего, оказываются недоступными, как будто их и не существует, и они только догадываются о том, как протекает там неведомая лесная жизнь, давая волю своему разгулявшемуся воображению.

Вот на полянку, вприпрыжку, и залихватски выгнув хвост, выскочил бурундук. Сначала я подумал, что это белка, и тут же ястреб-тетеревятник, молниеносно и бесшумно свалился откуда-то сверху, где он, наверняка, уже давно высматривал добычу, и я был поражён, с какой непоколебимой уверенностью, легко и грациозно, он схватил зазевавшегося зверька, и унёс с собой.

Изумила именно простота, с какой было совершено то, что происходит в природе постоянно, составляя, между тем, её суть. Я, кажется, и удивиться не успел этой непостижимой виртуозности хищника, до такой степени быстро всё случилось, а потом до меня дошло, что я даже не почувствовал какого-либо сожаления от того, что увидел.

Неподвижно лёжа на только что сооружённом настиле, я был очарован тем, что привелось подглядеть в природе, когда тоже становишься в ней незаметным, и не мог ни о чём другом думать. Этот маленький, вроде бы, совсем незначительный случай, вошёл в меня каким-то незабываемым событием, но я никак не мог его для себя оценить, до того непредвиденно и ясно всё проистекало. Потребовалось ещё немалое время, конечно, вперемешку с другими случаями, какие мне выпало счастье в лесу пережить, чтобы всё это осознать, воспитав в себе верное отношение к лесу, к нашей чудесной природе.

И вдруг, в совершенной тишине, над полянкой возник … воздушный вихрь! Его хорошо было видно, я отчётливо разглядел это энергетическое завихрение, так что не приходилось убеждать себя в том, будто всё это мне привиделось, что это был некий обман зрения и чувств.

Да, то, что случилось, выглядело очень необычно, ведь даже малейший ветерок в тот час отсутствовал, стоял покойный солнечный день, и тут, ни с того ни с сего, над полянкой образуется совершенно необъяснимое явление - порывистое круговое движение ветра. Скорее, даже, то был не ветер, а какой-то, неизвестно откуда взявшийся поток воздуха, что вздыбился столбом над полянкой: неизвестная и непонятная мне воздушная завёртка!

И тут я вспомнил, что подобное мне уже приходилось видеть, правда, происходило это в море, где я много лет работал, и та морская круговерть, называемая среди моряков «сулоем», вспучивалась прямо на спокойной водной поверхности, казалось бы, возникая ниоткуда. Вокруг - полный штиль, и вот, на тебе: из неведомых морских глубин встаёт большая волна, катится какое-то время по морю, и так же неожиданно исчезает. Помнится, я так до конца и не докопался тогда до причины возникновения этого необыкновенного явления, понял лишь позже, а сейчас неожиданно

подумалось: раз мой воздушный «сулой» не мог появиться ни с того ни с сего, значит, он возник неслучайно?! Сами посудите.

Такой «сулой» в воздухе и правда просто так, на открытом месте, не случится, если стоит покойный ясный день, без единого дуновения ветерка, а тут вдруг, прямо посреди поляны, возьми и схватись с одного места какой-то неведомый поток энергии, что Господи, Боже мой! Оглянулся я вокруг – тихо, солнце ласково сияет, птицы нежно щебечут в недвижимой листве, откуда бы этому неведомому колебанию воздуха взяться? И ведь как будто угадал я его нахождение, остановив свой взор именно на том месте!

Мутноватый облик этого воздушного вихря ясно запечатлелся у меня в памяти, у основания – тонкий, а к вершинке – расширяющийся, вроде гриба, с плоско вытянутой шляпкой. Объявился на несколько секунд – и исчез, будто ничего и не было. Такой короткий порыв случается иногда, но это происходит, когда и сам день стоит ветреный, и такие резкие порывы в нём – обыкновенное дело, нередко с присвистом. В моём же случае погода с утра утвердилась на загляденье мирная, ни листочек не шелохнётся, ни травинка, и так - до самого вечера, что ещё более притихал, завершая эту умиротворённую майскую картину.

А тут - на тебе: вихрь на голом месте, посреди уютной лесной полянки, что почти со всех сторон, к тому же, окружена сосновым бором, защищая от ветра её потаённость! Тут не только о глухарях перестанешь думать, себя позабудешь, пытаясь отыскать случившемуся здравое объяснение, тогда как вокруг - недвижимо тянут к небу свои головки травы, с прежним трепетом ласкает молодую листву солнце.

«Вихрь с пылью навстречу, - говорили в народе, - к худу», но только я никому ничего худого не совершал, так от чего мне должно становиться плохо? Нет, тут дело в чём-то другом, думаю я, виной тому какая-то неведомая сила, нечто чужое. Но ведь возникло-то оно передо мной, а значит, не просто так!

Стремительным порывом взметнулась кверху эта неизведанная сила, и, закрутившись вокруг себя, через три-четыре секунды исчезла, как будто её и не было. Но я-то её очень хорошо разглядел: воздух, будто сам сгустился в какой-то одной точке, буквально в полуметре от земли, обернулся еле видимым облаком, чуточку приподнявшись, и, зависнув на мгновение, растворился. Исчезновение есть признак того, что на этом месте что-то было и пропало: когда ничего нет – оно не растворяется.

Что за полевой чудесник предстал перед моим взором? О чём хотел предупредить, или, быть может, просто сбить с толку? Да только с какой целью?!

Подошёл я тихонько к тому месту, где этот воздушный дух на мгновенье замер, но ничего не обнаружил. Тянется из земли навстречу небу травушка шелковистая, мать-и-мачеху сменила медуница и черноголовка, сосны корабельные по-прежнему неподвижно стоят вокруг полянки, кудрявые верхушки их в глубоком удовлетворении замерли, даже меж собой не

переговариваются, но ведь дух этот воздушно-травяной возник откуда-то, может быть, из-под земли? Что же его породило?!

Полян, да покосов в нашей лесной стороне не счесть, даже те, что вблизи деревни располагаются, за день не обойдёшь, а этот неведомый вихрь возник именно в том месте, где я задолго до вечерней зорьки обосновался на подслухе, желая подглядеть подлёт глухарей, и эта неведомая энергия взвилась в воздух рядом со мной… Выходит – неспроста, это был какой-то знак, предназначенный только для меня, и я не знал, что и подумать. Одно слово – лесное чудо!

Мудрёное дело какому-то неведомому «полевику» сопровождать меня по лесу, и ведь раньше, сколько уж лет по нему хожу, а не встречал подобного явления: неужели я так лесным духам интересен, что неотступно следуют за мной, тем более, в последнее время? Видимо, наблюдают за моим отношением к зверям, птицам и растениям, желая угадать ход моих мыслей и душевных устремлений: действительно ли я отказался от ружья, и меня интересует только внутренняя жизнь леса, его сокровенные тайны?

Лесные жители менее прозорливые, чем духи, но и они, наверное, не прочь угадать – что движет мной в лесу? Чего им от меня ждать, если я ищу глухариные тока, прихожу на них ночами и терпеливо ожидаю того, что происходит под утро между птиц? Зачем человеку это нужно? – наверное, думают лесные духи.

Вот и появляются в моей жизни редкие, небывалые в ней ранее «гости», обладающие способностью видеть то, чего не видят другие обитатели леса. Может быть, они только чувствуют моё присутствие, и иногда показывают себя. В былые времена таких встреч у меня не случалось, и я о них только мечтал.

И вот что интересно: после всех этих соприкосновений с «небывальщиной», в моей жизни ничего не изменялось, вернее, не склонялось к худшему. Пожалуй, даже, взгляд мой и ощущения становились ещё более проникновенными, а восприятие леса обретало истинную глубину в понимании проистекающей в нём жизни. С каким-то внутренним удовлетворением, спокойно, переживал я в себе невидимые перемены.

А «полевик», как всегда называли в народе эту неведомую силу, и образа своего, должно быть, не имеет, не то, что чёрт, леший или кикимора: он представляет собой бестелесный дух. Ведь не счесть по нашей лесной стороне все поля, покосы и кулиги, и всюду ему поспеть нужно, отчего его никто и не видит. Ну, если только неожиданно взовьётся перед тобой, неизвестно откуда взявшееся, воздушное завихрение, и опять же, тотчас исчезнет. Чаще всего, наверное, его и вовсе не замечают, принимая за лёгкий порыв ветра.

Трудно вообразить такого хозяина полей и полян маленьким уродливым человечком. Скорее, это - стремительно перемещающийся дух, и заприметив его, ты и испугаться, должно быть, не успеешь. Впопыхах преодолевая свои бескрайние пространства, дух этот только и успевает надоумить человека с

дороги верной свернуть, и тут же бросает, чтобы дальше лететь, проказы свои повсюду за собой оставляя.

Одно слово - нечисть, и с этим путанным-перепутанным духом приходится считаться, только на себя надеясь, а то вмиг завертит голову, ищи его потом в чистом поле! Впрочем, смутный образ этого духа не особо преследует твоё воображение, зато сам «полевик» слывёт в народе существом избалованным, злобным.

Он - нечто чужое, неведомое, хотя и существующее в этом миру. Колдовской ветроворот, какая-то волшебная заверть, принадлежащая, конечно, неведомым силам. Обнаружение его для себя - необычное дело, может быть, это - предвестье скорых перемен? И что же это за воздушный толкунец, еле видимым дымчатым столбом взмывший над простирающимся передо мной пространством? Вихорь-вихорёк, откуда ты взялся?!

Явление, не поддающееся объяснению по известным нам законам природы. Но Богу все чудеса доступны, и не божественное ли это диво - нежданное проявление Его Всевышней Воли, приключившееся вот именно здесь, на светлой полянке, посреди соснового и елового леса? Ах, этот чудный, удивительно необычайный и прекрасный мир, необычайный и не понятый нами, но призванный к радостному постижению! Бог - старый чудотворец, и нужно научиться и нам творить чудеса, ведь это так чудесно!

Теперь я думаю, что этот воздушный вихрь являл собой для меня знамение, может быть, заключающее в себе только напоминание – каким чутким следует быть по отношению не только к лесу, но и к жизни. А возможно, то было и благожелательное указание на то, что я делаю что-то не так в этой самой жизни.

И всё-таки, мне кажется, какие-то силы просто хотели посмотреть на мою реакцию: верно ли для себя восприму произошедшее, как и во всех предыдущих случаях, и что буду делать дальше? Да и разгляжу ли, вообще?

И я отнёсся к тому, что случилось, спокойно, ничего не предпринимая, а продолжая познание мира, и это, по-видимому, понравилось этим силам, моему «полевику», и он взвился от радости над светлой полянкой. Так я почувствовал.

Сколько же жизненной силы заключено во всех лесах, на всём белом свете, и всей этой силой человек может пользоваться, если не предаст себя и лес, не перестанет заботиться о природе, что его с незапамятных времён окружает! Всего лишь одна светлая полянка, среди бесчисленного множества других, вроде, и неприметная совсем, а сколько радости и знаний она мне принесла. И ещё, что очень важно, я почувствовал, как и моё человеческое чувство благодарности перешло на неё, и может быть, именно поэтому духи леса отозвались мне своим вниманием, в виде этого воздушного потока.

Ведь взвился-то он, действительно, напротив меня, значит, и посвящён был мне: зачем-то ОТЕЦ-ЛЕС отметил моё присутствие в себе, смотреть нечего! Наверное, тоже обрадовался вместе со мной!

А я долго ещё вглядывался в полянку, и во всё воздушное пространство над ней, пытаясь разглядеть присутствие неведомой силы, но… тщётно. Так просто, без всякой надобности, эта сила на глаза не показывается, даже досужему до лесных дел человеку, и очень важно заприметить её в тот самый, предназначенный только для тебя жизненный миг.

Именно на этой лесной полянке приключилась у меня забавная история с лесным петухом, когда я в сумерках стоял под ним, наслаждаясь его любовной песней. Ток располагался неподалёку от деревни, и глухарь, вдруг заслышав под самое утро своего деревенского собрата, замер, аж лапу в недоумении приподнял, и в такой позе находился долго, пока не догадался переменить её. По всему было заметно, что удивление его не покидает, и это казалось странным, поскольку глухарь, наверняка, уже слышал раньше своего отдалённого родственника, причём, не одну весну, и, тем не менее, не переставал изумляться. Он по-прежнему с нескрываемым интересом реагировал на призывное кукареканье кочетка, и долго не мог успокоиться.

Происходило всё это почти на том месте, где я сейчас находился. Глухарь, кажется, облюбовал ту самую ель, расположившись на её верхушке, всем своим существом обратившись к деревне, и я не стал стрелять в этого петуха.

Столько всего было связано у меня с этой полянкой, что действительно была светлой, будто излучая радостное тепло. Неслучайно, наверное, и то, что вихрь в воздухе возник именно на ней, будто свято охраняя всё сокровенное, что эта поляна в себе скрывала, и я ещё с более глубоким уважением стал относиться к миру леса.

На этой светлой полянке я будто приподнялся над ней, как жизненный сок движется по чистому стволу вверх, к солнцу. В какой-то момент вдруг почудилось, что чьи-то могучие, но почти не ощутимые ладони незаметно отделили меня от земли, и я тоже потянулся к небу, обозревая внутренним взором всё наше лесное пространство, не желая возвращаться на землю. Заповедный лес, заповедная полянка, сколько в душе счастья!

Эта светлая укромная полянка, укрытая ото всех ветров берёзовым, сосновым и еловым лесом, будто задушевная весть вошла в мою душу. Вместе с нежной весёлой травкой и первыми цветочками, милым бурундуком, по воле случая оказавшимся в когтистых лапах ястреба, и незадачливым глухарём, что так забавно прислушивался к пению деревенского петуха, в меня незаметно проникла невидимая энергия леса. Вернее, божественная истина о том, что все мы – и лес, и небо, и земля, и люди неразрывно взаимосвязаны между собой, и в этом - великое счастье!

Великая радость, всем нам вместе, тянуться к Богу ради того, чтобы к каждому пришёл его крылатый час, способность к самостоятельному безудержному полёту. Полёту, определяющему весь жизненный путь, на

который ты в своей жизни решился, что бы сделать и себя и мир немножко лучше, ради его божественного устройства, ради радости и великого блага, что объединяет всех нас.

И этот неведомый лесной дух не доставил мне никаких неприятностей: наоборот, благодаря его появлению я задумался о чём-то глубинном и в жизни, и в себе. О том, что в чистом поле, в широком раздолье, за тёмными лесами, за зелёными лугами, за быстрыми реками, да крутыми берегами живёт и моя правда, что хотелось разгадать. Так ли далеко она от меня находится, не в сердце ли моём, незаметно переходя в мысли, и затем – дела?

И вот, оказалось, что эта маленькая светлая полянка – и моя воля, и моя доля, без неё, конечно, прожить можно, но правду вряд ли отыщешь. И я прихожу именно к ней, туда, где лежит безбрежный интерес к жизни, занятое радостью нескончаемого постижения место: моя светлая полянка!

Чёртик

Уж нет сейчас, наверное, таких лесов, куда если и приведётся войти, то не удастся выйти. Истреблены по многим местам нашей русской стороны роскошные еловые и сосновые боры, через которые не найти прохода, и тем более – проезда. Не попасть тебе, как ни старайся, в затаившиеся в вечном мраке и потаённой прохладе богатые птицей и зверем сюзёмки с моховыми покровами.

Среди могутных дерев с нависшими на них лишаями, там хоронились невидимые никому лесные духи, что знакомы нам только из старинных сказок. Какое раздолье для воображения любознательному до чудес человеку в этом праведном на тайны лесу!

Как не обитать в таких волшебных местах мужичку-лесовичку по прозванию «леший»? Без него тут никак не обойтись, да чтобы у такого «лешака» кафтан непременно был вывернут наизнанку, левый лапоток надет на правую ногу, правый – на левую, а глаза бы сияли зелёными огнями… Хоть он и не чистого происхождения, а глядеть на него завораживающе приятно. Правда, смотреть на «лешего» при этом следует через правое ухо лошади: ну, разве, не чудеса расчудесные, не удивительное обаяние нашего русского леса?!

Ходит такой лесной житель по своим заповедным местам их полным хозяином: захочет, сравняется по росту с самыми высокими елями, а пожелает быть незаметным, обернётся неприметной ни для кого травинкой или шишечкой, будто обронённой белкой. Ходит-бродит по лесным тропинкам, с обитателями потаённой чащи, что повинуются ему беспрекословно, всякие забавы устраивает, а уж если повстречает на своём пути человека, то кураж производит без меры, если тот ему придётся не по нраву. Вот бы поглядеть на него хоть одним глазком!

И однажды у меня случилась такая встреча… По старинным преданиям леший появляется людям в самых разных образах: то это старушка

сгорбленная с клюкой, заяц, ошалело выскочивший прямо из-под ног, старичок благообразный в доброй опрятной одёжке, либо поп пучеглазый, что ни с того ни с сего очутился на укромной лесной полянке.

А может вывернуться из-под земли корнем несуразным, так что ты непременно за него зацепишься поддёвкой, и этот выворот обхватит тебя за плечи, да как заголосит на всю лесную чащу! Перепугаешься не на шутку: всего лишь, вроде бы, угодил в иссохший от времени цепкий валежник, привидится же такое?!

Иной раз лесная сущность усядется над твоей головой, на еловой ветви, взъерошенной серой вороной, и вдруг захлопает, как угорелая, мохнатыми крыльями, словно в ладоши, и ты засмотришься на неё, открыв рот: тут она в тебя с чрезвычайной быстротой и вольёт свою неизбывную дурь! Ну, а если человек шибко восприимчив и падок до острых впечатлений, словом, склонен к буйному воображению, обернётся лешак перед ним великаном с огромной дубиной в руках, и тогда уж не миновать бедолаге лишения последнего рассудка.

Кому-то и разбойником объявится: бровей и ресниц на сморщенной роже не видать, волосы на голове зачёсаны налево, за пояс заткнуто топорище, от одного вида его весь дух перешибает: минуешь ли беду неминучую, царица небесная! Так вот мне «мужичок-лесовичок» однажды показался, как это ни банально звучит, - обыкновенным чёртом, вернее, похожим на него существом.

Чёртик, я условно так его называю, оказался неведомой живой особью, в общем-то, безобидной. В таком виде, по крайней мере, он предстал передо мной. Да и раньше все сущности, с какими мне довелось в лесу соприкасаться, даже – невидимые, не приносили каких-либо неприятностей, будто присматриваясь к моей заинтересованности лесом. Они были очень почтительны в отношении ко мне, если можно так сказать, не переходя какую-то невидимую черту: я это просто чувствовал.

При всём том, что существо находилось рядом короткое время, и выглядело очень необычно, я воспринял всё происходящее естественно, будто уже встречал его и раньше. Может быть, только лёгкая тревога коснулась сердца, и сразу пропала.

Внимание моё было захвачено пробуждающимся утром, что принесло радость общения с древними птицами, чистотой весеннего воздуха и зарождающимися ароматами земли. А существо я воспринял как то, что и должно сопутствовать ночному лесу, весной, когда ты ощущаешь с ним истинное слияние. Чёртик же сразу пропал, будто не находя причин каким-либо способом воздействовать на меня.

Ток уже завершился, светало, но я настолько проникся этим ароматным весенним утром, глухарями и их древней песней, что мне не хотелось покидать лес. Только-только преодолев токовую поляну и выходя на опушку, я почувствовал, как за спиной что-то хлопнуло, словно разорвали материю, и боковым зрением вновь увидел это непонятное существо, что находилось в

поле моего зрения ещё пару секунд, не более, и растворилось. Сразу, с какой-то непоколебимой убеждённостью, подумалось: всё, сегодня я его уже больше не увижу, и в тот же миг в душу закралось сомнение, что существо это нарисовало мне моё обострённое воображение, и на самом деле – ничего не было.

Разведя маленький костерок на краю полянки, подвесил над огнём банку со снеговой водой, и стал думать о лесных существах. Сколько же их обитает в лесу, и подлинные ли они хозяева в нём, как взаимодействуют с птицами и зверьми, и замечают ли их, вообще, животные? В народе все эти сущности, а их предполагается великое множество, прозвали нечистой силой, но ведь всякая живая особь происходит из природного царства, сотворённого Господом, и имеет свой разум и энергию, а значит, обладает правом на существование?!

Чёртик в этом царстве, наверное, главное лицо, враг рода человеческого, как принято о нём думать, хотя и не без лукавинки: даже около святых черти водятся! Некошный и сатана, шайтан и шиликун, нечистый бес, а ещё – шишига, отяпа и хохлик, как только его не называли, и ведь в любом обличье чёрт всегда представал перед человеком существом не сумасбродным, а гораздым на выдумки, словом, догадливым: вольно ему в своём болоте орать. Но хоть и бур чёрт, и сер, и словно мохом оброс, даже в чём-то симпатичен, а всё равно – бес: сам не пьёт, а людей искушает.

Человек только за порог, чёрт ему уже поперёк, мыслями его качает. И оттого про чёрта молитву нужно знать, что все люди, как люди, один чёрт в колпаке: нечего бояться чертей, коли держишься добрых людей. Мужчина, что хоть немного виднее чёрта, словом, рожей - не казистый, уже красавец! Кого, как говорится, чёрт рогами под бок не пырял!

Всё в жизни годится, если только с чёртом не водиться, ибо было бы болото, черти будут. Ведь черти завсегда над душой у человека стоят, когда он об этом даже не подозревает, и потому бойся не смерти, а чертей. Все черти – одной шерсти, и остерегаются они не кочерги, а доброго отношения к себе человека, не решаясь тянуться за его душой. Душа человека для чёрта – ботало, что он нашёл, да и сам ему не рад!

Вот и чёрт, что появился прямо передо мной, не обошёл меня со злобной ехидцей, строя свои бесовские каверзы. Не захохотал страшно на весь лес, и не принялся заводить в какое-нибудь гиблое место, откуда уж никак не выбраться. Чёртик даже не напустил в глаза ядовитого туману, что, по народным поверьям, совсем сбивает с толку, отчего дорогу к дому тотчас забудешь, кружа на одном месте, а выскочил из-под боку, будто только меня увидел и не успел спохватиться. При этом, аж, вывернулся всем нутром наизнанку: это было заметно по его рожице.

Словом, чёртик прозевал меня, каким-то образом, хотя я на току почти всю ночь провёл, и не заметить меня он никак не мог. От этой неожиданности, видимо, и ошалел, овечья морда, возникнув подле меня, по правую сторону.

Рыльце его толком я разглядеть не успел, до того он быстро возле меня очутился, а уже в следующий миг - исчез. Но хорошо запомнилось, что это - именно чёртик!

Со сморщенной мордочкой, головкой с небольшой горшочек и востренькими глазками он был очень похож на него. Шёрстка на плечах серенькая, а на груди – щетинка чёрной масти, росточком мне под лопатку, хотя и находился в какой-то кривой побежке или броске в мою сторону, широко расставив ножки, - и всё же сущность эта меня ничуть не напугала. Каждый чёрт в своём обличье ходит.

По тому, что удалось разглядеть, рожица ни на что не похожа, не описать, как ни старайся, да только к чему этому существу пригожее изображение, не в собор же к обедне ходить! Рыло, прямо сказать, отвратное, никак у животных, только что им хрен копать, словом, и по рылу знать, что не простых свиней. На то чёрту, видимо, рыло и дано, чтобы оно было: одним рылом он и глядит!

Всякая отвратная харя сама себя хвалит, чёртику она, по всему видать, роднее всего. Живёт, не умываясь, и в ус не дует: по твари и харя, он её будто на показ готов выставлять. Но в чём-то и милыми показались ужимки этого маленького, мельком показавшегося мне существа: лохматого, серого, будто одетого в грязное тряпьё, схожего, то ли, действительно, с чёртом, то ли, с загадочной большой птицей, что взмахнула рваными крылами – и пропала.

И ещё ясно запечатлелось: существо это может поразить восприятие своим невиданным обликом, но, как ни странно, у меня оно не вызвало особого страха, скорее, я даже не осознал поначалу – что происходит. Не лихорадочное ли то было видение, вызванное бессонной ночью и долгой ходьбой к току накануне? Но нет, то была, действительно, скрюченная фигурка и дикая мордочка невиданного существа, явившаяся мне в рассветный апрельский час.

Это удивительно, но я потом не особо и вспоминал появление этого чёртика, как будто оно было обычным делом при нахождении в глухом лесу, в пятнадцати километрах от деревни, и отнёсся к нему довольно спокойно. Слишком плотно я был связан в те годы с ОТЦОМ-ЛЕСОМ, воспринимая его как нечто родное, и может быть именно это обстоятельство и выработало во мне уравновешенное отношение ко всему, что со мной в лесу происходило.

И вот, что ещё интересно: лишь позже, через несколько лет, по утверждению одного деревенского колдуна, я узнал, что лешему и даётся-то всего лишь одна минута в сутки, когда он может сманить человека с его пути. В моём случае эта возможность у чёртика в то утро, по всему видать, миновала, может он ей и не вздумал воспользоваться, а то бы увлёк за собой в свои потаённые чертоги: где бы меня потом искать? Господня ли то была страсть, если хоть на миг себе всё это представить?!

Выходит, не поддался я в тот раз колдовским чарам лесного существа, приключившееся со мной событие смог спокойно выдержать, и в полной

мере насладился чудесной глухариной песней, что возвестила приход не менее чудесной весны.

Принял ли меня чёртушка или сильно озадачился моим появлением ночью, на глухарином току, неизвестно. Я лишь на миг почувствовал и заметил краем глаза необыкновенное лесное существо, что, к слову заметить, не проявило ко мне какого-либо недовольства. Обозначило себя на мгновение, заглянуло в душу и пропало, будто его и не было. Я даже испугаться не успел, но после него осталось ощущение присутствия того, совершенно неизведанного мира каких-то сказочных существ, что не будоражит и не пугает воображение, а наоборот, тихо его успокаивает.

Кто-то могущественный, с невообразимыми для человека возможностями, будто нравоучительно, но ненавязчиво тебя наставил: мол, ходишь по ночам моими владениями, смотри – остерегайся, оглядка и зверя бережёт. Но правда, подумал я, в том, что именно после таких встреч в душе постепенно воцаряется спокойная уверенность. Встреча с лесным обитателем, даже неведомым тебе, - неописуемо чудесное благо, с ней несравнимо обыкновенное любование чудесной природой.

Встречаясь в лесу с незнакомой сущностью, ты будто заглядываешь в увлекательную жизненную бесконечность, полную таинственных чудес, и она вдруг, в какой-то миг, приоткрывает тебе свои двери. Сердце замирает от изумительного оцепенения, когда перед тобой возникает то, о чём ты не мог и помыслить, а оно, оказывается, существует.

Долго бродя по лесам, ты к нему постепенно приближался, не подозревая, что оно давно уже ожидало тебя, встрече этой суждено было состояться, иначе, зачем ты был с детства предан лесной чаще, закладывая ей свою душу? Встреча в лесу с неведомыми силами удивительным образом подкрашивает жизнь, но каков путь, такова и встреча. Встреча с чем-то неизведанным до сих пор - для меня всегда необыкновенно радостна, это – возможность и себя проявить по-особенному, как можешь повести себя только ты.

Было бы дело худо, если бы не твоё доброе отношение к встрече, хотя это и был чёртик! Если его честно величать, так и на пороге встречать, и коли ты неведомую силу приветил, она для тебя уже не чужая. В городе её с колокольным звоном встречают, а в лесу с чутким отношением, что отворяет волшебную дверцу к тому, на что многие и не надеются.

Мы с чёртиком, вроде бы, ходили разными путями, но вот, однажды, столкнулись: могло ли в моей жизни что-то измениться? Не знаю, как чёртик, а я стал ещё более чутким, даже – добрее.

Чужое, оказалось, может стать близким, когда в тебе нет злого умысла, а только необыкновенная тяга к знаниям, ибо они сильнее любой веры. Но отчего так происходит? Неведомая лесная сила и глядит чужими глазами, и слушает чужими ушами, и ум у неё чужой, незнаемый, но тянемся мы друг к

другу, и, глядя на чужую жизнь этого существа, понимаешь, что она чем-то тебя привлекает, порой даже – исцеляя.

Чужая сторона, говорили в народе, прибавит ума, хоть в неё, как и в чужую дуду, не наиграешься. Неведомые силы почему-то не оставляют тебя без внимания, даже порой проявляют пристальный интерес, да только не переступив в своих лесных исканиях какую-то важную черту, попав за которую, можешь и не возвратиться, тайну лесную не познаешь, и тут уж сам выбирай: на что тебе стоит решаться, а чего следует избегать! Всё зависит от твоего настроя на жизнь, от твоей способности быть или не быть отважным.

Сомнения и колебания присутствуют в нашей жизни всегда, главное, накопить в себе силы отважиться на поступок, быть к этому готовым, и когда ты отправляешься ночью на глухариный ток, один, без ружья, только за тем, чтобы полюбоваться песней древней птицы, попытавшись проникнуть в её тайну, это, несомненно, подвижническое устремление. Отвага – свойство, присущее именно искателю, независимо – исследуешь ты море или лес, и ты просто обязан быть твёрдым в поступках, когда отправляешься в ночной лес.

Иначе, тебе не совладать с восприятием открывшейся действительности, она может оказаться, мягко скажем, нелицеприятной, просто – ужасной, и этот ужас способен поработить тебя, но разве такого исхода событий ты добивался? Пуститься смело в дальний путь, не робея, суждено только тому, кто готов к этому, и значит, его отвага не только мёд пьёт, но и кандалы трёт.

А ужас, скорее всего, порождён ожиданием того, что может случиться, когда ещё на самом деле ничего не произошло. Человек просто накручивает себя воображаемыми ужасами, впадая в обезоруживающий трепет: чего тогда от него ждать?

Одна мысль его о том, что может произойти – леденит душу, и это – ужасающее преступление против себя. Не содрогаться должна душа при столкновении с чем-то неизведанным, а быть очарованной открывшейся ему многогранностью и глубиной мира!

Страх и боязнь, робость, сильное опасение и тревожное состояние души – не её удел, она не должна слепо бродить на тараканьих ножках, ибо устремлена к полёту, с самого рождения, и соль жизни заключена в том, что на всякую беду страха не напасёшься. Но правда и то, что в ком есть страх, в том есть и Бог.

Страх только перебороть в себе надобно, он – естественное состояние человека, чтобы тот смог подготовиться к пограничной ситуации, порой и вовсе его ошарашивающей, и тебе необходимо верно отнестись к тому, что, несомненно, уже вошло в твою жизнь. Всё это лишь следует принять, и оттого, как ты будешь честен по отношению и к себе, и к окружающему тебя миру, зависит твой собственный рост в понимании Божественного Существования: страху в глаза гляди, но не смигни!

Принятие всего, что есть в мире, совершенно обычное действие, определяемое существующими законами природы, и если человек чего-либо не понимает или не знает, это не означает, что этого нет. Сама сущность

природы подразумевает нескончаемое её многообразие, в мире ещё довольно того, что остаётся непознанным, и даже - непознаваемо, но это не означает её неприятие.

Страшно тебе идти в ночной лес не от того, что там обитают неведомые существа, а потому, как ты о них ничего не ведаешь. Соверши им шаг навстречу, с искренним желанием познакомиться, настрой себя именно на стремление понять этот неведомый мир, и ты будешь поражён пришедшим в твою жизнь изменениям. Не забывай, что и жить страшней, чем умереть, если, как раз, не пытаться узнавать существование как можно глубже.

Что такое страх – ни звери, ни птицы, ни человек постичь не в силах, они лишь могут собраться с духом благодаря предупреждению, заложенному в их организм природой, чтобы молниеносно сконцентрироваться в какой-то момент, требующий от тебя быть предельно внимательным и бесстрашным. Бояться, значит, жить, без всякой хитрости обладая способностью слиться с устрашающим тебя явлением, сделав его своим, и тем самым, войдя в него, преодолеть боязнь. Чувство страха дано человеку для того, чтобы его преодолевать, не подчиняясь ему, и может быть, лесные существа за тем и существуют, чтобы, встречая их в лесу, становиться смелее, быть более чутким и восприимчивым к окружающей тебя, непривычной среде, и дальше жить без страха.

Мне никогда не приходилось с какими-то особыми усилиями избавляться от страха наедине с самим собой, это всегда происходило спонтанно, когда ты в единое мгновение бросал себя в разрешение того, что мешало двигаться дальше, будто чуя, что иначе поступить просто невозможно, и это всегда срабатывало. То есть, я угадывал своё поведение и в море, и в лесу, и никогда не испытывал затруднений в принятии решения. Оно, по большей части, само просилось к немедленному осуществлению, и мне только оставалось произвести шаг.

Как-то незаметно, через все эти шаги, я быстро догадался, что мне нечего бояться ни себя, ни ночного леса, ни шторма или морской глубины, ни одиночества, ибо всегда я смогу остаться собой, приняв единственно верное решение. Я даже получаю от этого удовольствие, как бы тяжело мне не было, и главное, чувствую при этом, что меня кто-то поддерживает… Такая уверенность никогда не покидала меня, даже в детстве, и я чувствовал себя счастливым от того, что благодаря своим простым, в общем-то, усилиям выхожу в огромный мир.

Дать себе жизнь – это именно справиться с тем, что стоит на пути твоего познания мира и лишает свободы его верного восприятия. Хозяином твоего поведения в лесу, как и в жизни, должен стать подвиг, а он не предполагает робость и испуг. Только – движение вперёд, стремление узнать как можно больше, чтобы идти как можно дальше, в глубину, где очень трудно, но страшно интересно.

Жить не со страхом, а с любовью ко всему живому, всегда было моей мечтою, и если выдержишь этот путь, чаша твоей жизни наполнится великой

радостью и благом. За то, чтобы познать тайну жизни, нужно платить, и цена ей – твоя решимость, отвага, терпение и воля. С этой решимостью и любовью отправляюсь я каждый раз в лес, и всегда он дарит мне радость, тем более, в общении с неведомыми существами, к которым я уже, честно признаюсь, даже привязался, и не представляю без них нашего чудесного русского леса. Так я понимаю своё большое счастье, и не мыслю жизни без таинственной лесной чащи.

В нашем народе всегда очень просто относились к самым мудрёным вещам: не страшись, да не хвались – вот тебе и всё учение на добрую жизнь. Не стоит испытывать чувство страха даже перед Господом, коли живёшь по его божественным законам. Все няньки, обычно, стращают детей всякой чертовщиной, а я бы миловал их рассказами об истинной глубине этой сказочной жизни, до которой большой охотник!

Мой чёртушка, подумал я, наверное, ещё не разобрался до конца во мне, хотя я на этом току бывал уже не одну весну, и он должен был меня видеть. Кажется, ему даже не пришло на ум напугать меня в этот раз, он просто постарался оказаться поближе ко мне, желая почувствовать моё настроение и угадать – чем я живу, и, по-видимому, ничего худого не ощутил. Да и что не так могло присутствовать в моей душе, если я был искренне предан ОТЦУ-ЛЕСУ, был влюблён в его чудеса?

Чёртушка, конечно, объявит всем другим лесным существам о присутствии в его владениях странного человека, что, вроде бы, и не охотится, ружья при нём нет, а зачем в лесу объявился, тем более, ночью, неизвестно… Чтобы от меня как-то откупиться, не усматривая в моих действиях зла для лесного мира, он великодушно дозволил мне в это утро полюбоваться на игру прекрасных глухарей, может быть, и в следующий раз окажется благосклонен, но как поведёт себя дальше – неведомо.

Ведь с чёртом без толку тягаться, и лучше будет задобрить его каким-либо приношением – шанежкой и блинком, оставив их на пеньке или подвесив на еловый сук. А вернее всего, вообще, какое-то время не появляться в лесу, давая этому неведомому существу успокоиться. Так, осторожно и вдумчиво, слагаются взаимоотношения человека с ОТЦОМ-ЛЕСОМ, но и то верно: чего Бог не даст, того никто не возьмёт.

А вот разговоры о чертях с людьми бесполезны, во имя твоего же блага. Как бы люди не были любопытны и охочи до сказок, они всё равно убеждают себя и других в том, что чертей никаких нет. Я же ни с кем не спорю, и только жду от леса очередных восхитительных чудес.

Берлога

Приходилось ли вам стоять у чела берлоги, в нескольких шагах от неё, и без ружья? Можете себе такое представить?

Когда мне ещё не привелось оказаться в подобной ситуации, я боготворил смельчаков, что на это решались, даже не воображая себя на их месте: до того жутко было осознать пробуждение медведя рядом с собой, в непосредственной близости, представляя, как он выбирается на свет божий и накрывает тебя тёмной мохнатой тучей.

Разве хватит у тебя стойкости не отпрянуть от натиска грозного лесного исполина, думалось мне, и выстоять перед этой дикой звериной мощью? А когда-то бесстрашные охотники хаживали на медведя с рогатиной, в одиночку, обладая непоколебимой выдержкой и отвагой, и не принимали такое лихое дело за подвиг! Причём, брали зверя на берлоге не по разу, десятками, не теряя ни на миг твёрдости духа, словно обращаясь в камень.

Хотелось бы мне познакомиться хотя бы с одним таким героем, чтобы разузнать о секретах его храбрости, и о том, как отыскать место залегания медведя на зиму, и что для этого необходимо знать! А ещё бы хорошо самому поучаствовать в охоте на берлоге, не убивая зверя, просто, хотя бы, присутствуя на ней, наблюдая - как он встаёт ото сна и приходит в себя, переживая своё пробуждение.

При этом тебе почему-то хочется представлять медведя своим другом, что хоть и живёт в лесу, но он близок тебе по духу, и очень симпатичен своими косолапыми повадками. Мечтается, как это делает мишка, пройтись вразвалочку по укромному заповедному лесу, ощущая в нём себя полноправным хозяином, выискивая ягодки и сочные коренья, лакомясь вкусными муравьишками и сладким диким мёдом. Воображать себя, хотя бы ненадолго, обаятельным и могучим зверем - чудо как хорошо! Но когда узнаешь, что медведь залегает в берлогу на всю зиму, а само слово это означает «грязное место», станешь ли представлять себя им?!

Лежит медведь в берлоге, не умываючись, и декабрь, и январь, и февраль, пока ему мартовская водичка штаны не подмочит, и видит сны, в которых он без оглядки раззоряет пчелиные ульи, лишь бы полакомиться немножко. Жаркое лето обтекает зверя, дух желанного мёда щекочет ноздри, и липкая слюна западает в уголки пасти. Падок медведь до любимой сладости так, что не боится шкурой откупиться.

Раззадорит пчёл не на шутку, а уж потом – бежать! Даже глубокой зимой не дают ему покою пчёлы: он во сне лапой от них отмахивается, вздрагивает всем телом, посапывает. Сладко витать медведю в своих летних воспоминаниях…

Слышится ему, наверное, и запах достигнутой августом роскоши, в которой он с аппетитом поедает лесные яблоки. Сидя, как человек, в усыпанной ими траве, наслаждается медведь этим летним довольством, а тёплый ветерок мягко ворошит его густую шкуру. Приятно медведю всё это посреди зимы заново переживать, и так захочется ему опять лета, что застонет он во сне, губами зачмокает.

Интересно его в этот момент было бы подглядеть, простодушием медвежьим позабавиться. В таком настроении он в лесу и дуги гнёт: гнёт – не

парит, переломит – не тужит. Сочная рябинка от него под осень изрядно намается, а медведю до того – заботы никакой. Он её аромат зимой вдыхает, снами рябиновыми утешаясь.

Спит медведь и видит свой любимый угор, ягодами желанными рдеющий, а ещё лакомство неизменное – муравейники. Как вырастают они под древними елями кучами невообразимыми: замерли в себе, будто ждут чьего-либо внимания. Медведь его на свой интерес приноравливает.

Эдак запустит лапу неуклюжую, напустит страху на царство муравьиное - и потешается. Любо ему, недотёпе косолапому, возбуждение махонькое наблюдать, закусывая кисленькими яичками. Оттого, наверное, он всю зиму лапу в берлоге сосёт, что на неё во снах муравьёв и мёд намазывает.

За зиму, бывает, целый воз сладостей поедает, да ещё корову стрескает. Мало, что сало с осени запасает. Так до весны в сытом довольстве и живёт.

В народе говорят, что одну половину зимы медведь спит на одном боку, другую – на другом, а когда просыпается и с боку на бок перворачивается, то только палец пососёт и опять засыпает. Старики даже уверяют, что медведь потому так долго может спать, что ест особый «сонный корешок». Одна баба будто бы случайно нашла и сьела такой корешок, после чего тоже на всю зиму заснула.

Всё это, конечно, замечательные сказки, без которых и медведь, и зима не были бы так интересны. Созданный Богом для дремучего звериного обаяния и неспешности внутренней лесной жизни, он им же в зиму от холода и голода оберегается: хоть и силён медведь, а воли в нём нет, она выкована в волке. На всю зиму спать медведь ложится, ибо не одолеть ему, даже со своими запасами, суровую пору. Легче ему перележать её в берлоге, чем превозмогать со своим весом в гибельных сугробах.

И как подумаешь обо всём этом, то опять захочется тебе побыть медведем, пососавыя в берлоге свою лапу. Сон от этого ещё слаще становится, и так сердечно и просто от воображаемой лесной сказки своё бытие представлять начинаешь, что в мыслях тоже радостно на другой бок перевернёшься, счастливо губами причмокивая. А это означает – зиме половина отпущенного ей срока осталась, метели да вьюги более усердно принимаются кружить над твоим и мишкиным обиталищем, и сказка лесная ещё правдивее выходит, занимательнее.

И вот, оказываешься ты однажды перед этой самой берлогой, пришло для этого время, и тебе, уж ты знаешь, наверное, не миновать столкновения со зверем. По крайней мере, если он даже выскочит не на тебя, ты всё-таки его увидишь, переживая этот завораживающий миг слияния с вековечной лесной тайной, и если не спасуешь, то откроется в тебе нечто, тебе ещё неведомое, что только спало, и пробудить его приведётся медведю, которого ты невольно потревожил на берлоге.

Когда у тебя охотничье сердце, и оно полностью захвачено жизнью леса, трудно избежать охоты на берлоге. К тому же, она тебя сама находит, если ты к ней готов.

Не секрет, что люди, берущиеся за организацию такой охоты, особой масти, они уже давно научились принимать лес, как свой родной дом, но уважают в нём всякое живое существо, будь это хоть мышка-малютка. Добыть медведя – задача для них, конечно, первостепенная, но и обставить эту охоту они намерены по всем правилам охотницкого искусства, извлекая из всего происходящего максимум удовлетворения.

Добиваясь тщательного подхода к обустройству этого серьёзного дела, охотники на берлоге, в первую голову, всегда думают о самом медведе, что это – не обычный зверь, а грозная сила, обладающая необыкновенной мощью и смекалкой. Никто не знает – как он себя поведёт, если не ко времени оказажется растревоженным. Неспешно шатаясь в поисках пищи по лесу, медведь, конечно, представляется иной раз забавным косолапым недотёпой, но это – опасное заблуждение.

Не знает об этом, наверное, и сам медведь, только что пробудившийся от долгого сна, хоть и находится в родимом лесу. Да разве разумеет он что-либо в момент поднятия его с берлоги, посреди зимы?

Медведь ложится в неё почти на полгода, прежде обстоятельно отыскав удобное для этого место, даже не преполагая, что его кто-то решится потревожить. И вот, вдруг, сладкий сон лесного зверя прерывается, и что он при этом может чувствовать? Должно быть, большое недовольство, а ведь в берлогу ещё залегают и медведицы, что рожают в её уютном тепле медвежат.

Как такая мама способна повести себя, если кто-нибудь покуситься на её покой, и значит - на жизнь малышей? Даже не поверится поначалу, что где-то в таёжных северных лесах, в самой утробе января, появляются на свет милые зверёныши, и мать заботливо кормит их во сне молочком, а над берлогой метели наносят великие сугробы.

Такова сказочная зимняя повесть, рождающаяся в засыпанном снегом диком лесу, и особенно удивительно, что когда нам пришло время отправиться на берлогу, подготовленную егерем, в ней оказалась именно медведица. Но всё по порядку.

Момент, когда из берлоги показывается косматая голова, как ни странно, не впечатляет так, когда живёшь только ожиданием появления зверя. Выберется ли он из берлоги в считанные секунды и надвинется на тебя грозовой тучей, или появление его окажется непредсказуемо медлительным, так что зверь покажется не сразу, впопыхах, а неторопливо, ещё толком не придя в себя, тебе неведомо.

Может быть, он, выкарабкавшись из своего убежища, метнётся, стремглав, в спасительную чащу, не обратив внимания на людей, лишь бы спасти свою шкуру? Такие случаи бывали, и потревоженная лесозаготовителями медведица, ещё не пришедшая в себя ото сна, даже

бросала малышей, убегая подальше от берлоги, и уже не возвращалась. При охоте на берлоге вероятны самые непредсказуемые ситуации.

Как всё будет?! Тысячи вопросов проносятся в голове, не успевая запечатлеться, и оттого то, что представляется – постепенно смешивается в сплошной сумбур, и лесная картинка происходящего там, с тобой и товарищами, никак не вырисовывается, скорее, смазывается, превращаясь в сущий хаос. Но нет, тут нужно собраться, и действовать не по прочитанным увлекательным книжкам, а по указанию распорядителя охоты, главного в ней человека, что уже не раз бывал на берлоге медведя, и спокойно может объяснить самое необходимое, без чего в такой охоте не обойтись.

Это – старый медвежатник, уважаемый всеми знаток леса, Учитель… Без него в охоте на берлоге ничего, действительно, не сложится, и таковым являлся для нас Юрий Николаевич Ушаков, почётный охотник с многолетним стажем, таксидермист Областного Краеведческого Музея.

Накануне охоты, с вечера, мы остановились в избе местного егеря, Фёдора Степановича. Его супруга, Валентина Ивановна, поставила на стол самовар, пироги с ватрушками, и сразу стало тепло и уютно. Мы все собрались у карты района, и Фёдор Степанович показал нам квадрат, где залёг медведь. По его словам, недалеко от дороги, но придётся переходить глубокий лог.

- Выйти на медведя не мудрено, - рассказывает Юрий Николаевич. – Лесной боярин спит крепко, его ещё разбудишь не сразу. Порой постараться приходится, но защищать себя ты сам должен. Будь крепок, не робей, будто ты стреляешь по рябчику, пусть владеет тобой только интерес к лесу и медведю, больше ни о чём не думай.

Выпадет счастье, что хозяин выскочит на тебя, помни: в твоих руках ружьё, а не рогатина, с какой брали зверя на берлоге наши предки. Сумел бы ты с ней обойтись в таком хитром деле? То-то, но у тебя имеется механизм разрушительный, с пулями спасительными, и потому – нечего бояться. Не стой межевым столбом, стойкость – в умении не терять головы, когда страх одолевает.

- Ну, а как подшумим его раньше времени, - спрашивает водитель Федя, - он уж непременно уйдёт?

- Может и в твою сторону спросонок броситься, кто ж его медвежью душеньку разберёт. Точно предусмотреть охоту на Михайло Потапыча никто не в силах. Но зарубить себе на носу следует каждому: если хочешь оставаться только свидетелем – недалеко и до беды. Какой же ты тогда медвежатник?!

- Впервой-то, поди, всякому не сладко! – с опаской замечает Федя.

- Значит, стояли вместе, а побежим врозь?

Федя в задумчивости опускает голову.

Юрий Николаевич знает дело туго, долго рассусоливать он с нами не собирается, и от понимания того ответственного дела, на которое мы решились, все приходят в доброе возбуждение.

Тут надобно заметить, что охота на берлоге, действительно, дело особенное, и оно не терпит лишних людей. Каждый участник оклада должен находиться на своём месте, всему в этой охоте свой час и разумение, и без тщательного инструктажа, а ещё лучше – опыта, глубинного желания проникнуть в тайны леса, решаться на неё нежелательно. Горе, если кто-то несерьёзно отнесётся к значимости происходящего действия, не учтя важность такого события!

Лесной воевода шуток не признаёт, и позволить себе допустить оплошность человек не вправе: ценой ей будет его жизнь. Ну, а трусу на медвежьей охоте делать вообще нечего. Тут требуется именно стальной характер, спокойствие духа и непоколебимая любовь к лесу.

Ничего этого тогда у меня не было, ну, может быть, только отчасти, и лишь любовь к лесному царству переполняла все мои чувства и мысли. Я ещё не понимал, что в охоте на медведя важно не то, что ты думаешь или знаешь, а то, что и как ты делаешь, оставляя после себя в своих поступках, и если решился побывать в охоте на берлоге, конечно, честь тебе и хвала, но и спрос будет велик. Истинное мужество, как раз, заключено в том, чтобы не взять лесного исполина на берлоге, проявив, будто бы, неслыханную отвагу, а знать, что при случае действительно окажешься несгибаемым, и, конечно, не растеряешься, если от тебя потребуется решительность. Но всё же, без надобности, не причинишь никому вреда.

Вообще, моё отношение к медведю такое: представляя скитающегося в лесной чащобе косолапого, я никогда не воспринимаю его как страшного и свирепого зверя. Нередко случалось мне встречать медведей и в нашем лесу, и на Дальнем Востоке, и ни один из них не повёл себя агрессивно, а стремился поскорее избежать столкновения, оставляя о себе память лишь мелькающим маленьким хвостиком. Каким же чистым надо быть, чтобы, встретившись в лесу со зверем, пусть даже с таким величественным и сильным, как медведь, не покуситься на его жизнь и не испугаться, а заговорить с ним ласково и просто, как со старым, давно не виденным другом!

Вот и Юрий Николаевич поведал нам об этом так же доходчиво и прямо, без затей:

- Столкнувшись с медведем на лесной тропе, не смотри ему в глаза дерзко, а взгляни доброжелательно и покойно, не тая дурных мыслей. В твоих глазах медведь должен увидеть почтительное отношение к нему, чем и укрепишь в лесном хозяине уважение к себе. Так и утвердится между вами понимание.

- Не очень-то в такое верится, - озабоченно произносит Федя.

- А ещё лучше, - добавляет Юрий Николаевич, - поздоровкайся с ним по-хорошему, просто: «Доброго здоровья тебе, медведушко!» И медведь, если он не подраненный, не шатун, непременно примет человека, хоть для острастки и рыкнет. Мол, более не приближайся, и того расстояния между нами довольно, чтобы сохранить радушное отношение друг к другу.

Да, думаю я, отправляясь на встречу с медведем, следует, похоже, запастись не только отчаянной смелостью, но и благоразумием, даже – покоем в душе. Если весь взвинчен от охватившей тебя страсти – к зверю нечего соваться, а вот если сохраняешь душевную твёрдость, состояние некоей непоколебимой внутренней тишины, в котором находишься постоянно, к медведю можно обратиться лицом, тогда и он тебя уважит.

Впрочем, медведи, как и люди, разные по характеру бывают. Одни – заполошные, столкнувшись, нос к носу, с человеком, с перепугу не знают, куда деваться, а одумавшись – тотчас бросаются в чащу. Есть любопытные, при встрече с чем-то неизведанным, они приподнимаются на дыбы, и, сложив на груди лапы, пристально всматриваются – что их потревожило? Бежать при этом они и не думают, проявляя, скорее, интерес. Попадаются, конечно, и злого нраву, тем лучше, вообще, не показываться, ибо вмиг кинуться и задерут: разве разберёшь, что у зверя на уме… Вот почему с медведем нужно быть очень сторожким, не нести в себе раздражения, а значит – боязни.

Всё, что может противопоставить человек медведю, это – единение с ним и природой, вы должны оба находиться на одной волне спокойного восприятия окружающей вас действительности, и никак иначе. Страх перед зверем – это лишь предполагаемое вами развитие событий, то, что ещё не случилось, но вы его уже себе представляете, и неминуемо выявляете в собственном поведении. Медведь не может этого не почувствовать, и тут уж всё зависит от его характера.

Он, конечно, простоват, бывает даже боязлив, но ведь это зверь! Кстати, не зря среди лесовиков бытует примета, будто бы медведи попадаются очень часто лишь тем, кто не ищет с ними встречи.

- Ну, а где чаще всего залегает мишка? – с интересом спрашивает Федя.

- Медведь, если не находит удобный выворотень, часто довольствуется несколькими ёлочками в человеческий рост, растущими кругом, обдирает вершинки с сучьями, устраивая подстилку из них, а находящиеся рядом деревца надкусывает так, что подломленные макушки укрывают его лёжку сверху. Получается что-то вроде шалаша, а снег превращает это неказистое сооружение в настоящий шатёр, - с расстановкой, спокойно, разъясняет Юрий Николаевич. – Что у медведя на уме – одному Богу ведомо! Бывает, на поваленных в бурю деревьях постель себе устроит, а то и в стоге сена заляжет, оставленного на лесной поляне на зиму. Живёт, косолапый, своим домком, потому как своеобразен умком.

- Всякий своим умом живёт, а уж медведь – на особинку, - оживляется Фёдор Степанович. – Не поверите, залёг у нас однажды прямо возле деревни: все мимо ходят, собаки облаивают, ребятишки на лыжах катаются, лошади сено с дальних покосов возят, в одном и том же месте беспокойно всхрапывая, а никому и невдомёк, что у них под боком сам хозяин тайги на зиму устроился. Так, до весны, и пролежал! Ума-разума много, да вон нейдёт: попробуй-ка, разбери лесные дела!

- Зато привычек своих не меняет, - не перестаёт наставлять нас Юрий Николаевич, - почти всегда ложится головой к челу, а чело медведя чаще располагается на южную сторону, и потому подходим к нему с севера. Тут многое ещё зависит от погоды: в мороз зверь менее чуток, но сейчас оттепели, и надо быть внимательнее. Он и берлогу-то разыскивает, всегда направляясь с юга на север.

- Медведи обычно устраивают берлогу под комлевой частью дерева со стороны ствола, а не там, куда выступают корни, - поучает уже Фёдор Сттепанович, - и потом подкапываются под них, обкусывая. Наша берлога, скорее всего, именно такая, и зверь, наверное, устроившись под корнями, сразу не выскочит. Лучше вставать прямо за стволом, и тогда медведь высунется под выстрел, показав затылок. На этом его и брать.

- Значит, остальным нужно быть начеку по бокам, - спокойно замечает Юрий Николаевич, - с восточной и западной стороны. А на затылок очков не напялить, это верно.

- Бывает и так, что не всё по затылку, ино и по головке надобно погладить.

- Медведя хоть гладь, хоть бей, всё одно – зверь, с него взятки гладки.

- Скорее бы уже утро, - ни с того ни с сего оговаривается Федя.

- Не спеши жить, придёт смерть, скажешь: рано! – с укоризной замечает Фёдор Степанович. – Не ровён час, доспешишься до греха.

- Как же устроить так, чтобы вышло всего вернее? – плохо сдерживая волнение, вопрошает Федя.

- Осторожить наше охотницкое войско караулами! – весело восклицает Юрий Николаевич.

- Не спехом дело спорится, а толком, - опять наставительным тоном поясняет Фёдор Степанович. – Наши деревенские мужики однажды такую штуку удумали. Срубили заранее несколько трёхметровых ёлок и засунули их вершинками вперёд, прямо в виднеющееся под завалом чело. Разбуженный медведь, ничего не понимая, начал бороться с этими ёлками, то втягивая их в берлогу, то стараясь вытолкнуть наружу, а верхушки растопыриваются ветвями, мешают медведю выбраться, между тем, как отверстие расширяется, и охотники имеют возможность лучше подготовиться для верного выстрела. И ведь сработало!

- Но ведь зверь, разбуженный таким образом, находится в невыгодных для себя условиях, - говорю я. – Он не может разобраться – что происходит, и просто сбит с толку. Не лучше ли, чтобы его пробудил естественный звук – хлопок в ладоши, стук палки о дерево или окрик?!

- Так-то оно так, да только иной раз стучи-не стучи: сидит дед на печи! – строго обьявляет всему нашему охотничьему воинству Юрий Николаевич. – Чего только на охоте не случается, вот и Михайло Потапыча иной раз нипочём не добудиться: хоть кричи, без умолку, весь божий день, хоть бей его в лоб! Приходится на пустом месте пароход изобретать.

Как верны были слова Юрия Николаевича, мы удостоверились лишь позже, но накануне охоты любое его высказывание, как и Фёдора Степановича, подвергали сомнению, желая дознаться правды. Бог велит всё и всех знать, но кому знание запросто так давалось?

- Зимний день короток, - поясняет Юрий Николаевич, - но выходить на берлогу будем ближе к полудню, зверь ночью более чуток, чем днём. Да, к тому же, погода пасмурная, а Топтыгину крепче спится в мороз, и в светлое время он скорее в такую погоду забывается в дрёме. Позже зачнём, быстрее развяжемся!

- Умело подойти к логовищу тоже имеет немаловажное значение, - вторит ему Фёдор Степанович. – У нас к берлоге, по всему кругу, примыкает лес, и медведь может скрыться с глаз на первом прыжке, так что придётся приближаться к нему вплотную, почти в упор, не выпуская из берлоги, а стрелять за ухо или в затылок, как и условились. Здеся твой опыт, Юрий Николаевич, пригодится, мы же с ребятками по бокам замрём.

- По себе знаю, что хуже всего, когда медведь лежит в закрытой берлоге, в густых зарослях, не показываясь сразу охотнику, и вылетает из неё пулею, - досадует Юрий Николаевич. – Не успеешь и осадить.

- Там, куда направляемся, чело с трёх сторон открыто, с севера только старая ёлка, так, что пятачок какой-никакой имеется. Первое дело – не робеть, выскакивает зверь на удивление ловко, и тут тебе две воли: чья сильнее, та и возьмёт.

- По чести, так чья лесная доля, того и воля, - поправляет Юрий Николаевич. – Для охотника же на бою – одна Божья милость.

- И всё-таки, приходится стрелять толком не отошедшего ото сна зверя, - с робкой укоризною, будто противится всему сказанному Федя. – Ладно ли это?

- Лады, конечно, всего дороже, но медведь в берлоге – не притаившийся на днёвке косой, которого сначала стронули, а потом стреляют, - доходчиво объясняет Юрий Николаевич. – С ним никаких ладов не напасёшься! Он в один прыжок может огромное расстояние перемахнуть, и положить его с одной пули не всегда удаётся.

- Не токмо - с первой, но и со второй, и с третьей, - оживляется Фёдор Степанович. – А в прыгучесть его невероятную я долгое время никак не мог поверить, пока не натолкнулся по осени на свежий след медведя, пошёл за ним, и очень был удивлён, когда след прекратился, так как дорога пролегала по открытому месту, и звериного схода с неё я не обнаружил. Пригляделся – справа от дороги, метрах в семи-восьми, лежит старое бревно, за ним – порядочный бурелом, так вот медведь, ни сходя с места, сиганул, значится, на это бревно, а дальше ушёл верхом, по поваленным деревьям: я это потом по следам от когтей на них определил.

- Да-а, - продолжая тему необыкновенной ловкости медведя, произносит Юрий Николаевич. – Не тот бьёт медведя - кто хочет, а кто может.

Мы же с Федей сидим присмиревшие, каждый по-своему воображая себе предстоящую охоту. Какой матёрый зверь выскочит на нас, и как это будет?

Вопросы один за другим не перестают мелькать в воспалённом от ожидания уме, и я уже вижу, как разъярённый исполин тайги бросается прямиком на меня, сгребая в свои могучие обьятия. Что-то будет?!

- Если спокойно разобраться, то страшного ничего при охоте на берлоге нет, - вкрадчиво объясняет нам Юрий Николаевич, - коли ты готов встретиться со зверем.

- Как это? – не отступает Федя.

- Ну, тебе доподлинно ведомы его повадки, охотничья амуниция твоя в порядке, и все свои действия ты хорошо продумал. Как это, собственно, происходит и с любым другим делом, если ты внимателен и к себе, и к окружающей жизни.

- Жизнь, конечно, любит обстоятельное к ней расположение, - спокойно замечает Фёдор Степанович, - и оттого нужно относиться ко всякому живому существу с уважением, как и к нашему дорогому лесному воеводе. Мишук – зверь отходчивый, тоже беспорядка не любит, и когда ты с ним по справедливости, и он тебя не обидит. Но как тут быть, коли мы его в родном доме покою лишаем?!

- Что верно, то верно, - вторит ему Юрий Николаевич. – Приведётся встретиться с медведем на таёжной тропе, я уж об этом говорил, и тут всё зависит от тебя самого: либо схватишься за ружьё – и зверь на дыбы, либо заговоришь с ним по душам, ласково, выявляя лишь уважительное к нему отношение. Получится отыскать в себе слова правильные, добрые, и выдержку отменную проявить, так что зверь поверит в твою искренность, то он ни за что не нападёт: отправится по своей лесной дорожке, а ты – по своей. Чего вам делить, если уважение друг к другу испытываете?

- А как же берлога? – заворожено вопрошает Федя.

- Сибирские охотники сказывают, что коли выпала судьба заглянуть медведю в глаза, ни в коем случае не поворачивайся к нему спиной и не ударяйся в бега, а спокойно стой, либо тихоньку ступай ему навстречу: ни за что, будто бы, не тронет, - степенно утирая усы, добавляет Фёдор Степанович. - На логовище же медвежьем себя, главное, не теряй: медведушко, именно так к нему и след обращаться, вмиг в человеке страх примечает. Он в своём лесном дому, что оладья в меду.

- Не прав медведь, что корову сьел, не права корова, что в лес зашла, - шутит Юрий Николаевич.

- Вот-вот… Человеку всего и остаётся, что стать медведем, только в другой шерсти!

- Приключилась со мной однажды история, - улыбается Юрий Николаевич. - Зашёл ко мне лешак косолапый неслышно сзаду, да как рыкнет, я и пал ничком. Так дух перешибло, что языка своего не доищешься. Словом, унеси ты, Господи, моё горе!

- Тут, насколько хватит терпению, лежи, - не удерживается от совета Фёдор Степанович.

- И не дыши, - продолжает Юрий Николаевич. – Медведь обычно подходит и нюхает, лапой попробует тебя перевернуть, но ты не шелохнись. Если нету уже терпёжу – незаметно втягивай воздух, и, не двигаясь, продолжай лежать, пока мишка сам не уйдёт. Да только и тогда не срывайся с места как угорелый, а, не поднимаясь, осторожко оглядись, и когда уж убедишься, что зверь удалился – вставай. Вот я и покорился тогда своей судьбе, благо, чёрт косматый отступил.

- Оберёг тебя, ради Христа, лесной бог, - перекрестившись, заключает Фёдор Степанович.

- Но стоит, ей-богу, побывать, хоть раз в жизни, на медвежьей берлоге, чтобы самому, воочию, увидеть таинственное обиталище дремучего лесного зверя, - удовлетворённо произносит Юрий Николаевич. – Как он неприхотливо залёг на зиму под каким-нибудь старым выворотнем, что защищает его уютную лёжку от северного ветра. Ощутить этот утробный медвежий запах, несравнимое ни с чем переживание нахождения рядом с медведем в его родном доме, в любимом и тобою вековом лесу.

Да только нелегко пробудить в себе желание непременно встретиться с хозяином тайги, особенно – на берлоге, преодолев все опасения, и главное, страх перед этой неизведанной лесной силой. Но медведь - стращает, а Бог - милует!

И действительно, думаю я, как не крути, а из всех добываемых в лесу зверей медведь стоит особо. И в первую голову именно потому, что на всю зиму залегает в берлогу.

Зверь большой и обиталище его не маленькое, хотя порой Михайло Иваныч укладывается спать совершенно бесхитростно, будто его сон настолько сморил, что ему лень выкапывать берлогу, и он ложится просто так, в какое-нибудь незначительное углубление, или умащивается под корнями вывороченного ветром дерева. Так и проведёт всю зиму, и по деревням бытуют рассказы, будто бы кто-нибудь из незадачливых лесозаготовителей даже проваливались в такую нехитрую берложку, и тут уж только на случай надеяться, чтобы Господь тебя спас. Но чаще всё-таки зверь тщательно подбирает себе место для зимовки, порой не раз сменит его, если ему что-либо не понравилось, и лишь затем успокаивается.

По медвежьему хотению, говорят в народе, зима студёная длится: как повернётся он в своей берлоге на другой бок, так и зиме ровно половина пути до весны осталась. Вот отчего позавидуешь медведю, и пожелаешь и себе обустроить своё житьё так же просто, как это получается у зверя, чтобы долгая зима была не в тягость, не ложилась на плечи тяжёлым бременем, а принесла бы к весне всё то, о чём мечтает душа.

Всю зиму скрипят над берлогой медведя высокие старые ели, а сон его от этого становится ещё крепче. Добродушным кажется лесной боярин-

топтыга, когда спит, целую зиму, в берлоге. Соляными горами высятся над ней крупчатые снежные сугробы. Не будит медведя даже мартовская капель.

Порой до конца апреля спит он в своём потаённом лесном убежище, так что даже шуба подмокает, но медведь всё равно не встаёт. И только уж когда совсем его крайняя нужда одолеет, и день обгонит ночь, а в потёмках апрельской ночной тишины скрипнет под кем-то наст, с великой неохотой поднимается из-под снега седой и рассерженный на весь свет ворчун.

В течение лета и всей осенней поры медведь старательно нагуливает запасы жира, но не для зимы, как это принято считать. Сало его за долгие месяцы остаётся почти не израсходованным, а потребуется оно ему как раз на период весенней бескормицы, когда зверь поднимается из берлоги голодный, и может отыскать в пустом лесу только немножко личинок, муравьёв или кореньев, в лучшем случае – горсть кедровых орешков в разоренной норке бурундука. Вот тогда и спасает его накопленное сало, когда лихо стало.

- А как отыскать берлогу в таком огромном лесу? – озабоченно недоумевает наш сердобольный Федя.

- В стародавние времена охотники за медведем по первозимице ходили, - рассказывает Фёдор Степанович. – Как только снежку поднасыплет, мишутка отправляется к своей старой берложке, или отыскивает новую, и вот в эту пору охочие до зверя люди и прослеживали его тропы.

По глубокой осени, направляясь к берлоге, медведь обязательно после себя оставлял чернотроп, по нему зверя и находили. Охотники замечали такие места зарубками по деревьям, давали зверю улечься, а приходили на примеченное место уже ближе к весне.

- Мишка, прежде чем уснуть, наламывает вокруг берлоги хворосту, лапник сосновый и пихтовый, - продолжает Юрий Николаевич, - и когда ляжет, так и навалит на себя сверху весь этот валёжник, оставляя дырочку для продыха. В течение декабря снег заметёт берлогу, но дырочка никогда до конца не затягивается, дух медвежий её подтапливает. Так и лежит Потапыч в своём уютном обиталище всю зиму, да лапу сосёт, горя не зная.

- Существует ещё такая звериная смётка, я и сам её не раз примечал, что медведь, прежде, чем основательно залечь, над самой берлогой заламывает верхушки ёлочек, даже, вроде как, сгрызает их, и по ним тоже можно определить его лёжку. Для чего мишук + это выделывает, ума не приложу!

- Причём, такие заеди можно встретить не у всякой берлоги, - примечает Юрий Николаевич.

- Для чего же медведь их делает? – вступает в разговор Федя.

- Для комфорту… Закусывая верхушечки ёлок, пробует их на вкус, и если понравятся, устилает ими берлогу.

- А почему не у всякой берлоги встречаются эти заеди?

- Если ёлочки заедены, но берлога отсутствует, значит, кора с хвоей показалась медведю недостаточно ароматной. Удобство – всякому делу подспорье, а уж Михайло Потапычу и подавно!

- Шибко приметливый до всего зверь, - соглашается Фёдор Степанович. – И «закуси» по вкусу выберет, и по весне, когда поднимается с берлоги, ищет особую травку «прострел», чтобы удалить «пробку», окаменевший в заднем проходе кал. Берлогу, хоть она в переводе и означает «грязное место», мишка содержит в чистоте.

- Да и место это он выбирает очень тщательно. Бывает, выроет не одну берлогу, пока всё ему не придётся по вкусу. Зима тёплая выдалась – уляжется верхом, а ударят морозы – поспешает поближе к болоту с тёплыми ручьями. Медведица, ожидающая щенят, всегда устраивает берлогу глубже, обширную, чтобы иметь возможность переворачиваться, когда у неё начнутся потуги, да и малышам просторнее, а оставшиеся без матери пестуны, иногда их число доходит до четырёх, готовят берлогу вместе, если их не разъединила судьба, и так, гуртом, и ложатся.

Что же касается грязи, так куда без неё, коли всю зиму лежишь не умываючись, но, как говорится, грязь не сало, помял, она и отстала.

- Медведь умён так, что иной раз старшно становится! – вступает в разговор супруга Фёдора Степановича – Валентина Ивановна. Уж кому, как не ей, жене старого лесовика, не знать этого. – Меж людей ещё бытует поверье – ни в коем случае не поминать его по имени, пока лесной отшельник сладкому сну предаётся, чтобы он не услышал тебя, и не навлёк человек на себя беду.

- Ну, это – сказки, - усмехается Фёлор Степанович. – Пустая бочка пуще гремит!

- От деда своего, ещё в детстве слышал, как по старине крестьяне, чтобы медведя из берлоги вытравить, ловили зайца и подносили его, держа за уши, к самому челу, а затем принимались его щипать, отчего косой начинал пискляво голосить, и мишка, рассердившись, просыпался. Даже лай собак не всегда будит лесного боярина.

- Ну, а чего делать, если, ни собаки не помогают, да и зайца взять негде? – с лукавинкой вопрошает Фёдор Степанович.

- Приходится тогда охотникам самим дремучего воеводу из его укромного обиталища поднимать, и тут уж - кто на что горазд!

Все улыбаются, лица раскраснелись от печного тепла, доброй беседы и хозяйской снеди. Но надо и честь знать: поутру отправляемся на берлогу!

Ещё раз проверяем охотничью амуницию, ружья, всё, вроде бы, в порядке. Укладываемся на полу, у печки, где Фёдор Степанович заботливо расстелил нам свой старый зипун. Но я никак не могу заснуть, представляя, как всё сложится завтра, в незнакомом заснеженном лесу, и вспоминаю, как нащёл свою первую берлогу, но медведя не потревожил.

В самых глухих уголках леса устраивает медведь себе на зиму логовище. Непроходимый валёжник и бурелом спасают его от непрошеного гостя. Правда, иной раз залегает зверь, чтобы было не так скучно, поближе к деревне, и слушает, как петухи распевают. Лежит, дышит на свои стоптанные

лапы, да сквозь сон чему-то улыбается. Хорошо ему в берлоге, уютно, шуба и жир греют.

Лежит медведь всю зиму в берлоге, и дела ему никакого нет до её обустройства и чистоты. Талая вода весной всю грязь со шкуры вымоет, травы молодые её очистят, а ветерок просушит. Только бы не помешал никто сну сладкому прекратиться. Чуток должен быть человек к волеизъявлению Батюшки-Леса, что проявляется в зимних снах самого могучего зверя в нашем лесу.

Трудно обнаружить берлогу зимой, но неравнодушному к лесу человеку хоть однажды, да выпадет такое счастье. Не ждёт и не ведает он этой встречи, неспешно бредёт по закраинке какого-нибудь глухого лога. Лыжи глубоко проваливаются в рыхлом снегу, обильная испарина выступает на лбу и спине, а вяжущий морозный воздух обволакивает всё тело. Тихо вокруг, затаенно, непробудно.

Отчего-то выбираешь на своём пути густой островок ёлок. То ли притягивает его неглубокий снежный покров, то ли таинственная темнота хвои, но ты почему-то жаждешь поскорее с ним соединиться. Замечаешь вдруг, что верхушки ёлочек кем-то аккуратно заедены, а когда рука касается шероховатого смолистого ствола, что-то входит в тебя вместе с укромной еловой темью, каким-то особым потаённым пространством.

Некоторое время ты ещё не в силах постигнуть происходящего, и только отверстие в снегу, обильно затянутое изжёлтой куржавиной, приковывает внимание. С подступающей в груди захолаживающей дурнотой вдруг понимаешь: это – чело! Здесь, в каких-нибудь пяти-шести шагах от тебя, мирно лежит и дышит под снегом грозный лесной исполин.

По чужим рассказам, какими бы занимательными и поучительными они не выглядели, отыскать берлогу, даже натолкнувшись на неё случайно, маловероятно. Нужно хорошо знать всю округу, повадки зверя, может быть, даже наблюдая долгое время, неотступно, за каким-то одним медведем: как он и где приноравливается залечь на зиму.

Хорошо, конечно, иметь про запас добрую удачу, но лучше всего – особенное чувство леса, когда ты, благодаря этому чутью, понимаешь, что лес давно принял тебя в свои обьятия, ты в нём не переходишь допустимую черту, и переживаешь его жизненные ритмы внутри себя как свои собственные. Лес близок тебе, он – родное существо, и вот только при всём этом тебе однажды может повезти. Мне тогда повезло.

Мы тихонечко приближаемся к берлоге, все многозначительно помалкивают в присутствии нашего мудрого и многоопытного руководителя, повидавшего всякую жизнь человека, особенно – в лесу, и мне хочется думать, что какая-то очень важная истина нам непременно сегодня откроется. Мы идём на медведя!

Снег рыхлый, продвигаемся почти неслышно, и абсолютная тишина окутывает нас своей невидимой шалью. Над нами высятся угрюмые ели, их заснеженные верхушки не шелохнутся, и все мысли сосредоточены на бугре под старой елью, что описал нам вчера ФёдорСтепанович.

Находясь в предощущении того, что нас ожидает, медведь в моём воображении отчего-то не нависает над нами, как и величественные ели, косматой громадиной, с налившимися кровью глазами, а представляется обыкновенным могучим зверем, каким всем давно и хорошо знаком. Зверем со своеобразным, не похожим ни на кого характером, когда при малейшем шуме, производимым человеком, он чаще всего бежит, ибо никогда никого не трогает зря. Но не дай Бог помешать ему решительно, так как он очень не любит нарочито настроенных гостей, и тогда уж судит о жизни по своим нехитрым устремлениям, и если кто-то вторгается в его царство, властелин лесов, конечно, поведёт себя по-медвежьи. А мы, вот, решаем нарушить его покой…

Но как это – по-медвежьи? Пожалуй, непредсказуемо, и тут мы должны сами быть предсказуемыми, верными по отношению к себе, чтобы достойно отнестись и к зверю.

Стоя у берлоги, в заснеженном лесу, тебе открывается прекрасное мгновение твоего нахождения здесь, в нескольких шагах от спящего зверя, и хочется, чтобы всё это нетронутое пространство так и оставалось нетронутым, и никто бы не нарушил покоя зверя. Но как закрепить в себе желание этого навсегда, тогда как ты напросился именно на охоту, где медведя непременно должны подстрелить, иначе бы её тебе никогда не увидеть, не убедиться воочию в могучей силе и красоте животного, которому суждено погибнуть.

Разве твоему растревоженному природой сердцу суждено успокоиться только через гибель зверя, глядя, как подстреленное животное мечется в предсмертной судороге и умирает? Не великая ли это плата за твоё знание, перенесённое затем на бумагу?

Может быть, в тебе живёт какой-то другой человек, для которого красота непременно связана со смертью, или это ты сам желаешь связать себя по рукам и ногам тем, что и обогатит, и обездолит? Во имя чего такая цена, ради которой ты не в силах отказаться от убийства, и простишь ли ты за это себя когда-нибудь?!

И вот этот, другой человек, или ты сам, против всякого здравого смысла, как будто не себя, а кого-то уговаривает: «Упустишь мгновенье, и оно уже никогда не вернётся, и ты будешь вечно потом жалеть о том, что не использовал возможность поучаствовать в охоте на берлоге, пусть лишь в качестве наблюдателя». И ты, конечно, даёшь слабину, и убеждаешь себя в том, что подобная возможность не повторится, и хотя бы раз в жизни непременно следует попробовать то, что воображал себе ещё с детства. Так заразительна природа, что захватывает нас с малых лет своей сказочностью, и не находишь в себе сил, чтобы противостоять её обаянию.

Как урезонить в себе эту охотничью страсть, любуясь – не убивая? Может быть, только представляя тот таинственный миг, в какой зверь поднимается ото сна, и всё пространство вокруг него тоже просыпается.

Оживают ёлочки, что распростёрли свои пушистые ветви прямо над берлогою, облегчённо вздыхают наметённые за зиму сугробы. Вот застрекочут-зацокают в верхушках деревьев белки, осыпая на зернистый снег еловую шелуху, а ещё выше – в выстуженном замершем небе, растревожено подаст голос ворон – «крун-донн, крун-донн». Пробудится и сам лес, заходит-задвигается в нём нечто сокровенное, заключающее в себе его глубинное ведание, отчего и тебе является живая чудесная тайна… Так зачем же тебе её убивать?!

Так борешься ты с собой, но механизм охоты уже запущен, ты в ней согласился участвовать, и вместе с радостью, что предстоит увидеть и узнать, в сердце закрадывается и горечь, внутренняя дрожь от того, что суждено охотникам сотворить. Но не хватает сил отказаться, повернуть вспять, и, как не крути, придётся посмотреть зверю в глаза, чтобы жалеть потом об этом всю оставшуюся жизнь.

Ведь в каждом человеке живёт его истинное «я», до него бывает очень трудно достучаться, у многих это за всю жизнь так и не получается, и не пытаться достичь своей настоящей природы недопустимо. Но без того, чтобы сначала потерять себя, а потом обрести, миг постижения, наверное, пережить невозможно. И именно там, у берлоги, я знал это точно, останется навсегда моё сердце, иначе не почувствовать себя частью этого мира, где отвечаешь за всё и за всех, и главное, за себя, чего бы потом с тобой ни случилось.

Сколько разных чувств и мыслей проносится в тебе в таком смятённом состоянии, когда, кажется, не принадлежишь себе, а какому-то совершенно иному, непонятному миру, что и манит, и тяготит. Освободиться бы быстрее от всего, что мешает жить, чтобы ощущение свободы стало для тебя привычным состоянием, самым близким и дорогим, когда собственное открытие мира не угнетало бы никакое другое живое существо. Но, не пройдя неизведанного, не стать свободным.

Так вот, теперь я без колебаний скажу, что тот, неизвестный человек, обьявивший себя когда-то во мне, исчез. Но сколько лет прошло, пока это мгновение наступило, и я почувствовал в себе, помимо восторженности, и правду бытия, подойдя к ней заслуженно, преодолев немало внутренних препятствий, и ОТЕЦ-ЛЕС сразу меня понял и принял.

Нет уже того замирания духа от ощущения, что ты делаешь что-то не так, а есть глубокое и спокойное осознание слитности себя с окружающей природой, оно сейчас живо во мне навсегда. Но тогда, у берлоги, я с трепетом ожидал для себя какого-то важного открытия, пребывая в смятении чувств, да только невозможно было этого миновать, не пережив в полной мере. Только так, через боль и препятствия, открываешь в своей душе царство прекрасного, и важно при этом себя не потерять.

И оттого неслучайно, наверное, мне не хотелось до конца предавать своё сердце, и так представлялось, что медведь выскочит из берлоги – и спасётся, его минует злая доля быть убитым, что-то непременно должно будет произойти. У кого-то из охотников, быть может, случится осечка, а другой замешкается и упустит удобное для выстрела мгновение, зато я увижу поднявшегося ото сна зверя, и успею разглядеть всю картину в мельчайших подробностях, а сам медведь останется жив.

До того я в душе возжелал этого, что мне трудно было оставаться одному в своих мыслях, и я даже вообразил себя медведем, каково ему спросонок улепётывать от смертельной опасности, принял его за лесного товарища, и был с ним в душе как с верным человеком. Возможно ли такое? Но дело сделано, никуда уже не отступишь, и остаётся довериться нашему многоуважаемому Учителю.

Всё вокруг, через влюблённое в лес сердце, вступало со мной в тесное общение, в еле уловимую связь, когда и сахарные сугробы, порядком улежавшиеся к концу зимы, присмиревшие, и замершие ели, с опущенными, какими-то высохшими ветвями, и серое небо, низко склонившееся над лесом, были мне как родные. Родным представлялся сам медведь, залёгший в берлоге, и было совестно, что зверь, ничего не подозревая, забылся в сладком полусне и не ведает, что у его чела притаились люди, которые пришли его убить. Чувство это мешало мне воспринимать всё естественно, как нечто неотъемлемое от самого себя, и на душе было тревожно.

Я представляю, что разбуженный на берлоге медведь чуть ли не вылетает из неё, взрывая клубом снег, и поразить его выстрелом в этот миг – большое искусство. А пуще того будет - не спасовать: разьярённый зверь долго разбирать не будет – что, да как, в мгновение ринется на тебя спросонок, встанет на дыбы и раскроет пасть.

Пасть страшная, с торчащими жёлтыми зубами, и из утробы – смрадный дух, вперемешку с холодящим рыком, так дохнёт, что околдует. Как тут не дрогнуть, не успеешь и глазом моргнуть, а мишутко тебя уже облапил, ты – под ним. Не бороться же с лютым зверем, тем более, что ты сам к нему пришёл, коварно потревожив.

В медведе этого коварства нет нисколечки, он, вообще, зверь доходчивый, зря никогда никого не тронет, но если ты ему помешал – пойдёт на тебя прямо, во всю свою мощь. Готов ли ты к такому раскладу событий?!

Да-а, поднявшийся на дыбы мохнатый медведь воображается чаще всего, и начинаешь думать о нём так часто, что он лезет на тебя из-под каждой вывороченной колоды или какого-либо корявого дерева: везде, во всяком бугорке, либо снеговом надуве чудится затаившийся зверь. С опаской обходишь такие подозрительные места, представляя, что лесной хозяин только и ждёт, когда ты подойдёшь к нему поближе, не спит в своём потаённом убежище, чуток, как никакой другой зверь. Может быть, поэтому и родилось среди лесовиков такое убеждение, что если идти мимо берлоги тихонько, не останавливаясь, то медведь пропустит тебя, не забеспокоится,

но стоит замереть – это для зверя сигнал тревоги, и он непременно поднимается.

Впоследствии оказалось, что поверье это – досужие домыслы непуганых охотников, и кто хоть раз брал медведя на берлоге, тот хорошо знает, с каким усердием порой приходится будить зверя. Но чего только не вообразит себе неопытный охотник! А завидя взгромоздившиеся над землёй корни поваленных ветром деревьев, захватившие при падении большие комья земли, обросшие мхом, он и вовсе потеряет дар речи.

Впрочем, кто и из бывалых лесовиков с опаской не присматривался к таким громадным кокорам, внезапно возникшим на пути? Нет ничего мудрёного в том, чтобы человек мог поостеречься, держа на уме любую, возникшую в лесу неожиданность.

При всей осторожности медведя, когда он при встрече с какой-либо опасностью предпочитает чаще всего ретироваться, то есть, просто бежать, не дай Бог, столкнувшись со зверем лицом к лицу, повернуться к нему спиной, проявив тем самым трусость. Медведь узнает об этом в то же мгновение, тотчас в нём поднимется всё звериное, и он уж непременно догонит и задерёт.

Причём, совершает зверь это нападение тоже спонтанно, скорее, не из-за свирепости своей, а по причине такой же боязни, неожиданного стечения обстоятельств, и поскольку он не заяц, а всё-таки медведь, зверь величественный и грозный, то и бросается вслед тому, кто нарушил его покой, да ещё может и лапой хватить. Грозен лесной воевода!

Как нарисуешь себе образ разъярённого зверя, поднявшегося на задние лапы, прямо перед тобой, сердце в груди затрепещет потревоженною птицей. Но при этом не забываешь, как в старину мужики в одиночку хаживали на медведя с рогатиной, тоже, наверное, побаиваясь мишука, и всё-таки преодолевали свой страх, не давая ему ходу. Неужели и ты не сдюжишь, тем более, в компании бывалых людей, где у каждого по ружью?

Даже засовестишься перед былыми подвигами неведомых тебе героев из народа, что и не ведали, должно быть, про гордыню, проявляя удивительную скромность и стойкость духа при покорении огромного зверя. Великая сила жила в людях, что не мыслили своей жизни без силы леса. Недаром в старину «уйти в лес» означало спасать душу.

Но мы-то что спасаем кроме того неуёмного желания, чтобы добрать зверя в его лесном доме, поделив мясо и шкуру? И, конечно, стремимся причаститься к вековой чаще, узрев медведя в самом его откровенном лесном пребывании, когда он наиболее доступен и, между тем, опасен. И может быть, именно поэтому мы и решаемся заглянуть в то сокровенное, на что отчаиваются немногие, тщательно продумываем каждый шаг, ведём себя так же осторожно и вкрадчиво, как зверь?

Что перевешивает в нас: жажда заглянуть в неизведанные лесные тайны, либо просто добыть самого крупного и загадочного зверя наших лесов? Но даже, если первое, то какой ценой?! Иначе, по-видимому, не причаститься к

загадочному лесу, не прознать про него самого главного, не почувствовать себя «лесовиком». А очень хочется…

Охота, на самом деле, потому и является охотой, что совершается по своей доброй воле, какому-то глубоко скрытому желанию приблизиться к тайне зверя, то есть, отгадать для себя его жизнь. Она почему-то очень важна для тебя, без этого устремления, кажется, чего-то существенного в твоей жизни не хватает, и в тебе неведомо откуда возникает неуёмное желание отыскивать в лесу зверя, выслеживать его, и без любви к лесу это осуществить, конечно, невозможно.

Ещё в тебе должно что-то сидеть прямо с детства, может быть, даже от рождения, какие-то непременные способности и склонность к охоте, что невидимо, но неукоснительно руководят тобой. Вероятно, в течение жизни ты откажешься от неё, но живёт в тебе эта тяга выслеживать и таиться очень крепко, сопротивляться ей невыносимо сложно, и нужно, наверное, пройдя лес, и многое в нём узнав, познать, в первую голову, себя, чтобы преодолеть потребность добывать дичь, впрочем, сохранив и укрепив способность к терпеливому вглядыванию в лесную чащу.

Не раз, пока мы добирались до берлоги, приходило мне в голову отказаться от участия в охоте. Но тотчас эту мысль предательски вытесняла другая: как воспримут подобное мои товарищи? Нет, видимо, придётся пережить мне этот день со всем, что он вместит в себя, и никак иначе. И может быть, кто знает, он послужит уроком. Всё происходящее, как не взгляни, оказывалось и моим личным делом, раз я очутился здесь, и нужно было искать в нём своё лекарство, а им могло стать честное принятие всего происходящего.

Перебравшись через лог, мы прошли ещё с десяток минут, пока егерь не указал на желтеющее под старой елью пятно. Перед тем, как подойти к берлоге, сняли лыжи, и Юрий Николаевич шёпотом указал каждому место, где он должен встать и обязательно обмять его, после чего тихонечко начали обход.

Очнулся я, как только мы двинулись, и сразу подумалось: бесценен лес, где ты, оказавшись, обязательно обретаешь что-нибудь для себя. Лес многому учит, если, конечно, и ты отдаёшь ему частицу чего-то своего, тоже бесценного, и так, вместе, вы и должны быть, и никак по-другому. А тут – мы пришли нарушить его величественный покой, и разве это хорошо?

Смятение каждый миг охватывало меня, но нужно было взять себя в руки: мы вступаем в вотчину хозяина тайги, и пребывать в муках совести было не время. Но как невероятно сложно переживать в душе знание и понимание, что и вот этот медведь, и множество его звериных предков сотни и тысячи лет залегали с приходом зимы в берлогу, и ты не имеешь никаких особенных преимуществ перед ним, когда вдруг приходишь потревожить его сон. Ты не вправе лишать жизни и радости этого красивого зверя отыскивать

вкусные корешки растений и дупла с дикими пчёлами, лакомиться сладкими муравьишками, слизывая их с лапы, и валяться на сочной шелковистой травке, когда ему этого захочется…

Кто, как не ты сам, уполномочил себя решиться нарушить это лесное таинство, и разве ты имеешь право искать утешения? Нет его для тебя!

Зима в тот год была сильна не морозами, а снегами, и сугробов к концу февраля нанесло великие горы. Пробравшись, наконец, к берлоге, и заняв номера, мы осторожно обтоптались, и как только это произошло, волнение окончательно отпустило, вмиг забылся весь человеческий мир, и стало так, что только берлога и ты, ты и берлога, и больше ничего.

Нетронутые снежные завалы покойно стерегли медвежий сон, и было так тихо, что удары собственного сердца разносились, кажется, по всему лесу. По намёрзшему снегу вокруг чела, превратившегося в щёлку, было ясно, что медведь залёг тут, в нескольких шагах от наших ног, и представлялось, будто он сей миг выскочит и накроет всех своей мохнатой шубой: разве удержишь этакого лесного доброхота – сломит всё на своём пути! Взволнованное сердце, как и потревоженный на берлоге зверь, тоже готово было выпрыгнуть наружу, и удерживало его только опасение окончательно потерять сейчас себя, чего допустить было невозможно.

Пока рассредотачивались вокруг берлоги, не обошлось без конфуза: Федя провалился в почти незаметную впадину, увяз в сыром снегу по пояс, и мы, скрепя сердце, наблюдали, как он безуспешно, со сьехавшей на глаза шапкой, пытается выбраться. Все очень опасались, что медведь проснётся, и тогда Фёдору Степановичу, он находился к Феде ближе всех, приходится идти за лыжей, в сердцах подавая её ему. Юрий Николаевич сдержанно наблюдает за всей этой катавасией, держа наготове ружьё. Наконец, Федя избавляется из снежного плена…

В такие минуты, кажется, что зверь уже давно не спит и чутко улавливает малейшее твоё движение, но не показывается только потому, что выжидает для этого наиболее удачный миг. В какую сторону он выскочит, как быстро совершит свой прыжок, или будет выбираться из берлоги постепенно, неспешно, будто до конца ещё не проснулся: вопросы один за другим мимолётно проносятся в голове, а ты, не находя ответа, превращаешься в обострённое внимание.

Мысленно я устремляюсь туда, в тёмную берлогу, где затаился дикий зверь, и как он себя поведёт – одному Богу известно, но я всеми силами пытаюсь его понять, поставить себя на место медведя. Что он там, в своём потаённом лесном убежище, сейчас переживает?

Если проходить мимо мелвежьей берлоги не задерживаясь, спокойно, как заверяют старые охотники, то зверь никогда не встанет. Но вот мы стоит у самого чела, успели уже обойти берлогу со всех сторон, изготовиться, а медведь никак не реагирует на наше присутствие.

Помню, что сердце не колотилось, и руки не немели, и пот не лил градом, а было на удивление покойно, даже не верилось, что мы – у самого

чела. День выдался пасмурный, серое небо, кажется, навалилось на ели, но на душе было легко. Медведь выбрал небольшую плешинку посреди деревьев, с бугорком под старой елью, и под ней вырыл себе берлогу.

И вдруг, наш главнокомандующий как ухнет во всю мощь гортанным голосом, словно из бочки, что есть мочи засвистает, и обухом топора по комлю ели – бу-бух! Снег посыпался с ветвей вперемешку с еловой трухой, старое дерево так загудело, что, кажется, невозможно не пробудиться, но ничто не изменилось в лесу. Только белка винтом взвилась с гайно к самой верхушке, возбуждённо зацокала, и опять всё стихло.

Все мои мысли и чувства сосредоточились на отверстии в снегу, а там – будто ничего не происходит. И опять гулкий удар топорища раскалывает лесную тишь – бу-бу-бух! Медведя в берлоге будто и нет, никто в ней не ворохнётся, и я даже начинаю сомневаться: живой ли медведь? Ничего тут, конечно, не поделаешь: кто живёт на воле, тот и спит боле, спит, сопит, с него только пар валит.

Но раз продушина цела, значит, мишка на месте, и Фёдор Степанович, прихватив топор, принимается неподалёку от берлоги вырубать берёзовый батог, чтобы уж им, наверное, нарушить сонное царство зверя. Батожьё – дерево Божьё, но разве можно его терпеть, ежели им под бок тычут? Хорошо на хорошо – ровно мёд с калачём, а худо на худо – ровно с похмелья батожьём! Медведю такое обхождение вряд ли по вкусу придётся.

Но и на этот раз мы ничего не добились: сколько не совали, не толкали этот самый батог прямо в изголовье берлоги, - тишина! Ведь для медведя сон, что богатство: чем больше спишь, тем больше хочется. Спит медведь беспробудным сном, не шевельнётся, медвежьи перины больно хороши, и уж только когда на батог намотали промасленную ветошь, да запалили её, для чего пришлось нашему Феде обернуться к машине, душный чад поднял медведя с его логовища.

Чужая душа загадка, а уж медвежья тем паче: разгадай-ка её через грядку, через плетень, через барский двор, да через семь вёрст сермяжной лесной правды. Чего не знаешь, того не разгадаешь. Неразгаданное дело!

И вот, наконец, во всём окружающем пространстве что-то тронулось: сначала под старой елью поднялась большая снежная шапка, тотчас она осыпалась, и в ней вдруг воспряло нечто мохнатое и тёмно-рыжее, но Юрий Николаевич не промахнулся. Выстрел прозвучал сухо, и повис в роящемся, насыщенном влагой воздухе как-то отрешённо, будто его и не было, и медведица, до сих пор неведомым для нас медведем оказалась именно она, замерла на краю своего последнего в жизни лесного прибежища. Выпрастав мохнатые лапищи и готовая выскочить на белый свет, она лежала, свесив лобастую голову на грудь, а мы даже не успели ничего осознать.

Пуля угодила ей прямо в затылок, и кудластая голова медведицы беспомощно уткнулась в рыхлый сугроб. Спала бы Аксинья Петровна, так ничего бы этого не было. И опять сердце перевернулось и защемило от

неприкаянности того, что уже совершилось… Но кудри кудрями, а дело делом.

Медведица лежала, раскинув лапы, будто ненадолго приснула, а лес вокруг стоял такой же заснеженный, покойный, будто бы в нём ничего не случилось. Случилось, скорее, в наших душах, и я никак не мог поверить в то, что ничего больше не будет. Мы столько готовились, говорили накануне этой охоты, и вот – проза непридуманной жизни, связанной с родимым лесом, но родимый ли он тебе, когда ты совершаешь по отношению к нему измену?

Ещё с минуту никто из нас не мог вымолвить ни слова: мы просто забыли себя, и всё смотрели на кудрявый загривок зверя. Зверя, что всегда воспринимали в народе чуть ли не былинным, кому было посвящено столько сказок и добрых историй, а он лежит вот сейчас перед нами не живой, но до конца, кажется, и не мёртвый, и мы не в силах поверить, что ничего уже не вернуть. Аксинья Петровна, именно так прозвали медведицу в народе, спала покойно в своей уютной берложке, и вдруг – её не стало. Она, конечно, не успела ничего уразуметь из того, что произошло: в один миг всё для неё было кончено.

От медведицы веяло запахом дремучей чащи, тем духом, что поднимается и из берлоги, но не представляется чем-то нечистоплотным, так как нечистоты в ней отсутствуют. Хоть зверь всю зиму и лежит в берлоге не умываючись, но отходов после себя не оставляет, и только когда покидает своё зимнее убежище, избавляется от «втулки», что замыкает на время спячки его задний проход. Запах этот обычно возбуждает собак, и многие из них от него совершенно дуреют, впадая либо в ярость, либо дрожа и лишаясь последней храбрости. Запах зверя дурманит и человека, потому как он несравним ни с каким другим, необычен, как сам медведь, и будто причащает тебя к вековому лесу, к его неизбывной тайне.

Звериный дух, несомненно, пьянит. Он русским лесом пахнет, и его неиссякаемой мощью. В нём – необъятная сила и горячая кровь, аромат смолы и ягодный настой, горечь палого листа и дурман душистых летних трав, потаённость и чистота лесного ручья, сочность болотных кореньев… От звериного духа веет и снежною порошею, и сладкой соломой со жнивья, и ещё в нём чудится нечто невыразимо пугающее, но притягательное. Сила медведя во всём, что заронил в него лес, где вольно парит, вроде бы, неприкаянная, но обаятельная звериная душа.

Не успели мы до конца уразуметь произошедшее, пропуская под мышками зверя верёвки и вытягивая его тушу на свет божий, как из берлоги раздался приглушённый рык: вместе с медведицей в её убежище оказался молодой медведь. Рыкнул не по-звериному грозно и зычно, а как бы для порядку, чтобы только обозначить принадлежность к величественному лесному семейству, и потом сразу притаился. Но хоть кричи, хоть рычи, а быть Пахому такому, какой он и есть: мы сразу сообразили, что в берлоге за зверь…

Такие молодые медведи обычно проводят первую зиму в берлоге с матерью. Чтобы начать самостоятельную жизнь, они должны покинуть медведицу, но оставить её сами медвежата не могут, а мать отогнать детей не в силах. Вот природа и распорядилась по-своему.

В мае-июне у медведей проходят «свадьбы», и к медведице присоединяется чужой медведь-самец. Своим запахом, который передаётся и медведице, он отпугивает медвежат, а повторное сближение, если оно происходит, завершается полным отходом их от матери к самостоятельной жизни. Мало того, взрослый медведь способен загрызть молодого, только чтобы добиться внимания самки.

Среди лесовиков перегодовалый медведь зовётся лончаком, тот, что перезимовал уже дважды – пестун, а старый - пест, потому как один остаётся, но если по справедливости рассудить, то зверь и так всю жизнь в одиночестве проводит, и ему к своему отшельничеству не привыкать: сколько он за свою одинокую жизнь нагляделся! Ему ли уповать на собственную отрешённость ото всех, когда она суть его сокровенного существования составляет: броди себе по лесным буеракам, люби и храни свой родимый лесной угол, и будет тебе твоя незамысловатая медвежья отрада. Что может быть выше её?!

И вот, пришлось лишать этого молодого мишку его незамысловатой отрады, потому как одному бы ему худо пришлось в голодном лесу, не оставлять же его. Вроде бы, и мал грех, да большую вину несёт!

Как мы выволакивали обоих медведей – отдельная история, и счастье наше, что до дороги было полверсты. Уложив медведицу на две пары связанных лыж, мы втроём дружно потянули её к машине, Федя же – впереди всех, на своих лыжах с лончаком, уминал для нас в снегу путь. Человека узнаешь, говорят, когда с ним пуд соли съешь, а если эти пуды через заваленный снегом лог тягать?

В медвежонке два пудишка овса-то и было, но вот с мамашей пришлось хлебнуть лиха: вес её оказался для нас бедовым, и многопудовое горе мы еле-еле с плеч свалили: либо всё отдай, либо ничего не надо! Когда втащили медведицу в машину, Фёдор Степановиич побожился в церкви пудовую свечу поставить за упокой Аксиньи Петровны.

Сидя в фургоне машины, у печки, мы пили чай, разглядывая медвежью тушу. Медведь, конечно, так необычен, что ни на кого из зверей в лесу не похож: кажется, он собрал в себе всю его силу! Живуч медведь необыкновенно, отсюда, наверное, и культ поклонения ему ещё с древних времён. Даже в убитом медведе люди не переставали видеть могущественного лесного владыку, не потерявшего своей мощи.

Уже освежёванный, во всю свою длину разложенный на полу избы егеря, он напоминал дремучего пещерного человека. Чудилось, будто вот-вот восстанет этот, даже для животных превышающий обычную меру, великан, и

уж никому из нас тогда не спастись. Из какого малого возникло такое великое?!

Никогда не забуду и не прощу себе того пасмурного февральского дня, что всей своей отсыревшей тяжестью навалился на сердце. Но не сразу я всё это осознал, хотя и почувствовал, как дорог мне этот неведомый зверь, что и вправду очень чуток и умён в отличие от других зверей. Отчего этому лесному жителю дано такое обаяние, ради каких неведомых лесных дел?

Несомненно, что в медведе и добрый, забавный нрав присутствует, и злоба невиданная, так что с ней никому не сладить, но разве не от человека зависит проявление характера зверя, когда он, встречаясь в лесу с медведем, покой его нарушает? Не секрет, что в поведении медведя чаще всего преобладают над другими его повадками именно чутьё и смекалка, каких бы занять у него человеку.

- А ведь когда-то в отдельных районах нашей необъятной страны за убийство медведя платили премию, - вспоминает Фёдор Степанович, когда мы медведицу с лончаком кое-как до машины доставили, уселись в фургоне, у печки, и разлили по кружкам чай. – Ещё больше, чем за истребление волков!

- Это в тех случаях, когда медведь задирал скот или даже нападал на людей, и злоба в нём, вернее всего, поднималась оттого, что зверя за зря беспокоили, иначе бы, зачем умному животному проявлять свою тёмную сторону? – спокойно возражает ему Юрий Николаевич. – Ограничивали зверю лесное пространство, дарованное ему Батюшкой-Лесом, и разве тут не осердчаешь? А вообще-то, никогда ещё такого не бывало, чтобы всё при охоте на берлоге складывалось одинаково: чего-нибудь, да вывернется по-иному, о чём даже и не помышляешь. До самого последнего момента нет уверенности!

- И это всегда самое удивительное при охоте на медведя!

- Медведь уважает в лесу смелого и сильного человека, не злобивого, он это нутром чует, а выходит, чаще всего, на неопытного, кому предназначено на охоте не самое завидное место… Или, вот как сегодня, попробуй до него достучись!

- Я такого тоже не припомню, - замечает Фёдор Степанович. – Начал уж было сомневаться: дома ли зверь?

- Хоть этот малый мишук нас и напугал, ведь мы спиной к берлоге стояли, но, слава Богу, всё благополучно обошлось. Страшно, когда прямо перед тобой из берлоги разъярённый лесной исполин восстаёт! Тут никакая, самая верная примета не поможет.

- Что за примета, Юрий Николаевич? - озадаченно вопрошает Федя.

- Если удастся однажды неожиданно для зверя хлопнуть в ладоши в непосредственной близости от него, да ещё при этом пронзительно крикнуть или свистнуть, с медведем, по утверждению старых охотников, может приключиться известная болезнь, а при сильном испуге – даже смерть.

Федя искренне недоумевает:

- Неужели такое и вправду случается?

- Необыкновенная доверчивость медведя порой просто поражает, и если зверь не обижен человеком, то бродит по тайге с добродушием косолапого простака. С таким же, присущим ему добродушием, медведь может и опростаться от испуга, - его вызывает любой, самый безобидный звук, что случается неожиданно. Проще говоря, у медведя, если его порядком напугать, начинается понос. И это – не шутка!

- Юрий Николаевич, а приходилось вам упускать на берлоге медведя? – спрашивает вдруг Федя, с опаской поглядывая на убитого зверя.

- За весь мой охотничий опыт такого ни разу не бывало, - степенно отзывается Юрий Николаевич. – Но знаю случай, когда медведь ушёл, и много делов потом наворочал.

- А разве он не может опять залечь в свою берлогу?

- Нет, это исключено. Медведь – очень памятливый зверь, и если его однажды напугали, стронули с места, к своему старому лежбищу уже нипочём не вернётся. Может, конечно, притулиться под каким-нибудь удобным выворотнем, но крепко уже не уснёт: будет отрешённо бродить по лесу, пока его не доберут, или сам не погибнет.

- Вот и медведица, когда её сильно напугают на берлоге, одуревшая спросонья, обычно оставляет медвежат одних, и уже не возвращается. Брошенные малыши теперь принадлежат сами себе, но в природе и малое не мало, коли столько и есть, и из многих малых выходит одно большое, если лесной бог смилостивится. Да только такое редко случается, - печально произносит Фёдор Степанович. – У Соколова-Микитова прочёл как-то рассказ про медведицу, стронутую с берлоги охотниками по белке. Напуганная медведица убежала в лес, а в берлоге остался маленький, только что родившийся медвежонок. Так вот, это охотники потом по следам установили, что она не побоялась вернуться к замёрзшему медвежонку, перенесла его на другое место, и похоронила в глубоком снегу.

Федя долго рассматривает медвежонка, неловко вывернувшего лапки под брюхом медведицы, а потом тихонько спрашивает:

- Почему мишка прозван косолапым?

Нам странно, что Федя не понимает самого очевидного, но Фёдор Степанович доходчиво объясняет:

- Если приглядеться к следам медведя, то сразу приметишь, как он, в отличие от человека, что ставит ступни ног пятками внутрь, носками немножко наружу, наоборот, заворачивает пальцами вовнутрь, оттого и косолапый.

Было однажды дело, натолкнулся я в марте на выходной след медведя: предыдущий год выдался неурожайным и зверь улёгся в берлогу не отьевшись, отчего и поднялся раньше. И вот, пошёл я в пяту, желая подглядеть его логовище, так ноги чуть не вывернул, ступая в отпечатки медвежьих лап. В ту пору уже наст крепкий установился.

- А медвежонок-то бы точно не выжил, - задумчиво произносит Юрий Николаевич. – Кстати, если быть точным, такое поверье издавна ведётся, что пестуном зовётся медведь, переваливший двухлетний возраст, а до этого он – лончак.

- Не велика разница, - замечает Фёдор Степанович.

- Разница в том, что пестун, так принято думать, оставшись при матери, «пестует», то есть, заботится о своих младших сестрёнках и братишках, помогая тем медведице, - оживляется Юрий Николаевич.

- Не знаю, - с нескрываемым недоверием произносит ФёдорСтепанович. – Никогда не видел, чтобы такое семейство держалось вместе: мать, её старший сын и малыши. Пестун, если его не отгонит взрослый самец, может находиться с матерью до двух лет, а потом её покидает. Или она сама отходит, когда ей подступает срок заводить новое семейство.

- Вобщем-то, мне тоже не приходилось встречать с медведицей сразу два её поколения: либо она держится с пестуном, либо – с только что народившимися медвежатами.

- А когда приходит срок медведице заводить новую семью? – напоминает о себе Федя.

- Свадьбы у медведей проходят раз в два года, так распорядилась природа, и этих двух лет хватает, чтобы медвежонок окреп и стал готов к самостоятельной жизни.

- Значит, нашего медвежонка можно было не убивать, - озадаченно спрашивает Федя, - если ему уже миновал второй год?

- Ну, сам посуди: конец февраля, еды – никакой, снега – по пояс, а ведь ещё неизвестно – не лончак ли это перегодовалый? Он пока не набрался опыту и силы, и перемочь ему два голодных весенних месяца, одному, вряд ли удастся. Был бы он самостоятельный двухлеток, он бы и не залёг с матерью, так что наш медвежонок, не иначе, лончак. Да и по размерам он тоже не велик, два пуда – не более, тогда как верные пестуны ко второй зиме набирают под центнер!

И действительно, как потом оказалось, в нашем медвежонке набралось чистого весу 25 киллограм, исключая шкуру, и это, конечно, не позволяло называть его, в полной мере, пестуном. В нашем случае у медведицы прошлой зимой, по-видимому, родился всего один медвежонок, вот он и залёг с матерью на следующую зиму. Останься медвежонок один, он испытал бы сильный стресс. Целый год, после рождения единственного сына, мать была с ним рядом, оберегала его, и уложила с собой ещё раз, чтобы ему не было тяжко.

- Нет у лончака отца, и рассчитывать он может только на матушку, - заключает Фёдор Степанович. – Матушкин запазушник.

- Это хорошо, что мамаша показалась первой, а лончак остался в берлоге. Мне раньше в голову не приходило, что может всё случиться наоборот. Всегда застрелишь медведицу, а поколение её не показывается из берлоги, - заверяет нас Юрий Николаевич. – Даже голоса порой не подают.

- Опасаться встречи с пестуном, а тем более, с лончаком, нечего, - в удовлетворении соглашается Фёдор Степанович.

- Вот я и купился однажды на это, - продолжает Юрий Николаевич. – Сперва один лончак выпростался из берлоги, затем – второй, и мы обеих взяли без труда. Ну, думаю себе, хорошо, что не медведица, видать, медвежата годовалые залегли без матери, и только так помыслил, как выкатывает на свет божий огромное бурое пятно – Аксинья Петровна дала о себе знать: вот-те на! И ведь даже не уркнула, пока мы детишек её принимали.

- И что потом? – замерев, с интересом вопрошает Фёдор Степанович.

- Прихватила зубами левую руку, выше локтя, рванула так, что вмиг отрвала рукав телогрейки, начав его трясти, тут мой товарищ ей за ухо и стрельнул. Лежу в сугробе, а напротив – лохматая морда со зловещими маленькими глазками, и окровавленная пасть, прямо у меня под коленом. Задала нам, мамаша, урок!

Федя зачарованно глядит на Юрия Николаевича, не в силах вымолвить ни слова.

- Известное дело, - заключает Фёдор Степанович, - медведю дай повадку, так он и две возьмёт!

- На берлоге кому как поведётся, - отвечает Юрий Николаевич.

- Отчего медведь такой? – спрашивает Федя.

- Только лесной бог знает. Само имя медведя необычно – «медоуед», зверь, более всего любящий лакомиться мёдом. Это уж со временем образовалось привычное для нас «медведь».

Бывает, он утаскивает с пасек в лес ульи, по-бабьи обхватив пчелиный домик и потешно, вперевалочку, улепётывая с ним к опушке леса. Дабы подобное озорство не происходило, хозяева на пасеках устанавливали корыто с водкою, до которой косолапый тоже большой охотник. Приходят на следующий день, а он – готов!

- Ну, уж, в это я ни за что не поверю! – расплывается в недоверчивой улыбке Федя.

- А я склонен думать, что так оно и есть, - твёрдо заявляет Фёдор Степанович. – В медведе добродушия – через край! Посмотреть хотя бы на то, какой он обстоятельный: ведь не принимается ворочать улей, только бы до сладости добраться, прямо тут, на пасеке, а утаскивает его в лес, подальше, прежде, чем в волю полакомиться.

К слову сказать, разве можно представить волка, лису или рысь, что с удовольствием лакают водку? Да они в тот же миг отпрянут от этого пойла, как только попробуют, но Михайло Потапыч с удовольствием водочкой пользуется, и тут же заваливается спать. Ну, совсем как наш брат!

- Про медведя много историй сложено, и он этого, конечно, заслуживает, но разве привыкнешь к тому, что с ним в долю секунды необходимо принять единственно верное решение? А зверь живёт, как чувствует, и это означает,

что человек должен быть верен не только по отношению к себе, но и к зверю. Вот что главное, - утвердительно произносит Юрий Николаевич.

- Зачем, вообще, стрелять медведя? – уже не выдерживаю я.

- Ты прав, - удручённо соглашается Юрий Николаевич. – Интересно просто наблюдать за этим зверем, не нарушая границ его обитания, он один из всех зверей больше, чем кто-либо, на человека похож. Потому его, чаще всего, и не представляешь, как обьект охоты, в отличие от кабана, лося или какого иного зверя.

Медведь тебе, вроде как, дорогой человек, вернее, лесное существо, о котором думаешь как о человеке, оттого и заводишь с ним внутреннюю беседу, да что косолапому твои слова. Вот мысли он, по-видимому, отгадывает легко, но только лишь с тем соображением, что ты, человек, не перейдёшь известной черты, а он уж, медведушко, сам со своим таёжным обитанием обойдётся.

Он, к примеру, познав однажды на себе гибельность капкана, в отличие от волка, росомахи и лисы не обходит потом его стороной, не держится как можно дальше от ужасного механизма, доставившего ему неудобства, а подходит – и закидывает в него какую-нибудь коряжку или мох, чтобы он захлопнулся, и тогда забирает приманку.

- «Страшный зверь!» - так обычно говорят про медведя, - добавляет Фёдор Степанович, - а он, быть может, самое обаятельное в лесу животное, если его не трогать. Надо очень постараться, чтобы косолапый саданул по тебе лапой, но на то - его лесная свобода и воля. Ты, мол, зачем, мил человек, здесь, в лесу, оказался?!

- Как бы человеку обрести мудрость такого поведения, чтобы проникнуться жизнью и медведя, и леса, принимая и себя в нём своим, - вздыхает Федя.

И то правда, медведь строго охраняет свои владения, а свиду – простак, что без дела шатается по лесу, одним словом, действительно, косолапый недотёпа, но приглядеться к нему более пристально суждено только влюблённому в лес человеку. Всё видит человек, именно проявляющий любовь к животному миру, он её не выражать не в силах, и потому очень уважительно относится к любой мелочи в лесу, тем более, к медведю.

К этому зверю он выявляет своё душевное отношение обособленно, но не от того, что зверь велик, а всё больше за пристрастие медведя к каким-то простым вещам, присущим и человеку. Медведь и ведёт себя, как умный человек, порой даже оказываясь его мудрее, и как тут не проникнешься к удивительному зверю сердечной теплотой, какой-то особой душевной расположенностью, когда даже и не подумаешь его убивать.

Несчесть, сколько забавных и поучительных историй мы слышим об этом обаятельном звере, но совершили ли вы хоть шаг к ещё более полному узнаванию нашего дорогого медведушки, про которого, казалось бы, все всё знают, а думку его истинную никак не разберут. То он вдруг предстанет незатейливым мишкой, что готов бежать от первого лесного шороха,

тронувшего лесное пространство, то бесшабашным барином, по воле случая очутившегося в спелых овсах, да и забывшегося среди них в сладкой дрёме. Развалится среди густых колосьев, и будто в полусне сгребает лапой созревшие сочные зёрна, так что они всё не кончаются и не кончаются, а он насладиться ими никак не может. Крестьяне в стародавние времена верили, будто бы ещё Михайло Потапыч баб на сносях любит, увязывается за ними, когда те в лес по ягоду пойдут, и к себе, в чащу, уводит, якобы, женится на них.

А как медведь чувствителен и необыкновенно умён?! Может человека вмиг разгадать – что у того на уме, и либо обойдёт его стороной, благоразумно удлинив себе путь, либо сметёт: силу-то свою ему девать некуда, вот он и встаёт на дыбы, принимая перед человеком вид мохнатой громадины, чего ему, по правде сказать, совсем не хочется. Ведь на самом деле медведь ведёт жизнь размеренную, покойную, да и по натуре своей – доброжелателен, а злобным бывает, только, когда его покой нарушат.

При всех своих замечательных несуразицах, медведь вмещает в себя долговечную красоту, глубину и тайну нашего русского леса, его скрытую силу и мощь, и разве всем нам не стоит задуматься: как лучше обустроить нахождение такого замечательного зверя в его собственном доме? Чтобы и лесу было хорошо, и живущим рядом с ним людям, и самому Михайлу Ивановичу, что, несомненно, безоглядно привлекает всех нас своим неподражаемым обаянием, а малыши, читая о нём сказки, узнают о его добрых повадках, и не перестают верить в чудеса.

Теперь, когда прошло много лет, и я многое в жизни испытал, пришло ко мне осознание, что ни наша решительность с отвагой при добывании грозного зверя дают нам понимание жизни во всей её полноте. И ни те волнительные переживания, благодаря которым мы, якобы, открываем для себя истину, убивая зверя, без чего, по нашему разумению, соли пребывания на земле не понять, уж так устроил для себя человек постижение своего существования, а радость, какую испытываем мы при зарождении в своей душе новых жизненных сил. Эти силы появляются в нас только при поднятии из собственных глубин сознания истинного самого себя, и, пройдя потери, страдания и боль, мы рано или поздно открываем в себе божественное начало, уже не подверженное каким-либо земным искусам, тем более, связанным с лишением жизни другого живого существа.

И здесь невозможно не упомянуть о правде: в ней, обычно, видят силу. Но пройдя и океан, и тайгу, и воспитание себя через все эти природные стихии, я прихожу к убеждению, что истинная сила заключена в самой себе, как данности, противостоять которой бесполезно, когда она накопила достаточную энергию, чтобы победоносно нести в себе правду. Только так, через воспитанное в себе правдивое отношение к существованию,

утверждается в душе непоколебимая мощь человека, и именно благодаря этому можно добиться на земле укоренения божественных законов.

Как важно постижение человеком той простой истины, что не нужно ему никого лишать жизни во имя раскрытия тайны, заключённой, якобы, в звере. Убив его, охотник не откроет для себя желаемое знание, ибо все ответы находятся в самом человеке, в его пристальном внимании к окружающей его жизни, и относиться к ней следует с трепетом и заботой, теперь уже всегда.

До чего же я был наивен, думая, что возьми мы тогда на берлоге медведя – и всё, вопрос о тайне существования и леса, и животных, и тебя самого будет решён. Корень жизни, по твоему глубокому убеждению, заключён именно в этом, скоро всё непременно тебе откроется, стоит лишь проявить терпение и выдержку при выслеживании и добыче зверя. Но, к сожалению, опасность проходит, зверь оказывается добытым, и такая притягательная, представляющаяся необычайно сокровенной и важной тайна куда-то незаметно утекает. Как же такое могло случиться?

Происходило это потому, что мною ещё не была установлена и прочувствована родственная связь с лесом, со всеми, живущими в нём существами, хотя я и представлял залёгшего в берлоге медведя как лесного товарища, но сам не мог по-звериному думать и переживать. Время моё лесное и человеческое тогда не пришло, не испытал я пока того благоговейного удивления и родственного внимания к жизни тайги, всякому существу в природе, как сейчас. Не произошёл в моей жизни тот важный перелом, когда бы бросил я бездушное дело охоты, изводящее диких птиц и зверей, определив пути верного следования по поиску истины и настоящей силы, чтобы её можно было в себе найти и нести.

А нужно проявить решимость с отвагой по отношению именно к собственной жизни, к самому себе, и чудесное обаяние природы раскроет перед тобой все свои загадки. И чтобы всё выходило по правде, просто и легко, и не нужно было бы совершать для этого никаких излишних усилий, лишь охраняя лес и почитая всех лесных обитателей за своих братьев, переживая рай везде, где бы ты ни был. Он неотделим от тебя, и в этом – истинное счастье нахождения на этом божественном свете.

Нужно просто понять эту благостную истину, почувствовать Бога в своей душе, и следовать Ему, никого не обижая, ничего не боясь и не прося. Да будет так!

Не убий!

С детства, помнится, заметил я в себе тягу к неизвестному, манило оно меня к себе с невероятной силою, и лес для моих устремлений подходил как нельзя лучше, потому как непознанного в нём, по моему глубокому убеждению, было видимо-невидимо! Словом, меня интересовало всё неизведанное, желательно, никем ещё не тронутое, и я мечтал поскорее

подрасти, чтобы, наконец, отправиться в долгожданное путешествие по жизни.

Но, даже обладая достаточно богатым воображением, я никак не мог предположить – сколько мне, в действительности, придётся путешествовать по лесам. Если бы мне тогда, в детские годы, кто-нибудь обьявил, что я сам, без чьей-либо помощи, отыщу когда-нибудь полдюжины глухариных токов, потаённые места заячьих и журавлиных свадеб, три медвежьи берлоги, волчье логово и несколько барсучьих городков, - я бы не поверил.

А между тем, всё это случилось: ведь я мечтал добыть своего первого глухаря, зайца и даже - медведя, и так оно и произошло. Теперь я только вспоминаю о том, как всё это было, как я горел охотой, не представляя себя в лесу без ружья, и как мучительно пытался избавиться от него, в конце концов, отказавшись.

Лес потом отблагодарил меня за все эти усилия, а какие чудеса мне довелось увидеть, и как я был счастлив, что решился однажды осуществить все свои мечты! Чудесной сказкою мне открылась лесная быль, когда я пережил её всем сердцем, уже не предавая ни себя, ни лесную чащу, и лесной бог встретил меня однажды с распростёртыми обьятиями.

Да, всё это было, и мне сейчас приходится только благодарить судьбу, что лесные духи не отвернулись от меня, разглядев в моей душе созвучие природным ритмам, поверили в моё искреннее поклонение перед лесом, и, наверное, приняли, как своего. Иначе, как обьяснить удачу, что сопутствовала мне все эти годы, учитывая, конечно, и мою самоотверженность, и затрачиваемые усилия, когда я преодолевал бесконечные километры дорог в любую погоду, бессонные ночи у костров, терпеливое скрадывание зверя или птицы, как правило, длящееся часами? А ещё - всю неустроенность своего пребывания вне уютного дома, сопряжённую с дождями, морозом и пронизывающей метелью, чаще всего – в одиночестве?

Скорее всего, меня выручала именно преданность лесу, любовь ко всему, что было связано с ним. И я, конечно, не мыслил своего существования без глухарей и зайцев, куниц и медведей, лосей с барсуками и лисиц, без нескончаемой лесной дороги, что приводила меня, в конце концов, к постижению самого себя.

Разве могло всё это когда-нибудь надоесть и стать неинтересным, если ты с детства заложил лесу свою душу, а вышло это само собой, как будто так всё и должно было случиться, и я лишь радуюсь, и ни о чём не сожалею. Да и как можно жалеть о чём-либо, когда ты счастлив?!

Вот если человек несчастлив, значит, он виноват, я же кроме радости ничего в лесу не испытывал. Ну, если только сильное напряжение с волнением, но и то - в момент захватывающего постижения, когда не сопереживать происходящему ты не в силах: до того оно просто по своей природе, и всё же – восхитительно!

К началу октября погода в наших местах обычно выдаётся тихая, сухая. В лесу всё находится в постоянной суете: бегает, перелетает, скачет и шмыгает. Готовятся к зиме белки. Занятные зверьки ведут себя шустро, и выглядят несколько беззаботными.

В такую пору рябчики на манок летят плохо, нужно осторожно подкрадываться к ним, пристально разглядывая в ветвях. Кругленький рябчик на оголённых деревьях бывает скоро заметен, и остаётся только хладнокровно выцелить его в образовавшееся на несколько секунд окошко. Многое тут зависит от выдержки, терпения и покойной слитности с окружающим лесным царством, покидать которое никогда не хочется.

Подбитый рябчик летит вниз быстро, воздушно тукается в мох и, перевернувшись пухлым животиком кверху, затихает. Подходя к предполагаемому месту падения, в волнении ищешь птицу глазами и обнаруживаешь у самых ног. Полюбовавшись красной бровью и бравым хохолком рябчика, ощутив в руках приятную тяжесть от тушки, в глубине души понимаешь, что самое прекрасное – его потаённая лесная жизнь, больше не повторится.

Интереснее наблюдать, как озабоченно расхаживает петушок по ветке, аккуратно склёвывая перезревшие ягодки рябины. Но неимоверно трудно удержаться от соблазна овладения этой красотой. Требуется немалое время, чтобы отказаться от него, и ещё большее, пока научишься любоваться красивой статью лесной птицы, не присваивая себе право распоряжаться её жизнью. На то, чтобы преодолеть в себе это стремление и обрести понимание окончательного отказа от охоты, у меня ушли многие годы.

Да, в лесу постепенно обнаруживаешь в себе какую-то, незнакомую раньше, звериную повадку, и совершенно забываешься, как человек. Помню, как мне хотелось подстрелить своего первого глухаря, отыскать его во мху, скорее подержать в руках, а затем – принести домой и похвастаться перед близкими людьми редкой добычей. И однажды это свершилось: я бежал сквозь молодые сосенки и можжевеловые кусты к таинственной птице, спотыкаясь об иссохшие сучья и подворачивающиеся под ноги кочки, больше всего боясь упустить птицу. При этом не покидала мысль: а вдруг не найду!

Глухарь слетел со старой сосны как-то кособоко, словно хотел просто перелететь в более безопасное место, но получилось это у него неловко, он сбился в полёте, и … рухнул. В запале охоты на птицу, что из боровой дичи, обитающей в лесу, больше всех будоражила моё воображение и не давала покоя, не верилось, что глухаря в руках не окажется, как об этом мечталось.

Как велика была страсть, что жила во мне с детства! Может быть, даже с ещё более далёких первобытных времён, с моих первых впечатлений о лесе! Не просто осознать эту страсть в себе и принять, а затем – победить, уже никого не убивая, просто наслаждаясь нахождением рядом со зверем или

птицей, под пологом нашего родного русского леса. Ведь сила человека – в его внутреннем мире, связанном с Богом, об этом ему изредка подсказывает сердце, и его необходимо слушать, всегда учиться быть чутким, и где, как ни в лесу лучше всего становиться самим собой, осознавая каждый свой шаг?

Охота – чрезвычайно сильное занятие и чувство, если, к тому же, захвачен им с молодых лет. Как описать и выразить его, когда ты переполнен любовью к природе, особенно, находясь в весеннем лесу, где всё проникнуто торжеством жизни? Страсть берёт, переживая всё это неисчислимое природное богатство!

На глухарином току, ночью, глаза быстро осваиваются с темнотой, у тебя будто открывается внутреннее зрение, и вот ты уже видишь то, чего бы ни за что не приметил даже в сумерках, а если на небе показывается луна, то ты и вовсе начинаешь различать все предметы вокруг: и перебегающие изредка фигурки зверей, и живые тени от них… В ночном лесу совсем не страшно, когда интерес к нему перебарывает лёгкий испуг, и ты в нетерпении замираешь в ожидании того завораживающего всё твоё существо мига, когда глухарь ворохнётся на суку ото сна, вытянет шею, и возьмёт на пробу горлом морозный апрельский воздух – «скирк - скирк, скирк - уоо-к-к». Вся накопившаяся за ночь усталость сразу слетает, весь ты превращаешься в один чуткий слух, когда малейший щорох отдаётся в душе переживанием сопричастности проистекающему ещё миллионы лет назад таинству, так, что в пору самому затоковать, провозглашая известную с доисторических времён жизненную страсть.

Ты ей переполнен, как и древняя птица, и посещает вдруг мысль: а неужели эта страсть так сильна, что способна затмить собой всё остальное, что заключает в себе жизнь? Разве она действительно так всеохватна, что возводит инстинкт самосохранения на недостижимую высоту для всех иных человеческих устремлений? Конечно, нет, тягу человека к небу забыть в себе невозможно, но как могущественна сила природных чувств, что охватывает тебя по весне, когда ты молод и полон энергии!

Не удержать эту страсть, наверное, только по молодости лет. Становясь же более взрослым, начинаешь всё чаще вглядываться в себе в Бога, впрочем, не забывая, как был очарован таинством дикой природы и в лесу, и в глубинах своей очарованной им души. Да будет она жива века веков, но только без уничтожения животного мира!

Обычно чуждо и омертвело разносится по лесу охотничий выстрел, так что всё в нём сразу притихает и, насторожившись, будто вглядывается своими зелёными глазами в то, как бьётся во мху, теряя выдранное дробью перо, раненая птица. И ты вдруг начинаешь осознавать, что убить, значит, помешать божественному замыслу в отношении отдельного живого существа. Лишать жизни, пусть это будет хоть невзрачная птаха, прерогатива Бога, а не человека.

Не зря среди лесного люда водится старая примета: возьмёшь с собой в лес ружьё – ждёт тебя неудача, пойдёшь с пустыми руками, чтобы только

посмотреть на чудесный мир птиц и зверей, лесной бог положит к твоим ногам самые невероятные и увлекательные встречи. Зайцы будут бегать перед тобой, не боясь быть подстреленными, глухари – пугать, взрываясь из-под самых ног, лисы – показывать свой огненный хвост и ушки на макушке, словом, все птицы и звери, будто сговорившись, перестанут замечать тебя, а ты почувствуешь невидимое присутствие какой-то силы, которая наблюдает за тобой и благоволит.

Когда ты слишком часто искушаешь судьбу, да, к тому же, норовишь её обмануть, эта же неимоверная сила, рано или поздно, неминуемо наказывает тебя. Так однажды по весне наказал меня ОТЕЦ-ЛЕС за двух подбитых без нужды рябков, когда трогать их не следовало.

Спускаясь к реке по старому волоку с переброшенным через плечо ружьём, я вдруг поскользнулся на самом безобидном месте и упал так, что шейка у приклада переломилась. Об охоте не могло быть и речи: ружьё вышло из строя. Но больше всего поразила именно неумолимость приключившегося, при всей простоте ситуации. Будто кто-то на самом деле лишь слегка подтолкнул и надоумил: не шути с лесом, где всё про тебя известно и каждый твой шаг не остаётся без внимания, думай, прежде, чем что-либо совершить, а главное - не отделяй свои заботы от его интересов.

И действительно, лучше верить мудрой примете и не брать с собой в лес ничего, что могло бы навредить лесным обитателям. И тогда ты станешь самым богатым человеком – тебе будут доступны в лесу любые тайны, и ты сможешь рассказать о них людям. Истинное мужество – не взять лесного исполина на берлоге, проявив будто бы неслыханную отвагу, а знать, что при случае окажешься несгибаемым в любой жизненной ситуации, и не растеряешься, если от тебя потребуется решительность, но, всё же, без надобности не причинишь никому вреда.

Оставь ружьё дома, захватив с собой только неутомимость с наблюдательностью, и ты почувствуешь себя по-настоящему счастливым. Ты поймёшь, что птицы и звери ждут, когда человек откажется от их бездумного уничтожения, и станут ему дороже, а поможет человеку в этом верная примета, следуя которой дойдёшь и до самого Бога. Ведь самые редкостные встречи в лесу случаются, когда человек чист намерениями, ружьё в его руках отсутствует, и лучше, если всё происходит с твоей стороны сознательно, чтобы звери не принимали это за обман. Именно тогда они поверят человеку и станут ему близки так, как на заре жизни, когда яблоко познания ещё не стало яблоком раздора, и звери с птицами были нашими друзьями, а мы составляли с ними единый мир радости и любви.

Любовь – это богослужение миру, и потому призыв «Не убий!» есть признание, что именно любовь правит миром, и значит, она служит не только людям, но и зверям, птицам и растениям. Как бы охотник ни хорохорился, ни

гнал от себя ощущение совершаемой им вины, когда он стреляет в зверя, любой выпущенный заряд всегда стегает и по его душе!

Не стреляй по живому, человек, ибо совершая выстрел, ты, в первую голову, попадаешь в себя, после чего божественное начало притаится в тебе, вроде как, даже покинет, и тогда уже трудно будет служить ему, уповая на милость Господа. Он не услышит тебя, и качество твоей жизни снизится, ты окажешься отрешённым от того источника, что дарит истинную силу и радость.

Охота, по сути, есть возвращение человека к себе изначальному, к тем стародавним временам, когда не охотиться было невозможно, это составляло цель жизни. Первобытные люди не думали, что совершают убийство, им нужно было выжить, и они охотились, продляя этим свою жизнь. Если бы человек думал, что ему нельзя охотиться, он бы, наверное, не смог выслеживать зверя, и потому не чувствовал за собой вину.

Но охотничий инстинкт до такой степени утвердился в душе людей, что они до сих пор не в силах удержать себя от охоты на зверя, хотя, конечно, вполне могут обойтись сейчас без неё. И тогда зачем все эти невинные жертвы – медведи, лоси, рыси, куницы и лисы, великолепные глухари? По-моему, охота на животных уже давно должна быть завершена, ибо в ней нет никакой потребности, а любить природу вовсе не означает убивать её: инстинкт продления и укрепления своей жизни требуется незамедлительно сменить на инстинкт почитания в себе божественных качеств, для чего давно пришло время, и не понимать этого невозможно.

Конечно, и в наше время существуют малые народности, преимущественно обитающие на севере, в малонаселённых или совсем необжитых людьми районах, что охотятся по необходимости. Это – их способ выживания, и они не допускают варварского отношения к животным, соблюдая ритуал и охоты, и разделки зверя, не забывая при этом благодарить лесных духов. Добыча необходимой для существования дичи, бывает, единственное подспорье для их семей, и они берут только то, чего им, действительно, не достаёт, не более, прося у Природы прощения.

Другое дело, что случается сейчас повсеместно, когда убивают без всякой надобности, не ради пропитания, а для развлечения, даже – от безделья, что совершенно неприемлемо. При этом позируют рядом с убитым зверем, выдавая себя за «великих охотников», даже не подозревая, как обесточивают себя, лишая такой необходимой жизненной энергии.

Потеря равновесия человека с природой происходит просто: он теряет с ней взаимосвязь, когда покушается на чужую жизнь, независимо – зверь это, дерево или птица. Все болячки и прочие напасти человека – из-за потери им гармонии с самим собой и окружающим миром, и если ты будешь палить в этот мир из ружья, гармонии в твоей жизни не прибавится. Когда же перестаёшь охотиться на птиц и зверей, природа постепенно приближается к тебе, и трогательно открывает самые заповедные секреты.

С годами приходишь к простой мысли о том, что живые животные интересней, чем мёртвые. Забота о животных, их сохранение – гораздо более достойное и полезное занятие, нежели разрушение природы. Зверей и птиц вовсе не обязательно убивать, а лучше, скажем, писать о них, изучая скрытый образ жизни, и тогда люди прочтут твои рассказы, порадуются им, и поблагодарят тебя за вдумчивое причащение к природе.

Эти рассказы научат людей беречь родную природу, и, может быть, они перестанут её, наконец, убивать. Ведь по-настоящему лесной человек тот, кто защищает животный мир, и значит, любит его, не прикрываясь в своей охоте рассказами о красотах удивительной природы, что равносильно возведению воздушных замков. Реальное отношение к нашим меньшим братьям подразумевает справедливость, то есть, искреннее восприятие ценности их жизни, уважение к ней, и если ты действительно справедлив и искренен, ты уже не возьмёшь в руки ружьё.

Незаметно ты почувствуешь, как и в природе, и в тебе совершается какое-то настоящее торжество, и, сливаясь душой с ней, ты поймёшь, что это – единственно верный путь во взаимоотношении человека с окружающим его миром птиц, животных и растений, проще сказать, путь к счастью. Люди даже не представляют, какой радостью может загореться тогда для них жизнь, и сколько они смогут сделать в ней прекрасного, ведь она, несомненно, должна быть благотворна!

Порой душевные мучения за лесных обитателей одолевали меня больше, чем за окружающих людей… Беспокойство не отпускало, даже когда я покидал лес и уезжал за много километров в город: переживания за животных от этого только острее жгли моё сердце.

Так, однажды, испытывал я муки за барсука, удавленного в петле охотниками. Не один год наблюдал я за ним, встречал в весеннем ночном лесу на глухарином току, шёл по первым грязным отпечаткам его когтистых лап на сыром апрельском снегу, и стоял прямо над норой, в седых глубинах заснеженного января, с трепетом ощущая дикий звериный сон… И вот, однажды узнал, что барсука не стало.

Долгое время я не в силах был успокоиться, и всё вспоминал, как милый зверёк улепётывал от меня весной, оставляя на снегу свои голотяпые следки, похожие на то, как будто здесь совсем недавно пробежал ребёнок, до того точно они напоминали отпечаток детской ножки. Но откуда бы ему тут взяться?!

Ещё тогда подумалось: не лучше ли было человеку, погубившего этого зверька, просто наблюдать в течение лета за тем, как барсук воспитывает своих малышей, радуется отпущенной ему лесом жизни и ни о чём другом не помышляет? Именно таинственное обитание барсука в глубокой лесной норе, неподалёку от чистого ручья, струящегося на дне глубокого лога, такие чудесные полоски на его мордочке и известное всем трудолюбие гораздо более ценны для человека, нежели добытая шкурка. Ведь только живой зверь поможет человеку воспитать и самого себя, и его неравнодушных детей,

установив неразрывную связь с удивительным миром природы, и зачем же лишать себя этого чудесного единения, ограничивая свою жизненную энергию?!

Представьте себе, что все звери и птицы решили отомстить человеку… Как они это сделают?

И звери, и птицы, наверное, просто покинут человека, оставив его наедине со своими недалёкими мыслями и устремлениями. Души убитых им зверей долго потом не будут воплощаться, вообще, уйдут в другие, более глухие места, увлекая за собой и все остальные живые существа.

Птицы, исчезая, лишат человека крыльев, а звери – проницательности и чутья. Им не зачем будет возвращаться в предопределённую им человеком несвободу. И звери, и птицы скорее предпочтут неведомую человеку лесную глубину, совсем иной мир, без людской жестокости и холодного расчёта.

Если убийство животных происходит в целях добывания средств существования, когда иного способа раздобыть себе пищу не представляется возможным, это ещё куда ни шло… Но ведь большинство охотников в наше время отнюдь не голодают, а наоборот, это, как правило, вполне обеспеченные люди, живущие в полном достатке, однако им, для чего-то, необходимо обзаводиться внушительным ружейным арсеналом, представляя себя в собственных глазах настоящими, повидавшими виды мужчинами.

По их разумению, они непременно должны охотиться на крупного зверя – лося, кабана или даже медведя, на худой конец – зайца и тетеревов, разумеется, разбираясь в их следах и повадках. И, конечно, они без труда умеют устанавливать ловушки и капканы, являя собой некоего привлекательного героя, с головы до ног экипированного и продвинутого в вопросах охоты. Нашествие таких безрассудных охотников просто заполонило наши и без того опустошённые леса.

Что, как ни невежество, ни бездумное желание похвастаться перед знакомыми своими трофеями, да ещё запечатлеть себя на фотоснимке в мужественной позе побуждает их к этому? Причём, эти горе-охотники сами не в состоянии освежевать зверя, выделать шкурку, развести костёр в сырую погоду, а уж о том, чтобы отыскать глухариное токовище или нору барсука, и речи не идёт. В их неуёмных до падких успехов сердцах только гордыня, страстное стремление во чтобы-то ни стало выпятить себя в глазах других, такого же рода «охотников», прикрываясь при этом любовью к родной природе, к романтике таёжных дорог.

А всю тяжёлую и «грязную» работу осуществляют их подчинённые, как правило, не принимающие участия в так называемой «охоте»: либо это водители, либо обеспечивающие всё предприятие егеря, отменно разбирающиеся в порученном им деле. Все же устремления наших «любителей охоты» направлены на то, чтобы поскорее добрать зверя, самодовольно насладившись своим «умением», не переживая при этом никакой близости к безжалостно загнанным ими животным. Напротив, они

безудержно готовы превозносить себя над миром природы, по сути – совершая предательство по отношению к своим меньшим «братьям».

Куда подевались старые заветы истинных «лесовиков», и отчего в таком обилии расцвело столь противное самому существу человека варварство? По-видимому, только от того, что это «самое существо» человеком в себе просто не учитывается, и уж тем более - не развивается.

Не болит душа человека об учинямой им бойне, потому что её нет в нём, присутствует лишь крохотный огонёк сознания, но он остаётся нераздутым. А между тем, это - наипервейшая задача каждого человека, предопределённая ему Богом судьба, и живя по ней, убивать подобные себе существа недопустимо. В этом – божественное предназначение дарованной нам чудесной жизни.

Не правда ли, это звучит странно, когда любящий природу человек, постоянно восхваляющий её красоты, в тоже время убивает зверей и птиц, оправдывая убийство своей преданностью лесу? Причём, он хорошо понимает: животные, как и люди, обладают чувствами, и могут отлично их выражать.

Звери способны заводить между собою разговоры, они общаются, а также выявляют свою привязанность или неприятие, им знакомо чувство оставленности, когда приходится довольствоваться одиночеством, и какую радость переживают они, обретая родных. А как нежно ухаживают звериные матери за малышами, незамедлительно жертвуя ради них жизнями, и маленькие дети звериного царства вырастают сильными и красивыми, не переставая затем заботиться уже о своих детёнышах. Но человек уничтожает чудесных зверей, преклоняясь перед их природным обаянием, и разве это не противоестественно?!

Противоестественно и то, что охотники до дичи закрывают глаза на мучения животных, будто не замечая их, убеждая себя, что при охоте иначе вести себя невозможно, и нужно просто оставить все сомнения на этот щепетильный счёт, не беря во внимание, а сосредоточить его на добыче дичи, чтобы она не ускользнула.

Но представим себе подраненного лося, что оставляет за собой на снегу кровавый след на протяжении сотен метров, его загнанно мятущееся могучее сердце, и жаркую погоню за ним этих самых «охотников», что продолжается и час, и два… А лось, в ужасе от происходящего, из последних сил, в смятении, преодолевает сугробы и заросшие мелколесьем выруба, кровавая пена пузырится на его губах.

Что испытывает он при этом кроме внезапно нахлынувшей боли, и разве такая судьба уготована ему лесом? И как ведут себя «охотники» до подобной расправы, что чувствуют они? Их задача – добрать зверя, с холодной неумолимостью лишив его жизни.

Только для этого чудесное сильное существо росло и мужало в безмолвных лесных просторах, напитываясь чистой водой в ручьях и пахучей корой, чтобы оказаться загнанным и пропасть, навсегда утеряв свою

прекрасную дикую свободу? И всё это лишь благодаря несвободному человеку, находящемуся всю жизнь в рабстве собственных низменных устремлений?

Равносилен ли такой обмен, и во имя чего совершается он, удовлетворяя нетерпеливую человеческую натуру, жаждущую неоправданно скорых достижений, минуя при этом самое лучшее, божественное в себе? Не мешало бы человеку подтянуть пояса и задуматься о том, что роднит его и с лосями, и с волками, и с журавлями, и давно уже, втайне, не даёт ему покоя.

Прекрасно понимая в глубине души свою вину, такой «охотник» непременно воскликнет: «легко сказать – бросить охоту!» И сколько же ещё примеров и случаев в его жизни должно произойти, чтобы он осознал, наконец, всю бессмысленность и бессердечность истребления, вобщем-то, дорогих для него животных?!

Несомненно, что находясь в постоянных душевных муках, глубоко скрываемых даже от самого себя, он будет долго убеждать свою совесть в обратном, находя «неопровержимые» доводы в пользу сохранения охоты, якобы, не представляя без неё существования, но всё равно это окажется неправдой, и сердце его всегда будет оставаться не на месте. Так что же человеку делать, как поступиться своими неотъемлемыми «охотничьими принципами», чтобы не чувствовать себя рабом собственных ложных устремлений, и, в конце концов, отказаться от уничтожения живых существ?!

Поражает в охоте на животных вот ещё что: люди привыкают к их смерти, и ценой тому – жизни животных, что умирают со страхом и мольбою в глазах, гибнут зря, без всякой на то нужды! Но человек по-прежнему стреляет, налаживает капканы и ловушки для новых жертв, да только разве возможно привыкнуть к убийству живых существ, если у тебя есть сердце, и ты сумел сохранить в нём цветы жизни?

Мятущиеся глаза зверей – укор для человека, что бесцеремонно уничтожает их, и ведь многие животные, действительно, не погибают сразу, испытывая неописуемые мучения! Разве разумно свыкнуться с подобным несчастьем, воспринимая его как должное, и заявляя вовсеуслышание о любви к природе, возможно ли не иметь к животным чувство сострадания?

Когда охотники, в оправдание своей стрельбы по живому, упоминают восприятие природы как некое удивительное, несравнимое ни с чем переживание, то мне всегда хочется напомнить им, что это самое природное чувство должно оставаться непогрешимым. Оно не должно разниться с непременным принятием человеком своего единства с прекрасным миром природы, его непревзойдённой красотой, ибо и ему самому надлежит быть красивым душой, а душа его при этом не может быть отделена от правды. К пониманию подобного положения вещей обязывает человека его совесть, и лишение жизни любого существа здесь недопустимо.

Так называемая «правда» охотника, преподносимая им как нечто незыблимое и достойное, непременно овеянное поэзией, по сути, есть сущий вздор, что оправдывает обычную первобытную страсть по добыче зверя.

Когда-то, давно, она была вполне приемлема, без неё просто невозможно было бы прожить, но сейчас, в наше время, эта страсть абсолютно неуместна, точнее даже будет сказать – она губительна, причём, не только для зверей, а скорее даже для самого человека.

А сколько бессмысленной лжи сопутствует этому вздору, то есть, выдуманной «правды», совершенно не отвечающей истинным душевным устремлениям людей, когда они в силах обойтись без охоты, поскольку она просто не нужна. Ну, если только в случае уничтожения диких зверей, представляющих опасность для жизнедеятельности человека, что должно быть доверено подготовленным командам профессионалов, помимо всего прочего ответственных за поддержание порядка в лесу, занятых охраной заповедных территорий.

Зачем убивать куницу или норку, когда можно производить красивый искусственный мех, сводить на нет поголовье лосей, кабанов или изюбров, если их с успехом заменит животноводство, стаи же тетеревов, фазанов или куропаток - развитое птицеводство? «Правдолюбивые» охотники резонно, с их точки зрения, возразят, что дело тут не в добывании мяса, а в переживаемой ими красоте при соприкосновении с чудесной природой, ведь её при охоте на зверя и птицу никак не отнять, и кто им запретит такое неподражаемое природное обаяние не переживать? По мнению охотников, они имеют на это полное право!

Но разве человеку, как одному из представителей животного царства, присущи только стадные действия? Нет, всякий человек, как и любое живое существо, должен вести себя сообразно дарованным ему возможностям, а значит – разумно. Конечно, у одного это выходит самым наилучшим образом, по-человечески, а у кого-то и совсем ничего не получается, потому как он не учится понимать жизнь и себя в ней, живёт несознательно.

Кому хоть раз приходилось видеть стремительный полёт тетеревов и стрелять в них из обоих стволов, восторженно заявит какой-нибудь «правдолюб» от охоты, тот уже никогда этого не забудет, и, не переставая, будет желать ощутить это вновь. А как притягательно следить за тем, когда свечой устремляется вверх осенний упитанный вальдшнеп, быть очарованным его внезапным взлётом, напоминающим звук разрываемого шёлка? Все эти птицы созданы, кажется, только для того, чтобы на них охотились, иначе для чего существует такой будоражащий шум их крыльев, что волнует больше, чем любовь?

Оно, конечно, так, и нет предела тому восхищению, ежели вдруг из-под ног вырвется краснобровый тетерев-косач, и ты не в силах удержаться от меткого выстрела по нему, но и то правда, что каждому такому охотнику стоит проникнуться пониманием: убивая живое существо, ты подвергаешь его мучениям, одновременно убивая что-то важное и в себе. Это так легко осознать!

Не может убийство обыкновенных кряковых селезней быть оправданным только потому, что это - просто утки, в бесчисленном

количестве прилетающие к нам по весне на север! А то, что птицы преодолели на этом пути сотни километров, и всё только для того, чтобы оказаться подстреленным каким-то досужим охотником, восхищающимся шелестом их крыльев, не учитывается?!

Нет, охота на птиц и зверей производится, конечно, не потому, что они удивительно красивы, и не по причине восхитительного великолепия нашей неповторимой русской природы, даже – не из-за страха, а только по неиссякаемой в себе первобытной страсти, побуждающей выслеживать и убивать, что давно бы уже пора в себе преодолеть. Но она, эта страсть, только ещё более подогревается в разнообразной охотничьей литературе и журналах, в обилии производимых промышленностью ружьях, ножах и прочих доспехах, когда охотничье ремесло преподносится, как искусство. Когда-то, давно, оно, действительно, было необходимо для древних людей, но ведь сейчас насильственное убийство бесплодно, и, скорее, есть проявление слабости, когда ты самоутверждаешь себя засчёт красоты и тайны животных, которые безжалостно у них забираешь.

Не лучше ли человеку лишь порадоваться, завидев в небе косяки журавлей, гусей и уток, но не изощряться в их бессмысленном истреблении, с каким-то остервенением, будто от этого зависит существование человека? Когда же человек, наконец, осознает всю тлетворность производимого им варварства, что единство его с чудесным миром природы неслучайно, и укрепить его достойное отношение к жизни должна мысль о единстве его правды, и правды любого животного, о существовании того, что порождает волшебную силу неповторимой природы?!

Если ты не способен удержать себя от выстрела из ружья, нажми кнопку фотоаппарата, запечатлев на вечную память этот бесподобный по красоте полёт птицы, что тоже останется жива, и порадует ещё кого-нибудь стремительностью своего чудесного парения! Не бери на себя право лишать её жизни, не ты вдыхал в её крылья эту удивительную силу, а лучше создай нечто такое же удивительное, чего ранее не существовало.

Вот где потребуется твоя ловкость и смекалка, воля и терпение, незаменимое ничем милосердие, когда отдаёшь всего себя во имя божественного существования. Неужели ты, человек, не способен именно на такое достойное поведение, что, несомненно, необычайно интересно и захватывающе?!

Но чаще всего я замечал среди охотников такую черту, как желание, в первую очередь, показать себя необыкновенно бывалым человеком в знании повадок зверя и верных способов его добычи, повидавшим виды промысловиком, хотя таковым он на деле и не является. К этому всеми силами стремятся почти все охотники, им непременно нужно продемонстрировать свою власть над природой, то, как они ловко ведут себя в лесу. Без труда умеют быстро разжечь костёр и обустроить на ночь нодью, наладить силки или капкан, безошибочно определить по следу – какой зверь

недавно прошёл, самец или самка, нёс ли он в зубах добычу, а если пойти ему в пяту – натолкнёшься ли ты рано или поздно на его нору?

При наблюдении за охотником сразу становится видно – чего он стоит, и если человек ведёт себя сдержанно и скромно, это непременный залог его порядочности и глубокого знания леса. Ему просто незачем выставлять себя непревзойдённым знатоком природы, поскольку он им в действительности и является, и если вы заметите в своём окружении такого человека, обратите на него внимание, постарайтесь познакомиться с ним поближе.

Что же касается краснобаев, якобы, повидавших виды «лесовиков», то держитесь от них подальше, начинайте своё общение с лесом со знакомства с мудрым и спокойным человеком, он на деле очень редок. Тот же, кто хочет быть в лесу «хозяином», не достоин вашего интереса.

Его прельщает в отношениях с природой только личная выгода, иного интереса он не предполагает, и всё самосознание такого охотника сосредоточено лишь на достижении добычи, порой – любыми способами, и ничего доброго он не приносит ни себе, ни лесу. Держитесь подальше от того, кто искренне недоумевает – почему он не имеет права по собственному разумению распоряжаться дарами природы, ведь именно он и считает себя «бывалым», а значит – абсолютно не понимающим суть своего нахождения на земле, ценность взаимоотношения с обитателями леса.

«Хозяин» леса не является, в первую очередь, хозяином для себя самого, и потому проявляет в отношении и птиц, и животных, и растений одну жестокость, и, конечно, он не способен на какое-либо милосердие, истинное внимание к жизни, иначе она не одарит чудесами. Нужно научиться пользоваться богатством леса, умению быть ему другом, открывая и в себе и в нём то, что оказывается истиной. А истина такова, что человек не может быть собой без божественной природы, входя в неё учеником, выходя же – умудрённым опытом человеком, раскрывая тем самым свой личный путь жизни.

Ты и лес неразделимы, только относись к нему с уважением, если хочешь быть ему другом, не представляй себя перед другими и перед собой «бывалым», а не покладая рук учись у леса мудрому отношению и к нему и к себе. Слейся с лесной чащей, сосредоточь своё внимание на каждой былинке, и она спасёт тебя от высокомерия: ты почувствуешь себя среди лесных обитателей своим, нужным им разумным существом, и так, незаметно, получишь в лесу собственное лицо, неотъемлемое от божественной природы. Тот же, кто бахвалится, стремясь выказывать свою «власть над природой», не достоин внимания, он слаб, и ему следует так долго работать над собой, чтобы лес ему поверил.

И всё же, от многих охотников я чаще всего слышу, как они любят природу, но не могут не охотиться на дичь. Без этого их любовь, будто бы, не настоящая, она не имеет права на существование. Если ты весной не стоишь с ружьём на вальдшнепиной тяге, не сидишь в шалаше на тетеревином току, ожидая подлёта краснобровых косачей, не бредёшь ночью по раскисшей

дороге к потаённому глухариному токовищу, чтобы добыть великолепного мошника, не загоняешь по первому снегу сохатого, то какой же ты охотник?

Не добывая таких прекрасных птиц и зверей, ты, по их мнению, не истинный ценитель леса, и непереносимо как раз не сострадать животным, а именно не выслеживать и не красться, терпеливо выжидая возможность сразить метким выстрелом токующего в рассветных сумерках глухаря. И ничего при этом, что он провозглашает в своей песне весну и любовь, ожидая подлёта страстной копалухи, ведь птица не может чувствовать, как человек, а вот он, истинный почитатель природы, всё в ней тонко понимает, обладая и проницательностью, и чутьём, и чувством прекрасного. Вам знакомы подобные убеждения?!

Главным аргументом в этих восторженных заверениях служит не терпящее возражений утверждение, что волшебный мир природы необыкновенно прекрасен, и охотник, позабыв обо всём, пытается донести до кого-нибудь, что вот он-то в таинственную лесную страну вхож, как никто другой, и верным залогом служит добытый им трофей – вальдшнеп, глухарь, а лучше - заяц! Этому охотнику ничего не стоит подстрелить и более крупную дичь – барсука или лисицу, а то и медведя, он знает, как это осуществить, ведь умения ему не занимать, и человек начинает верить в своё глубокое видение лесного мира, вовсеуслышание провозглашая его чудеса.

Так бывает, когда тобой всецело овладевает животное удовлетворение природного инстинкта, и ты не осознаёшь ни себя, ни происходящего с тобой. Будто ещё не минуло твоё первобытное восприятие действительности, и ты, как варвар, готов настигать стрелой бегущего зверя, летящую птицу, или даже ничего не подозревающего звериного детёныша, лишь бы только достичь его, схватить в руки и сьесть.

На этом страсть первобытного человека, вроде бы, кончается, да только до следующей охоты, призванной опять выслеживать и догонять, непременно убивая. Но ведь вы уже давно не первобытный человек, и даже способны на возвышенные чувства, восхваляя красоту природы: так от чего вы убиваете, хвастаетесь перед знакомыми своей добычей, и даже фотографируетесь с поверженным зверем?

На снимке вы выглядите заправским охотником, настоящим первооткрывателем неведомых земель и лесных троп, и тем, кто разглядывает вас на фотокарточке, трудно в это не поверить. Вы же необыкновенно воодушевлены своими охотничьими заслугами, и стремитесь убедить каждого в том, что и ему может быть подвластен этот чудесный лесной мир, стоит лишь обратить к нему свой взор, приобрести ружьё и отправиться на охоту.

И всё же, задумайтесь: зачем существующие чудеса уничтожать? Не проще ли ими просто любоваться, принимая всем сердцем и складывая о них увлекательную историю?

Не помешает при этом увериться и в том, что истинные чудеса не осознающему себя человеку в лесу недоступны, он их просто не увидит в

погоне за добычей, и о каком понимании природы тут можно говорить? Ему бы только след приметить – и вот уже всё его внимание устремлено на зверя, когда, по правде говоря, вряд ли разглядишь в лесу что-либо необычное. Уж больно ты захвачен собой, своим неутомимым желанием во чтобы-то ни стало добрать улепётывающего от тебя зайца, взять его на мушку.

И разве увидит охотник в этом зайце самого себя? Нет, не получится у охотника присвоить себе всю природу, если он не понял своей человеческой сути, то, что она - божественна, и не он утвердил это качество в своей душе.

А ниточка, связывающая человека с ОТЦОМ-ЛЕСОМ, тоненькая-тоненькая, никем, кроме него, не приметная, готовая в любой момент оборваться, но и её приходится зарабатывать годами неустанного общения с лесом. Причём, беспрерывно, только тогда неведомые лесные силы начнут хотя бы немного доверять тебе, продолжая при этом постоянно проверять твою преданность лесу, полную отдачу ему твоей энергии.

Это очень трудно, даже профессионально связанным с лесом людям, чаще всего – недостижимо, ибо в твоём стремлении познать лес, его тайны, должна присутствовать абсолютная искренность и отсутствие малейших эгоистических побуждений. Тебе предстоит отказаться от овладения свободой зверя, птицы либо растения засчёт своего умственного преимущества. Ты должен быть нацелен только на познание природы во благо её самой, и никак иначе, в противном случае тебя никуда не допустят и ничего не откроют.

Способен ты на подобную душевную чистоту, неподдельную душевную отдачу лесу, которую он обязательно почувствует? Готов во имя созидания лесного чуда пожертвовать всеми своими удобствами, временем, даже, быть может, жизнью?

Если нет, то все твои хождения в лес окажутся бессмысленными. Мало того, с тебя рано или поздно взыщется, если ты не изменишь своего отношения к природе. И потому задумайся: если ты – истинный искатель, то стоит ли предавать природные энергии, относясь к ним без должного внимания, разрушительно? Не соверши ошибки, человек, иначе она будет стоить тебе очень дорого.

«Какая теперь охота!» - восклицал ещё сто лет назад Михаил Михайлович Пришвин, и, вспоминая его слова, почешешь в затылке, и невольно тоже воскликнешь: «А нам-то что остаётся?!»

И действительно, охоты не стало, как и не стало лесов, что, как ни старайся, уже не восстановить. Но охотники, между тем, всё равно снаряжают патроны и ружья в лес, не спят ночами в предощущении скорой поездки туда, и так же, как и сто, и двести лет назад, как это было одинаково во все времена, сердца их замирают в сладкой истоме от одного слова – «охота»!

Вы, дорогой читатель, наверное, совершенно естественно зададитесь вопросом: чего же они никак не уймутся? И я вам отвечу: они до сих пор не в силах укротить в себе первобытного зверя, оправдывая свою неуёмную страсть «любовью» к красотам природы, не понимая, в то же время, что это слово на самом деле из себя представляет. А представляет оно искреннюю привязанность ко всему живому, желание с трепетом проникать в суть происходящего в природе, никого при этом, конечно, не убивая.

Человеку нужно сначала научиться вбирать силу природы, не причиняя ей при этом ущерба, не растерять себя в её необъятном обаянии, а затем быть готовым верно распорядиться приобретённым знанием, великодушно отдавая его другим. Иначе, зачем ты, человек, наделён разумом, отчего, хоть иногда, заглядываешься на звёзды?!

В последнее время часто можно слышать, как многие люди с недоумением задаются вопросом о том, почему человек убивает животных? Они, будто бы, не в силах воспринимать совершаемое против животных зло, как неминуемую данность, и искренне негодуют по этому поводу. Порой даже начинает казаться, что сторонников милосердного отношения к природе гораздо больше, нежели тех, кто совершает надругательство над живыми существами, не испытывая при этом никакого сожаления, а наоборот, получая удовлетворение от выслеживания и добычи зверя, возводя подобное действие в ранг не оценимых никем собственных заслуг.

«Убить», по мнению так называемых «охотников», значит, перехитрить зверя, подчинить его своей воле, а то, что животное страдает при этом – забота не наша. Так, мол, устроена жизнь, убеждённо полагают они, и если тетерева или зайца убить – не душу сгубить. Вроде как, убил охотник птицу: перья остались, а мясо улетело! То, что в таком человеке всякое доброе чувство тоже умирает, на веру им не принимается, как и понимание, что человек ничего не добьётся, если будет ценить животных только за пользу, которую можно получить от них.

Но вот что странно: люди, убивающие зверей, в сравнении с теми, кто ратует за отказ от убийства, как бы это не выглядело несуразно, быстрей достигают истинного понимания в этом вопросе, то есть, гармонии с миром природы, отказываясь от охоты, если не устают искать, не остаются равнодушными к чужой жизни. Почему-то именно им, уже не раз погрешившим против животного мира, надлежит рано или поздно распутать клубок собственных противоречий. Радетели же чаще всего не приближаются к истине вовсе.

Из всего этого следует вывод: когда человек не в силах принять своё незнание, ему всё ещё нравится убивать, так ничего в себе не осознав, но чтобы преодолеть, наконец, это непонимание, ему необходимо пережить в душе гибель животного, чью жизнь он неумолимо оборвал с помощью капкана, петли или ружейного выстрела. Может быть, с луком и стрелами он выглядел бы более привлекательно, да только изменится ли от этого суть? Это страшно звучит, но пока ты не лишишь живого существа жизни, не

прочувствуешь за него всю боль и отчаяние, причём, не раз, а в течение, быть может, многих лет, побывав в разных ситуациях, связанных с охотой, ты не осознаешь правду жизни.

Ты пострадай, помучайся над убиенными тобой зверями, да посмотри со стороны на то, что сотворил так, чтобы проснулась в тебе совесть, забродила неудовлетворённость от содеянного зла, и прочувствовал бы ты муки животных, как свои. Чтобы дошло, наконец, до твоего сердца простое знание: звери и птицы – твои друзья, и они созданы для того, чтобы человек не забывал о своих возможностях, которые открываются перед ним, когда он чтит родную природу. Ведь последнее слово всегда остаётся за человеком, постепенно вырастающем в своём ребёнке, и больше всего меня беспокоит то, что сами люди не хотят быть такими, какими они могут быть.

И вот опять, как и в начале этой книги, но только с ещё большей убеждённостью, во мне звучат слова о том, что люди мучают и себя, и друг друга, и обитателей леса из-за этой душевной лени, и один Господь ведает, до каких пор это будет продолжаться. И самое главное, люди не развивают себя. А надо-то, всего лишь, заглянуть в свою душу и ответить – кто ты, зачем на этой земле живёшь, и только опираясь на свой земной опыт и опыт дорогих тебе зверей и птиц, ты способен преодолеть животные инстинкты, обретая, благодаря своему развитию, дорогу к Богу, в конце концов, простую истину: не убий!

Третья часть. Обаяние родной природы

Звери, птицы и растения предназначены для того, чтобы обратить наше внимание на более тонкий, глубинный мир леса, который люди никогда не замечают и не используют. Люди настолько не чувствительны, что не осознают происходящего рядом, а ведь мир природы, каким бы это ни казалось невероятным, создан для них, для их работы над собой с устремлением становиться лучше.

В жизни существует множество основополагающих и, в тоже время, простых вещей, достижение которых невозможно без мудрого отношения к окружающей тебя природе, к миру зверей, птиц и растений, в конце концов, к самому себе. Они незыблемы в стремлении жить осознанно, без них не сложить собственного здорового существования, и только с обретением этих самых знаний ты становишься собой.

Я не понимаю и не вижу смысла в желании предугадывать своё будущее, думать о нём и мечтать, надеясь, что всё в нём сложится самым наилучшим образом. Ведь я живу в настоящем, только оно меня радует, принося удовлетворение, и я делаю только то, что хочу, что для меня по-настоящему дорого и ценно, и ничего иного не желаю. А ещё в этом настоящем времени я люблю море, лес с его обитателями и дорогу, открывающую смысл моего существования.

Мне неинтересно то, что меня не касается, и ко мне никак не относится такое пустое понятие, как «мечта». Если у меня появляется цель, то я её просто достигаю, руководя собственной жизнью. Именно цель наполняет меня жизненной энергией, она заряжает необходимым энтузиазмом, и чтобы осуществить её, нужно лишь проявить решимость, терпение и отвагу. А где эти качества проявляются в полной мере? Конечно, и в море, и в лесу, и на пути постижения себя. Пустое же мечтание ни к чему не приводит.

Когда тебе, скажем, хочется наказать оскорбляющего тебя человека, необходимо, конечно, владеть собой. Но как этого добиться? Только благодаря богатому жизненному опыту, когда ты именно добивался своих целей, оказываясь, казалось бы, в самых невыгодных для себя условиях.

Причём, не только в настоящей жизни, но и в предыдущих воплощениях: твой жизненный опыт должен быть неповторим по переживаемым впечатлениям, и, не имея его, ты никогда не научишься руководить собственным поведением. Тебе непременно следует обладать всесторонним и глубоким знанием проистекающего вокруг существования, в котором ты давно живёшь уже не только по человеческим законам, но и по божественным. Это знание невозможно без понимания себя и окружающей тебя природы, наполненной безусловной любовью к миру Богом.

Способность любить самому и нести в себе это чувство всегда, проявляя его ко всему живому, - ваш долг, и если вам встречается родной по духу человек, или тот, кто нуждается в милосердии, вы точно так же будете дарить

свою любовь и ему. Важно, чтобы это любовное чувство жило в вас, вы были переполнены им, иначе вам не любить и не быть любимым.

Вы, конечно, спросите: а откуда такому чудесному переживанию взяться во мне? Ответ прост: его надлежит в себе копить, и это невозможно без отдачи себя миру птиц, зверей и растений, всем людям. Именно в нём ты обретаешь свободу, а истинная свобода – это когда и тело, и сознание человека ведут себя так, как и ждёт от них божественное пространство, сама жизнь.

Благодаря этой свободе, осознанному отношению к себе, к своей жизни в этом божественном мире, человек движется в согласии и с ним, и с собой, ничего не придумывая, а именно чувствуя. Он интуитивно угадывает свою истинную природу, и оттого всё, что он делает – выходит у него совершенно естественно и верно, каким ему и надлежит быть.

Я никогда бы не обрёл эту свободу без слияния с природой, с нашим божественным русским лесом. Ведь природа – это творчество самой жизни, её непредсказуемо прекрасное поведение, каждый день очаровывающее нас своей неповторимостью.

Так и человек должен двигаться по жизни, имея своё собственное, не похожее на других душевное поведение, воспринимая родную природу как божественное откровение. Ты должен стоять за свою собственную жизнь, как за самое важное, ибо это - твоё сокровенное богатство, твоя душа, и она - тоже божественна.

X X X

Таинственное в природе, на деле, до такой степени просто и реально, что порой это приятно обескураживает, и потому не всегда следует без устали его добиваться, тем более, что оно само рано или поздно себя обозначит.

X X X

Летом, над тихой уютной заводью, в воздухе держится нечто неуловимое, но такое чудесное, хоть и необъяснимое, что хочется жить, угадывать его во всём, ни о чём больше не думая.

X X X

Нередко бывает так, что кукушонок, оказавшись в чужом гнезде и быстро подрастая, выталкивает из него маленьких птенцов, и остаётся в нём один. Родители погибших птенцов продолжают его усердно кормить, пока он не вырастет и не улетит. Так природа, принося в жертву множество птичьих душ, заботится о своём здоровье: его призваны хранить прожорливые кукушки. Уничтожая в огромном количестве самых вредоносных мохнатых

гусениц, которых не трогает ни одна птица, они приносят несоизмеримо большую пользу, чем загубленные ими славки, мухоловки или пеночки-теньковки.

X X X

Если человеку приведётся побывать зимою в глухом хвойном лесу, то ему обязательно откроется какая-нибудь чудесная тайна.

X X X

Как сладко иногда почувствовать свою беспомощность в объяснении таинственной природы и готовность удовлетвориться лишь сказкой.

X X X

Сумрачно, но с загаданною тайною глядится в человека могучий хвойный лес, где самая высокая ёлка, чаще растущая посреди дремучей чащи, похожа на зелёную таинственную колокольню, что своим бесшумным звоном собирает вокруг себя все деревья и не даёт им потеряться.

X X X

Когда наша матушка-зима полностью вступает в свои права, даже занесённые к концу января лога и овражки, кажется, живут полной, неспешной жизнью, что представляется очень содержательной и таинственной.

X X X

Любовь к нашему русскому лесу слагает для меня, наверное, и мудрое отношение к нему моих далёких предков.

X X X

У каждого человека есть свой тайный узелок, который в лесу, если быть честным с самим собой, обязательно развяжется.

X X X

Всецело захваченный впечатлениями, что, обычно, переполняют тебя в весеннем лесу, бывало, присядешь с записной книжкой на какой-нибудь

пенёк, оглядишься, и в одно мгновение вдруг поймаешь себя на ощущении, что ты здесь не нужен.

Это простое открытие так поразит, что ты какое-то время не можешь прийти в себя. А потом, успокоившись и переболев эту свою отчуждённость от всего, что происходит весной в природе, вдруг постигнешь: таинственный лес, наверное, затем и существует, чтобы ты, человек, пришёл к нему, присел на пенёк, и записал всё то, что он с таким упорным трудом, веками, готовил для встречи с тобой.

X X X

Открыв для себя какую-либо тайну природы - очень важно какое-то время не рассказывать о ней никому, нести в себе, и благодаря этому черпать огромное желание и возможность радоваться жизни.

X X X

Когда научишься принимать жестокую декабрьскую метель как твёрдое устремление своей души, все невзгоды незаметно отпадают, и остаётся такое же твёрдое желание быть любимым и любить, и оно обязательно сбывается.

X X X

Страшно оставаться в ночном лесу одному, и хочется разделить с кем-нибудь свои опасения, но только так, в одиночестве, можно добиться в себе чего-то важного, может быть – самого главного.

X X X

Почувствовав себя однажды апрелем, я понял, что могу рассмеяться и заплакать одновременно.

X X X

Смотришь строгой январской ночью на небо и начинаешь воспринимать всё это бесконечное пространство как глубину души одного гигантского существа, как ни странно, похожего на человека.

X X X

Если хочешь, чтобы весенняя природа открылась тебе во всей своей красе и силе – помыслы твои должны быть также абсолютно чисты, и она безошибочно угадывает, когда человек этого достигает.

X X X

Всякий человек невольно забывает себя в лесу, и мысленно превращается в кого ему захочется, но никогда не может объяснить – как и почему это происходит.

X X X

Пока осень не доскажет человеку всё до конца – ни за что его не оставит.

X X X

Человек ничего ещё не изобрёл такого, чего нет в природе.

X X X

Если не сумел сразу, смолоду, войти в мир природы, то куда потом не пойдёшь в лесу – везде будет казаться всё не так и не твоё. Чтобы действительно замечать и понимать лесные звуки и запахи, принимая их как свои, нужно жить ими с самого детства.

X X X

От холодных северных ветров ели опускают свои нижние разлапистые ветви к самой земле, и так образуется еловый шалаш – уютное убежище для птицы, зверя и заплутавшего в лесу человека.

X X X

Когда молодая весенняя зелень ещё не закрыла собой прошлогодний мусор в лесу, и он неприятно цепляется и хрустит под ногами, всегда почему-то и в себе обнаружишь ненужное, оставшееся после зимы, и даёшь себе слово как можно быстрее избавиться от него за эту весну.

X X X

Бывает, в январе над лесом повисает такая беспросветная холодная тьма, что глядеть в неё, даже из деревни, жутко, и всё же твоя душа, не задумываясь, зачем-то отправляется туда, в скрытую ото всех чащу, и всемогущий лесной бог незамедлительно выходит к ней на помощь.

X X X

Заяц, хоть и труслив, но всегда разберёт: вот лёд треснул под ногой лошади или человека, а этот – сам по себе.

X X X

Только весной понимаешь, что сильнее всего на свете ни солнце, ни вода и ни безудержный ветер, а человек: какое он отношение изберёт к себе и ко всему живому, так и будет.

X X X

В жизни, как и в лесу, человеку было бы хорошо как можно раньше отложить всякие надежды на чью-либо помощь, и надеяться всегда только на самого себя. В этом – неоценимая роль природы, что призывает и возвышает его дух.

X X X

Осенью почему-то всегда думаешь: как бы быстрее пережить зиму и обрадоваться весне. Но приходит зима, и ты вдруг проникаешься её вдумчивой неторопливостью, и уже не мечтаешь о её скором конце, надеясь, что она постепенно излечит твою душу от незаслуженных приобретений, обратив её к истинному осознанию самого себя.

X X X

К человеку приходят именно те звери и птицы, которые ему нравятся, а привлекает он их своим душевным теплом.

X X X

Посреди холодного апрельского дня поверхность всех больших луж вдруг заволновалась от множества лягушек, воздух от этого наполнился самыми разнообразными звуками, и скоро стало очень тепло.

X X X

Каждая птица, дерево или зверушка тянутся ко мне в лесу рассказом, ищут меня и как будто подсказывают, что всё замечательное в них давно уже есть, и ничего не надо выдумывать.

X X X

Случайные впечатления в лесу бывают более весомы, нежели его длительное и кропотливое изучение.

X X X

Весенней ночью берёзы изливают какой-то иной, сокрытый в дневную пору свет, и от этого становятся ещё ближе.

X X X

Для каждого человека жизнь устроена так, чтобы нельзя было насладиться ей без остатка, и оттого мир природы, даже в своей повторяемости, одаривает нас удивительным разнообразием, увлекая в недосягаемо прекрасную бесконечность.

X X X

Меня всегда необыкновенно трогала вкрадчивая поступь лесного зверя, но ещё более занимал бесшумный полёт грациозной птицы и её безграничная воля, что как ничто пробуждало жажду к жизни.

X X X

Каждую весну приходит такой день, когда всё в природе стряхивает с себя сон, радостно перешёптывается между собой, вскрикивает и ухает на разные голоса, играет, а человек ничего этого не замечает.

X X X

Всю зиму держишь в уме и зайцев, и волков, и лосей, и куниц с лисицами, и медведей, а придёт весна – и занимает только своя собственная душа, что полнится светом, водой и цветами.

X X X

На южном склоне холма весело, и снега уже почти нет, на северном же он лежит не тронутый и всё вокруг хмуро, но даже когда снег стает и наступит лето, здесь по-прежнему, изредка, будет пробегать холодок.

X X X

Выдастся под осень такой день, когда оранжевые, коричневые и жёлтые сыроежки попадаются под ногами как бесчисленные осиновые листочки – яркие, притягивающие, живые, и ты бредёшь среди них и выбираешь самые

привлекательные, спешно избавляясь от тех, на которые позарился поначалу… А грибов с каждым шагом становится ещё больше, и всё радостнее и краше.

X X X

Торчащие из сугробов кустики полыни и репейника не радуют глаз идущего по зимней дороге человека, пока не выглянет из-за туч солнце, и от их стебельков не упадут на снег голубые радостные тени.

X X X

Снег опускается бесшумно, отрешённо припадая к замершей земле, но если прислушаться – в нём угадывается шёпот снежинок, будто неясный разговор, доносящийся откуда-то сверху, с небес.

X X X

В осеннем воздухе иной раз мелькнёт нечто, что копилось в нём, кажется, с самой весны, но, чего-то не досказав, вдруг угаснет. Посмотришь туда - и подумается: это лето, наверное, на мгновение воспротивилось осени, и не в силах противостоять – без особого сожаления уступило.

X X X

В последние дни рассудительной и серьёзной зимы, завалившей все дорожки непроходимыми сугробами, ожидание весны становится особенно непереносимым, и ты мечтаешь только об одном: как бы поскорее освободиться от всего наносного, полететь куда угодно и ни о чём больше не думать.

X X X

Странно, что осенью всегда заглядываешься на отражение деревьев и неба в какой-нибудь лесной колее, заполненной тихой водой, но никогда не додумаешься вглядеться в весеннюю восторженную лужицу.

X X X

Человеку бы догадаться и подстеречь, как с восходом солнца распускаются кувшинки белых лилий, но он пропускает это трепетное движение природы, без которого ему, ни за что, не разглядеть своего счастья.

X X X

Понимая, что люди из-за собственного несовершенства всегда обоготворяли слабых зверей, наделяя их только добрыми свойствами, а сильных и приносящих, по их мнению, беды – глупыми, хочется не обращать лесную жизнь в красивую сказку, а честно показать её удивительную быль.

X X X

Зима ещё тужится январскими морозами, а душа, между тем, желает ослепительного марта, когда же в лесу теплеет и во всём чувствуется весна – в ней уже совершается счастливый поворот на лето.

Теперь на дворе стоит батюшка-июль, но я не знаю – наступит ли в моей душе когда-нибудь дождливый октябрь?!

X X X

В апреле случаются такие живые ночи, в которые ничто не знает сна, двигается, кричит, и, наоборот, в мае, когда всё расцвело и жизни только прибавилось, на лес вдруг наваливается мертвецкая тишь, и кажется, уже не бывать рассвету.

X X X

Порой повстречаешь свежий отпечаток медвежьей лапы, оставшийся после дождя, и почему-то захочется его запомнить, и унести с собой.

X X X

Когда перестаёшь охотиться на птиц и зверей, лесная природа постепенно приближается к тебе и трогательно открывает самые заповедные секреты.

X X X

Морозной мартовской ночью в лесу стоит такой хруст, что кажется, будто это звёздам на небе тесно, они сцепляются своими острыми краями и никак не могут расцепиться.

X X X

Никогда не различишь в густоте еловых веток беличье гайно, сколько его не высматривай, а белка появится всегда неожиданно, и своей доступностью вмиг развеет желание, во что бы то ни стало, отыскать её скрытое жилище.

X X X

Даже если ошибёшься в своей любви – апрель всё исправит.

X X X

Очень важно не расплескать себя за весну, и когда всё в ней приходит в движение, подняться и вместе со всеми лететь, переживая необычайную радость.

X X X

На белой чаше кувшинки замерла голубая стрекоза, покойно отливает своей затаившейся глубинной чернотой лакированная поверхность воды, и воздух дышит разомлевшим жаром, но вглядываясь в эту красоту, перед глазами вдруг отчего-то встаёт промёрзшее до дна болото, застывшие пузырьки во льду и неприкаянно шелестящие над ним, порыжевшие стрелки иссохшей осоки… Всё в природе готово дарить человеку удивительное ощущение покоя, если он достиг это безмятежное состояние духа в себе, когда душа вмещает весь удивительный мир!

X X X

Из надломленной ветки берёзы в ручей каплет мутновато-белый густой сок, но раствориться не торопится, а лишь вытягивается по течению в мутновато-белые струйки, напоминая сказочную молочную реку с кисельными берегами.

X X X

Когда берёзки и осинки начинают сыпать свои золотые монетки – ярко-оранжевая большая сыроежка становится ещё красивей, и ты даже без особой нужды поклонишься ей и срежешь.

X X X

Зимой самая обыкновенная деревенская жизнь становится волшебной!

X X X

Самыми обычными своими цветами – подснежниками, горицветом и медуницей весна лечит наши израненные души.

X X X

Будучи только здоровым и счастливым, никогда не придашь в лесу значения тому, что составляет суть его жизни, и оцениваешь её по-настоящему лишь после глубоко пережитой сердечной боли.

X X X

Майские холода – это уже совсем иная весна, далеко отличная от той, что только намечала рождение жизни, затаиваясь в глубине розовеющего мартовского утренника. Но тем весна и красна, что всё покажет и скажет, всех удивит, а улетит – и не заметишь.

X X X

В морозное апрельское утро сердце так радостно прыгает в груди, что восторг его ничуть не смущает и вынуждает забыть о какой-либо печали, пусть она даже связана с близкими тебе людьми.

X X X

Перед самой зарёй каждое дерево, травинка, птица всегда хранят тишину, как будто ожидая – что она принесёт им сегодня, и мир, на какое-то мгновение, становится совершенной тайной.

X X X

Тихо падает снег, укрывая землю благодатным теплом, а в человеке так же незаметно растёт понимание жизни и её красота.

X X X

Только когда пожертвуешь в написании книг своей душой – невыразимая тяжесть от многолетнего труда, в одиночестве, преобразуется в Учителя-друга, любимую женщину и непрекращающуюся весну!

X X X

Наблюдая весной за птицами, порой теряешься: чего же больше в их пении – труда или радости?

X X X

Весенний ветер несёт по небу лёгкие облака – и такими же вольными рождаются в тебе мысли; жажда невидимых устремлений гонит по стволам деревьев сок – и тело твоё наполняется уверенностью и силой.

X X X

В мартовский утренний морозец, в отличие от глухой зимы, деревья поскрипывают уже не жалобно, а удало!

X X X

Только с последней каплей берёзового сока молодые деревья одеваются в лёгкий зелёный дымок, робко преображая лесное пространство, старая же берёза, уже давно распустившись, не перестаёт осыпать землю своим ароматным дождём.

X X X

Преодолевая в одиночестве свой лесной путь, ты, на самом деле, прокладываешь его для множества людей.

X X X

С утра на душе было хмуро и пусто, как-то по-стариковски бессмысленно, но прошёл дождик, каждая капля засветилась маленьким золотым лучиком, и осенний день сразу предстал молодым и красивым.

X X X

Сколько замечательного в природе минует человека, пока он не обретёт способность понимать и впитывать силу скалы, мощь моря, мудрость вековой чащи… Созерцая природу, человек только тогда берёт из неё лучшее, когда готов к этому.

X X X

Бывает, что последний жухлый лист срывает с дерева лишь запоздалая апрельская вьюга.

X X X

Самое замечательное в лесу то, что он всегда, как бы глубоко ты не проник в его душу, остаётся недоконченной сказкой.

X X X

Люблю, когда после первой майской грозы на землю просыпается золотой дождь, солнечные тёплые капли весело стекают по оконным стёклам, и они ласково всем улыбаются.

X X X

Ещё в детстве я почувствовал, что в лесу живёт только моё счастье, а всё тёмное в него приносит человек.

X X X

Зимней ночью мысли не спутываются от воя метели, а тихонько выстраиваются между собой, после чего незаметно подкрадывается самый здоровый и сладкий сон.

X X X

Лето с великой щедростью, кажется, очень просто распахивает для всех свои зелёные одежды, но ничего при этом не обещает. Всё, что сокрыто под его зелёным покровом, лишь помогает сберечь в душе завораживающую тягу к жизни.

X X X

Кажется, никогда не уловить тот момент, когда и как, ещё в утробе января, зарождается весна, но я каждый год каким-то чудом угадываю, потому что невозможно не почувствовать, если весна выходит тебе навстречу.

X X X

Старые великаны-деревья умирают, а новые, выросшие на их месте, шумят также, по-старому.

X X X

Особое чутьё в лесу – это, быть может, твоё первичное состояние души, когда она была к нему по-настоящему близка.

X X X

Сказать невозможно: какой именно запах у весны, и с чем его можно сравнить? Запах связанных с ней чувств и переживаний, птичьих песен, расцветающих трав и дуновений, всего, что она несёт в себе и открывает. Может быть, это предощущение томительной надежды, призванной всегда хранить чистоту?!

X X X

В феврале зарождается какой-то младенческий свет грядущей весны, такой робкий, незаметный, что почти всякий человек остаётся к нему равнодушным, но он, задавленный этим невниманием, всё же, пытается всех радовать.

X X X

Нужно сначала научиться вбирать силу природы, не причиняя ей при этом ущерба, не растерять себя в её необъятности, а затем быть готовым верно распорядиться всем приобретённым, великодушно отдавая его другим.

X X X

Смутное волнение от одного слова «лес» сначала почему-то возбуждает в человеке желание его непременно завоёвывать, а уже затем приводит к необходимости вдумчивого понимания лесной чащи, к неудержимой потребности сродниться с ней.

X X X

Весна долго примеривается – как ей лучше застелить потускневшую с прошлого года землю своими зелёными коврами, а когда приглядится, да раскинет – всё вокруг в один день станет уютно, чисто, и даже кукушка закукует по-особенному уверенно и звонко.

X X X

В труднейшей борьбе за дело своей жизни как-то незаметно перестаёшь замечать бегущие по небу лебяжьи облака, вольный ветер и дождь-ситничек пополам с благостным солнышком, но вся природа, ещё более проникновенно, возвращается к тебе с обретением опыта этой борьбы.

X X X

Изо дня в день, благодаря общению с природой, во мне неприметно, но неотступно зарождаются мысли о ней, и так, капля за каплей, появляется на свет лесная книга, созданная мной новая жизнь.

X X X

Из промозглого апрельского тумана вдруг посыпал мелкий тёплый дождик – и тревоги как не бывало!

X X X

Так просто и ясно воспринимается порой, что летом невесомые нежные тучи могут греметь!

X X X

При малейшем неловком шуме, производимым человеком, медведь всегда бежит, потому, как никогда не трогает никого зря, но не дай Бог помешать ему решительно, когда он занят чем-то важным для себя, и тогда зверь откровенно надвинется на тебя грозовой тучей и раздавит.

X X X

Птицы, деревья и звери в выражении своих весенних чувств неустанны, но человек, несмотря на зарождающуюся повсюду жизнь, всё же, не в состоянии быть по-настоящему свободным, и черпает силы из природы.

X X X

Только облетело по осени дерево, а в его беспомощной обнажённости уже угадывается трепетное ожидание ещё неведомой жизни.

X X X

Никакая любознательность в лесу никогда не принесёт тебе того, что может открыть искреннее преклонение перед ним.

X X X

Придя в лес, присядь где-нибудь на пенёк, соберись в себе до конца, и тогда, может быть, угадаешь адресованный только тебе тоненький голосок невидимой птахи.

X X X

С годами незаметно отходят самые невероятные желания, куда-то уносятся неосуществлённые мечты, но зато обнаруживаешь в себе лёгкость проникновения в окружающий тебя мир.

X X X

Слепой солнечный дождь не занимается по нескольку раз на дню, или – неоднократно, в течение всего лета, как обычный, так, что на него уже не обращаешь внимания, а только однажды, наедине с самим собой и природой.

X X X

В лесу бывает так: стоит только сосредоточить своё внимание на чём-то неизведанном, но очень интересном, как тотчас у тебя появляются невидимые помощники.

X X X

Последние клочки снега в поле - будто зайцы, что залёгли в меже… Долго смотришь издали, и никак не можешь понять: отчего они выбрали такое невыгодное для себя место и не убегают?!

X X X

Во всю бескрайнюю весну только один раз, как ни странно, приходит к тебе желанная минута, когда ты действительно вступаешь в цветущий мир, и ты должен дождаться её и не упустить.

X X X

Открытие человеком сокровенных сторон этой божественной жизни невозможно без постижения им природы.

X X X

Аромат цветка будит у любого живого существа если не мысль, то хотя бы приятное воспоминание.

X X X

Совершающийся в природе праздник весны – есть пример не отдыха и безудержного веселья, а напряжённой работы, потребность которой следует неустанно в себе воспитывать.

X X X

И декабрь, и январь, и февраль старательно расстилают свои самобраные скатерти, но только мартовский морозец знает – как крепка и раздольна накрахмаленная им белизна!

X X X

Если страх и уродлив, то только не в ночном лесу, где он восхитителен своим околдовывающим волшебством, в котором постепенно растворяется и исчезает, делая тебя ещё сильнее.

X X X

Обычно для своих лесных записей я беру на заметку, казалось бы, совсем незначительные мелочи, во множестве попадающиеся на глаза, но при соприкосновении с другими мелочами, взятыми ранее, может быть, очень давно, рождаются удивительные в своей правдивости картинки, которые сразу и не увидишь.

X X X

Дождь в июле только брызнет, прибьёт пыль, слегка смочив кусты, и … опять жара. Так природа учит человека терпению, постепенно воспитывая в нём мудрость.

X X X

Приятнее всего у весеннего костра открывать движение нашей планеты по яркому зёрнышку Венеры… Всю ночную пору она перемещается со стороны востока так стремительно, что пока мысленно ставишь для неё небесные вехи, она к предрассветному часу оказывается уже на западе.

X X X

Люблю следы зверей в природе, что стелются по снегу или траве, уводя тебя от неосознанного в себе – к поистине важному и дорогому.

X X X

В зимнюю оттепель, при сильном порыве ветра, деревья неистово и страшно стучат друг о друга оледенелыми сучьями, а ты вдруг с удовольствием начинаешь думать о весне.

X X X

Звери и птицы – неважные поэты, потому как с первыми проблесками тепла в них сразу возобладает забота о выведении и поддержании потомства, и только глухарь, может быть, самый восторженный и выносливый певец, уже с наступлением солнечных мартовских дней и до появления майской листвы не устаёт прославлять весну света, воды и цветов.

X X X

Как дойдёт зима до той поры, что вызывает у человека самые глубинные, залежалые мысли, так и ломается окончательно её рог!

X X X

Чем глуше осень, тем глубже в ней ощущается простор и звонкая даль.

X X X

Нежная белизна и свежесть в мае так прекрасны, что даже не чувствуешь в себе недостаток собственной чистоты.

X X X

Странно, что когда молодая листва только обозначается на деревьях, леса представляются более внушительными, большими, нежели в период зрелости. Так девственность, внушая доверие видимой лёгкостью своего неминуемого развития, одерживает победу над тяжестью умудрённой завершённости, и разве предпочтёшь последнюю первой?!

X X X

Сладкое слово «земляника», если вдуматься, происходит от довольно обыденного и невкусного «земля», но с каким удовольствием мы его произносим!

X X X

Каким-то особым чутьём угадываешь, как птицы советуются между собой перед осенним перелётом, в чём-то уговаривают друг друга, учат, соглашаются и даже спорят, но с виду, при этом, остаются почти невозмутимыми.

X X X

Лесная поляна в солнечный мартовский день иной раз так ослепляет, что остановишься перед ней как вкопанный, стоишь долгое время, не в силах вместить её светоносной силы, и дальше уже идёшь с совершенно распахнутой душой оттого, что она вобрала в себя. Белый цвет ей к лицу!

X X X

Первое предчувствие весны – это ещё ни весна света и воды, а тиснёные томики Аксакова, Пушкина и Тургенева, с трепетом перелистываемые глухим декабрьским вечером, у разгорающейся печки, когда чувство пробуждающейся природы и её будущие ароматы заменяет тебе запах слипшихся глянцевых страниц.

X X X

Увидишь в лесу змею, и она тотчас поселится в твоей душе: ползёт, замирая, шипит, но … не находит себе места.

X X X

Случается такая весна, когда март ещё только миновал, не прилетели даже зяблики и овсянки, а на льду лесного болотца, поджав ногу, уже стоит одинокий селезень…

X X X

Кому хоть однажды привелось оказаться зимой, где-нибудь под Рождество, в омшанике, послушать через резиновую трубочку, вставленную одним концом в леток, как ведут себя в эту пору пчёлы, для того холодные звёзды в вышине роятся уже по-особенному торжественно и празднично, как золотистые пчёлки, а будущая жизнь представляется только счастливой.

X X X

Весна, как великий праздник, затем и дана, чтобы люди позабыли свои обиды и стали все хороши!

X X X

Будешь добр к лесу – лесные духи непременно сделают счастливыми все твои осени и зимы, вёсны и долгие лета.

X X X

Глухарь всегда представляется мне той огромной чёрной птицей, которую я уже видел где-то, давно-давно, когда ещё, кажется, время проходило бесследно, и земля не была грешной.

X X X

По-особенному прозрачны осенью лесные ручьи, в которых вода, кажется, недвижима, и на дне виден каждый камешек.

X X X

Весной, на закате, с неба как будто обращаются ко всему живому чьи-то всё понимающие, прекрасные глаза.

X X X

Жестокость мороза - это только часть той неукротимой силы, что заслуженно приближает нас к весне.

X X X

Лес предоставляет человеку собственную жизнь как нечто, уже давно им обдуманное, где всё мудро взаимосвязано, а тот незаметно для себя безоглядно пользуется этим богатством, воспринимая все открытия души в нём только на собственный счёт.

X X X

Когда зверь, смутно почуявший опасность, насторожился, нервно поднял взгляд и ещё не готов исчезнуть в глубине леса, хочется, чтобы он поверил тебе и задержался.

X X X

Сколько видели глаза таёжного странника – не видел никто.

X X X

Лес и море подарили мне удивительный мир звуков, благодаря которому я постепенно выработал в литературе свой мелодичный стиль.

X X X

Солнечным мартовским днём почувствуешь за спиной что-то, как будто тебя позвали, обернёшься, а это – шелест падающих капель, еле слышно произносящих ласковые звуки весны.

X X X

Пронизанные игрой солнца капли смолы не напоминают слёзы раненого дерева, как это часто принято думать, а скорее вызывают ощущение крепости лесного духа, его густой и терпкий аромат.

X X X

Тихо живут в лесу камни, неприметно, и вспоминаешь о них только когда подойдёшь напиться к ручью или вдруг покажется в обвалившемся склоне холма скалистая жила… И сразу какая-то скрытая уверенность утвердится в твоей душе, а лес обретёт для тебя ещё большую цельность.

X X X

Старый глухарь перед смертью, наверное, совсем не ест, и не надо ему ни клюкву, ни бруснику, ни подмороженный осиновый лист или сладкую хвойную иглу… Скрытно сидит он где-нибудь в густой верхушке сосны, гордо глядит перед собой, но ничего уже не видит.

X X X

Бывает, в феврале начнутся долгие оттепели, снег на молодых ёлочках подтаивает, скатывается, и деревья стоят обнажённые, даже чуточку растерянные, как будто и не зима, если смотреть только вверх. Ночная пороша заботливо присыплет открытые лица деревьев снежною пудрой, а наутро опять тепло, и тогда припорошенные ёлочки сбрасывают свой ночной наряд и, радостно посверкивая свежими блёстками, выглядят ещё более молодыми.

X X X

На весеннем перелёте утка валит, гусь идёт, а вот журавль с лебедем именно летят.

X X X

Когда зверь пьёт из ручья – он вряд ли обращает внимание на своё отражение, и подобное предположение лишь подтверждает обаяние звериного мира.

X X X

В весеннем лесу, после дождя, так приятно проясняет, что вспоминаешь только хорошее, а всё худое куда-то бесследно исчезает.

X X X

Поздняя осень… Кажется, всё умерло, но так хочется жить!

X X X

Изучая дремучий лес досконально, по всей правде, и добившись в этом важном деле немалых успехов, вдруг однажды забьёшься, подобно птице в силках, в его тончайших таинственных подробностях, и каким-то природным чутьём отдашься на волю провидения, которое, поначалу околдовав и запутав, неожиданно и выведет тебя к недостающему ответу. Недаром в народе повелось поверье: от мрака бегать - света не видеть.

X X X

В мрачное ноябрьское время не скоро доберёшься в лесу до той жизни, что никогда не угасает, и уж если она откроется, то переживаешь неописуемую отраду.

X X X

В самом конце апреля, в одну из последних метелей, у снежинок уже не хватает сил быть озлобленными, и они бросаются друг с другом играть.

X X X

Как хорошо оказаться в непривычной для тебя лесной обстановке самим собой, и принять её за свой дом.

X X X

Когда подкрадываешься в предрассветной темноте к токующему глухарю, по колено в снеговой каше, и тебя интересует только он, лесной красавец-исполин, то чем дальше продвигаешься в своём отрешённом устремлении, тем всё больше и больше сживаешься с поющей птицей.

Подойдя же вплотную - и вовсе перестаёшь желать её смерти, и только наслаждаешься дорогим для себя соседством.

X X X

С восходом апрельское солнце мягко выпускает на землю лучезарные стрелы, которые стремительно летят в разные стороны и постепенно превращаются в разноцветных живых птиц.

X X X

В лесу столько всего накоплено за века, что при столкновении с ним даже самому глупому человеку придёт в голову что-либо необыкновенное, он ощутит непередаваемую радость, и уже не будет сидеть, сложа руки, бездумно взирая в окно.

X X X

Неожиданно застигнутый в лесу человеком лось, редко когда ринется в чащу, а уйдёт всегда достойно, прежде выдержав некоторую паузу и, напоследок, бросив на него свой неуловимо величественный тёмный взгляд.

X X X

Летний дождь – это восхитительная паутина звуков, красок и радости, которая нежно обволакивает человека, когда он заслужил её и меньше всего ждёт.

X X X

Старые пни не удручают своим высохшим видом, а наоборот, вызывают уважение.

X X X

Клесты любят присаживаться целыми гроздьями на самый высокий палец ели, слегка раскачиваются и еле слышно перебирают своими крючковатыми клювиками замысловатые переливчатые коленца… Так они, наверное, отдыхают, когда им наскучивает бесконечное шелушение шишек в поисках семян, и птички дружно забываются, вспоминая в этом коротеньком забытьи своё природное предназначение – радоваться и петь.

X X X

Когда снег уже почти истаивает, сугробы окончательно раскисают и превращаются в непролазное пегое месиво, а все ложки заполняются талой водой, кругом становится удивительно голо, но в этой оголённости – вся прелесть русской весны!

X X X

Не скоро дошло до меня: в лесу много такого, чего не видишь, а оно есть.

X X X

Всем хищникам, какими бы страшными они ни казались, в детстве присуща младенческая невинность.

X X X

Как только заговорили между собой по весне деревья – землю окутал головокружительный аромат.

X X X

Запах вечернего мороза в марте возвращает в зиму, аромат утреннего – множит весеннюю радость!

X X X

У многих зверей в глазах стоит укор человеку за то, что он человек.

X X X

Бывают в лесу такие места, что будто созданы хранить в себе его вековечную тайну, и люди не трогают их, словно не замечая, но чувствуют и обходят стороной.

X X X

Нигде, кроме как в лесу, у костра, не слыхивал я таких свободных душевных разговоров!

X X X

Только на первый взгляд, кажется, будто бесчисленные полянки заплутали в наших необъятных лесах, а они просто ищут друг друга, но не

находя и не встретившись, всё равно как-то очень светло и незаметно радуются.

X X X

Иногда так бывает, что самые важные слова о жизни доносит до тебя ветер, и ты внимательно вслушиваешься и потихоньку складываешь из них недостающие мысли.

X X X

Сколько в лесу цветов, и разве посмотришь на них всех сразу! А достаточно, оказывается, одного, твоего, чтобы согреть свою душу.

Но вдруг подумаешь, что бесчисленные луга цветов остаются безвестны, и опустишься перед лесом на колени.

X X X

Голос воркующего в лесу голубя только поначалу кажется однообразным и робким, но прислушавшись внимательнее, обязательно различишь в нём свою страсть, силу и гордость.

X X X

Деревенское счастье – возможность рано поутру отправиться в сказочный лес!

X X X

Ни у кого из зверей не таится в глазах столько сдерживаемой дикой воли, как у волка, оттого она, наверное, и не даёт ему покоя. И хоть волк всегда на воле, а не зря воет доволе, ибо знает, что если дашь себе волю, заведёт она в неволю. Не случайно в народе повелось: воля портит, а неволя учит!

X X X

При мысли о голубеньком васильке – слегка улыбнёшься, а вспомнишь полевую ромашку – и весь изнутри засветишься.

X X X

Весенняя предутренняя тишина всегда будто напряжена ожиданием несбыточного, но глубоко желаемого.

X X X

Неодетая веточка, с только что проклюнувшимися листочками, стыдлива как юная девушка, но почему-то кажется, будто она не хочет взрослеть, меняя такую грациозную невинность на обременительную, хотя и прекрасную зрелость.

X X X

После бурной весны света, которой предшествовала нескончаемая зима, я превращаюсь в неудержимый ручей, что уже лишён каких-либо чувств, но твёрдо знает: рано или поздно он должен достичь большой воды.

X X X

Сразу после прилёта кукушка почему-то не осмеливается куковать во всю силу, и голос её в лесу звучит робко и задумчиво.

X X X

Однажды я заметил, что, вроде бы, ничем не заполненное лесное пространство не пустует, а имеет свои скрытые ритмы и упорядоченность.

X X X

Когда восход солнца невидим из-за тяжёлых туч или облаков – всегда чудится, будто кто-то пристально подглядывает за тобой, но ничего не предпринимает.

X X X

Прежде, чем запеть брачным голосом, синица большую часть весны радостно превозносит её.

X X X

Первыми весной зеленеют края лесных ручьёв, и лишь затем склоны логов и лужайки.

X X X

Лучшие русские сказки родились в нашем родном лесу.

X X X

Обнаружив сухостойное гулкое дерево, расщеплённое молнией или поверженное ураганом, медведь непременно ударяет по нему лапой, с удовольствием слушает, и эта добродушная черта совершенно подчиняет в нём дикого зверя, выводя незаметно общую для всего живого радость.

X X X

В весеннее время многим птицам присуще страстное постанывание, и потому услышав его – не сразу догадаешься: воркует ли это вяхирь, надувшийся от напряжения самец сороки или, может быть, нежная горлинка не в силах сдерживать нахлынувшего на неё страстного томления?

X X X

Голод помогает зверю перебороть свой страх.

X X X

Венок радости плетётся из самых красивых соцветий окружающего мира, но всегда в собственной душе.

X X X

Иная птаха в лесу так привязывает человека своей незатейливой весенней песенкой, что он боится сдвинуться с места.

X X X

Пока стоят мартовские дни с золотистой капелью и весёлыми ручьями – ждать прилёта долгожданных гостей с юга не приходится, и только когда наступит серый, туманный апрель с холодными дождями – птицы появляются.

X X X

Глухариная любовная песня, как только ты её расслышишь в предрассветных сумерках, так неясна, расплывчата, почти неосязаема, что поначалу даже не верится – с какой радостью, постепенно, она способна пробиться к твоему сердцу. Когда же сердце для неё всё-таки откроется – ему захочется подарить кому-нибудь и свою любовь.

X X X

Невозможно придумать поход в лес: его нужно пережить!

X X X

Ни одна наша лесная птица не увлекает человека из чащи вдаль, к горизонту, потому как нет среди них райской, а только родные, приземлённые.

X X X

Лес так стар и мудр, что никогда, даже в минуты наивысшего откровения, не допустит в себе ребяческой улыбки. Но иногда, чаще это бывает весной, что-то детское, всё же, победит в нём замершее сердце древнего старца, и лес обрадовано рассмеётся.

X X X

Забрался я как-то в морозную февральскую даль к глухарям, вёрст за пятнадцать от деревни, чтобы проверить численность птиц перед началом брачных игрищ. Птицы сидели очень скученно, в глухом сосняке, и, наверное, им было там хорошо и покойно.

Я же подходил к каждой птице нетерпеливо, попеременно поднимая одну за другой, жадно вслушивался в шум их полёта и ликовал, что и на этот раз обнаружил. Глухари, конечно, все разлетелись, но я особо не переживал, поскольку знал: весной они опять соберутся здесь вместе.

И всё-таки по дороге домой меня не покидала неприятная мысль, что я потревожил птиц, помешал их сокровенному зимнему течению жизни. И тут вдруг ударила жестокая метель, прямо навстречу, наотмашь, будто мстя за нарушение умиротворённой жизни таинственных птиц.

Метель вымотала меня, пронзила насквозь, но я не пожалел ни о чём, даже с каким-то удовлетворением выдержал это испытание, и когда, наконец-то, выбрался на дорогу, то тотчас услышал гул приближающейся машины, её почти не было видно из-за поднявшейся пурги, и она очень быстро подбросила меня до самой деревни. А вскоре низкие тучи незаметно рассеялись, и на небе засияло умытое солнце.

X X X

Если весна дружная, то зайцы не успевают сбросить зимнюю шерсть, и ложатся отдыхать днём на оставшихся сувоях снега.

X X X

До сих пор помню, как впервые попала мне в руки живая птица: это была подраненная из отцовского ружья кедровка, и она безропотно реагировала на любое моё прикосновение, быстро отдавая мне всё своё тепло.

X X X

Хорошо иной раз улечься на землю и посмотреть, как разнообразно живут вверху деревья. Какие у них разные судьбы, что выражается в диковинной форме крон, изгибах ветвей и стволов, шуме листвы и всех звуках, что они издают.

Вот заскрипела берёза, и ты не сразу определишь, какая из них подала свой голос. Долго вглядываешься и вслушиваешься в тишину леса, пока сам не почувствуешь, как она тоскует о былой молодости, словно это ты сам, и, наконец, примечаешь с необыкновенной радостью: вот эта…

Если берёза начинает скрипеть, её нужно рубить, так считают люди, заготавливающие дрова. Но я повременю, и приду на помощь, только когда ей будет невыносимо от старости. Сейчас же я слушаю, как старая берёза проповедует мудрость.

X X X

Когда в весеннем лесу, у костра, слушаешь перекличку журавлей, они представляются разумными существами, способными и тебе рассказать о чём-то очень важном.

X X X

Только когда подтает на апрельских опушках последний ледяной черепок, и земля засверкает на солнце прозрачными перламутровыми каплями, она становится по-настоящему умытой, а весна окончательно победившей!

X X X

Когда ещё никто из людей поутру не встал и ничего не увидел, а земля, лес и небеса до конца не проснулись, всё в мире представляется по-прежнему неизведанным.

X X X

Весь свет, бывает, обойдёшь, а учёным не станешь: ты должен быть готов к восприятию знаний, и только тогда пробьет твой час, что внесёт в жизнь недостающую весеннюю ясность!

X X X

Мир природы – это чудесные образы, музыка и чувства, что попадая в душу растерявшего или не нашедшего себя человека, помогают ему себя обрести.

X X X

Днём ли идти в лес или ночью – не имеет ровно никакого значения, если на дворе весна.

X X X

Потаённая мудрость леса – это когда впереди попадается то зверь, то птица, то ягодное и грибное раздолье.

X X X

Особая тишина воцаряется в природе, когда сова, волк или лягушка смотрят на тебя, не мигая, и молчат.

X X X

Любовь животных друг к другу бывает так неожиданно безумна и велика, что даже совсем, казалось бы, безобидный зверёк – заяц, в порыве страсти вырывает со спины зайчихи целые клочья шерсти, чем причиняет ей немало страданий.

X X X

Мартовская звёздная ночь словно мирится с людьми после безудержно хлопотливого дня, своим равномерным морозным дыханием успокаивает всех и, загадочно затаившись, усыпляет.

X X X

Иной раз находишься по лесу до того, что совершенно теряешь способность думать, но чуткости при этом никогда не теряешь, вслушиваясь, всматриваясь и дыша ещё более проникновенно.

X X X

Чтобы познать прекрасное в природе – им нужно обладать внутри себя.

X X X

Внимательно наблюдая из укрытия за каким-либо зверем – начинаешь понимать его душу как бы через себя самого: затаившегося, какого-то чужого, готового к чему угодно.

X X X

Когда последний солнечный луч зимой скользнёт по верхушкам самых высоких сосен – снег на них вспыхивает яркими рождественскими огоньками только для старого седого ворона.

X X X

Выйдешь в апрельскую ночь под звёзды – и сразу очутишься в совершенно трепещущей чуткой тишине, какой не услышишь ни летом, ни зимой, ни осенью.

X X X

Старый лес всё больше блюдёт себя самого, оберегая от чужих глаз свой таинственный дух, молодой же – тянется к человеку, уже за околицей затевая с ним одному ему понятную забаву. Так и среди людей: старому бы всё только спать, а молодому – без удержу играть!

X X X

Весна, как самая пленительная женщина, в одно мгновение оглядывает всех, околдовывает и, никого не любя, увлекает за собой в манящую неизвестность… Лес же в эту пору, подобно мудрому мужчине, оборачивается печальными глазами в себя, а весельем – к людям.

X X X

Быстро уходит свет из опавшего листа, до которого уже никому нет дела.

X X X

Ласточка именно бросается из своего гнезда в беспосадочный полёт за кормом для птенцов.

X X X

Едва ли различишь, как сквозь еловую разлапистую ветку смотрят на тебя чьи-то проникновенные глаза, но обязательно почувствуешь их, постараешься преодолеть в себе страх и поблагодаришь лес за его невыразимую тайну.

X X X

Ни солнце, ни луна, ни звёзды не способны преобразить жизнь так чутко, как первый небесный свет.

X X X

Переживания души по весне никогда не могут быть тяжки, потому что всегда имеют свежесть молодой травы, обласканной самым чистым апрельским дождём и ветром.

X X X

Лес сразу понимает, когда человек хочет его обмануть, как ребёнок огорчается и убегает в свой самый тёмный угол.

X X X

Когда я гляжу в остановившиеся волчьи глаза – они открывают мне тысячелетия бесконечных попыток зверя преодолеть, наконец, потолок своих безукоризненно отточенных инстинктов.

X X X

Апрельский день пасмурный, тяжёлый, а узкая полоска зари всё равно отливает нежно-розоватым пером лесного голубя, который ещё не прилетел, но вот-вот появится.

X X X

Бывает, в лесу, как во сне, вдруг смешается время, словно остановится, и ты за один обыкновенный день насмотришься столько, что уложилось бы в целый сезон. Потом долго думаешь: как такое могло случиться?

Видно, привёл тебя зачем-то лесовик в один час, в одно место, и оставил на целый день, а ты не растерялся в этом остановившемся времени, и совсем забыл про то, что ты здесь – гость.

X X X

Обычная песенка лесного ручейка по весне переполнена радостью, летом – милой озабоченностью, осенью же – умиротворённая, но никогда она не бывает равнодушной.

X X X

Когда задумаешься, что в каждом мельчайшем семечке заложено стремительное движение к будущему, и все силы природы работают на то, чтобы ему расцвести, забудешь про собственное несовершенство, опустишься на колени и, положив семечко на ладонь, вдруг ощутишь, как трогательно оно добивается внимания к себе человека.

X X X

Всего-то и увидишь за день, проведённый в лесу, маленькую стайку тетеревов, с пугающим шумом вырвавшуюся из-под снега прямо у твоих ног, а радуешься так, будто овладел какой-то несоизмеримой ни с чем, замечательной тайной.

X X X

Не могу успокоиться, пока в весенней природе не произойдёт какого-то главного сотворения: мучаюсь, с нетерпением жду, и только когда почувствую его – воспаряю и лечу.

X X X

В природе никогда ничего не даётся человеку даром, и до всего интересного можно добиться только ночёвкой в холодном, пугающем, но удивительном лесу.

X X X

Когда ветви деревьев ещё не одеты, и набухшие почки только напряжены, человеку остаётся короткий миг, чтобы успеть сбросить с себя последние тревоги, как ненужные устаревшие одежды, а проснуться поутру уже свежим и чистым в благоухании первой невинной листвы.

X X X

В лесу у тебя нет ни друзей, ни врагов, лесные обитатели проживают там свою, неведомую людям судьбу, но ты зачем-то подбодряешь себя нужными встречами с ними, томишься в ожидании их, и стараешься заранее угадать: как лучше подглядеть осторожного зверя, которому нет до тебя никакого дела?!

X X X

Весной, непроизвольно, выводишь образ любимой женщины из окружающих тебя ароматов, зари и цветов, а она, на деле, ждёт только твои печальные светлые глаза, которых ей всегда не хватает.

X X X

Даже в самом благородном устремлении к ласковому весеннему свету нельзя отказываться от холодящей таёжной тьмы, что порой открывает пытливой душе недостающую для жизни мудрость.

X X X

Ясный апрельский день может сравниться с чисто вымытым оконным стеклом, через которое пробивается в дом ласковое тепло.

X X X

Приходит весна … и в сердце твоём будто распахнули окно!

X X X

Когда страстно защёлкает в кустах черёмухи долгожданный соловей – весна, как ни странно, уже не приносит того ощущения беспокойства, что овладевало душой мартовским морозным утром, во время однообразного пиньканья синицы.

X X X

В мартовские розоватые утренники, когда наст отливает сахарной глазурью и ещё хорошо держит, глухарь любит побродить по нему, осмотреться, а как только солнышко поднимется над горизонтом – он взлетает на самую высокую ёлку и вбирает грудью все его ласковые

переливы, окуная её в сияющий перламутр, небесную синь и потаённую зелень.

X X X

Ходил раньше по одному и тому же лесу, и будто не замечал его, но вот однажды обратился душой – и всё в нём ожило, будто открывшись заново: значит, время пришло.

X X X

Перед самым рассветом над макушками деревьев пробегает лёгкий предутренний ветерок – и, одну за другой, задувает на небе звёзды.

X X X

Однажды весной, на вечерней заре, поднял я двух журавлей, кормящихся у края укромной полянки. Развернувшись на фоне заходящего оранжевого солнца, птицы потянули, призывно курлыкая, прямо на меня, и от взмахов их огромных крыльев так ощутимо повеяло древностью земли, что я вдруг почувствовал, будто человек ещё и не начинался.

X X X

Самая живая птичка весны – светло-серая, с чёрным бантиком на груди, трясогузка, только прилетев – уже куда-то зовёт за собой. Кокетливо помахивая длинным хвостиком, она, то и дело, перебегает дорожку и трогательно попискивает, будто приглашая в какие-то неизведанные края, в которые сама ни долететь ни добежать, кажется, не в силах. Но почему-то не оставляет своих попыток, всё неустанно семенит лапками, перепархивает и, никого не дождавшись, возвращается, чтобы вновь куда-то стремиться и зазывно увлекать.

X X X

Даже самый глухой, отдалённый от человека лес никогда не может быть для него диким.

X X X

Не могу не смотреть в лесу глубоким, проникновенным взглядом, благодаря которому проявляется такое ясное жизненное пространство, что свободно открывает ясность собственной души.

X X X

Жёлто-пегая болотная сова - живёт в жёлто-пегом болоте, и эта простая и ясная лесная истина воспринимается с пониманием, что так и должно быть.

Но в отличие от других сов, она строит своё гнездо на земле, охотится днём, и никогда не присаживается на деревья, обычно переводя дух на кочках, а когда очень устаёт – падает ничком на землю, раскинув крылья, и так отдыхает некоторое время, пока не придёт в себя. Яйца же у неё в ясный солнечный день приобретают нежный, небесно-голубой цвет!

X X X

Когда талая весенняя вода выгоняет всё живое из нор – хочется пожалеть бедных мышей и бурундуков, что беспомощно катаются по влажному льду, будто на коньках, мокнут и никак не могут обрести для себя спасение.

X X X

Как нас радует лес сразу за околицей, когда он свешивает ветки прямо в огород, будто приветствуя это близкое соседство с человеком. На самом же деле лес безмолвно умоляет: не приближайтесь ко мне так скоро и легко, не склонившись, как и я, до самой земли.

X X X

После посещения леса готов писать обо всём, что ты там увидел, даже о том, о чём раньше вовсе и не хотелось.

X X X

Утренняя бирюза в апреле так трогательна, что даже нежно-кремовое солнце, словно опасаясь её нарушить, взбирается на небо, как бы невзначай, ненароком.

X X X

Интересно: чем отличаются по запаху кулик, тетерев и, скажем, куропатка? Ведь собака определяет эти различия совершенно точно!

X X X

Затяжной полёт цапли не есть следствие её значительных размеров или какая-то раздумчивость этой странной птицы, а скорее – осёдлость неторопливого образа жизни в глуби необозримых болот.

X X X

Потревоженная на гнезде самка чибиса редко когда поднимается на крыло, а всё больше бежит впереди, то и дело, останавливаясь, оглядываясь и жалобно постанывая. Самец же сразу устремляется в воздух, летает тревожными кругами прямо над головой и пронзительно вскрикивает.

X X X

Крупные хищные птицы в полёте неподражаемо легки, они царят в вышине, это - их стихия, но вот у самой земли становятся какими-то вялыми, и на суки деревьев присаживаясь как-то скособочившись, неумело.

X X X

Если весна опять бросает тебя в дорогу – лучше всего подчиниться её зову, пока она окончательно тебя не одолела, и взлететь к убегающему вдаль горизонту.

X X X

Иногда мне кажется, что мысли в лесу рождаются не в голове, а в окружающем человека пространстве, какое-то время живут там, восхищают своей простотой, и потом потихонечку растворяются в его душе.

X X X

Не со всякой сосны склёвывает глухарь хвою, а только с отдельного, понравившегося ему дерева, которое на вид почему-то всегда неприглядно.

X X X

Может быть, нет в лесу ничего увлекательней, чем находить у каждого зверя или птицы их истинное лицо.

X X X

Если хоть однажды увидел в ночном небе большие апрельские звёзды и остался с ними до утра: рано или поздно они укажут тебе твой путь.

X X X

Весна неподражаема тем, что разбив сердце – может в мгновение одарить великим восторгом!

X X X

Нежно, но настойчиво блеет барашком с вечера до утра в невидимой вышине маленький бекас, и кажется странным, что из всех прилетевших к нам птиц он один отвоевал для своей любви такое необъятное ночное пространство!

X X X

Только один маленький ручеёк проснётся под снегом – и всё вокруг сразу оживает.

X X X

Из-за обилия впечатлений в лесу часто случается, что мыслей в голове рождается сразу много, они, перебивая друг друга, проносятся, путаются и улетают, так до конца не оформившись, а надо выбрать только одну, заняться ею и тотчас все остальные остановятся, успокоятся и каждая объявит себя с самой выгодной стороны.

X X X

Красив и по-хорошему печален наш русский лес, как бы враждебно не относился к нему человек.

X X X

Только по-настоящему мудрый человек чувствует заключённую в лесу мудрую истину, к тому же, не стремящуюся из него вырваться, а почувствовав – подражает её истечению, но не желает полновластно обладать.

X X X

В марте от растаявших к полудню луж будто разносится детский восторженный крик, что наполняет радостью весь воздух!

X X X

С особым уважением смотрю я на тех людей, которым по душе сначала весна, и уже потом – лето и осень.

X X X

Мартовским ослепительным утром меня охватывает неописуемый восторг от всего происходящего в природе, а к вечеру я уже страдаю от невозможности удержать этот неповторимый и навсегда ускользающий день.

X X X

Выгоревший лес похож на холодную чужую планету и, кажется, он не хранит уже ничего, что бы помогло ему возродиться, но присмотревшись – постепенно, всё же, угадаешь в нём ещё не высказанную мысль о жизни, что ждёт его впереди.

X X X

Цапля так устроена, что вспугнутая – не вылетает, а вымахивает из прибрежных зарослей камыша и рогоза.

X X X

Хилое солнце изредка пробивается из-под нависших сереньких туч, над бескрайними полями вьётся колючая позёмка, а лес вдали стоит седой, нахмуренный, всё вокруг голо.

И только у самой обочины лесной дороги, на тоненьких тростиночках пустырника оживлённо раскачиваются цветастые щеглы, о чём-то неугомонно переговариваются и совершенно изменяют собой унылый зимний вид.

X X X

Трудно себе представить, что птица весной может устать в поисках корма для своих птенцов, и присядет вдали от них просто отдохнуть.

X X X

Всю майскую ночь, напролёт, слышно страстное посвистывание соловья в черёмухе, и становится вдруг так, будто бы повсюду рождается любовь.

X X X

Снегири – это трепетные птичьи сердца, у которых, кажется, отсутствует всякая боязнь, и они уверены в своём робком обаянии.

X X X

Весной самое лучшее время – это утро, когда день, со всеми его замечательными подробностями, ещё не расплёскан по пустякам, и встаёт перед человеком молодым, нетронутым и прекрасным.

X X X

Когда самец-вальдшнеп преследует на тяге самку, он издаёт двойной звук – «хор-хор, цвиг-цвиг». Первая часть производится им как бы в себя, утробно, в предвкушении скорой встречи с желанной возлюбленной, а вторая – с неожиданным и лёгким выдохом, утончённо моля дождаться его - и больше не покидать.

X X X

Затерявшийся в лесах куст волчьего лыка может подарить человеку здоровье своими природными соками, сосредоточенными в коре и корнях. Несомненно, что и радость от притягательности красивых ягод, которые так и хочется сорвать в жаркий летний полдень. А ещё - какое-то необыкновенное, переживаемое с детства знание, почти уверенность, что волки плетут с лыка кустарника сказочные корзинки, и ходят с ним по грибы и ягоды.

X X X

Лесу нелегко скрывать от любознательного человека каждую секунду и минуту своей потаённой жизни, вырастающую незаметно в мудрые века, но он тяжело переносит его невнимание, мгновенно становясь неприступным и даже зловещим.

X X X

Весной больше чем когда-либо хочется идти до той лесной стороны, где никто никогда не бывал, а когда дойдёшь - ни за что себе в этом не признаешься, и, не уставая, продолжаешь свой путь дальше.

X X X

Молодой ястреб-тетеревятник жадно впивается в жертву желтизной своих глаз, красные же глаза взрослого хищника смотрят с недосягаемой вышины холодно и надменно.

X X X

Пение птиц по весне – это всегда, в первую очередь, радость возвращения.

X X X

В июльский вечер, когда всё вокруг утомлённо дышит жаром, только души деревьев льют сдержанную прохладу и успокоение.

X X X

Глядя в апреле на звёздное небо, похожее на огромное ночное поле, легко увлечься его манящей необъятностью, уйти далеко-далеко и, заблудившись, не вернуться.

X X X

Необычно наблюдать по осени за свободолюбивыми забияками-воробьями, когда они табунятся в плотные многочисленные стайки: каждый из них чуть ли не касается своего приятеля, но совершенно никому не мешает.

X X X

Правда лесной жизни такова, что белки, которых в народе всегда почитали как милых и безобидных зверьков, разоряют гнёзда и сильно тиранят певчих птиц, поедая их яйца.

X X X

Иной весной, от самого её начала и до конца, переживаешь одну боль, ни в чём не можешь ощутить хоть маленькую радость, и даже черёмуха с сиренью, кажется, не источают свой аромат. И только когда приходит осень – неожиданно отмякаешь душой, забываешься и летишь.

X X X

От осеннего утреннего морозца одни листья краснеют, а другие становятся бесцветными.

X X X

Все звери и птицы обладают неповторимым голосом. Был он когда-то, по-видимому, и у древнего человека. Со временем человек обратил всю мощь своего голоса в мысли и чувства, которые позволили ему проникнуть в тайны природы. Но постигая их в нелёгком душевном труде, он ещё научился слагать песни, вкладывая в них сердце, и по ним можно было определить – как человек стал силён.

X X X

Желна – большая чёрная птица с красной головой, что, кажется, забыла себя в лесу, отрешённо перелетает с дерева на дерево, пронзительно взывая неизвестно к кому, и всё больше таится, не ведая: зачем ей суждено быть такой?

X X X

Когда сгорает весна, вместе с ней сгораешь и ты, перерождаясь к лету в совершенно незнакомого, спокойного человека.

X X X

Когда снег в апреле уже совершенно не держит, и нога с хлюпаньем проваливается до самой земли, начинаешь ощущать, что ты тоже переполнен живительным весенним соком, и готов вот-вот броситься со всей накопленной в себе за зиму силой навстречу жизни!

X X X

Есть в лесу нечто такое, чего однажды увидев – мы тщательно в себе оберегаем и никому о нём не рассказываем, словно исподволь угадывая, что сердце без тайны – пустая грамота, и не всякое тайное должно быть миру ведомо.

X X X

Бабочка, собирая пыльцу и оплодотворяя растения, не издаёт при этом ни звука, и оттого представляется особенно прекрасной!

X X X

В русском лесу нет ничего, чему бы нельзя было не поклониться!

X X X

Пока всё в природе не слилось в одном цвете – самое время сказать благодарное слово весне, если не хочешь её в себе расплескать.

X X X

Бывает, ясная солнечная погода в марте выстаивается так долго, что возбуждение от всеохватной радости света, кажется, уже невозможно выносить, но истосковавшаяся по весеннему теплу душа не отступает – всё дай сюда!

X X X

Если способность видеть и понимать лица у диких животных, птиц и растений, то есть – их суть, присуща только немногим людям, как же мы тогда сохраним родную природу?!

X X X

Случается весной, неизвестно от чего, поднимешь голову к небу, и к неожиданной радости своей обнаружишь в нём торжественные косяки уток. Выстроившись строгими рядами и еле слышно переговариваясь между собой в недостижимой вышине, утки летят с юга на север.

Всегда казавшиеся суматошными и глупыми, то и дело суетливо перелетающие, утки в этих стройных косяках представляются совсем иными. Даже крыльями они взмахивают размеренно, вынужденные, по-видимому, подстраиваться под общий такт полёта стаи.

Утки преисполнены стремления достичь родимых мест, и природа в этот ответственный для них момент жизни не допускает какие-либо вольности, которые бы птицы могли себе позволить в беззаботную пору летнего изобилия. Почуяв малейшие, одним им известные и неуловимые признаки, утки незамедлительно оставляют жаркие страны, отдавая предпочтение недолговечному северному теплу.

X X X

В затяжное ненастье стрижи отлетают на время непогоды в более благоприятную зону, порой за многие километры, не боясь оставить своих птенцов в завораживающем оцепенении.

X X X

Апрельский лес всегда раскрывает свои объятия для мужчины, если тот обратил к нему своё сердце, и великодушно дарит для его женщины букетик бархатной медуницы.

X X X

Золотистые глаза цапли кажутся недобрыми, и наблюдение за ней почему-то не доставляет удовольствия. При приближении человека цапля лениво взмахивает крыльями и неторопливо перелетает на другое место.

Обычно она присаживается на макушку ели, замирая там изогнутым силуэтом, и ты порой подолгу гадаешь: кто бы это мог быть? Разобрав же – разочарованно шагаешь дальше, и вскоре забываешь о существовании странной птицы, что живёт у воды, а гнёзда вьёт на вершинах высоких деревьев.

Гнёзда у цапли получаются широкие, сплетённые из толстых прутьев, и всегда располагаются в раскидистой развилке сосны, ели или берёзы, чтобы разместить в нём полдюжины своих колченогих неповоротливых птенцов. Цапля не любит какого-либо соседства, и может быть, именно поэтому выбирает высокие деревья.

Однообразие дороги вскоре вынуждает вернуться в своих мыслях к цапле, и странной начинает представляться не сама птица, а то, почему её существование тебя не занимает. Странная птица чем-то будто отталкивает от себя, и хоть живёт всегда неподалёку от деревни, и часто попадается на глаза, но ничем не привлекает.

Её нередко можно увидеть на берегу лесной речки, неподвижно замершей в камышах. Птица терпеливо высматривает свою добычу, затем – неуловимый удар, и извивающийся уж у неё в клюве. Цепко цедит свою цель царственная цапля – цап!

X X X

Иной раз сорока вскрикнет не своим голосом, но ты не удивишься, а сразу почувствуешь родственную тебе взаимосвязь всего живого в природе, её гармонию, и обрадуешься возможности чувствовать и понимать.

X X X

Когда проходит последняя взволнованность весны, страх перед будущей обыденностью существования совершенно исчезает, и тебе просто хочется жить.

X X X

Журавлиное грудное курлыканье - тот самый жизнеутверждающий позыв, после которого уже точно знаешь, что весна в твоей душе свершилась, и всё задуманное зимой следует непременно осуществить, оно наилучшим образом случится. У тебя в этом нет никаких сомнений, и оттого, что на свете остаётся много неизвестного, о чём тебе очень хочется разузнать, становится ещё более интересно жить.

X X X

У каждого времени года в лесу – своя тишина, каждая имеет свой смысл и отраду, и каждую нужно попробовать услышать, после чего непременно доберёшься в самом себе до своей тишины, возле которой уже никогда не заскучаешь.

X X X

Быть с природой в дружеских отношениях – это значит не выжимать её без остатка, а пользоваться миром птиц, животных и растений бережно, во всём себя в нём ограничивая, как если бы мы встали из-за стола с чувством лёгкого голода, и это ощущение бы нас только радовало.

X X X

Именно ласточки, первыми улетая на юг, уносят с собой восторженный звон лета, его восхищённую отрешённость и младенческую весёлость.

X X X

Нарядные шмели в мае поначалу кажутся вальяжными вельможами, они очень заносчивы и никого вокруг не замечают. Но, присмотревшись лучше, вдруг с удивлением открываешь в них милую обходительность, с какой они пристраиваются к медовым чашам.

X X X

От зари до зари светит нам солнце, но небо бывает при этом разным: предрассветное - обычно нежно-зелёное, чуть розоватое, днём - чистое золото, а вечернее - оранжевое или ярко-красное.

X X X

Любая весна никогда до конца не наступит, пока в ней не осуществится последний поворот. Поворот этот всегда незаметен и происходит в

считанные мгновения, как будто по мановению чьей-то волшебной палочки, после чего кругом воцаряется тепло, землю омывает первый солнечный дождь, а в небе весело перекатывается многообещающий гром.

X X X

Кабаны и волки, барсуки и лисы, росомахи, хори и куницы, а ещё горностаи с ласками, да могучие медведи без устали рыщут всю жизнь по лесным дебрям, но, кажется, так чего-то и не находят, и только птицы, наверное, догадываются, в какой стороне лежит счастье.

X X X

Никогда не бывает так, чтобы лес признавал тебя своим долго, почти всегда, а лишь изредка озарит улыбкой или лёгким прикосновением, и опять уйдёт в себя, пусть даже ты общался с ним всю жизнь, всё время пытался понять и относился с глубоким уважением.

X X X

Зимнее поле не одноцветно, и поблёкший, казалось бы, занесённый снегом мир на самом деле только готовится к своему новому рождению.

X X X

Осиновый лист всегда дрожит сам по себе, но под осень - ещё и от рёва лосей.

X X X

Самый жаркий зной летом - земляничный.

X X X

Природа всегда манит и ублажает человека, глухариная же песня в весенней ночи призывает его дух к труду и возвышает.

X X X

Невозможно весной делать что-либо так себе, мимоходом, а наоборот – только с великим желанием, когда при одной мысли о пробуждающейся вокруг природе становишься чище и сильнее.

X X X

Весна - это всегда любовь, а любовь дарует возможность всем расцвести во всей красе, и тогда возникает гармония.

X X X

Чем глубже мы видим и знаем себя, тем глубже способны проникнуть в таинство леса.

X X X

Всё, что есть у меня в лесу, это чутьё и видение, но этого вполне достаточно для постоянного переживания счастья и радости.

X X X

Заслышишь, бывало, в глухой речной долине сухой стук рогов, заприметишь между маленьких сосенок на миг сталкивающиеся коричневые тени, но - ни стона, ни рёва, ни хрипа зверей не уловишь. Схватившись намертво, лоси, молча, месят острыми копытами заснеженную землю, и лес как будто ещё более притихает от их отрешённо слаженного единоборства.

X X X

В декабре и поле, и лес, и небо - всё уже ослепительно белоснежное… Но, присмотревшись, вдруг обнаруживаешь, что слагают эту белизну изумрудные, синие, оранжево-перламутровые, жёлтые и вишнёвые тени.

X X X

Еле заметный клюв у куличка-перевозчика - как приставленная дудочка: из неё он трогательно выдувает чистые нотки своей трепетной любви.

X X X

Проклюнувшиеся зелёные листики полны не только жизнелюбия, но и любопытства.

X X X

С появлением первых заморозков и радостного зимнего солнца повышается видимость и слышимость всего на свете, так что даже суета вездесущих сорок представляется особенной.

X X X

Весенние бабочки - это будто проснувшиеся мысли леса, что перепархивают в воздухе легко и неутомимо.

X X X

Природа жертвует бесчисленным количеством семян шишек, одуванчиков, рыбьих икринок, чтобы только отдельные особи выросли и принесли плод. Человек же не имеет права на подобную трату своих сил, и ценою каждой жизни обязан заслуженно доказывать её торжествующее душевное бессмертие.

X X X

Весна хороша тем, что всякому существу надо выразить свою радость в ней, и такое всеобщее торжество, присущее только этому времени года, просто ошеломляет!

X X X

Звон зари по весне бывает малиновым и красным, жёлто-оранжевым и розовым, но самый тонкий – перламутрово-зелёный…

X X X

Стоит только отправиться в лес - и в душе возникает предчувствие неминуемого открытия.

X X X

Утка, как старинный утюжок, гладит поверхность озера, превращая его в безукоризненно чистое зеркало.

X X X

Золотистым барашкам ивы просто неоткуда взяться, как из самих её ветвей, однако выглядят они так, будто извлечены из каких-то неведомых природных кладовых, полных несметными сокровищами.

X X X

В светлые майские ночи созвездия уже почти не угадываются, но в этой пришедшей прозрачности времени совсем не ощущается пустоты.

X X X

Мы совершенно спокойно воспринимаем осенние бои сохатых, этих сильных и горделивых зверей, когда они борются за самку, но как объяснить подобные турниры среди прекрасных бабочек, например, махаонов, если они бьются до тех пор, пока не полетят кусочки крыльев?!

X X X

Розоватые лепестки волчьего лыка источают по весне такой же сильный запах, как и волки во время течки. Неутомимый ветер доносит его волны до самой деревни, а ты и не замечаешь, что тоже становишься диким и неприкаянным.

X X X

Десятки раз меняя за лето свои оттенки, зелёный цвет к осени иссякает и просто желтеет.

X X X

Лесные существа обычно не показываются в дневную пору, но совсем без внимания оставить человека не могут, и как будто для догляда посылают к нему чёрную ворону. Загадочная птица изредка перелетает поблизости, тяжело взмахивая крыльями, усаживается на какой-либо сосне или ели, и начинает громко каркать, напоминая о скрытой в лесу темноте и тайне, которую хочется поскорее разгадать.

X X X

Медведь превосходно разбирается в настроении и намерениях находящегося перед ним человека, но, всё же, стремится быстрее убежать.

X X X

Выпадет первый снег - и весь мир сразу изменится, так что, кажется, будто и жить надо как-то по-другому, лучше.

X X X

Часто у тетеревов бывает так: большого весеннего сборища, которого обычно от них ожидаешь, не происходит, но зато птицы яро токуют в

одиночку, где придётся, и это никак не влияет на их радостное восприятие пробуждающейся природы.

X X X

Аккуратные головки мать-и-мачехи - как жёлтые граммофончики, что радуют нас по весне своей неслышной музыкой.

X X X

В осеннем лесу так тихо, что слышно, как степенно ступают по сухой листве чуткие рябчики…

X X X

Смотришь зимней морозной ночью на сияющие в бархатной черноте далёкие звёзды – и не боишься их потерять.

X X X

В марте по полям и в лесу ещё лежат таинственные великие снега, но чувствуешь, как они полнятся вешней водой, еле сдерживая в себе ещё неведомый, весенний пир.

X X X

Вглядываясь в уходящую вглубь леса заросшую просеку, незаметно и сам становишься более умудрённым и загадочным.

X X X

Трудно представить в переваливающейся неспешной походке медведя его способность к молниеносной реакции, невероятной быстроте и ловкости, но так оно и есть.

X X X

В зимние и без того короткие дни солнце, бывает, ещё не успевает закатиться, а луна уж давно выклюнулась, засветилась неполным белым диском, будто никуда не исчезала, и у тебя замирает сердце от её нетерпеливой оголённости, с которой она пытается опередить время.

X X X

Когда по весне начинает пригревать солнце, крохотные синички вдруг становятся необыкновенно драчливыми, и даже милый поползень ищет повода для ссоры.

X X X

Разноцветные, яркие платья деревьев в ясную погоду удлиняют осенний день, словно задерживая последние лучи солнца.

X X X

Если внимательнее вглядеться в жизнь леса, то в чистых березняках заприметишь промелькнувший заячий хвост. В мглистых ельниках уже померещится пристально вглядывающееся в тебя медвежье око. Заросшие и тесные ольшаники покажутся чьей-то неразрешимой судьбой, а редкие сосняки откроют щедрую и добрую сказку. Заматеревшие же осинники нежданно-негаданно подарят радость постижения того, что всегда не давало покоя и пряталось…

Но однажды, погожим сентябрьским вечером, всё это таинство открывается в их серо-зелёных и чистых верхушках, на которых в лучах заходящего солнца греют золотисто-бурые грудки копалухи, а могучие мошники горделиво восседают рядом, изредка роняя в предвечерний воздух укромные капли-звуки: «чек-уоок, чек-уоок, чек-уоо-ок!»

X X X

Относиться к лесу следует так, чтобы он был для тебя всегда светел своей темнотой.

X X X

Только у волка в глазах мерцает луна…

X X X

Предзимняя морозная чистота так проясняет воздух, что долго её выносить невозможно.

X X X

Ни про один гриб, кроме сыроежки, не скажешь, будто он повязал яркую косынку.

X X X

Торопливо, но тщательно плетёт свои тенёта паук.

X X X

Иногда, в ноябре, вдруг налетает какой-то ужасающе-несгибаемый, вселенский ветер, что не утихает в течение всей ночи, но от этого становится хорошо, а не страшно.

X X X

Глядя на ночную Венеру, что во все времена года, как и Луна, остаётся одинокой, никогда не назовёшь её волчьей звездой.

X X X

Лесная тишина, на самом деле, не боится вмешательства человека, не разлетается вдребезги от производимого им оглушительного грохота и нескончаемого шума, а выдерживает любой злорадствующий напор и погребает его под собой.

X X X

Бывает, два оленя сплетутся рогами в схватке из-за самки и, не в силах разцепиться, погибают…Так случается, увещевают бывалые люди, но в это почему-то не хочется верить.

X X X

После ночного снегопада деревья в глухой чаще светятся, как на солнце!

X X X

Дрожит последний лист на самой вершине осинки, и будто мокрой ладошкой пытается потушить зажигающуюся звезду.

X X X

Тёмный-претёмный лес в звёздную ночь ещё более затаивается в себе и устрашает, а в глухую метель, как ни странно, открывает душу низким снеговым облакам, и ничуть не пугает.

X X X

С детства помню, как краснели ладошки от холода хрустальных сосулек, но маленькие ручки не выпускали студёные стволики, сжимали крепко и наслаждались их прозрачной ребристостью. С особым удовольствием сосульки пробовались на вкус!

X X X

Бывалые охотники утверждают, что нельзя долго смотреть в глаза зверю, иначе он разозлится, но я ничего не могу с собой поделать, и всё смотрю и смотрю…

X X X

Написание книги можно сравнить с появлением весной первого стебелька, только-только проклюнувшегося из земли, с его постепенным ростом, возмужанием и, наконец, цветением, которое навсегда остаётся в душе примером жизнеутверждающей красоты. Цветок созревает, распускается во всей своей красе и радует собой мир.

Так и настоящая книга… Задуманная писателем, выношенная им и написанная, она приносит удовлетворение от приобретаемых знаний, учит более совершенной жизни и никогда не увядает.

X X X

Каждый шаг человека в лесу чаще всего связан с разрушениями: не ведая, он превращает в развалины невидимые природные замки, которые, впрочем, быстро восстанавливаются.

X X X

Холодной сентябрьской ночью взвоет где-то волк, а на душе становится тепло и покойно.

X X X

Перламутрово-розоватый снег слетает с небес в декабре, в январе валит тёмно-вишнёвый, а в феврале залепляет глаза фиолетовый, с непонятно тревожащими радужными отсветами.

X X X

Стылый северо-восточный ветер пронизывает до костей, стоит только за чем-нибудь ненадолго выскочить из дому, а взъерошенные воробьи о чём-то безумолку щебечут, усевшись друг напротив друга, и не обращают на ветер ни малейшего внимания.

X X X

В лесу ещё не распустились на деревьях почки, а волчье лыко уже красуется розовыми лепестками, что появляются на совершенно голых кустах даже раньше листьев.

X X X

Первая пороша не искрится, не ослепляет, а светится как бы ненароком, с лукавой улыбкой.

X X X

Весной, задрав голову к небу, пытаешься угадать: друзья ли тебе призывно вскрикивающие в вышине гуси или они сами по себе, без каких-либо привязанностей, и просто отрешённо стремятся на свою северную родину, ничего не замечая?

X X X

Отломишь льдинку от закраины ручейка, и смотришь сквозь неё на скособоченную у дороги ограду, а там – целый пейзаж, стягивающий в себя весь огромный весенний мир.

X X X

Лес – огромная тайна, полная знаний, и он так мудр, что готов учить каждого из нас, если мы станем его слушать.

X X X

Всё печальней отголоски осени, а рёв лося становится ещё более призывным!

X X X

Звёздная рождественская ночь - это какой-то торжественный зимний сон, который с самого детства празднично сияет в твоём воображении и, кажется, никогда не погаснет.

X X X

Утки проносятся над головой всегда со свистом, а в воду – шлёпаются.

X X X

Всего лишь месяц проходит после торжества глухариных токов, когда, казалось, для тебя не существует в жизни ничего, кроме этого весеннего возбуждения, затмившего самое дорогое, а только забываешь в макушку лета о весне, наслаждаешься его великодушным жаром, и летишь над тёплой землёй, уже не помышляя ни о чём другом.

X X X

Весенний ветер так силён, неудержим и напорист, что и рад бы, наверное, где-нибудь передохнуть, да зацепиться не за что.

X X X

Удивительно точен русский язык, нет в нём ничего лишнего. Вот, казалось бы, что тут мудрёного: пурга пуржит, вьюга вьюжит, метель метёт, всё одно и то же – снег да сильный ветер. Но метель, как метла, метёт понизу, вьюга над землёй крутит и вьёт, а пурга, знай, снежной пылью курится, урчит и высоченные сувои к небу вздымает.

X X X

Даже если лес только еле слышно что-то нашёптывает тебе, ему следует беспрекословно подчиниться.

X X X

Совсем не хочется объяснять людям, что зимний день в лесу может быть красный, синий, даже перламутрово-зелёный, но уж никак ни белый.

X X X

Весенний наряд тетерева-косача с надутыми алыми бровями необыкновенно красноречив и даже головокружителен, самки же –

практично выдержан в цветах лесной подстилки из прошлогодних листьев и увядшей травы.

X X X

В фиолетовых колокольчиках отстаивается нежная лазурь утра, зреющая синь дня и сгущающийся лиловый вечер.

X X X

Крылышко стрекозы прозрачно и хрупко, а между тем – всем открыто.

X X X

Человек старается скрыть в себе то, что обнажено в природе – половую страсть, жестокую борьбу, озлобленность гордеца за справедливое возмездие, но, обращаясь к ней, не замечает там всего этого, обнаруживая только радость.

X X X

Слушай весну – и ты услышишь самого себя.

X X X

Тянет в щели лесной избушки смоляной душистый ветер, сбивает набок язычок пламени на фитиле, но от этого он светит ещё ярче, ровнее, рождая дорогие сердцу воспоминания, и хочется опять, не мешкая, отправиться в путь, познавая тайны лесной жизни.

X X X

Послушай хотя бы один вечер, как переговариваются между собой на лесном озере гуси, и ты непременно проникнешься важностью их беседы.

X X X

Лепестки ромашек, будто реснички, ближе к вечеру, кажется, удлиняются, загибаются на самых кончиках и осторожно прикрывают уставшие за день желтенькие глазки.

X X X

Душа человека слагается из всего, что окружает его в природе.

X X X

Талая снеговая вода стоит между берёзами налитая, тягучая, и от неё веет такой душистой прохладой, что покажется вдруг, будто это берёзовый сок наполнил собой всё пространство в лесу, воздух стал необыкновенно свеж и сочен, и после ослепительного царства света в природе сразу наступила самая благодатная пора.

X X X

Лесному человеку не дано знать, когда призовут его к ответу лесные духи, но он каждую минуту должен помнить об этом и ощущать их невидимое присутствие.

X X X

Огромные, похожие на слоновьи уши, листья лопуха на ощупь - тёплые.

X X X

Ноябрьские синие тени быстро укорачиваются, исчезают, но из надвигающейся в природе темноты постепенно вырастает огромное желание света.

X X X

Старые лысые пни не похожи на монахов-богомольцев, но своё вынужденное смирение несут по-божески, достойно.

X X X

Продолжительная и частая дробь дятла по дереву обычно скоро наскучивает, становясь надоедливой, но вот весной приобретает нежность звонкой капели.

X X X

С виду глухая и неприступная стена леса на деле оказывается нескончаемо притягивающей глубиной.

X X X

Тёмно-бурый, с длинными белыми ногами, что под стать пожухлой коричневой листве и молоденьким берёзкам, среди которых лось часто стоит, он благодаря своему окрасу, даже в оголённом осеннем лесу, остаётся незаметен. И если когда и выбирается на открытое место, осторожно преодолевая просеку или полянку, всё равно убеждаешься в его изумительной способности сливаться с лесной чащей, когда зверь, вроде бы, и пересекает пространство, но получается это у него, опять же, как-то неприметно.

X X X

Когда вокруг ни души, и над лесом одиноко блуждает холодная луна, ещё сильнее хочется быть человеком.

X X X

Никогда не увидишь, чтобы одинокий ворон летел куда-нибудь торопясь.

X X X

Июльский стог чутко хранит в себе память всех цветов и навевает светлые думы, когда упадёшь в него навзничь, наблюдая, как проплывают над тобой светлые облака.

X X X

Осенью все мысли медленно и неумолимо устремляются вниз, в корни, в какую-то неведомую, бесконечную глубину, и оттого душа начинает жить размеренно, с затаенной загадкою на неторопливую и длительную работу.

Весной же каждый день горит как последний, но, догорев, не угасает, а через какое-то время вновь разгорается с ещё большей силой, а ты даже не задумываешься об истоках своей радости, и только тянешься ввысь, к свету.

X X X

Ни одному русскому не придёт на ум снимать с прелестной ножки весны мерку, потому как каждый ещё загодя, может быть, даже со Сретенья, ясно обрисовал её форму в своей душе.

X X X

Только пройдя долгий лесной путь, постигаешь, что нет силы без знания и нет знания без муки.

X X X

Человека можно обманывать бесконечно, зверя – только один раз.

X X X

Даже в самых далёких землях, за множеством рек, морей и лесов, живут близкие всем нам духи рек, морей и лесов.

X X X

Нет у тебя ни ножа, ни карты, ни компаса, а только чуткое сердце, но именно оно и есть незаменимое оружие в дремучем лесу.

X X X

Если, действительно, любишь лес, и даже неумело завоешь волком, он обязательно отзовётся.

X X X

В лесу я охочусь не за птицей или зверем, а за счастьем увидеть и воплотить это увиденное в живом слове.

X X X

Из всех диких животных олень, пожалуй, самый красивый и благородный, но в его прекрасных глазах всегда почему-то таятся непреодолимая тревога и скорбь.

X X X

В начале зимы, с весёлыми ядрёными морозцами, в воздухе появляется нечто неуловимое, но такое по-хорошему предрешённое, исконно русское, что сердце приятно обмирает от ощущения будущих жестоких холодов и непрекращающихся забот о домашнем уюте.

X X X

Поршки всех птиц, как и дети у людей, удивительно доступны в своей трогательной доверчивости, и совсем не хочется, чтобы они росли, крепли и постепенно отдалялись от любознательного и доброго человека, становясь для него недостижимыми.

X X X

Прелесть сбора грибов не столько в их обилии, сколько в обнаружении в самых непредсказуемых местах.

X X X

Пижма, вроде бы, как и все цветы, отошла, стебель и листья её пожухли, покрылись за лето обильной пылью, особенно - вдоль лесных дорог, но жёлтенькие бутончики только набирают цветосилу, поднимая к небу новые гроздья ярких маленьких солнышек.

X X X

Примятые ногами опавшие листья, тихонечко выправляясь, будто вновь на миг оживают, озаряясь последней прекрасной улыбкой.

X X X

Весной сидеть в избе никак невозможно: птицы летят!

X X X

В старину особые умельцы ладили на зверя такие чуткие капканы, что их главную часть называли душкой, или душой, как и у человека.

X X X

Издали вороны кажутся зловещими, но, приглядевшись к ним вблизи, вдруг отмечаешь их трогательную неуклюжесть и какую-то неприкаянную растерянность. Вороны, должно быть, погибли бы в одиночестве, очень его боятся и постоянно хорохорятся, чтобы никто этого не заметил.

X X X

Даже июльский зной, при полном безветрии, не в силах помешать желанию осинки укромно шевелить своими трепетными листочками.

X X X

Очень важно уметь приспособить окружающий мир себе на пользу, не принося ему никакого вреда. Для этого нужно научиться распознавать природные знаки воды, земли, леса и звёзд, которые очень просты, именно

этими знаками изъясняется с нами Бог, и только по ним однажды приходят к каждому человеку повеления изменить свою собственную судьбу, но многие так ничего и не замечают.

Всем нам следует неукоснительно исправлять себя, совершая ответственные поступки на пути познания мира. И, совершив их, не ставить себе в заслугу. Человек должен оставаться отрешённым от своих побед, и в то же время находиться в мудрой взаимосвязи со всем, что его окружает.

Будет очень хорошо, если он не станет воевать с этой поразительной природой, а заинтересуется её загадками и неизмеримостью. Человеку надлежит быть ответственным за чудесный мир, в котором он живёт, несмотря на то, что он здесь не хозяин, а всего лишь гость, и, наверное, никогда не раскроет все его чудеса до конца, но обязан к этому стремиться.

X X X

Ондатра – единственный зверь, кто в половодье умудряется изготовить маленький плотик из мусора, на котором и спасается, безопасно для себя переживая десять-двенадцать дней высокой воды.

X X X

Ранним утром, задрав маленькие аккуратные головы, степенные журавли отрешённо и даже несколько устрашающе выступают навстречу друг другу, предвещая тем свои торжественные бои и свадьбы, а невидимые росинки весело скатываются по клацающим клювам и, блеснув на миг, никем не замеченные исчезают среди перьев…

X X X

Как крепко прилепляется к стволу дятел, как слитен он с тем, без чего не может существовать! Даже здоровое и полное жизни дерево, кажется, ждёт, когда птица подлетит, присядет и тщательно прослушает его.

Дерево замрёт на короткое время, будто боясь помешать преисполненному долга дятлу, и если птица улетит - облегчённо вздохнёт: дятел ничего не обнаружил, значит, можно продолжать спокойно тянуть свои ветви к свету, ласково шелестеть ими на ветру, втайне оставаясь благодарным неутомимой птице.

X X X

Приятный ветерок обнимает мокрые плечи могучих елей, а их прохладные ветви заботливо прикасаются к твоим разгорячённым щекам и шее…

X X X

Еле слышно, тише, чем вполголоса, провозгласит старый ворон какое-либо известие, и оно разносится по лесу далеко-далеко, и будто совсем не тает.

X X X

Сходство поступков и действий зверей с человеческим поведением меня нисколько не озадачивает и не удивляет.

X X X

Весной воздух звенит от щебета птиц, летом их пение в нём утопает.

X X X

Тёплое тетеревиное перо в жаркий августовский полдень приятно холодит ладонь…

X X X

Любишь животных, птиц и растения - постигнешь однажды божественную тайну.

X X X

Как только затихает вдали протяжный гудок электрички, и ты остаёшься один на маленьком полустанке, немного погодя из тьмы заснеженного леса выступает его душа, и как-то незаметно перевоплощается в твой собственный дух, готовый слиться с любым деревом, шорохом или зверем.

X X X

Махонькие воробьи, заранее предугадывая непогоду, дружною гурьбой жмутся под застрехой, тогда как человек ничего не чует, не видя дальше своего носа, и всё норовит, несмотря ни на что, воспарить гордою птицей.

X X X

Когда-то мне очень захотелось посмотреть на невиданную мощь природы, ради чего пришлось пожертвовать очень многим, и уехать к Тихому океану, но я и не догадывался, что ещё в детстве спокойно увидел эту мощь в нашем родном лесу.

X X X

Величавость Вселенной создаётся из крохотных частичек красоты, и каждый должен воспитывать её в себе неустанно, в течение всей жизни.

X X X

Сколько уж лет прошло, а всё хочется, как в детстве, спрятаться в траве, затаиться в ней и, слушая звенящую тишину летнего полдня, мечтать о том замечательном, что тебя обязательно ждёт и никогда не минует.

X X X

Изучая повадки зверей – всегда восхищает их удивительное обаяние и чутьё, нежели собственное умение.

X X X

Когда сижу напротив жарко пышущей печки или потрескивающего костра, и смотрю, не отрываясь, на огонь, как будто заглядываю в какую-то нескончаемую природную даль, и постепенно обретаю там самого себя.

X X X

Лица деревенских людей, их простые деревянные дома, лес за покосившейся околицей и низкое серое небо над ним могут быть очень печальны, даже сиротливы, но в них никогда не ощущается равнодушия.

X X X

Упруго и мягко вспархивает потревоженный в лесной чаще рябчик, будто слегка надорвали кусочек шёлка - «пр-р-р-р-р»… Но если обмолвится охотник, что рябчик, раньше времени вспугнутый им, сорвался и улетел, з-а-г-р-е-м-е-в /!/ крыльями, то бывалые люди воспримут его слова вполне обычно, как должное.

X X X

Более всего, почему-то, соблазняют своим видом звёзды именно Большой Медведицы. У каждой из них, оказывается, есть имя, узнав которое, хочется, неспешно произнося его, молиться: Дуббе, Фёкла, Алиот, Бенеташ, Мизар…

X X X

Самый молодой, только что выпавший снег не сочетается ни с ельничком на взгорке, ни с завалившимся огородом, ни с самой деревней, он только восторженно кричит!

X X X

Отправившись в лес и повстречав там зверя, который вдруг попытался напасть, глупо было бы обвинять его за это. Будучи увлечённым чем-либо в лесу, ты, в то же время, должен оставаться отрешённым от него, чтобы не пойти на поводу у безоруживающего страха, а поэтому и лес, и зверя необходимо воспринимать как нечто обыденное, вполне естественное.

Именно так просто принимая лесное естество и себя в нём, ты увеличиваешь свои шансы на пути обретения знания и собственной безопасности, когда никакой зверь, чувствуя твоё простодушное состояние, тебя не тронет.

X X X

В особо лютые зимы волки даже могут выгнать медведя из берлоги, и загрызть.

X X X

В декабре, когда всё, наконец, укрывается снегом, и взгляду, кажется, не на чем остановиться, начинаешь замечать огромное небо, в котором незаметно утопаешь, как в пуховой перине, и вскоре уже не помышляешь о возвращении на землю, хотя вокруг только голые облака, призрачный свет и бесконечные серые дали.

X X X

Я очень люблю лес, море, цветы и землю, и думаю, что никогда ко всему этому не привыкну.

X X X

Огромные ярко-оранжевые глаза филина смотрят так пристально, что в них непроизвольно угадывается глубокая мысль.

X X X

Не чудо, если глухарь примется прогонять вас со своего токового участка, принимая за соперника, безбоязненно наскакивать, норовя ударить мощными крыльями или уцепится клювом за одежду, а то, того пуще, начнёт клянчить у вас кедровые орешки, тем более, принимая их с руки!

Чудо, когда он по-прежнему будет пугать человека неожиданным взлётом, оставляя его в неведении относительно своей загадочной древней судьбы.

X X X

Вспугнутые с лесного пруда утки поднимаются на крыло винтообразно, совершая каждый круг шире предыдущего, а достигнув недосягаемой высоты и убедившись в отсутствии для себя опасности, так же постепенно, сужая круг за кругом, снижаются и опять садятся на воду.

Но прежде, чем опуститься, они хотя бы раз пронесутся над твоей головой и всегда поприветствуют, чуть покачивая крыльями, если ты идёшь без ружья.

X X X

Драка тетеревов во время весеннего токования - это проявление жизненной энергии, бьющей через край, а не злобное устремление птиц, во что бы то ни стало, победить возможного противника.

X X X

До чего же хороши наши вороны, что даже надоевшим всем карканьем могут приветствовать снегопад!

X X X

По мере того, как приближается момент появления птенцов, самка ястреба всё чаще наклоняется к яйцам, трогает их клювом и прислушивается, а иногда что-то тихонько произносит.

X X X

Как ни странно, состояние безудержной ярости совсем не присуще природе зверя, а любо человеку, который таит его в себе, не хочет с ним расставаться и может вызвать в любой момент.

X X X

Многие птицы, что прилетают к нам на зиму, при виде кормёжки тотчас рассыпаются - кто куда, но вот чечётки всегда держатся сплочённо, кормятся на одном дереве, и даже на придорожную траву или сугробы опускаются все вместе, дружною стайкой.

X X X

Порой представляется, что неугомонные воробьи избалованы жизнью, что бьёт в них ключом: везде им дом и дол. Но присмотревшись пристальнее – убеждаешься: маленькие птички вынуждены быть вездесущими, чтобы хоть иногда потешить себя лишней крошкой или семечком.

X X X

В неустанном куковании кукушки в весеннем лесу слышится нескончаемая влюблённость.

X X X

Счастлив тот, кто, не истратив себя, продолжает всю жизнь учиться, и как хорошо это выходит в общении с природой.

X X X

Красиво, как древние письмена, вычерчиваются по первому снегу отпечатки лап сорок, ворон и галок, и обыкновенные, порядком надоевшие всем за лето птицы сразу начинают представляться неизведанными.

X X X

Когда темнеет, лес, кажется, надвигается на деревню, и ты чувствуешь, как он пристально всматривается во всё, что в ней происходит, терпеливо вслушивается, но никого не пугает.

X X X

Всего лишь птичка-кроха пискнет за густым переплетением ветвей, но зачем-то начинаешь подбираться к ней потихоньку, терпеливо высматриваешь, и сразу обо всём забываешь.

X X X

Завывания осеннего ветра часто сравнивают с мелодией волчьей тоски, но так ли тосклива волчья песня, действительно схожая по звучанию с самой свободной стихией?!

X X X

Вынужденная отыскивать корм даже в жестокую стужу, ворона неуклюже припрыгивает на одной лапе, спрятав в перья другую, время от времени меняет их, а чтобы не потерять равновесие, подпирается полуопущенным крылом.

X X X

Маленькие стаи пернатых шумливы, быстры и всегда норовят опередить весну.

X X X

Было дело, подстрелил я на заброшенной пасеке выпорхнувшую из-под ног серую куропатку. Куропатка, театрально спланировав прямо на деревянный настил у домика пасечника, раскинула крылья и замерла.

С переломленным ружьём, ничего не подозревая, я подошёл к ней почти вплотную, и уж было протянул руку, как птица неожиданно встрепенулась, неуверенно приподнялась над землёй, и бочком-бочком, постепенно выправляясь, улетела, но я, помнится, тотчас поймал себя на мысли, что не разочаровался, а обрадовался.

X X X

Камни на дне потаённых лесных ручьёв вглядываются в склонившегося над ними человека очень целомудренно, с робкой надеждой на то, что он и к лесу проявит такое же трогательное и вдумчивое отношение.

X X X

Глухарю безразлично, что в своей восхитительной любовной страсти он никому, кроме глухарки, невидим, человек же безвестности совершенно не переносит, даже если умудрился сохранить в сердце цветы жизни.

X X X

Когда ястреб нацеливается в броске на увлечённо долбящего шишку дятла, тот, заметив опасность, не спасается бегством, а ловко шмыгает в последний момент на другую сторону ствола и возобновляет свою работу.

X X X

Замершую весеннюю тишину может разбудить даже трепетное биение твоего влюлённого в природу сердца.

X X X

Всё в природе воспринимается должным образом, что заведено в ней для всеобщего согласия, и если чижи со щеглами всегда первыми шелушат семена придорожных трав, а чечётки довольствуются оставшимся чешуйками, то это их вполне устраивает.

X X X

Человеческая жажда полёта, на деле, есть слитность земли с простором неба.

X X X

Из оврага хочется поскорее выбраться, а в лог – спуститься.

X X X

На птицу невозможно смотреть просто снизу вверх, а всегда только с открытой душой и ясными глазами.

X X X

Чарующие сине-голубые цвета – это и мартовское небо, и трепетные кустики вероники вдоль июньских дорожек, и нежные крылышки бабочки-голубянки, порхающей всё лето над цветами, но невозможно выразить только через голубизну всю пронзительность влюблённой души.

X X X

Манера охоты у стрижей и ласточек одинакова, но первые – стремительны, а вторые отличаются юркостью.

X X X

Всё, что происходит в природе до прилёта скворцов, составляет лишь музыкальное отступление, после которого и начинается их неподражаемая, зажигательная песня – настоящий весенний пир!

X X X

Суровое лесное слово «нодья» означает зимний охотничий костёр из цельных брёвен, а можно в жестокий мороз перезимовать и у «нодьюшки»…

X X X

Широко и вольготно простирается вокруг величественная осень: тёмно-синие ельники сменяют оранжевые и пунцовые осины, а берёзы уже почти облетели… Всеобъемлющие покой и тишина опустились на землю, всех зверей и птиц постепенно умиротворили и как-то необыкновенно обособили. Всем до всего в лесу стало дело, и каждый, не мешая другим, неспешно принялся обустраивать перед долгой зимой свою жизнь.

Лишь человек, обуреваемый необъяснимыми думами и чувствами, зачарованно вступает под лесной полог, отрешённо бродит по укромным тропинкам, и никак не может разобрать - для чего он это делает.

X X X

Только заслышишь ворона по сильным взмахам крыльев, оглянешься, а его как будто и не бывало.

X X X

Любовь к людям, как ни странно, приходит через любовь к травам, цветам и насекомым.

X X X

Лениво, будто спросонья, летают вороны над лесом, не то, что в деревне, где за ними невозможно уследить: только поспевай!

X X X

В укромном рождении мглистого и неустроенного октября, что ни колеса, ни полоза не любит, мне всегда чудится радостная пора моего далёкого и глубоко затаенного детства, когда хотелось бродить с отцом потаёнными лесными тропами, невзирая на промозглый утренний холод и сырые пахучие травы. Пегая осень будила в моей душе необыкновенно богатые переживания…

X X X

Тетерев-косач - это сплав удивительной быстроты, мощи и завидной умиротворённости. Взорвавшись в осиновом молодняке и порядком напугав, он напоминает тугой футбольный мяч, с силой выбитый в поле и улетевший бог весть куда.

Усевшись же для кормёжки на заснеженную берёзу, тетерев становится похож на чёрную грушу, вызывая в душе неожиданное успокоение.

X X X

Только светлым весенним утром до тебя, наконец-то, доходит, как противоестественно держать наготове заряженное ружьё.

X X X

Когда цапля только расправляет широкие крылья и поднимается в воздух, полёт её представляется торжественным, но затем почему-то быстро приедается и теряет свою красоту.

X X X

В лесу быстро понимаешь, что всем хорошо никогда не будет, а только тому, кто душевных сил не жалеет, о других думает и Бога не забывает, а главное – не устаёт удивляться этому неизведанному миру, который постигает всегда с волнением и радостью.

X X X

В ворону можно пальнуть из ружья просто так, без зазрения совести, в ворона – даже не подумаешь.

X X X

Ходишь всю зиму в лес в надежде вытропить зайчика, спозаранку встаёшь и за полночь ложишься, словом, нет такой силы, чтобы обуздала твои охотничьи желания, и всё же не встретишь ни одного косого. Но вот, где-нибудь в апреле, выбегут из кустов прямо тебе под ноги два толстоусых зайца, о чём-то переговариваются между собой, играют, как дети, а в тебе уже никакого азарта!

X X X

Птица, взлетая, привлекает внимание человека, и оно затем перетекает в мысль, постепенно воплощаясь в живое проникновенное слово.

X X X

В сгущающихся осенних сумерках совы обычно усаживаются на голые верхушки облетевших осин, стоящих вдоль дороги, и будто провожают тебя из леса, молча напутствуя не забывать его и хотя бы изредка возвращаться.

X X X

В ноябре звёзды колючие и недосягаемые, как на рисунках милых и непредсказуемых малышей, а в мае – доступные и мягкие, наподобие новогодних катышей из ваты, с помощью которых обычно изображают пушистый снег, в который никто не верит.

X X X

Когда наблюдаешь весенним ветреным днём за ястребом, кажется, будто воздух сам несёт птицу, но на деле ястреб умело отдаёт себя ему, сберегая всю свою силу.

X X X

Идя однажды рождественским вечером по упругой деревенской дорожке к колодцу, я вдруг почувствовал нерасторжимую связь зимы с летом, их восхитительную слитность, и тотчас представил себе летнюю тропинку, которая так же легко, как и в светлый зимний праздник, приподнимает тебя над землёй.

X X X

Люди часто приписывают животным и растениям человеческие свойства, и это называется антропоморфизмом, но истинная суть происходящего в природе заключена в том, чтобы обычные свойства животных стали применимы для большинства людей.

X X X

Услышишь русское - «колотъё», и сразу представляется смёрзшаяся, в ледяных култышках земля, тугие от зазимка колеи с похрустывающим ледком и как гулко ударяются в них подкованные подошвы сапог, сами, ровно эти подстывшие колдобины, сжавшиеся и тугие. Ледок, будто морщинки в уголках глаз, пронизан по краям длинными белыми иголочками, вода промёрзла до земли, и всё вокруг, вместе с полёгшей бурой травой, стылой землёй и скорчившимися у обочины кустиками, сжалось так крепко, что, кажется, не оттает уже никогда.

Прокалён морозом и воздух, им трудно дышать, воздух обжигает рот, нос, щёки, забирается в рукава, за шиворот, так что через некоторое время тебя начинает колотить озноб. Только колкие удары сердца сохраняют в теле тепло, но заморозок и не думает отступать, к рассвету ещё более цепенеет, сковывая своим ледяным дыханием. А всего лишь одно слово – «колотъё»!

X X X

Из всех птиц только пополозень, попав в ловушку, не бьётся в ней изо всех сил, а спокойно ждёт, когда его выпустят.

X X X

На первый взгляд кажется, будто лягушки, сидя по весне в своём болоте и утробно урча, всех передразнивают, на самом же деле они распевают, как птицы.

X X X

Светло-радужная оболочка вокруг глаз у галки придаёт ей внимательную озабоченность, и в этой маленькой, не всегда замечаемой людьми чёрточке – вся суть птицы, призванной всё время творить, кажется, совсем ненужные для неё усердные хлопоты.

X X X

На кончике клюва, в невидимой розоватой капле приносит рассвет маленькая птичка зарянка и, элегантно обронив её на грудь, во всеуслышание провозглашает!

X X X

Ни одно растение, зверь или птица никогда себя не обманут, и лишь человек в течение всей жизни предаёт свои самые сокровенные мечты.

X X X

После полудня сосульки сваливаются с крыш и бесшумно утопают в снегу, какое-то время даже растапливая его накопленным в себе солнечным светом, отчего тоже захочется дарить кому-нибудь сбережённое в себе за зиму тепло.

X X X

Вытянутый вверх древесный нарост напомнил мне в сгущающихся сумерках сидящего на суку филина, который зажмурил оба глаза, нахохлился и замер в ожидании добычи, будто окаменел, волнуя воображение скрытой в себе цепкой жизнью, а когда я приблизился к ёлке, вдруг…ожил, взмахнул мохнатыми крыльями и растворился в лесной чаще.

X X X

Когда трубят по весне журавли, всё валится у меня из рук, и тянет в лес, на скрытое от глаз глухое болото за рекой, что птицы облюбовали для своих свадеб. Там я постепенно успокаиваюсь, жадно вслушиваюсь в их тревожащие душу голоса, и чего-то жду.

X X X

Какое счастье – просто взять и отправиться в лес, затеряться в нём и, разведя костёр, остаться там один на один со всем мирозданием.

X X X

Солнце весною рыжее и взлохмаченное, похожее на влюблённое сердце.

X X X

Странно, но на снегу никогда не бывает чёрных теней, а только синие, голубые или лазоревые.

X X X

Скажут: «Неутомимый сеттер поднял стайку стремительных куропаток», и фраза тотчас пропадёт, даже толком не появившись. Но вот кто-то знающий заметит: «Паратая борзая вытурила из чащобы матёрого толстоусого русака!» - и слова сразу заиграют, забегают, как этот русак, и живо представится осенний лес, притихшее жнивьё и жалобно вскрикивающий дятел-желна, которого вспугнул за соседним перелеском стронутый с лёжки косой.

X X X

Первый снег покроет землю лёгким кисейным покрывалом, первый лёд скуёт озёра и реки изысканным хрусталём, а первый зазимок так выяснит небо лазоревыми изразцами, что родной для тебя лес ещё более преобразится и станет совсем неузнаваемым.

X X X

В марте можно послушать заячью ночь, когда зайцы без устали бормочут по всей округе до самого утра. В августе - как с проникновенным и вдумчивым завыванием встречают её загадочные волки. А зимой упоительно угадывать сны тетеревов, что укутаны пушистыми снегами, переливающиеся под звёздами драгоценными каменьями!

X X X

Набедокуришь, бывает, в лесу – захочешь всё поправить, но ничего нельзя в нём вернуть. Если лес однажды застал тебя за тем, чего ты стыдишься и, всё же, допустил в нём, - сколько не совершай потом добрых дел – он уже никогда тебе этого не простит.

X X X

Всегда умиляет потребность волков, когда они следуют стаей, зачем-то обходить с обеих сторон попадающуюся им на пути преграду – куст, пень или небольшой взгорок, невозмутимо продолжая движение дальше.

X X X

От талого духа весной становится до тошноты разнежено и дурно, и только маленькие щиты бесчисленной солнечной рати – мать-и-мачехи, вмиг отражают всю твою сковывающую онемелость и, отрезвляя, наполняют бодростью.

X X X

Всем к лицу первое снежное утро, и даже старый лисовин, кажется, позабывший себя, и тот хорошеет.

X X X

Нащупывая широкими крыльями малейшие потоки воздуха, и используя их для подъёма, чёрный коршун может часами парить над лесом, пока ему не повезёт с добычей. Без видимых усилий и движений коршун, как вдохновенный певец, возносит наше воображение в недосягаемые выси, и мы сами становимся восхищёнными небесными жителями.

X X X

Сколько счастья, по-видимому, переживают в своих маленьких сердцах только что прилетевшие с юга маленькие кулики-черныши… Стремительно срываясь с придорожных озерков, они поначалу только всхлипывают от переполняющих их чувств, не в силах выразить всей радости, и уж затем вытягиваются в полёте с восторженно стонущим свистом!

X X X

Даже в самый сильный мороз ворон не топорщит перо, как грач или ворона, не прячется от ветра, а с ещё большим достоинством восседает на голом суку, сохраняя свою родовую древнюю выправку.

X X X

Махонького воробья, кажется, легко можно обидеть, но никогда не увидишь его расстроенным: ведь сердце у него, согласно известной пословице, с кошку!

X X X

Раскатисто засвистал в майской ночи её властелин – соловей, и в восхищении замерли земля, лес и даже ласково струящийся воздух.

X X X

Вроде бы, и размеренная, работа дятла отличается восхитительным остервенением!

X X X

Нет для человека более величественного зрелища, чем звёздное небо, особенно – морозной зимней ночью, когда находишься в каком-нибудь маленьком зимовье, посреди глухого заснеженного леса… Однако порой проходит целая жизнь, а он на него так и не взглянет.

X X X

Летним вечером, на лугу, начнёшь подбираться к коростелю на его скрипучий голос – и он сразу смолкнет, а повернёшься спиной – снова заскрипит, словно несмазанные колёса у телеги, отчего сразу подивишься чуткости этой скрытной птицы, что, по народному поверью, даже на юг пускается в путь ночами, пешком, и в одиночку.

X X X

Однажды на охоте, в жаркий августовский полдень, вдруг так пересохло в горле, что я от души напился прямо из тёмного болота.

X X X

Нет, кажется, более заботливых родителей, чем чибисы, но, тем не менее, гнездятся они прямо в открытом поле, на перепаханной с осени земле. Далеко от гнезда встречают чибисы проходящего мимо человека, храбро бросаются вниз, чуть ли не на голову, пронзительно кричат и долго провожают его. Отчего же они себя так мучают?!

Наверное, их переполняет не испуг, а восторженность от своей опьяняющей открытости, на которую решаются по весне эти чувствительные птицы.

X X X

Домашний гусь - само тщеславие, что важно вышагивает взад-вперёд и никак не может сообразить, куда себя деть.

Но надо слышать, как вскрикивает в дальнем перелёте, по весне, белощёкая казарка: в одном своём возгласе она во всеуслышание провозглашает обо всём, что происходит вокруг!

X X X

Именно в том, как поэтично умолкает природа к осени, проявляется её доверительное отношение к человеку.

X X X

Хруст глухариных крыльев повергает своей мощью, неожиданной даже для лесной чащи, и ещё сильнее хочется разгадать тайну птицы, которую она принесла с собой из неведомой древности.

X X X

Из надломленных веток старых берёз сок по весне льётся дождём…

X X X

Серой вороне, похоже, никогда не надоедает её будничное карканье: ей, наверное, кажется, что всякий раз она каркает по-новому!

X X X

Когда цветок ландыша раскрывается, он склоняется к земле и становится очень похожим на маленький колокольчик, оповещающий о себе волнами тонкого аромата…

Но вот на юге России в нём увидели ланье ушко, на севере – лесную лилию, на Волге – воронец или ландушку, в Калуге – заячью соль, а на Смоленщине – собачий язык!

X X X

Уже близится скорый осенний вечер, а дятел всё стучит и стучит на одном и том же месте… И не плотник, да стучать охотник!

X X X

В середине апреля гладишь нежную кору берёзы, и трепет её сердцебиения явственно отдаётся в твоей ладони.

X X X

Свет от луны в самом чёрном ночном лесу никогда не бывает жёлтым, а всегда таинственно бледным, даже белёсым, и лишь изредка - мёртвенно-серебристым.

X X X

Когда подступает весной такое время, что снег начинает таять даже ночью, к нам прилетают удивительные птицы – вальдшнепы, чьи глаза переполнены смородиновой нежностью и теплотой юга.

X X X

Если взять осиновый лист и посмотреть сквозь него на солнце, то рисунок жилок совпадёт с рисунком кроны дерева, живо повторяя разбег даже самых мельчайших веточек.

X X X

Крупная, под цвет осенней листвы глухарка подпустила меня почти вплотную, так что я заметил её только в последний момент, поднялась на крыло неторопливо и полетела с нескрываемым достоинством, будто даже не выказывая своего недовольства тем, что я её побеспокоил. И стало тепло на душе от осознания того, что птица, может быть, почувствовала моё доброе отношение к лесу.

X X X

Беспредельная мощь океана ощущается не только в прилив, но и в пору отлива… Несказанная сила ветра проявляется даже в его отсутствие, когда ничто не предвещает этого непередаваемого порыва стихии, но предчувствие великой несгибаемости в природе, всё же, присутствует, и её несёт в себе зарождающийся в отрогах Вселенной безудержный ветер.

X X X

Своим оперением чечётки очень схожи с воробьями, но последние не виснут вниз головой на тоненьких веточках, а сидят на них бок о бок, дружною оравой.

X X X

В ноябре тяжёлый тёмно-красный закат обещает на утро лёгкий серебристый заморозок.

X X X

Каждый год тысячи жаворонков, трясогузок, зарянок, коньков и пеночек спешат на север, но никто из них не знает зимы.

X X X

В отличие от человека, души животных и растений не обременены собой, и принимают любую окружающую их среду беспрекословно, мудро сливаясь с ней и не пытаясь её подчинить.

X X X

Вспугнутые птицы, особенно певчие, никогда не уходят свечой в небо, а чаще всего слетают к земле.

X X X

В дремучем лесу даже шорох случается как бы украдкой, тотчас замирая, будто боясь нарушить его дикую тишину.

X X X

Приходилось ли вам стоять возле поющего глухаря, перед самым рассветом, когда уже не видно ни одной звезды, но оранжевая луна ещё повелевает на небе? Нет?! Тогда зачем вы живёте?!

X X X

Горячий июльский ветер, прорываясь сквозь густую зелёную чащу, остывает, касаясь лица уже приятной прохладой.

X X X

Утренняя заря словно омывает душу своей первозданной чистотой, переполняя её несказанным восторгом, а первая, вспугнутая тобой птица - в считанные мгновения её успокаивает.

X X X

Если весенний вечер ясный и холодный, то вальдшнеп торопливо машет крыльями и старается быстрее пролететь над поляной, догоняя самку. Но когда погода погожая, пусть даже пасмурно, то он летит медленно и важно, будто норовя задержаться в воздухе как можно дольше, насладиться его теплотой и светом, и, конечно, не боится ничего, отдаваясь своей любви.

X X X

Берёза - одно из самых красивых деревьев в нашем лесу: на утренней заре она выглядит розоватой, к середине дня становится ослепительно белой, вечером – голубеет, а когда ночью волшебный луч луны нежится на её стволе, кажется, что она светится изнутри серебром!

X X X

Вспомнишь, как красивы опушившиеся к зиме иссиня-чёрные тетерева, вообразишь себе их ночлег в морозном лесу, под снегом, и сразу повеет необыкновенно уютным и сказочным теплом!

X X X

Привычка говорить с вещами появилась у меня благодаря лесу.

X X X

Среди множества птичьих, ублажающих слух голосов, встречаются и хриплые, унылые крики, но и они необыкновенно завораживают.

X X X

Домовито, с хозяйской смёткою и нескрываемым довольством сытно квохчут по осени упитанные дрозды, тяжело перелетая с дерева на дерево, а рябинки с черёмухой кажутся после них обнищавшими. Да что поделаешь: рябиновый и черёмуховый род по осени чужую суму полнят, так Господь повелел, но и то бывает верно, что нищета живёт, а богатство гибнет.

X X X

Среди орнитологов принято думать, что в одиночку, помимо хищных птиц, к нам летят с юга и кукушки… И вот как представишь себе этот одинокий полёт ночью, когда птица абсолютно беззащитна и лишь чутьё подсказывает ей верную дорогу, так сразу проникнешься ещё большим уважением к кукушкам, которым Бог и без того предопределил нелёгкую долю родителей, вынужденных отказываться от своих детей во имя здоровья природы.

X X X

Нет большего удовольствия весной, чем вглядываться в мартовские и апрельские дали.

X X X

Филин такой сказочно мохнатый, не похожий на других лесных птиц, даже – неправдоподобный своим огромным и каким-то старообразным силуэтом, что, кажется, дотронешься до него рукой - и он тотчас обернётся загадочным существом, напугает и унесёт твою душу.

X X X

Только весной, особенно в марте, так безудержно пахнет русским простором и свободой!

X X X

Маленькая рыжеватая пустельга то чуть ли не касается травы острым крылом, то, отброшенная ветром, исчезает в вышине, а остановившись в воздухе, пристально, но без надменности разглядывает тебя и, сжав своим когтистым взглядом, кажется, забирает с собой.

X X X

Золотистый зверобой и фиолетовые колокольчики, наконец, дождавшись своего часа, с нескрываемым удовольствием утверждают в течение всего лета одно из самых дивных цветовых сочетаний. Милые ромашки и застенчивые васильки вторят им добрым согласием.

X X X

Случается такое, что солнце поутру закатывается, а к вечеру – раскатывается, так и человек: пропустит в трудах праведных свою молодость, но зато под старость золотом разольётся!

X X X

Голос у вороны неблагозвучный, порой невероятно надоедливый и неприятный, но в нём отражено всё то, чего не видит, не слышит и не понимает никакая другая птица.

X X X

Пристально вглядываясь в Природу, всё более убеждаешься, что Творцу необходимо постоянно поддерживать её мудрость и красоту, и для этого он создаёт бесчисленные души, стремящиеся к совершенству. Тем самым Творец сохраняет абсолютное право Природы на созидание, и оно может продолжаться бесконечно.

X X X

Весенние выкрики домового воробья, у ещё недостроенного им гнезда, трудно назвать песней, но и они не на шутку будоражат сердце.

X X X

Удивительно поднимает настроение журчащий в мартовских сугробах ручеёк, до которого всегда хочется добраться и с надеждой взглянуть на него.

X X X

Иногда в лесу можно обнаружить ежовые шкурки, начисто выеденные и вылизанные хищными птицами и зверями, но вот филин не оставляет ничего, и глотает даже иголки!

X X X

Иду по лесу, а вокруг - птицы, звери, деревья, кусты и насекомые, травы с цветами, и все видят, слышат и понимают меня.

X X X

Только кажется, что запев в весеннем лесу, под вечер, дрозд кого-то окликает, на самом деле, если прислушаться, он скороговоркой всем подсказывает: «Быть добру, быть добру, быть добру!»

X X X

Ещё стоит сухой, крепкий октябрь, и до конца не опал лист, а заячий мех уже насквозь пронизан нежной голубизной.

X X X

Не замечаешь времени в лесу, где никто никуда не торопится.

X X X

Весною птице надобно, во что бы то ни стало, лететь, а осенью - возвращаться.

X X X

Высота, вроде бы, приглушает гортанный гогот пролётных гусей, но зато он становится проникновеннее и мягче.

X X X

Когда вокруг воцаряется непогода, я смотрю на неё глазами любви, и принимаю как часть всего прекрасного в природе: пусть - на время и хмурого, но тоже необходимого для человека, чтобы он научился ценить солнце.

X X X

Попробуй-ка сдержать возглас восхищения, когда за рекой затрубили журавли, а по лесу разлились звонкой трелью песни дроздов, зябликов и овсянок!

X X X

Только упав навзничь в траву и раскинув руки, возносишься в бездонную июльскую синеву: ты стал величиной с небо, а небо – с тебя.

X X X

У распустившегося шиповника и запах пунцовый, а цвет – сахарный, даже приторно-сладкий.

X X X

С вечною оглядкой, как, впрочем, и везде в жизни, в лес лучше не входить: сыт в нём не будешь.

X X X

Всё я в жизни воспринимаю спокойно и с достоинством, так, как оно этого и заслуживает, особенно в лесу. Но вот попадается под ногами птичье перо, самое обыкновенное – сороки, вороны или сойки, и вдруг возьмёшь его в руки, весь встрепенёшься, подобно птице, но не взлетишь, а только отчего-то притаишься в себе и задумаешься.

X X X

Из-за пустой суеты и неразберихи, какую дрозды устраивают на полной ягод черёмухе или рябине, приходишь к твёрдому убеждению, что эти птицы ужасно бестолковы, но в этой ограниченности – их незатейливое счастье. Жадность в природе – не глупость, коли себя бережёт!

X X X

Невесомых комариков, с тонко звенящей музыкой вьющихся над землёй, следовало бы прозвать ещё изящнее – звонцами.

X X X

Желая проникнуть в суть вещей и явлений, в первую очередь, обратись к нашей родной природе.

X X X

Уже в январе ворон начинает носить в клюве пёрышки и ветошь для утепления гнезда, и только в июле точно такую же работу по обустройству своих гнёзд завершают ласточка и коноплянка.

X X X

Всё занимательно в лесу, если душа открыта для восприятия самого простого.

X X X

С детства помню душистое тепло нагретой солнцем земляники, жгучую боль от укуса пчелы в ладошку, аромат опавших яблок в бабушкином саду, и совершенно забылись все обиды, какими бы несправедливыми они тогда ни казались.

X X X

Величавому коршуну незачем махать крыльями во время длительных перелётов, поскольку воздушные вихри сами доносят его до нужного места.

X X X

В самый разгар лета иногда замечаешь, что лунный свет чуть подогревает воздух, но как только светлый диск заволакивают тучи, он в мгновение остывает.

X X X

Со вздохом облегчения съезжает весною с крыш лежалый снег, но происходит это неожиданно, отчего кажется, будто он всё ещё сердится и кому-то угрожает!

X X X

К осени, покидая родину, журавли с тоской возвещают о вынужденных дальних перелётах, но почему весной в их голосах слышится такая пронзительная печаль? Наверное, журавли горюют о времени, проведённом вдали от родины, но верно и то, что на родной земле Бог от всякой печали избавляет, хотя на ней и потужить не грех, ибо не бывает в жизни печали без радости, как не случается и радости без печали!

X X X

К Крещению, в самый зверский мороз, что и железо рвёт, и на лету птицу бьёт, зима, бывает, так распустит свои белёсые космы, что даже не греют костры, а визг шагов разрывает всё слуховое пространство. Но в душе

от всего этого затаивается неизбывное желание жить не как хочется, а как Бог велит.

X X X

Бывало, в детстве спрячешься в кустах смородины, разросшейся у старого покосившегося забора, или в цветах под окнами дома, и чувствуешь себя невероятно счастливым!

X X X

Одинаковые с виду хохолки жаворонка, синицы, чибиса, рябчика и свиристеля очень точно выражают характер каждой птицы.

X X X

Каждый уголок в лесу – заветный, потому что полнится первозданной жизнью.

X X X

Волчьи законы – это не только строгая иерархия и жестокая дисциплина в стае, но и … нежность.

X X X

Многие недоумевают оттого, что кукушка очень похожа на ястреба-перепелятника, но, может быть, сам ястреб стремится быть менее заметным?! Впрочем, не случайно, наверное, кукушкин клёкот в момент перелёта напоминает ястребиный, и если природе зачем-то было так угодно, то всё у неё получилось очень убедительно.

X X X

Иногда, словно боясь не успеть, ты опережаешь время, и уже зимой отправляешься в весенний путь: так он притягателен!

X X X

Плачущему крику совы или филина всегда придаёшь гораздо большее значение, нежели он того на самом деле стоит, но обман этот сладок твоему сердцу.

X X X

Звон апрельской капели ещё более пронзителен, чем в марте, но разве может он сравниться с трогательной размеренностью полузабытой всеми февральской оттепели, которая незаметно так обнажает воздух, что, кажется, он вот-вот разорвётся на множество невидимых хрустальных колокольчиков.

X X X

Нет в природе ничего трепетнее и чище, чем голоса птиц, просыпающихся поутру.

X X X

Вся жизнь на земле с неизменно происходящей сменой времён года для того, наверное, и существует, чтобы человек догадался о своём бессмертии и, не уставая, рос.

X X X

Глядя на то, как по фиолетовому сорочьему хвосту прокатывается дрожь нетерпения, поражаешься, сколько же и чего именно нужно успеть поведать этой сердобольной птице всему свету!

X X X

Я полюбил лето за его восхитительное раздолье и нескончаемость, с наслаждением переживая их в его роскошных недрах, несмотря на сенокос, бесконечную прополку и полив.

X X X

Птицы – одно из самых необыкновенных достояний земли, однако они странным образом отсутствуют в жизни человека, как будто летая где-то на краю нашего неокрепшего, полудетского сознания.

X X X

Совсем бесприютными становятся редкие просветы над лесом, всё ниже склоняются под осенними дождями метёлки бурьяна вдоль раскисших дорог, но всё так же, с неизменной жадностью, хочется жить, любить и работать.

X X X

Обычно в деревьях отмечают устремлённость к небу, удивительную красоту и мощь стволов, рождающихся из окружающего воздуха, даже невидимую работу благородных корней, но почему-то никто не замечает их главного достоинства – молчаливости, исключая безмолвный шум умиротворённых дубрав… Лес говорит своим тихим молчанием.

X X X

В самом своём начале зима бросается заметать пути-дороги чуть ли не сломя голову, и оттого в ней кажется больше тревожного, необъяснимого, чем к концу, когда всё уже давно предрешено, покойно, хотя и недосказано.

X X X

Невозможно представить, что ястреб или коршун, которые всегда держатся в одиночку, и встречаются намного реже, чем другие птицы, к осеннему перелёту тоже сбиваются в стаи…

Ястреб в ястреба не приходится, и даже среди родственных себе птиц держится один, потому, что сам себе господин.

X X X

Только однажды в своей жизни обнаружил я орлиное гнездо, что располагалось на высокой чёрной скале, у самого моря, среди старых высохших лиственниц…

А под ним, у самого уреза воды, лежал сорвавшийся с высоты медвежонок, что повадился в голодную сахалинскую весну за яйцами хищной птицы.

X X X

Часто, находясь в городе, я закрываю глаза и вижу перед собой какое-нибудь знакомое место в лесу, с которым было связано нечто незабываемое. То, что окружало меня тогда - в малейших деталях живо во мне по сей день.

Такое привычное и уже не раз виденное, оно, между тем, удивительным образом помогает вновь переживать радость. А поскольку ты находишься одновременно всюду – и в городе, и в своих воспоминаниях, то это ощущение можно поддерживать в себе сколько угодно, и при этом совсем необязательно быть в лесу.

X X X

Бывает, и соловей, захлебнувшись ароматом сиреневой накипи, соскакивает с голоса, и некому в эту восторженную пору его поправить.

X X X

Всегда чуть грустно в вечернем лесу, но даже если у тебя всё плохо, то в лесу грустно по-хорошему.

X X X

Весной белка так возбуждена и стремительна, что кажется двумя зверьками, что затеяли игру в переплетении еловых ветвей.

X X X

В сказочном заснеженном лесу, если ты однажды туда вошёл, для тебя уже нет обратной дороги, а только вперёд, к нескончаемым открытиям.

X X X

Старые сосны не скрипят и не покряхтывают, а неспешно провозглашают обо всём увиденном, что за давностью лет стало для них величавым.

X X X

Даже после длительного, изнуряющего пути, прежде чем присесть, птицы подолгу кружат над долиной, то и дело, переговариваясь, пристально осматривают её, и только потом осторожно опускаются на отдых.

X X X

Природа так правдива, что, очищаясь перед долгим зимним сном, сбрасывает с себя последнее платье из пожухлых листьев, совершенно оголяя себя.

X X X

Можно так слиться в лесу с любой обстановкой, что зверь спокойно минует тебя в двух шагах и никак не отреагирует на твоё присутствие, если только ты стоял … не шелохнувшись.

X X X

Назвать лису «рыжей», значит, отнестись к ней неуважительно, потому как на самом деле зверь этот «огненный» или, на худой конец, «красный».

X X X

Ночное январское небо – словно добротная крыша, склёпанная морозом, а звёздочки в ней - яркие, золотые гвоздики, ловко выточенные каким-то неведомым художником в недостижимой небесной мастерской.

X X X

Идите в начале лета на лесную полянку, садитесь и смотрите: в обрамлении золотистого солнечного света вы увидите волшебные травы и цветы, о существовании которых даже не подозревали, живя совсем рядом. Быть может, однажды вам посчастливится встретить свой цветок…

X X X

Самка ястреба-перепелятника сидит на гнезде, повернувшись к солнцу, и по мере того, как оно совершает свой путь по небу, изменяет своё положение, защищая птенцов от его палящих лучей.

X X X

С завершением осени воздух становится неприкаянным, серым, но это не вызывает неприятных ощущений, а наоборот, постепенно рассеивает их и незаметно умиротворяет.

X X X

Находясь в лесу, можно всю ночь вслушиваться в завывания ветра, но если под утро тебе нечего о нём рассказать, ветер тебе – не брат!

X X X

Очень нелегко весной целиком переселить её в своё сердце, взять себя в руки и спокойно написать о ней так, как она этого заслуживает.

X X X

Божественная природа всегда права потому, что знает всё, и надо верить ей больше, чем самому себе.

X X X

Нигде не чувствуешь себя так легко, уютно и покойно, неважно – днём или ночью, как в лесу… Иногда даже кажется, что ты здесь когда-то родился.

X X X

Там, где по весенней дороге прошествовал медведь, оставив отчётливые мякиши своих косолапых следов, в воздухе ещё долго держится его утробный запах, хотя зверь уже далеко.

X X X

В конце октября, перед первой порошей, земля, небо и воздух от перенасыщения влагой становятся чёрными, как уголь, но подступающая зима ненавязчиво штрихует их белыми косыми линиями, создавая свои первые неподражаемые гравюры.

X X X

Сентябрьскими сумерками, под вечер, сова нетерпеливо перелетает с дерева на дерево, что-то неразборчивое постанывает себе под нос, и почему-то нагоняет неизъяснимую осеннюю грусть, которая по-своему прелестна.

X X X

После того, как лето миновало свою макушку, дни зарождаются как-то безмолвно, вяло, и долгое время непонятно: каким оно ещё будет?

X X X

Мудрость человека заключается в том, чтобы не выделять в жизни самое красивое или любимое, а принять всё как есть, целиком, вплоть до самой невыразительной мелочи, и уже никогда не предпочитать ей нечто более достойное и живое.

X X X

Выпь зачем-то целыми часами неподвижно простаивает в камышах, отрешённо наблюдая за протекающей вокруг жизнью…

X X X

Все цветы, кажется, внушают нам одно и то же состояние – наслаждение. Но, приглядевшись, постепенно откроешь, что каждое

растение сообщает какое-нибудь своё чувство. Ромашка – надежду, василёк – непокорность, колокольчик – негу, а фиалка – тихое волшебство!

X X X

Белые поля в декабре лежат мёртво, покойно, будто нескончаемый сон, и сколько бы ни ехал по ним – никак не насмотришься!

X X X

В лесу желательно быть одному, чтобы переживать всё в полную силу.

X X X

Ловит луговая стрекоза своё отражение в водах реки, а в глазах её – всё июльское небо!

X X X

Глядя на нашего обыкновенного пёстрого дятла, вдруг с удовольствием отметишь, какая это необыкновенно здоровая и сильная птица.

X X X

На дворе сумеречно, мокро и грязь, но как волнующе бередит душу тёплый апрельский дождь!

X X X

Вороны любят человеческое общество, их тянет к нам, но, в тоже время, они сторонятся людей. Так и живут на границе между дозволенным им человеком, и недоступным. Может быть, именно в этом завидном балансировании и проявляется ум дотошных птиц?!

X X X

Если посмотреть с высоты птичьего полёта на лес, то в какой-то момент можно, наверное, увидеть, как внизу идёт человек, а с другой стороны, в его направлении, движется лось… Оба, и зверь и человек, не подозревают о скором столкновении, но встреча по какой-то причине неизбежна, и никогда не бывает случайной.

X X X

Оттого, что полынь торчит по пустынным полям, в ней видят только печаль и горечь, не замечая её жаркой воли, пахнущей терпким, безудержным ветром.

X X X

Услышишь, как кричат весной молодые птицы, и сразу что-то встрепенётся в душе, потом взовьётся, а ты и не заметишь, как вмиг стал чуточку увереннее в себе, сильнее.

X X X

По окончании глухариного тока, когда птицы покидают токовище, я ещё какое-то время остаюсь там, тихо созерцаю всё, что окружало меня до самого утра, и, успокоившись, неторопливо отправляюсь привычной лесной дорогой домой, потому как после встречи с седой древностью ждать чего-либо лучшего не приходится.

X X X

Когда милые медвежата, отстав от матери, смешно заваливаются на кругленькие зады и трепетно нюхают воздух чёрными носами, лесной бог, как любящая медведица, берёт их под своё покровительство.

X X X

Оживлённее всего мелкие певчие птицы подают свои голоса, как ни странно, на деревенских кладбищах.

X X X

По красивому народному поверью, на исходе лета, в одну из ночей выходит на берег лесной реки какой-то небывалый лось, опускает в воду свои раскидистые рога, и вода вмиг остывает, а сердце зверя наполняется невероятной силой… Так начинается в притихшем лесу последний праздник звериной любви – осенний гон.

X X X

В морозные солнечные дни, зимой, когда солнце словно тыкается в окна своими ослепительными пятками, а в доме так сладостно от натопленного жара, как никогда открывается смысл существования, удивительная простота и прелесть всего земного.

X X X

И без того всегда заметная, бровь тетерева к весне наливается какой-то яростной краской!

X X X

Лиловые колокольчики задорно толпятся, еле сдерживая себя, перешёптываются меж собой, кажется, вот-вот зазвенят, глазастые же ромашки с нескрываемым любопытством привстают на цыпочки и изо всех сил тянутся вверх, будто желая что-то там рассмотреть… Глядя на эти цветы, хочется выйти к ним на луг, засмеяться от переполняющей радости и запеть весёлую песню!

X X X

Засохшая смола, стекающая по шероховатому стволу необъятной ели, устремившейся в вышину, в первое мгновение воспринимается как мёд.

X X X

Странно, что только созвучие имён соединяет двух родственных и, казалось бы, близких друг другу птиц – ворону и ворона, в остальном – взаимная неприязнь.

X X X

Всегда с затаенной грустью улавливаешь наступление той поры, когда сквозь пышную зелень и щедрый солнечный жар вдруг явственно проступают первые пряди осени, и случается это всегда с липой.

X X X

В трудное для всех птиц зимнее время ворона тащит со свалки какой-нибудь съедобный кусок, а галка – обрывочек блестящей фольги.

X X X

Облака, как муравьи, спешат куда-то по небу, и нет им числа, а ты всё глядишь на них и не можешь наглядеться.

X X X

Морозные узоры на окнах не случайно напоминают травинки, листья, ветви и целые лесные заросли… Так, наверное, вода вспоминает суровой зимой о чудесном лете.

X X X

В природе значимы самые обыкновенные мелочи, что составляют окружающую нас замечательную целостность, но от прикосновения внимательного человека становятся сказочными.

X X X

Часто в лесу, особенно по опушкам, находил я на земле полуразрушенные птичьи домики из выцветшей травы, их былые гнёзда, и было мне так, будто это я сам потерял то, чего уже никогда не вернуть.

X X X

Мыши, бывает, забираются в берлогу к спящему медведю, и выстригают с его шкуры шерсть для своих гнёзд, а он ничего не чует.

X X X

В безоблачную, пронизанную звёздным светом ночь, и мысли становятся ясными, а душа полнится поэзией рождающихся чудесных откровений.

X X X

Лесные первоцветы отцветают всегда нехотя, будто вымаливая у природы позволения задержаться ещё на денёк-другой.

X X X

Если на току остаётся один тетерев, и ему некого побеждать, петух начинает без устали трепать приглянувшуюся ему маленькую кочку.

X X X

Никогда почему-то не приходит в лесу мысль накормить остатками своей пищи птиц или зверей, а оставляешь её какому-то неведомому лесному существу, которое невидимо, но ты его всегда ощущаешь.

X X X

Когда научишься всё в жизни принимать так, как оно приходит, тогда и в лесу сразу многое откроется.

X X X

За каждым грызуном - мышью, зайцем, бурундуком или белкой неотступно следует рысь, лиса, куница или ласка.

X X X

Белоснежный… Молочно-кисейный… Жемчуговый… Сливочно-перламутровый… При каждом оттенке белого цвета, даже при малом его отсвете в природе, всегда представляется нечто чистое, тёплое и родное, как молоко матери, без чего человеку ни за что в жизни не обойтись.

X X X

Осенью леса оголяются, и ты начинаешь, наконец, замечать лиственницы, берёзы и осины с липами, которые ещё до конца не облетели, но стали уже отличимы друг от друга: в каждом из деревьев обнаружилась тщательно скрываемая в течение всего лета таинственная душа.

X X X

Самка вальдшнепа ещё с раннего утра начинает готовить гнездо, устраивает его целый день очень тщательно, а под вечер, когда запоют дрозды, и над лесом спустятся прохладные сумерки, она прикрывает его травой и спешит к самцам на тягу.

X X X

Именно осенью, когда по-особому обостряется щемящая сердце грусть, становятся более чуткими зрение и слух.

X X X

Недавно понял, что всё самое интересное и лучшее в окружающем мире, к чему я в жизни пришёл, уже содержала моя душа, я лишь безотчётно двигался к нему, постепенно узнавая в этом своём обретении. А ведь мог и не пойти, отступиться, даже угадывая своё, родное, но и тогда, наверное, природа нашла бы способ открыть для меня возможность более достойной жизни, не представляя её без леса.

X X X

В конце лета, когда многие птицы готовятся к отлёту, а иные уже улетели, притихшие сады неожиданно оживляют дрозды: они шумят по-весеннему рассыпчато, весело и дружно.

X X X

Трубные журавлиные крики по весне удивительно прозрачны и, как ничто, утверждают ясность бытия.

X X X

В незнакомом лесу вслушиваешься и вглядываешься больше обычного, а потому и замечаешь то, чего никогда бы не подметил там, где, кажется, всё тебе известно.

X X X

Сладко пахнет весной в голодном апрельском лесу!

X X X

Лесной дух никогда не показывается человеку на глаза, а только незаметно вглядывается в него.

X X X

Прежде, чем завести у себя в доме какого-либо зверя, взятого из леса, человек должен принять во внимание искреннюю привязанность, которую зверь ему подарит.

X X X

Когда подбегаешь к глухарю под песню, тебя охватывает какое-то безразличие ко всему, что тебя окружает, кроме самой птицы, которая, с таким же безразличием к происходящему вокруг, страстно вздрагивает раздувшейся шеей, самозабвенно скиркает, точит, и, наверное, тоже ничего не замечет…

А малиновый диск солнца взбирается на небо, всё выше и выше, равнодушно взирая на пробуждающийся лес, возбуждённую птицу и позабывшего себя человека.

X X X

Никогда не бывало, чтобы в лесу не пробудилось удивительное переживание свободы.

X X X

Кабан, кажется, остерегает оглушительным визгом: «Отпр-р-рянь!». Волк, застыв, сдержанно и чуть слышно рокочет изнутри: «Раз-зор-р-ву-у!». Мишка-медведь, тяжело вздохнув, вдруг рассерженно хряпнет: «Ка-а-ю-юк!». Рысь лишь зевнёт утробно: «Ням-м-м!». Как одинаково убедительно и до жути просто произносит всякий зверь своё самое сокровенное!

X X X

Первые цветы - вовсе не храбрые, а просто уверенные в себе, когда показывают свои нежные головки в ещё суровую весеннюю пору.

X X X

Многие лесные птицы открыто выращивают своих птенцов по соседству с гнездом ястреба-тетеревятника, но он их не обижает, и птицы живут спокойно.

X X X

Бывает, в конце октября, вместо холодного дождя, изредка начинают кружиться снежинки, что моментально тают на мокрой земле, и от этого первого снежка дышится ещё глубже и пронзительнее, а разгорячённое после ходьбы тело так приятно охватывает лёгким ознобом, что ты понимаешь: даже в глубокую осень ничего не умирает.

X X X

Прилипшее к тростинке крылышко стрекозы, кажется, неслышно допевает мелодию уходящей летней поры…

X X X

Только утреннее солнце высвечивает истинный уют жилья.

X X X

Март – это время ослепительно солнечных и ласковых холодов.

X X X

Возвращаясь розовеющим ранним утром с глухариного тока, и переживая происходящие вокруг лесные события, я вдруг с неизъяснимой горечью уясняю для себя, что огромный мир природы, особенно весной, протекает мимо внимания людей, и остаётся для них совершенно незамеченным.

X X X

Одинокий ворон удивительно оживляет пустынный зимний пейзаж, одним росчерком крыла стирая границу между белой землёй и выцветшим небом.

X X X

Особое удовольствие в лесу доставляет реальность всего, что происходит совсем неподалёку от человеческого жилья.

X X X

Так часто, в мельчайших подробностях, рисовал я в воображении ночную поездку на санях, по морозу, со всхрапывающей невпопад лошадкой и нескончаемо сладостной зимней дорогой, что она начала представляться давно совершившейся чудесной реальностью, которую всегда было приятно вспоминать и каждый раз с ещё большим удовольствием.

X X X

Когда лес простится с пролетающими вальдшнепами, разноцветными листьями, последним теплом, его вдруг пронзает запах тончайшей свежести, что истекает от тёмной воды, замершей в дорожных колеях.

X X X

Каким бы отрешённым от человека ни казался ветер, он никогда не бывает для него чужим.

X X X

Только весеннему солнышку под силу раскрыть обыкновенные сосновые шишки, что не поддаются порой даже дятлу.

X X X

Конечно, никогда не услышишь шелеста распускающихся цветов, и даже не всегда почувствуешь, как это происходит, но так хочется быть ближе к родной природе и ещё более тонко её понимать!

X X X

Как корневища, протягивает лиственница свои прямые ветви в разные стороны, впитывая в себя живительный лесной воздух, будто норовит выпить его весь, без остатка, и всё растёт и растёт.

X X X

Всё реже можно застать по весне гусиные караваны, и если уж застал, услышал в высоком поднебесье пролётную песню этих птиц, то знай, что не случайно.

X X X

Бери с собой в поход на глухариный ток как можно больше: ножовку, топор, запасные тёплые штаны и свитер, носки, рукавицы… Не забудь фонарь с биноклем, парафиновые свечи, аптечку и ещё поролоновый матрас, лыжи, валенки с галошами, хотя повсюду ручьи и сам в болотных сапогах, нож с бечевою. Задумаешь взять и не возьмёшь – такое в лесу оборачивается зачастую трагедией, в лучшем случае - испорченным настроением, но если взял, вытерпел, донёс, хоть оно и не пригодилось, всё у тебя будет хорошо, и ничего худого не случится.

X X X

Идя по лесу, я всегда жалею о своём времени, и никогда не присаживаюсь на отдых. Ну, если только на минутку, и всё бегу, дышу, сливаюсь с чем-то, что само с радостью входит в меня, а я жадно впитываю его, недолго переживаю в себе и опять бегу.

X X X

Барсуки живут по краям глубоких логов и оврагов, в самых потаённых, скрытых от глаз человека местах, но совсем не сумрачны при этом, как принято о них думать.

X X X

В первое снежное утро все хорошеют: и облетевшие кусты с деревьями, и оголделое вороньё, и даже раздосадованный чем-либо человек.

X X X

Румяный снегирь хоть и держится под нашими окнами всю лютую зиму, а не назовёшь его молодцеватым или задорным, наподобие воробья. Больше он, как девица красная: тихий, немножко печальный, да пригожий.

X X X

В иной год весна выдаётся такая весёлая, что уже с середины марта по дорогам ездят на колёсах, хотя на полях и в лесах ещё высятся сугробы.

X X X

Земля равномерно вращается вокруг Солнца, и оно так же неизменно, изо дня в день, то появляется, то исчезает, но рассветные лучи воспринимаются восторженно, живо, а закатные – безмолвно и спокойно.

X X X

Конец августа… Ещё перебегают по дорожкам, смешно семеня тоненькими лапками, вездесущие трясогузки – очень изящные и милые птички, и когда они трепетно вздрагивают своими длинными хвостиками, торопливо чистят перышки и бросаются с лёта в лужи, то кажется, что лето ещё и не кончалось, а осень никогда не наступит.

X X X

Наиболее крепок и глух сон именно в осеннюю ночь, когда она не напряжена таким мучительным ожиданием, как зимой, весной или летом. Осенью ночная пора преисполнена, наконец-то, достигнутой в природе умудрённой отрешённостью, когда можно преспокойно забыться, уже не обдумывая никаких важных перемен.

X X X

Когда поющий жаворонок взмывает всё выше и выше, то бескрайняя синева молчаливого неба становится кричащей!

X X X

Золотисто-розоватое робкое солнце быстро сгорает за короткий декабрьский день, но мир не тускнеет, и подступающие предновогодние сумерки незамедлительно расцвечивают его зажигающимися звёздами, ослепительной луной и таинственными снегами.

X X X

Долгая декабрьская вьюга – это радость, счастье и светлая надежда на такую же затяжную и замечательную зиму, которую, наконец-то, можно будет достойно оценить, неспешно обдумывая всю предыдущую жизнь и накапливая силы на будущую.

X X X

Бог сотворил весь мир, и всё в нём бесценно, но сложно не поклоняться огню, растениям и птицам.

X X X

Весенний ток у птиц обычно проявляется в неистовых криках, ритуальных танцах, особом полёте, чаще – пении, но иногда птицы неожиданн…пародируют друг друга, долгое время никак этого в своём поведении не проявляя.

X X X

Человек смотрит в глаза волка - и читает по ним неприкаянную судьбу зверя, его непостижимые года и суровую сказку таинственного леса. В глазах же зверя – лишь холодное безразличие.

X X X

Глядя на звёздное небо в ночном лесу, невозможно чувствовать себя одиноко, и тем более – быть застигнутым врасплох.

X X X

У неба не может быть ни низа, ни верха, и это прекрасно понимаешь и чувствуешь в апреле, когда не утопаешь и не возносишься, а летишь.

X X X

«Железные» желудки ворон, сов, ястребов и голубей с гусями перетрут все ягоды в порошок, зубы растительноядных зверей раздавят мякоть плода и

раздробят семена, и только благодаря насекомоядным маленьким птичкам, чьи нежные желудочки пропускают ягоды с неповреждёнными косточками, и всходят молодые ростки черёмухи, рябины или вишни за километры от родительского дерева.

X X X

Весенний лес учит бороться и побеждать не только ударом лапы, клювом или когтями, но и песней.

X X X

И передать невозможно, сколько радости слышится в проникновенном посвистывании рябчиков поутру, когда декабрьский мороз переваливает за двадцать, берёзки натужно пощёлкивают, и солнце раздавленной клюквой медленно растекается по выстуженному небосводу! Рябки только что проснулись, выпорхнули из-под снега и расселись по веткам, подставив свои пепельные грудки первым, ещё прохладным солнечным лучам, но от всего этого почему-то пахнуло весной, а не первозимьем.

X X X

Приятно сидеть майским солнечным вечером на краю какой-нибудь укромной полянки и наблюдать, как изредка подбегают друг к другу озабоченные зайцы, и о чём-то совещаются.

X X X

Трудно поверить, что голубенькое соцветие известного всем цикория, который знаменует своим цветением середину лета и цветёт потом до первых заморозков, живёт около четырёх часов, с раннего утра впитывая синеву неба и постепенно бледнея к пасмурному полудню. И так, незаметно для человеческих глаз, каждый день появляются всё новые цветы, сначала вбирая краски, а затем - отдавая их, что создаёт ощущение бесконечного летнего праздника.

X X X

Осень, как никакое другое время года описывалась русскими писателями. Они глубоко и тонко чувствовали её, понимали и так проникновенно передали всю прелесть этой увядающей красоты, что лучше, кажется, уже не скажешь, а она всё равно остаётся неисчерпаемой.

X X X

Весной все птенцы представляются желтопузыми, и даже зеленовато-серенькое брюшко милой оасянки ясным апрельским утром превращается в яично-жёлтое, солнечное.

X X X

Чёрная шапочка гаички переходит в серую спинку так же неуловимо плавно, как мартовские сумерки переливаются в трогательную весеннюю темноту, не доставляя ничего, кроме восхищения.

X X X

Моё счастье заключается в моём знании, в том, что я ценю своё время и всегда использую так, будто у меня его совсем не осталось. Этим я раздвигаю границы, казалось бы, допустимых возможностей, когда другой не в силах их преодолеть, и обретаю полную свободу в достижении более насыщенной жизни, что неотделима от природы.

X X X

Схожая в добывании корма и повадках с лисой, енотовидная собака, в то же время, совершенно лишена какой-либо охотничьей сноровки, отыскивая добычу словно нехотя, как придётся, будто позабыла про себя что-то очень важное в лесу и не в силах вспомнить, отчего отрешённо рыскает, путается, и куда-то всё время пропадает.

X X X

Обычно скрытный в лесу зелёный дятел, или, как его ещё называют, седой, бывает, к тому же, и очень редок. Но вот однажды, уезжая из деревни в город, я стоял в ожидании электрички на переполненном перроне и заворожено наблюдал вместе со всеми, как этот самый зелёный дятел, усевшись прямо на угол станционного здания, преспокойно настукивал его, ни на кого не обращая внимания.

X X X

Расплавленным золотом река начинает течь только под осень…

X X X

С необыкновенно радостным ощущением жду я всегда приближения ослепительного волшебного марта, что, ко всеобщему удовлетворению,

наконец-то приходит, но, как ни странно, мешает видеть, слышать и впитывать всю окружающую красоту… Так он хорош!

X X X

Приблизив лицо к одиноко висящей на ветке капле, вдруг увидишь в ней весь просыпающийся весенний мир…

X X X

Оттаявшие по весне пихты начинают источать голубое свечение и изумрудно-фиолетовый аромат.

X X X

Белый холст заснеженного поля, чёрные ивняки у занесённой реки, рыжеватые копны сена… Всё, вроде бы, пустынно и немножко диковато, но удивительно поэтично.

X X X

Тень от высоко плывущих облаков ползёт по лесу, медленно перемещается с поля на бугор, и в душе отчего-то пробуждается удивительная покорность.

X X X

Весной крапива спешит на выручку человеку.

X X X

Иной раз кто-то другой в тебе, не ты, вдруг ни с того ни с сего схватится в лесу за ружьё, да и подстрелит какого-нибудь вовсе ненужного зверька, и на душе станет невыносимо, что лишил его жизни.

X X X

Всю жизнь хожу по одному и тому же лесу, но каждый раз нахожу в нём что-то новое. И так, благодаря только одному лесу, постепенно умнею и становлюсь богаче.

X X X

От кончика хвоста и до носа лиса есть тончайшее воплощение непревзойдённой жизнестойкости.

X X X

То, что глухарь способен токовать каждый день, из года в год на одном и том же дереве, а порой даже на гарях, где до пожара располагался ток и после сплошного пала сохранились лишь обугленные пеньки, говорит о его седой древности, благодаря которой привычки глухаря остаются неизменными.

X X X

Из лёгкокрылых белоснежных вихрей возникает угрюмый мрак зимы.

X X X

Малиновый жар лета слаще всего ударяет в голову в душных логах и заросших оврагах, куда нетерпеливо спускаешься за ягодой, жадно вдыхаешь её аромат, отправляя в рот целыми горстями, и подниматься уже не хочется.

X X X

В конце октября в лесу тихо-тихо, и если зашуршит, цепляясь за ветки, одинокий лист, почудится, будто кто-то ненароком вздохнул и затаился, а уж если пробежит мышь, то сразу встряхнёт осеннюю тишину!

X X X

Чувствуя, как поздней осенью угасает всё живое - ощущаешь её как завораживающую тишину, и в этом умиротворённом смирении природы открываешь и в себе не замечаемую ранее глубокую удовлетворённость.

X X X

Человек, находящийся в тайге, не видит широкого простора, и всё время оказывается в особом лесном мирке, ограниченном деревьями. Вокруг себя он замечает только бесконечные стволы, переплетение ветвей и длинные узловатые корни у самой поверхности почвы. Эти корни, как жилы, повсюду выступают по выбоинам троп, человек, то и дело, спотыкается о них, нередко падает и, только очутившись на земле, обращает внимание на то, что было скрыто от него и никогда бы не заинтересовало, не оступись он о корневой выступ.

X X X

Холодное зимнее небо так отрешённо, что ворон, кажется, застывает на лету.

X X X

Осеннее «чек-чекевряк, трю-рю-рю-рю-рю» у рябчика – это знак довольства размеренной лесной жизнью, милая птичья доброжелательность и улыбка: так петушок, несмотря на «вечер» года, предлагает самочке свою любовь.

X X X

Только благодаря лесу, его насыщенной внутренней жизни, я научился постижению сути вещей, и оно, как оказалось, вовсе не зависит от уровня образованности.

X X X

Многие месяцы отличает ясное голубое небо: и безбрежный июнь, и умиротворённый август, и молодой проникновенный апрель, но только в марте его голубизна распахнута настежь!

X X X

В яркие мартовские утренники ёлки уже не прячут глаза, как это у них по обыкновению заведено, а будто жмурятся от удовольствия.

X X X

Вступая ночью в полосу лунного света, вдруг вмиг ощутишь, как в нём безжизненно, но не пусто.

X X X

Осенний ветер стремглав бросается между домов, весенний - льётся нескончаемым потоком.

X X X

В лесу я занят только лесом, а не собой, и хотя лес обостряет чувства, они впитывают лишь его звуки, запахи и мысли.

X X X

Завершаешь лесную книгу только тогда, когда в душе наступает полное успокоение, как если бы ты вышел из большого таинственного леса после нелёгкой дороги, и в неизъяснимом удовлетворении присел отдохнуть на пенёк.

X X X

Вешки по краям занесённой снегом дороги по реке, в пургу, хороши только из еловых лапок, которые лучше всего скрашивают её, более заметны и почему-то успокаивают.

X X X

В лесу я нахожу самого себя, и даже тревога, изредка проистекающая из его самой дремучей чащи, воспринимается мной радостно.

X X X

Ёж ест всё и всех, с кем может совладать, и в поисках пищи часто натыкается на змею, которая хватает его за кончик носа, и тогда ёж орёт, но добычу не отпускает.

X X X

В масленичную разомлевшую пору мысли почему-то не маслянисты, а необыкновенно ясны.

X X X

Не будучи ночной птицей, соловей превращается весной в неё, чтобы непревзойдённой по красоте песней извещать и приманивать самочек, которые возвращаются с юга только ночами. Людям и невдомёк, что восхищённый певец всю ночь напролёт провозглашает не только любовь, но и сообщает всему миру о долгожданной встрече.

В природе всё подчинено продлению жизни, а значит – работе, но с каким очаровательным восторгом она воспринимается маленькой серенькой птичкой с умными чёрными глазами!

X X X

Ни сентябрь, ни октябрь, ни даже ноябрь, несмотря на постоянно сеющийся снег, всё-таки не припадают к земле, а устремляются зачем-то

обратно, в безжизненно-стеклянную высь, и только декабрь с наслаждением и очень долго примеривается, как бы лучше ему это сделать, наконец укладывается и безмятежно засыпает, сосредоточив всю свою силу под собой.

X X X

Кажется, никогда, как в тот год, не ждал я весны с таким нетерпением, и отправился в лес прямо в апрельскую оттепель… То и дело проваливаясь в сыром снегу, всё-таки добрался до дальнего тока, правда, в конце концов, на следующий день сломал лыжу в десяти километрах от деревни, и возвращался домой до глубокой ночи, вконец умаявшись. Но всю обратную дорогу не покидало приподнятое настроение, а на душе было непередаваемо весело.

X X X

Идёшь за грибами и под каждой елью воображаешь семейство крепких боровиков. Неутомимо заглядываешь под еловые лапы, тешишь себя предощущением желанной находки, а там только таинственная пустота. Наконец, попадается такая старая красавица-ель, что уж, кажется, она-то не может не скрывать в своей укромной тени хотя бы один белый, но и под ней ничего нет…

«Вот те на!» - восклицаешь в сердцах, после очередной неудачи, совсем отчаявшись отыскать желанный гриб. А находишь его нежданно возле какой-нибудь неказистой высохшей ёлочки, что незаметно становится для тебя самой красивой и дорогой.

X X X

Всё в ночном лесу, при лунном свете, кажется каким-то безжалостным и никчёмным, будто оно однажды умерло, но вот вдруг воскресло и не в силах постичь: во имя чего?!

X X X

Первый ноябрьский снежок не смущает легкокрылых комариков, они преспокойно перелетают, толкаются в воздухе, будто совсем не замечая его, и даже временами касаются тоненькими ножками стылой снежной поверхности.

X X X

Когда долго идёшь по берёзовому или осиновому лесу, даже по сосновому, все деревья, в своём надоевшем однообразии, постепенно становятся не важными для тебя, они попросту сливаются в ничего не выражающую древесную массу, и это плохо.

Нужно научиться воспринимать растение в лесу так, чтобы видеть и чувствовать его в отдельности, и это, оказывается, ничуть не утомительно и вполне достижимо, если распознал, как и дерево, своё место на земле, которое отстаиваешь, несмотря ни на что.

X X X

В лесу по-детски радуешься переживаемой в нём свободе.

X X X

И у зайца за мелкими зубчиками-резцами имеется свой клык.

X X X

В зимний мороз, если ты без варежек, никогда не станешь согревать руки дыханием, а засунешь их куда-нибудь за пазуху, под мышки, либо в глубокие карманы, весенним же утренником бежишь на лыжах, дышишь на покрасневшие ледяные кисти, но всё-таки не прячешь их.

X X X

Идёшь по лесу, где уже не однажды бывал, а в нём по-прежнему стоит особенная тишина, что неизменно хранит дремучие тайны.

X X X

Когда ты не живёшь в согласии с собой, а значит - и с Вселенной, тебе никогда не достичь понимания природы Бытия. И наоборот, пребывая в согласии с Божественным Существованием, и, соответственно, со своей внутренней природой, ты переживаешь гармонию, наполняясь цветением, желанием делиться собственной радостью, обретённой в постижении и себя, и окружающего мира.

Наполните своё внутреннее существо состоянием благости, не позволяйте себе оставаться пустым: ведь Вселенная полна чудес, почему бы и вам не заполнить свою жизнь ими? Недаром говорят: по пустому месту - хоть обухом бей!

X X X

Иногда в душе, благодаря нашей русской природе, возникает нечто лучшее, чем просто замечательные мысли о ней, и хочется, чтобы это лучшее потихонечку росло, зрело и никогда не прекращалось.

X X X

В первобытной животной силе нашего леса, которая может быть страшна, есть своя красота.

X X X

Зацветают по лесам липы, пахнет липовым мёдом, и на душе так хорошо и празднично, что ты этого даже не замечаешь.

X X X

Само стремление человека к природе – это, быть может, неосознанное желание опять иметь то хорошее, что он однажды утерял.

X X X

Красив и по-хорошему печален наш русский лес, как бы враждебно не относился к нему человек.

X X X

Русские люди, может быть, тем и сильны, что в полной мере и, наверное, более заслуженно, чем какой-либо другой народ, встречают, переживают и провожают все наши чудесные времена года.

X X X

Любая лесная птица, если к ней приглядеться, сказочна, и так и просится на картинку.

X X X

Снег в морозные зимние ночи словно прислушивается к звёздам, и впитывает их свет.

X X X

Нашему лесу, если он не будет окончательно изничтожен, предопределено научить человека разумно пользоваться всем, что может воспитать в нём хозяина жизни.

X X X

Если радость переполняет тебя, её невозможно выразить словами, и оттого появилось искусство, когда в музыке, танце и красках можно попытаться это сделать. Проживая жизнь всеми возможными способами, ты впускаешь в себя весь природный мир, и, наслаждаясь им, созидаешь. Выпивай всё существование без остатка, до дна!

X X X

Даже в самых справедливых словах человека может быть всё так и не так, и только в нашей русской природе живёт одной ей ведомая ясность, воспринимаемая людьми как нечто неоспоримое.

X X X

Зимой леса стоят совсем чёрные, весной – голубеют, летом изнывают от изумрудного жара, к осени же в восторженной растерянности замирают, будто раздумывая: какими бы красками ещё разгореться напоследок, перед тем, как угаснуть? При этом они, кажется, даже не замечают, что переполнены жизнью.

X X X

Линии сугробов никогда не выглядят замершими, они всегда музыкальны: постепенно в них угадывается и рояль, и виолончель, и фагот со скрипкой, и, на худой конец, махонькая дудочка-жалейка.

X X X

В русском человеке собрана вся наша природа, и её невозможно просто так растерять.

X X X

Преисполненный довольства августовский ветер, от избытка радостных ощущений, часто заводит с человеком нехитрый, но добрый разговор, в котором человеку достаточно просто молчать, слушать и думать.

X X X

Мартовский утренник как ничто крепит наш дух, возбуждая во всём теле недостающую для возрождающейся жизни бодрость.

X X X

Человеку всегда следует помнить: наш лес – источник той огромной силы, что ничем нельзя заменить.

X X X

Даже в жестокую январскую заметь, снегири не перестают изливать свои нежные трели, отчего зима не в силах сдержать улыбку, которую непременно угадаешь и тоже про себя улыбнёшься.

X X X

Жизнь человека, близкого к природе, есть всегда воспитание чувств.

X X X

Как замечательно сидеть в лесу у костра и спокойно думать обо всём, что происходило с тобой за день. Но ещё лучше, вообще, ни о чём не думать, а отдаться приятному ощущению слитности с окружающим лесным миром.

X X X

Кажется, осенний лист падает с ветки уже безжизненным, не делая никаких усилий, но оторвавшись – он будто обретает недостающую ему после долгой неволи свободу, и наслаждается этой единственной возможностью закружиться и полететь.

X X X

Ничто так не возвышает по весне людскую душу, как зрелище птичьего перелёта.

X X X

Если в состоянии гипноза человеку внушить, что огонь не опалит его, то он, без вреда, пройдёт сквозь него. Важно самому достичь такого уровня энергии, когда внутренние сомнения отсутствуют, и в этом, несомненно, помогает человеку наш лес, когда ты воспринимаешь его как божественный сад.

X X X

Самое трогательное проявление весенней поры – это робкий подснежник, что пробивается в недрах сугроба сквозь ледяную крупу.

X X X

Как красная тетеревиная бровь горит над лесом узкая декабрьская зорька, а сами тетерева ещё не проснулись.

X X X

Задорный мартовский ветерок и смел, и упруг, и задирист, а как до боли в глазах прозрачен и синь!

X X X

Лучезарный восход, завораживающий закат, а между ними – ослепительное золото роскошного июльского дня, что так и не успевает сгореть, а остаётся в душе до следующего, ещё более восхитительного восприятия разомлевшей от счастья летней поры.

X X X

Апрельский дождь застаёт оголённую по весне душу так ненавязчиво и робко, что она и не думает запахиваться, а только ещё более открывается и расцветает.

X X X

Летняя прекрасная ночь – ложе разгулявшемуся за день вольному ветру, где он в полном довольстве забывается в обнимку с божественной зарёй.

X X X

Мы не меняемся оттого, что всё время оставляем в себе что-то про запас, надеясь, что оно обязательно будет востребовано в будущем, придерживаем его в надежде, что оно когда-нибудь будет проявлено. Но, не выложив всё без остатка, Бога в себе не обретёшь, а где ещё можно выразить себя в полной мере, как не в общении с природой? Дверь к истине отворяется, только когда отдаёшь себя полностью.

X X X

Осенняя пустота, как ни странно, звенит на разные голоса, оттенки, звуки, и даже в угасающем сумраке ноября, когда, кажется, жизнь замерла, она до конца не истаивает, и в этом, казалось бы, ничем не занятом необъятном пространстве начинает угадываться необычайный простор для трогательных предзимних ожиданий.

X X X

Вечерние звёзды зазывают в гости, утренние – провожают в добрый путь.

X X X

Зимой оттого такая тишина в лесу, что деревья не переговариваются между собой, как осенью или летом, и не восклицают, а только прислушиваются друг к другу, думают и ждут всеобщего пробуждения.

Но иногда, где-нибудь в глубине января, на лес налетит сильный северный ветер, раскачает заснеженные верхушки, и деревья очнутся, недовольно застонут, и долго ещё будут вздыхать, охать и жаловаться неизвестно кому на то, что потревожили их величественный покой. А потом опять тишина, неспешные мысли и полусонное ожидание… Как хорошо!

X X X

Люблю лето за потаённость тенистых аллей и опушек, где, кажется, никого нет, но всё-таки кто-то присутствует.

X X X

Что лучше: звёздная летняя ночь или ясный мартовский полдень, величественный небесный свод сентября или бесконечно прекрасная сказка зимы? Несомненное счастье для человека – быть частицей этого многоликого мира.

X X X

Белое зимнее солнце, то и дело, ныряет в серых облаках, и, кажется, совсем не светит, но если не упускать случая, и понаблюдать за ним – вдруг обнаружишь, что оно не прячется, а играет.

X X X

От света зари шишки на ёлках приобретают малиновый сказочный вид и становятся похожими на обыкновенные новогодние игрушки.

X X X

Просто посмотришь какое-то время на бесконечное пространство русских лесов и полей, а вернёшься к себе уже с новым, углублённым на жизнь взглядом.

X X X

Красотой и мудростью природы можно насыщаться бесконечно, только нужно на время остановиться в её восприятии, суметь переварить вмещённое и обязательно от него избавиться, в чём-либо выразив.

X X X

От солнца, поблескивающего под ним наста и чуткого ветерка - молодой березняк как будто отрывается от земли и плывёт над ней нежно-сиреневым, вздрагивающим облачком.

X X X

В лесу ночью темень, хоть глаз выколи, а рысь да волк всё видят. Так и я, отправляясь на глухариный ток, никогда не забочусь о фонаре, и полагаюсь только на себя. Верю в скрытую во мне внутреннюю природу видеть и понимать даже в ночном лесу, где зверь без всякой необходимости тоже никогда не будет испытывать судьбу, а просто тихонько пройдёт в обход лишнюю версту, и воспримет это как должное, будто человек.

X X X

Среди стрекоз встречается такой вид, как «красотка девушка», и это поистине сказочное создание с тёмно-синими хрупкими крылышками, чрезвычайно изящным тоненьким телом, отливающим чарующим блеском, длинными грациозными ножками и огромными глазами, ничего не стоит поймать.

X X X

Без зверей и птиц лес будто сжимается… Но стоит в берёзовой чаще сорваться глухарю – и его пространство невероятно преображается, становясь бесконечным.

X X X

Горихвостки, как и все мелкие воробьиные птицы, отличаются изумительным постоянством в выборе какой-либо территории. Так, селясь каждую весну у меня в деревне, неизменно под карнизом дома, они, наверное, с неумолимой точностью возвращаются на зиму в один и тот же сад, где-нибудь в Экваториальной Африке…

Часто я силюсь представить этот сад, но у меня ничего не получается, и я начинаю завидовать маленьким птичкам.

X X X

Упоительная мартовская свежесть огромна: как живой родник, журчит всё утро, день, вечер, и ещё целую нескончаемую ночь!

X X X

Зимней буре, кажется, не будет конца, до того она случается безудержной и жестокой, но и она неохотно утихает в дремучей таёжной чаще…

X X X

Есть птицы и звери вполне предсказуемые, и встречу с ними можно вычислить, но иногда попадаются животные, с которыми сталкиваешься благодаря простому везению. Впрочем, везение это могло явиться результатом кропотливого общения с лесом, когда ты учился его живым примерам и оставался к нему честным, а однажды он отблагодарил тебя за это.

Ружьё же в руках легко переводит твою жизнь в такую плоскость, куда тебе всеми силами не следует попадать.

X X X

Только весной можно отрешённо нежиться на солнце, прислонившись спиной к стене лесной избушки, и не жалеть убегающего времени.

X X X

Сердобольный характер ежа никак не отражается на его чистоплотности, когда он оказывается в неволе, в человеческом жилье. Всю ночь он путешествует из угла в угол, оставляя после себя множество кучек очень въедливого помёта, перероет все газеты, а напившись под утро молока из чашки, засыпает прямо в ней, смешно свесив свои когтистые уродливые

лапки. Как говорится: такой невольки – ещё бы столько, она у ежа и скачет, и пляшет, и песенку поёт!

X X X

Намаявшись среди людей, в лесу человек, наконец-то, приходит в себя, потихоньку обретая собственную волю.

X X X

Вольно раскинувшееся по весне поле - будто распахнутый на груди добрый зипунок, и оказавшись в нём - порой набредаешь на такие места, где чувствуешь, как земля дышит и обдаёт теплом, будто из печки!

X X X

Смотришь на огромный, в два обхвата, ствол дерева, и не можешь поверить, что это мощное древесное тело созидалось невидимым воздушным пространством!

X X X

Неоднократно переживая в лесу бесконечные минуты и часы молчания, постоянно находясь в тишине и научившись слушать её, я однажды осознал, что становлюсь хозяином самому себе, а значит – способен выразить любое чувство по собственному желанию, в том числе – и расслабиться. Расслабиться в городской жизни крайне трудно, а вот в лесу, при полном понимании и принятии своей внутренней природы, это достижимо. Жизнь здесь не принадлежит кому-то другому, она только твоя, и ты просто наслаждаешься окутавшей тебя тишиной.

X X X

Кажется, велик ли ноябрьский день, а тянется порой так до нескончаемости монотонно и тихо, что начинаешь думать обо всей жизни, как о непостижимых сереньких сумерках, по всевышнему недосмотру оставленных на время над землёй, а вскоре и вовсе позабытых.

X X X

Запах обожжённого солнечными лучами снега в апреле источает суховатую горечь фиалки, которая, наверное, зацвела прошлой весной и вознеслась ароматным облачком на небо, откуда слетела ещё в начале зимы неприметной снежинкой.

X X X

Очевидно, что наше счастье зависит от наших мыслей, и оттого они должны быть созидательны, а если так, то каждый день может стать для человека началом доброго пути, это, несомненно, возможность изменить свою жизнь к лучшему, и нужно просто не бояться становиться счастливым, отправляясь в дальнюю дорогу, навстречу нескончаемым тайнам Вселенной.

X X X

Бывает, пройдётся зимой по уснувшему лесу крепкий ветер, разворошит его, и лес, на мгновение, проснувшись, взглянет так пронзительно чисто, что как будто бы и не спал.

X X X

Пугающе громко и в то же время плачуще отмечает филин осторожную полночь, но одиночество человека, заслышавшего в ночном лесу его уханье, сразу растворяется.

X X X

Выпал первый снег - и будто побелели серые вороны, галки и сороки.

X X X

Лягушки по весне кричат: «Кум! Кума! Где он? Где она? Помер! Помер! Померла! Померла! Давай плакать! Давай плакать! По ком? По ком? По нём! По нём! По ней! По ней!». И уж только потом: «Ква-ква, ква-ква, ква-а-а…»

X X X

Осенние сыроежки - что девушки на выданье: безупречны своими нарядными платьями, ароматом и нежными формами.

X X X

Ворон обычно отличает громкий нескончаемый ор, доносящийся со всех сторон, тогда как самих птиц ни в небе, ни на деревьях не видно.

X X X

Идёшь елово-пихтовым густым лесом и не чуешь его скрытого дыхания, но вот в каком-нибудь укромном уголке вдруг так пахнёт хвойным жаром, что вмиг околдует. Остановившись, растерянно присядешь на пенёк и жадно вбираешь живительный аромат…

Так, потаённо, бережёт чаща свой вековечный целительный дурман.

X X X

Сказать, что зимний вид великолепен, значит, просто неумело оговориться. Он сплетён из невероятного числа чудесных и еле ощутимых жизненных построений, что проявляются в природе именно к зиме. И все они, как ни странно, слагаются из снега, что и отражает их, и скрывает, но всегда чутко сопереживает всему, что происходит вокруг.

X X X

С виду прохладный и бесчувственный, осиновый лес источает еле уловимое бледно-зелёное свечение, исходящее от коры, и благодаря этому, как ни странно, становится теплее.

X X X

Сколько лет хожу в лес, но всё не в силах привыкнуть, вернее даже – забыть, как стремительно и неудержимо взлетают в лесной крепи красавцы-глухари, что завораживают своей неожиданной мощью, и хочется идти за ними в самую дремучую, непроходимую чащу.

И, работая долгое время в море, почти никогда не вспоминаешь неугомонных чаек, что постоянно кружат над головой, жалобно стонут и зовут в дальнюю дорогу, а ты их никак не воспринимаешь.

X X X

Когда научишься быть равным со всем, что окружает тебя в природе, то поймёшь, как абсурдно пытаться всего достичь и всё объяснить, вполне довольствуясь тем, что всегда находится рядом.

X X X

До сих пор не даёт покоя неразрешимая с детства загадка: потаённая тень, что, в противоположность свету, прячется в самых дремучих ельниках, всегда притягивала больше солнца.

X X X

Осень подступила со своими промозглыми ночными холодами, и лавина тёплых красок затопила леса…

X X X

Весной мы совершенно забываем о времени, и эта пора года, как никакая другая, приучает нас к мысли о бесконечности жизни.

X X X

Сине-зелёные, с прозрачными крылышками стрекозы доверчиво присаживаются на выгоревшие за лето головы и загорелые руки деревенских мальчишек, становясь от этого ещё прекрасней!

X X X

Молчание леса обычно не наводит тоски, а вот ветер может вызвать чувство одиночества, когда своими завываниями напоминает всеми забытого и покинутого изгнанника.

X X X

Переживая приближение весны, не стоит даже упоминать самые восторженные сентябрьские и величественные январские дни.

X X X

Как просто и радостно сознавать, что можно держать Большую Медведицу над левым или правым плечом, соизмеряя с ней свой ночной путь.

X X X

Каждый раз как будто навсегда теряешь родное лето, но всякий год оно возвращается.

X X X

Только бабьим летом, в отличие от июня, июля и августа, солнце становится по-особенному уверенным и добродушным.

X X X

Нужно научиться забываться в лесу, прежде чем сможешь почувствовать себя в нём чем-то.

X X X

Пара чирков-свистунков прочертит зеркальную гладь лесного озера, шумно взмахнёт крыльями белая цапля, напугав выводок отъевшихся за лето крякашей, и опять воцарится покой, то безмятежное состояние, когда не ведаешь – чего ждать, и от этого на душе не тревожно, радостно.

X X X

Когда цветёт земляника, в лесу ещё нет такого обильного и высокого разнотравья, что мешает различать отдельные цветы… Старые, протоптанные с осени тропинки не заросли, и ходить по ним очень приятно, с удовольствием разглядывая аккуратные беленькие цветочки с жёлтой сердцевиной.

Всё в природе чисто, доступно, необременительно, и, любуясь на цветущую маленькую земляничку, за листьями которой и пришёл в июньский лес, чтобы заваривать потом с ними чай, будто уже пьёшь этот живительный напиток природы, незаметно обретая жизненную стойкость и красоту.

X X X

Лес тем прекрасен, что сказочно дремуч.

X X X

Молодые берёзки, незаметно подтянувшиеся и возмужавшие прямо посередине старой вырубки, почему-то напоминают одиноких воинов на поле битвы, и даже светятся корой как-то по-особенному напористо и неустрашимо.

X X X

В зиму люди по деревням часто вынуждены скрывать друг от друга желание к общению, когда уже, кажется, не по разу посетил всех соседей, больше, вроде бы, некуда, незачем и не к кому пойти, и душу остро одолевает чувство одиночества…

Но в этом вынужденном переживании хочется видеть не злую обыденность надолго затянувшейся суровой поры, а её доброе участие, располагающее к заботе о своих соседях.

X X X

Ночуя в лесной избушке, нет даже мысли взглядывать в тёмные окна, ничего в них не видя, но сладостно представлять, как всё там, в ночи, происходит.

X X X

В марте, особенно под вечер, отчётливо нарастает шорох обрывающегося с крыш снега, подтаявшего за день, воздух необыкновенно ширится и окрыляет, всё становится сиренево-таинственным, многоликим, хотя настоящая весна должна наступить ещё не скоро.

X X X

Хорошо возвращаться мягким сентябрьским вечером из леса в деревню, когда свет в домах ещё не зажигали и окна чуть теплятся потухающей зарёй, а ты идёшь, убаюканный этой дремотной тишиной, и ничего больше не желаешь.

X X X

Омытый дождём сад почему-то сразу напоминает утраченное детство, и благодаря именно этому саду, посвежевшему и чистому, ты, как в детстве, впервые открываешь для себя существование неведомой природы.

X X X

Темна ледяная чистота осенних потаённых ручьёв, кажется, ничего уже не обещает, но вглядевшись в эту темноту, неожиданно обнаружишь в ней свой свет.

X X X

Обыденное слово «постель» сразу предполагает в себе лёгкую и белую, похожую именно на снег нежную прохладу, что стелется по земле белоснежной простынёй, и готова всех принять и обнять своей уютной чистотой.

X X X

Удивительно крепко сидит самка рябчика на гнезде, иной раз, подпуская человека на метр, чуть ли не вплотную! Сидит, смотрит, видит всё, что происходит вокруг, и даже бровью не поведёт, но если внимательно

всмотреться в её немигающий блестящий глазок, в глубине его заметишь отчаянную тревогу.

X X X

Даже когда застывают в камень последние грибы и волглый лист смерзается в сплошной хрустящий покров, в редкие солнечные утра ещё угадывается застоявшееся дыхание лета… Оно почему-то не уходит, замирает немым изваянием в самых неожиданных местах, и как будто напряжённо решает: что же ему делать дальше?!

X X X

После весны света и воды, с их проникновенной ясностью и ласковой теплотой, наступает, наконец-то, всеохватная и пышущая весна цветов, казалось бы, самая долгожданная, родная, но она уже, скорее, опьяняет и кружит, чем придаёт силы.

X X X

Ранней весной зацветают душистые ландыши, изящный подснежник, трёхцветная красавица-медуница, завораживающие лиловые колокольчики сон-травы с загадочным горицветом, неудержимо тянет к солнцу ярко-жёлтые головки мать-и-мачеха, а пчёлы слетаются за первым мёдом на цветы ивы…

X X X

В ноябрьские оттепели и берёзы, и дома, и дымки над крышами словно нарисованы мягким рассыпающимся угольком… Даже носатое вороньё, неловко переворачиваясь в невидимых потоках влажного воздуха, кажется, само вычерчивает в небе своё изображение - и тут же его стирает.

X X X

Морозные узоры на окнах так изящны и хороши, что часто на них никто не обращает внимания.

X X X

Постепенно приходишь к тому, что даже не любование, каким бы продолжительным оно ни было, а только кропотливое и вдумчивое всматривание в природу, не думая о времени, приносит истинное удовлетворение. Природа сама пригласит тебя в свои собеседники, когда

почувствует, что ты преодолел поспешность и суету, и, наконец, готов к неторопливому разговору.

X X X

Глядя на цветы подснежника, никогда не подумаешь о скрытой в них силе яда, что часто используют при лечении мышц и суставов, но именно благодаря этой потаённой силе недоумённо переживаешь тихое поклонение, даже – почтение, когда ласкаешь взглядом чистые и трепетные головки.

X X X

Все мыши чиркают хвостиком по снегу, оставляя на нём изящные росписи-завитки, а малютка несёт свой хвост столбиком, как белка, потому что, наверное, ещё не научилась писать.

X X X

Разве вздумаешь подбирать в лесу подходящее имя для Бога, но стоит ему обозначить себя папоротником, сосной, мхом, ручьём или лишайником, и сразу приметишь это его простое лесное обличие, и возрадуешься.

X X X

Простая правда леса, без прикрас, всегда кажется невероятной, как и осенняя красота, что не боится увядания, и даже напоследок дарит только удовлетворение и радость.

X X X

Заяц на лёжке всегда основательно утаптывает под собой снег, чтобы первый прыжок, в случае тревоги, получился длинным и стремительным.

X X X

Странное забытье испытываешь ночью в лесу, когда вроде бы и проснулся, а прийти в себя до конца не можешь. Так, не очнувшись, и живёшь до утра, и даже с рассветом в тебе не рассеивается что-то тревожное и тёмное, как несмолкающее таёжное эхо…

X X X

Помнится, в детстве мне не составляло никакого труда выхватывать из травы за яркие головки вёртких ужей, безбоязненно помещать их за пазуху, и

чуть ли ни весь день носить так в рваной майке, время от времени вытаскивая их извивающиеся тела и пугая ими девчонок.

Увидев же однажды, в зрелом возрасте, безобидно свернувшуюся на пеньке змейку, мгновенно пережил липковато-отталкивающее, неприятное чувство, и оно ещё долгое время возбуждало в душе суеверный ужас.

X X X

О еже принято думать, как о молчаливом зверьке, но он не безголос и, раздосадованный чем-нибудь, часто издаёт пыхтенье, хрюканье, неожиданно резкий крик, и даже, как не странно, мелодичный свист!

X X X

Человек может в любой момент жизни оказаться в гибельных снегах или в незнакомом дремучем лесу, но самое главное, чтобы он очутился там заслуженно, в согласии с самим собой и окружающим миром.

X X X

Будто разбойник, неприметно и тихо, подобралась вдруг осень, и в одну ночь подожгла все леса.

X X X

Никогда, даже в самые пасмурные дни, небо не бывает серым равномерно.

X X X

В лесу всегда думаешь только о самом главном и близком, о том, что под рукой, и что кроме тебя никто не сделает, и это дело, которое для обыденной жизни в городе почему-то оказывается невероятно трудным, сейчас, в лесу, воспринимается необыкновенно легко и просто.

X X X

Вынужденный изо дня в день летать в поисках добычи, канюк, наверное, предаётся невесёлым размышлениям.

X X X

На дворе мечется лютая январская вьюга, завывает диким зверьём, но за окнами с синими узорами всё происходящее представляется таинственным и интересным.

X X X

Бывает, прогремит разудалая, дружная весна, а ты так и не наломаешь букет черёмухи или сирени.

X X X

Специально для игры волчица приносит детёнышам сухую лосиную ногу с копытом или большую медвежью кость, которую они пытаются друг у друга отвоевать и куда-нибудь утащить, но ничего у них не получается. И тогда волчица забирает кость, и прячет её сама, чтобы маленькие звери учились становиться большими, проявляя изворотливость и смекалку.

X X X

Потерянную или ещё не обретённую мысль человек способен отыскать именно в природе, в самом её обыденном проявлении. Это может быть капля росы, неприметное растение, либо солнечный блик, затерявшийся в его листве…

Но когда в лесу не находят объяснения тому, что не давало покоя, и не в силах увидеть чудо, обычно ссылаются на счастливый случай, который будто бы ещё не наступил. На самом же деле, это чудо - всего лишь редкое отражение его бесчисленных загадок, пока недоступных многим нелюбознательным людям.

X X X

Постоишь под ёлкой, послушаешь нежный пересвист синиц и вздохи ветра в её ветвях, и это молчание покажется полнее самого содержательного разговора.

X X X

Бесчисленные жаворонки стремглав бросаются сверху в цветы, и опять взмывают ввысь, настраивая между землёй и небом невидимые нежные струны.

X X X

До чего же хорошо вслушиваться в ночное пение сов и ветер, когда они будто перекликаются между собой, вовлекая в свою игру и твоё смятённое весной сердце.

X X X

Есть в природе и отцовский грозовой гнев, и материнская благосклонность, и нежность ребячьей улыбки.

X X X

Не всегда возможно созерцать в природе избыток тишины и счастья, что присутствуют в ней постоянно, а только в отдельные, наиболее удавшиеся тебе часы и минуты.

X X X

Сладко жужжат пчёлы в тяжёлой, как мёд, июльской тишине, и в какой-то миг подступает такое упоение от всего происходящего вокруг, что не нужно уже никакой воли, как весной, а только бы лилось и никуда не утекало это безбрежно дурманящее лето.

X X X

Во всём есть великий и замечательный смысл: в текущей между крутых берегов дикой реке, в умиротворённо замерших под снеговым покрывалом полях и в удивительных красках осени, какие никогда не используют люди. А ещё - в моей восьмидесятилетней соседке-бабушке, когда она тихонько сидит у окна…

В избе мирно тикают настенные часы, кошка сонно урчит на печке, и вдруг бабушка, после долгого молчания, промолвит: «А снегу-то сколько на крышах!»

X X X

У кого, как не у зверя, научишься соизмерять желания и реальность!

X X X

Полынь горька, обыкновенна и сиротлива, она не обладает таким ярко выраженным ароматом, как кипрей, липа или лабазник, но попробуйте угадать её запах, приблизив растение к себе, и вы будете повергнуты множеством его самых разнообразных оттенков!

X X X

Выпал первый снег, и деревья облегчённо поникли под его тяжестью.

X X X

Порой выдаётся такой богатый на рябину год, что ягоды алеют аппетитными гроздьями всю зиму, и даже остаются нетронутыми до самой весны, но снегири не обращают на них внимания, а усиленно обклёвывают засохшие семена сирени.

X X X

К концу зимы лисы справляют свои свадьбы по оврагам, волки – в давно затянувшихся вырубах, и только зайцы – на открытых солнцу полянах!

X X X

В лесу, в первую очередь, поражает пространство, которого, вроде бы, нет, оно пронизано бесконечными древесными стволами. К тому же, их венчают могучие кроны… Но именно здесь, среди высоких деревьев, ты сам себе начинаешь казаться выше.

X X X

Те лесные существа, что толпятся ночью у входа в охотничью избушку, нужно обязательно впустить… Но когда, собравшись с духом, отворишь дверь, они сразу исчезают.

X X X

Запах расцветающей черёмухи обычно заполоняет собой всё весеннее пространство – кружит, дарит непередаваемые ощущения, куда-то уносит. Он почти неуловим и удивительно мягок.

Но вот подстрелишь по осени рябчика, зоб которого до отказа набит черёмуховыми ягодками, начнёшь его обдирать - и в нос ударит аромат черёмуховых косточек, что ощущается не менее таинственно и завораживающе, но уже очень резко, насыщенно и пряно.

X X X

Бывает, засмотришься на аккуратного, будто кем-то ухоженного снегиря, на его атласную чёрную шапочку, пунцовую грудку и чутко

вздрагивающее нежное горлышко, и вдруг понимаешь, что в таком маленьком красивом тельце живёт тонкая и трепетная душа!

X X X

Радостно сознавать, что и темень еловой чащи, и нежная бабочка-голубянка произошли от одного и того же.

X X X

Бесконечные, смешавшиеся между собой дни швыряет золотыми пригоршнями сентябрь, и они, точно блестящие монетки, рассыпаются по всей земле, но никто их не собирает, будто не замечая.

X X X

Выйдешь апрельской ночью из лесной избушки и не можешь надышаться запахом оттаивающего мха, коры и прелых листьев, а сырой ветер мягко обвевает лицо, шелестит в хвое и, роняя с ветвей последние комья снега, разрывает сердце на части.

X X X

Природа предполагает у человека такое состояние духа, которое невозможно без переживания им совершенной свободы. Постоянно ощущая её в себе как частицу Бога, то есть душу, каждый имеет всё необходимое, чтобы когда-нибудь стать сильней.

Однажды ощутив это состояние свободы, и избрав единственно верный путь к самому себе, человек уже ничем не сможет быть на нём остановлен, а божественная природа будет ему только благодарна за его терпение, несгибаемость и волю.

X X X

В детские годы, когда я ещё, конечно, не помышлял заниматься литературным творчеством, мне часто приходилось бывать с отцом в лесу, непроизвольно впитывая его краски, запахи и звуки, но я никак не реагировал на них: они будто протекали мимо, не оставляя в душе какого-то значимого следа.

Сейчас же я думаю, что в этих лесных прогулках под воздействием сгущающихся осенних сумерек, зарождающегося летнего утра, росы на листьях, проникновенной весенней тишины или благоухающего аромата ландыша, во мне и зарождалось то обострённое восприятие природы,

благодаря которому я однажды начал писать, пытаясь максимально проникнуть в суть вещей и явлений.

X X X

Однообразным кажется медленно падающий снег, но если присмотреться, то каждая снежинка опускается не просто так, а с оглядкой, будто выбирая себе место.

X X X

К возможной встрече с любым зверем надо готовить себя загодя, порой – очень долго, а происходит она всегда внезапно.

X X X

Порой, созерцая обыкновенное распускание цветка, даже после многолетнего, самого кропотливого и пристального наблюдения за природой, не находишь для всего происходящего иного определения, кроме как – чудо!

X X X

Человеческая душа чувствует себя наиболее свободной не в открытом поле или на берегу реки, а почему-то только среди деревьев, и именно в лесу.

X X X

Есть в молчаливой горбоносости лося, в его застывшей, словно окаменевшей, фигуре нечто такое, что отождествляет зверя с каким-то древним лесным призраком, беззвучно следующим через самые дремучие и таинственные чащи, и остающимся недосягаемым.

X X X

Иногда мне начинает казаться, будто я вижу ветер, который неистовствует над низиной таёжной реки, взлетает над высокими старыми елями, и я, не двигаясь, провожаю его глазами, впитывая всем своим существом, пытаясь запомнить, но как только ветер исчезает, перестаю думать о том, как он выглядит.

X X X

В лесу бывает, что кто-то вроде позовёт тебя, а ты сразу встрепенёшься, оглянешься и, осмотревшись, будто отойдёшь от колдовского сна, который мешал тебе жить.

X X X

Весной, в половодье, лиса не трогает зайцев, оказавшись с ними на плавучем острове: в эту пору все звери спасаются от беды вместе.

X X X

Когда приходит лето, кажется, что оно невозмутимо воцаряется на целую вечность!

X X X

Умение довольствоваться малым, что чаще проявляется в лесу, есть истинное понимание жизни, то есть – возможность всегда чувствовать себя счастливым.

X X X

Любовь человека или сохатого, по своей сокровенной сути, ничем не отличается одна от другой: взгляд, прикосновение, соединение и полное слияние.

X X X

В первой ледяной лужице крестит весна апрель, и он на весь свой срок становится звонким и чистым!

X X X

Ни у одних птиц не встретишь такие великие побоища, как у крохотных воробьёв.

X X X

Пурга, застав в дороге, не голосит, как метель, надсадно в спину: «О-о-ой-й, пока не поздно - возврати-ись!», а налетает мгновенно и, ослепив, просто забирает с собой.

X X X

Иногда такое простое и обаятельное устройство русской природы бывает непонятно самому русскому человеку, так что он ведать ни ведает, как это её простое обаяние объяснить.

Вот течёт тихая речушка, над ней, по склону невысокого холма, прилепилась махонькая деревенька, и тут же разлёгся важный лесок, а что там, в лесу, не ясно: то ли ягоды и грибы, то ли волки…

Но в душе всегда почему-то радуешься этому ничем не примечательному виду, как какой-нибудь неожиданной и очень желанной находке, и ничего иного не желаешь.

X X X

Увидел однажды, что медведь, то и дело, приседая на задние лапы, очень смешно, по-бабьи, ходит вокруг дерева и примеривается, как бы половчее его задрать. Но я даже не помыслил при этом улыбаться, а только отрешённо наблюдал, не в силах оторвать взгляд от зверя.

X X X

Всегда кажется, будто в ночном лесу живёт нечто, смотрит на тебя, знает всю твою подноготную, но никак себя не проявляет.

X X X

После своенравной зимы, не желающей сдавать своих позиций, весна представляется такой же строптивой, то опережая саму себя, то отставая, и только лето всё выровняет и успокоит, отчего и на душе, наконец, воцаряется благостное умиротворение.

X X X

Особенно восторженными выглядят вершины сосен перед заходом солнца, когда ожидают прилёта красавцев глухарей и золотистых глухарок.

X X X

Осенью не выходишь на двор посмотреть – чисто ли небо, а принимаешь всё происходящее в природе как должное.

X X X

В июне дни ложатся, удобнее укладываются,
в июле – растекаются,
в августе – приподнимаются к небесам,

в сентябре – они готовы куда-то лететь,
в октябре – тихо растворяются повсюду, они везде и нигде,
в ноябре – чего-то ждут, затаившись,
в декабре – начинают робко показывать себя,
в январе – уже подбоченившись, чуть ли не пляшут,
в феврале – мятущиеся, не находят себе места,
в марте – пронизывают собой,
в апреле – обмякают, много и не по делу плачут,
в мае – вообще теряются, но далеко не убегают, к началу лета, наконец, обретая покой.

X X X

В детстве, на глухом лесном озере, чернеющем своей таинственной глубиной, мы с деревенскими мальчишками бесхитростно забрасывали лесу с крупным тройником на самую середину, где гуляли у поверхности толстогубые ленивые язи, и, зацепив их за бок или красный плавник, запросто выводили рыбу на берег.

X X X

Весной всегда кажется, что самое настоящее в твоей жизни – впереди, а всё предыдущее было лишь необходимой подготовкой.

X X X

Мне нравится смотреть, как волк, рысь или лисица при встрече с опасностью прижимают уши к затылку, будто выказывая робость и послушание, но на самом деле - это только обаятельное ухищрение зверей, призванных лесным богом выжить и молниеносно напасть, чтобы спасти свою шкуру.

X X X

Настороженая тишина морозных январских ночей, в преддверии радужного февраля, нисколько не угнетает, а уж если представишь себе ослепительный март, то и вовсе воспримешь её за сказочно крепкий утренник, который хоть и обжигает так, что дух захватывает, но всё же несказанно веселит!

X X X

Притаившись в тени хвойных ветвей, ждёт кого-то крепкий боровик, но не торопится себя объявить.

X X X

Не каждому дереву осенью дано быть красивым… В отличие от берёзы с осиной, ольха свои листья держит крепко, до самой поздней осени, и что примечательно – опадают они почти зелёные, хоть и покоробленные. Ольха будто несёт в себе вечную молодость, не желая сгибаться перед непогодой.

X X X

Весеннее небо в апреле, как набрякшая почка: с каждым часом всё бухнет, наливается живительным соком, и вот-вот лопнет, а маленький куличок-бекас будто сшивает его своим неудержимым полётом, когда, радостно взвизгивая и постанывая, всё крутится, падает и вновь взмывает в необозримую вышину.

X X X

Никогда лесная красота не стесняла мне от счастья душу, а только радовала и окрыляла.

X X X

На самой макушке розовеющей в лучах восходящего солнца сосны настукивал большой пёстрый дятел, и дерево звонко и мелодично стонало от переживания своей могучей зрелости…

Обняв шероховатый ствол и приложив к нему ухо, я с замиранием сердца вскоре почувствовал этот сладостно музыкальный гул в самом себе, через меня стремительно ускользающий вглубь земли, и не в силах был оторваться от него.

X X X

Неумолимый октябрь остужает запахи, звуки, желания, а жизнь становится ещё загадочней и краше, чем весной или летом.

X X X

В мартовские морозные утра синие тени так заманчиво и уютно выступают на снег из-за широких елей, что хочется потрогать их руками.

X X X

Трава - это непрерывно текущий поблизости природный источник.

X X X

Из всех певчих птиц только жаворонок в воздухе купается.

X X X

Осенью обычно бредёшь наугад, больше глядя под ноги, весной – устремлено летишь, не чувствуя под собой земли.

X X X

Звери и птицы живут настоящим днём, вкладывая в него всё своё жизнелюбие.

X X X

Бродя по лесу, животных обычно почти не слышишь и не видишь, но всё время сталкиваешься с немыми свидетелями богатой лесной жизни. То обнаружишь старый выцветший рог, когда-то сброшенный сохатым, то красивые перья птицы, разодранной хищником, то осиное гнездо или колоду, растормошённую медведем в поисках лакомых яичек, и эти немые свидетели порой рассказывают о лесе неизмеримо больше, чем непосредственно его обитатели.

X X X

Забавные повадки медведя вполне соответствуют его не простому характеру.

X X X

Когда шагаешь по весенней дороге, ветер всегда дует навстречу.

X X X

Отдалённое дыхание осени порой навевает печаль более неизъяснимую и тяжкую, чем её самая слякотная пора.

X X X

До самых крутых морозов сохраняет сирень изумрудные листья и, если бы не долгая зима, кажется, зацвела бы под Новый год!

X X X

Я предполагаю, что волк и лисица могут улыбаться, но вряд ли над кем-либо потешаются.

X X X

Идя по сырой лесной дороге, усыпанной хвоей и сосновыми шишками, приятно ощущать, как они пружинят под сапогами, и земля совсем не ощущается.

X X X

Если привелось наломать елового лапника на постель у костра, или не удержался и порадовал себя по весне букетиком медуницы, то извинись перед растениями, поблагодари и пообещай, что сам когда-нибудь явишься для них источником жизненной силы.

X X X

Каждое осеннее утро является к человеку с обновами, но у осины – самое богатое воображение.

X X X

В начале апреля столько всего встретишь в лесу за целый день, что и рассказал бы обо всём увиденном, да некому. Но никогда не сможешь объяснить кому-нибудь в городе, как упоительно пахнет там весной, талым снегом и разомлевшей хвоей.

X X X

Глухарь, в самый разгар тока, что было сил, точит и щёлкает, порой даже хрюкает и щебечет, а чего-то главного у него так и не выходит. Это понимаешь, когда заканчивается очередное колено песни, а его хочется продолжить…

Но глухарь всё равно пробует, не перестаёт надеяться, что на сей раз у него всё получится, и, надо думать, своего добьётся.

X X X

Зимняя луна и падающий снег умиротворяют лучше любого человеческого слова.

X X X

Когда увидишь, как рысь мягко спрыгивает с ветки, в первое мгновение с удовольствием представишь себя таким же красивым и ловким зверем.

X X X

Никто в лесу, наверное, и не замечает лаковые копытца лося, кабарги и уж тем более – крохотного оленёнка.

X X X

Любой цветок, если внимательно к нему приглядеться, так или иначе копирует солнце, и больше всего это удаётся одуванчику. Он дружит с солнцем, во всём ему подчиняется, и не может без него жить.

На ночь цветы сворачиваются в золотые корзиночки, словно стыдясь соперничать со звёздами, но поутру вновь открываются навстречу свету, и уже беззастенчиво слепят глаза тысячами маленьких солнц!

X X X

Не хочу уже просто выбегать поутру на майский двор, подставлять лицо солнцу и слепнуть от его проникновенного света, а люблю замирать, сидя где-нибудь в тени ограды, и чутко вслушиваться во все доносящиеся с улицы звуки.

X X X

От осенней зари остаётся чуть заметно розовеющий след, а ты всё на что-то надеешься, смотришь на потухающее небо и не веришь, что незабываемый сентябрьский день вот так, просто, возьмёт и закончится, и его уже никогда не будет.

X X X

Никто, кроме обыкновенной крохотной синички, не в силах так тонко передать всю грусть онемевшего осеннего леса.

X X X

Любуясь по весне на умиротворённые, будто умытые ёлочки, вмиг заражающие своим мудрым спокойствием и тишиной, сразу понимаешь, что голова всем деревьям в лесу - ель, а сосна, берёза или осина с ольхой лишь прекрасное ей дополнение.

X X X

Самое время искать волчье логово в самом конце весны, когда волк-отец или волчица таскают детёнышам зайчатину, и как только выпадет, на удачу, последний майский снежок, иди по его следу, и он непременно приведёт тебя к зверям.

X X X

Подлинная радость начинается тогда, когда я оставляю всякую внутреннюю борьбу с непроходимой лесной чащей, и предоставляю слово ей.

X X X

Печёт июльское солнце, земля пересохла, и цветы изнемогают от жары, но никогда они не пожалуются, не запросят воды, а терпеливо ждут дождика и улыбаются, чуть покачивая жёлтыми, белыми и золотисто-лиловыми головками.

X X X

Как на крыльях, качусь я по утвердившемуся к марту насту, лыжи еле слышно поскрипывают, солнце неуклонно зажигает снега, и мне видно всё, что происходит в лесу.

X X X

Черёмуха всегда кажется приподнятой над землёй, легковесной, даже с появлением глянцевых, аккуратно поблескивающих и исполненных тихого восторга ягодок, а вот калине надо широко рассесться и замереть так, как барыне, обременённой янтарными гроздьями и своими непонятными мыслями.

X X X

Манит зверя зимняя спячка, притупляет в нём звериное начало, и постепенно обнажает милое дитя, которому бы только уютнее уткнуться носом в собственный бок, причмокнуть губами и сладко заснуть.

X X X

В начале осени, рано поутру, выдаётся редкий денёк, будто вылитый из прозрачного синего стекла, разукрашенный позолотой, и хотя к полудню он незаметно истаивает, вся его красота не пропадает, а перетекает в пронзительно-синеющую сказочную даль.

X X X

Весной через растворённое окно в комнату с шумом врываются разные запахи и звуки, а из дома, наоборот, неслышно выскальзывают перезимовавшие в нём невидимые существа.

X X X

В лесу не хочется говорить даже шёпотом, что, кажется, раскалывает тишину.

X X X

Катится по коре еловая чистая смола, слеза слезой, но через какое-то время застревает в расщелинах, густеет и наливается мутновато-белёсой лечебной желчью.

X X X

Мы любим и лето, и осень, и зиму, но весь год мечтаем о своей весне.

X X X

Качаются на розовеющих шишках бордовые клесты, и оживают еловые верхушки, сдержанно вспыхивая изумрудным огнём в лучах скупого зимнего солнца.

X X X

Всегда кажется, будто ты первым услышал жужжание пчелы в апреле.

X X X

Если природа не дала зверю возможности быстро бегать или постоять за себя, она наделяет его способностью притворяться мёртвым. Например, барсук проявляет невероятную выдержку, когда его треплют собаки, и не подаёт никаких признаков жизни в рюкзаке охотника, пока не окажется на свободе.

X X X

Крайне редко показывается в ноябре солнце, но даже тогда почти уснувший лес становится цветным.

X X X

Странное это было для меня время, когда я ходил лесами, чего-то искал и, находя, вновь устремлялся в свой поиск. Так, постепенно и незаметно, открывался себе я сам.

X X X

Подумаешь про ёлку - и уж обязательно вспомнятся и грибы, и белки, и рябчики с глухарями, и моховой ковёр, усыпанный ягодками брусники, и пунцовые шишки, будто ёлочные игрушки, замершие в её верхушке, и верная надежда, что найдёшь свою келью и под елью… Толкуй про сосновое, а еловое крепче!

X X X

Чуткий зверь не обращает внимания на разнообразные лесные шорохи, но замирает на тропе, услышав неожиданный пробег ветра по кронам деревьев: нужда у зверя верхним чутьём слышит.

X X X

На только что вытаявшей весенней опушке стоит пряничный дух и леденцовая свежесть!

X X X

И в зимнем безмолвии угадываешь волнение трепетного лесного сердца.

X X X

До середины апреля порой спит медведь в берлоге, шуба его подмокает, но он всё равно не встаёт, и уж только когда совсем придёт крайняя нужда - с великой неохотой выбирается наружу.

X X X

Умершие от старости или поваленные бурей деревья в лесу ничуть не жалко, тогда как в городе они вызывают необъяснимые переживания, боль и тревогу.

X X X

У леса своя жизнь, у людей своя, но лес, в отличие от человека, всегда и для всех открыт.

X X X

Только на миг появилась у опушки огненная лисица, чуть повела носом – и сразу тебя охватила неописуемая радость!

X X X

Невозможно утолить потребность вдыхать хвойный аромат, и чтобы избавиться от этого чарующего колдовства, вынуждаешь себя отказаться от него.

X X X

Без страха взираешь на лениво шествующую по просеке рысь, и невольно переживаешь вместе с ней всю её величественную красу и негу.

X X X

В лесу хорошо думать о чём-то одном, и всегда додумывать до самого конца.

X X X

В ольховнике или осиннике ольха всегда теснит ольшинку, а осина – осинку, но вот в березняке, как бы кучно не росли между собой деревья, никогда не возникает ощущения, что берёзы толкаются и мешают друг другу.

X X X

Хорошо ходить по лесу, и где-то поблизости ощущать лося, медведя или огненно-рыжую лисицу.

X X X

Как бы ты не был бескорыстен в отношении к лесу, он всё равно отблагодарит за твои душевные и физические затраты.

X X X

В конце лета, под самую осень, рык из звериной утробы сохатых вырывается особенно протяжно и звонко.

X X X

Начало лета, по опушкам буйно цветёт шиповник… Будто розовый прибой подкатывает он к неведомому лесному берегу, но никогда не нарушает его границ, лишь обдавая изредка жарким дыханием глубинного аромата, словно произнося кому-то еле уловимые, благоухающие благодарностью слова, и, не добившись ничьего расположения, не перестаёт испускать благовонный дух, неудержимо заполняя собой всё лесное пространство.

Лес, кажется, взял силу, по опушке - деревьев в нём уже не узнать, и только дуб ждёт какого-то неведомого тепла, да только когда ещё развернётся на нём лист в заячье ухо? Но недаром в народе говорят: держись за дубок – дубок в землю глубок! Все рады, что пришло бескрайнее лето…

X X X

В погожие апрельские сумерки, под вечер, молодой свет весны никак не хочет уходить, без устали роится снаружи домов, и настойчиво пытается проникнуть внутрь… Так велика сила его нерастраченной жажды жизни!

X X X

Произносить слово «цветы» - весело.

X X X

Часто бывает так: природа касается человека своим божественным крылом, но он не готов к её восприятию, так как не потрудился душой, и оттого суетится, бегает, восторгаясь увиденным, а обрести радость не может.

X X X

Представляя скитающегося в лесной чащобе медведя, я никогда не воспринимаю его как страшного и свирепого зверя.

X X X

Поздняя осень… На дворе холодный ветер и моросящий дождь, слизкая земля и жуткая темень, кажется, всё умерло, а на душе много тепла, света, и очень хочется жить!

X X X

Даже забравшись в самую глубину дремучего леса, нелегко предаться переживанию полной тишины, непрерывно простирающейся вокруг и в нас самих. Восприятие уже сместилось, но мысли ещё присутствуют, и не так просто наслаждаться тем, что с тобой происходит, ощущая, как протекает рядом Божественное Мироздание. Полное слияние с ним происходит только с осознанием себя.

X X X

Иной раз пурга так разгуляется, неудержимо задувает навстречу, пронизывая насквозь, что можно наклониться на неё, почти лечь, и не упадёшь.

X X X

Когда молодой Шопен создавал свои неподражаемые ноктюрны, за окном у него, наверное, бушевала не весна, а безудержная метель.

X X X

То, что самый ценный жир у медведя, по мнению знатоков, сосредоточен в подошвах, объясняется, наверное, его неприхотливым образом жизни, что предполагает неспешное бродяжничество по цветистым лугам, укромным болотам и чудодейственным лесам, где ещё сохранились дикие пчёлы, дышат скрытым теплом величественные муравейники и необыкновенно дурманит голову хвойная тьма.

X X X

Старый лес всегда величаво неподвижен: он всё видел и познал.

X X X

К весне всё в лесу ещё укрыто чистым снегом, но вкусный запах свежести появляется, только когда с ветвей сорвётся мокрая снежная глыба и, шлёпнувшись, разлетится прозрачными брызгами!

X X X

С детства помню, что натруженные ладони бабушки всегда пахли нагретой на солнце полынью.

X X X

Часто во сне мне видится почему-то ночной лес, залитый лунным светом, и будто я стою в этом лесу, свет пронизывает меня насквозь, и нет никакого страха перед обступающей темнотой.

Но как отправлюсь на самом деле по ночной дороге в нескончаемую лесную чащу, то тьма, чаще всего, только сгущается, лунный свет отсутствует, и всё более растёт непонятная, стесняющая тебя отчуждённость, что, впрочем, тоже постепенно становится приятной.

X X X

Грибы кажутся созревшими плодами огромного дерева, уходящего корнями в самую глубь земли.

X X X

Иной раз звери прямо выбегают на меня в лесу, по-видимому, чувствуя моё доброе отношение к ним, а может быть - не замечая ничего плохого.

X X X

И горькая полынь источает тонкий аромат.

X X X

Это удивительно, но так оно и есть: в лесу даже в минуты самого высокого физического напряжения не перестаёшь замечать все происходящие вокруг перемены.

X X X

С наступлением марта, особенно в оттепель, от леса исходит сырой аромат снега, талой коры и хвои, что поначалу крадётся к жилью человека мягко, по-кошачьи, но к концу апреля просто ошеломляет своим напором.

X X X

Жизнь так устроена, что рано или поздно пропадут незаметно яркие первоцветы, притихнут восторженные птицы, и лёгкую весеннюю радость вдруг сменит тяжёлая ответственность за весь предстоящий год.

X X X

Всякий зверь, в первую очередь, жаждет не расправы, а покоя.

X X X

Вот ведь что интересно: за полвека жизни у меня накопились достаточно глубокие знания о многих зверях, птицах и растениях, которые я постоянно пытаюсь, как можно более точно, выразить в своих рассказах, максимально приблизившись к пониманию их глубинной сути.

Но даже в этом утвердившемся знании природы, проверенном за годы неутомимых наблюдений, порой совершенно теряюсь оттого, что любой цветок, в пору своего весеннего или летнего расцветания, возбуждается, температура его соцветия повышается по сравнению с температурой окружающего воздуха, и это привлекает насекомых, которые стремятся в эту пору к теплу.

X X X

Только человеку дано прославлять синие глаза марта, тогда как сам месяц просто смотрит и сияет.

X X X

Вой волчьей стаи и разбойничий свист бури родились, наверное, в единой утробе.

X X X

Поздняя осень в лесу… Какая ещё пора может быть более грустной и, тем не менее, самой милой для человека, привыкшего бродить с ружьём по нехоженым тропам, никого не убивая?!

X X X

Ныряю в каждый летний день, как в июльский, разомлевший от жары деревенский пруд, и всё не могу в нём наплескаться, пропитавшись, наконец, его бесконечным довольством.

X X X

После первого весеннего грома дождь всегда радостный, напористый, и у него ещё нет желания ластиться к земле.

X X X

Утраченная человеком способность удивляться - в лесу, рано или поздно, возрождается.

X X X

Осень в деревне тем хороша, что чувствуешь, как быстро и сладко утекает куда-то жизнь, а ты будто ничего не теряешь.

X X X

Матёрый волк, что замыкает хвост стаи и внимательно стережёт её тылы, давно забыл, что называется жалостью к самому себе, и именно поэтому проявляет её и к прибылым, и к переяркам, и к самой волчице, идущей впереди…

X X X

Умереть - это значит, подобно дереву, принести здоровый, вкусный и полезный плод, которым, на своё счастье, смогли бы воспользоваться другие.

X X X

Любовь к природе рождается не в лесном краю, а в душе, если она привыкла трудиться.

X X X

После первого выпавшего снега деревья предстают в двойном изображении – белом и чёрном, и этого достаточно, чтобы всё вокруг ожило.

X X X

Весенний простор земли так огромен, что боишься дышать, и только вкрадчиво вслушиваешься в своё сердце: оно сейчас для тебя и небо, и воздух, и неудержимая вешняя вода.

X X X

Ничего не ответишь каркающей вороне, стрекочущей сороке, сердобольно возвещающей о чём-то сойке, и только ухающей в сгущающихся сумерках сове тихо промолвишь: «Здравствуй, сестра!», а если неподалеку подаст голос волчок, тихо промолвишь: «Мой серый брат».

X X X

То зажигаются, то угасают ночные светлячки в весеннем лесу, будто звёзды вспыхивают между деревьями… Вроде бы, ничего особенного не происходит, а печали - как не бывало.

X X X

В сентябре, у костра, и чай воспринимается огненным и ароматным, как пылающая осень.

X X X

Веет ветер и на земле, и в небесах, но всегда в нём угадывается стремление радоваться и созидать, проникая в человеческое сердце.

X X X

Какими бы заслугами или огрехами не обладали всем нам известные звери, но у волка хвост в народе всегда назывался «поленом», а у зайца – «цветком».

X X X

Лягушки по весне орут свои дикие песни.

X X X

Оглушённый пережитым в лесу страхом, человек, сам того не подозревая, становится более глубоким и чутким.

X X X

Осенняя темень тяжела медвежьей поступью и смрадным дыханием зверя, но от этого она не пугает, а только ещё более завораживает.

X X X

Служить духам рек, холмов, гор, лесов и родников - значит, служить самому себе.

X X X

Иной августовской ночью, с полной жизненного сока светлой луной, кажется, что волки не воют на неё, а поют.

X X X

Бывает, талая апрельская вода проскальзывает в тебя мутновато-дурманящим холодным настоем, ничуть не веселя, но всегда невольно хочется думать, что любимая женщина непременно принесёт с собой аромат чистых апрельских дождей.

X X X

Лес хорош тем, что, идя по нему, не замечаешь, как втягиваешься в его жизнь, и она, так же незаметно, становится и твоей.

X X X

Посмотришь, бывало, на осиновый мысок, мягко выплывающий в озимое поле, и так и пахнёт на тебя сокровенным заячьим теплом.

X X X

Всегда не покидает ощущение, что пребывание на глухаринном току – это свидание со своим далёким прошлым, с какой-то древней жизнью, что зачем-то была, но почему-то до конца не забылась, и ты не моженшь не следовать её зову, отчего, наверное, и стремишься встретиться с тем, что неизменно манит своей глубинной тайной. С ней не хочется расставаться, и вспоминаешь её только весной, находясь в глухой лесной чаще, вдали от людей…

А песня глухаря, словно весенний ветер, внезапно налетит на душу, и ровно прикоснётся к ней неизведанное счастье: взбудоражит нетерпеливым пробуждением, околдует роящимися и спутанными втемноте звуками, и ни с чем оставит.

X X X

Ещё не облетел с деревьев весь лист, но лес стоит уже задумчивый и печальный. Только оранжевые осинки напоминают в нём весёлых и

беззаботных детей, что, то и дело, куда-то перебегают, прячутся и чуть слышно смеются.

X X X

Сирая, молебственная осень покорно сутулит плечи, как бедная инокиня, а неугомонный дятел-желна, подобно очумелому звонарю на колокольне, стучит настойчиво, даже зловеще… Так осень, нехотя, возвещает о своём уходе.

X X X

В весеннем круговороте жизни может показаться, что капель торопится, бесперебойно отсчитывая время долгожданного пробуждения природы, на самом же деле она невероятно терпелива: кап-кап-кап…

X X X

Древние леса были девственны, полны зверя и птицы, но без человека выглядели, наверное, пустынно.

X X X

Растения с крупными цветами растут обособленно, свободно, даже чуточку заносчиво. Те же, кто незаметен и мал, стоят вплотную, лист к листу, и всё это лишь для того, чтобы радовать.

X X X

Разложишь, бывало, обычную карту любого лесного района, и вскоре обо всём позабудешь, прочитывая таинственные названия здешних мест: Сергинцы, Воеводинка, Ветляны, Сова, Кутамыш, Кедровка, Таборы, Олени, Шадейка, Волокушино, Задорная, Кулига…

X X X

В осенних лесах очень далеко видно, облака же стоят над остывающей землёй совсем низко, но остаются незамеченными.

X X X

Жду весну терпеливо, с затаенной радостью, потому как знаю, что она обязательно проснётся, и на высокой чистой ноте зазвенит во всём, не минуя и мою, истосковавшуюся по ней душу.

X X X

Только у зайца в лесу не бывает постоянного жилища: сегодня он здесь, а завтра – где придётся. Живёт, говорят, заяц на слуху!

X X X

Редко переживаешь такие моменты, когда весь заполнен лесом, отчего кажется, будто Бог - совсем рядом, чуть ли не в тебе, а Он на самом деле - далеко-далеко… Но ты знаешь, что Бог всё-равно видит тебя, знает, и время от времени подаёт о Себе благостную весть.

X X X

Умереть, как настоящий лесовик, когда всю жизнь посвятил таёжной чаще, это значит в полном сознании, спокойно и вовремя уйти в неизведанную никому лесную даль, и не вернуться.

X X X

Гулкий звук удара лыжи о лыжу в ночном весеннем лесу отдаётся многократно и, кажется, перегоняет по дальности барабанную дробь дятла.

X X X

Поздней осенью лес нахмуривается со всей присущей ему мрачной неприступностью, но уже в декабре, в редкие солнечные утра, неожиданно оживает и многозначительно улыбается.

X X X

Кто-то всё время как будто поправляет меня, ненавязчиво подсказывая: вот светит солнце - и надо бы, не щадя себя, устремиться к нему. Или: вот дует ветер - и необходимо полностью отдаться на его волю.

Но я не всегда доверяю этому внутреннему голосу и, в итоге, пропускаю в своей жизни прекрасные солнечные дни и незабываемо пронзительные вселенские бури.

X X X

Природа – это удивительная загадка, и человек ничуть не лучше всего, что его окружает. В течение всей своей жизни он должен накапливать те секреты и силу, которыми располагает обыкновенное растение, постепенно становясь с ним равным.

X X X

В лес ходи – волю свою блюди, ибо, поддавшись его силе, себя уже не сбережёшь.

X X X

Еле слышно шуршит от лёгкой позёмки заснеженная мёртвая трава, и становится так хорошо от ощущения безвременья, что она навевает…

Так же неспешно идёшь по обочине подмёрзшей дороги, предвкушая скорое печное тепло, с удовольствием всматриваешься в окружающую природу - и ни о чём не сожалеешь.

X X X

Юркий воробей – это всегда воришка, плут, забияка и драчун, но никогда не назовёшь его нахалом.

X X X

Только оттаявшая и ещё нехоженая весенняя дорога напоминает молодую женщину, что терпеливо ожидает появления в своей жизни неравнодушного и любознательного мужчины, бесстрашно отправляющегося в дальний путь.

X X X

Глазурный ледок в апреле тает в мгновение, как сахар, но внезапное появление нежной голубизны в нахмурившемся небе охватывает предощущением нескончаемого полёта.

X X X

Никакая весенняя трава не выглядит так загадочно и свежо, как осенняя озимь.

X X X

Часто в лесу я переживаю ощущение, что будто меня нет, и происходит это, наверное, благодаря постоянному общению с природой, после которого никогда ничего не болит, мало того – силы твои прибавляются, и на душе всегда так легко и покойно, что ты сливаешься с окружающим миром, и растворяешься в нём.

X X X

До сих пор меня удивляет, что после суровой зимы приходит радостная весна, на деревьях распускаются листья, в глухом овраге весело бормочет талый ручей, в бездонном небе озабоченно постанывает бекас, повсюду расцветают подснежники, в густых зарослях ивняка жарко заливается соловей, душной ночью квакают на болоте лягушки, а лес становится царственным.

X X X

Если ты встречаешь в лесу то, что останавливает тебя, и ты любуешься увиденным, позабыв обо всём, у тебя не возникает желания не только идти дальше, но и двинуться с места, и ты готов простоять так, кажется, всю жизнь, значит, всё это уже жило в твоём сердце. Оно отражает красоту того мира, в котором ты родился и рос, а мир – это всегда отражение нас самих, и потому встреченное в лесу – и твоя душа, в которой и звёзды, и деревья, и звери, быть может, также обнаруживают себя.

X X X

Не стоит обижаться на весну, когда она поманила и бросила, а надо терпеливо дожидаться её очередного приступа восторга, и радоваться хотя бы мимолётной милости, которой она всех одарила.

X X X

Может быть, только раз в году, когда свежесть весны незаметно перетекает в летнюю разомлевшую дородность, сердце моё на какое-то время совершенно успокаивается, и обо всём забывает.

X X X

Люди веками собирают в лесу бесчисленные корзины боровиков, рыжиков и маслят, охапки лечебных трав и цветов, туески черёмухи, земляники, морошки, увесистые кошели орехов и … уходят, так и не поблагодарив его.

Но лес, одаривая всех своим добром, не ищет благодарности, потому как верит в людей, терпеливо ждёт их и надеется, что они вернутся с открытой душой.

X X X

В своём искреннем устремлении проникнуться жизнью возрождающегося по весне леса, ты готов порой пожертвовать чем угодно на пути к раскрытию его тайны, но вот осенью листья опадают с деревьев, птицы улетают на юг и уже зарядили нескончаемые холодные дожди, а ты вынужден, между тем, жить полной жизнью.

X X X

Переливающиеся трели невидимого в весеннем небе бекаса так же трепетны, как и бьющийся на ветру листочек или вырывающийся из-под снега ручеёк, но именно они есть пик восторженного восприятия пробуждающейся жизни.

X X X

Порой мне кажется, что иному дереву, роняющему свои плоды, их необычайно жаль, в отличие от листьев, которые оно теряет безо всякой печали.

X X X

В зависимости от ветра, снега, дождя и солнечного тепла хвоя на деревьях благоухает по-разному.

X X X

Шелест травы, как ни странно, напоминает не укромную поступь животных, а счастливые детские возгласы и смех.

X X X

Весной всё время хочется куда-то бежать, боясь не успеть, и ты торопишься, бежишь, но никуда не успеваешь.

X X X

В жизни мы порой не сразу осознаём, что к нам приходит большая любовь… Так и я не распознал этого, когда впопыхах, ещё в детстве,

подстрелил свою первую лесную птицу, это была кедровка, заложив сердце таинственной лесной чаще.

X X X

С последним листопадом шествие золотой осени прекращается, но начинается праздник пронзительно-вдумчивой предзимней тишины.

X X X

Только в первый зазимок так обворожительно, до головокружения, пахнет палым листом и отмирающими в земле кореньями… Эти запахи пронизывают всё насквозь, и кажется, что они жили в тебе всегда, но пробудила их осень.

X X X

Многие люди искренне недоумевают: зачем им нужен лес? Значит, для каждого сомневающегося человека ещё не наступил тот особенный весенний день, когда в душе начинает распускаться молодая листва.

X X X

Живя в клетке, птицы теряют яркую, красивую окраску, а вместе с нею и голос, в отличие от человека, которого неволя учит песням.

X X X

Где-нибудь за дальним перелеском застрекочут растревоженные кем-то сойки, и почудится, будто там собрались неведомые музыканты. Они настраивают на разные лады свои диковинные инструменты, и по лесу разносятся обрывки незнакомых и очень приятных мелодий.

X X X

Тихо, почти неслышно плывёшь на лодке вдоль берега глухой лесной речушки, легко отдавшись её течению, а навстречу высовывают из чащи головы лоси, пришедшие на водопой, и, кажется, дружески кивают тебе, приветствуя и улыбаясь.

X X X

Замечено, что хорошо поют именно малоприметные птицы: соловьи, славки, жаворонки… Природа, обделив их оперение яркими красками, наградила взамен звучной и звонкой песней.

Но почему бы отменному певцу не быть ещё и красивым? Обрекая птиц на невзрачный вид, природа, наверное, таким образом, позаботилась об их сохранении.

X X X

Иной раз ждёшь от весны или лета очень многого, чего-то невообразимо чудесного, и оттого теряешь самое удивительное время расцветающей жизни, пропуская настоящие, порой совсем неяркие, но истинные возможности для раскрытия своей души перед пустым величием воображаемого.

X X X

Перенова - какое замечательное лесное слово! Оно означает только что выпавший снег, случающийся обычно под утро, когда душа приноравливается уютнее обустроить свою судьбу, а свежий снег ей в этом незаметно и ладно помогает.

X X X

Из всех певчих птиц русского леса только у клестов самка откладывает яйца и выводит птенцов зимою. Во время кладки яиц и высиживания птенцов она не слетает со своего глубокого гнезда, сидит терпеливо в январскую и февральскую стужу, стараясь сохранить тепло.

А самец заботливо кормит её, сидящую в гнезде, и, чтобы как-то облегчить её самоотверженную материнскую заботу, усаживается на вершине дерева, на котором свито гнездо, и услаждает подругу бодрой красивой песенкой.

X X X

Ничто так не трогает, как первая нежная зелень, первое дуновение тёплого ветерка, первые птичьи трели… И хотя каждую весну, с одной и той же последовательностью, всё неизменно повторяется, оно, как ни странно, никогда не надоедает.

С годами ты ещё более проникаешься особой важностью поры, когда жизнь только пробуждается. Не богатую осень, не мудрую зиму, не радостное и полное довольства лето, прежде всего, принимает твоё сердце, а обнажённую весну.

X X X

Выросшие за ночь на пнях бравые папахи придают им притягательную неукротимость минувшего снежного бурана и, обретя красоту и силу, пни стоят, будто подбоченившись, и пристально вслушиваются в потаённые шорохи замершего леса.

X X X

Вдохи земли явственно ощущаются весной, когда она вбирает в себя весь дух зарождающейся жизни, и происходит это шумно, восторженно… Выдохи же вкрадчивы и случаются только осенью, отчего воздух полнится еле улавливаемым перешёптыванием, полунамёками и угасающей надеждой.

X X X

Таинственность в природе на деле до такой невероятности проста и реальна, что порой это обескураживает, и потому не всегда следует без устали добиваться раскрытия природных тайн.

X X X

Летом над тихой уютной заводью в воздухе держится нечто неуловимое, но такое чудесное, что хочется жить, пытаясь угадывать его, и, ни о чём больше, не думать!

X X X

Я бы женился на весне, навсегда влюбившись в запах её шелковисто-дымчатых волос, зелёные лучистые глаза и воздушную улыбку.

X X X

Всегда человека неудержимо тянуло к непознанному им миру животных, птиц и деревьев. Человек стремился узнать об их существовании как можно больше, стараясь заглянуть в неизведанное, и обязательно открыть при этом то, что помогло бы ему самому в жизни, подсказало долгожданный ответ и единственно верный путь.

Чисто инстинктивно, должно быть, ищет человек контакта с животными, а обретя вдруг понимание их природы, может быть, даже язык, сможет ли содержательно сформулировать к лесу свои вопросы? Спросит ли о счастье, вечных законах бытия, и о том, как жить ему в мире, или же ограничится частными сторонами их замкнутого лесного существования? Да и станут ли

звери допускать такие разговоры, если даже человек обратится к ним на их собственном языке?!

Скорее всего, так и оставят в неведении, удалившись по своим неотложным, таинственным делам. И нужно положить немало сил, мужества, неутомимости и добра, чтобы зверь не отринул от тебя, а хотя бы на мгновение заглянул в твои глаза.

X X X

В осеннем прозрачном воздухе будто живёт нечто, появившееся после пролёта стаи, медленно растворяющегося тумана или падения только что оборвавшегося листа…

Отзвучали голоса пролетающих птиц, а это что-то осталось в воздухе. Не эхо, а после эха, то, что уже не слышимо, а чувствуемо нами.

Это осень… Её недвижимые тени, запахи и ощущения. Осень полна следов недавно истаявших событий и звуков.

X X X

Часто поездка в лес оказывается утомительным душевным странствием в желании, во что бы то ни стало, возродить себя в его глазах. Наблюдая гармоничную во всех отношениях работу его обитателей, ты вдруг открываешь собственную неустроенность в этом удивительном мире.

Появляясь на свет, освоив в нём первые шаги, повзрослев и утвердившись в своём здоровом физическом существовании, человек в душевном смысле напоминает, скорее, его бледную тень, какое-то неясное отражение бесконечных поисков и мук. Мучительно не находя ответа о причинах и смысле своего появления на свет, он безрезультатно тратит отпущенное ему природой драгоценное время на что-то пустое, не имеющее ничего общего с его истинной природой. Тогда, как каждый зверёк, цветок или птица приходят в этот мир уже наделённые опытом предыдущих поколений, без тени сомнения убеждённые в своей пусть незаметной, на первый взгляд, но такой необходимой правоте и пользе.

За что же человек обречён на этот тягостный путь познания смысла собственного появления в мир, в котором он может чувствовать, осязать и обонять всё живое, в то же время не находя в нём достойного для себя места? Что это за жизнь, и кто, кроме самого человека, на неё согласится, если, быть может, только ему одному, на деле, и суждено разобраться во всех тяготах его земной судьбы?

И человек страдает и радуется на пути к своему возрождению, и обращает пристальное внимание к лесу, насыщая сердце и память его скрытыми секретами в надежде на то, что когда-нибудь лес, всё же, сжалится и отвернёт от него холод, непрекращающиеся испытания и печаль, распахнув ему навстречу свои радушные объятия.

X X X

Человек не может быть подобен птицам, в том смысле, в котором для них целиком заключена жизнь. Полёт человека – это вполне реальное и необходимое воспарение над самим собой, вернее, достойное только его, человека, продвижение в познании своей природы. А поскольку последнее невозможно без совершенствования, то рано или поздно у него появляются внутренние крылья.

Единственное превосходство человека над животными - его осознающий себя разум, но именно он в силах оставить перелётных птиц позади, как бы высоко и далеко они не залетали.

X X X

Робкая берёза обычно первой распускает по весне свои нежные листочки. За ней - более уверенная и мягкая липа. Всё время забывающийся в себе тополь и непостижимая на сюрпризы осина заслоняют собой незаметно нарождающуюся зелень лиственницы и неброскую нежность первоцветов.

Так и в женщине: видимая робость и чистота на деле оборачиваются скрытой мудростью, искренним сопереживанием и силой.

X X X

Звери неправдоподобны для людей именно своей обезоруживающей реальностью.

X X X

За все твои слабости нередко достаются тебе в лесу только воспоминания о заячьих хвостах, но и их ещё надо заслужить. Лес наполняет твою душу тайнами только в том случае, когда шёл ты к нему навстречу достойным путём.

Слившись же с лесом воедино и ощутив в душе, хотя бы на короткий миг, его покой и мудрость, можно быть уверенным, что жил ты на земле до сих пор верно. И тогда окончательно пропадут границы, разделяющие лес и тебя, и даже надолго оставив его, ты уже не рискуешь потерять связующую с ним живую нить.

X X X

В апреле солнце целует более нежно, чем в июле.

X X X

Шум деревьев в лесу - это тоже его тишина.

X X X

Каждая поездка в лес начинается с транспорта. В городе к лесному человеку относятся с равнодушным непониманием, молчаливо и недоумённо созерцая его амуницию или обитые камусом лыжи. Эта отчуждённость городских жителей неминуемо делает их далёкими и в понимании природы, а значит – самой жизни.

В пригородном автобусе сельские жители воспринимают твоё устремление как дело, с хозяйской точки зрения, нужное и, в глубине души, не осуждают за якобы пустую трату времени. Они шутливо подтрунивают над тобой: «Что будет – заяц или лисица?», и улыбаются добродушно, без злобы.

Именно в простом деревенском народе живёт истинное понимание и жизни, и природы, в отличие от тысяч изо дня в день встречающихся друг с другом и безвозвратно теряющих себя горожан.

X X X

В состоянии ли человек долго наслаждаться красотой в природе? Сила гармонии так велика, что одного дня обычно хватает, чтобы утомлённая человеческая душа наполнилась ей до краёв. Большего он выдержать не может, ибо вольный лесной дух неумолимо опьяняет сознание, чрезмерно пресыщая всякое восприятие.

Человек берёт от природы ровно столько, сколько требуется ему для восполнения в нём недостающей жизни, и чем чаще происходят у него такие сокровенные соприкосновения с миром леса, тем нерасторжимей его связи с самим собой. Редко повторяющиеся, пусть даже яркие и поразительные открытия постепенно стираются, не упражняя необходимое для жизни душевное здоровье.

Но выпить день до дна, до самой последней капли, сумеет далеко не каждый: на это способен лишь тот, кто сам, подобно могущественной врачевательнице-природе, наполняет сердца людей неизбывной радостью и надеждой.

X X X

Весенней ночью почему-то всегда чудится, будто мутное пятно луны – это твоя не родившаяся любовь, что только ждёт своего пробуждения.

X X X

Музыка человеческих поступков идёт, несомненно, от души, не перестающей трудиться. Именно в поэзии её движений рождается то понимание, что изначальную мелодию следует услышать сначала в окружающей нас природе, а затем отыскать в себе.

X X X

Если человека, после посещения им леса, мучают сомнения, и он озадачивается вопросом: «Был ли я там принят?», значит, слияния с лесной чащей не произошло. Оно возможно лишь спонтанно, и вы, конечно, не озадачиваетесь по этому поводу.

Понимание слияния приходит сразу и не требует какого-либо подтверждения: просто так повелел ОТЕЦ-ЛЕС, и он явился свидетелем твоего подлинного переживания. Мы способны принять знания, если только готовы к их приходу.

X X X

Если вы хотите, чтобы божественная энергия природы стала для вас благословением, вы должны совершать над собою постоянные душевные усилия, то есть – изменяться к лучшему.

X X X

Волчица, преисполненная заботою о сохранении своего потомства, чувствует присутствие человека, когда он только входит в лес.

X X X

Буровато-малиновые клесты усаживаются исключительно на верхушки елей и поют свои незамысловатые для зимы песни неожиданно нежно и переливчато: «уить-трюиу-трюиу, уить-трюиу-трюиу, уиить…» Птицы преображают свои пронзительно-нежные голоса скрещенными между собой половинками клювов, так устроенными природой для более удобного шелушения крепких еловых шишек.

X X X

После многолетнего опыта посещения леса к радости своей приходишь к пониманию, что воспоминания о нём могут необыкновенно ублажать твою память, если только это было пережито тобой, но нельзя вообразить того, чего никогда не испытал.

X X X

Иной раз начинает казаться, будто осенняя луна, забравшись высоко на ночное небо, не случайно подсказывает человеку, как ему надлежит достойно следовать по завораживающей дороге жизни.

X X X

Апрель смотрит на мир серо-зелёными глазами в предощущении всеобщей любви, тогда как март уже отсмотрел её своей ослепительной синью. Май же глядит на свет с восторженностью непрекращающихся птичьих песнопений. А ещё он – взор проникновенных и удивительно трогательных очей.

X X X

Июльский лес чуть ли не убивает многообразием запахов и наваждений, а разгорячённая на полуденном солнце хвоя жарко дышит ни с чем несравнимым ароматом…

Влажная душистость трав с рост человека, мягкая грибная прель, струящаяся от вывороченных корней под пологом старого леса, едко ударяющий в нос запах муравейников, коры и выцветших сосновых иголок - все эти божественные ощущения просто повергают человека. Они совершенно не передаваемы и не постижимы.

X X X

Удивительным покоем и равновесием в мире деревьев веет от освещённых солнцем стволов сосен, среди которых удаляется вглубь леса человек… Их неподвижные, словно светящиеся изнутри розовеющие стволы, кажется, останавливают время. Великое умиротворение снисходит тогда на землю.

X X X

Ночь была большая и грозная, как медведь, но с ней, почему-то, не хотелось расставаться.

X X X

Искусство, на деле, может оказаться лишь восхитительным обманом, но, в лучшем случае, корни его стоит искать в волшебных ритуалах птиц и животных.

X X X

Всеобъемлющая зимняя тишина в лесу – одно из его чудес. Её несказанно чарующий свет покоится в низких небесах, глубоких сугробах и уснувших деревьях. Свет этой волшебной тишины окрашивает их в белый цвет, подчиняя и растворяя в себе утомившуюся и пресыщенную жизнью зелень, багрянец и желтизну.

X X X

Лес имеет самостоятельную, никому не известную душу. Человек всегда с затаенным удовлетворением это отмечал, и почему-то не шёл дальше своих ощущений. Как будто в полной мере обходился тем малым, чем уже обладал в общении с ним.

Но душа леса не переставала тревожить человека, и он, с замиранием сердца, наблюдал протекающую мимо лесную жизнь. Тогда лес чуть-чуть приоткрывал для любознательного человека то самое важное и необходимое, что определяло смысл его существования, делая человека счастливым.

X X X

Глядишь в апрельский ветреный день на небо, выше жемчужно-серебристых, быстро сменяющих друг друга облаков, и представляешь себе огромные цветы недостижимой Вселенной.

X X X

После длительного общения с лесом всегда чувствуешь себя бессмертным и по-хорошему одиноким.

X X X

Порой начинает казаться, будто чудесное равновесие природы сводится, в сущности, к тому, что всякий смотрит: как бы кого съесть. Но это только на первый взгляд. Главная же тонкость в ней определяется отпущенной каждому мерой, превышать которую в природе недопустимо, когда сытый зверь никогда не трогает голодного.

Таким «правом» наделяет себя только человек - в ущерб общей жизни, начинающей давать сбои в самых непредсказуемых местах. И в первую очередь, в самом себе.

X X X

Зимой всегда много восхода и заката… Бродишь по тихому зимнему лесу, смотришь, молчишь. Кругом царство бирюзы, порфира и нежного агата, а жемчужное небо можно вбирать в себя без конца и края.

X X X

Для каждого человека очень важно ощущение самого себя, а чтобы пробудить собственный ум и сердце, ему надлежит войти в лес. Жизненные примеры природы при этом могут легко завоевать его сердце, и он научится не бояться думать и чувствовать.

X X X

Настоящая святая вода – это чистые апрельские ручьи.

X X X

Густое скопление тонких побегов на ветке ели в народе издавна прозвали «ведьмино помело», и хотя подобное образование могло появиться на любой ветке хвойного или лиственного дерева, удобнее всего было приписывать проделки ведьм именно ёлке. Никакое другое дерево, кроме неё, не могло подарить настоящую сказку о нашем загадочном русском лесе.

X X X

Бесполезно пытаться подчинить себе природу: её величественная замкнутость никогда не позволит даже приблизить к себе уничтожающую силу, что, скорее, погубит самого человека.

X X X

Когда зажигается на небе первая звезда, люди и не подозревают, что это верный знак волкам: пора трогаться в свой нелёгкий ночной путь.

X X X

Если в апреле всё время смотреть вверх – будет казаться, что нет никаких времён года.

X X X

Зимой наиболее приятно вести записи… Успевая запечатлеть на бумаге как можно больше, с жадностью стараешься выговориться до наступления масляно-сонной весны.

X X X

Не может у животных инстинкт быть звериным в том понимании, в котором его привыкли воспринимать люди. Всюду в живой природе парность – наиболее высокая форма отношений, при которых самец никогда не предаст подругу, а она, в свою очередь, ни за что не оставит детей.

Нравственность применима, скорее, к животным, нежели к человеку, и это – их замечательная тайна. Всё же тёмное порождено социальным устройством человека – ничего такого в живой природе, вероятно, и не существует.

X X X

Сколько, интересно, нужно осуществить человеку полезного в жизни, чтобы полностью отработать своё пребывание на земле? Чем определяется этот долг? Какими делами и знанием? Что должна являть собой его жизнь: с одной стороны - обыкновенная, а с другой - возвышенная?!

Наверное, на это уходит несколько его жизней, которые вмещаются во всеобщую, одну, и, понимая это, всё предстоящее уже не видится человеку таким неосуществимым. Ему лишь следует правильно распорядиться своей единственной настоящей жизнью: дорогой, неповторимой и обязательно счастливой.

Счастье, когда найдёшь в жизни для себя самое важное. Вот это важное и следует, несмотря ни на что, осуществить. Если ты не справишься с возложенным на себя жизненным обязательством, тебе придётся вновь насладиться восхитительной несправедливостью и красотой этой земной жизни в лице другого человека, собаки или глухаря, обретая недостающее знание.

X X X

Ни за что не догадаешься, что обычный апрельский ледок имеет свойство увеличительного стекла: если его вовремя не разбить внизу ствола, он напрочь сжигает корневую шейку плодовых деревьев.

X X X

Сколько зимой не броди в округе, а не сыскать столько лисиных следов, как вблизи деревни… Так привлекает рыжую кумушку дух куриного и гусиного жилья, что она пренебрегает главной опасностью – человеком!

X X X

До боли в сердце мрачнеют дали в октябре…

X X X

В природе, как и в человеческой жизни, всё происходит далеко не так гладко, как это, на первый взгляд, кажется. Чтобы создать спелый отборный лес, ей требуются столетия, слагающиеся из бесконечного множества сменяющих друг друга древесных стволов, из года в год неудержимо взметающихся к небу, перегнивших от них долговременных завалов, и ветров, образующих переносом семян новые лесные массивы, устремлённые к свету…

Благодаря этой невидимой для глаз работе природных сил земля когда-нибудь родит необыкновенный сосновый бор под облака, вековечную раскидистую дубраву или несравненную по красоте рощу белоснежных берёзок, налитых её живительными соками.

X X X

Волчьим оком светит в сумерках, вдали, обездоленная луна, зыбко видится за полем присмиревший лес. Всё сильней заметают и кружат в нём злые метели, заносят неуверенные санные пути.

По деревням дрожат, словно оледенелые зрачки, окна изб. Идёт по земле зима, и покажется вдруг, что всякий в ней предоставлен только себе, и ко всем, без исключения, сурова зима во имя их блага.

Полноправно вступая в свои владения, зима освобождает всех от ненужных тревог, мягко закружив в своём сонном танце, ласково утихомиривает и, не нарушая установившегося в природе покоя, ненавязчиво побуждает заняться неспешными делами. Потихоньку вовлекая людей в свой мудрый круговорот жизни, зима помогает им понять истинную цену опустившегося на землю молчания, и люди целиком отдаются во власть её сменяющих друг друга заботливых переживаний.

X X X

Иной раз день, проведённый в лесу, бывает так хорош, что не знаешь – как его пережить?!

X X X

Нередко человек, подобно животным, умело подлаживается под обстоятельства, чтобы спасти свою жизнь или достичь необходимой цели. Но должно ли подобное свойство проявляться в такой мере в человеке, и не означает ли это то, что он в какой-то момент оказывается наравне с животными?!

Человек не в силах оторваться от природы, вернее, преодолеть её в известном смысле, ибо природа в нём ещё очень сильна, а особенному её усилению, как ни странно, способствует разум. Неугасающий животный инстинкт, подстёгнутый изощрённостью мысли, порождает удивительную неразрешимость, вынуждающую человека, спасаясь, уничтожать.

X X X

Проснутся зелёные лягушки, запоют озабоченные дрозды, потянет над берёзками лесной кулик-вальдшнеп, разломится на груди апреля весна, возвращая на землю долгожданную для всех радость… «Ква-ква», - скажет она, и во весь рот улыбнётся.

X X X

Что заставляет людей примеривать зверей на свой лад?

Кому-то нравится выдра, медведь или рысь, кому-то – глухарь. Каждый, почему-то, ищет и находит в животных своё.

Может быть, прошлое? Или то, чего человек не в силах разгадать в себе в настоящем?!

В любом случае, он не может обойтись без живых примеров в окружающей его природе, и звери с птицами олицетворяют для него возможность обрести собственную исконную суть.

X X X

Сыплет осиновый, липовый и рябиновый листопад, и в лесу становится мягко, неслышно… В этой завораживающей дух тишине нет ни звуков, ни мыслей, ни чьего-либо присутствия, но от этого душу не одолевает пустота, и твоё незаметное нахождение здесь полнится отрешённым и благостным созерцанием.

X X X

От любых бед спасает удивительный мир природы, кроме предотвращения того дня, что уже никогда для тебя не наступит… Но даже в нём этот живительный мир останется и прольётся над тобой слепым дождём, заблестит солнечным лучом или прошумит вольным ветром в верхушках раскидистых сосен.

X X X

Чем чаще человеку удаётся найти в лесу такое, что смогло бы поразить и, быть может, даже повернуть жизнь иначе, тем больше он начинает

опасаться этих открытий из-за их кажущейся конечности в приобретении неведомых дотоле знаний. Не подлежащая сомнениям убеждённость или опыт, когда он ограничен каким-либо не зависящим от воли человека обстоятельством, часто убивают энергию поиска, тогда как хочется, всё же, верить в беспредельную цельность природы, ибо в её неутомимом познании человек обретает для себя смысл существования. Каким будет его завтра, если человек доберётся до основных, не дающих ему покоя истин?

Хорошо, если эти знания позволят ему когда-нибудь заглянуть в новый, ещё неизведанный мир, который распахнёт перед ним неисчерпаемые возможности для радостного труда. Только бесконечность в открытии радостей бытия поможет лишить человека серости в его пребывании на земле.

X X X

Однажды, весной, я понял, что самое приятное для меня – возвращаться с глухариного тока в натопленный деревенский дом, который был подарен судьбой.

X X X

Ароматней земляники в июльском лесу могут быть только утренний воздух и жемчужная роса.

X X X

Важно ощутить гармонию взаимоотношений в природе, когда она быстро проникает в тебя и великодушно вводит в свой мудрый круговорот, что в полной мере недостижимо среди людей.

X X X

Человек, если захочет, всегда может услышать голос природы, потому что она говорит с ним на языке чувств.

X X X

Беззащитен заяц, чаще всего пуглив и осторожен, а всегда рад зимнему солнышку, сиянию синих снегов и сладкой осиновой корке.

X X X

Попав в лес, человек почему-то не терпит в нём соседства другого человека, и всяким образом его избегает.

X X X

Человек безрассуден, если в расцвете сил не предполагает возможного наступления смерти. Он должен жить так, чтобы всегда быть готовым к ней. Способность оставаться спокойным и мудрым сближает его с достоинством существования зверя.

X X X

В мире животных разумность гораздо более универсальна и отшлифована природой до недосягаемой человеком простоты. Щепетильность принимаемых человеком мер по усовершенствованию своего рода выглядит очень невыгодно и убого на фоне жизни животных.

Так, право называться птицей обретает только перелетевший океан и породивший затем здоровое потомство. Перелёт – экзамен для духа и плоти, и тот, кто не преодолеет это испытание, не оставляет слабых птенцов. Своей уязвимостью он уже не будет обременять сородичей.

Человек, обнаружив в себе порок, из общего движения не выпадает, а старается путём недобросовестности и злого умысла достигнуть желаемого сохранения, даже - превосходства. Изощрённость и ущербность его разума потенциально усиливаются при этом, а способность быть мудрым не развита в нём в той степени, чтобы предотвратить насилие, предполагающее вырождение.

В отличие от человека птицы поражают и восхищают своим совершенством, но даже эти неограниченные возможности они используют очень рационально. Часами парящий над лесом коршун обычно не машет крыльями, а использует силу и скорость ветра, умело лавируя в бесчисленных потоках воздуха.

X X X

Идёт весна, и всё вокруг - земля, птицы, деревья и небо в восторге от происходящего!

X X X

Тонет лиса по уши в рыхлом декабрьском сугробе, а никуда не деться – это её лесная обитель: холод, голод и куриная лавочка.

X X X

Вошёл в лес охотник – и всё в нём насторожилось.

X X X

Природа поступает очень мудро, компенсируя возможность беспрепятственной деятельности человека его неминуемой расплатой за поступки, осуществлённые им против неё, то есть – вопреки здравому смыслу.

Чем ниже находится живое существо на эволюционной лестнице, тем сильней должно быть воздействие, чтобы болевая реакция стала очевидной. Боль, которая ожидает человека, может оказаться для него невыносимой.

X X X

В глазах животного над другими чувствами чаще всего преобладает дерзость, предполагающая отчаянное противление людскому варварству и нахальству. Не желая иметь с человеком ничего общего, звери оставляют его в пугающей безвестности, словно пронзая своей неукоснительной лесной правдой. Дальше этого отторжения себя от природы человеку никогда не продвинуться в узнавании животного мира, пока он сам не обратится в очаровательного, дикого, но мудрого зверя.

X X X

Как мне нравится идти навстречу жестокой апрельской вьюге, что случается даже в самый разгар весны, и знать, что назавтра обязательно выглянет солнце!

X X X

Для любого человека лес хорош тем, что в нём можно свободно выбирать для себя самое нужное, то, без чего не обойтись в людской жизни именно сейчас. Может быть, это будет сказочная жуть потаённой лесной тропы, светлая земляничная поляна или укромный перелесок с крепкими боровиками. А кого-то увлечёт нескончаемость первозданной тайги, скрывающей под своим таинственным пологом радости и печали дикого звериного мира, оказывается, близкие и твоей душе.

X X X

В лесу иногда забываешься и идёшь туда, куда несут тебя ноги. А потом вдруг обнаруживается, что лес всё понимал про тебя и ненавязчиво направлял в твоих неясных устремлениях, и ты подчинялся ему беспрекословно, потеряв счёт времени и ощущение пространства. Лес выводил тебя именно к тому, о чём ты больше всего мечтал, и чего даже не решался попросить у него.

X X X

Бывает так, что душа ожидает снегопадов, а как только они зачастили, она уже грустит о первых капелях, и это выказывает в человеке неудовлетворённость его собственной жизнью, непонимание того, что всему в жизни – своё время, и его необходимо принимать с радостью и достойно.

X X X

Ни в небесной лазури апреля, а в непроходимых сугробах января постигаешь потаённую суть лесной жизни.

X X X

Мудрое устройство природы таково, что она обязывает человека, в первую очередь, к обыкновенному терпению.

X X X

Тысячи сладких поцелуев природы заключены в глотке берёзового сока, но она ещё никогда и никому не отдавала всё без остатка. Природа имеет свою тайну, чтобы не растратить накопленное в себе величие и богатство: иначе бы её давно и бессовестно опустошили.

X X X

Когда всё в жизни человека складывается удачно, судьба благоволит к нему, значит, он всё делает правильно, угадывая оставленные для него Божественным Существованием знаки. Одно из самых запоминающихся знамений – сокровенное слияние с лесной чащей, её полное принятие. Человеку на своём жизненном пути совершенно невозможно обойтись без неё, лучше кого-либо преподающей ему знание, что развивает душу и остаётся при этом вечнозелёной.

X X X

В отличие от сытых лесных голубей вяхирей, что любят подремать и погреть свои грудки на ласковом солнцепёке, наливаясь его мягким пурпурным цветом, удобно расположившись на одиноко замершей посреди поляны старой осине, глухарь набирает краски в сумраке потаённой сосновой чащи.

X X X

Странно, но в апреле ты не ждёшь, когда распустятся нежные листья и первоцветы, хотя и любуешься ими, а всё больше проникаешься свободным дуновением вешнего ветерка, что и приносит в нашу жизнь восхитительные перемены.

X X X

Хорошо известно утверждение Солженицына о том, что в тюрьме интеллигент способен выжить только достаточно отупев, огрубев в своих чувствах. Не схоже ли подобное состояние с положением животного, у которого простые и понятные инстинкты заменяют неприкаянные людские мысли, и не легче ли ему по этой причине переносить невзгоды лесной животной жизни? Так бы и человеку, ибо внутренние пустые метания, наверняка, когда-нибудь его погубят.

X X X

Природе свойственно удивительное внешнее обаяние, но только благодаря внутренне присущей ей твёрдости, она, отчасти, и воспитывает мир человека. Сознание же человека удивительно трагично, потому как человек не приучился к непрестанной внутренней работе, незаметно и ежечасно совершаемой в природе.

X X X

Почувствовав себя однажды апрелем, я понял, что в один миг могу рассмеяться или заплакать.

X X X

Человеку присуще обожествлять природу, придавая несвойственные ей черты, тогда как у неё имеются свои добрые стороны, очень приятные и обаятельные, через которые человеку и следует примериваться к собственной жизни.

Это – неназойливое и надёжное природное добро, воплощённое в тысячах маленьких жизней. Непременное ангельское терпение, претворяющееся в заботах родителей о будущем всех этих звериных существований, и, в связи с этим, врождённая и спокойная уверенность в предназначении собственных жизней.

А как не упомянуть верность обитателей леса по отношению друг к другу? Вдобавок - высокая организация природного бытия, хотя и повторяющаяся от поколения к поколению, но не дающая сбоев. Всё это, и

ещё многое другое, что, как ни странно, призвано привести человека к духовному обновлению.

Животный мир природы ему в этом – необходимая опора, что постоянно присутствует рядом и ненавязчиво напоминает о себе. Непростительный грех – не замечать его. Ещё более опасный путь – уничтожение неподражаемой природы.

X X X

Можно годами ходить в лес, довольно часто натыкаясь на волчьи следы, и ни разу не увидеть серого разбойника. Так устроен этот зверь в отличие от лисы, лося или медведя, что хоть изредка да посчастливится наблюдать.

Волк держится совершенно обособленно, скрытно, заведомо предугадывая малейшую опасность, и тотчас исчезая из поля зрения человека. В этой удивительной способности проявляется ум животного, призванного лесом к сохранению своей жизни более, чем какое-либо другое животное.

X X X

В каждом из нас живёт природа. В одном – неудержимым волчьим воем, в другом – трубным журавлиным провозвестием, а в ком-то – таинственной глухариной песней… Счастлив тот, кто отгадал её в себе и принял.

X X X

Лес по-своему разумен, и разум этот, на деле, оказывается более здоровым восприятием существующей вокруг жизни, чем не внушающая доверия убеждённость человека.

X X X

В неведомой глубине леса живёт неведомое чувство природы, лишь иногда улавливаемое человеком, но являющееся постоянным сюжетом его неясных помыслов. Человеку очень хочется верить, что когда-нибудь он преодолеет своё незнание, и всё это неведомое и такое притягательное рано или поздно откроется ему. Ведь лес неравнодушен к неутомимым людям, и дарит им за преданность к собственной жизни свои чудесные тайны.

X X X

Даже если ошибёшься в своей любви – апрель всё исправит.

X X X

Я рано понял то, что должно было понять в отношении моих частых поездок в лес: в таких случаях следует оставаться непременно одному. Только тогда наступает спасительное обретение.

X X X

Иногда мир лесных обитателей кажется скучной и давно исчерпанной истиной. Самое необычное тогда становится привычным, оно просто надоедает.

Но невозможно вытолкнуть из себя природу: рано или поздно в душе просыпается ощущение счастья, когда видишь, как она живёт.

X X X

Злые метели звериному чуткому сну не помеха.

X X X

Больше всего на свете мне нравится собирать из общеизвестных слов музыку чудесных мыслей. Апрель, как никакой другой месяц, помогает в этом. Только в апреле постигаешь: в тебе есть всё для того, чтобы стать по-настоящему радостным и счастливым.

X X X

Когда ты чего-нибудь очень долго ищешь и не можешь найти, к тебе приходят звери и птицы… Это могут быть книги или фильмы о них, рассказы бывалых людей, надолго связавших свою жизнь с миром леса, твои собственные встречи с лесными обитателями: они – подарок судьбы. Их появление – это напоминание о том, что ты должен сделать как человек. Например, не уставать приобретать для себя достойное знание природы, и не быть к ней пренебрежительным.

X X X

Горечь хвойной иголки глухарю слаще любой ягоды.

X X X

Трагедия каждого человека заключается в невозможности или чрезвычайной сложности установления подлинных взаимоотношений с другими людьми. Она основана на серьёзной ограниченности веры в себя: человек в состоянии быть собой пока только в уединении.

Редко, кто способен преодолеть собственную отрешённость и выйти за её рамки, открыв свою душу. Но рано или поздно он должен их превозмочь, и в этом ему постоянно помогает наша родная природа.

X X X

Человек понимает, что испытывая заботу к себе подобным, он всё более возрождается для новой жизни. Но вместе с тем, в отличие от животных, что не перестают быть преданными к своим сородичам, со временем почему-то утрачивает постепенно эту замечательную способность. Любовь имеет значение, если ты готов изливать её из своего сердца бесконечно.

X X X

Не знаю, как объяснить, но я всегда чувствовал свою связь с лесом. Даже маленьким мальчиком, когда меня пугали дедушкиной охотничьей плетью, тяжело свисающей на ржавом гвозде в тёмном чулане.

X X X

Если человек лезет в мир природы, она давит его с неравнозначно большей силой. Природа очень серьёзна и не терпит безоглядного вмешательства. Следует понимать, что живя на её поверхности, человек может добывать себе всё необходимое, а если берётся вступать в таинства природы, то должен совершать это с уважительным благоговением.

X X X

Как бы ни было развито твоё воображение, но по-настоящему его будят только беспрестанные, и, кажется, совсем обыденные наблюдения леса.

X X X

Медведь не спеша переходил лесную просеку, старый заброшенный волок, а вокруг было так тихо, что казалось – это сон. Усталые листья неслышно осыпались на мокрую землю, бледно-голубое небо безмолвно перевернулось в зеркальных лужах, а ночная сырость стёрла даже запахи. Царственная осень ненавязчиво расположилась у самых твоих ног, и тоже как будто задремала.

Но вдруг луч солнца высветил лоснящийся густым мехом бок зверя, и сразу всё всколыхнулось, задвигалось и … проснулось.

X X X

Как бы человек ни стремился ублажать свою жизнь обворожительными тайнами леса, а не выходит у него с ним согласия: собственное неустройство не позволяет.

X X X

У Соколова-Микитова в одной из книг приводится любопытный факт каннибализма среди птиц. Речь шла, в частности, о голодных совах, оказавшихся в общем вольере. Известно, что, в отличие от дневных хищных птиц, совы съедают добычу вместе с перьями и мелкими костями, которые отрыгивают потом в виде круглых комочков – «погадок». Так вот, совы в ночной темноте убивали и съедали своих подружек, оставляя в память о них только маленькие иссохшие шарики.

Несомненно, что на свободе совы не вели бы охоту на своих собратьев, но критическая ситуация вынудила их к подобным действиям. Трудно представить и то, если бы совы, являющиеся к тому же хищниками, умерли с голоду, так и не тронув друг друга. Сочетание поразительного ума и изощрённости, что кажутся порой непостижимыми для человека, с одной стороны, и жестокости, на которую в полной мере способно лишь животное, с другой, всегда обескураживает.

Отмечая у некоторых зверей и птиц удивительную способность выходить из тупикового состояния, как вида в целом, преодолевая якобы установленный для них природой непреодолимый барьер, мы ещё более поражаемся, когда узнаём о каких-то, казалось бы, не заслуживающих внимания повадках животного. Наш ум и сердце не в силах принять эту удивительную звериную неразрешимость, от столкновения с которой всегда хочется предполагать у лесных обитателей склонность к гармонии, нежели неизменно суровое жизненное поведение.

X X X

Дивному снегу все чудеса доступны.

X X X

Неисчислимыми поколениями зверей, птиц и цветов лес копит в себе воспоминания о лучших днях своей молодости и никогда не стареет.

X X X

Цветы - это незабываемые знаки памяти земли, хрупкие символы преданности самому лучшему, что она хранит в своих недрах.

X X X

Не надо забывать, что как бы тяжело природе не приходилось, она никогда не перестанет быть нашей защитницей.

X X X

Над самой головой вдруг качнулась еловая ветвь: это куница прыгнула на неё с другого дерева. Лапы зверька мгновенно напряглись, разъехались в стороны, но не удержались. Куница сорвалась, тукнулась о землю и, раскрыв пасть, дохнула своим утробным облачком пара, и в этом маленьком зверином оскале выразилось всё существо леса, призванного не нападать, а оберегать себя.

X X X

Неимоверной силой и гармонией наполняют меня мои сокровенные бдения в лесу. Но трудно бывает сохранить и употребить для жизни это недолгое волшебство могущественных лесных сил.

X X X

На ласковом мартовском солнышке коричневатые серёжки доверчивой берёзы ласково копошатся, незаметно приобретая пушистый красноватый оттенок, и … не знают, как передать себя обманщику-апрелю.

X X X

Как сонно и сладко длится зимою жизнь, как до жути замечательно и просто берегут её покой волки.

X X X

Родившись мальчиком-октябрём, юношей я предавался счастью жизни в летнюю пору, мужчиной же почувствовал себя в апреле… Старость, наверное, попытается занести меня февральскими метелями, но именно в апреле я опять окажусь на крыше мира.

X X X

Жить стоит хотя бы ради того, чтобы записывать мысли, любить женщин, вдыхать звуки и запахи леса.

X X X

Дикие животные прекрасно понимают голоса друг друга, чего не скажешь о людях.

X X X

Уже немало о жизни леса знает тот, кто его своим видом не озадачивает, усталости и чрезмерному веселью в нём не предаётся, а смотрит вокруг спокойно, в полной и незамутнённой ничем определённости своего вдумчивого присутствия среди лесной тишины.

Лес замирает при появлении такого человека и если принимает его, то сразу оживает, оглашая сонмом звуков и представляя частью себя. Когда же что-то в человеке становится лесу не по нраву, он, затаившись, ждёт долго, пока шаги человека не растворятся совсем.

X X X

Ворона всегда сидит головой к ветру, потому, что это для неё самое выгодное положение: ветер скользит у неё по перу и птица не зябнет так, как если бы повернулась к нему боком или задом.

X X X

В каком бы настроении не приходил в лес – всегда тебя в нём стережёт мгновение, когда дыхание непроизвольно учащается, и ноги сами начинают нести навстречу чему-то неизведанному. На этом пути всё вокруг проникнуто тайной и красотой.

Но торопясь, ты рано или поздно понимаешь, что тем самым отдаляешь переживание подлинной остроты чувств и истинное видение. Околдованный красотой, человек обычно безоглядно забывает, что ни одно откровение ОТЦА-ЛЕСА не касается его так ощутимо, как это происходит в момент неторопливого и вдумчивого созерцания.

X X X

Утром и вечером сумерки в природе абсолютно схожие. Однако про утро в народе говорят поэтически возвышенно и проникновенно - они непременно сиреневые, а под вечер, уже с налётом необъяснимой грусти, - тёмно-синие…

Виной тому - разделяющий их день… Утром наше отдохнувшее восприятие переполнено радостью; к вечеру же, уставшие, мы не ждём ничего, кроме успокаивающей темноты.

X X X

Только месяц холодными зимними ночами греет спины волков, и нет для них в лесу иного тепла.

X X X

Человек, в отличие от животных, более разносторонен в своих возможностях, но тайна, которую он несёт в себе, объединяет тайну всех живых существ на земле.

X X X

Чтобы быть свободным, достаточно почувствовать себя им, и лучше всего для этого отправиться в лес.

X X X

Господь вырастил леса на пользу человеку, и каждое дерево, зверь или птица в нём - Божьи, их надо оберегать. Зима помогает человеку в этом, заботливо укрывая лесных обитателей своим теплом от ненужных волнений и тревог.

X X X

Когда сталкиваешься в лесу с границами своего понимания его глубинной жизни, по-видимому, так никогда и непреодолимыми, становится неописуемо грустно, и тебе хочется превратиться в глухаря, медведя или зайца, чтобы их насыщенный внутренний мир стал и твоим.

X X X

Чем больше мы желаем увидеть какого-либо зверя или птицу с целью узнать о них нечто ещё неизвестное, тем реже нам это удаётся. Человеку надлежит вести себя в лесу естественнее, поскольку чувствительные животные на расстоянии улавливают исходящую от нас энергию мысли, и остерегаются её.

Как тут не вспомнишь случаи, когда, по разным причинам, мы забываемся, не концентрируя своё внимание на обитателях леса, и именно в такие моменты неожиданно совершаем для себя удивительные открытия!

X X X

Наивысшая сладость ягоды не в лукошке, когда усталый и довольный приносишь его домой, а в том, что ешь её в лесу, прямо с куста, может быть,

под слепым дождём или в разомлевший от жары августовский полдень. Всё своё волшебство любая ягода теряет в тот момент, когда её срывают и выносят из леса.

X X X

Ничто не приносит такого блаженного покоя, как летнее солнце!

X X X

Как замечательно, должно быть, хоть раз в жизни справиться с собственными недугами и ленью, что оставляют ни с чем, встретить в деревне дружную весну, и прошуметь вместе с ней от начала и до конца, переживая в душе её головокружительные всплески!

X X X

Любой животный или растительный организм, переживая какие-то необычные явления – смерть, болезнь, нежелательное воздействие посторонних, неминуемо создаёт вокруг себя чувствительное энергетическое поле, оказывающее влияние на находящиеся рядом организмы.

Если человек пилит живой кедр, то рядом стоящий гигант обязательно реагирует на это действие, неимоверно переживая и мучаясь. Человек же, как правило, ничего не чувствует, в лучшем случае изредка ощущая в душе необъяснимый дискомфорт, который, впрочем, скоро исчезает.

X X X

Как поступаем мы при виде зверя вблизи нас?

Сначала смотрим на то, что из его поведения может явиться угрозой нашей безопасности. Затем подобное следствие принимаем за намерение действий животного и приписываем ему обладание такими качествами, которые на самом деле, может быть, отсутствуют. Ну, а если зверь проявляет агрессию, что в его положении вполне естественно, то наше восприятие принимает её за основу его дикого нрава.

Так, неминуемо и сразу, мы заблуждаемся относительно природы медведя, волка или рыси, тогда как должны были оставаться для себя и для них высшим мерилом блага, оставляя за собой в поступках и мыслях только доброжелательный интерес.

X X X

Человеку невозможно пропустить весну мимо себя, особенно - вне города, потому как именно в эту пору он необычайно открыт и восприимчив.

X X X

В лесу иногда встречаешь на деревьях узлы самой невообразимой формы… Эти древесные наплывы - неясные для человека движения души деревьев, их горестная память и скрытые переживания, которые они почти всегда преодолевают и не перестают тянуться ввысь.

X X X

Так ли уж бесплодно бывает на деле восхищение каким-либо зверем или птицей?!

X X X

Когда ты ещё молод и не нашёл в своей жизни ни одного глухариного тока, душа твоя томится неизъяснимой тоской. Кругом журчат ручьи, зяблики оживлённо перебегают по первым проталинам у крыльца лесной избушки, солнце без устали жарит снежные бока оплывающим сугробам, а тебе не сидится на месте.

Всё не то и не так, чего-то главного не хватает в этом восторженном празднике света, где всюду тебе чудится подвох. Душа твоя тянется к самой важной тайне весны - к недостижимым глухарям, что таятся и величественно провозглашают в предрассветной темноте о нескончаемости земной любви.

Где и как отыскать её в многоголосом весеннем лесу?!

X X X

Со всей очевидностью иной раз представляется, что лес по-человечьи думает, дышит и так же, как и человек, отчего-то на время забывается, спрятавшись в своём самом глухом углу.

X X X

Дымящиеся на крутогоре проталины - первая улыбка пробуждающейся ото сна земли, отчего и тебе хочется им улыбнуться.

X X X

Может ли человек пройти иную жизнь, не связанную с жизнью природы? Нет, он стремится переосмыслить опыт природы из побуждения познания и себя, и окружающего мира. Стремление это его благородно и единственно верно, поскольку более человеку ничего не остаётся.

Став на путь поиска, он обретает право быть действительно свободным, в чём, впрочем, отчасти напоминает обычного зверя. Правда, в полной мере его свобода подразумевает осознание в себе Бога.

X X X

Кругом ещё лежит снег, а на вытаявших пригорках загорелись жёлтыми головками первые цветы мать-и-мачехи…

Всегда спешишь дотронуться до них, опустившись рядышком на колени, и даже не обращаешь внимания на то, что штаны намокают от липкой глины. Обо всём готов позабыть в охватившем тебя весеннем удивлении: как нежно пахнут скромные первоцветы мёдом!

X X X

Ночью, в хорошую погоду, река или ключ всегда шумят в низовьях, а если вверху - жди дождя или ненастья.

X X X

На первый взгляд, кажется, будто сучок на дереве глядит в тебя равнодушно, не проявляя интереса, на самом деле - это мудрое око чащи, что по-медвежьи, исподтишка, внушает преклонение перед неизменной лесной древностью и тайной.

X X X

Во сне мне часто снятся одни и те же лесные места, в которых я, вроде бы, неоднократно бывал, но вот что странно: наяву ни одно из них мне не встречалось.

X X X

Ясный апрельский день может сравниться с чисто вымытым оконным стеклом, через которое пробивается в дом ласковое тепло.

X X X

Сон в лесу - наилучшее средство против телесной усталости и душевных огорчений.

X X X

Лесная птица рано просыпается – к доброму дню.

X X X

Множество созвездий может ссыпаться в ладони страждущего человека драгоценным подарком, но осторожно, с трепетом снимаешь с неба лишь одну бриллиантовую подвеску, а бывает - и вовсе, не прикасаясь к этому небесному сокровищу, любуешься какой-нибудь еле приметной звёздочкой, и ощущаешь себя самым богатым.

X X X

Времена года проходят сквозь меня, и каждое оставляет в душе или искристый налёт инея, вязко хрустящий от мороза и приятно осеняющий её зимними ясными картинками, или вкрадчивый шорох опадающей листвы, навевающий тихую неизъяснимую грусть, либо роскошный жар середины лета с еле угадываемым в нём ароматом васильков и ромашек. Все времена года созданы для того, чтобы, научив человека хранить память о жизни, помочь ему ощутить на земле истинную свободу.

Люди не зря привыкли вкладывать в состояние природы собственные настроения и, сами того не замечая, наделяют неодушевлённые предметы и явления присущими себе свойствами. По нашему разумению, ветер должен быть щекаст, и он непременно дует, солнце не иначе как ласкает своими лучами, резвый ручеёк бежит меж камней, а дождь идёт.

Человек, не утруждая себя необходимыми догадками, желает, чтобы всё было так, как он хочет! Разве это не пример, как природа помогает нам оставаться самими собой, как она дорога нам своим неповторимым обаянием и простотой!

X X X

В начале декабря трудно вообразить, что обычный белый снег может сверкать всеми цветами радуги, которые он незаметно копит в течение долгой зимы, и так же неприхотливо дарит нам к началу весны.

X X X

На местах лесных пожарищ в первую очередь появляется кипрей, или иван-чай, обладающий колоссальной энергией прорастания. Именно кипрей залечивает ожоги земли, укрепляя её поверхностный слой и вдыхая в него своим появлением жизнь.

X X X

Вскрикнет в свете потухающей зари ночная птица, землю обнимет тишина, а в лесу, прямо рядом с твоим костром, кто-то будто чуть слышно заплачет, и тогда вдруг дрогнет невольно сердце…

Долго потом не спишь и всё думаешь: что бы это могло быть, и отчего на душе становится так невыразимо тяжко?!

X X X

Как старая медведица вытаскивает за собой из берлоги молодого лончака, так и Большая Медведица вытягивает за хвост Малую, указывая ей на небе её звёздное место.

X X X

Лесной человек всё видел и всё знает.

X X X

Лучезарный восход, роскошный закат, а между ними – ослепительное золото целого летнего дня, что так и не успевает до конца отгореть, и остаётся в душе до следующего, ещё более ослепительного восхищения от разомлевшей роскоши довольной всем летней жизни.

X X X

Светило яркое солнце… Вдали, у самой кромки леса, два волка гоняли по белому полю зайца. Казалось, это собаки играют, и вот-вот прекратят свою жестокую забаву. Но, всё же, звери добрали косого, как это обычно у них происходит: просто, с хрустнувшими позвонками, брызнувшей на снег кровью…

И навалилась вдруг на сердце тягостная безысходность, спеленала его так, что трудно было жить весь тот день, и ещё всю ночь, и даже под утро забывался я в рваном полусне, не в силах преодолеть в сердце, что никак не могло успокоиться, необъяснимую и дикую тоску.

X X X

Всякий человек невольно забывает себя в лесу, и мысленно превращается в кого ему захочется, но никогда не может объяснить, как и почему это происходит.

X X X

Весной, на глухарином току, мне всегда кажется, что давно утерянная радость от переживания жизни возвращается.

X X X

Если хочешь, чтобы природа открылась во всей своей силе, помыслы твои должны быть абсолютно чисты, ибо она безошибочно угадывает, когда человек этого достигает.

X X X

В поисках понимания всего живого человеку может помочь только его доброе сердце.

X X X

Сочинение лесных рассказов необыкновенно ещё тем, что, передумывая однажды приключившееся с тобою в лесу происшествие, повторно переживаешь своё удивительное путешествие, открывая в нём то, чего ранее и не заметил.

X X X

Полночной порой ловишь себя на мысли: такая странная проникновенная освещённость исходит от луны, что её околдовывающая гармония, перетекая в душу, незаметно усыпляет все чувства.

X X X

Так хочется понять язык горихвосток и пчёл, жаворонков и журавлей, трубный зов сохатых, восторженные трели синицы поутру и, наконец, секреты глухариной песни, звуки которой древняя птица величественно роняет весенней порой, но более всего почему-то завораживает холодящий душу вой волков, его неизбывная таинственная тоска и тайна.

X X X

Может быть, из-за привычки видеть каждое лето наши обыкновенные луговые и лесные цветы - мы и не замечаем их истинной прелести, а всё больше восторгаемся надменными розами и дикими орхидеями?!

X X X

Страшно оставаться в ночном лесу одному, хочется с кем-нибудь разделить свои опасения, но только в одиночестве можно открыть и в нём, и в себе что-то важное.

X X X

Что грезится в стране деревьев тем, что ещё достаточно не выросли по сравнению с великанами, упирающимися макушкой в небо? И замечают ли их эти великаны, достигающие по ночам звёзд?

Все деревья, независимо от возраста, сосредотачиваются, наверное, только на себе, и нет предела их устремлённому подвижническому терпению.

X X X

Любовь у зверей, прежде чем перейти в яростный гон, всегда начинается безобидною игрою.

X X X

Когда научишься принимать безудержную декабрьскую метель как устремление собственной души, все невзгоды незаметно отпадают, и остаётся твёрдое желание быть любимым и любить, и ты веришь, что желание твоё обязательно сбудется.

X X X

Осенняя роса неприметная, серовато-прозрачная, а выглянет из-за тяжёлых туч яркое солнце – и засияет, как самокатное жемчужное зерно!

Но, бывает, пройдёт целый день, а ты её так и не разглядишь в сердцевине пухлого лопуха, и только принимая всю природу сердцем, мы ничего не рискуем в ней пропустить.

X X X

Ничто так не возвышает по весне людскую душу, как зрелище птичьего перелёта.

X X X

Август с сентябрём - родные братья, они идут рука об руку, однако высокое и серое небо в сентябре, в отличие от того, что то и дело припадает к земле в августе, с большими лебяжьими облаками, становится строгим и недоступным.

X X X

Укромно и незаметно живёт земляничная поляна, но только подует лёгкий ветерок – обдаёт ароматом всю округу.

X X X

Возможно, оттого, что я очень люблю глухарей и давно наблюдаю за ними, они в последние годы и переселились поближе к деревне.

X X X

По весне земля - будто желторотый птенец, переполненный жаждой жизни. К осени же она незаметно вырастает в огромную диковинную птицу, что не ведает - куда и зачем ей лететь.

X X X

Снежные сугробы за зиму так уходят в себя, что их спокойствие не возмущают даже стремительные апрельские ручьи!

X X X

Бывало, зачем-то забредёшь июльским утром в прелые заросли крапивы, что притаились в укромной тени за баней, и вдруг обнаружишь там совсем иную жизнь, которая никак себя не проявляет и, бывает, пройдёт всё лето, а ты о ней так и не узнаешь.

X X X

Природу отличает непрестанное очищение, ему подвержено существование всех птиц, зверей и растений. Итог же развития многих людей таков, что они не испытывают чувства преклонения перед лесом, даже не думая о нём.

X X X

Выдастся в конце февраля оттепельный день с размытой неопределённостью пахучего воздуха, с замирающей под самым сердцем тревогой, и ты не спеша отправишься в лес и, постепенно проникнувшись всем, что тебя в нём окружает, вдруг откроешь, как приятно переживать мир пробуждающейся природы в самом себе.

X X X

Иной раз, по каким-то необъяснимым признакам, угадываешь, что вот именно в этом лесном месте должен выйти тебе навстречу какой-либо зверь, и он действительно появляется.

X X X

Белые грузди - словно лебеди среди грибов, с присущим только им изгибом и разлётом плавных линий сияющей белизной шляпки.

X X X

Жалко до слёз поваленную под Новый год зелёную красивую ёлку…

X X X

Осенью, как и весной, чутко вбираешь в себя всё происходящее и слухом, и дыханием, и глазами, но тебе, всё-таки, не достаёт чего-то особенного, что так отчётливо проникает в душу в мае, а в сентябре утекает из неё.

X X X

Белый снег одинок в своём неудержимом устремлении закрывать собою всё зимнее пространство, никто не в силах разделить его с ним, и оттого он без конца пускает холодные белые стрелы в воздух, будто силясь добиться чьего-либо расположения, но ничего у него не выходит.

Обессиленный, отрешённо кружит он, не находя приюта, покорно ложится на землю и замирает, в мечтах, наверное, уносясь к равнодушному небу, что однажды обрекло его на неразделённость этой необъятной печали, и тотчас о нём позабыло.

X X X

Осенний лист безжизненно срывается с ветки, но, оторвавшись, будто обретает недостающую ему после долгой неволи свободу, наслаждаясь возможностью закружиться и полететь.

X X X

Ни одна черта в образе оляпки не выдаёт её пристрастия к воде, однако как ловко бегает она по дну ручья, выбирая при этом стремнину!

X X X

Я всю жизнь шёл к солнцу, но, ощущая его живительное тепло, мне всегда было совестно оставлять без внимания холодную тьму.

X X X

Всё в лесу имеет свою душу, и если прислушаться как-нибудь к тому же ветру, то сразу отличишь: он сам заводит с тобой разговор о том, что и почему для тебя наиболее важно, но пока почему-то недостижимо.

X X X

Смотреть - значит, стараться понять, думать - значит, стремиться проникнуть в любое время и в точку прекрасной Вселенной.

X X X

К лиловым крупным колокольчикам у меня почему-то всегда особое отношение, но спроси отчего - и не скажешь.

X X X

С первой порошей прибавляется белого чистого света, вроде бы, раньше зажигается робкое розоватое солнце, и ещё ярче искрится на лёгком морозце прозрачный воздух. Даже вездесущие чечётки, снегири и синицы, и без того, кажется, никогда не унывающие, приободряются и без устали перепархивают с дерева на дерево.

Но более всего в эту пору оживляет лес заливистый лай гончих собак, что целыми днями разносится по округе, наполняя лес необыкновенным весельем!

X X X

Только в апреле, в пору обильного снеготаяния, воздух в лесу так насыщен свежим смолистым духом, что невольно хмелеешь, голова идёт кругом, и, присев на пенёк или поваленное дерево, ещё долго не можешь придти в себя, ошарашено оглядываешься, но всё равно с жадностью впитываешь, вбираешь в себя весну.

X X X

Всегда меня настораживало строгое и какое-то неуютное название беличьего домика – гайно. Оно как будто не подходило всему, что было связано с обаятельным и милым зверьком.

Но вот однажды услышал, что в народе его переиначили по-своему – «гайнушко», где белочке тепло и уютно пережидать жестокие холода, и сразу всем сердцем принял.

X X X

В короткое бабье лето, благодаря щедрому солнцу, ещё не поникшие цветы, травы и не успевшие облететь деревья, кажется, как-то по-особенному славят землю, и от этого всё в природе становится ещё краше, чем в августе и июле.

X X X

Не зря шоколадного цвета бабочек с торжественно-жёлтой каймой по краям крылышек и строгими синими мазками вдоль неё называют в народе не иначе как «траурницами», ибо именно они провожают красное лето.

X X X

Невзрачны галки, обычно, мало кто этих птиц замечает, но каждый звук их голоса всегда означает что-нибудь особенное, и человек, заслышав его, непроизвольно обращает к нему внимание, постепенно обнаруживая в поведении птиц то, чего бы ранеьше, наверное, никогда и не приметил.

X X X

Как замечательно сидеть в лесу у костра, и спокойно думать обо всём, что произошло с тобою за день. Но ещё лучше - ни о чём не думать, а отдаться приятному ощущению слитности с окружающим тебя божественным миром!

X X X

В народе издавна воспринимали берёзу как самую женственную и скромную красавицу леса, но вот осина, несмотря на её дурную славу, не менее обаятельна и лишена не нужного женщине жеманства. В отличие от целомудренности берёзы – качества, что в женщине нередко мужчинам претит, осина, дрожа листом и быстро обнажаясь, совсем не выглядит вызывающе, и не менее желанна.

Завидев же в конце осени ещё не облетевшую, золотисто-пурпурную осинку, вдруг обрадуешься ей так, словно встретил человека, которого, может быть, ждал всю жизнь, и уже не чаял увидеть, а он взял и объявился тебе на радость.

X X X

Каждый зверь хоть как-то устроен в суровую зимнюю пору, и только волчья дорожка тянется через всю зиму, под холодной луной, от беды к беде.

X X X

До первой пороши, в красных шапках с белыми пуговками, стоят в своей неприкосновенной ядовитой красе бравые мухоморы…

X X X

Перед самым рассветом в лесу наступает такой час, когда становится особенно темно, и это надо знать, потому, как если ты заблудился в жизни, но не отчаялся, будь уверен: за самой страшной тьмой, как бы долго она не продолжалась, всегда ожидает тебя большой свет.

X X X

Долгую зиму копишь сокровенные желания и духовное здоровье, знания и усталость, а пришла весна – и забыл про всё!

X X X

Весенний рассвет в марте льётся зеленовато-перламутровыми отблесками на укатанную дорогу, прямо под ноги, и начинает казаться, будто ты поднимаешься по ней прямо к восходящему солнцу.

X X X

Всё в лесу кажется необыкновенным, даже самые обыденные вещи. Вот и грибы, хорошо известные каждому с детства, и чаще всего появляющиеся на одном и том же месте, на самом деле перемещаются в зависимости от погоды.

В сухое лето гриб тянется к стволу – там больше влаги, а в сырое - будто отбегает погулять на полянку, где почва суше, так как прогревается сильнее, чем под деревом.

X X X

Шорох листвы, когда по ней пробирается проснувшийся вешней порой ёжик, может быть нежнее шелеста самого первого ветерка, что будоражит молодые ветви, ласкает их и ничего никому не обещает.

Но иногда зверёк, выбираясь из своего зимнего укрытия, производит в пустынном весеннем лесу очень отчётливый звук – «пых-пых, чих!», так что он разносится достаточно далеко, а когда ёж ещё и засопит, мило зафыркает блестящим носиком, то невольно улыбнёшься и позабудешь, какой беспощадно затяжной выдалась надоевшая всем зима.

X X X

В канун весны, когда вся природа ещё молчит, моё нетерпеливое сердце уже трепещет маленькой птичкой, изредка замирает, словно пугаясь своей смелости, и в этой полной, на миг обретённой чуткой тишине устремляется к большой и ещё не сбывшейся любви.

X X X

Гаичка-пуховичок так легка и воздушна, что не перестаёт без устали выискивать семена, даже повиснув на веточке вниз головой!

X X X

Надо очень дорожить лесной жизнью, что приоткрывается порой лишь на мгновение, но именно оно и побуждает к творчеству.

X X X

Кажется, нет ветра, а высокие ели вдруг закачаются, будто приветствуя кого-то невидимого, и ты не в силах понять, что и кому они пытаются рассказать. Или, может быть, о чём-либо предупреждают?!

X X X

По тенистым лесам, низменным лугам или в оврагах часто встречаются заросли пушистых цветов с белыми пахучими шапками: это - любимая лосями таволга, что для них и самый желанный корм, и мягкая душистая постель.

X X X

Всю зиму скрипят над берлогой медведя высокие старые ели, а сон его от этого становится ещё слаще и крепче.

X X X

Всем хорошо известны белые кувшинки… Они целыми днями красуются на поверхности лесного озера, придавая ему особое обаяние и загадочность. Но лишь немногие знают, что с наступлением вечерних сумерек таинственные цветы сворачивают лепестки в тугой бутон и погружаются под воду, на всю ночь, оставляя после себя тонкий, еле уловимый аромат.

X X X

Только по весне вдруг замечаешь, каким смел и отчаян стал маленький лесок, всю зиму окружённый бескрайними заснеженными полями.

X X X

Кто не ходил морозной апрельской ночью на глухариный ток, тот никогда не узнает, как весело и жгуче прихватывает за щеки крепкий весенний утренник, и как обрадовано, словно зазывая в гости, посверкивает в алмазах бархатное предутреннее небо. А как таинственно крадётся рядом лунная апрельская ночь, гулко ударяются в ней об наст лыжи, и снег, будто сыпучее серебро, стелется под ними увлекательной и всё время ускользающей куда-то дорожкой, которая здесь, в глухом, отдалённом от людского жилья лесу, становится самой дорогой и желанной!

X X X

Человек читает великую книгу природы, а видит в ней только своё, человеческое.

X X X

Зимой не хочется говорить много и громко возможно оттого, что она продолжительна: всё успеешь обдумать в ней и обсудить, научившись быть внимательным и немногословным.

X X X

В августе порой устанавливается такая чуткая, живая ночь, что ясный месяц, с улыбкой выглянув из-за туч, кажется, вот-вот весело скатится с неба, искупается в деревенском пруде, а затем, взобравшись на бабушкину избу и присев на коньке, весело свесит ножки. Был бы он человеком, то непременно бы ещё и прошептал всем перед сном: «Спите, крещёные, но не просыпайте… Скоро осень!».

X X X

Яркая, словно начищенная снегом луна скучна в окне нелюбознательного человека.

X X X

Когда терпеливо, в течение долгих лет, выискиваешь, чем живёт лес, то сила его уже не подавляет, а спасает.

X X X

Как это ни странно, но, сколько не бываю в лесу, чаще всего просто доверяюсь ему, а не пытаюсь его осмыслить и понять.

X X X

Невольно хочется думать, что любимая женщина непременно принесёт с собой аромат чистых апрельских дождей.

X X X

Берёза ободряюще шумит, осина неутомимо трепещет, а липа ненавязчиво нашёптывает и нежно овевает.

X X X

Мала синичка, а своим тоненьким голоском всех будит.

X X X

Раньше я думал, что мир природы в безлюдье становится только прекрасней, а теперь убеждён: без заботливого человека он, наверняка, недопустимо дичает.

X X X

В особо лютые зимы в одном гнезде собираются по две-три белки.

X X X

Тихо слетают с неба снежинки, со всех сторон лишь они и душистый апрельский воздух, но как надёжно, благодаря только этим еле приметным переменам в природе, утверждается в своих устремлениях к Богу твоя

уставшая за зиму душа, с надеждой возносясь в серовато-размытую весеннюю вышину.

X X X

В январские оттепели, первые предвестники весны, души людей так неожиданно обнажаются, что не ведают, куда себя деть.

X X X

Мелодичный свист рябчика морозным утром - будто неожиданно пробившийся из-под гнёта зимы ласковый ручеёк.

X X X

Летним утром, на приятном солнцепёке, никогда не помыслишь о пронизывающей метели, и только наслаждаешься раздольем этой благостной жизни, что как будто остановилась в продвижении вперёд, всю свою силу сосредоточив на росте вверх, к солнцу. Всё радуется, тянется, становится стройным и красивым, подобно лиловым султанам кипрея, а ты и не подозреваешь, что и сам невероятно вырастаешь, обращаясь душой к солнечному свету, незаметно отражающему её тепло для всех живущих на земле.

X X X

Зима стояла бесснежная, морозная, и все так и думали, что земля в этот год обойдётся без привычной для неё талой влаги. Но к началу апреля всё в развивающейся весенней природе повернулось и обдало студёным метельным жаром: началась ослепительная весна … снега!

X X X

Всё время ждёшь весну, ещё с конца января отмечаешь её неприметные вехи, надеясь, что она ворвётся в тебя и захватит целиком. А весна прокрадывается в твоё сердце с последними, слетающими с небес, в начале мая, трогательными снежинками, они незаметно распахивают свои голубенькие чарующие глазки и нежно ими околдовывают.

X X X

Временами, очень редко, я ощущаю, как лесной бог обращает на меня своё внимание, смотрит ясно, очищающее, но при этом полностью доверяет

мне проявить себя самому, даже в мелочах, которые на деле оказываются самыми важными.

X X X

Человеку всегда следует помнить: лес – источник той огромной силы, которую ничем нельзя заменить.

X X X

В непроглядную студёную вьюгу, случающуюся нередко в конце марта, почему-то всегда знаешь, что под утро ветер успокоится, небо прояснит, и глухари неспешно выйдут на припорошенный снежком наст, чтобы подарить всем чудесную лесную сказку.

X X X

Любоваться и не принимать природу сердцем – невозможно, но только немногим, кто понимает её силу, удаётся почувствовать в ней свою собственную жизнь.

X X X

Природа никогда не отдаёт человеку душевный покой даром, а только так, чтобы он непрерывно работал над собой, расцветал изнутри и когда-нибудь узнал своё подлинное счастье.

X X X

Мартовский утренник как ничто крепит наш дух, возбуждая во всём теле недостающую для возрождающейся жизни бодрость.

X X X

Из всех времён года старинный геральдический герб применим, наверное, только к зиме, где может быть отображено благородство её здоровых помыслов, верность данному ей крепкому слову и необъятность волшебной силы, перед которой всякий неверующий перекрестится.

X X X

Ещё вчера, несмотря на позднюю осень, лес жил какими-то скрытыми к зиме приготовлениями, был широк и неустрашим, а сегодня уныло свернулся

серым звериным клубком и затих. И ты понимаешь: это последние птицы покинули свою родину, что в одну ночь стала без них чужой и холодной.

X X X

Увидишь страстно токующего в февральскую оттепель косача, но и не подумаешь усмехнуться, а заглядишься на него и тоже непроизвольно вовлечёшь себя в этот радостный и, может быть, немножко глупый предвесенний обман.

X X X

Как глубоко надо понимать и любить жизнь, чтобы она – и дневная и ночная, и несчастная и счастливая, и беспечно-сонная и яркая, и, конечно, необыкновенно живая – одинаково бы серьёзно просилась на бумагу.

X X X

Иногда мир лесных обитателей кажется скучной и давно исчерпанной истиной. Самое необычное в нём становится привычным, оно просто надоедает.

Но невозможно вытолкнуть из себя природу: рано или поздно в душе просыпается ощущение счастья, когда видишь, как просто и радостно она живёт.

X X X

Переживание весны во мне так глубоко, что я начинаю воспринимать её задолго до февральских оттепелей, в глухих отрогах января, когда даже не отсияли на небе рождественские звёзды, но к весне не исстрачиваю себя, а наоборот, становлюсь более определённым в своих душевных устремлениях.

X X X

Преисполненный довольства августовский вечер, от избытка радостных ощущений, часто заводит с человеком нехитрый, но добрый разговор, в котором человеку достаточно просто молчать, слушать и думать.

X X X

В иной год сосульки вырастают толщиной в хороший берёзовый ствол, но и ими не дорожит весна!

X X X

Мартовские утренники такие сияющие и жгучие, что готовы, кажется, превзойти всё торжество просыпающейся природы, но и они неудержимо поглощаются всё более нарастающими в апреле праздничными потоками воды и ароматом первых, только что пробудившихся цветов.

X X X

Промозглый октябрьский день подарил мне огромного глухаря, с пугающим хрустом сорвавшегося с высокой сосны, стремительного тетерева, пронёсшегося прямо над головой, пушистую белочку, легко перебежавшую дорогу, но только маленькая стайка вездесущих чечёток по-настоящему развеяла осеннюю скуку.

X X X

Апрельская дорога раскисшая, чёрная, и пока бредёшь по ней, след твой очень скоро расплывается, и мало-помалу вовсе исчезает, отчего на душе, несмотря на весну, становится беспокойно и как-то неопрятно.

Но только войдёшь в лес – и угодишь в зернистый чистый снег, что сразу отрезвит резким запахом уже надломленной зимней свежести, вскружит голову и заставит оглядеться: ведь вот она, весна, пришла, а ты её всё не замечаешь!

X X X

Столько воли отмерено Вселенной человеку, и до чего же он беспомощен и несчастен!

X X X

Увидишь в траве крохотные незабудки – и сразу вспомнишь про высокое небо. Не выгорает их цвет на солнце, ничуть не тускнеет, и всегда они смотрят мягко и доверчиво, переполненные своей скромной любовью.

X X X

Ни с чем не сравнить силу весенних ночей, так что даже не хочется искать ей каких-либо объяснений.

X X X

Любая погибель жизни во Вселенной не есть что-либо страшное и беззаконное, совершенно не содержащее в себе какого-либо смысла и

бесповоротно и навсегда скрывающее от тебя свет, если принимается эта погибель достойно, с пониманием, что смерти в божественной природе не существует, и любой уход - лишь вынужденная смена одежды, то есть - перерождение.

X X X

Только в сентябре, когда он уже ничего не обещает и, кажется, не даёт и тени надежды на какое-либо возрождение, такой зеленой, сочной и свежей бывает совсем, кажется, не увядающая трава - отава, наросшая после последнего августовского сенокоса.

X X X

Красота - это не инстинктивно воспринимаемое нами ощущение целесообразности божественного сущего, а как раз сама сущность – никем не объяснимая и ничем не прерываемая, простая по своей восхитительной сути, но и не роскошествующая излишними свидетельствами своего непревзойдённого обаяния. Красота - есть язык Господа, на котором Он с нами разговаривает, и которому мы должны неустанно учиться.

X X X

Как только на южном склоне лога, под старой елью, закипит муравейник – со дня на день поднимается из берлоги лесной воевода-медведь.

X X X

Если бы человек не только загадывал свои праведные желания, но и добивался их осуществления, что невозможно без тесного единения с природой, он был бы поражён тому, как можно измениться, становясь подобным Богу.

X X X

В мае всего много, и так неописуемо чудесно, что душа не чувствует себя пресыщенной, а жизнь, всё время переливающаяся через край, не утомляет.

X X X

Приняв тайну природы, даже отчасти раскрывшуюся тебе, очень важно какое-то время не рассказывать о ней никому, бережно нести в себе и, благодаря этому, черпать желание жить.

X X X

С вечными поисками смысла своего существования, человек есть явление не противоестественное, а наоборот – правое, причём, более, чем любое дерево или цветок, ибо он один в природе способен развивать себя бесконечно.

X X X

Чудные слова переполняют меня и осенью, и зимой, ещё более - раннею весной, отчего пишется легко, а на душе всё это время – покой и радость от осознания того, что она невозможна без нашей русской природы.

X X X

Обычная жизнь человека длиною в 70-80 лет вполне достаточна для свершения всех мыслимых и даже самых немыслимых дел, чтобы успеть стать в ней по-настоящему неуязвимым для злобного непонимания, то есть – свободным, когда достигнутое тобой душевное благо защищено осознанием в себе божественного начала, и ты ощущаешь силу, что оказывается бессмертна, как в природе.

X X X

Гаркнет в морозный зимний день старый ворон, и лесная прозрачная тишина будто расколется на множество мелких хрусталиков.

X X X

Глаза весны в апреле, не в силах сдерживать нахлынувших чувств, полны безудержными ручьями любви.

X X X

Порой создаётся впечатление, что лесная тишина очень долго и вкрадчиво обдумывает любое, зарождающееся в ней движение, но, ни к чему, кажется, так и не приходит. На тихого, говорят в народе, Бог сам нанесёт.

X X X

Поздней осенью опустишь ладонь в лесную лужицу и, к своему немалому удивлению, не ощутишь холода: это давно опавшие чёрные,

пурпурные и фиолетовые листья, разлагаясь на дне, копят тепло, прогревая воду.

X X X

Если по весне тебе не вспоминается твоя горячая молодость, значит, ты ещё не отгулял, а только ждёшь, как бы повернее, подобно одинокому селезню, броситься на крик своей любви и не промахнуться.

X X X

В старину «противный» ветер, дующий человеку в лицо, называли «встречей»… Как это хорошо и верно!

X X X

До чего осторожен, чуток животный и растительный мир: ласточка никогда не прилетит даже в июне, если опасается холода, деревья же так и простоят голые, с набухшими почками, чуть ли ни весь май, не поверив раннему теплу.

И действительно, заморозки, бывает, ударяют даже в третьей декаде первого летнего месяца и длятся целую неделю, а в конце мая выпадает снег, так что утопаешь в нём по щиколотку, и не прекращается он три дня кряду. Растения же словно ждут своей очереди, терпеливо всматриваясь и вслушиваясь в проистекающую жизнь: ждать - не устать, было бы чего!

X X X

Далеко разносится в майском лесу завораживающий голос кукушки, и сколько не идёшь до неё - никогда, кажется, не достигнешь.

X X X

С конца апреля, и ещё почти весь май, стоит по лесу упрямый шорох обрывающейся капели, что роняют переломленные ветви берёзы, но шорох этот никогда не надоедает, а мокрые от сока стволы хочется нежно обнимать, целуя.

X X X

Весенняя молодая зелень постепенно скрывает старую прошлогоднюю траву, и всё плохое незаметно забывается, а новое, хорошее уверенно прокладывает себе манящую вдаль дорожку.

X X X

Обычно безболезненно пережидаешь пору сенокоса, когда в лесу полно людей, не видно зверя и птицы, да и грибы с ягодами ещё не поспели. Но так захочется иной раз открыть свою душу лесной чаще, побродить по тенистым тропинкам и помечтать о благодатном августе, что отправишься июньским полднем в лес и, забывшись там, вдруг прямо-таки заболеешь этим околдовывающим царством буйных трав, цветов и теней.

X X X

Устройство природы таково, что она обязывает человека, в первую очередь, к обыкновенному терпению.

X X X

Потаённую суть лесной жизни постигаешь и в непроходимых сугробах января, и в небесной лазури апреля.

X X X

Перед самым заходом солнца оранжевая заря на западе иной раз замыкается на короткий миг в себе, стекленеет, и весенние лужи на дорогах горят от неё, как окна в завораживающую неизвестность: и умиротворённо, и до непостижимости безучастно.

X X X

В пору первой молодой зелени, когда природа ещё достаточно оголена, всё в ней находит своё место, каждый может смело заявить о себе, и даже какое-то время покрасоваться у всех на виду.

X X X

Когда в глухом лесу отсутствует солнце, и ты немного запутался в его потаённых дорожках, лес, кажется, замыкается в себе, охваченный глубоким равнодушным сном. Человек невольно поддаётся этому сумрачному настроению, не замечает времени, которое тянется удивительно медленно, и начинает спешить, а, следовательно, ещё более блуждать, идя наобум.

Лучше всего не поддаваться подобному состоянию и противопоставить ему спокойную волю, когда вся окружающая обстановка должна восприниматься как неотъемлемая часть твоей жизни. Нужно помнить, что у тебя всегда имеется неистощимый запас энергии и знаний, позволяющий жить в мудром согласии с лесом, каким бы отчуждённым он ни

представлялся. Меньше паники, больше доверия и любви к лесу - и ты непременно достигнешь с ним гармонии, и выйдешь к людям.

X X X

Как мне нравится идти навстречу жестокой апрельской вьюге, и знать, что назавтра снова выглянет солнце!

X X X

Всё, что я узнаю в природе, было в ней всегда, нужно только это знание время от времени открывать и обязательно передавать другим.

X X X

В апреле бывают такие сильные утренники, что и на быстрине схватывает ручей.

X X X

В доме тепло, уютно, а берёзовые дрова так весело потрескивают в печи, что морозная зимняя ночь за окном кажется маленькой мышкой, которая острым коготком осторожно царапает застывшее стекло, и время от времени в растерянности затихает.

X X X

В человеке собрана вся природа, но её не так просто различить, так же, как и растерять.

X X X

Весной у человека всегда пробуждается надежда, но она может пропасть в течение следующих времён года, если не относиться ко всему серьёзно. Серьёзной должна стать твоя собственная жизнь, в которой ты не будешь позволять себе обманывать людей, в первую очередь, обманывая при этом себя, когда пренебрегаешь постоянно возникающими перед тобой возможностями.

И ещё не нужно забывать, что радостную весну в твоей душе и природе предопределяют строгая зима, её холод и сумерки, морозы и снежные бури, пронизывающие ветра и кажущаяся нескончаемость всего происходящего. Но на самом деле зима любит весну, потому как они сёстры, и зима уступает своему родному существу то, что не уступила бы никому другому:

возможность просто появиться, чтобы каждый мог воспользоваться её преимуществами.

Весна улыбается вашей жизни!

X X X

Зимой леса стоят совсем чёрные, весной нежно голубеют, летом изнывают от изумрудного жара, к осени же в восторженной растерянности замирают, будто раздумывая: каким бы цветом ещё разгореться напоследок, при этом даже не замечая, что переполнены жизнью.

X X X

Если человеку постоянно везёт, значит, он не отпугивает от себя счастье, верно выстраивая свои отношения с миром, общение с которым невозможно без природы.

X X X

Глядя, как быстро проносятся над головой вольные птицы, никогда не завидуешь их независимому счастью, а только любуешься ими.

X X X

В городе борьба весны с морозом уже давно закончилась, но в деревне солнечные лучи не в силах одолеть крепкие утренники, что по-прежнему красочно разрисовывают оконные стёкла, а лес за околицей никак не приходит в гости.

X X X

Даже в самых справедливых словах человека может быть всё так и не так, и только в природе живёт одной ей ведомая ясность, воспринимаемая людьми как нечто неоспоримое.

X X X

В зимней чаще с восходом загораются бесчисленные алмазы, яхонты и рубины – вся тайга вспыхивает яркими драгоценными блёстками, восторженно сверкает, переливается… А это - всего лишь с вечера замёрзшие на веточках капельки влаги: их на короткое время оживили первые лучи солнца.

X X X

Время твоей жизни не пропадает бесцельно, если весной с запахом проснувшейся земли, ты ощущаешь не растерянность, а причастие ко всему происходящему в природе.

X X X

Наши лебеди – это пример того, как заслуженно приходят в жизни мудрость и красота. Молодые птицы – серые, неказистые, а взрослые – царственно-белоснежные красавцы, что вызывают только ощущение законченного совершенства.

X X X

Основу творчества составляет притяжение божественной энергии из Вселенной… Именно творческий человек становится источником знаний, претворяя мощь космических возможностей в необходимую для жизни на земле силу.

X X X

Весной в окружающей природе всегда ощущается именно весеннее настроение, а осенью – осеннее, отчего и переживаешь непередаваемое счастье.

X X X

Мохнатый шмель, возбуждённо жужжа, ловко ныряет в распустившийся цветок, и сразу примолкает там, опьянев от нектара и удовольствия. Выбирается он оттуда через какое-то время уже с трудом, чуть пошатываясь из стороны в сторону, то и дело, охорашиваясь и лениво перебирая перед собой лапками.

Шмель долго приходит в себя, озабоченно возится, видимо, не желая покидать гостеприимный бутон, и еле-еле поднимается в насыщенный ароматами июльских воздух… Впрочем, вскоре этот живительный воздух вновь наполняет шмеля неописуемой лёгкостью, с какой он радостно устремляется в небесную высь.

X X X

В морозный солнечный день снежинка иной раз так брызнет в глаза золотистым светом, будто долгие хмурые дни копила его в себе, а потом в один миг отдала.

X X X

В солнечные июльские дни, заполненные золотом колосящейся ржи, не помышляешь о чудесной жар-птице, что тайком, наверное, прилетает сюда покормиться. И только к началу осени, под прохладной золотой луной, вдруг вообразишь весь жар её перьев, царственное достоинство и ту единственную ночь, когда птица его теряет, отчего-то доверяясь человеку.

X X X

Шелест трепещущих нежных листиков сердце по-настоящему переживает только весной, летом успокоено затаивается, почти не обращая на него внимания, а осенью и вовсе бесшумно обрывается и куда-то улетает.

X X X

Зимой всё время кажется, будто она тихонько стоит за твоей спиной и не дышит… Не то, что весной, когда во весь дух бежишь за ней, хочешь коснуться, а догнать не можешь.

X X X

В лесу всегда хочется одним долгим, всё запоминающим взглядом охватить его глубинную красоту, и ты охватываешь её, постепенно постигаешь, и в какое-то мгновение она становится понятной и родной.

X X X

В томной испарине весеннего дня незаметно отходит от зимы безмолвный лес, будто переводит дыхание, и ты вдруг чувствуешь, как он благодарен пришедшей поре. О своём настроении лес сообщает пока лишь запахом набухших почек, подтаивающего ноздреватого снега и упрямого ветерка, приятно дурманящего голову.

X X X

В старину пользовались шкуркой ежа, чтобы отучить телят от материнского вымени: с убитого зверька сдирали шкурку и привязывали её подросшему телёнку на лоб. Когда телёнок хотел пососать корову, он утыкался ей в вымя. Иглы кололи её, она отпихивала телёнка от себя и больше не подпускала.

X X X

Никогда не увидишь, а только почувствуешь, как сладостно настаивается терпкий запах весны, её зеленовато-прозрачный, пьянящий, но не видимый аромат.

X X X

Случится, набредёшь в лесу на замшелый медвежий череп, уложенный кем-то на полусгнивший старый пень, и будто соприкоснёшься с неведомым лесным духом. Череп чуть ли ни врос в осевшую древесину, и ты пытаешься разгадать его историю, олицетворяющую тайну большого зверя, и по каким-то еле заметным знакам угадываешь её: какой был этот медведь, отчего череп его оказался именно здесь, на твоём пути, и куда улетела его дремучая душа.

X X X

Очень важно жить по велению сердца, ибо жизнь необыкновенно хороша, если ничего не бояться и принимать всё с открытой душой.

X X X

Легко шагается на лыжах по застывшему насту мартовским утром, и на душе бодро и радостно от переживания розовеющего морозного утренника, неторопливо пробуждающейся весны и ожидания новых встреч с родными сердцу глухарями!

X X X

В морозные зимние ночи снег словно прислушивается к шороху, который издают на небе звёзды, и чутко впитывает их свет.

X X X

Казалось бы, как легко ни во что в лесу не вмешиваться, но попробуй прожить так хотя бы один день, и ты поймёшь: быть учеником неизмеримо тяжелей, чем признавать себя всезнающим хозяином, присваивая то, что тебе не принадлежит.

X X X

Природа красоты всегда желает своего радостного проявления, как и любовь, что неможет не изливать своё безусловное очарование. И красота, и любовь, и радость – единственные свойства жизнеутверждающего

Божественного Существования, и с пониманием этого уже не хочется искать иного чуда, только наслаждаясь дарованным свыше благом.

X X X

По осеннему хмурому небу величественно проплыла клином стая журавлей, и за ними вдруг открылась потрясающая синь.

X X X

Что меня поражает во всех временах года, так это то, что каждое начинается будто впервые, и воспринимаешь его всегда по-новому.

X X X

Тонко чуют приближение весенней поры букашки, спрятавшиеся под глубоким снегом. Многие из них, когда солнце особо пригревает, уже выбираются наружу, и часто, ещё в марте, можно увидеть, как они ползут куда-то по мартовскому снегу, и вроде бы ничего уже не боятся.

X X X

Из всех деревьев только сосны умеют перешёптываться между собою вершинами, и делают это всегда так трогательно, будто не виделись целую вечность.

X X X

Как было бы хорошо для человека не вмешиваться в дела природы, а только наблюдать за ней и учиться!

X X X

В апреле непрерывно спорят солнце, снег, ручьи и запоздалая вьюга, но выходит это у них без всякой злобы, задорно!

X X X

В течение лета и всей осенней поры медведь старательно нагуливает запасы жира, но не для зимы, как это принято считать, сало его за долгие зимние месяцы остаётся почти не израсходованным, а на период весенней бескормицы. Когда зверь поднимается из берлоги голодный, он может отыскать в пустом лесу лишь малую толику личинок, муравьёв или

кореньев, в лучшем случае - горсть кедровых орешков в разорённой им норке бурундука.

X X X

Волк ничему и никому не доверяет: ни тишине, ни ночи, ни кустам, ни подвернувшейся было лёгкой добыче, ни самому себе.

X X X

Лес к весне оживает только после того, как солнышко заглянет в самую глухую ложбинку, где не бывало едва ли с осеннего равноденствия… Вот когда в природе наступает настоящая радость!

X X X

Бесшумен снегопад, и с ним всё в мире становится ещё тише…

X X X

Наблюдая как-то за сорокой, я вдруг подумал: птица эта всегда доставляет хлопот больше себе, чем другим, и это ей ужасно нравится!

X X X

В отличие от обычая людей, привыкших в жизни стыдливо скрывать своё незнание, лес быстро и просто воспитывает привычку: чего не понимаешь - сразу, не тушуясь, спрашивай.

X X X

Когда случается злое ненастье – круто гнутся высокие ели и надрывно завывает безудержный ветер, приятно думать, что можно всё это увидеть и, несмотря ни на что, отправиться в лес, не дожидаясь хорошей погоды.

X X X

После долгой, надоевшей всем ноябрьской непогоды особенно радостно бывает увидеть на небе свежие декабрьские звёзды, по-хозяйски раскинувшуюся бархатную ночь, и, наконец, ошеломляющее движение молодого месяца. Месяц взбегает наверх с такой удалью, будто готов светить там, не уставая, всю зиму, весну и лето, пока опять не подступит в природе самое беспросветное время, когда никто почему-то не противится однообразию промозглых дней и безысходной скуке.

X X X

В начале лета в воздухе держится нечто до боли тёплое и родное, кажется, знакомое ещё с самого детства, чего уже, как ни старайся, ни за что, наверное, не вспомнишь.

X X X

В волчьем вое, доносящемся из лесной тьмы, слышится и бессильное отчаяние, и жалоба, и необыкновенная сила.

X X X

Сила в мужчине должна непременно сочетаться с нежностью… Именно из такого сплава отливались мечи самураев, на которых были выгравированы хризантемы.

X X X

В удивительной стройности и чистоте березняка почти никогда не отмечаются тёмные полоски, как-то неприметно разбросанные по белоснежно-матовой коре, но и они необыкновенно хороши в своей чёткости на светлых стволах. В них постепенно проглядывает особая берёзовая красота, что не сразу бросается в глаза.

X X X

Когда с берёз и осин начинает быстро утекать лист, хвойные деревья стоят молчаливо насупленные, словно разделяя грусть лиственных деревьев и прощаясь с ними до весны.

X X X

В лесах бушует ветер, от натуги горбятся спины старых сосен, скрипят стволы берёз и елей, а на душе у тебя всё равно хорошо и покойно.

X X X

Трудно представить себе море - без бури, а лес - без шума ветра и звериного гонного рёва… Именно эти грозные звуки подчёркивают красоту и мощь природы.

X X X

Вроде бы, жарко горит снег в мартовский полдень, но его ещё так много, что приглядевшись – утвердишься: он пока лишь сладко подрёмывает.

X X X

Проснулся однажды в деревне от торопливого сорочьего стрекотания - и сразу подумал: это ведь неугомонная птица делится своими новостями! Стрекочет и стрекочет без малейшего перерыва битый час.

Слушаешь и удивляешься: сколько же их у неё?

X X X

По-особому уютно бывает в лесу, когда от непогоды стонут деревья, и ветер завывает в старых дуплах.

X X X

В гнетущее предзимнее время солнце оборачивается полумёртвым совиным глазом, подёрнутым плёнкой, что изредка вспыхивает над безликим горизонтом и быстро потухает, но, между тем, зорко следит, как бы кто-нибудь раньше времени не восстал против суровой грядущей поры, а в почтении поклонился.

X X X

В конце октября устанавливается великая пустота леса, с будто выкованными морозом тропинками, пронизанными звонкой тишью, и лужицами, подёрнутыми непрозрачным тёмным ледком… А надо всем этим - холодное безжизненное небо.

Лес - весь в себе, но почему-то хочется закричать от появившегося в нём именно сейчас, переполняющего всего тебя ощущения свободы: «Ого-го-го… Эге-гей!». И лес сразу будто оживёт и отзовётся каким-то необыкновенно раскатистым долгим эхом, с удовольствием подтверждая это неожиданно открывшееся в себе, совершенно обнажённое осеннее пространство.

X X X

Запах у распускающейся яблони не пронзительный, как у черёмухи, и не сильный, как у сирени, он - очень скромный, едва ощущается, но, мягко смешиваясь с воздухом, незаметно проникает в душу и неотступно куда-то манит.

X X X

Тревожный зов осени никогда не удовлетворяет, хотя и зачаровывает своей печалью.

X X X

В жизни более всего раздражает отсутствие веры у многих людей в собственные безграничные возможности, безразличие к своим судьбам, которые можно было бы такое же бесконечное количество раз устроить по-другому, несравненно лучше. Вот что по-настоящему разочаровывает: равнодушные люди, не желающие роста, а ведь и у них в детстве горели глаза, когда они с изумлением обнаруживали в чашечке цветка мохнатого шмеля!

X X X

Никогда не упустишь возможности купить маленький букетик незабудок у какой-нибудь старушки, стремясь, наверное, возвратить какие-то очень приятные, но давно утраченные воспоминания, связанные с этими трогательными цветами…

Однажды, тёплым майским днём, тебе вдруг неудержимо захочется такой неожиданной встречи с безвозвратно растаявшим прошлым, и именно небесно-голубые цветы успокоят твоё сердце.

X X X

Уже к концу января солнце пробует светить по-весеннему, но получается это у него ещё не в полную силу, а с лёгкой задумкою на яркое будущее.

X X X

Как вкусно грызть в лесу ржаной сухарь, когда другого ничего не находится, причём, усевшись на пенёк у какого-нибудь говорливого ручейка. В душе сразу вспыхивает огонёк любви ко всему, что живёт безрадостно.

X X X

В ласковое весеннее утро и дикие звери целуются.

X X X

Цветут липы, пахнет липовым мёдом, и на душе так хорошо и празднично, что ты даже не в силах дать происходящему отчёта, и больше ничего не желаешь.

X X X

Крепко спят старые ели, а только прошумит лёгкий ветерок, они тотчас просыпаются и тихонько шушукаются.

X X X

В жизни случается, что всё, кажется, умерло для тебя. В памяти не осталось воспоминаний о том, что ты жил когда-то достойно и интересно, или мест, где ты был счастлив, и весь твой путь представляется мучительным, никчёмным: какая ещё беда стрясётся с твоей израненной душой?

Но стоит только заслышать шум нашего русского леса, просто увидеть его издали, пусть даже мысленно – и всё сразу изменится в лучшую сторону.

X X X

Голодная весна страстно, во всеуслышание провозглашает себя в лесу, сытое же лето лениво молчит и в благодушном довольстве своего огромного разнеженного тела сладко дремлет.

X X X

Иногда в душе возникает нечто лучшее, чем просто добрые мысли о природе, и хочется, чтобы это лучшее потихонечку росло, зрело и никогда не прекращалось.

X X X

Прежде, чем войти в лес, ты должен обратиться к нему с приветствием. Войдя – следовать его законам. Открывая – познавать и радоваться. Прощаясь – благодарить, петь песню и никогда не прерывать с ним внутренней связи.

X X X

Только ночью слышно, как тяжело опускаются на землю опадающие листья…

X X X

Ждёшь весну, стремишься к ней всей душой, и когда она наступает - вдруг понимаешь: весна больше, чем жизнь, она - любовь.

X X X

Густым праздничным тестом ползёт над долиной таёжной реки душистое облако тумана, и вода в ней постепенно становится тягучей и по-домашнему тёплой и уютной.

X X X

В первобытной животной силе, которая может быть страшна, есть нечто удивительно притягательное и красивое.

X X X

Красногрудые снегири на фоне придорожных снегов – это румяные спелые яблоки, кем-то щедро высыпанные на белую скатерть зимы.

X X X

Весенний сумрак быстро окутывает лес, в темноте стирается разница между берёзами, соснами и елями, но ты чувствуешь каждое дерево, цепляясь взглядом за их еле уловимые очертания, и путь твой, несмотря на распутицу, совсем не тяжёл, а только становится невероятно чутким и радостным: ты идёшь по земле вместе с весной!

X X X

Обследуя по весне глухариные тока, бывало, целый день бредёшь на давно отсыревших тяжёлых лыжах. К ним постоянно липнут комья подтаявшего снега, пальцы на ногах сбиты, спину ломит, шапка намозолила вспотевший лоб, но, завидев на краю лога чёрный лоскут старого сосняка, всё равно повернёшь к нему, и любой ценой тщательно обследуешь. Там, в глубине вековой чащи, из каких-то её неведомых источников, почти незаметно, вливается в твоё уставшее тело невероятная сила…

Только в лесу узнаёшь цену времени, что течёт бесконечно в непреклонно сменяющих друг друга вековых деревьях, и тогда уже пренебрегаешь любой усталостью.

X X X

Идёшь, бывало, по лесу и день, и другой, а вокруг одна и та же картина: за сосняком – ельник, за ельником – сосняк, а под ногами – вьётся еле уловимая тропка.

Вот после очередного поворота - показался следующий, путь опять куда-то заворачивает, далее же вообще не знаешь – куда выведёт тебя дорога. Поворотил бы, да некуда! Самое время остановиться и передохнуть, но место неудобное, хочется выбрать лучше…

И только с возрастом, начиная по-настоящему чувствовать преданность лесу и его чуткое отношение к тебе, заставляешь себя сделать привал где угодно, чтобы ещё более проникнуться своеобразием самого обыкновенного места, а потом отправиться дальше, и так – до бесконечности.

X X X

Лес для людей, что книга: для кого-то нет её ничего дороже, а кому-то – лучше бы и не читать! Но, между тем, всякому несёт она на своих страницах знание и покой, умиротворение и усладу.

X X X

Липа – красивое и, может быть, самое нежное лесное слово.

X X X

Мирно перекликаются в ночной весенней тиши маленькие сычи, не давая впасть в полное забытье огромному старому лесу, и лес только дремлет, довольно улыбаясь в косматую хвойную бороду.

X X X

Жизнь в лесу приучает ничему не удивляться, но всегда наблюдать, радоваться, и самому жить всем, что происходит и вокруг, и в собственных мыслях, ни от чего не отказываясь.

X X X

В ожидании глухариного тока, скорчившись возле огня на еловом подстиле, никогда не удаётся уснуть. Зато видишь, как радостно вздрагивают в небе разноцветные огоньки апрельских звёзд, словно торопятся воспользоваться недолгой весенней темнотой.

Из темноты наплывают чёрные силуэты елей и сосен, похожие на древних старцев, склоняются над тобой, а лицо овевает тёплым дыханием душистый ветер… Тихо в лесу, но сон не идёт, и, то и дело, кажется, что кто-то бесшумно бродит возле кострища, но не хочет тебя беспокоить.

X X X

С марта, особенно в дни оттепели, лицо обдувает не сильный, но приятный сыроватый ветер, в сером небе изредка появляются голубоватые пятна, напоминающие чьи-то нежные задумчивые глаза, и сердце мягко вспыхивает радостью: пришло тепло, а вместе с ним – глубокое чувство удовлетворения от полноты жизни.

X X X

Увидишь, бывало, как на фоне пылающего зарева заката неистово мечутся вороньё и галки, будто намётывая своими чёрными стремительными телами затейливо-зловещий узор, и поверишь, что вездесущие птицы пророчат нелёгкий день…

Но утро выдастся удивительно покойным и ясным, без какой-либо птичьей суеты, и ты с радостью ещё раз убедишься, как чудесна природа, мудро предоставляющая человеку возможность бесконечного выбора своего отношения к жизни.

X X X

Пришла весна, и мысли мои, как ласточки в небе, неуловимо и радостно замелькали, и вырвались на волю.

X X X

Глядя на цветы, мне иной раз кажется, что они желают стать женщинами, сохранив при этом свои чудесные имена: вероника, маргаритка, астра или гортензия. В них живёт какая-то иная нежность, может быть, более трогательная, чем у женщин.

А женщин, наоборот, прельщают восхитительные соцветия, и они думают о том, какими бы они стали неотразимыми красавицами, если бы распространяли над землёй такой же непревзойдённый аромат.

X X X

Как сладко иногда почувствовать свою беспомощность в объяснении природы, и готовность удовлетвориться лишь сказкой.

X X X

Весной в лесу начинается такая большая мудрая жизнь, что никак не хочется верить, что она когда-нибудь закончится.

X X X

И воздух, и вода, и деревья в лесу словно состоят из мыслей, которые он, время от времени перебирая, будто не знает – куда деть, и мысли роятся, растекаются повсюду, порой – играют между собой, иногда сопровождают человека, но особо не донимают, если он в них не нуждается. Не оставляют они без внимания только того, кто не равнодушен ко всему, что его окружает – к травам, птицам, лысым пням и замшелым валёжинам, к потаённым тропкам, уводящим под полог дремучего леса… Мысли леса, должно быть, ждут, что такой человек ими заинтересуется, по краёнеё мере – не пропустит мимо, поскольку рождены лесом для него, а, западая на сердце, выходят из него самыми неожиданными устремлениями.

X X X

Когда застигает тебя в лесу ночь, нужно спокойно улечься спать, где бы ни пришлось: в еловом шалаше, в стогу, у горячего костра или даже под снеговым надувом.

X X X

Первые ноты скворца после прилёта - будто зажжённые спички, что он поспешно швыряет в зернистый снег, и они с шипением гаснут.

X X X

Зимнее солнце, кажется, не приносит в природу ничего живого: лишь изредка холодно посверкивает из-за туч и тотчас исчезает, но его острые искорки, всё же, вонзаются в сердце, и оно, перевернувшись, как зверь в берлоге, вдруг тоже вспыхивает как солнце, и уже до самой весны не угасает.

X X X

Шум весенней воды заполняет душу сильнее, чем любовь.

X X X

Работал в море – и мечты носились в воздухе серебряными чайками, крачками и поморниками, теперь живу лесом – и все мои мечтания превратились в мысли. Какие-то из них незаметно потянулись, как и стволы деревьев, к солнцу, другие обратились вместе с корнями вглубь, в землю, а

особо любознательные побежали, как за волшебным колобком, по тропинке, и ни одна из них не взлетела.

X X X

Многие думают, что берёза плачет, сгибаясь под тяжестью снега, а она просто безропотно принимает на свои плечи лесную ношу.

X X X

Можно годами быть связанным с лесом, постоянно натыкаться в нём на волчьи следы, но, ни разу, не встретить их – одних из самых осторожных и таинственных зверей.

X X X

Голос неугомонной кукушки в звонком весеннем лесу завораживает своей исступлённостью, но ничего не разрешает.

X X X

Неся в себе своё одиночество, которое на деле оказывается вполне естественным и даже очень благотворным для человека состоянием, он не всегда способен преодолеть его в себе, верно распорядившись им в течение всей жизни. Именно по причине этой необъяснимой природной обречённости, кажущейся временами нелепой, человек, наверное, и стремится часто к лесному уединению, что оказывается для него поистине одухотворяющим.

К счастью, человек ещё достаточно близок к природе, откуда черпает знания о мире, и ему сподручно оставаться наедине с собой в окружении нерушимой лесной тишины. Она, пожалуй, наилучшее и наиболее мудрое состояние, в котором человеку чаще всего надлежит находиться, чтобы в полной мере постигнуть простую истину: одиночеством мир силён!

X X X

Издали лес представляется сплошь чёрным, немного приблизишься – он голубовато-синий, ещё ближе – почему-то становится серым, с бура, вот уж рукой подать – густая тёмная зелень, а прикоснёшься рукой к хвойной ветке – чистый изумруд!

Чтобы познать истинную суть леса, нужно сначала заприметить его на горизонте, затем превозмочь на пути к нему необъятные заснеженные поля и не отчаяться. Мало того, важно не растеряться при прямом столкновении с вековой чащей, не потеряв чуткости видения и интереса – возгореться ещё

большим желанием овладения её тайной, и уж потом осторожно подойти к ней вплотную.

X X X

Ночуя в лесной избушке или у костра, я замечал, что всегда происходит так: разумная часть твоего существа сразу засыпает, но другая, неведомая, свободно уносится в окружающее пространство, летает там какое-то время, и только под утро возвращается.

X X X

Метель может быть жестокой, всегда испытывающей тебя на крепость, и даже порой кажется неодолимой, но никогда - страшной.

X X X

С нетерпением ожидаемое цветение садовых кустов и пение соловья – есть, на деле, самое тяжёлое дыхание весны, когда она просто душит ароматом жасмина, черёмухи и сирени, что перешёптываются в ночи, как заговорщики, и незаметно всех одурманивают.

X X X

Из последних сил светит ущербный месяц, подобно боевому быку загибает кверху источенные рога, но получается это у него не угрожающе, а изящно, будто он только играет: вот-вот смирённо опустит голову и, ударив о небесную твердь копытом, выбьет мириады ослепительных созвездий.

X X X

На окраине маленькой лесной деревушки, у давно заброшенной дороги, неожиданно наткнулся я поздней осенью на глухаря… Глухарь, видимо, был болен, стар, и, потеряв всякую способность ориентироваться, выбрался прямиком к людям. А может быть он этого и хотел?

X X X

Окружающее людей богатство красок животного и растительного мира, а также многообразие его положительных примеров создают для человека исключительную возможность в достижении более достойного существования.

Так, не склонного к самопожертвованию в любви природа отсылает к стремительным и бесподобным в эротической страсти лососям, изо всех сил

рвущимся каждую весну к местам былого рождения, чтобы, несмотря ни на какие преграды, продлить древний род. Верность в человеке воспитывают белоснежные лебеди, которые объединяются не на один сезон, а на всю жизнь, и если один из пары погибает, другой сильно переживает, теряя интерес к жизни, и долгое время не предпринимает никаких попыток вступить в новый союз. Взаимное проявление нежности между супругами представляет собой трогательный пример для многих людей. А разве не могут не вызывать уважения упорство и основательность барсука при рытье новых нор после того, как прежние, в который раз, заняла хитрая лисица или енотовидная собака?

Природа как будто подсказывает человеку не отрываться от неё. Оставаясь верной своим законам, она безмолвно оделяет уже тем, что просто существует поблизости. Всегда можно собраться и отправиться в путешествие к её тайнам, тем более, что тайны эти являются достоянием каждого человека. Всякий поэтому должен когда-нибудь задуматься над происходящим вокруг праздником жизни, в конечном итоге – над тем, что мешает ему стать таким же сильным и красивым.

X X X

Звук глухариной песни настолько не похож на всё когда-либо слышанное, что ухо не всегда его улавливает, даже если находишься недалеко от птицы.

X X X

Увидишь в мглистом ноябрьском лесу запорошенную снегом красную рябину – и вдруг поймёшь, что не сломлена твоя любовь, а только на время склонилась и терпеливо замерла.

X X X

Сумерки в лесу - более волнительное и таинственное время, нежели сама ночь.

X X X

При всей видимой простоте и очевидной устремлённости дерева к росту, человек почему-то не чувствует его жизни так, как он догадывается о секретах существования неуловимых и скрытных животных.

X X X

Не раз примечал, что сосна, на которую глухарь чаще всего присаживается во время тока, и с которой обрывает верхушки веточек, среди лесовиков она ещё называется «присадочной», почему-то не чувствует себя так привольно, как другие деревья. Она будто замыкается в себе, и живёт уже более настороженно, как-то обособленно, преисполненная возложенной на неё лесом судьбою.

X X X

Много чудес встречает тебя в лесу, и самое запоминающееся – когда, обнаружив его, ты обо всём забываешь.

X X X

Бывает, солнце перед закатом всегда как будто … взбунтуется. На миг шевельнётся в нём последний живой луч, взметнётся ввысь и тотчас потухнет, но душа почему-то не перестаёт тянуться к этому солнечному всплеску.

X X X

Из всех умирающих времён года жалеешь почему-то только золотую осень…

X X X

Можно иметь от рождения какую-то младенческую слитность с лесом, чувствовать его нутром, не испытывая к нему недоверия и страха, но он всё равно будет проверять тебя своей пугающей дремучей глубиной, в которую не всякий зверь сунется, а заглянув – отпрянет.

X X X

Только весной можно одержать победу над временем, позабыв обо всём.

X X X

Апрельский дождь мочит распахнутую по весне душу так незаметно и чисто, что она и не думает запахиваться, а только ещё более открывается и расцветает.

X X X

Природа может обойтись без человека, но вот человек без природы быстро истратится и изживёт себя понапрасну.

X X X

Когда тебе хочется поймать птицу, чтобы ощутить её трепетное тепло, ты забываешь, что и сам являешься ею. Всё, чем природа наделила жаворонка или соловья, она в полной мере наделила и человека.

X X X

Поведение многих животных и птиц люди воспринимают почему-то только как карикатуру на самих себя, и так же охотно подмечают в человеке животные черты.

X X X

Природа и жизнь всегда обещают, что горсть заботливо посеянных семян даст мешок, так же, как не раз атакованная, но всё выдержавшая правда привлечёт к себе несгибаемую духовную мощь… То, что мы получим больше, чем сажаем, вселенский закон, и необыкновенно радостно сознавать, что он безошибочно работает.

X X X

Каким же чистым надо быть, чтобы, встретившись в лесу лицом к лицу со зверем, не покуситься на его жизнь и не испугаться, а заговорить с ним ласково и просто, как со старым, давно не виденным другом!

X X X

Прекрасная летняя ночь – благодатное время для вольного ветра, что всегда забывается в эту пору на божественном небесном ложе со своей возлюбленной зарёй.

X X X

Развеяв зимние сновидения, ветер к весне становится густым, отягощённым длительными холодами, отчего сердце тревожно, словно вслепую, начинает тукаться в груди и, не давая одуматься, заставляет куда-то спешить. Душе тоже нелегко чувствовать себя стеснённой, она не находит себе места и рвётся наружу…

Успокоиться ей суждено только под осень, когда от неё потребуется вдумчивая проницательность. Весной же все помыслы души - чуть ли не

распяты, и она безотчётно возносится в ослепительно синие, бескрайние небеса.

X X X

Надёжно скрытый в глухой чаще глухариный ток – забота природы о сохранении древних таинственных птиц.

X X X

Ни за что не заметишь весной, как загорается первая звезда, если не будешь пристально смотреть на небо, а когда приглядишься, то различишь и вторую, и третью, и десятую.

X X X

В народе говорят: ворон кричит - горе вещает, но значит ли это, что он - худая птица?!

X X X

Только в августе неожиданно замечаешь, как утомлён пронизанный светом лист… Так, незаметно и во всём, растворяется когда-то многообещающее буйное лето, а ты и не знаешь – как и зачем тебе жить дальше.

X X X

Пойдёшь, бывало, в лес, задумаешься о чём-либо хорошем, и, не уставая, незаметно забредёшь далеко-далеко… А когда спохватишься - идёшь обратно уже тяжело, и, кажется, что не будет конца этой изматывающей дороге.

X X X

Веками находясь у леса на полном содержании, человек способен возместить понесённую природой утрату только вновь посаженным им лесом.

X X X

Сорвавшийся в тиши сентября лист не спешит ложиться на землю и долго кружит в воздухе, будто выбирая место, куда лучше упасть. Октябрьский листопад в этом смысле уже не имеет никаких желаний:

берёзовый, рябиновый и осиновый дождь сыплет безудержно, ветки спешат избавиться к зиме от лишнего веса, а ветер разносит безжизненные листья куда придётся.

Хорошо в такую пору ощутить и себя одиноким порыжевшим листом, уносимым непогодой в необозримые осенние дали…

X X X

Зимой оттого такая тишина в лесу, что деревья не переговариваются, как осенью или летом, а только прислушиваются друг к другу, и ждут всеобщего пробуждения. Но иногда, где-нибудь в глубине января, налетит сильный северный ветер, раскачает заснеженные верхушки, и деревья очнутся, недовольно застонут, и ещё долго будут вздыхать, охать и жаловаться неизвестно кому, что потревожили их величественный покой. А потом - опять тишина, неспешные мысли и полусонное ожидание. Как хорошо!

X X X

Урчит котелок на костре – и это уютное клокотание напоминает какую-то диковинную лесную песню, что смешивается со звёздами и дымом и, убаюкивая, безвозвратно утекает.

X X X

Что лучше: звёздная летняя ночь или ясный мартовский полдень, величественный небесный свод сентября или бесконечно прекрасная сказка зимы? Несомненное счастье для человека - быть частицей этого многоликого мира.

X X X

Божественная природа только тогда наделит нас всей своей силой, когда наша душа придёт в полное соответствие с ней.

X X X

Когда в ясную апрельскую пору встречаешь в лесу весну, всегда думаешь: с кем бы поделиться этим счастьем?

X X X

Когда цветы отцветают, они уже пахнут не собой, а тем, ради чего жили.

X X X

Сколько бы ни ожидал, ни лелеял в душе весну, а она всё равно обрушивается на всех как неминуемое тепло и благо.

X X X

В лесу постепенно обнаруживаешь в себе какую-то незнакомую раньше звериную повадку, и совершенно забываешься как человек.

X X X

Иногда можно опьянеть от апрельской лесной дороги и задремать прямо у обочины, на снегу, под открытым синим небом и ярким солнцем!

X X X

Так ярко, зазывно играют звёзды всю зиму, что к концу весны постепенно старятся, бледнеют и вскоре становятся совсем немощными.

X X X

Чудесен старинный сосновый бор, и вступая в него - хочется непременно перекреститься.

X X X

Жизнь состоит из тьмы и света, но никогда это сочетание в ней до конца не смешивается, и рано или поздно всё светлое тянется к солнышку, а тёмное убирается в тень.

X X X

Мой самый дорогой апрельский день смотрит на меня, как преданная собака: глаза расширены от переполняющих чувств, они несут в себе всё замечательное, что между нами было, и никогда этого не забудут, оставаясь со мной навсегда.

X X X

Иногда, в январе, над лесом повисает такая беспросветная холодная ночь, что глядеть в неё, даже из деревни, жутко. И всё же душа твоя, не задумываясь, отправляется туда, и всемогущий лесной бог незамедлительно выходит к ней на встречу.

X X X

В запахе цветущей сирени соединяешься с чем-то бесконечно далёким, полузабытым в душе, но не исчезнувшим до конца.

X X X

Давно известно, что животные обладают целой гаммой чувств с очень большой общественной значимостью: потребность в общении, самоутверждение, лидерство, подчинение авторитету сильного и более опытного. Есть ещё и сопереживание с подражанием, и любознательность. Допустимы, вероятно, и биологические корни справедливости, даже - определённая склонность к искусству. А у детёнышей, например, наблюдается потребность в игре, и она, разумеется, включает в себя зачатки воспитания будущих чувств и поступков.

Не переставая трудиться, природа, на примере животных, словно готовит существование нового человека, способного более достойно относиться к жизни животных, и не пропустить своей, настоящей.

X X X

Люблю лето за потаённость тенистых аллей и опушек, где никого нет, но всё-таки кто-то присутствует.

X X X

Белое зимнее солнце, то и дело, ныряет в серых облаках и, кажется, совсем не светит, но если не упускать возможности понаблюдать за ним, вдруг обнаружишь, что оно не прячется, а играет.

X X X

Ночные снежинки падают на землю словно бы из неоткуда, радостно переливаются, играют и, отражаясь от собственного завораживающего света, покрывающего землю, кажется, так же просто зажигают в невидимой вышине живые звёзды.

X X X

Просто вглядываешься в бесконечное пространство русских лесов и полей, а к себе возвращаешься уже с новым, углублённым взглядом.

X X X

Отсутствие необходимых знаний о природе порой создаёт у человека не совсем верное отношение к жизни животных.

Характеризуя, например, взгляд сов как пристальный, не многие догадываются, что оно основано на их способности видеть предмет одновременно обоими глазами.

Кровожадную устремлённость волка принято путать с постоянно присущей ему потребностью неутомимо покрывать большие расстояния в отыскании добычи, которую он находит далеко не везде и не сразу.

Чиж, по неизвестной причине, наиболее дружелюбен в отношении к человеку, нежели другие птицы. Даже пойманный во взрослом возрасте, он способен быстро установить с ним контакт. Но что побуждает его к этому, и так ли он на самом деле к нему привязан?

Когда наблюдаешь высоко кружащего в небе ворона, складывается впечатление, что он, в основном, летает, чтобы доставить себе удовольствие, с радостью используя всю полноту предоставленной природой свободы. Да только ведомо ли человеку, что в действительности занимает таинственную птицу?

У всех зверей и птиц способность чувствовать находится в прямой зависимости от уровня развития потребностей, и потому самые высокоразвитые живые существа напоминают в этом смысле человека. У многих из них глубина переживаний, вероятно, неизмеримо выше, и пока, по большей мере, недоступна для нас.

X X X

Лист срывает с дерева ветер и мороз, его может стронуть рогами великан лось или присевшая на ветвь птица. Ослабевший листок может отделить от ветки зацепившийся за него паучок, что благополучно приземлится с ним на другие опавшие листья…

Но иногда у листа хватает сил оставить дерево самому. Без чьей-либо помощи он вдруг отчего-то шевельнётся, оборвётся и полетит, принадлежа теперь только себе.

X X X

В лесу, особенно после достаточно длительного общения с ним, иной раз приходит такая ясная мысль, что от неё начинается новый, более интересный жизненный путь.

X X X

Красотой и мудростью природы можно насыщаться бесконечно, только нужно на время остановиться, попытаться переварить вмещённое и обязательно от него избавиться, в чём-либо выразив.

X X X

Под тёмным еловым пологом леса идёт своя замкнутая, неторопливая и вдумчивая жизнь, и утомлённая от постоянного отчаяния душа человека здесь, со временем, отмякает, делая его лицо кротким, а поступки – небоязливыми.

X X X

Огонь и ветер не любят напора, хотя это и составляет их суть. Вот и от человека они, порой, ждут душевного благонравия в поступках, и время от времени даже подсказывают, как ему надлежит поступить.

X X X

Весенняя луна восходит, обычно, крадучись, осенняя, кажется, взгромождается над твоей судьбой.

X X X

Когда подступает весеннее тепло, лес темнеет и затаивается, так что не знаешь, чего от него ждать.

X X X

Звёзды на небе сверкают как будто из одной плоскости, но на самом деле – из разных точек бесконечности. Ночная земля зимой - самое удобное место для созерцания их зримой недосягаемости и беспредельности.

X X X

Если лес с рождения живёт в тебе, то, попав туда, достаточно раз всё увидеть, чтобы полностью принять и впитать его.

X X X

Стремление бабочки на свет - это соблазн неосознанного постижения ею своей природы.

X X X

Сырой апрельский туман не рассеивается обычно до тех пор, пока не напитает живой влагой деревья, кусты, землю и воздух, и только когда этим

ароматом проникнется и человеческая душа, из-за тяжёлых туч покажется, наконец-то, радостное солнце.

X X X

Добродушным кажется лесной боярин-топтыга, когда спит целую зиму в берлоге. Соляными горами высятся над ней крупчатые снежные сугробы. Не будит медведя даже мартовская капель.

И вот однажды, когда день уже обогнал ночь и в потёмках апрельской тишины скрипнул под кем-то крепкий наст, поднимается из-под снега седой и рассерженный на весь свет ворчун… Как не крути, а вставать пора!

X X X

Не красота поражает во встреченном в лесу зверьке, а какая-нибудь удивительная особенность жизни, отличающая его от других животных.

X X X

Листья падают, шепчутся, а заяц, слушая, замирает и дрожит.

X X X

Только весной понимаешь, что сильнее всего на свете ни солнце, ни вода и ни ветер, а человек.

X X X

Когда все деревья в лесу сбросят свой наряд, рябина алеет яркими круглыми бусами.

X X X

В жизни, как и в лесу, человеку хорошо бы, как можно раньше, отложить всякие надежды на чью-либо помощь, и надеяться только на самого себя.

X X X

Осенью почему-то всегда думаешь, как бы быстрее пережить зиму и обрадоваться весне, но приходит зима, и ты вдруг проникаешься её вдумчивой неторопливостью, и уже не мечтаешь о её скором конце, надеясь, что она постепенно излечит твою душу от жажды незаслуженных приобретений.

X X X

Ночная пороша лежит легко, воздушно, весело переливаясь в лучах восходящего солнца, а как задует после полудня недобрая позёмка – поднимается вдруг целой тучей мятущихся звёздочек, и ну всех жечь да колоть без разбору!

X X X

К человеку приходят именно те звери и птицы, которые ему нравятся, а привлекает он их своим теплом, вернее - душевной энергией.

X X X

Чуждо и омертвело разносится по лесу охотничий выстрел, и сразу в нём всё притихает, насторожившись, тревожно вглядываясь зелёными глазищами в то, как бьётся во мху, теряя выдранное дробью перо, раненая птица…

X X X

Посреди холодного апрельского дня поверхность всех больших луж вдруг заволновалась от множества лягушек, воздух наполнился самыми разнообразными звуками, и вскоре стало совсем тепло.

X X X

В жаркий мартовский полдень, с брызжущим солнцем и озорным упругим ветром, порой кажется, что молодой березняк будто отрывается от поблескивающего наста - и плывёт над ним нежно-розоватым вздрагивающим облачком.

X X X

Коротка медвежья любовь, длится от силы неделю-другую, и оттого медведица, по народному убеждению, пролежав в берлоге чуть ли не полгода и поднявшись из неё с прибылыми медвежатами, которые не отстают от матери всё лето, якобы, оставляет при себе пестуна в качестве няньки. И ещё на тот случай, чтобы не оказаться по осени холостою, если ей не повезёт встретить взрослого самца…

На самом деле всё это, конечно, далеко от истины, и больше похоже на добрую сказку, да только нет суда на заботливую народную молву!

X X X

Каждая птица, дерево или лист тянутся ко мне в лесу рассказом, ищут меня и будто подсказывают, что всё замечательное в них уже давно есть, и ничего не надо выдумывать.

X X X

Случайные впечатления в лесу порой бывают более весомы, нежели длительное и кропотливое изучение природы.

X X X

Для каждого человека жизнь устроена так, чтобы нельзя было насладиться ею до конца, и именно поэтому мир природы, даже в своей повторяемости, одаривает нас удивительным разнообразием, и увлекает в недосягаемую бесконечность, призывая не успокаиваться, останавливаясь на том, чего мы уже достигли.

X X X

Нередко случалось мне встречать в лесу медведей, и ни один из них ни разу не повёл себя агрессивно, а стремился поскорее избежать столкновения, оставляя о себе память лишь мелькающим куцым хвостиком.

X X X

Нет ничего милее ночёвки у костра в весеннюю тихую ночь, перед выходом на глухариный ток… В такую ночь любишь всех людей, весь лесной мир, глухо окружающий тебя, и всегда почему-то чувствуешь, что ты не одинок.

X X X

Меня всегда необыкновенно занимали повадки дикого лесного зверя, но ещё более усиливали восприятие жизни бесшумная грациозность полёта птицы и её безграничная воля.

X X X

Каждую весну приходит такой день, когда всё в природе стряхивает сон, радостно перешёптывается, вскрикивает и ухает на разные голоса, играет, а человек этого не замечает.

X X X

Как звери живут, так и мы, но только мы не перемогаем себя, как они, и убегаем от своих человеческих обязанностей.

X X X

Стылый апрельский дождь заметно съедает последние следы зимы, но пока его не сменит тёплый, движение сока в берёзах не начнётся.

X X X

Порой почему-то кажется, что среди всех лесных деревьев одна ель постоянно спит, ничего не видит и всё пропускает мимо своего внимания, но именно она у русских людей пользуется особенной любовью.

X X X

Страшен разъярённый лесной исполин – медведь, но если, по утверждению бывалых лесовиков, удастся однажды неожиданно для зверя хлопнуть в ладоши в непосредственной близости от него, да ещё при этом пронзительно крикнуть или свистнуть, с медведем может приключиться известная болезнь, а при сильном испуге – даже смерть.

X X X

Натолкнувшись на потаённую тропу в каком-нибудь глухом ложке, с укромным ручейком, первым делом почему-то подивишься: что тут делали люди? И уж потом только сообразишь: ведь это набили себе путь к воде великаны лоси, и здесь же водил на водопой свой выводок старый барсук!

X X X

Множество икринок в рыбе или семян в отдельной шишке не есть свидетельство того, что в будущем каждая из них станет особью, а есть только стремление к объединению и умножению, подтверждающее невероятную мощь природы.

X X X

Свобода выбора, присущая только разумному существу, подразумевает под собой, в лучшем случае, движение вперёд, к росту. Ей, этой свободой выбора, как ни странно, не обладает природа.

Природа уже создана с таким гармоничным звучанием, которое человек должен почувствовать и продлить в своей душе. Если он нарушает эту

окружающую его гармоничную тональность, то обрекает себя на бесследное исчезновение, тогда как мир природы будет существовать вечно.

X X X

Одиночество дерева и одиночество человека…

Дерево в одиночестве гонит сок, тянет ветви к небу, радует птиц, зверей и человека, совместно с другими деревьями созидая богатый плодами лес.

Человек одиночества не переносит, дичится его и не ведает своей сокровенной судьбы.

X X X

Как легко, должно быть, жить, не ставя себе никаких целей! Но сможет ли жить подобным образом человек без ущерба для своего душевного здоровья?

Наверное, душа - есть осознанная потребность трудиться в отыскании верного жизненного пути, а в нашем чудесном лесу она не может себя не обнаружить, и, оказавшись в нём, как будто впервые появляется на свет, испытывая ко всему окружающему неподдельный интерес.

X X X

Раньше, покупая лошадь, люди обычно смотрели, какие она оставляет следы: если по следам у лошади недоступ, значит, она плохая, ленивая или больная, а коли переступ - хорошая.

Только лесные звери ставят задние ноги на след передних. Никогда не сбиваются они с тропы, не теряют ритма бега. Лёгкие их дышат свободно, сердца не думают уставать, и не удостоенные искреннего внимания человека, звери не позволяют себе быть хорошими или плохими.

X X X

Нет в лесу ничего страшнее, чем качающиеся в бурю деревья.

X X X

Наступает весна, и птицы, набирая силу, готовятся к перелёту. Скоро они уже будут дома: впереди - сильные и выносливые, принимая на себя основную тяжесть нелёгкого пути, молодые - несколько отставая и теснясь боязливо к середине, где воздух более разряжен от махания сотен крыльев их старших товарищей.

Полёт птичьей стаи - это не хаотическое взмахивание крыльев, а строгая внутренняя организация, не в пример человеку справедливая и жизнеутверждающая.

X X X

Выдастся осенью такой день, когда оранжевые сыроежки попадаются под ногами, как бесчисленные осиновые листочки – яркие, притягивающие, живые, и ты бредёшь среди них, и выбираешь самые привлекательные, спешно избавляясь от тех, на которые позарился поначалу, а грибов с каждым шагом становится ещё больше, и все они кажутся радостнее и краше.

X X X

Когда листья на деревьях закрыли собой оголённое весеннее пространство, на душе становится покойно, и ты уже, кажется, не способен на какое-либо безумие, как это было совсем недавно.

X X X

Осенние прохладные цветы за окном, какими бы робкими они не выглядели, чаще всего вызывают в душе надежду, что любовь обязательно придёт к тебе, если даже упустил её буйным летом.

X X X

Подчас защитные уловки некоторых насекомых, птиц и зверей бывают доведены до такой художественной изощрённости, которая находится далеко за пределами того, что способен оценить мозг угрожающего ему вида. Так, у некоторых бабочек сложенные крылышки создают не только удивительное подобие сорвавшегося с ветки осеннего листа, его сухих прожилок и окраски, но даже дырочек, в точности воспроизводящих прокусы личинок жуков.

Зачем природе понадобился столь утончённый обман, если в нём нет острой необходимости? Может быть, природа, заранее предчувствуя катастрофические для себя изменения в будущем, готовится к ним, и стремится, во что бы то ни стало, сохранить жизнь? Любопытно, что в этом созидательном стремлении природа до совершенства оттачивает свою красоту.

Несомненно, что красота должна нести в себе определённые функции. Так же, как белый снег убаюкивает сознание, давая ему возможность передышки, красота наполняет сердце радостью жизни. Но может ли красота, развившаяся как результат воссоздания защитной реакции, вдохнуть в душу весну?

Наверное, красота рождается для того, чтобы в окончательном варианте на земле восторжествовал мир, и никогда не исчезало удивление от его божественной неповторимости.

X X X

Расцвет зари продолжается несколько минут, но как нескончаемо радостно горит рождённый ею мимолётный свет!

X X X

Снег падает бесшумно, но когда поднимается ветер - слышится шёпот снежинок, как неясный разговор, доносящийся откуда-то сверху, с небес.

X X X

Весной налетают совершенно голые, не прикрытые ничем запахи, лыжи гулко колотятся о застывшие края лесной колеи, и голова идёт кругом. Утренней весенней порой представление о мире выходит из берегов и расширяющимися беспокойными кругами уводит воображение в далёкие, неведомые уголки сознания.

Возрождающаяся в тебе жизнь как будто устремляется к кому-то с восхищённой благодарностью за переживаемую радость, но благодарить некого, и ты невольно улыбаешься дремучим елям, восторженному синему небу и бескрайним ослепительным снегам.

X X X

В осеннем воздухе иной раз мелькнёт нечто, что копилось в нём с самой весны, но не договорив и не додумав, вдруг угаснет… Посмотришь туда и подумаешь: это лето, наверное, на мгновение воспротивилось осени и, не в силах противостоять, без особого сожаления уступило.

X X X

В последний миг рассудительной и серьёзной зимы ожидание весны становится особенно непереносимым, и ты мечтаешь только об одном: как бы поскорее освободиться от её дремотных пут, полететь куда угодно и ни о чём больше не думать.

X X X

Человеку бы догадаться и подстеречь, как с восходом солнца распускаются белые лилии, осторожно показываясь из-под воды, но он

пропускает это важное для себя движение Вселенной, без которого ему никогда не подступить к осознанию своего истинного счастья.

X X X

При видимом однообразии зимней повести - никогда не устаёшь листать её заснеженные страницы.

X X X

Ива, выворачивая листья под ветром, неожиданно становится … серебряной. Эта сторона жизни дерева, что часто остаётся незамеченной, удивляет и несколько озадачивает. От неё веет приятной и обаятельной тайной.

X X X

Безудержно играет глухарь в ночи, всё уверенней раздаётся его восторженная песня, и вдруг неожиданно затихает. Вытянув шею, птица долго прислушивается к чему-то, переминается на суку, и изредка, со скрипом, громыхает причудливой гортанью, а потом опять принимается возвещать пробуждающейся земле о своей сокровенной судьбе.

И ты, не в силах постичь мотивов её поведения, но, всё же, наслаждаясь присутствием этого древнего гостя, вдруг с какой-то неизбывной горечью осознаёшь свою полную ненужность в этом удивительном лесном мире.

X X X

Ворона всегда сидит на гнезде так, что с одной стороны, если хорошенько приглядеться, у неё виднеется нос, а с другой – хвост, и всё вместе представляется удивительно смешной толстой птицей, что вот-вот разродится какими-то невиданными птенцами, и они с неслыханным доселе криком скоро разлетятся по лесу и разбудят его.

X X X

Скрытые весенним туманом, громко перепархивают в ельнике рябчики, от звука их крыльев, будто разрывающих шёлк, тревожно вздрагивает в груди сердце. Чистый призывный свист пронизывает лес неожиданно и ошеломляюще откровенно. Доступность безбоязненно привлекающих к себе внимание птиц – есть признак совершенства лесной жизни, и рябчики – её восторженные и тонкие провозвестники.

X X X

Из всех певчих птиц - самая близкая человеку, пожалуй, скворец. Скворцы прилетают ранней весной, когда ещё лежит на полях снег. Прилёт скворцов – верный признак близкой надёжной весны. После прилёта птицы тотчас начинают устраивать гнёзда, выводят птенцов. В это время скворцы поют звонкую и радостную песню.

Чем больше подрастают птенцы, тем короче становится песня скворца. Когда молодые скворчата начинают летать, вся семья покидает домик, заблаговременно приготовленный человеком, и песни скворцов прекращаются. Летом скворцов очень трудно увидеть: они стаями кочуют в густом лесу и на отдалённых полях.

Что вынуждает птиц разрывать соседство с человеком, в непосредственной близости с которым они выводили совсем недавно своих птенцов, надеясь на его защиту, и вроде бы должны быть благодарны ему за это? Наверное, неизбывная воля, что в природе и две возьмёт!

X X X

Мороз сердито куёт, а тоненький месяц радостно светит ему, и чему-то улыбается.

X X X

Весенняя ночь светла долгожданной надеждой!

X X X

Сорока обклёвывает спелые вишни и клубнику, выбирает самые сладкие яблоки, но получается это у неё так весело, что почти не сердишься на шкодливую птицу.

X X X

Вода в ладошках человека – это не только чистый глоток, но и отражение колыбели всей его жизни.

X X X

Понимая, что люди из-за собственного несовершенства всегда обоготворяли слабых зверей, наделяя их только добрыми свойствами, а сильных и приносящих, по их мнению, беды – глупыми, хочется не обращать лесную жизнь в красивую сказку, а честно показать её удивительную быль.

X X X

Весной особенно досадно становится оттого, что мало знаешь о жизни леса, и начинаешь с большим пристрастием вглядываться в него, постепенно постигая: чувство жизни и память у человека несоизмеримо меньше, чем у многовековой лесной чащи.

X X X

В апреле случаются такие живые ночи, в которые ничто не знает сна: всё двигается, беснуется, кричит… И, наоборот, в мае, когда всё расцвело и жизни только прибавилось, на ночной лес вдруг наваливается такая мертвецкая тишь, что, кажется, уже не бывать рассвету.

X X X

Когда перестаёшь охотиться на зверей и птиц, природа постепенно приближается к тебе и трогательно открывает самые заповедные секреты.

X X X

При общей схожести жизни, звери и птицы, между тем, значительно различаются. Без назойливости настойчиво кычет в ночной чаще сова. Отрешённо, будто задумавшись о чём-то, бродит по закраинам затягивающихся мелколесьем вырубок лось. Неотступно преследуя кого-то, пакостливо шляется по лесам росомаха. Медведь неторопливо ступает. Озорно метнётся в высоких ветвях белка. Тронет лёгким галопом по полю весь подобравшийся изнутри косой. Кажущийся понурым, бредёт пробитой в глубоком снегу тропой несгибаемый волк. Крадучись, тянется под утро к деревенским задам след рыскающей лисицы…

Всем им суждено в близком соседстве просуществовать свои неповторимые жизни, не отдаляясь и, в то же время, не мешая друг другу своим присутствием. А человеку надлежит разгадать эту скрывающуюся под тёмным еловым пологом разнообразную звериную тайну, от познания которой его безнадёжно отдаляет собственное невежество и отсутствие терпения.

X X X

Как важно увидеть природу правильно в первый раз, с самого детства, и суметь не привыкнуть к её красоте, перестав всему в ней удивляться!

X X X

Словно забавляясь, беззлобно тешат весной людские души бесплотные, но сильно ощущаемые лесные существа, аж дух захватывает. С укоренением лета в лесах начинает дурить леший, обходя незадачливого путника или грибника. «Чёрт ногу сломит», - можно сказать про осень. Но ни в какую пору, кроме как зимой, нечистая сила не действует на человека с такой одурманивающей тайной и мраком, отчего становится ещё слаще жить, втайне загадывая у жизни о чём-то сокровенном.

X X X

Хотя берёзы и осинки с началом зимы одеваются в воздушные пелерины и балетные пачки, а ёлочки торжественно расправляют на себе накрахмаленные кружева и воротнички, они не спорят и не хвастаются друг перед другом нарядною белизной.

X X X

Будет лучше, если оказавшись в лесу, ты сразу преодолеешь неудержимое желание завладеть зверем, сделав его только своим.

X X X

Бывает, в одну ночь всё вокруг застилает белое остолбенение пришедшей зимы, и именно тогда возвращается всем известная, но забытая новизна радостного отношения к жизни.

X X X

Только весной, когда всё распускается и набирает аромат, можно сидеть рядом с любимой женщиной до самого утра, смотреть на неё и молчать.

X X X

Рад старый глухарь лесной тишине, когда его никто не беспокоит… Бродит по насту между заснеженных деревьев в ожидании скорого тока, неспешно щиплет опавшую сосновую иглу, и не ведает, как он таинственно красив.

X X X

В предрассветном зимнем сумраке волки после ночной охоты спешат на лёжку в мрачные крепи. Человеку трудно вообразить, что звери с удовольствием укладываются там прямо на мёрзлый снег, и сладко дремлют в лучах еле пробивающегося сквозь частые ветви скупого морозного солнца.

X X X

Всю зиму, в нескончаемые метели и стужи, ждал я того, как положу на ладошку, не проснувшуюся до конца, бабочку, дохну на неё, а она встрепенётся, качнёт крылышками и вмиг улетит.

X X X

Полная луна легко скользит в чуть замутнённом морозном небе. Всё в природе околдовано её пустынным светом, а вокруг совершенно безлюдно. Сверкающие сугробы подчёркивают залёгшие между ними таинственные тени. Ни единого звука не доносится с укромно замерших поблизости деревень…

Стоит чудесная зимняя тишина, и синие, рассыпающиеся морозной пылью колеи дорог убегают в неведомую глубь заснеженной России.

X X X

Очень важно не расплескать себя за весну, и когда всё в ней приходит в движение, подняться и вместе со всеми лететь, переживая необычайную радость.

X X X

Все заботы весеннего леса умещаются и в твоём сердце, потому что главная из них – любить.

X X X

Как завораживающе потягивает весной острой сыростью из тёмных оврагов, представляющихся бездонными! Их ледяная прохлада и сковывает, и манит, и не позволяет чего-то до конца постигнуть. Она насквозь пронизывает ускользающим дыханием зимы, что ещё многое хочет рассказать, но уже не может.

X X X

Когда пыльца цветущих растений засыпает поверхность лесного озера, и оно уже не отражает зажигающихся над ним звёзд, распустившихся веточек деревьев и весёлых солнечных бликов, душа тоже как будто укрывается невидимой ароматной плёнкой и, уютно завернувшись в неё, с благоговением замирает.

X X X

Многие названия птиц, зверей и растений произошли, вероятно, от подражания человеком их голосам и шорохам. Названия эти, конечно, не точны, поскольку изобразить звуками человеческой речи голоса и песни природы просто немыслимо. Звери, например, издают не совсем ясные музыкальные тона, и каждый человек передаёт их на свой собственный лад.

Но, тем не менее, птицы и звери, как и многие явления природы, научили человека говорить, и с помощью их он обрёл способность различать и выражать многообразие жизни.

Ещё названия зверей и птиц несут на себе отпечаток их собственного характера и повадок. В силу многих обстоятельств, они отражают, более или менее удачно, суть зверя. Зачастую своё наименование зверь получал лишь за какую-нибудь одну, даже не выражающую полностью его характер или привычку черту, как, скажем, медведь за любовь к мёду. Все же остальные его склонности оставались в тени.

Если название зверя при этом было достаточно поэтично, то оставленным без внимания достоинствам приходилось потесниться. Ведь тот же медведь, которого древние славяне именовали «ортоксом», мог с таким же успехом называться «малиноедом» или «топтыгиным», но в народе остановились именно на «медведе» - звере, поедающем мёд, то есть – «медоуед». А уже затем это слово постепенно преобразовалось в «медведь», потому как люди видели в этом ещё и забаву, некоторую симпатичную черту животного.

X X X

В апреле за километры слышно, как чёрный дятел-желна выбивает крепким клювом дробную трель на сухом дереве. Где-то далеко, на разливах реки, трубят по зорям журавли, и их голоса напоминают звук охотничьего рога. На высоких деревьях, прямо за деревней, старательно хлопочут у гнёзд грачи, заражая своей озабоченностью всю округу. С заходом солнца над сиреневато-коричневыми верхушками ольхи и берёзы слышится мерное хорканье и цвиканье вальдшнепа.

Вроде бы, пришёл конец лесной тишине, в воздухе дохнуло вешним теплом и пробуждающейся жизнью, но на ночь умолкает даже говор ручьёв, и они покрываются тонкой плёнкой льда.

X X X

Только поэзия природы сохраняет в нас, то и дело, угасающий вкус к жизни, а без него не было бы никакого творчества.

X X X

Почему-то всегда вызывают недоверие люди, которые слишком любят животных или не любят их совсем.

X X X

Ветер, кажется, несёт в себе такую неизбывную грусть всей необъятной Вселенной, что Земля не в силах принять его целиком: так он далёк от неё в своём гордом одиночестве, лишь ненадолго прилетая из дальних миров…

Ветру, говорят, пути не заказаны, но как это верно, когда именно от человека пахнет дальней дорогой и ветром!

X X X

Из всех лиственных деревьев берёза с липой по осени - ближе всего русскому человеку, потому как первые отдают всё до последнего, оставаясь оголёнными наедине с непогодой.

X X X

Совсем недавно замкнутый, глухой и тяжёлый, белый простор полей в марте становится неожиданно выпуклым, ясно очерченным, и кажется, будто снега поют!

X X X

Выпадет такое время в жизни, когда ты не в силах объяснить свои поступки: сильно заколебалось твоё сердце, и душа, кажется, оборвалась. Но, пробудившись однажды поутру, в деревне, выйдешь на двор, и через всё чистое в природе вдруг неожиданно откроешь себя самого - нового, другого.

X X X

Весной зайцы, бывает, подолгу замирают на утренних опушках столбиками, так что скоро наскучивает наблюдать за ними. Они почему-то сразу представляются неинтересными и почти не волнуют.

Идёшь не спеша дальше, а зайцы всё так же стоят, словно позабыли что-то и никак не могут вспомнить. А может быть, они просто наслаждаются ласковым солнечным теплом, и так им от этого хорошо, что они никого не замечают.

X X X

В морозное апрельское утро сердце так радостно прыгает в груди, что восторг его ничуть не смущает и вынуждает забыть о какой-либо печали, пусть она даже связана с близкими тебе людьми.

X X X

Тысячи лет назад людей переполняла боязнь диких зверей, поэтому они их и одухотворяли. Боязнь, что звери могут принести человеку зло, породила в людях чувство бессилия.

Чтобы перебороть страх, человек избрал путь уничтожения животных, отчего в нём постепенно развилось обманчивое ощущение власти над природой. Власть эта стала его неистребимой и унижающей страстью.

X X X

Перед самой зарёй каждое дерево, травинка и птица всегда хранят тишину, будто ожидая: что она принесёт им сегодня?! И мир на какое-то мгновение становится совершенной тайной.

X X X

Если находиться в лесу какое-то время неподвижно, то вскоре звери и птицы перестанут тебя замечать.

X X X

Тихо падает снег, укрывая землю благодатным теплом, а в человеке так же незаметно растёт понимание жизни и её красота.

X X X

От золотого солнышка и утро золотое, и день, и вечер, и голоса птиц, и твоё настроение.

X X X

Сорочье царство всегда чёрно-белое, вроде бы, давно наскучившее, но не каждый догадывается о скрытой в нём перламутровой зелени… Ведь именно по ней в народе и судят о необыкновенной сказочности этой птицы!

X X X

Встречаются люди, от природы имеющие пристрастие, даже - любовь к определённым животным, так что между ними тотчас возникает какая-то

инстинктивная внутренняя связь, миновать которую они не в силах. Животные словно околдованы вниманием, что проявляет к ним человек, его внутренней тайной, которую он сам для себя пока объяснить не может.

Чутко угадывая, что мучает человека и лишает его покоя, звери, быть может, узнают в нём нечто родное, и именно поэтому, наверное, пытаются ему помочь, изредка попадаясь на глаза.

X X X

В лесу я больше предпочитаю чувствовать и догадываться, и не стремлюсь всё сразу увидеть и понять.

X X X

Весенний ветер несёт по небу лёгкие облака - и такими же вольными рождаются во мне мысли. Жажда невидимых устремлений гонит по стволам деревьев живительный сок - и тело моё заполняют уверенность и сила.

X X X

Человек и животные очень похожи, и им нечего делить.

X X X

Ясным апрельским днём, при добром морозце и ветре, солнце так остренько покалывает кожу, что по всему телу разливается весёлый жар. Кровь радостно ударяет в щёки, лоб и уши, они горят вместе с искрящимися снегами, всё вокруг играет. Вот когда забываешь об усталости и хочется, чтобы день этот никогда не кончался, и солнце светило всегда безудержно, по-весеннему, и ветер не позволял облакам скрыть напружиненную от восторга небесную синеву.

А как приятно чувствовать на этом ветреном и ярком солнце разухабистую весеннюю жару!

X X X

В народе бытует твёрдое убеждение, будто бы юркие ласки, часто проникая в деревенскую конюшню, вылизывают с крупов, хвостов и грив лошадей недостающую соль. Вёрткие и стремительные, они быстро запутывают жёсткий конский волос, постепенно заплетая его в своеобразные косички. Нетрудно вообразить себе беспокойство лошадей, но всё-таки хочется думать, что это доставляет им удовольствие.

X X X

Всё в природе растёт, цветёт и рано или поздно умирает, но ничего этого, умершего, почему-то не жаль.

X X X

Весною зверя в лесу становится вдруг много, он уже не может не бродить даже открытыми местами, безвольный от надвигающейся на него страстной поры.

X X X

Только с последней каплей берёзового сока молодые деревья одеваются в лёгкий зелёный дымок, робко преображая лесное пространство.

Старая же берёза, давно распустившись, не перестаёт обильно осыпать землю ароматным дождём.

X X X

В мартовские утренние морозцы, в отличие от глухой зимы, деревья поскрипывают не жалобно, а со звонкой удалью!

X X X

Предчувствие скорого восхода солнца, когда оно вдруг задерживается в набежавших тучках, обычно завершается лёгким разочарованием, и происходит оно, по-видимому, от внутренней расслабленности перед кажущейся неминуемостью его торжественного появления.

Когда же всё обещает непогоду, и благодаря этому ты собран, неожиданно выходит тихая и надёжная радость: робкое солнышко нежно озаряет кусочек неба.

X X X

Бывают полянки с весёлой травой, а иногда попадаются с хмурой.

X X X

Обращаясь всё чаще к природе, ты рано или поздно понимаешь, что лесная душа – это и твоя собственная душа, которую ты почувствовал только в лесу.

X X X

Всегда ищешь в лесу такое место, где бы душа твоя обрела покой. Обретя же его, не перестаёшь мечтать о чём-то новом.

X X X

Убить – значит, помешать божественному замыслу в отношении отдельного животного. Лишать жизни, пусть это будет хоть невзрачная птаха, прерогатива Бога, а не человека.

Только задумайтесь: человек убивает животное или птицу, и их уже больше никто никогда не увидит… Этот человек почему-то взял на себя право обрезать чьё-то существование, и не избежать за это наказания не может. Он должен быть тоже кем-то или чем-то убит.

X X X

С годами радость от общения с лесом получаешь даже от того, что не видишь этого леса, не ощущаешь силу ноябрьского ветра, не встречаешь на ночной тропе медведя и не слышишь грохота удаляющихся глухариных крыльев, но всё это, уже когда-то виденное, встреченное и услышанное, ты переживаешь заново благодаря своему воображению.

X X X

Насыщенная событиями жизнь с годами наводит на мысль, что на большее ты уже не способен, всё лучшее тобой давно исполнено, а мир окружающей природы всё-таки незаметно избавляет тебя от этого губительного настроения.

X X X

Ни с чем несравнимо переживание в весеннем лесу того, что происходит во время вальдшнепиной тяги. Полёт вальдшнепа совершенно завораживает той отрешённой устремлённостью, с которой возбуждённая птица несёт впереди себя длинный клюв: «хорр-хорр, цвиг-цвиг, хорр-хорр, цвиг-цвиг, хорр-хорр, цвиг-цвиг-г…»

Обо всём забываешь, любуясь в мглистых сумерках на летящего за самкой вальдшнепа. Порой так засмотришься, что не вспомнишь про ружьё в руках, да и пропадает охота стрелять по уязвимой и близкой цели.

Даже когда вальдшнеп скрывается из виду, в ушах ещё долго стоят звуки его затяжного полёта, не похожего на полёт любой другой птицы. Вальдшнепиная тяга - подлинная поэзия весеннего леса, и она трогает сердце скоротечной любовью маленьких куличков больше, чем нескончаемое токование громоздкого красавца глухаря или увесистых ярких тетеревов.

X X X

Никакие деревья, кроме берёзы, не создают весной такую воздушную иллюзию текучести: кажется, дунь ветер посильней - и белые стволы поплывут над бескрайней землёй.

X X X

Я всегда гляжу в лес, как будто в себя, и там, как в зеркале, постепенно различаю Бога, терпеливо преодолевающего моё незнание и боль.

Но иногда Бог как будто не чувствует моих переживаний, предоставляя мне самому найти свой собственный путь, и в этой борьбе из слабого человека стать сильным.

X X X

Кто живёт ощущением полноты природы, тот не нуждается ни в чём.

X X X

Иногда начинает казаться, что очень сильное желание любви и чистоты может разбудить предвесеннюю природу.

X X X

Звериная тропа всегда какая-то грязная, изредка прерывающаяся, даже – замысловатая, но, тем не менее, верная.

X X X

Ни в марте, ни в мае не ощущаешь того полёта, что охватывает тебя только в апреле, с внезапным появлением в небе трогательной голубизны, до которой всё время хочется дотянуться.

X X X

Стоит отправиться на глухариный ток в апрельскую непогоду, по глинистой раскисшей дороге, что превратилась в снеговую кашу, и впустую простоять там всю ночь, в густом промозглом тумане. Под ногами у тебя перебегают вездесущие мыши или испуганные бурундуки, иной раз мимо вдруг проковыляет загулявший косой, и даже проследует после ночной охоты озабоченный барсук, уже запели взбудораженные рассветом дрозды и протянул первый вальдшнеп, а глухари так и не прилетели…

X X X

Лес – это то, что дано человеку в первую очередь. Здесь он должен разобраться в себе и окружающем мире. Затем – воздух: бесконечно возвышенное, насыщенное энергией пространство. Всё оно пронизано чьим-то пристальным и ненавязчивым вниманием к тому, что происходит на земле.

И лес, и воздух, безмолвно обращаясь к человеку, ровно ждут: что-то будет?!

X X X

Только осенью зажигается божественный костёр леса, и бесконечные дожди, кажется, не в силах затушить его нескончаемо восторженный пожар.

X X X

Пунцовое перо трогательного снегиря, прилетевшего к нам в начале зимы, как раз подходит под цвет декабрьской зари, что ещё отличает необыкновенная нежность до наступления суровых январских холодов.

X X X

Словно весенний ветер, внезапно налетит на душу глухариная песня, и ровно вольётся в неё неизведанное счастье: взбудоражит нетерпеливым пробуждением, околдует роящейся тайнами темнотой и спутанными звуками, и ни с чем оставит.

X X X

Счастье жизни - в божественной правде, которую чаще всего находишь для себя и людей в природе.

X X X

Для каждого поколения отыскание истины идёт своим путём, каждому поколению суждено преодолеть только ему посильные задачи, и каждое поколение видит мир животных своими глазами, добиваясь, в конечном итоге, одного: объяснения мира. Так, в 19 веке животные и птицы во многих книгах изображались какими-то неестественными, фантастичными и даже уродливыми, тогда как в наше время обитатели леса преподносятся художниками легче, изящнее, с более глубоким и тонким содержанием.

Изображаемые в прошлом звери странны и непонятны для нас, а между тем в природе они остаются неизменными.

X X X

Только раз, быть может, взволнует тебя оборвавшийся жёлтый лист, что безжизненно укладывается на сырую осеннюю землю, но на его судьбу и этого счастья в достатке.

X X X

Сколько замечательного в природе минует человека, пока он не обретёт способность понимать и впитывать силу скалы, мощь моря, мудрость вековой чащи… Созерцая природу, человек только тогда берёт из неё лучшее, когда готов к этому.

X X X

Человек ничего не добьётся, если будет ценить животных только за пользу, которую можно получить от них.

X X X

Зимней ночью свет луны отражается от сугробов, и густой мрачный лес становится от этого просторным и уютным.

X X X

Бывает, что последний жухлый лист срывает с дерева лишь запоздалая апрельская метель.

X X X

Люблю, когда после первой грозы в майский тёплый день просыплется на землю первый солнечный дождь, и такие же солнечные и тёплые капли весело стекают по оконным стёклам и всем ласково улыбаются.

X X X

Ранней зимой, когда снежный покров ещё не установился, оголившиеся деревья в отрешённом отдохновении застывают от чёрствого морозца, который упрям и въедлив. Всюду проникает он своими невидимыми прикосновениями, так что и у человека с затаенным удовольствием замирает

сердце, благодаря чему удаётся почувствовать неслышно ускользающее время, означающее приход зимнего всепоглощающего сна.

X X X

Радость восприятия потаённой лесной жизни - есть истинная мудрость.

X X X

На удивление вольготна мягкая безморозная тишь солнечного октябрьского денька!

X X X

Красавица-сосна или липа растут сотни лет, а человек норовит приспособить к их вдумчивой, размеренной жизни свой короткий и торопливый век.

X X X

Щедрое летнее солнце, доступное, кажется, сразу для всех, в действительности не способно до конца затронуть каждого своим теплом, а вот лунная ночь, незаметно всматриваясь полным глазом в уснувшую землю, внимательна к любому отдельному человеку.

X X X

Зимой деревья выглядят так, будто это и не они вовсе, а лишь их робкое подобие, в образе деревьев затаившееся в лесу. Но у каждого дерева и зимой есть своя жизнь, душа и сновидения, которые они тщательно скрывают.

Именно в зимнюю пору вдруг открываешь, что деревья в лесу всё видят, понимают, и ненавязчиво, но пристально наблюдают за каждым твоим шагом и даже … мыслями. Зимою, как никогда, видно, что лес состоит из разных деревьев, и они будто приготовились к зимней сказке, отчего под сенью заснеженного леса пробуждается невидимое движение, еле уловимым дыханием касаясь пришедшего туда человека и неумолимо захватывая его с собой.

Деревья ненавязчиво подают человеку радостную весть о том, что в природе, наконец-то, наступило самое волшебное время!

X X X

Всё время, кажется, будто крупные зимние звёзды непременно чего-то обещают, так они призывно переливаются в напружиненном от мороза небе,

играют, но на деле, обычно, влекут за собой лишь долгий мучительный рассвет.

X X X

Зимней ночью мысли не спутываются от воя метели, а тихонько выстраиваются в нужном порядке, после чего незаметно подкрадывается самый здоровый и сладкий сон.

X X X

Редко, когда обнаружишь в лесу яблоню, вишню или, скажем, иргу: больше там приживаются рябина с черёмухой. А ведь дрозды, снегири и свиристели в обилии поедают ягоды с деревенских деревьев и кустарников, перелетают в лес и, казалось бы, должны оставлять за собой их семена.

Лес как будто не принимает под свой кров эти деревья, ничем не отличающиеся от своих более «удачливых» собратьев. И загадка эта остаётся нераскрытой. Видно, у каждого дерева в природе есть своё место, и даже вездесущие птицы, разносящие семена по всему лесу, ничего тут поделать не могут.

X X X

В апреле даже дремучий, до конца не проснувшийся лес с непролазной трущобой, где света не видно, не в силах заслонить ни первых цветов, ни лучистого света солнца, ни яркого неба.

X X X

Если первый снег налетает неудержимо, с затяжной метелью, то и зима вступает в свои права сразу, по-настоящему.

X X X

Лес с его обитателями удивительно разумен, и разум этот, на деле, оказывается более здоровым в восприятии существующей вокруг жизни, чем убеждённость человека. Но иногда ловишь себя на мысли, что лесная чаща и звери нисколько не лучше людей, и достойны только их беспристрастного внимания.

X X X

В начале зимы на деревне обычно слышится звонкий лай собак, пока они ободрены недавней сменой времени года – приходом новой, более

весёлой поры, и первые морозы ещё не вызывают в них озабоченность будущей суровой жизнью. Пришла зима, и принесла пока только пляшущие морозцы, что одним своим появлением бодрят, отчего всем живым существам становится радостно!

X X X

Рано или поздно приходит в жизнь человека такое особенное место в лесу, где всё, что он с огромным трудом в себе нажил, в одно мгновение может померкнуть, а сам он отвергается, если просто не пришёлся по душе дремучей чаще.

По святому месту, говорят, и честь, что ещё заслужить надобно.

X X X

В постоянной неприкаянности ветра живёт и неизбывная грусть земли, которая и хотела бы принять ветер навсегда, в свои потаённые утробы, но не в силах удержать его возле себя: так он далёк от неё в своём увлечении дальними мирами.

X X X

Только прожив полностью всё лето у себя в деревне, окончательно принял я его зелёные одежды, которые оно таинственно и просто распахивает для всех: всё, что сокрыто под зелёным летним покровом, помогает сберечь в душе каждого человека завораживающую тягу к жизни.

X X X

Свет в конце зимы становится наиболее насыщенным в зависимости от яркости солнца, снега, всего состояния природы в этот самый миг, и ещё каких-то важных перемен в твоей душе.

X X X

Первый заморозок прихватывает так крепко, что шибче солнца пронизывает воздух, и оставшийся лист, с треском, валится с деревьев, напоследок оживляя замкнувшийся в себе лес.

X X X

Среди белого дня вспугнёшь сову, и она, ничего не видя, полетит куда-то, неуклюже взмахивая крыльями, безуспешно толкаясь то вверх по

отвесной линии, то по сторонам, и тебе вдруг станет жаль, что такая сильная птица никак не может найти нужного для себя пути.

X X X

На дворе слякоть, апрельское бездорожье, мутные струи холодного дождя льнут к оконным стёклам. Но попробуй преодолеть в себе вынужденное ненастье, войди в просыпающуюся от зимы чащу, и душа вдруг станет огромной, как лес!

X X X

Бывает, станет так хорошо в лесной тишине, что остановишься, долго стоишь, чуть дыша, и зачарованно, как в детстве, ожидаешь светлой и чистой сказки.

X X X

Чёрные галки с белыми глазами и в серых платочках напоминают худых старушек-странниц, что без цели скитаются по деревням, нигде не находя приюта. Но эта скитальческая черта их поведения не вызывает отчуждения, и хочется, чтобы странные птицы обрели для себя пристанище.

X X X

Распространено мнение, будто птицы и животные принимают незнакомого человека за другое существо, от которого лучше держаться подальше. Человека же, вошедшего в их жизнь, ухаживающего, кормящего и воспитывающего, они могут воспринимать как члена своего вида, или даже вожаком.

При этом, наверное, не важно, что ты выглядишь непохожим на них: ведь если ворона и допускает к себе человека, то не потому, что видит его непременно вороной, только больших размеров. Срабатывает, по-видимому, животный инстинкт подчинения более сильному, не приносящему, в свою очередь, никакого вреда - только пользу.

X X X

Бывает, лунной глухариной ночью вдруг выпрыгнет под самые ноги неприкаянный заяц-беляк и … отрешённо затихнет. С трудом сдерживая волнение с удивлением, гадаешь: куда и зачем он направлялся, и отчего нашёл приют прямо рядом с тобой?!

X X X

В отличие от обыкновенной серой вороны, угольно-чёрного ворона редко когда увидишь парящим над деревней. Он чаще всего тянется к границе леса и жилья человека, упорно соблюдая тем своё вековое предназначение и тайну.

X X X

Раньше я думал: прежде, чем постигнуть суть леса, надо непременно сначала обрести себя. Но не проникнуть человеку в свои природные глубины без чудесных примеров потаённой лесной жизни.

X X X

Мир леса – это не бессмысленно повторяющаяся, пусть и прекрасная череда заведённых им событий, а непрекращающийся пример жизни наравне с людьми и для них.

X X X

Как хрупкий рисунок нежнейших снежинок, в конце концов, образует тяжёлый несокрушимый лёд, так, незаметно сменяя друг друга, короткие дни слагают собой необозримо величественную зиму. Происходит что-то равносильно тому, когда снег, способный околдовать своим ледяным дыханием, в то же время, укрывает людей, птиц и зверей от крайнего холода. Сочетание трогательного дыхания зимы с её крепостью неповторимо!

X X X

Вспугнутые с берёзы тетерева, пролетая над другими птицами, мирно кормящимися в значительном отдалении, увлекают за собой и их тоже, пусть даже тетеревов разделяла не одна сотня метров. По-видимому, устремлённость птиц, призванных природой, скорее, к состоянию постоянного благостного покоя, когда они неспешно кормятся тихим морозным днём берёзовыми почками, выражает в подобном случае тревогу, и её не могут не почувствовать их собратья, даже если они и не находились в зоне опасности.

X X X

Изо дня в день неприметно, но неотступно появляются мои лесные мысли, и так, капля за каплей, рождается на свет лесная книга - созданная мной новая радостная жизнь.

X X X

В труднейшей борьбе за дело своей жизни как-то перестаёшь замечать бегущие облака, ветер и дождь, но вся сила природы возвращается к тебе с обретением опыта этой борьбы.

X X X

Октябрьский день выдался пегим, невзрачным, а неожиданно вырвавшийся из-под ног вальдшнеп по-королевски расцветил его.

X X X

Зимой, как никогда, хочется смотреть на звёзды, невольно спрашивая у них совета.

X X X

Жизнь всякого зверя или птицы чего-нибудь да значит, особенно - во взаимодействии друг с другом. И как от звезды к звезде, неведомо для человека, зачем-то передаётся их первозданный древний свет, так и между животными, наверняка, возникает какая-то своя первородная тайна и светлая радость, имеющие скрытый от человека смысл.

X X X

Радостны зимой деревенские дворы, где дорожки расчищены, и оттаявшие окна улыбаются теплом и светом. В них, несмотря на суровую пору, угадывается здоровая народная сила, которую веками сосредотачивала в себе Россия!

Но как тяжёл для сердца вид занесённых снегом ворот, у которых теряется даже собачий след…

X X X

Как же мягка линия наметённых за ночь пуховых сугробов! Они воздушны, легки, и дышат таким желанным покоем, что хочется улечься на них, переживая сладкое забытье и умиротворенье.

X X X

Чего можно ожидать от встречи с волками в заснеженном поле или дремучем лесу, когда звери голодны? Загнать зайца, даже - росомаху, в особо гибельные зимы - поднять с берлоги медведя и загрызть его, серым

разбойникам ничего не стоит. Звери даже могут расправиться со свадебным поездом, следующим из церкви в деревню, не оставив ни единого человека в живых. Случалось и такое.

Но не зло застилает глаза животным, а необходимость продолжения рода и жизни. Многого звери не возьмут, если на то нет серьёзных причин, и когда люди истребляют в волках кажущееся им зло, так называемое добро погибает вместе с ним.

X X X

Всё в природе награждает человека своими непревзойдёнными качествами. Он становится лёгок и бодр при виде умытого утренним дождём облака, весело бегущего по небу. Могучим и глубоким душой от столкновения с лесным воеводой-медведем, не желающим уступать дорогу. А то бывает и так - становится пугливым и осторожным до беспамятства, подобно бедолаге зайчишке, что ещё до снега сменил летнюю шкурку на зимнюю, и вздрагивает от каждого шороха.

Сила природы так велика, что человек не может противостоять ей, невольно подчиняется и, преображаясь, порой не узнаёт себя.

X X X

С годами незаметно отходят самые невероятные желания, куда-то уносятся неосуществлённые мечты, но зато, благодаря постоянному общению с лесной чащей, обнаруживаешь лёгкость проникновения в окружающий тебя мир природы. В ней всё зримое и незримое мирозданье терпеливо ждёт от тебя подвига, возвышающего дух.

X X X

Разве можно себе представить весеннюю любовь без вездесущих воробьёв, вызывающих только улыбку!

И с какой грустью вспоминаются так и не разделённые чувства по осени, с печальными вскрикиваниями покидающих родину журавлей…

X X X

В лесу мои мысли обращаются и в птиц, и в зверей, и, конечно, в деревья, но свободнее всего они чувствуют себя, когда бегут быстрее облаков, впереди неудержимого ветра.

X X X

Из года в год посещая наш чудесный лес, постепенно приходишь к убеждению, что только весной, на глухарином току, открываешь в себе всю силу природы, чувствуя себя по-настоящему русским человеком.

X X X

Солнечным утром, неважно – лето это или зима, на душе никогда не бывает такой тишины, что рождается солнечным вечером.

X X X

В глухую осеннюю ночь, без месяца и звёзд, в лесу можно ориентироваться по небу, которое всегда светлее окружающей темноты. Спасительный небесный путь вычерчивают верхушки деревьев, окаймляющие просеку или дорогу.

X X X

С радостью воспринимая лесную жизнь, человек постепенно обретает истинную мудрость, тем более, что лес при этом предоставляет ему прекрасную возможность вглядеться в себя.

X X X

Иногда ночь бывает такой светлой, что пугает зверей больше тёмного дня.

X X X

Когда осенний ветер, кажется, забирает твою душевную хворь, до тебя не сразу доходит, что это ты сам, отдавшись на волю его неудержимого порыва, почувствовал в себе неизведанные силы.

X X X

Однажды вдруг поймал себя на мысли, что за все ночёвки в избушках и у костров не помню ни одного лесного сна: только переполненные впечатлениями бессонницы!

X X X

В лесу во мне просыпается какой-то другой, незнакомый мне человек, тогда как сам я превращаюсь в восторженную птицу, дерево или ручей.

X X X

Осень можно ощущать в себе летом, зиму - осенью, а лето - зимой… И только весной твоя душа переживает весну!

X X X

С каждым годом лес уводит меня всё дальше и дальше, а сам я становлюсь к себе ближе.

X X X

Бывает, ветер намеренно накатывает на лес волнами, игриво цепляясь за верхушки самых высоких деревьев, а ты понимаешь, что он – твой брат, и каждый его вздох отдаётся в душе самыми невероятными открытиями.

X X X

Русский лес предоставляет русскому человеку прекрасную возможность вглядеться в себя.

X X X

Пока в тебе жива любовь к лесу - года твоей жизни проносятся вольной птицей, прокрадываются изощрённым красавцем-зверем или устремляются в поднебесье макушками величественных сосен.

X X X

В отличие от человека, звери и деревья принимают жизнь такой, какой она им досталась. Птицы же, кажется, вообще не соизмеряют свой полёт ни с чем, что бы могло их ограничить.

X X X

Вкус к жизни копится долго, зарождаясь ещё с редких январских оттепелей, а завершается в один майский день, расходясь повсюду и тотчас улетучиваясь в нежно-салатном благоухании молодой листвы.

X X X

Установился декабрь и, вроде бы, всех лесных птиц уравнял и объединил в их неприхотливых зимних правах. Но тетерева облюбовали белоснежные берёзы, глухари прячутся в густых кронах сосен, на ёлках

красуются краснопёрые клесты, беспрестанно шелуша шишки, а рябчики днюют на кормёжках в ольховниках, по берегам овражных ручьёв.

А ещё пунцовыми розами рдеют на старой черёмухе надутые снегири. Живыми игрушками свисают с рябиновых кистей хохлатые свиристели. Оливковыми комочками снуют в ветвях осины крохотные корольки, а запорошенные снегом верхушки пихт венчают малиновые щуры, трогательно насвистывая в мороз свои лесные арии…

Как чуден декабрь!

X X X

В лесу становится особенно ясно: стоит сосредоточить внимание на какой-либо достойной цели, как сейчас же у тебя появляются невидимые помощники.

X X X

Тот, кто родился рядом с лесом, не сходит с ума от дурманящих голову весенних туманов, белоснежных кувшинок на покойной глади озера и розовеющих восходов. Только гость переживает в нём своё отторжение, страх и не прекращающееся восхищение.

X X X

Единственное, чего никак нельзя лишиться, это - внимательного отношения к жизни, к тому, что нас постоянно окружает.

X X X

Во всю бескрайную весну только один раз приходит та желанная минута, когда по-настоящему вступаешь в цветущий мир, и ты должен обязательно дождаться её и не пропустить.

X X X

К зиме белка делает припасов в несколько раз больше, чем могла бы съесть сама, и это при отменной памяти, когда обнаруживает их под снегом с поразительной точностью.

Но даже если белка зароет поздней осенью горстку орешков, забудет за зиму про спрятанный запас или оборвётся её жизнь в зубах ненасытной куницы, на том месте вырастет потом пышный куст лещины.

X X X

Когда пишу лесные заметки – всегда открываю для себя нечто небывалое, и с помощью родных для себя слов будто рождаюсь заново.

X X X

Совершающийся в природе праздник весны - есть не пример раздольного отдыха, а образчик напряжённой работы, желание которой следует неустанно в себе воспитывать.

X X X

Необыкновенно хороши в ясное морозное утро припорошенные снегом берёзы… Редко увидишь на них кормящихся тетеревов. Птицы сидят настороженно, наклоняя шеи то вниз, то в бок, тянутся к любимым берёзовым серёжкам и, чуть перемещаясь, пружинисто покачиваются на гибких ветвях. Пороша тотчас срывается вниз, и весело искрится на фоне нежного синего неба.

Желанна для тетеревов такая тихая погода, когда можно спокойно теребить берёзовую почку. Позы тетеревов причудливы и округлы. Ни с чем не спутаешь тетеревиную стаю: будто тяжёлые чёрные груши повисли на деревьях.

Изредка тетерева бросят клевать, вытянут шеи и настороженно вглядываются в морозную даль. Вот-вот, кажется, сорвутся, зашумят в воздухе сильными крыльями и разбудят на короткое время погрузившийся в сон лес.

Но нет, всё тихо, и птицы вновь принимаются за излюбленное лакомство: тщательно набивают зоб, чтобы ничто не мешало их сладкой дрёме под снегом, куда они скоро всем скопом дружно попадают.

Иссиня-чёрные косачи с красными бровями и красивыми лирообразными хвостами выгодно дополняют замерший зимний пейзаж, и природа ненадолго оживает, невольно залюбовавшись ими.

X X X

В несгибаемости сосны, её непоколебимой твердости и силе, я убедился однажды, в весеннюю пору, когда натолкнулся в апрельском лесу на след медведя, что протянулся вдоль старого лога. Вскоре след вывел меня к огромной одинокой сосне, где медведь поднялся на дыбы и оставил когтями метку, означающую, что это его владения, и он тут полноправный хозяин. Широкие борозды глубоко вспороли крепкую старую кору, но не поколебали гордости сосны.

Пихта же проявила по отношению к другому медведю, тоже весной, неожиданную мягкость и оголила на стволе, под медвежьей лапой, целый бок, так что содранная кора широким пластом свисала с дерева до самой

земли. Пихта, в отличие от сосны, выглядела потерянной, даже - обездоленной в своей беспомощности перед грубым звериным натиском.

X X X

Трудно представить, что ночью в лесу кому-то из его обитателей может быть плохо, и так легко поверить в нём в собственную, ничем не прикрытую удручённость.

X X X

С высоты самого родного для тебя весеннего дня не забудь оглянуться и поблагодарить предшествующую ему глухую зиму.

X X X

Когда всю жизнь искал себя, пытаясь разобраться – кто ты есть на самом деле, однажды вдруг постигаешь, что достаточно быть просто человеком, осознавшим свою божественную сущность, неотделимую от окружающей тебя божественной природы.

X X X

Когда замечаешь, как одно дерево озорно выглядывает из-за плеча другого – замираешь от счастья: ведь оно угадывает твоё приподнятое настроение!

X X X

Иной раз так соскучишься по лесу, что оказавшись в нём – достаточно просто услышать шум глухариных крыльев, чтобы почувствовать себя счастливым.

X X X

Золотое воспоминание из раннего детства – это огромное солнце над лесом, которое ненавязчиво и ласково заглядывает в распахнутое окошко бабушкиного дома, неслышно разговаривает с тобой, а ты уверен, что когда-то уже видел его и чувствовал, как оно заботится о тебе.

X X X

Сладко дурманит голову источаемый цветами невидимый сок, мягко кружит воображение и уносит куда-то за синие леса нежный запах распускающейся в июле липы, а как необыкновенно трогательно заслышать поутру первую капель, даже через окно почувствовав её пьянящий аромат… Наши весна и лето просыпаются только для того, чтобы, не переводя дух, радостно жить и благоухать. Жива божественная природа – жива и душа человека.

X X X

Птицы, улетая на юг, уносят с собой что-то твоё, глубоко родное, а ты всё мучаешься, страдаешь и никак не можешь понять - чего тебе не хватает? Только к весне постигаешь, как не хватало тебе возможности взлететь вместе с птицами над собственным незнанием и усталостью, переживая в сердце то ощущение щедрости, с которым ты позволил им забрать осенью часть своей души.

X X X

Если весна поманила и бросила – значит, ты в неё не поверил.

X X X

Уныла ворона, серовата, а почему-то всегда хочется её видеть.

X X X

Переход от осени к зиме бывает порой так мучителен, что даже радость в нём печальна.

X X X

Когда начинаешь в лесу торопиться, спешить, не проявляя к нему должного внимания и уважения, он не отпускает от себя, то и дело издевается, пугает, а может даже отомстить.

X X X

Несмотря на свою неприступность, зимняя мгла, снег и чёрный лес порой оказываются ближе, чем самые родные люди.

X X X

В лесу не надо искать красоту, она - всюду: и в воздухе, и в небе, и в задумчивой земле, привольно расстилающейся под ногами.

X X X

Свист снегиря зимой - её тонкая снежная печаль.

X X X

Ещё до того, как найти ток, в своей душе ты чувствуешь, как она растворяется среди этого векового соснового леса и обретает … глухариные крылья.

X X X

Как замечательно идти в лес, не думая об охоте!

X X X

Многие птицы проводят большую часть времени в воздухе: полёт - их стихия. Но есть и такие птицы, что живут в лесу скрытой и красивой жизнью, стараясь не попадаться никому на глаза.

В вековых борах, перемежающихся старыми заросшими вырубками, впрочем, не изменившими их образа жизни, эти птицы копят в себе свои чудесные и таинственные имена: глухарь, тетерев, рябчик, вяхирь и неясыть… Произнося их, будто попадаешь в какую-то волшебную сказку про неведомый и прекрасный лес.

X X X

Дождь в июле только брызнет, прибьёт пыль, слегка смочит кусты и … опять жара. Так природа учит человека терпению, постепенно воспитывая в нём мудрое восприятие жизни.

X X X

Поздней весной над оставшимися снегами всегда стоит густой туман, но он уже не может быть промозглым, а наоборот - очень тёплый и проникновенный.

X X X

Пришла зима и убелила снегом леса и землю… Невозможно подобрать цвет, кроме белого, который бы так успокаивал, умиротворял и усыплял всё живое.

Чистый, обещающий превратиться в любую мечту, хотя бы только в сладком зимнем сновидении, снег принёс долгожданный покой, необходимый всякому лесному обитателю. За три предшествующих времени года звери и птицы порядком потрудились, и теперь, наконец, для них наступило время отдыха до чудесной весенней поры, а зима помогла им в этом.

X X X

Люблю следы зверей в природе, что стелются по снегу или траве, и в устремлении раскрыть их тайну, незаметно уводят тебя от недостойного в себе - к чему-то поистине главному и дорогому.

X X X

Волнующим дуновением ложится на душу таинственная глухариная песня… В роящейся предутренней темноте она околдовывает чарующими, куда-то спешащими звуками, мягко пронизывая ими и без того возвышенное весеннее пространство, отчего охватывает необычайно радостное смущение и желание не противиться её чарам.

X X X

По-настоящему глубоко память может затянуть тебя в свои сердечные размышления только зимою, неотвратимо увлекая сначала в осень – неминуемый и с удовольствием переживаемый на этом пути рубеж. Затем – в лето, когда через зелень самой роскошной поры постигаешь радость жизни и нескончаемость бытия. И, наконец, в весну, что неотступно пронизывает своей всепоглощающей мечтой все времена года, снова незаметно приближая тебя к сладостным зимним воспоминаниям.

X X X

Все звери и птицы в совершенстве усвоили язык сорок, возвещающих о том, что скоро произойдёт в лесу или уже совершилось.

X X X

Приятнее всего открывать весной движение нашей планеты по яркому зёрнышку Венеры: весь вечер и в ночную пору она перемещается с востока на запад так стремительно, что пока мысленно расставляешь для неё

небесные вехи, она к предрассветному часу оказывается уже у самого горизонта.

X X X

Отсутствие тяги к тайнам Вселенной – есть наихудшее из бед, на которые обрекает себя человек.

X X X

Неисповедимый на сюрпризы осенний ветер, устремляясь к людскому жилью, кажется, всегда испытывает переживания за человека, не пытающегося познать своё счастье, мечтая о его величии.

X X X

В зимнюю оттепель, при сильном порыве ветра, деревья неистово и страшно стучат друг о друга оледенелыми сучьями, а ты вдруг с удовольствием начинаешь думать о весне.

X X X

Весной легко расставаться с городом: переполняющий душу восторг безотчётно влечёт в лесную даль. Очень важно, чтобы человек нашёл там соответствие своему душевному настроению.

X X X

В лесу встречаешь и замечаешь интересное только в том случае, если обрёл в душе равновесие.

X X X

Звери и птицы не способны длительное время поэтически воспринимать природу, потому как с первыми проблесками тепла в них сразу возобладают заботы о выведении и поддержании потомства.

И только глухарь, может быть, самый восторженный и выносливый в природе певец, уже с наступлением солнечных мартовских дней и до появления майской листвы не устаёт прославлять весну света, воды и цветов.

X X X

Природа может беспрепятственно одаривать всякого, даже если он не затратил по отношению к ней никаких добрых усилий, но по-настоящему она

щедра только к тому, кто добивается права обладания её нескончаемыми богатствами.

X X X

Как дойдёт зима до той поры, что вызывает у человека самые глубинные залежалые мысли, так и ломается окончательно её рог!

X X X

Тихо падает снег, и с неба снисходит благодать.

X X X

Весной бывают дни, когда я усиленно работаю и не успеваю замечать происходящих вокруг изменений. Но весна всё равно незаметно подкарауливает меня повсюду, невидимым потоком вливается в душу, и оттого становится однажды так хорошо, что оставишь на время всякое занятие, и только наслаждаешься этим насыщенным радостью покоем.

X X X

Именно в лесу, где всегда окружает только неподдельная чистота, я прихожу к выводу, что чем мы искреннее в своих действиях и словах, тем быстрее нас кто-то приближает к возможности жить более достойно и радостно.

X X X

Запрокинув голову, с трепетом вглядываешься в великое звёздное царство, распростёршееся над лесом, забывая при этом, что не менее значимый мир лежит прямо у твоих ног, в чёрной сырой тени, среди стволов деревьев, пней и корений.

X X X

Редко, когда деревья простоят в богатом убранстве инеем весь день… Рано или поздно они его сбрасывают, после чего становятся какими-то оголёнными и задумчивыми, будто сожалеют об утраченной красе.

X X X

Всегда думал, что не вся сила жизни сосредоточена в твоих руках. Но весной в этом приходится сомневаться, когда видишь, как празднуют не

только солнце и земля, но и дрова под навесом, наличники на окнах, развешанное в ограде бельё, и даже облупившиеся оградки с кривыми крестами на могилках.

Природа, конечно, всё ломит, но всего в жизни можно добиться, если сам взял себе силу!

X X X

В ноябре, как ранней весной, ходить по дорогам становится колко и хрустко, но и не подумаешь про март или апрель, а весь подбираешься изнутри, серьёзно настраиваясь на суровую долгую пору.

X X X

Ни разу не удалось мне застать лес с открытыми глазами, потому что смотрится он в себя и вокруг ночью, только тогда и можно почувствовать его живое присутствие. Днём же лес чутко дремлет, и лик его выражает лишь неразгаданную тайну и неразрешимость, даже – некоторую удручённость.

X X X

Нет в природе ничего чище, когда сквозь берёзки просматривается голубенькое мартовское небо, по которому плывут белые прозрачные облака.

X X X

Ранним весенним утром маленькие берёзки будто произрастают из небесного малинового света, уцепившись хрупкими веточками, как корнями, за его живительную сочную мякоть.

X X X

В конце золотого летнего дня воцаряется умудрённая радость, с утра – восхитительная тишь, а после полудня в нём торжествует свет неиссякаемой солнечной улыбки!

X X X

Странно, что чувство беспричинного страха в ночном лесу вызывают не дикие звери, а знакомые с детства деревья.

X X X

Всем хорошо известны вороватые наклонности сороки: не зря она и летит-то, как будто что-то несёт.

X X X

Волка, конечно, не сравнить с медведем или лосем, но вот отпечаток волчьей лапы в снегу порой поражает воображение своей загадочной величиной.

X X X

Вроде бы, и пустяк, но как радует неожиданно встреченная в лесу живая звериная тропа, глубоко пробитая во мху!

X X X

Когда осинки роняют тебе за шиворот свои прохладные пунцовые листочки, знай: деревья почувствовали твоё беспокойное сердце, не равнодушное к жизни леса.

X X X

Чем глуше осень, тем глубже в ней ощущается простор и звонкая даль.

X X X

Нежная белизна и свежесть мая так прекрасна, что даже не чувствуешь в себе недостатка собственной чистоты.

X X X

В отрешённые осенние дни, когда, кажется, что жизнь умерла, особенно чутко ощущаешь на себе умные глаза леса, который, наверное, неспроста так пристально вглядывается в твою душу, но совсем её не бередит.

X X X

Ни один хищник никогда не нападёт, не предупредив своего противника угрожающим шипением, рыком или взглядом, попытавшись тем самым сначала избежать схватки.

X X X

Если после долгого отсутствия в лесу начнёшь вдруг забываться в жизни, то со временем постепенно приходит понимание, что к самому себе может привести теперь только сокровенная лесная тропа.

X X X

В отличие от цивилизованного человечьего мира, закон дикого леса запрещает сытому зверю нападать на голодного.

X X X

В весеннем лесу, наполненном смыслом и ежечасной работой, кажется, только ручей представляется беспечным: течёт, ни о чём, вроде бы, не задумываясь, куда придётся! Но и его дорожка – не час пустого пути в природе, а поиск до самой поздней осени счастья для всех лесных обитателей.

X X X

Теперь уже, наверное, трудно представить, что лес по-прежнему с нетерпением ждёт человека, но он, всё-таки, никогда не обманывает его ожиданий.

X X X

Всё время, мечтая о лесе, понимая его и лелея в душе это постоянное присутствие чего-то до конца необъяснимого, но необыкновенно живого, хочется иной раз забраться в самую глушь, пасть лицом в пахучий густой мох и забыться там от переполняющего тебя ощущения счастья.

X X X

Поздней осенью некоторые водоплавающие птицы почему-то подолгу не отлетают на юг, а бьют крыльями наступающий на них лёд и держат воду, будто собираясь остаться на зимовку.

X X X

Никому невозможно объяснить, за что ты любишь лес даже тогда, когда он отворачивается от тебя и становится мрачным и неприступным.

X X X

Обаяние леса так велико, что никогда не придёт на ум: раздавленная брусника алеет кровью, а роса стекленеет стекающей слезой. Скорее всего, лесная ягода напоминает налившуюся бровь токующего глухаря, а роса играет на свету живой жемчужиной!

X X X

Бывает, лес подкрадывается к человеческому жилью отдельно стоящими кустами или деревьями, задумчиво вглядывается во всё происходящее и, не в силах скрыть своего разочарования, опустошённо в них замирает.

X X X

Иногда вдруг недоумеваешь: в молчании леса угадывается не дремучая затаенность невысказанной тайны, а виновато опущенные зеленоватые глаза.

X X X

Из всех деревьев с женским именем только берёза, наверное, не устаёт воображать себя невестой.

X X X

Трудно не заметить, как с началом зимы меж людей завершается тяжёлая пора непонимания, и зарождается нечто доверительное и надёжное.

X X X

Один из основных законов лесной академии – пристальное внимание ко всему, что тебя окружает. Это только на первый взгляд кажется простым и обычным делом, но попробуй-ка в непрекращающемся напряжении прожить в лесу утро, день, а то - и неделю!

Ни зверь, ни дерево не любят по отношению к себе поверхностного интереса: они уважают в человеке его глубину, которая подразумевает вдумчивость, неутомимость и отвагу. Столкнувшись с этой глубиной, звери обычно спокойно отступают, а деревья покачивают ветвями.

X X X

В весеннем ночном лесу так же холодно, тихо и пустынно, как и осенью, и зимой, и даже луна не в силах растопить этой замершей отрешённости. Словно начищенная снегом, она льёт между деревьями свой безразличный свет, и только воздух по-особенному трепетно ластится, льнёт к лицу, и именно поэтому можно отличить зарождение жизни.

X X X

Невыносимо даже помыслить, что никогда уже не попадёшь в настоящий дремучий лес с его таинственной тишиной, зверьём и завораживающим мраком.

X X X

Сколько бы ты ни старался постичь ветер, он всегда будет оставлять тебя в неведении, как будто допытываясь: по-настоящему ли ты искренен в отношении всего живого в природе, чтобы уже только тогда доверить тебе свою таинственную судьбу.

X X X

Хорошо любоваться в зимний день на солнечные снега за окном, со сладким содроганием представляя, какие они обжигающе торжественные и восторженные!

X X X

Порой в лесу переживаешь такие удивительные мгновения, что начинаешь верить: смерти никогда не будет.

X X X

Весна может замучить человека, сделав его расслабленным, сонным, и всё же - счастливым.

X X X

Ночью в лесу ты ничего не видишь, но всё остальное, притаившись, молча разглядывает тебя, отчего на душе становится до жути прекрасно.

X X X

Ручей весной бормочет так озабоченно, что кажется, будто кто-то внизу, в логу, переговаривается или беспрестанно набирает и сливает воду.

X X X

В отличие от моря, лес почему-то не пробуждает тоски по странствиям, но вынуждает более пристально вглядываться в себя и окружающий мир.

X X X

Бывает, попадётся тебе в лесу какая-нибудь неизведанная странная птица, напугает не слышанными ранее вскрикиваниями и видом, и ты на мгновение сделаешься отчего-то диким зверем, будто отбившимся от родной стаи и позабывшим её.

X X X

Только проведя достаточно времени в лесном затворничестве, научишься по-настоящему понимать и слушать людей.

X X X

Озорство и незаурядность осины проявляется даже под осень, когда её листочки тихо опускаются на воду, неожиданно поднимают черенки-ножки и весело бродят по глади лесной речушки расписными игрушечными корабликами.

X X X

Солнце в марте добавляет голубенькой краски небесам, а мороз закаляет её густоту!

X X X

Иной раз пишешь, думаешь про жизнь в лесу или в море, просто отдыхаешь, и вдруг какая-то тревога охватывает тебя… В окружающем мире всегда происходит ещё нечто такое, чего ты, кажется, не в силах никогда обозреть и постичь, но это ощущение непостижимости всего почему-то не приносит разочарования, и тебе ещё сильнее хочется жить, думать, радоваться и открывать!

X X X

Порой натыкаешься в лесу на самое обыденное место с запахом вереска, лысыми пнями, покрытыми мхом колодами и потаённым болотцем, и хочется поскорее миновать его: неизвестно как, но безошибочно угадываешь - оно гиблое!

Но по прошествии какого-то времени вдруг начинаешь вспоминать о нём с не ослабевающим интересом, находя в его существовании притягательное обаяние и тайну. Ведь лесу незачем таить в себе худое, у него всё больше – сказочные былины, да радости, и если сказано ему

Божественным Промыслом охранять свои секреты, то лишь для того, чтобы когда-нибудь им въяве быть, на благо человеческого мира.

X X X

Всякого человека, хотя бы раз в жизни, судьба подводит к открытию им природы, но не всегда и не каждый замечает это важное для себя событие.

X X X

Вид леса меня несколько смущает, порой, быть может, даже принижает, моря же – очаровывает и возносит.

X X X

Как бы охотник ни хорохорился, ни гнал от себя ощущение совершаемой вины, находя множество оправданий, когда он стреляет в зверя, любой выпущенный заряд всегда стегает и по его душе!

X X X

Обыкновенная жизнь в лесу выше и интереснее невероятных рассказов о нём.

X X X

Однажды сырым осенним вечером я вдруг постиг, что как бы человек ни стремился к чему-либо и ни желал, река жизни вынесет его своим руслом, уготованным кем-то свыше, а лес – лишь крохотный островок на её пути, где человеку уготовано набираться сил для дальнейшей дороги.

X X X

Почему-то испытываешь лёгкое разочарование, когда узнаёшь: глаза у рыси не зеленоватые, как бы хотелось думать, а золотисто-коричневые, даже рыжие, в крапинку…

X X X

Стоит однажды остановить время своей жизни, войти в лес и прожить в нём целую вечность.

X X X

От соприкосновения с морем в душе – гул, от слияния с лесом – тишина.

X X X

Когда солнце освещает летящих птиц снизу, ты вдруг обнаруживаешь в них невероятно нежную, может быть, даже неведомую для самих птиц суть.

X X X

В конце октября берёзы стоят уже голые, но всё равно оживляют сизое осеннее небо паутинкой своих верхних, красновато-фиолетовых ветвей.

X X X

Горько сознавать, что жизнь многих красавиц мира, небрежно набрасывающих на свои холодные плечи роскошные меха, не стоит жизни всех этих куниц, лисиц, песцов и белок.

X X X

В ноябре пегая жижа прыснет из-под сапога на первый хрупкий ледок, и на душе сразу станет как-то неловко, даже совестно, так что уж стараешься больше не оставлять за собой грязных следов, ступая только по твёрдой, покрытой инеем дороге.

X X X

Ощущение первозданности мира в лесу вызывают почему-то не восходы солнца, а его закаты.

X X X

Звериные нотки начинают звучать в голосе человека, когда он отрывается от леса, или вообще не приходит к нему.

X X X

Когда поднимешься к обрыву над потаённой лесной рекой, и тебе откроется огромное пространство леса, его нескончаемые синие дали, никуда уже больше не хочется идти.

X X X

Переживаемый в ночном лесу страх велик, но он так целительно очищает душу, что под утро ощущаешь себя так, будто родился заново.

X X X

В глуби зимы, ещё задолго до наступления весенних радостных сумерек, вдруг внезапно накроет необъяснимое душевное смятение небывалой силы, и в этой своей открывшейся силе станет необыкновенно ясна вся последующая жизнь.

X X X

Приведётся тебе однажды столкнуться в лесу с ранним малиновым восходом – и ты словно причастишься к чему-то таинственному, к тому, что неосознанно переживаешь, силишься постигнуть, но никак не можешь вспомнить из своего далёкого прошлого.

X X X

При всей своей глуши, лесная чаща беззащитно обнажена сонмом самых сокровенных чувств, с которыми никогда не соприкоснёшься в открытом поле или на опушке.

X X X

Разнеженное солнце весной более благостно, нежели цветочное раздолье лета.

X X X

Становится не по себе от повторяемости человеческих судеб, которые ничего для себя не разрешают, тогда как жизнь зверей и птиц, в этом смысле ничем не отличающуюся от жизни людей, готов слепо боготворить.

X X X

Силы весенних ночей неисповедимы только в городе. В лесу они совершенно оголены для всякого, кто хотя бы попытался постичь окружающий мир.

X X X

Неподвижность лесного существования для деревьев – это, на самом деле, их великое подвижничество.

X X X

Именно в порхании малоразличимых птичек, в их зыбком и трепетном полёте, что для кого-то по лёгкости своей кажется почти никчёмным, кроется неуловимое величие природы.

X X X

Возродившись в душе долгожданной и бурной весной, пропев полную восхитительных желаний жизнь летом, совсем не хочется угасать душой в благодатную осень, с благоговением замерев в преддверии самой величественной и важной поры.

X X X

Звери могли бы поделиться с людьми умением слышать, чувствовать и видеть, проявлять взаимовыручку и любовь, но что, кроме своей гордыни, незнания себя и великого одиночества, которым он не в силах распорядиться, способен предложить им человек?!

X X X

Одного прикосновения к себе руки человека достаточно взрослому дереву, чтобы почувствовать и вобрать в себя всю его духовную энергию и настроение.

Человеку же, даже обхватив ствол обеими руками, невероятно трудно хотя бы предположить свои неясные ощущения о жизни дерева.

X X X

Как бы серьёзно не относился к божественному существованию, всегда с затаенным восхищением надеешься, что когда-нибудь, всё же, познаешь суть древней лесной тишины. Однажды ты вырвешься за пределы своей ограниченной человеческой судьбы и, оторвавшись от земли, взовьёшься над полями и холмами, просёлочными дорогами и лесом, чья тайна всегда была твоей сокровенной мечтой, и ты её постигаешь!

X X X

Что может быть лучше чувствительного сердца, которое способно иногда угадывать язык зверей, птиц и растений!

X X X

Замечено: интересные встречи в лесу случаются тогда, когда на душе радостно!

X X X

Человек страдает за любовь и верность, доброту и открытость, и только за свою необъяснимую преданность лесу он остаётся никем не тронутым.

X X X

В природе всё рассчитано и основано на единении разного мелкого в большое целое, и потому, когда попадаешь в лес, неминуемо вливаешься в великий и неразрывный организм.

X X X

Однажды обнаружив себя в нашем лесу зверем, а именно – барсуком, то же самое попытался я увидеть и в птице, которая бы стала моей. Чтобы птица воспитывала во мне неиссякаемое чувство радости, веру в бессмертие и постоянное стремление к тайне. А ещё не покидала никогда мою душу, сроднилась с ней так, чтобы уже невозможно было различить – где я и где она. Птицей этой постепенно определил я для себя загадочного глухаря, чья жизнь, как и моя, навсегда соединилась с вековой, неисхоженной человеком чащей.

X X X

Бывают дни весной, когда ничего уже не замечаешь в природе - до такой степени она насыщена теплом и благостным светом!

X X X

В любом человеке угадывается тайная борьба, как за самого лучшего среди других людей. Звери же, за исключением редких случаев, лишены стремления, во что бы то ни стало, первенствовать, и им достаточно просто дышать, вслушиваться и вглядываться в жизнь, рыская в поисках добычи во имя продолжения рода. Но эта обыденность звериного существования, на деле, не может ограничить животных в их свободе стать неуязвимыми.

X X X

Как дерево осенью, избавившись от перезрелых листьев, даёт ветвям до самой весны отдых, так и писатель, вовремя освобождаясь от переполняющих его мыслей, вскоре возрождается в своих новых книгах.

X X X

В лесу хорошо постигается: не вся сила жизни сосредоточена в твоих руках, но нужно постараться осуществить то, что зависит лишь от тебя.

X X X

В морозные январские дни небо бывает такое ясное и чистое, что даже не верится: как может оно ещё более обновиться в марте?!

X X X

Как бы круто не забирал мороз в мартовский утренник - он кажется лёгким и беззлобным, что только оживляет всё вокруг!

X X X

Важно, войдя в лес, принимать обнаруженные там находки не на свой счёт, возвеличивая лишь собственную проницательность и ум, а на творчество самой природы.

X X X

С приходом дивных майских дней куда-то исчезает восторженная трогательность апреля, и хоть голубеет по утрам небо и зеленеют нежные листочки, а что-то уже не так: всё затмевающая в душе вспышка весны угасает, и восторг восприятия сменяет тихая радость.

X X X

Солнце в марте обрушилось на всех, повергло, и не сразу вспомнишь, как невидимкою впитывало оно для этого серые февральские дни.

X X X

Восторженность к природе исходит из незрелости души. Мудрость же восприятия подразумевает ни для кого не обременительное и вкрадчивое всматривание в неё.

X X X

К концу зимы так устаёшь душой и телом, что хочется подняться на самую вершину своего счастья, оттолкнуть все свои мучительные достижения на пути к нему, и без оглядки отдаться в обворожительные объятия весны!

X X X

Весеннее утро приходит как счастье, день - как радость, вечер весною приносит покой и умиротворение, а ночь - знай, накручивает котам хвосты!

X X X

Хоть и ломают по весне, кроме черёмухи, и яблоню, и иргу, и сирень с рябиной, а всё равно у неё самое доверчивое и мягкое сердце.

X X X

Весенние дни не потухают, как осенние и зимние, не обрываются, а глядятся друг в друга детскими чистыми глазами, с затаенной радостью и надеждой.

X X X

До сорока четырёх лет я не задумывался о возрасте своей жизни и не считал лесных вёсен, и только когда мне пошёл сорок пятый год, я вдруг сказал себе: а ведь это моя сорок пятая весна!

X X X

Как в первый раз увидишь и обрадуешься самым ранним цветам, так и проживёшь свою весну!

X X X

Мартовскими вечерами мороз всё ещё схватывает зазевавшееся чудо весны, пытаясь возвратить своё былое могущество, но получается это у него уже не грациозно и уверенно, как это происходило зимой, а надуманно, без присущего ему сказочного волшебства.

X X X

Весенняя перелётная душа у птиц - трепетна, осенняя же - неукоснительна.

X X X

В конце марта, когда солнце начнёт припекать всё сильней и сильней, молодой глухарь слетит на наст, неторопливо, как взрослый мошник, пройдётся меж сосен и, вообразив перед собой изнемогающую от страсти копалуху, вдруг развернётся в неожиданном реверансе, изящно черканув кончиком опущенного крыла искрящийся снег… Ещё мгновение - начнутся почтительные приседания, поклоны и, того и гляди, наш кавалер пустится в пляс!

X X X

Один из корешков у тысячелистника всегда розоватый, сильно вяжет во рту и унимает зубную боль.

X X X

Густой весенний туман задумчиво стелется среди стволов, клубится, и ты вдруг начинаешь воспринимать его как накопившиеся за долгое зимнее время мысли леса, которые он незаметно для всех переживает и не ведает, на что с ними решиться.

X X X

Почему непременно так устроено: если что-то достойное, хорошее, то для его получения следует много испытать и пережить, а если наоборот – то и жить не стоит? Как это уродливо в понимании природы, которая вовсе не предполагает существование красоты без грубого к ней отношения!

Именно природа ненавязчиво подсказывает нам, что всё хорошее рано или поздно будет атаковано плохим, и мы должны быть готовы к этому.

X X X

Всю зиму изумрудными хоромами высятся сосновые боры, не дают угаснуть потаённому лесному духу. Вторят им пушистые ели с пихтами, и тоже созидают лесную сказку. Все остальные деревья стоят голые, и, кажется, не содержат в себе никакой тайны, да только и в них живёт еле угадываемое, хоть ещё и не высказанное обаяние вековой чащи.

Вот прилетел на старую осину большой пёстрый дятел, удобнее упёрся о ствол хвостом, и затеял свою монотонную дробь. И дерево ожило, зазвенело протяжно и гулко только ему дарованным лесом голосом, и сразу стало загадочным и красивым.

X X X

В живой природе, казалось бы, вдоль и поперёк изученной, люди порой не понимают самого простого.

X X X

Весной зайцы совершенно открыто гоняются друг за другом, перебегая прямо под ногами и не обращая на тебя ни малейшего внимания. И это нисколько не удивляет, а только веселит!

X X X

Всё, кажется, распознал и усвоил ты в жизни, и уже не сомневаешься, что луна бывает только жёлтой, белой и изредка - красной. Но вот, случится вдруг увидеть её зелёной, свет от неё проникнет в душу, и нащупает там неведомые ранее чувства и мысли.

X X X

Когда сильный ветер в бурю гнёт деревья, чувствуется, что они объединяются в споре с ним, даже самые разобщённые, вроде бы, неподходящие друг другу. Не сдаваясь его силе, деревья словно стараются убедить в чём-то ветер, как обычно отстаивают своё мнение гордые и правдивые люди.

Понять разговор деревьев легко, если самому всегда стоять на своём, утверждая необходимость неустанного устремления к небу.

X X X

Всю осень принимает в себя земля слякотную влагу, и никак не может напиться, чтобы весной отдать всё без остатка нескончаемыми слезами любви и восторга.

X X X

Любой зверь или птица, почувствовав тепло закатного весеннего солнца, хоть на короткий миг, а позабудет себя и сделается совершенно беззащитным.

X X X

Из-под молодых берёзок с пугающим хрустом вырвалась тетёрка, а там, где сидела птица, осталась примятая лунка. Бледно-жёлтая сухая трава была

плотно прижата к земле и не распрямлялась. Среди оттопырившихся в одном месте изломанных травинок застряло тёмно-бурое, с белыми полосками перо.

Прикоснувшись рукой к траве, я взял перо, положил его на ладошку, и тотчас ощутил диковатое птичье тепло, от которого вдруг пахнуло безвозвратно ускользающим жарким летом.

X X X

Осень полнее и глубже других времён года потому, что последние сроки всегда до предела насыщены энергией мысли. В ней сплетаются и горечь отрыва, и радость полёта.

X X X

По строгой невзрачной заре и день выдаётся изморённый, с холодком, так что в народе скажут: худой зять к властной тёще на блины заглянул, да несолоно хлебавши откланялся!

X X X

Что, кажется, толку следить за тяжёлыми мокрыми листьями, со всех сторон отрешённо опускающимися на холодную землю, однако вдумчиво всматриваешься, вслушиваешься, и отчего-то не в силах оторваться от этого молчаливого наблюдения.

X X X

Когда человек на склоне лет начинает вспоминать былое, лесные струнки отзываются в его душе по-особенному тонко, и как ничто другое оживляют угасающую жизнь.

X X X

Отправляясь ранним утром в лес, радостней всего сознавать, что он не скоро кончится и, кажется, будет длиться целый бескрайний день.

X X X

Оказавшись на долгое время в море, всегда предаёшься мечтам, а вот в лесу никогда ничего для себя не желаешь и думаешь только о том, что тебя окружает.

X X X

Огромный глухарь, с треском сорвавшийся с сосновой ветви, может напугать; неудержимый косач, тугим мячом выбросившийся из светлого березняка, ошеломить своей стремительностью; цокающая белочка, настороженно вцепившаяся в еловую шишку, позабавить, и только от писка какой-нибудь болотной камышёвки неожиданно захочется остановиться, замерев, и задуматься.

X X X

Будешь изо дня в день жадно вбирать в себя всё, что окружает тебя в лесу, обязательно где-нибудь перехватишь лиха и захлебнёшься. После даже можешь захворать, долго приходя в себя. Но когда уже совсем потеряешь к лесу интерес, он тебя ненароком и поправит.

X X X

В ноябре, по первому снегу, в лесу не видно никаких следов зверей, кроме редких беличьих переходов. Неугомонным зверькам никак не сидится в уютном гнёздышке, и всё не терпится проверить: целы ли заготовленные на зиму запасы?!

X X X

Из всех деревьев более проникновенно и настойчиво заглядывают в вечность, может быть, только сосны, которые, в отличие от мудрых елей, святы в своём совершенном устремлении к небу.

X X X

Принимая ветер, как брата, и понимая работу мысли, как самую свободную энергию, я вдруг однажды почувствовал, что ветер и есть та природная преобразующая сила, вернее – поток невероятно созидающих устремлений, которые создаёт и человеческое сознание.

X X X

Способность писать добрые заметки делает самую тёмную жизнь светлой. Но стремясь к свету, никогда не следует забывать про тьму, которая достойна серьёзного внимания. Особенно - в природе.

По себе точно знаю: чтобы насладиться светоносным дождём радости, нужно к ней долго и упорно идти, может быть, всю жизнь.

Бывает, даже преодолев немало препятствий, тьма вдруг закроет для тебя свет. Нужно выстраивать жизнь так, чтобы познать её и светлые, и тёмные стороны, научившись распоряжаться в полной мере их силой, и

только потом, выбирая ту самую золотую середину, неспешно, без взлётов и падений, двигаться по ней к познанию в себе Бога.

X X X

С неохотой опадает оторвавшийся лист, долго кружит, планирует в остановившемся воздухе и, будто случайно, примостится на шляпку гриба. Даже напоследок ему хочется хотя бы ненадолго задержать своё угасание.

X X X

Осенью птицы устремляются в тёплые края спокойно и деловито, весной прилетают в нетерпеливом напряжении, возбуждая своей энергией открывающееся для жизни родное пространство.

X X X

Незаметно сменяют друг друга короткие дни, слагая необозримую зиму. Это незримое истечение умиротворённой жизни равносильно тому, когда снег, способный околдовать ледяным дыханием, в то же время укрывает и спасает всех своим теплом. Сочетание трогательного дыхания зимы с её крепостью неповторимо!

X X X

Времена года – это не бессмысленно повторяющаяся, пусть и прекрасная, череда природных событий, а непрекращающийся пример жизни для всех живых существ.

X X X

В одном из драгоценных парных изречений тангутов сосна олицетворяла собой процветание, туя – молодость, камыш – обман, а тростник – пустоту. Уподобившись мудрости древнего народа, я попытался в одном слове выразить сокровенную суть всех наших самых любимых и известных деревьев. И вот что у меня получилось:

Лиственница - возрождение.
Ель – неистребимость.
Берёза – благо.
Липа – сердечность.
Рябина – тишина.
Черёмуха – ненавязчивость.
Пихта – память.
Ирга – тепло.

Осина – устремление.
Ива – задумчивость.
Клён – надежда.
Калина – беспристрастность.
Тополь – терпение.
Ольха – свобода.
Вишня – добро.
Яблоня – ожидание.
Сирень – душа.
И ещё:
Берёзовая роща – улыбка.
Сосновый бор – щедрость.

X X X

Пегим ноябрьским днём заприметил в открытом поле лису и сначала подумал: отбившаяся от людей собачонка. До того она была мала, худа и облезла.

А разобрав, сразу прицелился и … спохватился: как глубоко поразила человека ржа бездушия, если он, не задумываясь, готов отнять жизнь у несчастного лисёнка!

X X X

Ночной лес не может быть страшен, если в нём ухает над головой загадочный филин или завывает одинокий волк. По-настоящему жуткие ощущения рождает в нём мёртвая тишина.

X X X

Слепой дождик бывает и золотым, и серебряным, и самым простым, но никогда незаметным.

X X X

Только весной постигаешь, что истинное царство света должно быть устроено не на небесах, а на земле.

X X X

За всю зиму хоть раз, да захочется протаять пальцем дырочку в замёрзшем стекле окна и увидеть там удивительный весенний мир.

X X X

В отличие от человека, звери и птицы живут так, будто не боятся ничего, что должно случиться с ними в будущем, в полном удовлетворении пребывая только в настоящем.

X X X

Высоко-высоко поднимается птица канюк, величаво наворачивает круги, будто пытаясь отыскать место, где бы ей можно было присесть, чтобы уже никогда не взлетать и не обременять себя полётом, но не находит его.

А кто-то восхищённо вглядывается в недостижимые круги птицы, которые она совершает, завидует ей и надеется когда-нибудь, хотя бы в мечтах, подняться в бездонное небо, связав с ним свою жизнь.

X X X

Из всего живого только дерево, умирая, благоухает.

X X X

Без ребёнка в душе не узнаешь весной самый чудесный день своей жизни.

X X X

Рано или поздно для каждого человека приходит в жизни время, когда ему надлежит разбудить в себе мир зверей, птиц и растений, и внимательно в него вникнуть.

X X X

Мысль человека, вероятно, свободнее и сильнее самого неукротимого ветра.

X X X

Если проходить мимо медвежьей берлоги не задерживаясь, спокойно, то зверь никогда не встанет.

X X X

Все звери и птицы несут какую-либо задачу по поддержанию жизнедеятельности в природе. Ворон, к примеру, питается исключительно

падалью – это его законная добыча. Прозорливая птица загодя начинает кружить над местом будущей трапезы, а затем, в считанные часы, очищает его, предотвращая распространение заразы.

Волк – неутомимый санитар леса, призван убирать больных зверей, потому как избавление от слабого потомства поддерживает хорошее биологическое состояние популяции.

Бесчисленные ястребы, совы, канюки и луни успешно истребляют грызунов, что уничтожают корм других животных. Каждый зверь или птица, таким образом, отрабатывает во имя природы свою собственную лесную жизнь.

А нужен ли природе каждый человек? Или он, как отдельный вид, сочетая в себе, вместе с никчёмностью существования, ярко выраженные положительные примеры, способные на неудержимый творческий порыв, обречён, наряду с ними, тащить за собой огромный воз неразрешимых, за весь свой нелёгкий путь так ни к чему и не пригодившихся жизней?

X X X

Только прилетевшая с юга трясогузка такая оживлённая и весёлая, что само собой, без лишних слов, выходит: на свете нет ничего прекрасней русской весны!

X X X

Зимой, как никогда, хочется смотреть на звёзды, невольно спрашивая у них совета.

X X X

Почему-то всякий, не равнодушный к природе человек старается судить о лесной жизни по своей, человеческой судьбе, и ни сколько не гнушается сравнить свою душу со звериной.

X X X

Сколько помню свои походы в разном возрасте в зоопарк - никогда не получал от созерцания зверей в клетках хоть какого-нибудь удовольствия, которое всегда переживаешь в лесу. К тому же, наблюдая зверя в неволе, ни за что не скажешь о нём того, чего он на самом деле заслуживает и стоит, тогда как хоть раз увидев зверя в его родной среде - в мгновение открываешь огромный таинственный мир.

X X X

Без пения птиц удивительно медленно, словно нехотя, а порой даже со зловещей таинственностью, как-то сумрачно занимается утренняя заря в октябре.

X X X

Женщина, как и весна, должна быть совершенно чистой и бескорыстной. И это больше всего покоряет в ней мужчину, который от природы несёт в себе дух творца, а женщина своей чистотой поддерживает его в нём.

X X X

Под серым осенним небом, что чуть ли не прижимается к земле, в таинственной глухой чаще, весь день, не унимаясь, радостно попискивают крохотные синички…

X X X

Весной, под ослепительной мартовской крышей, хочется остановиться и без цели, с улыбкой, смотреть на улицу, открывая всё новые и новые светлые лица.

X X X

Придёт к тебе однажды в лесу такое небывалое, что, кажется, не снилось никому на свете, но и его ты постепенно сможешь принять, по-своему объяснить и даже подружиться. А если не сможешь – будешь спокойно и молчаливо нести в себе, и оно станет твоей тайной, которая когда-нибудь превратится в недостающую правду.

X X X

Никогда не задумаешься, что посреди морозного января, где-то в таёжном северном лесу, медведицы рожают своих ещё непутёвых малышей. Лежат с ними под глубокими сугробами в мирном полусне, подоткнув их под мышки, и совсем не помышляют о навалившейся на них зиме, что так же уютно и заботливо, как это выходит у медведицы, обнимает собой весь живой мир.

X X X

Надо хорошо знать пойменное весеннее море, чтобы представить себе в эту пору - какой радостью до краёв наполнена душа!

X X X

Чем мельче увиденное тобою в лесу, тем сильнее его воздействие. Большое, что удивительно, проходит, чаще всего, мимо, и, так и не замеченное, бесследно утопает в глубине необъятного лесного пространства.

X X X

Даже в самом захудалом, измученном людьми лесу всё же бьётся радостное зелёное сердце.

X X X

Лишь однажды в жизни замечаешь в небе ту единственную звезду, что любит только тебя.

X X X

Бывает, подолгу не идёшь в лес, как будто нарочно отдаляя с ним встречу. Как говорится: поехал бы в лес, да попался навстречу бес. Думаешь: пусть лес ещё поживёт без тебя, накопит больше интересного и необычного, так, чтобы и ты, соскучившись по нему окончательно, уже не чувствовал для себя никаких преград.

Но, оказывается, полный тайн лес всегда был готов к твоему восприятию, ждал с тобой встречи, а тебя удерживало от неё собственное несовершенство, неверие в свои силы. Ведь при взаимном сближении всякая встреча, тем более – в лесу, в радость, и никакая добрая молва её не заменит!

X X X

Лес и море подарили мне удивительный мир звуков, благодаря которому я постепенно выработал в литературе свой стиль.

X X X

Весной трудно написать о зиме, как это можно сделать осенью. Должно родиться нетерпеливое и твёрдое намерение ощутить зиму вновь. Только тогда она раскроет всю потаённость немеркнущих сумерек, бодрящую лёгкость морозца или пронзительную белизну плотно укутанных полей.

X X X

Устав от людей, затаиваешься в себе с мыслью о красавице-луне или прекрасных звёздах, желая оказаться вместе с ними там, в сказочной вышине,

а они глядятся в тебя из неведомых небесных далей, и становятся всё краше и краше.

X X X

Очень нелегко, кажется, почти невыносимо, не судить о жизни леса даже по своему маленькому опыту: так лес загадочно прекрасен. Но ещё сложнее, не находя в окружающем тебя мире людей никаких гарантий тому, что ты всё делаешь правильно, верить, что это именно так, и ты обязательно добьёшься раскрытия всех лесных тайн, если сохранишь и разовьёшь в себе самое важное – терпение.

X X X

Пронизанные солнцем капельки хвойной смолы напоминают не слёзы раненого дерева, как это часто принято думать, а скорее вызывают ощущение крепости лесного духа.

X X X

Только однажды, весной, кто-то будто возьмёт тебя за руку и подведёт к самым звёздам, и ты на всю жизнь запомнишь и благословишь чьё-то незримое присутствие, которое ненавязчиво указало в тебе чистого человека.

X X X

Отшумев лето и осень неугомонным осиновым листом, наверное, ужасно не хочется опускаться на сырую стылую землю.

X X X

Когда зверь, смутно почуявший опасность, насторожился, нервно поднял взгляд и ещё не исчез в глубине леса, хочется, чтобы он поверил тебе и задержался.

X X X

Замечательно, когда добрые дела и мысли с головой захватывают тебя, порой просто окрыляют, не отпуская, а приходят они к тебе чаще всего в лесу, на берегу реки или моря.

X X X

Чем чаще и проще выдаёт за окном свои монотонные коленца синица, тем сложнее и богаче представляется её песня.

X X X

Скромно улыбаются синие и алые сыроежки, в строгом оцепенении застыли удалые подосиновики, совсем притихшими и незаметными выглядят жёлтенькие моховики и серовато-зелёные грузди, и лишь яркий мухомор без всякого стеснения настырно напрашивается в корзину.

X X X

Так яро, с самозабвением играют на току тёмно-синие, с красными бровями тетерева, что маленькие берёзки по краям поляны, в нетерпении от происходящего, кажется, приподнимаются на цыпочках, и готовы вот-вот полететь над взбудораженными птицами, купаясь в ласковых лучах весеннего солнца.

X X X

Есть в лесу невидимая граница, достичь которую по силам большинству людей, но вот перейти её удаётся немногим.

X X X

Сколько всего незабываемого несёт в себе молодая весна! Но порой в ней завораживает лишь то, как из сырых и тёмных оврагов потягивает ледяной прохладой притаившаяся там старуха-зима.

X X X

Солнечным мартовским днём почудится, будто тебя окликнули… Обернёшься, а это - шелест падающих капель, еле слышно произносящих ласковые звуки весны.

X X X

Тихо живут в лесу камни, незаметно. И вспоминаешь о них, только когда подойдёшь напиться к ручью или вдруг покажется в обвалившемся склоне холма скалистая жила…

И сразу какая-то скрытая уверенность утвердится в душе, а лес обретёт ещё большую ценность.

X X X

Даже на гону, уморённая, лиса всё-таки оставляет свою заметку там, где ненадолго пробует передохнуть, как если бы она бежала по лесу, никем не преследуемая, и просто метила свою территорию.

X X X

От последней утренней звезды до первой вечерней терпеливо ждёт весенняя душа всех влюблённых, что обращают свой взор к небу и забывают про себя, когда непонятная сила влечёт их лететь в прекрасную неизвестность.

X X X

Встречи с дикими животными всегда волнуют человека. Не потому ли, что его завораживает мудрость их самостоятельной, простой жизни, естественность существования, при котором нет необходимости завидовать, лгать или скрывать свои чувства? Звери и птицы свободны. Они могут быть самими собой, а значит – красивы.

Человека же всегда пугает, что его чувства, которыми он живёт, станут кому-то понятны, и потому он тщательно прячет их, возводя вокруг себя клетку. Не свободный, человек не в силах кого-либо по-настоящему заинтересовать, и от того исчезает бесследно.

X X X

Зимой лес молчит величественно, осенью - проникновенно, весной он преисполнен надежд, летом же, как ни странно, просто немеет от нахлынувших на него чувств.

X X X

В лесу человеку, конечно, надлежит слышать, и видеть, но больше - чувствовать, понимать и догадываться.

X X X

Вкусен и ароматен апрельский воздух, замешанный на пробуждающемся ощущении любви, которая не врывается в сердце вихрем, а прокрадывается на цыпочках.

X X X

Ветер дует зимой и весной, летом и осенью, и всё не может нарадоваться своей способности - безоглядно бросаясь с высоты и разбиваясь, в мгновение возрождаться.

X X X

Человек всё думает, да говорит, а лес – знает и молчит.

X X X

Грустно становится отчего-то, когда врасплох застигнутый тобой в лесу зверь, не шелохнувшись, какое-то время смотрит в твою сторону, затем неожиданно обмякает, как будто придя в себя, и, кинув на тебя, в последний раз, свой необъяснимый взгляд, не торопясь удаляется в чащу.

X X X

Нечаянная радость - выпавший в начале мая последний нежный снег.

X X X

Всё в природе находится в равном положении между собой, и каждое дерево, быть может, для того и простаивает терпеливо всю жизнь на одном месте, невидимо трудится и никого не обижает, чтобы помочь каждому человеку правильно выстроить свою судьбу.

X X X

Глядя весной на распевающую птицу, что успевает, к тому же, выполнять огромную работу по выведению и выкармливанию птенцов, понимаешь необходимость самоограничения и умения правильно рассчитывать время, чтобы быть по-настоящему осознанным и свободным.

X X X

Случается осенью такой день, который ничем не отличишь от весенней поры. В нём так же пахнет землёй, снегом и листьями, и только по отсутствию в себе приподнятой радости, когда внутри бродят нерастраченные силы, определишь: жизнь на время успокоилась, а душа, переболев свою золотую пору, тихонечко замерла. Весна, говорят, своё скажет, осень же – как прикажет.

X X X

От свежего запаха коры, чистой капели с розоватых веточек, копошащегося под еловыми лапами душистого тумана - и облако апрельское становится прозрачно-жемчужным, душистым.

X X X

Тем, кто ещё не вошёл в лес, хочется поскорей туда войти. Тот же, кто уже побывал там, желает быстрее выйти. Что за сила влечёт нас туда и оттуда? И отчего, когда мы находимся в лесу, время, вроде бы, приостанавливается, и начинается какая-то новая, особенная жизнь, к которой мы так стремились, но от которой, всё же, бежим?

А кто-то и не думает ничего об этом, и равнодушие его, подобно девственной тайге, безгранично…

X X X

Несравненен зимний уют внутри жилья! Комната будто оживает, открывая неведомую ранее жизнь людей и предметов. Солнце заглядывает сквозь оголённые окна, каждому напоминая или подсказывая что-то сокровенное, своё. И каждый про себя, непроизвольно и с удовольствием, пересматривает собственную жизнь, и борется с воображаемыми слезами умиления.

X X X

Если прислушаешься, о чём рассказывает каждая травинка, цветок или деревце, то вдруг обнаружишь тайны, сообразные своей душе.

X X X

Чуть пробивающийся сквозь снега звук мартовского ручья сначала не слышим никому, живёт как будто украдкой, но именно он робко начинает первую песню воды, которая вскоре обнимет всё пойменное пространство!

X X X

Когда после долгой осенней неустроенности приходит чистый и успокоенный декабрь, появляется до жути непреодолимое желание заглянуть в будущее - в предстоящую зиму, чтобы поскорее увидеть волшебные узоры на окнах, ощутить божественную темноту звёздной рождественской ночи и перехватывающий дух крещенский мороз. Кажется, что декабрь думает только о прекрасном.

X X X

Люблю, когда вечерние тени зимой ещё не сливаются одна с другой, а подступают крадучись, неспешно. Точно так же и ты: с удовольствием догадываешься о своих самых сокровенных желаниях, незаметно перенося их в таинственный зимний сон.

X X X

Прозрачные ручьи, росистые луга и бесконечные снежные поляны не сравнятся в своей чистоте с устремлениями свободной человеческой души, и только ждут, когда человек обратит к ним своё внимание.

X X X

После дождя в весеннем лесу так приятно проясняет, что вспоминаешь только хорошее, а всё худое бесследно исчезает.

X X X

Проснувшись зимой, посреди ночи, всегда почему-то почувствуешь: пасмурно на небе либо сияют звёзды. И если небо звёздное - тотчас, неизвестно чему, обрадуешься и опять окунёшься в сладкие сновидения, а если пасмурно - долго ворочаешься, о чём-то думаешь, но, ни к чему не придя, тяжело забываешься только под утро.

X X X

Пир мартовского восторга в природе только начался, а солнце явилось на него, уже упоённое счастьем, румяное и хмельное.

X X X

Когда я нахожусь на глухарином току, мне хочется пригласить туда всех музыкантов, потому что в их сочинениях всегда присутствует поиск смысла всего сущего, то есть – гармонии, а песня глухаря, пусть и не совсем складная, в полной мере заключает её в себе. Музыкантам не помешает послушать весеннюю песню замечательной древней птицы, чтобы не предавать в своём творчестве возможности быть по-настоящему свободными, убегая в музыке от жизненных печалей и бед, а приходить во всемогущий лес за недостающим для себя соразмерным благозвучием, проистекающим из самого Мироздания.

X X X

Оказавшись на краю заснеженного поля, среди притаившейся тишины и длинных синих теней от уснувших берёз, всегда мечтается о том, чтобы появилась огненная лисица, быть может, пего-коричневый смирный лось, или, на худой конец, неугомонный зайчишка. Тишина бы вздрогнула в этот миг, закачалась на плечах леса, и всё вокруг ожило, заиграло радостным предвесенним светом. А ты бы стоял, не шелохнувшись, бесконечно долгое время, и любовался зверями, запоминая каждое их движение, взгляд и чуткое изменение настроения.

Налюбовавшись, тебе всегда почему-то захочется как-то проявить себя, чтобы зверь обязательно отреагировал на твоё присутствие, и ты слегка присвистнешь, после чего зверь насторожится, длинными неторопливыми прыжками пересечёт поляну прямо перед тобой, и исчезнет. Лес будет стоять тихо, и если бы ни следы, подумается, что всё чудесным образом тебе привиделось.

Наверное, можно многое узнать о звере вот так, один на один с ним, и почувствовать себя счастливым человеком. Ради этой возможности тебе не в тягость пройти десяток километров, и сколько угодно времени простоять, не двигаясь, на морозе.

Ожидание подобной встречи всегда томительно. Гадаешь, кто попадётся навстречу, и как это произойдёт? Но лес откроет новое, совсем неожиданное, потому как никогда не повторяется в своём откровении.

X X X

Стараясь изучить лес досконально, добившись в этом деле немалых успехов, однажды забьёшься в его тончайших подробностях, подобно птице в силках, и каким-то природным чутьём отдашься на волю провидения, ничуть не сопротивляясь, и оно, поначалу околдовав и запутав, неожиданно выведет тебя к нужному ответу.

X X X

Многим хороша зима, но главное её достоинство – глубокие снежные покровы, которыми она устилает землю. Благодаря этому можно без труда прочесть все подробности в книге жизни лесных обитателей. Ни в какое другое время года это невозможно, а зимой все тонкости поведения животных, как на ладони!

Некуда им скрыться от снежной напасти, и звери с нетерпением ждут весну, когда зазвенят ручьи, ярко засветит солнце и растопит глубокие сугробы. Тогда смело можно будет бегать по лесу, щипать траву и ягоды, выискивать мышей и червячков.

Но не для всех лесных обитателей снежный покров в тягость. Для некоторых он служит домом – надёжным и тёплым укрытием. Мыши-полёвки лишь изредка чертят по снегу еле приметную вязь следков, прячась в

надёжно замаскированных норках. Ласки и горностаи – белые, как сахар, отличимые от снежной белизны лишь бусинками глаз и чёрным кончиком хвоста, так же проводят всю зиму под снегом. Не тронутая сверху белизна скрывает их многочисленные переходы.

На свет зверьки выбираются только за тем, чтобы оправиться, понаблюдать за всем происходящим наверху, да подышать свежим воздухом. Их неожиданно возникшие посередине поляны ямки, как правило, с испражнениями, свидетельствуют о проявляемом интересе к окружающей жизни, потребности время от времени следить за собственной безопасностью. Не ровен час, налетит, откуда ни возьмись, ушастый филин или подберётся неслышной поступью кумушка-лиса!

Выбравшись на поверхность, горностаи замирают белыми столбиками, с любопытством осматриваясь вокруг. Мало горностаю иметь защитную шкурку, как зайцу: он норовит глубже под снег забраться, где ему и укрытие, и пропитание.

Только непонятно, как такому вёрткому и пронырливому зверьку не надоедает всю зиму под снегом сидеть: ни порезвиться тебе, ни побегать привольно. Видно, хорошо горностаю под снегом живётся, и нет у него никакого желания что-либо в своей жизни менять.

X X X

Даже самый лёгкий ветерок не бывает случайным.

X X X

Чем человек глупее, тем меньше его понимает зверь.

X X X

Аккуратные головки копалух, грациозно вытянутые над травой и настороженные, легко принять за придорожные цветы, что робко появляются под напором ветерка вдоль колеи, и тотчас исчезают.

X X X

В мрачное ноябрьское время не сразу доберёшься в лесу до той жизни, что всё-таки не угасает, и уж если она откроется, то переживаешь неописуемую отраду.

X X X

Многие люди испытывают перед ночным лесом неподдельный страх. Человека, по-видимому, страшит в нём неизвестность. Когда же он

столкнётся с тем, что вызывает боязнь, то тотчас забывает о ней, понимая: неожиданно обретённая тайна покрывает собой ранее безотчётно преследующее его неприятие неизведанной жизни.

Чтобы не пугаться ночного леса, человеку надлежит чаще бывать в нём, и он постепенно постигнет его законы. В силу привычки - боязнь уйдёт, а на смену ей явятся любознательность и уверенность в собственных силах.

X X X

У большинства животных – долгая память и твёрдые привычки, которые они без особой надобности ни за что менять не будут. Почему, скажем, лоси или кабаны часто посещают городские улицы, когда их можно легко обойти?

Возможный ответ видится в том, что все города, в которые заходят звери, лежат на путях их вековых кочевий. Силу привязанности зверей легко представить, вспомнив возраст городов. А ведь миграции начались задолго до их возникновения!

X X X

Изголодавшаяся хитрая лиса способна устроить ежу баню, обливая его собственной мочой, и ёж разворачивается себе на погибель, оказываясь в зубах хищника.

X X X

Как хорошо не чувствовать себя в лесу лишним, вернее – быть самим собой, принимая, в общем-то, непривычную лесную обстановку за свой дом!

X X X

Даже для изощрённого опытом восприятия в лесу не существует ничего обыкновенного: всякая мелочь в нём бывает неподражаемо привлекательна и значима. Как награда за пройденные по лесу километры однажды выскользнет на лесную дорожку яркий колонок, усядется прямо перед тобой, и начнёт что-то вынюхивать под снегом, изредка взрывая его лапкой, а ты заглядишься на зверька и позабудешь об усталости.

X X X

В апреле, с самого восхода, солнце мягко выпускает на землю лучезарные стрелы, они стремительно летят в разные стороны, и постепенно превращаются в разноцветных живых птиц.

X X X

В лесу столько всего накоплено за века, что при столкновении с ним даже самому равнодушному человеку придёт в голову что-либо необыкновенное, он ощутит непередаваемую радость, и в следующий раз уже не усидит дома, бездумно взирая в окно.

X X X

Неожиданно застигнутый человеком в лесу лось редко когда ринется в чащу, а уйдёт всегда достойно, прежде выдержав некоторую паузу и напоследок величественно бросив на тебя неуловимый тёмный взгляд.

X X X

Летний дождь - это восхитительная паутинка звуков, красок и запахов, которая нежно и радостно обволакивает человека, когда тот меньше всего этого ждёт.

X X X

Вошёл я как-то в февральский лес и, кажется, не заметил в нём никаких изменений в сравнении с январём. Всё так же вокруг тихо, сонно, бездыханно. Только восход солнца чуть дольше разгорается за лесом: чем-то он безотчётно привлекает, неотступно манит, так что сразу хочется его перенести на холст.

Горит за чёрным еловым лесом розоватая утренняя заря, и отблески её мягко падают на заснеженные поляны, высвечивая на них чуть приметные впадинки, в которых притаились синие тени. И вдруг, неожиданно для этой неживой и еле приметной новизны, заслышится голос рябчика, затем ещё и ещё…

Целый табунок, рассевшись на деревьях по обе стороны дороги, перекликается, как ни в чём не бывало. Весь снег здесь испещрён аккуратными следками, что тянутся вдоль друг друга: рябчики начинают разбиваться на пары. Скоро им предстоит начать в себе новую жизнь, и рябчики ожили, огласив ещё не проснувшийся февральский лес призывным свистом: «тюк-тюк, терерюк-к!»

X X X

Только весной, на глухарином току, подходя под песню к токующей древней птице, ощущаешь то первозданное и таинственное время, когда на земле росли только хвойные деревья, небеса окрашивали малиново-пурпурные закаты и восходы, не было ещё человека, но тебя этот

первобытный мир почему-то наполняет невероятным желанием жить и петь.

X X X

Пространство и свет заснеженного поля перед стеной чернеющего леса всегда вызывают затаенное чувство неизбывной тревоги, что почему-то по-хорошему не даёт спокойно жить.

X X X

Старые пни не удручают высохшим видом, а наоборот, вызывают уважение.

X X X

Чувство природы рождается в нас в тот момент, когда, созерцая её многообразную красоту, мы добавляем к ней всё лучшее из себя.

X X X

Не может смириться душа с утратой интереса к жизни, тем более – к природе, ибо она незаменима ничем в своей божественной красоте.

X X X

Многие птицы прилетают к нам с юга в неодетую весну, когда на дворе ещё зябко, но только желанные зяблики получили благодаря этому своё имя.

X X X

Жестокость мороза и нескончаемо свирепые метели - есть та неотъемлемая от жизни сила, что заслуженно приближает нас к весне.

X X X

Вряд ли кого-либо взволнуют обычные жёлтые листья, безжизненно устилающие землю всю осень. Но каждый, хотя бы на миг, способен коснуться их внимательным взглядом, внутренне поблагодарив самую вдумчивую пору за предоставленную возможность спокойно думать и созерцать.

X X X

Радостно воспринимая лесную жизнь, человек обретает истинную мудрость, тем более, что лес при этом предоставляет ему прекрасную возможность вглядеться в себя.

X X X

Как неясные думы дрожит над землёй апрельское трепетное марево, а вместе с ним – сама земля, лес, деревня, пашня, река за околицей, и всё это вместе, если взглянуть пристальнее, открывает нам разомлевшее тело потянувшейся после сна весны.

X X X

С каждым годом лес уводит меня всё дальше и дальше, а сам я становлюсь к себе ближе.

X X X

Когда осенний ветер забирает твою душевную хворь, до тебя не сразу доходит, что это ты сам, благодаря его неудержимому порыву, почувствовал в себе неизведанные силы.

X X X

Весной как никогда удаётся обрести гармонию с собой и окружающим миром.

X X X

Когда-то, давно, лес, наверное, был похож на доброго хозяина, знающего себе цену и гордого за это своё доброе знание. А вот теперь, изрядно выщербленный и какой-то задавленный, он напоминает старого немощного колдуна, чьи угрозы уже никто всерьёз не воспринимает, но в сказку его жизни пока ещё верит.

X X X

Появление первой вечерней звезды, которую замечаешь только за городом, может быть, самое лучшее, что дарят тебе лес и небо.

X X X

Человеку стоит прожить в лесу несколько дней, после чего он непременно обретёт в себе то, что сделает его сердце более храбрым, походку твёрдой, а мысли светлыми.

X X X

Иной раз так соскучишься по лесу, что, оказавшись в нём, достаточно услышать шум птичьего взлёта, чтобы почувствовать себя счастливым.

X X X

Хуже всего в лесу приходится дуплистому дереву, с пустотой внутри себя, которое живёт, наверное, без чувств и мыслей.

X X X

Когда снег почти истаивает, сугробы окончательно раскисают и превращаются в непролазное пегое месиво, а все ложки заполняются талой водой, кругом становится удивительно голо, но в этой оголённости – вся прелесть русской весны!

X X X

И осень, и зима достаточно величественны, но кто из них более царственен – ни за что не разобрать!

X X X

Не скоро дошло до меня: в лесу много такого, чего не видишь, но оно есть.

X X X

Всем хищникам, какими бы страшными они ни казались, в детстве присуща младенческая невинность.

X X X

Всегда только ранним утром, а не вечером или не ночью начинаю я по весне своё звёздное путешествие!

X X X

Как только заговорили по весне между собою деревья, землю окутал аромат цветения.

X X X

Осенняя ночь сладко пахнет невидимой раскисшей дорогой, вольным ветром, что доносит с деревни крепкий избяной дух, и горькими пожухлыми листьями.

X X X

Запах вечернего мороза в марте возвращает в зиму, аромат утреннего – множит весеннюю радость!

X X X

Переход от осени к зиме так мучителен, что даже радость в это время печальна.

X X X

У многих зверей в глазах стоит укор человеку за то, что он человек.

X X X

Встречаются такие места в лесу, которые будто созданы хранить его вековечную тайну, и люди почему-то не трогают их, словно не замечают, и обходят стороной.

X X X

Иногда, бывает, что самые важные слова в жизни доносит до тебя ветер, и ты внимательно вслушиваешься и потихоньку складываешь из них недостающие мысли.

X X X

Сколько вокруг цветов, и разве можно окинуть взглядом все сразу?! А достаточно, оказывается, одного, твоего, чтобы согреть им душу.

Но вдруг подумаешь, что бесчисленные луга цветов так и остаются для людей безвестными, и опустишься перед лесом на колени.

X X X

Оцепенение от усталости в лесу делает человека почти безразличным, и вот именно тогда таинственная чаща открывает ему свою душу.

X X X

Голос воркующего в лесу дикого голубя только поначалу кажется однообразным и робким, но прислушавшись внимательнее, обязательно различишь в нём страсть, силу и гордость.

X X X

Зимняя тишина, обволакивая, лишает слуха и холодит, а шелест снежинок успокаивает.

X X X

Каждую весну собираюсь я в одну тугую почку и жду: что-то будет теперь? Но распустившись маленьким листком и радостно прошелестев всё лето на тёплом ветерке, всё же, отрываюсь в сентябре и опять уношусь в безвестность, которой нет конца.

X X X

Неисповедимые устремления ветра – это не только переживание им нежелания человека становиться любознательным, но и мечта о его величии.

X X X

При мысли о синеньком васильке – слегка улыбнёшься, а вспомнишь полевую ромашку – и весь изнутри засветишься.

X X X

Огромные глаза стрекозы всегда глядят на мир как будто с изумлением и диким восторгом.

X X X

Однажды поздним ноябрьским вечером, ночуя в лесной избушке, мне показалось, что витающий над глухим лесным распадком ветер льнёт ни к земле, и ни к лесу, а к человеку… Именно со мной он ищет желанной и дорогой встречи.

X X X

Весенняя предутренняя тишина всегда напряжена ожиданием чего-то прекрасного и несбыточного.

X X X

Ещё не одетая веточка, с только что проклюнувшимися листочками, стыдлива, как юная девушка, но почему-то кажется, будто она не хочет взрослеть и менять грациозную невинность на обременительную зрелость.

X X X

Иной раз так плохо становится на душе, что, отправляясь в лес, представляешь себя в нём озябшим одиноким паучком, у которого постепенно всё-таки обнаруживаются своя радость, солнечное тепло и неизведанная любовь.

X X X

В отрешённые осенние дни, кажется, что жизнь умерла, и тогда особенно чутко ощущаешь на себе умные глаза леса, который неспроста пристально вглядывается в твою душу, но не бередит её.

X X X

После бурной весны света, которой предшествовала нескончаемая зима, я превращаюсь в неудержимый ручей, что уже лишён каких-либо чувств, но твёрдо знает: рано или поздно он должен достичь большой воды.

X X X

Если долгое время посещать лес, то однажды обязательно затеряешься в его вневременном пространстве, и в каком-нибудь глухом осеннем распадке вдруг услышишь жаркое потрескивание костра, конский топот, возбуждённый говор людей и бряцание старинного оружия.

X X X

В глухие зимние ночи, когда снег начисто заметает пути-дороги, а луна тревожным бельмом вздрагивает на неясном небосводе, в удалённом от людей лесном зимовище сердце твоё согревает только робкий фитилёк поржавевшей от времени керосиновой лампы.

X X X

Весенние ручьи, на первый взгляд, кажутся совершенно безропотными, даже - невинными, а приглядишься - они с великим трудолюбием раскрывают ещё не проснувшуюся до конца землю, которая дарит всему живому простор!

X X X

Иногда, натолкнувшись в лесу на белочку или бурундука, ловишь себя на ощущении, будто зверьки смотрят на тебя так внимательно, что по-своему всё в тебе понимают.

X X X

Знаю точно: судьба определяется поступками, которые мы совершали в предыдущих жизнях, и ещё совершим в этой – непременно удивительной и неповторимой, что не представляется без нашего таинственного русского леса!

X X X

Серёжки в ушах весны, конечно, не золотые, как у осени, а совсем простенькие, недорогие, но зато - сколько в них желания очаровывать!

X X X

Лесному миру более всего нужна от человека потребность преодоления им своего незнания, накопление энергии и открытие себя для всех живых существ.

X X X

Религия – это не есть приверженность какому-то учению, а существующая ещё задолго до их появления убеждённость, даже – знание, что Творец – совершенная реальность, и она имеет единственную и неповторимую божественную суть.

X X X

Всё в природе происходит вследствие действия исконных законов Вселенной, и чудеса – это её не всегда объяснимые, но вечные неизменности, что даже после их понимания не перестают оставаться чудесными.

X X X

Отвага птицы, пересекающей огромные морские и лесные пространства, подаёт пример великой жизнестойкости, но никто не воспринимает её жизнь как подвиг.

X X X

Реальность жизни заключена в том, что неизбежное переживание холода, голода и разного рода испытаний никогда не исчезнет, но состояние духа должно быть таковым, что ничего его не поколеблет.

X X X

В весеннее время многим птицам присуще страстное постанывание, и потому, заслышав его в лесу, не сразу догадаешься: воркует ли это вяхирь, надувшийся от напряжения самец сороки, или, может быть, нежная горлинка не в силах сдерживать нахлынувшего любовного томления?

X X X

Какая-то необыкновенная сила охватывает нас в глухом северном лесу. Наверное, её слагают прожитые им века, что до сих пор властвуют над человеком, отдаваясь в его душе полузабытым дремучим эхом. И посещает вдруг мысль, что даже самый глухой, отдалённый от человека лес никогда не может быть для него чужим и диким.

Одна из самых притягательных тайн леса именно в том, что в нём возникает совершенно особое чувство времени: там слышно, как длится мгновение, пробуждающее в нас память неведомых предков.

X X X

Мне нравится, что ветер никогда не предупреждает о своём появлении.

X X X

Бывает, когда осень, будто задумавшись, приостанавливается, провожая на юг многочисленных пернатых, вздорные галки и вороны, захваченные мгновенным порывом, всей своей неугомонной оравой бросаются вслед за ними, так что их какое-то время не слышно и не видно, но вовремя спохватываются и возвращаются восвояси, предпочитая родной север неизведанному югу.

X X X

Апрельские дожди так неподражаемо шелковисты и чисты в недвижимом, насыщенном влагой воздухе, что хочется так же неподражаемо тихо и задумчиво, почти воздушно, замереть и не дышать.

X X X

Пока стоят ясные мартовские дни с золотистой весёлой капелью, ждать прилёта долгожданных гостей с юга не приходится, и только когда наступит серый туманный апрель с холодными дождями, птицы появляются.

X X X

Вся Вселенная без устали работает над тем, чтобы прилетевший на землю космический ветер не обуял, а возвысил и укрепил чувства человека, который, сидя у тёплой печки, с раздражением думает: когда, наконец, прекратится эта надоедливая непогода?!

X X X

Не раз обращал внимание, что теплолюбивые ласточки-касатки, которые раньше других птиц отправляются на юг, перед отлётом всегда ночуют на тростинках у воды и никогда почему-то не встречаются в лесу. А потом догадался: вода в эту пору ещё теплее земли, и ласточки здесь пристраиваются на ночлег не случайно.

X X X

Лес так величествен, что никогда не почувствуешь его заботу и любовь.

X X X

Если глядеть бездумно в море - оно никак не отреагирует на твоё невнимание. Быть равнодушным к лесу, оказавшись в его объятиях, чревато самыми неожиданными последствиями.

X X X

В весенних сумерках берёзки белеют девичьими платьицами по-особенному светло и радостно.

X X X

С молодых лет мечтая о встречах с лесом, понимая его и лелея в душе это постоянное живое присутствие чего-то до конца необъяснимого и глубокого, хочется иной раз забраться в самую глушь, пасть лицом в пахучий густой мох и забыться от переполняющего ощущения счастья!

X X X

Никому невозможно объяснить, за что любишь лес даже тогда, когда он отворачивается от тебя и становится мрачным и неприступным.

X X X

С окончательным сходом снега и появлением парного тепла от земли пропадает, как ни странно, особый весенний уют, вернее, его ожидание, которое для русского человека, наверное, ещё более трогательно и самозабвенно, чем само наступление тёплой поры.

X X X

Иногда приятно недоумеваешь: в молчании леса угадывается не дремучая затаенность, а виновато опущенные зеленоватые глаза.

X X X

Люди, попавшие в лес случайно, торопятся сразу многое узнать, не подозревая, что лес становится откровенен лишь с теми, к кому проникается доверием.

X X X

Когда в весеннем лесу, у костра, слушаешь перекличку журавлей, они представляются разумными существами, способными рассказать о чём-то очень важном.

X X X

Трудно не заметить, как с началом зимы меж людей завершается тяжёлая пора непонимания, и зарождается нечто доверительное и надёжное.

X X X

Только когда подтает на апрельских опушках последний ледяной черепок, и земля засверкает на солнце перламутровыми каплями, она становится по-настоящему умытой, а весна окончательно победившей!

X X X

Пока никто из людей не встал и ничего не видел, а земля, лес и небеса до конца не проснулись, всё в мире представляется неизведанным.

X X X

Весь свет, бывает, обойдёшь, а учёным не станешь. Ты должен быть готов к восприятию знаний, и только тогда пробьёт твой час, который внесёт в жизнь недостающую весеннюю ясность!

X X X

Мир природы – это чудесные образы и слова, музыка и мысли, которые, попадая в душу растерявшего или не нашедшего себя человека, помогают ему обрести себя.

X X X

В весеннем ночном лесу так же холодно, тихо и пустынно, как осенью и зимой. И даже луна не в силах растопить этой замершей отрешённости.

Словно начищенная снегом, она льёт меж деревьями безразличный свет, и только воздух по-особенному трепетно ластится, льнёт к лицу, и именно поэтому можно отличить зарождение жизни.

X X X

Когда-то, в детстве, я неожиданно открыл необычайное свойство хвойной смолы. Если намазать ею кончик сухой еловой палочки и спустить на воду, то благодаря отталкивающему действию смолы палочка превратится в быстрый кораблик, вольно бегущий по волнам.

Соревнуясь между собой, мы, мальчишки, таким образом, запускали в жизнь свою первую пробную мечту, втайне надеясь на её осуществление.

X X X

Невыносимо даже помыслить, что никогда уже не попасть тебе в по-настоящему девственный лес с его таинственной тишиной, диким зверьём и завораживающим мраком.

X X X

Днём ли идти в лес или ночью - не имеет ровно никакого значения, если на дворе весна.

X X X

Сколько бы ни старался постичь ветер, он всегда будет оставлять тебя в неведении, как будто допытываясь и проверяя: по-настоящему ли ты искренен, чтобы уже только тогда доверить тебе свою таинственную судьбу.

X X X

Мудрое восприятие леса – это когда точно знаешь, что сейчас впереди попадётся навстречу зверь, птица или ягодное раздолье, а вот тот укромный лесок на пригорке полон желанных боровиков.

X X X

В зимний день хорошо любоваться на торжественно сияющие, солнечные снега за окном, со сладким содроганием представляя, какие они обжигающе восторженные!

X X X

Порой в лесу переживаешь такие удивительные мгновения, что поверишь: смерти никогда не будет.

X X X

Звериные следы в заснеженном пустынном лесу неожиданно остро волнуют сердце. Хочется тотчас идти по ним, воображая за каждым кустом пушистого черноглазого зайца или ослепительно огненную кумушку-лису, и ни о чём другом не думать.

X X X

Мартовская звёздная ночь словно мирится с людьми после хлопотливого, ослепительно сияющего дня… Своим равномерным морозным дыханием она успокаивает всех и, загадочно таясь, усыпляет.

X X X

Иной раз до того уходишься по лесу, что совершенно лишаешь себя способности думать, но чуткости при этом никогда не теряешь, вслушиваясь, всматриваясь и даже дыша ещё более проникновенно.

X X X

Несведущему человеку трудно вообразить: всем известный аромат хвои, что лес источает всегда открыто, словно для всеобщей услады, способен вызывать в душе самые неизъяснимые образы и желания.

X X X

Нередко весна может просто замучить человека, сделав его расслабленным, не в меру сонливым, и всё же … счастливым.

X X X

Выпадет тебе однажды случай столкнуться нос к носу с медведем, и так в тебе эта встреча всё всколыхнёт, взбудоражит, что на мгновение ты тоже почувствуешь себя диким зверем, будто давно отбившимся от своей родной стаи и позабывшим её.

X X X

Чтобы познать прекрасное в природе, им нужно обладать внутри себя.

X X X

Ночью, в лесу, ты ничего не видишь, но всё вокруг, затаившись, в безмолвии разглядывает тебя, и ты, чувствуя это, невольно страшишься неизведанного, и всё-таки очарован им.

X X X

Поздней промозглой осенью, когда в жизни у тебя что-то не ладится, ты почему-то по-особенному остро начинаешь воспринимать хмурые лесистые холмы и молчаливые речные долины, замечая, как день ото дня чернеет и осыпается лист. Как растерянно сквозит лес неприкаянной наготой в туманных разреженных далях, и настроение твоё невольно следует за невидимой таинственной тенью, что оставляет после себя уходящая осень, и ты постепенно обнаруживаешь, что причина твоего невезения вдруг улетучивается. Былые неудачи, кажется, уже не донимают душу, и ты с удовольствием переживаешь в сердце звуки и запахи этой уходящей поры, в которой лес вспыхивает напоследок яркими шапками ещё не опавших деревьев, а воздух становится ароматен и свеж.

X X X

Внимательно наблюдая из укрытия за каким-либо зверем, начинаешь чувствовать его душу, как душу себя самого – неизвестно зачем затаившегося, чужого, готового к чему угодно.

X X X

Быстро уходит свет из опавшего листа, до которого уже никому нет дела, кроме любознательного человека.

X X X

Выйдешь в апрельскую ночь под звёзды – и сразу очутишься в совершенно живой тишине, какой не услышишь ни летом, ни зимой, ни осенью.

X X X

В зимнем лесу всё необыкновенно: и мороз, и солнце, и ты сам!

X X X

Весна, как самая пленительная женщина, в одно мгновение оглядывает всех, околдовывает и, никого не любя, увлекает за собой в манящую неизвестность.

Лес же в эту пору, подобно мудрому мужчине, оборачивается печальными глазами в себя, а добрым весельем - к людям.

X X X

Едва ли различишь, как сквозь еловую разлапистую ветку всматриваются в тебя чьи-то неведомые глаза, но обязательно почувствуешь их, постараешься преодолеть в себе страх, и поблагодаришь лес за то, что он поделился с тобой ещё одной нераскрытой тайной.

X X X

Ни луна, ни звёзды не способны преобразить жизнь так чутко, как первый небесный свет.

X X X

Ручей весной бормочет так озабоченно, что кажется, будто кто-то внизу, на дне лога, с кем-то тихо переговаривается.

X X X

В отличие от моря, лес почему-то не пробуждает тоски по странствиям, но вынуждает более пристально вглядываться в себя и окружающий мир.

X X X

Переживания души по весне никогда не бывают тяжкими, и всегда сравнимы со свежестью молодой травы, обласканной самым чистым апрельским дождём и ветром.

X X X

Галка летит - будто о чём-то всё время переживает, сорока в полёте преисполнена нескрываемого любопытства, а вот ворона - до сумасбродности целеустремлённа и деловита.

X X X

Лес сразу понимает, когда человек хочет его обмануть, как ребёнок огорчается и убегает в самый дальний тёмный угол.

X X X

В морозные январские дни между деревьями на снег ложатся такие голубовато-прозрачные, радостные тени, что в лесу начинает пахнуть весной.

X X X

Только проведя достаточно времени в лесном затворничестве, начинаешь по-настоящему слышать и понимать людей.

X X X

Как много светлых, возвышенных слов посвятил я промозглым дождям и ураганам, колючему мокрому снегу, въедливым туманам и разудалым вьюгам. Но почему-то рождается в сердце лёгкая печаль при виде одинокого маленького цветка, и хочется опуститься перед ним на колени, дотронуться рукой и молча улыбнуться.

X X X

Зарождению во мне любви к природе я обязан, наверное, своей прабабушке - Ольге Филипповне: с маленьким женским ружьецом она пыталась охотиться на зайцев, но ничего у неё не получалось.

X X X

Весной часто ощущаешь неясное смущение от того, что так бессовестно счастлив!

X X X

Клочки сена по краям заснеженной дороги, обронённые с саней, вызывают в памяти далёкое лето, что, кажется, затерялось в каких-то неведомых далях, и его уже ни за что не вернуть.

X X X

Следы у куницы такие лёгкие, мягкие и округлые, что, кажется, будто она ступает по снегу в пуховых башмачках.

X X X

У каждого из нас удивительный мир весны складывается из обыкновенных и всем известных вещей.

X X X

В лесу, как во сне, вдруг смешается и словно бы остановится время, и ты за один обыкновенный день насмотришься столько, что уложилось бы в целый сезон. Потом долго думаешь: как такое могло случиться?

Видно, привёл тебя зачем-то лесовик в один час в одно место, и оставил на целый день, а ты не растерялся в этом остановившемся времени, и совсем позабыл про то, что ты здесь – гость.

X X X

Солнце в марте добавляет синей краски небесам, а мороз закаляет её густоту.

X X X

Обычная песенка лесного ручья по весне переполнена радостью, летом – милой озабоченностью, осенью же – умиротворённостью, но никогда она не бывает равнодушной.

X X X

Декабрь, пожалуй, самый обаятельный зимний месяц, и хорош он ожиданием новогоднего праздника, после которого начинается иная, кажется, менее интересная жизнь. Ещё у декабря есть молодой снег, не обременённый собственной, надоевшей ему самому тяжестью, и его радостный блеск, и удивительный перламутровый цвет, и сказочный покой.

X X X

Иной раз задумаешься про радостную жизнь в лесу или в море, и вдруг какая-то тревога, вернее даже - неудовлетворённость охватит тебя: в окружающем мире всегда происходит ещё нечто такое, чего ты, кажется, никогда не в силах обозреть и постичь. Но это ощущение непостижимости почему-то не приносит разочарования, и лишь ещё сильнее хочется жить, думать, радоваться и совершать открытия!

X X X

Если, действительно, не мыслишь жизни без леса, то услыхав слова «красный», «жёлтый» и «синий» - сразу воображаешь брызнувший на руки ягодный сок, хоть и опавший, но не смирившийся осенний лист, и ослепительное зеркальце на крылышке вездесущей сойки.

X X X

Даже весной в серых глазах человека почему-то стоит туманная дымка. В карих – открывающаяся от снега земля, в зелёных – ещё не проснувшаяся лесная чаща, и только в синих глазах отражаются лазоревые отсветы преобразовавшихся чистых небес.

X X X

Всякого человека хотя бы раз в жизни судьба подводит к открытию смысла какого-нибудь природного явления, но не всегда и не всякий замечает это важное для себя событие.

X X X

Обыкновенная жизнь в лесу несоизмеримо выше и интереснее самых невероятных рассказов о нём.

X X X

Не могу успокоиться, пока в весенней природе не произойдёт какого-то главного сотворения: мучаюсь, с нетерпением жду и только когда почувствую, осознаю его, то воспаряю и лечу.

X X X

У осени запах горьковато-пряный, зима же благоухает свежестью надкушенного яблока, весна до боли в скулах набивает оскомину вкусом обламывающихся сосулек и лопающихся почек, лето же кружит голову неисчислимыми ароматами, смешивая их в единый опьяняющий поток, в котором ничего в отдельности различить невозможно.

X X X

После длительного посещения леса хочется писать обо всём, о чём написать никогда бы не отважился, и всё задуманное обязательно воплощается в удивительные и простые образы, которые остаются незабываемыми.

X X X

Не связанному с миром природы человеку невероятно даже предположить, что зимний мрак и ледяная стужа таят в себе больше жизненной энергии, чем румяные августовские закаты.

X X X

Когда задувает северо-западный пронизывающий ветер, он не просто рвётся или свирепеет, а хочет добраться до самого главного в тебе, навевает незабываемые думы и чувства, убаюкивает твою мятущуюся душу, и с каждым мгновением от этого теплеет, постепенно становясь совсем нежным.

X X X

В лесу я собираю мысли в виде обыкновенной хвойной веточки, пушистого облака и птицы, до которой дотянуться можно только взглядом. Или - старого рассохшегося пня, земляники под ним, солнечного луча, затерявшегося среди тенистых папоротников, взлетающей к самым вершинам деревьев бабочки…

А дома вспоминаю, стараясь осмыслить все эти встречи опытом прожитой жизни, и так, постепенно, рождаются в моём воображении незабываемые образы, что, оказывается, уже давно существовали в природе, но тебе их нужно было там увидеть и извлечь трудом своей души.

X X X

Даже в самом благородном стремлении к ласковому свету нельзя отказываться от холодящей тьмы, которая порой открывает пытливой душе недостающую для жизни мудрость.

X X X

К весне потеряешься душой, отрешённо бродишь в лесу, вдыхая его елово-берёзовый дым, и даже боишься поверить, что скоро спадёт с тебя бремя нескончаемой зимы, а в сердце проснётся, наконец, что-то самое долгожданное, бесконечно близкое и родное, сравнимое с возвращением на родину дорогих сердцу журавлей, когда душа с Богом беседует!

X X X

Как бы хотелось однажды остановить время, войти в лес и прожить в нём целую вечность.

X X X

Самый сильный холод в весеннем лесу случается в конце утренника, когда заря только занимается и всё тепло сосредотачивается в верхушках елей…

Именно туда, к пригревающему розоватому свету, поднимаются с наста тяжёлые глухари, и, усевшись удобнее, величественно замирают, чтобы переждать прокрадывающийся понизу мороз.

X X X

Бывает, находясь в весеннем лесу, неожиданно откроешь в себе удивительную мечту, от радости всплеснёшь мысленно ладошками, и сердцу станет так тесно, что оглянешься: нет ли поблизости кого, с кем бы можно всем этим поделиться? А вокруг тихо, безлюдно, но не одиноко.

X X X

Возвращаешься из трёхдневного лесного похода, а чувство такое, будто много лет отсутствовал дома. Отчего так неожиданно чуждо и отстранённо воспринимается близкое, самое родное, о чём даже не пытался намеренно забыть совсем недавно?!

X X X

Часто птицу убивают только за то, что у неё хищно загнут клюв, а пальцы ног вооружены острыми когтями.

X X X

Свист и шум крыльев множества прилетающих с юга птиц, присоединяясь к журчанию лесных ручьёв и порывам молодого весеннего ветра, незаметно рождают новые устремления уставшей за зиму души, и постепенно в ней сосредотачивается сила всей природы.

X X X

В последнее время всё чаще примечаешь, что лес, после долгого общения с человеком, будто сам не свой, словно нашло на него затмение. Могучее тело осталось, мохнатые ветви-лапы так же надёжно охраняют хвойную тишину, спутанные корни-мысли еле слышно в земле промеж себя копошатся, о чём-то недоумевают, а душа уж неведомо как далеко!

X X X

В лесу никто никого не притесняет, а лишь пользуется отведённым ему пространством.

X X X

Бывало, что часто в лесу надо мной кружился чёрный ворон, но никогда не произносил своего зловещего «гра-а-а…»

X X X

Иной раз обрадовано уверуешь: нет ничего прекрасней шелеста травы и листьев на ветру… Но вдруг выдастся затишье, предшествующее ветру, и всё в душе смутится от нерастраченного чувства признательности к тому, что его порождает.

X X X

Скромная, почти неприметная пером подруга снегиря, наверное, никогда не испытывает беспокойства за свой невзрачный вид, ведь весеннее солнце красит грудь самца только для неё.

X X X

Почему-то ощущение первозданности мира вызывают не восходы солнца, а его закаты.

X X X

Жизненные границы леса никогда не кончаются, бесконечно продлеваясь в человеческой душе.

X X X

Пряный аромат опавших листьев сладок их горечью.

X X X

Какие сердце и душу нужно иметь лесному человеку, чтобы не впасть в отчаяние от беспросветности долгого осеннего вечера или нескончаемости зимней ночи, когда он коротает их в глухой таёжной сторожке, а наоборот, переживать от всего происходящего радостную удовлетворённость и покой!

X X X

Месяц наклонился, словно из сказочного ушата высыпал на небо синие, зелёные и красные каменья, и душа переполнилась счастьем, и тоже весело заиграла!

X X X

Трудно поверить, что беспрерывный весенний свет может стать когда-нибудь в тягость, и душе страшно захочется непроглядной осенней ночи, но так оно и происходит.

X X X

Если лес когда-либо и склоняется внимательно к человеку, то только в рассветные сумерки, пока в его душе не родилась безумная радость от вновь нарождающегося неповторимого дня, и он ещё по-детски чистый в своих пробуждающихся думах.

X X X

Берёзы в апреле плачут от радости, не в силах сдержать нахлынувших чувств!

X X X

Завидев к концу осени не облетевшую золотисто-пурпурную осинку, обрадуешься ей так, словно встретил человека, которого ждёшь всю жизнь, а его всё нет и нет.

X X X

Звериные нотки начинают звучать в голосе человека, когда он отрывается от леса или вообще не приходит к нему.

X X X

Перед самым рассветом над макушками деревьев пробегает лёгкий предутренний ветерок, и одну за другой задувает на небе последние звёзды.

X X X

Спешишь, бывало, по выступающим изо мха еловым корням, оскальзываешься, запинаешься, и вдруг почувствуешь, как напрягаются души деревьев от твоего неловкого соприкосновения с ними, воздух вокруг немеет, а недавнее ощущение слитности с лесом безвозвратно истаивает.

X X X

Переживаемый в ночном лесу страх велик, но он так целительно очищает душу, что под утро ощущаешь, будто родился заново.

X X X

Весной, у ночного костра, к самому пламени подлетают огромные бабочки, стремительно вьются над головой, исчезают и вновь появляются, и ты не сразу опомнишься от охватившего восхищения: откуда они в эту пору взялись? А потом, придя в себя, угадываешь в них … обычных, только что проснувшихся летучих мышей, но разочарования при этом всё равно не испытываешь.

X X X

Люблю присесть в лесу на пенёк, как птица, чтобы на мгновение стряхнуть переполняющие впечатления, оглядеться, и вновь упорхнуть за своей неизведанной легкокрылой судьбой.

X X X

В лесу на всё надо смотреть глубоким, проникновенным взглядом, и тогда перед тобой распахивается такое ясное пространство, которое свободно открывает ясность собственной души.

X X X

Так радостно, побывав в лесу, оставаться с чистой совестью.

X X X

Осень сначала смешивает яркие краски, а потом размывает их, оставляя лишь те, что близки нежаркому солнцу, неустанному ветру и бесшумному стылому дождю. Поздняя осень имеет цвет затухающего пожара жизни, что, тем не менее, поддерживает в нас неугасимую потребность видеть, думать и сопереживать.

X X X

Бывает, душной весенней ночью жалобно заголосит в отдалении сова, и душа тотчас откликнется ей какой-то глубоко скрытой сладкой тоскою, от переживания которой всё в тебе неожиданно встрепенётся и просветлеет.

X X X

В глубине зимы, задолго до наступления весенних радостных сумерек, бывает, внезапно накроет необъяснимое душевное смятение небывалой силы, и в этой произошедшей с тобой перемене станет необыкновенно ясна и понятна вся последующая жизнь.

X X X

В отличие от неугомонных воробьёв, никогда не увидишь драки между такими же маленькими снегирями, что всегда обаятельны, скромны и обладают проникновенной и нежной песенкой.

X X X

Часто нежелание жить приводит человека именно в лес, как в последний приют для его исстрадавшейся в мире души… И лес чувствует человека, неприметно унимая его сердечную печаль.

X X X

К концу апреля почти не тронутые метровые сугробы быстро оседают и растворяются, насыщая талой водой и без того влажную почву, а нахоженные за зиму уплотнённые тропинки белеют чуть ли не до мая, медленно истончаясь и превращаясь крепкими утренниками в хрустящий «черепок».

X X X

Весенние вспышки зарниц в полнеба и завораживают, и пугают своей немотой, когда сидишь в ночном лесу один, ожидая пробуждения глухаря – таинственного гостя из далёкого прошлого.

X X X

Когда над вершинами тёмных елей мерцает таинственный звёздный свет, всегда посещает ощущение чего-то радостного, ещё не сбывшегося, но ты веришь – рано или поздно оно обязательно утвердится в тебе, и наполнит душу настоящей сказкой.

X X X

Осенний королевский вальдшнеп взмывает среди стволов волшебной бабочкой и в мгновение исчезает, а весной, в сумерках, опускается за самкой выцветшим листом, и долго припархивает у земли, словно не находя себе места.

X X X

Приведётся однажды столкнуться в лесу с ранним малиновым восходом – и ты словно тайно причащаешься к чему-то, что уже давно и глубоко поселилось в твоей душе, переживаешь, силишься его постигнуть, но никак не можешь вспомнить из своего далёкого и неведомого прошлого.

X X X

Весна, как ни странно, постоянна в изъявлении своих чувств, а по-настоящему восторженной и радостной бывает только в самом своём начале, пока к ней не привыкаешь, всё же остальное время она одаривает лишь счастливыми мгновениями.

X X X

Бывает, бредёшь во тьме на глухариный ток, отчего-то остановишься и вслушиваешься в тишину, а там - будто разговаривают люди, перебегают с

хохотом дети, кто-то весело вскрикивает, перекликаясь, и ненадолго замирает. Это значит, что весенняя ночь выдалась размашистая, открытая и бояться в ней нечего.

X X X

При всей своей глуши лесная чаща беззащитно обнажена самыми сокровенными чувствами, с которыми никогда не соприкоснёшься в открытом поле или на опушке.

X X X

Хоть и говорят часто – «ветер непостоянен», но вряд ли отыщешь что-либо более постоянное в своей свободе. Просто иногда ветер улетает туда, где в нём наиболее испытывают потребность, а как только почувствует в ком-нибудь ещё большее устремление к собственной мощи, тотчас возвращается. Ничто не в силах превозмочь его неудержимую природу быть всегда в нужном месте!

X X X

Содержательность каждого похода в лес определяется поведением в нём самого человека.

X X X

За рекой, на болоте, затрубили журавли, и сразу представилось, как им там хорошо и уютно.

X X X

Порой становится не по себе от однообразной повторяемости человеческих судеб, которые ничего для себя и других не разрешают, тогда как жизнь зверей и птиц, в этом смысле ничем, вроде бы, не отличающуюся от жизни людей, готов слепо боготворить.

X X X

Чем больше развита душа человека, тем больше он находит для себя в лесу знакомого.

X X X

Случается в жизни, что даже весну пропустишь мимо, но бредёшь дальше по жизненной дороге, и по крупицам находишь радость в лете, осени и, конечно, зиме.

X X X

Силы весенних ночей неисповедимы только в городе, в лесу они оголены для всякого, кто хотя бы попытался постичь себя и окружающий мир.

X X X

Бывает, в апреле, когда ещё не сошёл снег, засеет под вечер мелкий нудный дождик, из-под разлапистых еловых ветвей выползает промозглый сырой туман, а на душе от всего происходящего становится хорошо и покойно.

X X X

Именно в лесном отшельничестве, при сознательном переживании собственного самоограничения, в сердце зарождается страстная любовь к людям и жизни.

X X X

Неподвижность лесного существования деревьев, на самом деле, их великое подвижничество.

X X X

Мартовским вечером, когда неугомонное солнце всё же потухает, радость от весны света ещё более усиливается с зажигающимися в небе лазоревыми, зелёными и оранжевыми звёздами.

X X X

Менее всего меня занимает в лесу цветущий луг с бабочками, а больше - сырая темнота оврагов и не тронутая хвойная глушь!

X X X

Сколько бы я не писал о природе, моей героиней чаще всего оказывается весна!

X X X

Дремучий лес говорит даже своим безмолвием.

X X X

Всё в природе давно взыграло, она дружно справила весну, и только заснеженное поле затаилось, лежит недвижимо, и лишь по еле различимой светящейся дымке над ним догадываешься, что и оно вскоре сбросит сонную одурь и превратится в бескрайнее озеро весны.

X X X

За какой-нибудь год хождения по лесу можно пережить не одну сотню его дремучих таинственных лет.

X X X

Оживлённое бормотание тетерева по весне похоже на журчание скрытого под снегом ручья, который пробивается как бы ниоткуда, а слышится везде.

X X X

Есть нечто жуткое и необъяснимое в маленьком неприметном сорокопуте, который уничтожает за день множество птиц и мышей, съесть всё это не может, и насаживает оставшиеся излишки на острые ветви деревьев, отрывая, к тому же, у своих жертв головы.

X X X

Когда насытишься в лесу разудалой апрельской порой, и она перельётся в тебе через край, хорошо предаться мыслям о жизни больших древних городов, их солнечных набережных, площадях и людях, что и не помышляют о великом празднике русской весны.

X X X

Глаза леса во тьме видят даже лучше, чем днём, и особенно радуются, когда встречаются в ней с доброжелательным взглядом любознательного, ничего не боящегося человека.

X X X

Заглянув однажды в гнездо вороны, я был поражён тем, что увидел. У невзрачной на вид, порядком примелькавшейся и надоевшей всем птицы яички имели цвет голубовато-нежного весеннего неба.

X X X

Мудрость и очарование жизни в том, что вечерний розоватый отсвет на сугробах - нежнее любого, самого трепетного цветка.

X X X

Приятно представлять себе весеннюю раздольную картину, где можно свернуть на любую неприметную тропинку и … раствориться.

X X X

Что может быть лучше чувствительного сердца, которое способно угадывать язык зверей, птиц и растений!

X X X

Ранняя весна хороша тем, что начинает долгую пору радости, которая завершается лишь с началом пышного осеннего увядания.

X X X

Столько за жизнь набрано в себя от леса, что можно, оказывается, обойтись уже и без необходимости бывать в нём!

X X X

Случается, что и весенняя заря иногда показывается неприступной царицей - холодной, гордой, чужой, а на следующее утро - опять добрая княжна, которая, только народившись, принимается всех радовать и служить.

X X X

Даже в своей любовной привязанности к лесу не стоит делить его на птиц и зверей, чья жизнь тебя привлекает, и тех, кто почему-либо оказывается неинтересен и почти никогда не попадается на глаза.

X X X

В августовском солнце уже нет того пыла и жара, что оно излучало в июле, а только видимость силы. Её незаметно перетянул на себя зарождающийся в просторах выцветшего за лето неба бродяга ветер.

X X X

Бывают дни весной, когда ничего уже не замечаешь в природе, до такой степени она насыщена теплом и светом!

X X X

Приходит весна - и небеса голубеют, леса становятся нежно-зелёными, а сердца людей наполняются тем радостным светом, что они могли и сами в себе зажечь, но отчего-то этого не сделали.

X X X

Когда в осеннем воздухе устанавливается такая тишина, что ни один листик не трогается с ветки, хорошо тоже замереть и подумать: готов ли ты оторваться от того, что привычно и уже не приносит радости, и полететь?!

X X X

Отправляясь в ночной лес, я и в мыслях не держу поигрывать с опасностью, а хочу только чувствовать его глубинную жизнь, и быть слитным с ней, наполняясь её мудростью.

X X X

Раньше думалось: вот придёт весна, и опять затрубят по болотам журавли, начнут гарцевать на укромных полянках в брачном танце, изящно задирая головы и звонко пощёлкивая клювами… Сейчас же: дай, бог, их хотя бы услышать!

X X X

Как дерево осенью, избавившись от перезрелых листьев, даёт ветвям до самой весны отдых, так и писатель, вовремя освободившись от переполняющих его мыслей, вскоре возрождается в новых книгах.

X X X

В иной год весна так обуяет душу, что ничего уже не разумеешь от охватившего приволья, а только, знай, бормочешь, как тетерев: «Бу-бу-бу, люблю-люблю, бу-бу-бу, люблю…»

X X X

В лесу хорошо постигается: не вся сила жизни сосредоточена в твоих руках, но обязательно нужно постараться осуществить то, что зависит лишь от тебя.

X X X

Если журавли плывут в весеннем небе высоко и обязательно курлычут, погода всегда стоит ясная. В пасмурные, сырые дни птицы в молчаливом напряжении жмутся к земле, голос подают изредка, тревожно вскрикивая и тотчас умолкая, словно не возвращаются на родину, а покидают её.

X X X

Мартовское небо незаметно выклюнется из фиолетово-радужного февраля, ударит в глаза безжалостно яркой синевой, и всё в тебе сразу преобразится, заиграет, и сам ты на время станешь восторженно-неудержимым, ослепительно синим мартом!

X X X

В бабьем лете, несмотря на его видимое и радостное для всех раздолье, кроется нечто для него самого непостижимое, от чего оно, вроде бы, никуда и не торопится, в полном удовлетворении от достигнутого довольства благоденствует, но никак не успевает до конца насытиться своей царственной красой.

X X X

Всматриваясь в человека всем своим существом, лес ещё вглядывается в него каждым отдельным деревом, цветком, зверем и птицей.

X X X

В морозные январские дни небо бывает такое ясное и чистое, что даже не верится: как ещё больше оно может обновиться в марте!

X X X

Из-за обилия впечатлений в лесу часто случается такое, что мыслей в голове рождается сразу много, и они, перебивая друг друга, проносятся, путаются и исчезают, так до конца ни к чему не придя. А надо бы выбрать только одну, заняться ею, и все остальные тогда остановятся, успокоятся, и каждая объявит себя с самой выгодной стороны.

X X X

Дятел-желна, всегда неожиданно и как-то сказочно выпархивает на тебя из чащи, напоминая неловко выброшенную кем-то из костра головёшку, которую и не подумаешь тушить, а только залюбуешься огнём алой шапки дятла, без опаски провожая его взглядом.

X X X

Мелодичный свист рябчика в лесу схож с неведомой лесной дудочкой, что даже в непогоду внушает трогательное восхищение жизнью.

X X X

В мае звёзды теряют яркость и загадочную глубину, но зато становятся ласковее и теплее.

X X X

Не сразу сообразишь: исчезновение какой сказки более ощутимо – весенней или летней? С завершением весны жизнь только ищет, где бы ей свить гнездо, тогда как с уходом лета начинает казаться, что жизнь утекла безвозвратно и ничего необыкновенного в ней у тебя уже не случится.

X X X

Весенний солнечный луч, особенно вечернею порой, - словно произнесённое кем-то доброе слово.

X X X

В марте от растаявших к полудню луж словно разносится детский восторженный крик, наполняя радостью весь воздух!

X X X

Редко, когда обратишь внимание на то, как неустанно кукует в бору кукушка, но обязательно насторожишься, если после долгого молчания скрытная птица вдруг подаст голос.

X X X

Люди никогда не ждут весеннего прилёта птиц, заглядываясь вверх и, то и дело, выискивая в небе журавлиные или гусиные косяки, а поднимают головы, лишь заслышав в вышине их торжествующе-волнительный, призывный крик.

X X X

Ни у одного дерева ничто не может так таинственно зацепиться в ветвях, как у ёлки. Только в её дремучей кроне застревают душистая туманная тишина, сказочные думы леса и мягкий сиреневый вечер.

X X X

Когда токует глухарь, почему-то не выделяешь с таким восхищением его налившиеся брусничным соком брови, огромный пятнистый хвост, переливающуюся перламутровой зеленью грудь или вздрагивающую в такт песне мохнатую бороду. Пышные же брови чудесных красавцев-тетеревов сразу бросаются в глаза, оживляя блёклые апрельские проталины неожиданно яркими, будто только распустившимися цветками…

X X X

Вместе с вскрикиваниями прилетевших с юга журавлей - к людям будто опускаются с неба звуки родной земли, вызывая в них непреодолимое желание устремить к небу свой взор.

X X X

Весенний радостный свет действует на человека как свобода, которую никто и никогда не сможет у него отнять.

X X X

Порой, забравшись в какой-нибудь потаённый лесной уголок, что ничем особенным, вроде бы, не отличается от множества других, поначалу несказанно чему-то обрадуешься. А потом долгое время дивишься, не в силах

разобрать: отчего нет для тебя на свете прекраснее этого обычного лесного места?!

X X X

Как грациозны головы журавлей, когда они насторожены, и как страшны при этом в своей безжизненности их глаза!

X X X

В конце января в жизни природы всегда случается миг, когда безошибочно угадываешь: вот-вот наступит весна! Но что послужило основанием для такой убеждённости?

Может быть, синица раньше времени восторженно заиграла под окном, по-особому радостно осветились в высоком небе облака или что-то ещё, совсем не зимнее, появилось в утреннем воздухе, угадать ты не в силах. Прямо посреди зимы застала тебя весна без имени, запаха и света, а всё же … весна!

X X X

Редко увидишь, когда кукушка прилетает на голый лес, но если это происходит, то год, как и жизнь у самой птицы, складывается неустроенно и осиротело.

X X X

Одно робкое весеннее утро способно подарить целый мир, бескрайнее же летнее царство не в силах превозмочь своё ослепительное довольство, с каждым часом всё более замыкается в себе и незаметно перегорает.

X X X

Только народившийся ломтик месяца тоненький, изящный, а между тем – царит на небе!

X X X

Всю майскую ночь напролёт слышится страстное посвистывание соловья в черёмухе под окном, и становится вдруг так явственно ощутимо, что повсюду в эти прекрасные мгновения рождается любовь.

X X X

Только весенним утром, перед рассветом, вдруг радостно ощутишь, как в тебе незаметно копятся огромные силы, и именно эта весенняя безмятежность происходящего вокруг зарождает уверенность в правильности твоих душевных устремлений.

X X X

Трудно представить у вечно зелёной лесной чащи перезревшую душу, которая всё время растёт, копит силу, но однажды ей приходится от неё избавляться…

Скорее, лесная душа никогда не старится, постоянно обновляясь в своих нескончаемых жизненных примерах, и даже когда деревья умирают, старые пни в лесу окружены его мудрым вниманием и покоем.

X X X

Кончается лето, ночь уже холодна, в небе – полная луна и яркие звёзды, а вокруг – высокие осины, в верхушках которых чутко спят глухари… И рядом - я, маленький, прикорнул неподалёку, у затухающего костерка, потому, что мне обо всём этом надо знать.

X X X

Пока по весне не пахнёт от земли парным теплом, она всё как не родная.

X X X

Слова, как цветы на лугу: чтобы составить чудесный букет, нужно с чувством собрать их. Причём, отбирать следует самые разнообразные, обращая внимание не на их поэтичность названия и аромат, а на энергию внутреннего содержания, и она всегда прекрасна.

X X X

Египетские мистерии указывали на особую силу мысли, посланную через пламя. Оттого и все мои ночные бдения возле костра - под утро завершались радостными откровениями.

X X X

Давно держу и сад, и огород, но только недавно задумался о том, что собирание плодов ещё утомительнее, чем посев и посадка.

X X X

Именно неутомимость, терпение и наблюдательность дают твёрдое основание к творчеству, энергия которого накапливается постепенно, но принадлежит к неистребимым завоеваниям развивающейся души.

X X X

Для того, чтобы находить правильные слова об этом чудесном мире, нужно постоянно отдавать ему энергию своего сердца.

X X X

Глаз должен быть незрячим на отвратительное, устремляя своё зрение в прекрасную природную беспредельность, ибо она божественна.

X X X

Посеявший - пожнёт. Ничто и никто не изменит этот неукоснительный закон Вселенной, независимо от того, посеяны ли семена добра или зла. Жатва в любом случае будет произведена, и окажется справедливой.

X X X

Лесу нелегко скрывать от любознательного человека каждую минуту своей жизни, вырастающую незаметно в мудрые века, но лес ещё тяжелее переносит человеческое невнимание, мгновенно становясь неприступным.

X X X

Больше юга люблю север: взбунтовавшиеся дикие силы природы и стонущую тайгу, неистовые порывы студёного штормового ветра и долгий изматывающий путь, потому как только в них и растёт душа.

X X X

Ранний крик журавлей на болоте вызывается первым робким проблеском света, когда узкая полоска зари только-только проглядывает из-под небесного одеяла, и человеку её ещё не видно.

X X X

Бывает, подолгу вынашиваешь какие-либо сведения о птице или звере, но чего-то всё-таки не хватает, чтобы начать рассказ. Чего-то связующего,

что могло бы озарить повествование обаятельной чёрточкой, мыслью, может быть, даже неожиданным открытием.

И вот однажды это маленькое недостающее открытие появляется, быть может – это обыкновенный высохший пень, и все накопленные до него знания, представляющиеся до этого неинтересными, неживыми, чудесным образом оживают, тотчас складывается сюжетная линия рассказа, его развязка и, конечно, долгожданная первая фраза.

X X X

У многих северных народностей слово «погода» означает, как ни странно, нечто хорошее и весёлое, что радостно идёт навстречу человеку, пусть даже падает снег, бесчинствует буря, или кругом стоит непроглядный промозглый туман.

X X X

Как бы круто ни забирал мороз в мартовский утренник, он кажется лёгким и беззлобным, и только оживляет всё вокруг!

X X X

Важно, войдя в лес, принимать обнаруженные там находки не на свой счёт, возвеличивая лишь собственную проницательность и ум, а на творчество самой природы.

X X X

В июльский вечер, когда всё вокруг дышит жаром, только души деревьев льют сдержанную прохладу и успокоение.

X X X

С приходом дивных майских дней исчезает восторженная трогательность апреля, и хоть голубеет по утрам небо и зеленеют нежные листочки, а что-то в природе уже не так: всё затмевающая в душе вспышка весны угасает, и восторг восприятия сменяет тихая радость.

X X X

В народных поговорках и сказаниях лисица рисуется животным хитрым и вероломным, ещё более хищным, чем волк, но издавна знакомо людям и такое качество лисы, как осмотрительность. Лиса завсегда с оглядкой живёт, и ходит только своим пятником, чтобы не оставлять за собой лишних следов.

Прежде, чем перейти, скажем, через замёрзшую реку где-нибудь в начале зимы, лиса долго прислушивается, как подо льдом вода течёт, и по этому судит, достаточно ли он прочен. Если лиса через лёд пройдёт, тогда можно через него и пушки возить, до того он крепок, замечали в народе, а уж в феврале, после Сретения, по тем же народным наблюдениям, она вообще на лёд не ступает – боится… Сторожка лиса так, что семерых волков проведёт!

X X X

Солнце в марте обрушилось на всех, повергло своим ослепительным теплом, и не сразу вспомнишь, как невидимкою впитывало оно для этого серые февральские дни.

X X X

Весело ведёт себя лес в апрельскую непогоду, особенно - перед погожим днём. Далеко разносится его мятущееся радостное звучание, даже - гул, и на душе становится широко и вольготно, словно река вот-вот ударится в половодье и заполнит всё своим безудержным весенним разливом.

X X X

Как легко и хорошо живётся человеку среди родной природы, если он заботится о ней и понимает.

X X X

Восторженность к природе исходит из незрелости души. Мудрость же подразумевает ни для кого не обременительное и вкрадчивое всматривание в неё.

X X X

Глядя в апреле на звёздное небо, похожее на огромное ночное поле, легко увлечься его манящей необъятностью, уйти далеко-далеко и, заблудившись там, не вернуться.

X X X

В свете скупой декабрьской зари изредка вспыхивают золотистым огнём лишь макушки вековых сосен, но зато морозный воздух благоухает свежестью надкушенного яблока, а шишки на ёлках представляются новогодними игрушками!

X X X

Необычно и радостно наблюдать по осени за свободолюбивыми забияками-воробьями, когда они табунятся в плотные многочисленные стайки, где каждый чуть ли не касается своего приятеля, но совершенно никому не мешает.

X X X

В радостный весенний день от птичьих криков, брызжущего солнца и капели вдруг замрёт на мгновение сердце, оно сожмётся от сладостной боли, и вспомнишь, как, не уставая, пробирался через всю зиму к самому лучшему в себе, и верил в свой апрель.

X X X

Божественная красота природы в том, что и зелень, и небесная лазурь, и желтизна в ней – разные!

X X X

Невозможно пропасть в дремучем лесу, если знаком с ним, хотя бы, по русским сказкам.

X X X

Особая тихая прелесть возникает в апреле, когда воздух пахнет сырой корой и распускающимися клейкими почками, и хорошо, если время человека наступает именно в эту пору.

X X X

Когда сгорает весна, вместе с ней сгораешь и ты, перерождаясь к лету в совершенно незнакомого, спокойного человека.

X X X

Иной весной, от самого её начала и до конца, переживаешь одну щемящую боль, ни в чём не в силах ощутить хоть маленькую радость, и даже черёмуха, кажется, не распространяет на тебя свой чарующий запах.

И только когда приходит осень, неожиданно отмякаешь сердцем, забываешься в себе и отправляешься в долгожданный душевный полёт.

X X X

В жизни мы должны серьёзно относиться ко всему, что нас окружает, научившись различать знаки, которые призывают осознавать неразрывную взаимосвязь с природой, представляющую для всех людей огромную духовную силу.

X X X

Если мартовский день – жених, то невеста его – светлая капель. Для апреля нет краше распустившейся нежными барашками вербы. Май же – бесшабашный гуляка, без зазрения совести мечтающий сосватать черёмуху, иргу, калину, рябину и сирень, что ещё не оделись в весенние наряды.

X X X

Постоянное и честное общение с лесом, где всегда приходится совершать над собой усилия и постоянно чем-то жертвовать, приучило меня ставить задачи, казалось бы, самые невыполнимые, желая добиться их разрешения, во что бы то ни стало. Результат никогда не заставлял себя ждать: я становился мудрее, а значит – сильнее, и уже никогда не обременял себя вопросом: зачем мне дано прожить ещё один день?

Ответ оказывался очевиден: этот день – самый лучший в твоей жизни, и он дан судьбой для радостного постижения, благодаря которому ты открываешь в себе Господа и его способность к удивительным деяниям.

X X X

Никогда не увидишь, чтобы дятел, эта умная, бодрая и трудолюбивая птица, сидел на дереве в отрешённой задумчивости, без дела.

X X X

Пришвин писал: «Весной так всё роскошно вокруг, и так много всего, что душа моя, глиняный кувшин, не вмещает, и всё льётся через край из моего кувшина…»

Моя же весенняя душа представляется мне невидимой сутью проистекающего повсюду жизнетворчества, что впитывает в себя бесчисленные ароматы, волнуется и вырастает в ещё более восхитительное состояние, когда открываешь для себя смысл существования самой крохотной былинки.

X X X

Глухая метельная ночь не врывается нагло в сердце, не опустошает холодом душу, а приводит за руку к изголовью трогательную детскую память о неподражаемо чудесном сказочном мире.

X X X

О чём бы, происходящем в лесу, человек не писал, он всегда пишет о себе.

X X X

Первый снег, говорят в народе, всегда на сонных нападает, ибо ложится ночью, когда все спят, и эта его особенность так проникновенна, что, действительно, совершенно обезоруживает, необыкновенным образом умиротворяя. И рад бы не спать, да сладкий предзимний сон одолевает.

X X X

Многие писатели используют животных в творчестве только потому, что не в силах избавиться от собственного несовершенства.

X X X

Когда устанавливается весна цветов, верится, что этому чудесному времени не будет конца.

X X X

Чутьё – это мгновенное погружение души во вселенский поток жизни, где судьбы всех людей связаны между собой. Ко мне оно пришло благодаря тесному общению с миром птиц, зверей и растений.

X X X

Благодаря нежной апрельской заре и чистому небесному пространству, что отражаются в первых лужах, вскрывшиеся от снега поляны, кажется, возносятся и повисают в воздухе чудесно переливающимися пейзажами.

X X X

Изо дня в день, неприметно, но неотступно появляются мои лесные мысли, и так, капля за каплей, рождается на свет лесная книга – созданная мной новая радостная жизнь.

X X X

В начале декабря, когда сильные морозы ещё не укоренились и воздух мягко пронизан розоватыми лучами, особенно ослепительно искрятся и играют в солнечных лучах молодые сугробы.

X X X

Весенние дни не потухают внезапно, как осенние или зимние, не обрываются, как будто их и не было, а глядятся друг в друга детскими чистыми глазами, с затаенной радостью и надеждой.

X X X

После первых бурных снегопадов, когда снег ещё не улежался, и в лесу ни пройти, ни проехать, то ли дело для зверей открытое поле. Именно сюда первой устремляется коротконогая кумушка-лисичка.

Мышкуя, лисица словно плывёт по снежному полю, утопая лапами в снегу, а почуяв грызуна под снеговой толщей, зарывается в неё с головой, так что на поверхности вздрагивает один огненный хвост.

Пискнула мышь в зубах хищника - и султан распушённого хвоста лисы застыл свечой над сверкающими снегами, будто одинокий кустик. Но в следующее мгновение уже опять выгибается над снегом её ярко-рыжая спина: лисица, оттолкнувшись передними лапами, приподнимается на задние, а затем, изогнувшись в воздухе, резко опускается на передние, задрав задние кверху…

Движения лисы при этом грациозны, пластичны и легки: видно, как плутовка радуется подступившей зимней поре, чистому, только что выпавшему снегу, розоватому солнцу и возможности играть вот так с мышами, до которых она большая охотница!

X X X

Апрельскими вечерами мороз всё ещё пытается ухватить зазевавшееся чудо весны и возвратить своё былое могущество, но получается это у него уже не грациозно и уверенно, а как-то наигранно, без присущего ему волшебства.

X X X

Есть в лесу птицы и звери, встречи с которыми мы всегда почему-то превращаем в тайну, и никому о ней не рассказываем.

X X X

Всегда почувствуешь мгновение, когда душа способна взвиться над травами и цветами, легко проникаясь всякой мелочью и сливаясь с ней, но только попытаешься всё это записать, как лёгкость восприятия переживаемой правды исчезает.

X X X

В жизни природы есть такие таинственные места, где, кажется, живут сказочные древние мудрецы. Они всё видят, слышат и чувствуют, но не вмешиваются в поступки человека, предпочитая до поры оставаться незамеченными.

X X X

Весенняя рыхлая земля, только что вскрывшаяся от снега, будто продолжается в тебе нескончаемыми запахами и желаниями, тело от этого становится набухшим, как большая древесная почка, которая однажды лопается со звоном, и душа улетает куда-то в непознанную даль, а возвращается порой только под осень.

X X X

Человеку, не связанному постоянно с миром природы, трудно поверить, что цветное одеяло, покрывающее землю в разгар лета, начинает ткаться ещё мартовскими ночами в напружиненном от мороза небе, где рушатся со звоном белые цветы декабря, января и февраля, и из их осколков зарождаются трогательные блёстки будущих подснежников, мать-и-мачехи и медуницы.

X X X

Сколько ни старайся, ни стереги весной час лесного пробуждения, а наступает он всегда неуловимо, как будто невзначай. В лесу словно кто-то проснётся в один миг, так же мгновенно потянувшись, закружит голову ароматом, и взглянет вокруг серо-зелёными глазами неудержимой любви. Кто пропустит для себя это время, останется на весь год в недоумении: отчего опять не задалась у него судьба?!

X X X

Осень по-особому пахнет притихшим лесом, берёзовым и брусничным листом, и ещё чем-то таким, что замирает в груди безмолвным эхом сладкой надежды.

X X X

Из всех времён года больше всего люблю весну, потому что только она может всё объяснить и показать человеку.

X X X

Живая ночь в лесу – это когда совершенно забываешь себя в ней, а она чувствует всё в тебе, и полностью доверяет.

X X X

Для полной встречи весны мне всегда очень не достаёт журавлиного крика, и как только услышу это восторженное «курлы-курла, курлы-курла, курлы-курла», так и успокоюсь.

X X X

Чибис или ворона, расхаживая по открывшимся от снега полям, время от времени останавливаются и начинают притоптывать ногой, забавно встряхивая ею в воздухе. Так они, оказывается, имитируют приближение крота, сотрясая почву, и встревоженные черви тотчас выбираются на поверхность, становясь их лёгкой добычей.

X X X

Когда проходит последняя взволнованность от весны, страх перед будущей обыденностью существования совершенно исчезает, и тебе просто хочется жить.

X X X

При всей своей видимой неприступности, лес иногда способен глядеть на человека с особенным доверием, отражая трепет его огромной, таинственной души. Но человек чаще всего ничего не воспринимает, и лес, огорчённый этим невниманием, надолго закрывает свои глаза.

И тогда человеку отчего-то становится одиноко, и он начинает замечать в чистой воде отражение летающей стрекозы, и как от каждого растения исходит свой особый свет, и что над его головой проносится неслучайный ветер…

А лес упорно молчит, погрузившись в свои таинственные размышления, и не спешит дарить человеку свою великодушную улыбку.

X X X

Что грезится в стране деревьев тем её обитателям, кто ещё достаточно не вырос по сравнению с великанами, что уже упираются в небо? И замечают ли их эти великаны, подступающие по ночам к звёздам?

Наверное, все деревья, независимо от возраста, устремляются только к самим себе, и нет предела их подвижническому терпению.

X X X

Каким же чистым надо быть человеку, чтобы встретившись в лесу лицом к лицу со зверем, не покуситься на его жизнь и не испугаться, а заговорить с ним ласково и просто, как со старым, уже давно не виденным другом!

X X X

Как хорошо становится на душе, когда в ночном лесу гукает над тобой большая невидимая птица филин. То нагонит, то надолго пропадает, а потом опять неожиданно появляется, и всё гукает, гукает, гукает, как будто чего-то ищет и не может отыскать.

Сам ты тогда тоже невольно начинаешь угадывать в себе нечто таинственное и дорогое, что было когда-то утеряно, и ты не замечаешь, как ночь, словно мать, потерявшая ребёнка, уже нашла тебя и великодушно приняла в свои объятия.

X X X

Как замолкнет в лесу кукушка – из тенистой чащи на солнечную опушку осторожно начинают выступать озорные бесенята. А их батька - старый лешак, так и сидит в потаённой глуши, но никому не даёт проходу.

X X X

Случается, буря повалит какую-нибудь ель прямо поперёк тропы, и вывернутые вместе с дёрном корни угрожающе вздымаются над ней, как разъярённый медведь. С опаской обходишь такую вывороченную лесину, и долго не можешь избавиться от ощущения, будто кто-то неведомый заглянул в твою душу и предрёк нечто ужасное.

Но ты продолжаешь свой путь, зная, что и старое, поломанное грозой дерево, в борьбе за жизнь, нередко проживает более насыщенно, чем молодое и здоровое. В лесу приходится и выворотню молиться!

X X X

Собираясь накануне в лес, всё думаешь: надо бы завтра, натолкнувшись на свежий след рыси или лисицы, обязательно пройти по нему в пяту, ни на что не отвлекаясь и до самого конца.

Но как только окажешься поутру за околицей, на мгновение замрёшь в ознобе восторга от увиденного и - будь здоров, позабыв обо всём, куда глаза глядят… Так увлекательны и благословенны бесчисленные лесные дорожки!

X X X

Бывает, человек так возгордится, что оставляет всякие попытки, хотя бы изредка, сдерживать себя. И жизнь тотчас напоминает ему о своей божественной сути, низводя его до положения обыкновенной полевой мышки, что по воле случая оказывается в глубокой колее лесной дороги. Края у этой колеи крутые, подняться по ним мышка не в силах, и чтобы выбраться - зверьку приходится бежать к самой деревне, а до неё - с десяток вёрст!

X X X

Птица просто сидит на дереве, подымет крыло и, загнув голову, начнёт чесать под ним клювиком…

Щиплет часто, быстро, не уставая, а у тебя вдруг родится в сердце острая потребность в своём доме, и прогулка в лес только усилит её.

X X X

Пахучие апрельские туманы не задерживаются на открытых местах и быстро растворяются в воздухе, наполняя живительным ароматом взбудораженные весной сердца; в густых же ельниках застревают надолго, и как будто ждут там чего-то глубоко желаемого, скрытого ото всех, но несбыточного.

X X X

Ясным мартовским днём, при добром морозце и ветре, солнце так остренько покалывает кожу, что по всему телу разливается весёлый жар.

Кровь ударяет в щёки, лоб и уши, они горят вместе с искрящимися снегами, всё вокруг играет.

Вот когда совсем забываешь об усталости и хочется, чтобы день этот никогда не кончался, и солнце светило всегда по-весеннему, безудержно, и ветер не позволял облакам скрыть напружиненную от восторга небесную синеву. А как приятно чувствовать на этом ветреном и ярком солнце задорную весеннюю жару!

X X X

Если хоть раз видел, как грациозно поднимаются по склону глубокого распадка отъевшиеся за лето медвежата, то никогда не забудешь круглые, смешно колышущиеся зады зверей, их блестящие роскошные шкуры, и ту поразительную игривость, с какой они способны передвигаться в эту пору. А вспомнив однажды всё это - улыбнёшься и поблагодаришь лес за его обаяние и силу.

X X X

На дворе слякоть, апрельское бездорожье, мутные струи холодного дождя льнут к оконным стёклам, но попробуй преодолеть в себе вынужденное ненастье, войди в просыпающуюся от зимы чащу, и душа вдруг станет огромной, как лес.

X X X

Бывает, станет так хорошо в лесной тишине, что остановишься, долго стоишь, чуть ли не дыша, и зачарованно, как в детстве, ожидаешь от неё светлой и чистой сказки.

X X X

Ещё с ночи из леса потянулся какой-то неясный шум: это лопались переполненные жизнью почки, словно зазывные сваты восторженно перешёптывались между собой, еле сдерживая себя о чём-то совещаясь. А потом весь день молоденькие берёзки, липы и осинки, подобно невестам, одевались прямо на глазах в светлые одежды, и тоже, еле слышно, радовались своему счастью, распространяя вокруг себя живительный аромат.

Так, незаметно, еле различимый, но трогательный шум от лопающихся почек постепенно превращался в зелёный неудержимый гул всеобщего праздника любви.

X X X

Мужественно перезимовавший на ветке листочек всё равно рано или поздно обрывается, и, порхая между стволами, вдруг представляется маленьким букварём, всматриваясь в который, все деревья будто заново постигают азбуку предстоящей им захватывающей жизни.

X X X

Согбенное снежным гнётом молодое деревце, к весне, обычно не распрямляется в один миг, после сильного удара по нему лыжной палкой, как об этом рассказывают досужие до всего люди, а так и остаётся долгое время согнутым в три погибели, пока его, постепенно, не выправят весенние дожди и солнечное тепло. Снег всю зиму гнетёт верхушку молодого деревца, пригибает его к земле, и, обессилев, деревце, наконец, сдаётся и поникает. К весне оно становится совсем неприметным, так что ходишь над ним по насту, даже не подозревая о его существовании.

Но бывает, в апреле, когда снег уже быстро сходит, случайно тронешь лыжей такую неприметную веточку, а она вдруг распрямится, выпрыгнет на свет во всей своей красе, и душа твоя тоже внезапно встрепенётся и обрадуется.

X X X

В марте беспрестанную улыбку дарит солнце, в апреле – просыпающаяся земля, а в мае – напоённый жизнью воздух, что всеобъемлющ, многолик, и так, улыбка за улыбкой, как по ступенькам, всё это радостное в природе возносит в голубеющую над лесом даль, распахивая перед тобой желанное оконце.

X X X

Человек не в состоянии воспринять всю мудрость леса целиком, а складывает её годами из разных сказочных преданий и небывальщин, собственного бесконечного хождения по нему, и лишь потом, незаметно, обнаруживает для себя удивительную, и вместе с тем очень простую лесную быль.

X X X

Иной раз выдастся такая весна, что и дрозд поёт сиротливо, как будто бы он один остался на весь промокший апрельский лес, вскоре часом простудился, засипел и постепенно вовсе умолк.

Но только подумаешь о весне плохо, как она возьмёт и огорошит тебя совершающимся повсюду торжеством, и ты, конечно, сразу простишь ей неприкаянную сиротливость, позабудешь обо всём худом, что породила временная природная неопределённость, и вдруг необыкновенно возрадуешься жизни, словно она ещё и не начиналась. И уж теперь до самого лета будешь прославлять её, как тот самый дрозд-белобровик, что сначала не поверил в весну, а потом, как и ты, её полюбил.

X X X

Всегда почему-то кажется, будто лесной паук имеет преимущество перед простым, тем, что обитает дома. К последнему всегда относишься с некоторым пренебрежением, даже с брезгливостью, когда заприметишь его, скажем, в бане…

Повстречав же в лесу умело растянутую, в капельках росы паутину, обходишь её с уважением, стараясь не зацепить.

X X X

Люблю примечать прилёт зябликов, когда снег в лесу не тронулся, следить, как они перепархивают, насвистывая в еловых ветвях, и чувствовать, что во всём происходящем не хватает какого-то очень важного тёплого творчества, без которого и солнце ни солнце, и весна ни весна. Но вот маленькие птички своим присутствием будто обогревают зябкую зимнюю пору, и всё вокруг вскоре приходит в радостное движение, и воздух словно начинает играть…

Не боятся зяблики февральских метелей и стужи, зябнут, но провозглашают скорую весну, оттого их в народе так и прозвали!

X X X

Придёт к тебе однажды из лесу такое небывалое, что, кажется, не снилось никому на свете, но и его ты постепенно сможешь принять и объяснить. А если не сможешь – будешь спокойно и молчаливо нести в себе, и оно станет твоей сокровенной тайной, что когда-нибудь превратится в правду

.

X X X

Парение орла необычайно величаво, падение – стремительно, овладение же им добычей – хладнокровно, и разве поверишь, что эта гордая птица может стать совершенно послушна человеку.

Для этого он просто надевает ей на глаза клобук, делая слепой, сажает, привязанную за ногу, на бечеву, и, в течение нескольких недель, покручивает

её. Изредка шевеля бечеву, человек долго не даёт орлу пищи, чтобы он уже больше никогда не смог успокоиться и прийти в себя, навсегда подчиняя царя птиц своей воле. Измученный и голодный, орёл рано или поздно теряет самообладание, становясь послушным инструментом в руках хозяина.

Правда впоследствии человек сменяет жёсткое отношение к птице на ласку, снимая клобук и давая ей поесть бескровное мясо, подставляя руку в прочной перчатке. Орёл, потянувшись за едой, садится на перчатку, и привыкание закрепляется. Гордый орёл забывает о том, что растерянность постыдна, и когда-то он презирал малейшую ограниченность.

Х Х Х

Идёшь, бывало, по лесу и не видишь его глаз: будто лес не понимает тебя, как ты его, а переводит все твои чувства и мысли на свой, непонятный тебе язык. Не наставляет и не запугивает, и даже в тех местах, где невозможно от радости не улыбнуться – он не улыбается. За весь день слова не вымолвит, лица своего не покажет, но только ты вознамеришься его покинуть, как он неожиданно преобразится в озорной лес, подставит тебе ножку и расхохочется!

Х Х Х

Увидел однажды в заснеженном поле лису и сразу подумал: зачем у неё такой пушистый и как будто совсем ненужный хвост? Уж, конечно, не для того, чтобы следы заметать: если кому понадобится, он их и без того разберёт. Да и с красотой не всё так просто обстоит, что в лесу как раз не резон в глаза бросаться.

А как-то зимой поднял с дневной спячки хитрого зверя, подошёл к тому месту, где он лежал, свернувшись калачиком, так что на снегу осталась вмятина, наполовину обвитая неглубокой бороздкой, и понял: хвост позволяет лисе не застудить лёгкие в сильные морозы. Когда лиса, оборачиваясь им, утыкает в него нос, холодный воздух, вдыхаемый через густой мех, успевает согреться. Не хвост, а носогрейка!

К тому же, лиса-Патрикеевна, при всей своей изворотливости не имея в природе явных врагов, призвана заявить о своей красе во всеуслышание! Посмотрите, какая я пригожая, и собой красива, и по уму мне молвят славу: чего же мне бояться?

У волка хвост – полено, замечали в народе, у медведя – куцык, у бобра – лопата, а у лисы – труба, им она на весь белый свет и трубит о том, как хороша. Он у неё – что след огненной кометы, озаряющей собой и без того дивный лес. Лиса хвостом виляет, но зубы скалит, и если зайца ноги носят, волка зубы кормят, то лису хвост бережёт. С ним она от любой беды отыграется, оттого сытей волка и живёт!

X X X

Первый снег - будто странствующий глухонемой: никогда не почувствуешь, как он приходит, ложится на остывшую землю, и замирает в ожидании внимания.

X X X

Под осыпавшейся кручей, над самой дорогой, оголились и повисли длинные корни деревьев. Несмотря на свою беспомощность, они вызывали неприятное волнение: кажется, кончики этих корявых щупалец вот-вот достигнут твоей одежды, и больше не отпустят. Долго потом не можешь оправиться от этого неприятного ощущения, не в силах понять, что тебя вынуждает, не оглядываясь, ускорить шаг?!

X X X

Иной раз захочется почему-то обойти всю зиму по глубоким снегам, но постепенно задыхаешься, волей-неволей умеряешь свой шаг и пыл, и лишь жадным взглядом не перестаёшь утопать в её великих сугробах.

X X X

Весенний цветок, пробиваясь из почвы сквозь старые листья, вопреки укоренившемуся заблуждению, не испытывает при этом никаких усилий: он переживает нетерпеливый восторг!

X X X

Лист срывает с дерева ветер и мороз, его может стронуть рогами лось-великан или присевшая на ветвь птица, зацепившийся за лист паучок благополучно приземлится с ним на другие опавшие листья, но никогда не хватит у листа сил оставить родное дерево самому. Без чьей-либо поддержки, когда он вдруг отчего-то оборвётся и полетит, принадлежа только себе, ему не обрести желанную свободу.

Но пришло ему время оторваться и улететь, и лист упал где-то, зарылся в ворох таких же, обессиленных листьев и, свернувшись, вдруг почувствовал, как к его высушенным бокам прикасается живой воздушный поток. Ветер чуть-чуть шевельнул старым листом, и он откликнулся ему, поверив в оставшиеся силы, и на какой-то миг действительно ожил, перевернувшись на другой бок.

Сразу представилось, как лист родился весной, выклюнувшись из набухшей почки, сколько сил земля, вода, солнце и воздух положили на то, чтобы он распустился и расцвёл, а затем, в течение лета и осени, менял свой цвет. Сначала лист становился нежно-лимонным, с кремовыми прожилками, дальше – оранжевым, ярким, и вскоре – переполненным жизнью, чуть ли не пурпурным…

И вот, кажется, никому ненужный, лист опустился на сырую землю, но человек заметил его, поверил тому, что с ним произошло, и улыбнулся.

Х Х Х

Случится с тобой однажды такое, что жизнь будто остановлена: и еда не лезет, и работа в тягость, и сон отлетает, и в лес идти совсем не хочется. Так проходит день, другой, третий, а то и неделя, и даже месяц. Вот уже и солнечный март подступил – у тебя же одна мысль: как бы одолеть свою кручину и поверить в нечто спасительное, чтобы оно нежданно-негаданно коснулось твоей души и та, хоть маленечко отогревшись, радостно затеплилась?

А надо-то было всего лишь забыть на время себя самого, помочь какому-либо доброму человеку и, отрешившись ото всех случившихся с тобой переживаний, улечься пораньше и пробудиться рано поутру от барабанной дятловой трели, что протяжно и звонко разносится за околицей, куда-то зовёт и обещает только счастливые события! Ведь если человеку всё надоело, и он устал, ему надлежит узнать то, что не подвержено даже смерти, а что это такое?

Вся жизненная удовлетворённость, наполненность благословенным смыслом существования находится, оказывается, в нём самом, необходимо только всё это отыскать, но сначала – прийти к желанию поиска, насытившись обыденной, пусть и приятной жизнью. Человеку не хватает решительного броска навстречу самому себе, к заложенной в глубине своей природы божественности, с пониманием, что она неотделима от тела.

Единство тела и духа – вот, где заложена причина человеческого счастья, и когда человек достигает этого благословенного слияния, он обретает в душе недостающую удовлетворённость, то есть – Бога. Но Бога невозможно воспринять без поклонения и постижения такой дорогой всем нам природы, что для русского человека – всё мирозданье, то ежедневно зримое благо, которое и призывает, и возвышает его дух!

Х Х Х

Как неясные думы дрожит над землёй знойное марево, а вместе с ним сама земля, лес, деревня, пашня, река за околицей, и всё это вместе, если взглянуть пристальнее, открывает нам разомлевшее тело потянувшейся ото сна весны.

X X X

Когда-то, давно, лес, наверное, был похож на добротного и рачительного хозяина, знающего себе цену и гордого за это своё добро. А вот теперь, выщербленный и какой-то задавленный, он напоминает лишь старого немощного колдуна, чьи угрозы уже никто всерьёз не воспринимает, но в сказку его жизни, всё же, ещё верит.

X X X

Когда из коричневой почки проклёвывается зелёный клювик, на клювике этом повисает большая прозрачная капля, и всё вокруг как будто приподнимается на цыпочках, чтобы её выпить, в природе наступает самая трогательная и преисполненная жизненных сил пора.

X X X

Каждую весну собираюсь я в одну тугую почку и жду: что-то будет теперь? Но распустившись маленьким листком и радостно прошелестев всё лето на тёплом ветерке, всё же, отрываюсь в сентябре и опять уношусь в томящую безызвестность, которой нет конца.

X X X

Майский снег и нежен и колюч, и в этом сочетании уходящего мороза и надвигающейся живой поры он всегда нереален, как хоть и красивая, но пустая мечта.

X X X

Одна из самых притягательных тайн леса в том, что в нём возникает совершенно особое чувство времени: там слышно, как длится мгновение, пробуждающее в нас память предков.

X X X

С появлением парного тепла от земли, как ни странно, пропадает особый весенний уют, вернее, его завораживающая оголённость, которая для русского человека, пожалуй, ещё более трогательна и самозабвенна.

X X X

Живёшь среди людей - и тут тебе гордыня и благоговение, рабская покорность и воля, жадность и щедрая отдача, любовь и сквернословие, а войдёшь в лес - лишь одно чувство: смиренная радость!

X X X

Первый весенний вестник в мире птиц, как ни странно, ни зяблик, ни овсянка, и даже ни грач, о котором в народе принято говорить, что именно он расклёвывает весну, а наш чёрный ворон. Птица эта на зиму никуда не улетает, и уже с конца января затевает брачную игру, отрешённо кувыркаясь в высоком холодном небе и издавая своё призывно-восторженное: «крун-н-дон-н, крек-к, крун-н-дон-н, крек-к, дон-дон-н, дон-дон-н, дон-дон-н!»

До чего проникновенно слышать эту необычную для зимы лесную музыку, с удовольствием угадывая в ней уверенные нотки ещё не проснувшейся радостной поры!

X X X

Как много светлых, возвышенных слов посвятил я промозглым дождям и ураганам, колючему мокрому снегу, въедливым туманам и пурге, но почему-то рождается в сердце печаль при виде одинокого цветка, пусть и прекрасного, и хочется, молча, опуститься перед ним на колени, нежно дотронуться рукой и улыбнуться.

X X X

Каких только деревьев не встретишь в лесу!

Вот дерево в виде лиры, что, кажется, от самого комля порождает неподражаемое музыкальное звучание. Иные срастаются в три, а то и в четыре ствола. Есть и такие, что наподобие рассерженной змеи поднимаются, извиваясь во все стороны, с замершей настороже верхушкой-головой. Это - угрожающе распласталось во мху сказочной куриной лапой, а порой попадаются с невообразимыми по форме и размерам наплывами, или с таинственными дуплами, охватывающими изнутри чуть ли не весь ствол…

Бывает, набредёшь на согнутую в дугу берёзу – это она однажды под тяжестью снега к самой земле вершинкой склонилась, а разогнуться уже не смогла. В общем-то, ничего особенного в том и нет - таких берёз по всему лесу встречается достаточно, но наша знакомая оказалась особенная: у неё на спине, словно подберёзовики, дружной семейкой вытянулись стройные отростки.

Как-то на одном из таких согнутых деревьев я насчитал более двадцати молоденьких берёзок! Восторженные от возможности дотянуться до ближайших соседей и окончательно пригнув к земле породивший их ствол, они представлялись живыми памятниками незаметно поддерживающему их

дереву, которому лес уготовил судьбу невидимого и вечного труженика. Так и среди людей: одному - знай только пляши да пой, а кому-то - всю жизнь хоть вой!

Х Х Х

Охотиться по бродкам - значит находить росистым утром следы птиц на траве и по ним добирать, как собака, схоронившуюся дичь. Но вот одним июльским утром, собирая на знакомом покосе землянику, мне привелось наткнуться на подобные бродки … медведицы с медвежатами.

Сначала я обратил внимание только на аккуратный следок, напоминающий детскую ножку, и очень удивился: час был довольно ранний, да и от деревни изрядно, а тут ребёнок. Откуда бы ему взяться?! След убегал в глухой, непролазный ельник, и это меня насторожило.

Чуть поодаль пролегал ещё один, точно такой же след, и у меня как-то подспудно, но без уверенности, зашевелилась догадка: это, должно быть, медвежата, которые не могут сейчас оставаться без матери одни и, значит, следует быть внимательнее.

И только я об этом подумал, как взгляд мой упал на крупные продолговатые отметины в глубине травы, что почему-то сразу напомнили отпечатки лаптей. Будто деревенская баба с двумя малыми детьми отправилась рано поутру в лес по ягоды: такой сердечной заботою повеяло от этих следов, хотя они и не пересекались.

Оглянулся я вокруг, присел в растерянности на пенёк и, глядя на быстро растворяющиеся под солнцем полосы в траве, вдруг с необыкновенной ясностью для себя ощутил, как неизмеримы запасы нежности в природе.

Х Х Х

Удивительное ощущение взаимосвязи дарят весеннее солнце с землёй, когда солнце освобождает землю от снега и наполняет её теплом, а земля, наконец-то отряхнувшись от зимней спячки, трогательно тянет к нему свои ладони, наполненные живительным цветом. И ты вдруг понимаешь, что в основе отношений между мужчиной и женщиной должно лежать такое же не оскорбляемое ощущение уверенности друг в друге, от которого рождается состояние бесстрашия перед самой жестокой жизнью.

Х Х Х

В разомлевший от жары июльский полдень, после дождя, на каком-нибудь старом пне нередко можно увидеть крохотные беловатые яички… Это - неутомимые мураши раскладывают их для просушки.

Продолговатые и аппетитные – яички оказываются желанной приманкой для многих птиц, но, тем не менее, муравьи не боятся вытаскивать их на

ласковое тепло, обеспокоенно снуют вокруг, и при малейшей опасности очень быстро прячут.

Только что вся колода была усеяна нежно-молочными, лакомыми зёрнышками, а через какие-то мгновения уже ничего нет: и без того многочисленное семейство, в первую очередь, хлопотливо заботится о своём потомстве.

X X X

Ночью, в ожидании глухариного тока, редко, когда удаётся уснуть, и ты лежишь на ворохе елового лапника, и думаешь о чём-нибудь приятном, связанном, почему-то, всегда с природой…

О том, как приятно, наверное, быть маленькой птицей, что неслышно переносит на крыльях свою тихую, прелестную жизнь, и никогда ни о чём не тоскует.

Приятно встречать утро года, весной, открытое для возрождающейся жизни, смотреть на распустившуюся вербу и не срывать её, разводить в лесу костёр, поддерживать его всю весеннюю ночь и вслушиваться в ночные звуки.

Приятно наблюдать, как кудрявятся в весенний день белые облака над садом или лесом, а между ними замирает ласковая синева.

Приятно, когда волосы твои ворошит лёгкий весенний ветерок, ласково запуская в них свои невидимые пальцы…

Приятно, когда свою нежность отдают тебе апрельские звёзды! Посверкивают тихо, настойчиво, как будто что-то подсказывают и окрыляют. Ты им, конечно, благодарен за это.

Рождественские звёзды вспыхивают в морозном небе уже как-то по-особенному торжественно, беспокойно шевелятся и подмигивают тебе, отчего на душе тоже становится очень приятно.

А как приятно замирает сердце в предвкушении дальней дороги! Что-то принесёт она тебе? Веришь, что только незабываемые встречи, восхитительные открытия, всё самое неизведанное.

Приятно шагать по ней летом, может быть, за малиной, и ощущать рядом маленького человечка – сына или дочку, который сжимает в руке корзиночку, чувствовать при этом, как ты ответственен за него, и что это твоё продолжение на земле, пока ничего не ведающее, но такое трогательное, чистое.

Как восхитительно июньское солнце, пронизывающее воздух радостью и ожиданием чего-то только чудесного, как приятен ласковый день в июле, который длится долго, и кажется, что он никогда не кончится.

Ещё приятна неясная печаль, что касается тебя осеннею порой. Опустели леса, воздух замирает меж облетевших деревьев, хочется только чего-то радостного и настоящего. Душа твоя болеет за всех, она полна добра.

Приятно бродить в тенистой прохладе притихшего сентябрьского леса в поисках грибов, смотреть, как кружит высоко в небе одинокий канюк, а вечером любоваться на большую осеннюю луну, что неторопливо взбирается на небо, и с этого момента повелевает всем в природе. Приятно наблюдать, как осенью птицы собираются в стаи у горизонта, и подолгу переговариваются между собой.

Приятно ощущать в душе добро, когда сажаешь деревья. Вроде бы, ничего не происходит: ты дотрагиваешься до тоненьких прохладных стволов и веточек, в ноздри ударяет запах земли и навоза, над головой внезапно взмахивают крыльями вездесущие сороки. До тебя даже не доходит – как важно и замечательно то, что ты делаешь. Это придёт после… И от осознания этого на душе опять становится приятно.

Приятно сознавать себя человеком, который мудро относится ко всему живому.

Приятен труд на воздухе, когда тело напряжено и мышцы налиты силой, и только что расколотые осиновые поленья так приятно пахнут весенней свежестью, нежно белеют на солнце и мягко ложатся под ногами на снег. Взглядом дотрагиваешься до них, ласкаешь и восхищаешься замершей в них жизнью.

Приятно стоять под высокой раскидистой елью и ждать, когда закончится дождь. А дождь всё не кончается, льёт и льёт, но тебе не становится грустно: ещё так много принесёт лето, вознамерившееся перевернуть твою жизнь. Эта небесная капель, часто никем не замечаемая, дотрагивается до твоих рук и лица с такой нежностью, что отдаётся в сердце ещё неизведанной любовью.

Приятно представлять себя каким-нибудь неведомым лесным зверем, который крадётся в девственной шелковистой траве и радуется своему звериному существованию. Ты живёшь замечательной звериной жизнью, жаждешь всего живого для своих детёнышей, учишь их этой непростой жизни и надеешься на добрый день.

Приятно думать обо всём хорошем в природе и ощущать его… Вот солнце выглянуло ненадолго и скрылось, а потом опять взошло – сколько счастья в душе! Скоро его сменит вечерняя печаль – приятная, лёгкая, неземная, и ты задумаешься о чём-нибудь, таком же неземном, и загадаешь про себя то, что обязательно сбудется!

Приятно, вообще, жить, видеть, как цветёт земля, и переживать ко всему свою большую любовь.

X X X

Разве передашь кому – что охватывает тебя при входе в сосновый бор, поутру, с мартовскими синими тенями от стволов, между которыми пролегли бороздки глухариных набродов! После того, как ты это увидел – в лесу,

почему-то, начинает показываться ещё много такого, чего ты раньше вообще не замечал.

И тогда всё вокруг представляется чудесным: и снег, и воздух, и солнце, и глухари, которые только что были здесь, улетели, но ты не в силах сдерживать своего волнения от их недавнего присутствия. Нужно всегда самому, осознанно войти внутрь дикой природы, и открыть для себя её волшебство.

Х Х Х

Только однажды, в ноябре, увидел я огромную красную луну, и она поразила меня своим зловещим ликом. С какой-то отрешённой неукоснительностью провозглашая надо всем земным миром своё небесное превосходство, что потом долго вспоминалось, луна неожиданно, будто хищная и лукавая рыба, выплыла на чёрном небе, завалилась вдруг на бок, и так, остановившись в своём завораживающем восхождении на ночное небо, очень пристально и совершенно открыто заглянула мне в душу.

Но я перед ней почему-то не раскрылся, как раскрыл бы душу перед любой, даже самой маленькой звездочкой, а только стоял и, не отрываясь, любовался.

Х Х Х

Под вечер неожиданно покропил тёплый дождик и, откуда ни возьмись, выполз густой туман, что стелился от низкорослых кустов до верхушек высоких елей: он и прибил вальдшнепиную тягу вниз.

Птицы прижимались к самой земле, самки вскрикивали, увлекали за собой самцов, и те налетали на них с ходу прямо на дорогах, любом открытом месте, шумно сталкивались, вырвавшись навстречу друг другу из молочной пелены, быстро спаривались, и тотчас разлетались. Вместо них, тут же, вскоре появлялись другие птицы, и всё в точности повторялось.

Туман, кажется, внёс в поведение вальдшнепов некую непривычную для них нервозность, будто птицы боялись упустить этот вечер, в целом – всю весну, и торопились любить, что со стороны выглядело до невозможности просто, но в тоже время как-то необыкновенно притягательно.

Охваченные страстью, птицы были так возбуждены, что будто не понимали: туман скоро рассеется, закат опять будет нежно-розоватый, а воздух – прозрачный, тёплый и спокойный. Но, бывает, выдаётся чудесный тихий вечер, а вальдшнепы почему-то не устремляются к своей любви…

Х Х Х

Редко удаётся увидеть лесного голубя-витютня, который скрывается по весне в разлапистых ветках ёлки. Бывало, неожиданно послышится из лесу какое-то непонятное постанывающее воркование, и ты, остановившись, долго не можешь уразуметь: что это за диковинная птица? Так проникновенно и гулко разносится её грудной голос, чем-то непонятным очаровывает и привлекает.

Потихоньку начинаешь подкрадываться к нему, а звук то удаляется, то возникает совсем рядом. И вдруг, в каких-нибудь двух-трёх шагах, заметишь в ветвях дымчато-розоватое оперение голубя, его надувшуюся гордую грудку, и поразишься неброской красоте птицы, что большую часть жизни держится над раздольными полями, а силу свою черпает в густом лесу.

X X X

В конце января в жизни природы всегда случается миг, когда безошибочно угадываешь: скоро весна! Но что послужило основанием такой убеждённости?

Может быть, синица, раньше времени, восторженно запела под окном, по-особому радостно осветились в высоком небе облака или что-то ещё необычное, совсем уже не зимнее, появилось в утреннем воздухе, угадать ты не в силах. Прямо посреди зимы застала тебя весна без имени, запаха и света, а всё же … весна!

X X X

Часто люди, ещё достаточно не зная и не понимая земли, уже обращаются в своих устремлениях к заоблачным далям, тогда как для начала им следовало бы разобраться в жизни, которая их окружает. Например, научиться сажать и выращивать здоровую картошку или искать грибы, понимать голоса птиц и зверей, угадывая в них своих друзей. Обрести, наконец, понимание - как жить в согласии с людьми, чтобы не злословить про них, не завидовать, а видеть больше хорошего, и это хорошее поддерживать. Не уставая, стремиться найти себя в жизни, именно своё дело, и развив его – оставить плоды своего труда потомству.

Множество работы ждёт человека на земле, и летать в заоблачном мире ему не пристало. Другое дело, если мечты не мешают твоим земным заботам и только помогают их осуществлению.

Так, когда человек устаёт – он поёт песню, что уносит его на время от земли, и, переживая радость, возвращается уже полный сил, с умиротворённой душой.

X X X

Бывало, подолгу вынашиваешь в себе какие-либо сведения о птице или звере, но чего-то всё-таки не хватает, чтобы начать рассказ… Чего-то связующего, необычного, что могло бы озарить повествование обаятельной чёрточкой, мыслью, может быть, даже открытием.

И вот, однажды, это маленькое недостающее открытие появляется в лице обычного дуновения ветерка, после чего всё накопленное до него знание, представляющееся до этого неинтересным, неживым, чудесным образом оживает, и тотчас складывается сюжетная линия рассказа, его развязка и, конечно, недостающая первая фраза.

X X X

Говорят, что зима тетереву за обычай, и длится всего лишь ночь. Морозный же декабрьский день для птиц – в одну кормёжку, когда они вылетают из-под снега на берёзы и, рассевшись по ветвям, как будто стерегут торжественный зимний покой.

Неторопливо склёвывая пахучие берёзовые почки, тетерева изредка прислушиваются, настороженно поворачивают головы к розовеющему востоку и, убедившись, что тишина не тронута, опять принимаются за корм. Нужно успеть набить зоб за короткий светлый день, чтобы хватило на двое-трое суток неподвижного пребывания под снегом.

Насытившись, тетерева никуда не улетают, а тяжёлыми чёрными грушами срываются прямо под деревья, в сугроб, и крепко засыпают. Теперь их присутствие угадывается только по голубеющим на краю поляны лункам: из них они неожиданно вырвутся однажды поутру, и опять ненадолго разбудят зимнюю тишину.

Краснобровые птицы на заснеженных берёзах, может быть, самая красочная картинка зимы, что отражает её короткое пробуждение и предвкушает нескончаемо сладостный, дивный сон.

X X X

Когда подкрадывается осенняя темнота, удобно устраивается и тихо замирает, в ближнем логу, за стенами избушки, начинается не ведающая покоя ночная жизнь. Осторожно ступает она среди разного зверья, птиц и насекомых, а невидимые растения источают оттуда таинственные и душные испарения, что дурманят голову, будят воображение и страх. Тишину разрывают клокочущие глухие звуки, крадущиеся шорохи и чьё-то ворчание: темнота вступает в свои права.

Никогда в эту пору не ударит по дуплистому стволу дятел, ночь растворила и его. Ночное море теней затопило и землю, и лес, и небо. И только луна спокойно сияет в недосягаемой для темноты вышине, и льёт свои холодные лучи на дремлющие спины могучих елей, укромные поляны и мою избушку.

X X X

Мой самый любимый месяц в году - апрель. Он смотрит на мир ласковыми глазами любви, в которой, кроме пронзительного солнечного света и отчаянной растерянности обессиливающих снегов, случаются и жестокие метели.

И вспомнишь вдруг, как, не угасая, пробирался через всю зиму к себе самому, и верил в свой апрель, в тот радостный весенний день, когда от птичьих криков, солнца и звенящей капели переживаешь в сердце огромную любовь и силу, наслаждаясь неповторимым мигом апрельского просветления.

X X X

За комаром – не с топором, и спастись от комаров можно … спокойным сидением у костра. За один раз натаскай дров и садись: больше не ходи, не тревожь и не привлекай к себе внимание кровососов.

Отойдёшь на минуту, а за собой обязательно приведёшь полчища надоедливых насекомых. Надо перетерпеть их первое нашествие, и уже потом они не будут досаждать тебе. Маленькая хитрость, подсмотренная в июньском лесу, пригодилась мне на долгие годы.

X X X

Особая тихая прелесть возникает в апреле, когда в воздухе пахнет сырой корой, распускающимися почками, и почему-то начинает казаться, что именно в эту пору наступает время человека. Время для любознательности, обретения знаний и будоражащих душу сомнений, что помогают исследованию жизни. Это исследование позволяет однажды почувствовать вечность, как единственно верное и дорогое состояние души для её постоянного изменения к лучшему.

X X X

Обыкновенный комар, что доставляет нам массу хлопот, на самом деле очень значителен. В считанные дни он возвращает растениям еду, которую уносит с земли талая вода, насыщая воздух недостающими микроэлементами, без которых теряют силу и травы, и цветы, и деревья, сам при этом оставаясь кормом для птиц и рыб, питающихся комариными личинками. А в тундре или северной тайге, где шмелей и пчёл не густо, комар, испачкавшись в цветке пыльцой, опыляет растения.

С комаром в народе связывали только добрые приметы: появился комар – пора рожь сеять, нет комара – и овса не будет, устроили насекомые в воздухе толкотню – к вёдру. Мал малышёк, хоть и буян на носок, да зато песенкой звонок!

X X X

Природа так распорядилась, что даже птицы одного семейства – синички, сильно разнятся между собой: московка и длиннохвостая, хохлатая и гаичка, ремез, усатая и лазоревка… Но все они предназначены делать одно дело – тоненько насвистывать в нижнем пологе леса, перелетать с дерева на дерево, крошить еловую шелуху на снег.

А ещё быть беззаботными в любую непогоду и никогда не унывать, в то же время, ни на миг, не исчезая из поля зрения человека, всегда находясь поблизости и в лесу, и в городе. Не для того ли, чтобы смягчить ожесточившееся за зиму сердце, и, не повторяясь, радовать наше неизбалованное в эту пору восприятие, делая его богаче? Мала синичка, да ноготок остёр!

X X X

Морозной зимней ночью, когда слышен каждый шорох и сон не идёт, а ясный месяц так весело заглядывает к тебе в окошко, ты постепенно обнаруживаешь в нём, помимо приевшегося всем куска сыра, и ломтик сочной дыни, дольку лимона, озорную улыбку прекрасной лунной девушки или уголок небесной монетки. Архангелы, наверное, потёрли её, чтобы им лучше было наблюдать за тем, что происходит на земле…

Ещё месяц представляется изящно изогнутой щёлочкой, через неё можно глядеться в звёздные миры, сказочной хлебной краюшкой, что вот-вот зацепится за угол бабушкиной избы, или рожками чёртика, убежавшего от старого чёрта и взявшегося развеселить всё звёздное небо.

А разыгравшееся воображение уже рисует хрупкую материнскую ладошку, будто поддерживающую головку ребёнка, колыбельную люльку этого загадочного младенца, в окружении бесчисленных звёздных нянек не ведающего своего небесного возраста, и, конечно, волшебное коромысло, что наклонилось от обилия ещё не просыпавшихся на землю драгоценных подарков для всех людей.

Уже засыпая, и находясь в сладостном полузабытьи, когда лунные образы незаметно сменяют друг друга, вдруг увидишь в месяце обгрызенный волками бочок ночного солнышка, что, всё же, не пожелало быть до конца съеденным, в последний миг взметнулось от зверей на небо, и замерло в довольной улыбке. И всё это – проделки ясного месяца!

X X X

Сколько ни старайся, ни стереги весной час лесного пробужденья, а наступает он всегда неуловимо, как бы невзначай. В лесу словно кто-то проснётся в один миг, так же мгновенно потянувшись, закружит голову своим ароматом, и взглянет вокруг серо-зелёными глазами неудержимой любви. Кто их для себя пропустит – останется на весь год в недоумении: отчего опять не задалась у него судьба?!

X X X

В тихий зимний день вдруг прилетит из леса большой пёстрый дятел, и что-то встрепенётся в твоей душе. Взмахнув крыльями, он усаживается на старом тополе, у самого дома, и, упруго упершись хвостом о ствол, тотчас затевает свою гулкую уверенную дробь.

Мелкой пылью осыпается источенная шелуха, между ветвей испуганно замирает тишина, а дятел, равнодушный ко всему, неустанно бьёт увесистым носом. И зима ему вроде бы не зима, и насторожившейся тишины он не замечает: озабоченность до предела.

Глядя на неугомонную птицу - и тебе захочется, не откладывая, стать неутомимым. Упруго взмахивая крыльями, стучаться в злую людскую разобщённость, негаданно врываться в чью-либо печаль… И ещё жить так же неудержимо, чтобы всё вокруг замирало от излучаемой тобой силы, наполняющей сердца людей светом восхищённой зимней тишины.

X X X

В высоком апрельском небе, в окружении переливающихся зелёных звёзд, сияет полная луна. У самой опушки, напротив, замерли безмолвные большие осины, в верхушках которых спят глухари…

И рядом - я, маленький, свернувшись клубочком в стожке сена, притаился у их подножия в ожидании рассвета, потому что мне обо всём этом надо знать.

X X X

Постоянно находясь в напряжении творческого труда, порой хочется просто отдохнуть, ничего не делая, например, прогуляться в лес. Но только выдаётся возможность такого, ни к чему не обязывающего, времяпрепровождения, и уже чувствуешь себя неловко, не в своей тарелке.

И вот опять, кляня себя за собственную, не дающую покоя неугомонность, ищешь и докапываешься до всего, что окружает тебя в лесу. Пристально всматриваешься в окружающую тебя лесную жизнь и стремишься к чему-то очень важному, что вот именно сейчас никак нельзя

упустить, отложив на другое, вроде бы, более удобное время, и ничего не можешь с собой поделать.

Так неудержимо манит к себе родная природа, незаметно возвышая наш дух.

Х Х Х

Жизнь так устроена: чтобы обрести нечто ценное, его необходимо непременно потерять. Не заработав – ты ничего не приобретёшь. Иначе человек не осознает – чего он лишается. И тогда начинается длительная внутренняя работа по поиску недостающего, оно достигается мучительно, чаще всего – не одну жизнь, но это – неминуемая часть нашего взросления.

Так, постепенно, мы познаём свою бытийную сущность, что неотделима от сущности всей Вселенной. Именно таким образом мы приходим к естественному восприятию жизни, к возвращению себе чудесной непосредственности, когда-то утерянной, и к пониманию, что и у богов не сразу всё получалось…

… Разве мог я написать и почувствовать подобное без глубокого почитания мудрого устройства нашего русского леса, без своих многолетних поисков и разгадок его тайн, не соприкасаясь со сказочным торжеством природы?! Природа и жизнь всегда обещают, что горсть заботливо посеянных и выращённых семян даст мешок, так же, как не раз атакованная, но всё выдержавшая правда привлечёт к себе несгибаемую духовную мощь. То, что мы получаем больше, чем сажаем, вселенский закон, и необыкновенно радостно сознавать, что он безошибочно работает.

Х Х Х

Не припомню, чтобы попав в самую гибельную пургу, я был охвачен безудержной яростью или тоской, а всегда меня переполнял только пьянящий восторг, какое-то необыкновенно приподнятое, до счастливого безумия, настроение!

Х Х Х

На земле существует около трёхсот тысяч видов трав и цветов, которые человек изучил и придумал им названия, не зная в то же время, как они называются на самом деле. Каждое растение своеобразно и хоть чем-нибудь да отличается от остальных.

Но поражает более иное: наверняка Творец, всё это сотворивший, знал, что создаёт, совершенно чётко представляя себе образ ромашки, василька или георгина. Ведь не могли все растения стать такими, какими мы их знаем, сами по себе, постепенно, пусть даже в длительном – много миллионов лет – процессе эволюции, ни разу при этом не повторившись!

А теперь попытаемся себе предположить возможности этого Творца, его воображение, глубину и мощь замысла, добавив к бесконечному перечню растений не менее многочисленные виды насекомых, птиц, рыб и зверей!

Х Х Х

Редко, когда что-либо значительное в природе олицетворяет собой одного зверя или птицу, а вот волки удостоились целой луны, прозванной народом в их честь «волчьим солнышком». Луна и горит по-волчьи, наполненная неведомым звериным молоком, которым волчица вскармливает своих детёнышей, и они вырастают с присущей только им непостижимой лунной мастью.

Х Х Х

Недоступность вершины у старой красивой лиственницы почему-то не обескураживает, когда, запрокинув голову и придерживая шапку, вдруг обнаружишь в её ветвях великанов глухарей, что присаживаются сентябрьским днём на самую макушку, важно расхаживают там и осторожно склёвывают сладкую листву, после чего устраиваются у самого ствола и замирают. Не сразу различишь их в переплетении мощных сучьев, но как приятно обнаружить эту пего-коричневую литую тяжесть птицы и еле уловимый свет белого пятна на её плече! Могучее дерево от присутствия в своём лоне древних птиц будто склоняется над тобой, и становится доступнее, ещё красивее…

Х Х Х

Посещая годами глухариные тока, я не только научился различать в ночном лесу предметы, но постепенно пришёл к пониманию, что свет и тьма – не разные вещи. Тьма – есть минимальное количество света, так же как и свет – почти не воспринимаемая темнота.

И свет, и тьма – ступеньки одной лестницы, разница только в их количестве. Где нет света, нет и тьмы: в основе того и другого присутствует единая энергия, а она зависит от способности человека видеть. И всё это открылось мне благодаря нашему лесу и собственной неутомимости.

Х Х Х

Дочке одной моей знакомой в школе задали придумать несколько предложений о русской природе, в которых бы все слова начинались на одну букву. Мама девочки обратилась за помощью ко мне, и вот что из этого получилось…

Апрель азартно аккомпанирует аляповатыми аккордами, а август артистично аукает.

Бурый бычок бодает бедную бурёнку.

Выдра вертится в воде веретеном, вылавливая вёртких вьюнов.

Веселье волку – выть ветру вдогонку.

Весной всегда высыпают весёлые веснушки, а вешняя вода всё выводит.

Гулкими голосами гогочут у горизонта говорливые гуси.

Горазд глухарь греметь гордой гортанью.

Герасим-Грачевник гонит грачей гнёзда греть.

Достопочтенный дятел деловито долбит дремучее дерево, добывая дотошливых древоточцев.

Дубовыми дубинами дубасят дураков.

Ели еле-еле ершатся ежами, ежи елей ещё ершистей.

Жалко желтопузых жаворонков жгучею жарой.

Заря звонко заливается златогрудыми зябликами и зарянками.

Заяц – за заинькой: знать, замуж зовёт.

Злобным зверем завывает заморуха зима.

Изморозь истово изливает искрящийся изумруд.

Ил испещрён изящными иголочками: ибис ищет источник идиллии.

Коричневым комочком крадётся колонок к камышовым корчажкам карасиков красть!

Лебедь ласково лелеет лебедят.

Могучего медведя манит мелкая малина.

Норка норовит незаметно набедокурить.

Осень окрасила оранжевыми оттенками облака.

По песку прытко побежало перекати-поле.

Песня перепела поутру полна подъёма: «Пора полоть! Пора полоть! Пора полоть!»

Редко радует разноцветная радуга.

Счастье сердобольной сороке – самозабвенно сокотать.

Синие сосульки свешиваются с солнечной стороны.

Тетереву токовать – только тетёрок тешить!

Толстому тюленю тяжко тело топить.

Ушлый удод удит утлым удилом.

Фасон фазана – фантастично-феерический фрак!

Хороша хозяйственному хомяку халупа худыми холодами.

Цепко цедит цель царственная цапля – цап!

Чьи чаянья чтит чёрный чибис частыми челобитьями?

Шилохвость шьёт шелковистым шёпотом шилохвоста шелестящий шум шальных шорохов.

Щедро щеголяет щеголеватый щегол.

Этак – эхо, эдак – элегия!

Юркий юрок ювелирно юлит юлой: «Юр-юл, юл-юр-р… Юрл-юрл-юрл!»

Язык ястреба – ясновиденье!

X X X

Всегда жду весну, чуть ли не с осени представляю, как она нагрянет и вовлечёт всех в свой ослепительный круговорот, но при этом никогда не тороплю её, а дождавшись, не стараюсь оторвать больше себе, и тогда она сама неторопливо заполняет меня до краёв своим неиссякаемым богатством.

X X X

Однажды кем-то было сказано: вечность человеку не только недоступна, она ему просто не нужна.

На первый взгляд, вечность действительно не так необходима человеку, с головой погрязшему в перипетиях его настоящей и довольно непродолжительной жизни, но, несомненно, её невидимое присутствие незаметно оказывает своё воздействие. Чувство беспредельности и возможность в ней по-разному существовать всегда незримо проявляют себя в душе каждого, втайне настраивая её на самые неодолимые задачи. Чтобы постигнуть, казалось бы, нечто недосягаемое, человеку следует отвоевать свободную бесконечность своего неиспользуемого времени.

Новые открытия ждут в полной мере только того, кто переживает ощущение дарованной ему вечности. Вечность невидимыми пальцами прикасается к твоему лицу, если ты не устаёшь смотреть на звёзды, ловя исходящий от них свет у весеннего костра, в потаённой лесной тиши. Только весной исстрадавшаяся по дальней дороге душа способна воспринять его для будущей нескончаемой жизни.

X X X

Розоватый апрельский вечер, тишина… Старая прошлогодняя листва, сквозь которую повсюду пробиваются подснежники, ударяет в нос ароматной сыростью, от парного воздуха, кажется, шевелятся и раскрываются почки. Всё это - лучшая весенняя пора, что называется в народе поэтично и просто - вальдшнепиная тяга.

Над оттаивающей землёй, светлеющими верхушками осинок и оврагом, пересекающим поляну, проплывает молчаливая тень самки, а за ней, утробно хоркая и цвиркая, летит самец, и обе птицы, сбившись в комок любви, падают в кусты, время от времени вскрикивают там, а ты одиноко стоишь, смотришь на них, и отчего-то чувствуешь себя опустошённым.

X X X

Земное подобие Вселенной – тишайшая и таинственная чаша кувшинки, что имеет, несомненно, божественное происхождение. Раскрылась кувшинка – и всё царство загадочного небесного мира как на ладони, сомкнулись лепестки – и опять воцаряется первозданная чистота и мудрость бездонного звёздного пространства.

Лежит на глади лесного озера дивная белая звезда, словно в зеркале отражая далёкое небо, улыбается солнцу, и не хочется покидать родную землю даже во имя неподражаемо прекрасного божественного мира.

X X X

Январь незаметно и естественно переходит в февраль, февраль – в март, а апрель своевременно вытекает из него бурными ручьями и рождает неудержимый красавец май. За маем уже нетерпеливо подступает июнь, его, в свою очередь, торопит роскошный июль, и вот уже довольный август выносит из июльских недр бесчисленные плоды, что не утомляют и сентябрь. Октябрь же – будто брат-близнец первому осеннему месяцу, несмотря на угасание в природе, ничего в ней не нарушает, ибо увядание его – пышно.

И только бедолага ноябрь неприкаянно мается своим иссечённым дождями неустроенным нутром, надрывается под нескончаемыми холодными ветрами, и всё ждёт не дождётся, когда, наконец, ступит на землю крутой воевода декабрь, и успокоит его исстрадавшуюся душу.

X X X

В лощинах, где теряется солнечный луч, раскидывает перистые листья чудесный папоротник – ключ к отысканию кладов, по древним народным поверьям. В ночь на Ивана Купалу ходили смельчаки за его волшебным цветом и не могли найти, объясняя свои неудачи вмешательством леших и ведьм.

В своём воображении я тоже отправляюсь сказочной ночью в лес, и ищу огневой цветок папоротника, что вот-вот должен появиться и зацвести. Но он почему-то никак не показывается, хотя и сильно ощущается где-то совсем рядом, близко.

Там и днём сумрачно, а полная темнота наступает незадолго до полуночи, скрывая даже белые стволы берёз. Ходишь, ищешь и всё не можешь отыскать волшебства, которое, кажется, почти нашёл. Что-то ещё более значительное, чем трепещущий в ночи очарованный цвет, не допускает тебя к этой ослепительной колдовской тайне. Ключ от неё – в твоём беспокойном сердце, что главный клад жизни бережёт.

X X X

Есть у меня одно место на лесной реке, где я однажды застал катающуюся с горки выдру…

Был ясный мартовский полдень, и выдра на солнце казалась неугомонным ребёнком. Она неутомимо забиралась на самую вершину склона, скатывалась на животе, растопырив лапы, и шлёпала опять наверх, чтобы насладиться завораживающим скольжением. Было очевидно, что ей эта забава по душе, и выдра использовала горку неоднократно: от вершины склона до самой воды протянулась узкая наледь.

С тех пор прошло немало лет, многое изменилось в моей жизни и в лесу, но я неизменно, по дороге на глухариный ток, захожу туда каждую весну, и прежде, чем выйти на берег, осторожно выглядываю из-за деревьев: а вдруг выдра опять там?!

X X X

Чёрные жуки в своих обтекаемых панцирях похожи на чопорных господ в смокингах, сине-зелёные сухие стрекозы напоминают балерин в прозрачно-блестящих пачках, мохноногие пауки - волшебные чудища с восемью глазами, а улитки-невидимки со спиралевидными, тонко вылепленными домиками-кувшинками, будто заколдованные злой принцессой дворцовые слуги… И все они - герои чудесной сказки, в которую, как в детстве, до сих пор страстно хочется попасть и быть очарованным.

X X X

При всей красоте природы бесполезно искать гармонию вокруг себя! Гармония живёт внутри нас, только в мудром согласии души и тела, и уже через это мудрое сочетание выходит в мир, укрепляясь в нём всеобъемлющим и радостным утверждением прекрасной божественной жизни.

X X X

Следы на снегу - это не только лесная примета или признак угасшего прошлого, но и отпечаток проскользнувшей мимо тебя жизни. По следу до всякого зверя можно дойти, и всякий след в народе имеет своё имя.

Заячий - малик, лисий - нарыск, волчий - сакма, медвежий - переступы, след такого мелкого зверька, как горностай или ласка, побежка. А вот чуть видные кресты, уводящие в заснеженную хвойную глушь, принадлежат глухарям, это - наброды. Торный же след выдры, протянувшийся сплошной полосой от одной излучины реки к другой, зовётся лазом.

Все они друг на друга не похожи, как и звери, что оставляют о себе на снегу хрупкую память, и всю зиму безуспешно от неё убегают.

X X X

Несмотря на то, что летом хватает таинственного очарования - и в ранних восторженно-проникновенных восходах, и в неописуемо восхитительных розоватых закатах, которые не хочется упускать, и в слепых солнечных дождях, осеняющих землю ещё более золотистым живительным светом, только зимой оно по-настоящему загадочно и необъяснимо. Тайна зимой так волшебна, что кажется, будто она постоянно находится рядом, всё о тебе и всех знает, но не спешит себя проявлять, будто предоставляя возможность самому постигнуть её завораживающую глубину.

X X X

Выкопали у меня однажды по осени все яблоньки, что так дружно однажды взялись, зашелестели и закудрявились, и пригорюнился я. А потом, с разочарованием в сердце, решил больше ничего не сажать, удовольствовавшись лесной чащей за околицей.

Но пока длилась лютая зима, всё же, переживал, вспоминая про свои деревца, а как начал сходить снег, вдруг подумал: кто знает, не явится ли погубившее молодые деревья зло той причиной, которая зажжёт в моей душе неувядающий сад? И в скором времени взял да и посадил на место тех, что выкопали - новые яблоньки.

X X X

Весь сентябрьский день провёл я в лесу, отмахал без малого двадцать вёрст, а кроме двух рябков так никого и не встретил. Лишь под вечер забрёл на старый заброшенный покос, спускающийся к глухому логу, и неожиданно потревожил у опушки крупного лося.

Лось неторопливо обрывал мягкими губами листья со свисающих до земли ветвей осины, вздрагивал ушами, изредка замирал и прислушивался, а завидев меня, не испугался и так же неспешно двинулся вниз, к логу.

Я стоял, как вкопанный, и, не отрываясь, наблюдал за ним. Сохатый же никак не реагировал на моё присутствие, лишь однажды замер посреди поляны, оглянулся, мотнув рогатой головой, и тотчас рядом с ним взмыли в воздух две золотисто-рыжие тетёрки.

Лось мирно всхрапнул. И только ступил несколько шагов, как из-под самых его ног прыснул серовато-коричневый заяц, метнулся сначала в одну сторону, затем - в другую и, совершив огромный затяжной прыжок, исчез в ёлках.

Всё это происходило секунды, лось ещё не скрылся в лесу, мерно переставляя свои ходули-ноги, и когда я подошёл к тому месту, откуда вспорхнули тетёрки, то обнаружил в траве два чистеньких подберёзовика…

X X X

Иной раз заслышишь впереди размеренную дробь дятла, и тотчас несколько разочарованно подумаешь: опять дятел, встреча с которым ничего нового уже не принесёт, поскольку за свой лесной век ты вдоволь насмотрелся на этих птиц, всё, кажется, про них узнал, и ничем тебя не удивишь!

Остановившись от дятла чуть поодаль, решишь немножко передохнуть и, опершись на палку, станешь без всякого интереса наблюдать, как он небрежно и в то же время размеренно взмахивает головой, отбрасывает в сторону щепку и вновь ударяет: «Тук-тук, тук-тук, тук-тук!» Стоишь, смотришь и постепенно вдруг начинаешь замечать, что дятел прикладывается к стволу не как придётся, а аккуратно, будто его … целует.

X X X

Гаснут в небе звёзды - и всё более разгорается в лесу птичье пение, будто просыпающиеся птицы - это потухшие небесные светила. Исчезнет одна звезда - и пробудится малиновка. Не станет двух звёзд - засвищет пара дроздов.

Слушаешь целое утро, смотришь, считаешь и только диву даёшься: сколько же их прилетает к нам на самом деле в это чудесное весеннее время! И все поют, радуют, да ещё выводят птенцов!

А наступит ночь - птицы, кажется, опять перебираются на небо: светят призывно, завораживают своей переменчивой тайной и томятся ожиданием первозданного утра.

X X X

«Всё есть яд, и всё есть лекарство, тем или иным делает лишь доза», - гласит древняя мудрость, и это «всё» создал Бог, намеренно предположив существование в природе двух противоположностей, призванных к мудрому соединению.

Белоснежная пороша, укрывшая перегнивший чёрный лист, брачное оперение самца, скрашивающее блёклое одеяние самки, разомлевший дневной жар бабьего лета, сменяющий пронизывающий холод сентябрьского утренника - всё это две ладони, способные сомкнуть в себе, а потом раскрыть торжество и красоту Вселенной.

И даже если переборщишь со светлой мерой, и она вдруг обернётся тьмою, то надо понимать, что и мир тьмы - это не какая-то иная, чужая жизнь, а именно дарованная нам Богом. Она по-своему замечательна, и её необходимо знать, но куда мы, всё же, так боимся заглянуть, и уж совсем не жаждем в ней открытий.

X X X

Поздняя осень, вечер, ещё не выпал снег, и я иду по тёмной деревенской улице на станцию. Холодный ветер отрешённо мечется между еле различимыми домами, и редкие огоньки светятся как-то неуверенно, кажется, они вот-вот погаснут. Под ногами чавкает стылая грязь, собак не слышно, а на небе не видно ни единой звезды. Жизнь будто умерла.

Идёшь, то и дело, оскальзываясь, вслушиваешься в эту объявшую всё предзимнюю немоту, а слышишь только удары своего взбудораженного за лето сердца. Вспоминаешь, какое лето было разудалое и цветное, с обилием грибов, ягод и ранними подъёмами, с запёкшейся на солнце земляникой и неугомонными пчёлами: разухабистое, неудержимое, самое желанное… Красное лето никому не докучает, все ему рады.

От этих приятных воспоминаний невольно улыбаешься, и тогда окружающая темнота постепенно расступается, и тоже отвечает тебе улыбкой, в которой начинают угадываться и цветы, и ранний восход солнца, и алеющая по покосам земляника. Нескончаемое лето, оказывается, незаметно перетекло в осеннюю темноту, и она зачем-то чутко хранит в себе это радостное проявление жизни.

X X X

Ещё в первых числах октября случился неожиданный снегопад. Снег валил два дня и две ночи, пригнул маленькие кустики и деревца к самой земле, а стылый северный ветер не прекращался. В эту непогоду все птицы бросились утеплять свои гнёзда. Но где найти подсобный материал?

И вот вороны, сороки и воробьи с синицами нацелились на мои окна: особо не церемонясь, присаживались наверх наличников, и сразу принимались вытягивать паклю, так что по всему дому стоял жуткий переполох.

Одни только сорвутся к гнезду, другие уже тут как тут - и опять шум, шорох, озабоченное копошение. Даже очередь установили: первыми, как водится, кто посильнее, ну а мелкота - последней. Не успевают друг друга сменять, того и гляди сцепятся.

А я сижу, слушая завывания холодного ветра, изредка поглядываю на птиц, и работаю над новой книгой. Мне не жаль ни одной пушинки, которые они тащат прямо из-под моего носа, и очень хочется, чтобы птицы не замёрзли, а успели утеплить свои гнёзда. Я смотрю в окно на приближающуюся зиму, улыбаюсь птицам, и пишу про весну.

X X X

По медвежьему хотению, говорят в народе, зима студёная длится: как повернётся зверь в своей берлоге на другой бок, так и зиме ровно половина пути до весны осталась. А по человеческому волеизъявлению - всё всегда кабы, да авось, то ли этак, то ли так, и в любое время года, как ни крути, человеку вечно чего-то не хватает.

Лето на дворе, вокруг сплошная благодать и радостное убранство, да вот только жар его шибко томит. С осенью наступают долгожданное умиротворение и прохлада, вроде бы, живи не хочу, но смущает опасение, что вот-вот зарядят нескончаемые дожди, а то ещё задует пронизывающий северо-западный ветер. Пришла зима – и все страсти утихомирились, в сердцах людей воцарились полное довольствие и покой, но и в эту пору отчего-то начинают мучить сомнения, белый свет становится не мил, и человека неумолимо клонит ко сну. И, наконец, прилетает на животворящих крыльях чудесница-весна: ни цветами её не измерить, ни голубизной небесной не объять, только проникновенный свет и великая радость, нескончаемый восторг и сладкая боль. А где-то в самой глубине души уже закрадывается подозрение: исполнится ли, на сей раз, сокровенное желание, не обманет ли опять многообещающая, но непостоянная пора?!

Вот когда позавидуешь медведю и пожелаешь обустроить своё житьё так же просто, как это получается у зверя, чтобы и долгая зима была не в тягость, и лето не ложилось на плечи нелёгким бременем, и не наскучила однажды непогодливая осень, а весна принесла бы всё, о чём мечтает душа.

Х Х Х

Весной всё живое льнёт друг к другу: веточка к веточке, кусточек к кусточку, птичка к гнёздышку, и даже эхо, радостно оживая, ищет, к кому бы приткнуться, а найти себе пару не может, так в эту пору всё слитно, насыщенно, многоголосо…

Только осенью ветер подхватывает его и беспрепятственно разносит по далёким лесным отрогам, и эхо какое-то время благодарно отзывается ему, но, обретя вдруг свободу, вскоре умирает.

Х Х Х

Ястребиная сова… Вроде бы, звучит грозно, даже устрашающе, но ничего хищного в её облике нет.

Может быть, только слегка загнутый клюв напоминает страшную для всех птицу. Да ещё то, что остальные совы отдыхают днём в дуплах, забиваются в самую чащобу, а эта, как нарочно, устраивается на виду.

Так и сидит целый день, подобно ястребу, высматривающему таким образом добычу, но не нападает, потому, как ничего не видит. Пристроится на самой высокой вершинке какого-нибудь дерева и спит, изредка

поворачивая за солнцем свой грозный ястребиный профиль, на который никто не обращает внимания.

X X X

К концу зимы снегири пересвистываются как-то по-особенному тоненько и изящно, будто серебряные ниточки между деревьями натягивают, так что если приглядеться, кажется, воочию начинаешь различать эти трогательные прозрачные струны.

X X X

Всю зиму завывали в лесу злые метели и вьюги, стонали верхушки деревьев, трещали от лютого мороза скованные льдом озёра и реки. Все лесные обитатели попрятались кто куда, будто умерли, кроме вездесущих синиц и дятлов.

Но вот зароился нагретый мартовский воздух, на южном склоне лога, под ёлками, зашевелился муравейник, и оказалось, что пережили зиму зайцы, глухари, тетерева и рябчики, выдры и лоси, волки и рыси, бобры, куницы и норки, поползни, белки, и все вместе возликовали от солнечного тепла и жизненной силы!

X X X

Странно, что для таких первобытных птиц, как глухари, с осени и до весны употребляющих в пищу одну жёсткую хвою, природа не предусмотрела какие-либо «жернова» для её перемалывания в их желудках, и они сами выходят из этого положения, собирая по утрам на лесных дорогах, по берегам рек и озёр маленькие камешки… К тому же, в древности на земле отсутствовали лиственные леса и произрастали только хвойные породы, что не могло не способствовать появлению у птиц в организме недостающего механизма.

А оказывается, так называемые «жернова» намеренно не предусмотрены мудрой природой, поскольку иглы хвои перевариваются примерно на десять-пятнадцать процентов, вся же основная древесная масса скапливается в толстой кишке, очищая её от ленточных глистов. Именно для этого предназначена грубая хвоя сосны, пихты или ели, а горстку твёрдых кварцев глухарям ничего не стоит отыскать в осенней тайге.

Вдобавок, птицам это ещё и очень нравится: прилетать ранним октябрьским утром на речные осыпи, подернутые серебристым инеем, изредка оскальзываясь, неспешно бродить по ним в поисках прозрачных камешков, и отчего-то замирать на мгновение, чуть приподняв одну лапу, в то время как рядом длится и незаметно куда-то утекает красавица осень.

X X X

Всегда бывает так: только в один какой-то год прилетает много скворцов, и селятся они по всем дворам, даже в самых заброшенных скворечнях. Год этот помнят меж людей, передают из уст в уста с какой-то грустинкою о неповторимом былом, в ущерб безрадостной обыденности, но, всё же, не оставляют надежду на дружное возвращение птиц, необыкновенно оживляющее весну.

Затем, к следующей весне, появляется лишь небольшая стайка скворцов, и это на всю деревню, а то и вовсе один-два, так что даже не каждый селянин их увидит. Несколько лет птицы могут вообще не показываться, как будто повывелись, и во всей природе без них воцаряется уныние: без скворцов весной не достаёт чего-то главного.

Так, незаметно, в какой-нибудь невесёлый год, про них и вовсе думать забудут, не замечая даже зябликов и горихвосток, и уж когда окончательно душой упадут, разуверятся в жизни, скворцы вновь радостно известят хозяев о своём прилёте в каждом дворе.

Я обо всём этом думаю следующее: чтобы получить возможность встречать птиц каждую весну, причём, всей деревней, нужно каждому человеку, и каждый год стремиться к пониманию жизни. То есть - необходимо внутренне расти, неутомимо добиваясь способности видеть и себя, и птиц со стороны. Как будто ты, наконец-то, так созрел, что вышел из себя и стал необыкновенно радостным скворцом!

X X X

Чтобы обворожить по весне самку, лесной голубь сначала подыскивает для неё дупло, без которого она и не подумает остановить на нём своё внимание, затем заводит любовную песню, и когда голубица принимает его ухаживание и подпускает к себе, ласково разглаживает ей перышки и, наконец, вкладывает клюв в клюв.

X X X

Случается, что чомги, спокойно плавая и кормясь, вдруг взметаются над водой вытянутыми столбиками, чуть выгибаются и, вспенивая воду, будто бегут по ней, не теряя при этом равновесия и какой-то необыкновенной грации, что, как и поза птицы, остаётся непонятной.

Немного подумав, относишь подобное поведение к строению тела этих птиц, у которых лапы значительно отнесены назад, и это не позволяет им двигаться по земле. Но в период брачных игр, когда самец преподносит самке в клюве пучок травинок для гнезда, он в порыве чувств занимает такое положение и, не имея возможности ходить по суше, бежит по воде, восполняя тем свой природный недостаток.

В этом желании понравиться столько приподнятости и восторга, что, глядя на охваченных страстью чомг, и сам невольно приподнимешься на цыпочки, но спохватишься – и улыбнешься.

Х Х Х

Природа оленухи или ланки, как и любой привлекательной женщины, такова, что сначала она совершает несколько шагов по направлению к тебе, затем круто разворачивается, и в один огромный прыжок оказывается недосягаемой, мелькнув напоследок своим зеркальцем-цветком, за которым кто-то тотчас устремится, обо всём позабыв, а кто-то только залюбуется и улыбнётся.

Х Х Х

Тетерева токуют так страстно, что, кажется, вот-вот что-то произойдёт: птицы задохнутся, взорвётся на тысячи звенящих осколков их неугомонный весенний дух, они сами вознесутся под небеса вместе со струящимся от земли играющим маревом, но … ничего не происходит.

По-прежнему плывёт над полями жаркое, несравнимое ни с чем тетеревиное бормотание: то вспыхивает на короткое время, то опять затухает, но продолжает литься, заполняя собой всё весеннее пространство. И вот ты уже сам начинаешь замечать в себе нечто необычное, бормочущее в душе, что приподнимает незаметно над землёй, и так же незаметно куда-то уносит.

А иной раз, сидя в избушке и слушая в открытую дверь, как поёт совсем рядом какая-то лесная птица, зачем-то возьмёшь в руки обронённое ей у крыльца перо. Непроизвольно крутишь его в пальцах, совсем не ощущая, и даже не замечаешь, как лёгким перышком устремляется над весенней землёй твоя наполненная светом, бормочущая от счастья душа…

Х Х Х

В глубине непроходимой чащи живут души множества птиц, зверей и растений, которые лес однажды забрал, спрятал там и никогда никому не показывает. Их можно только почувствовать, когда они весной, как дети, без спросу выбегают поиграть на укромные полянки.

Х Х Х

Когда начинают набухать клейкие почки, и в воздухе разносится запах талой коры, повсюду ещё высятся сугробы, но как приятно сознавать, что под ними вот-вот зашевелятся подснежники и своими нежными соцветиями раздвинут прозрачно-зернистые ледяные кристаллы!

X X X

Очень медленно, постепенно, истаивает весной ночной аромат, и даже когда день добрался до полудня, аромат всё ещё стелется у самой земли, жмётся в тени кустов, и как будто совсем не хочет уходить, но, всё же, с сожалением куда-то исчезает, так до конца, наверное, и не истрачиваясь.

X X X

Декабрьская метель, как заблудившаяся ведьма, тыкается в стены и окна домов, наговаривает то там, то здесь страшные напасти, пророчит беду, а вырвавшись на широкую улицу, будто обо всём забывает, с безудержными причитаниями разыгрывая из себя святую. Но как ей далеко до обезумевшей вековухи-стужи, что только леденит до смерти, не ведая каких-нибудь перевоплощений!

Не верится, что скоро Рождество, с душистым еловым ароматом в комнате, печёными в сахаре жаворонками, румяными караваями на разноцветных полотенцах, и спокойной верою в далёкую и близкую звезду, что пророчит вечную радость постижения.

X X X

Даже не помню, обвязывал ли я в детстве ниткой крепкие маленькие мандарины, чтобы затем вешать их на ёлочные ветви, и доставляло ли мне это какое-то удовольствие? Но никогда не забуду лёгкого, поднимающегося откуда-то снизу, из-под срубленного деревца, аромата. С появлением его вокруг постепенно воцарялся ни с чем несравнимый волшебный покой и неописуемая радость.

X X X

Человек бывает невообразимо силён, и пылкий дух его неукротим, но случись с ним какая беда – и идёт он за помощью в лес, как будто высокие травы, лесные озёра или ощутимое присутствие зверя смогут избавить его от отчаяния и непреодолимого нежелания жить. В такие минуты он уже не предполагает несовершенства среди лесных обитателей, убеждённо признавая, что звери страдают и мучаются точно так же, как и люди, а может быть даже сильнее, и справляются со своей бедой нередко более достойно.

Оглушённый болью, и в силу этого позабывший о её живительной сути, что, так или иначе, всё-таки поддерживает красоту в душе, человек стремится найти опору собственному духу в лесу, и находит её. Тихий ли свет пасмурного осеннего дня помогает ему в этом, или перебежавшая дорогу лисица, на мгновение настороженно замершая у самой её обочины, он вскоре

неминуемо для себя отметит, что жизнь удивительно полна и ни на секунду не собирается утихать. А обретя вновь уверенность и желание жить, человек вдруг незаметно почувствует скрытую от него причину неведомого спокойствия и смысла именно в лесу. Кабы не лес, кто бы нам помог?

Но, несказанно обрадовавшись этому, человек не в силах взять в толк, каким образом одним своим видом лес достигает такого счастливого поворота в его душе, и как справляется со всеми несчастьями? Что испытывают сами звери, когда беда настигает их в одночасье, неизъяснимым грузом ложится им на натруженные лопатки, и гибель неслышно стелется под их лапами сухим прошлогодним листом, либо заметает тропы непролазными предательскими сугробами? Как быть им и надеяться ли сегодня на помощь других лесных обитателей, если вчера они были тебе непримиримыми врагами, только поджидающими твоей слабости, чтобы самим бойко продолжить свой бег?

Ждать такой поддержки, наверное, было бы безнадёжно, и потому одинокая дремучая сосна, сражённая молнией, заяц, защемивший лапу в расколотом пне, обессилевший сохатый, загнанный в глубокие снега волками, все они предоставлены, скорее всего, самим себе. В необъятных лесных просторах гибель их незаметна, никак неощутима и влиять, в целом, на жизнь природы, конечно, не в состоянии, и всё же природа позаботилась о них.

Не в силах уберечь, природа напитала плотью погибших зверей тех, кто остался жить, а значит, должен есть, выкармливать своих детёнышей, передавать им необходимый опыт. Останки ещё долгое время могли служить птицам лакомым кормом, а истлев, удобрили собой почву, на которой в густом влажном мху заалеет когда-нибудь глянцевыми боками клюква или брусника.

Не в пример человеку, лес не оставляет без внимания ни одну былинку, мудро предоставив ей возможность благодарно воскреснуть в каком-либо ином обличье. Своим существованием лесные жители обязаны друг другу, и эта не нарушаемая взаимосвязь между ними помогает лесу преодолеть любую беду. Беда не по лесу ходит - по людям, что в лесу лесеют, а меж себя добрее становятся!

X X X

Летним вечером, после заката солнца, в воздухе долго бродит тепло… Оно тычется в окна, сени, ограду, как будто не зная, куда себя ещё деть, и даже когда зажигаются звёзды, накопленный за день жар не угасает, а поднимается в небо и согревает их мерцающий далёкий свет, отчего звёзды начинают казаться более земными.

X X X

Часто от людей можно услышать недоумение или даже негодование по поводу «бессердечности» волков-родителей, когда они будто бы равнодушно взирают на то, как охотник по одному достаёт из логова волчат и бросает их в мешок. По крайней мере, звери никогда ничего не предпринимают в защиту своего потомства, смотрят со стороны и не приближаются, в отличие, скажем, от тетёрки, что скорее пожертвует собой, чем бросит птенцов, а во время пожара закрывает их своим телом и погибает вместе с ними. Но так ли трусливы и равнодушны звери, что на самом деле являются нежными и мудрыми воспитателями?!

Именно потому, что волк исключительно умён и отважен, он и не защищает волчат, обнаруженных человеком в его отсутствие. Когда волк заподозрил, что логово раскрыто, и он успевает опередить человека, зверь немедленно переносит волчат на новое место.

Но если поздно – никак себя не проявляет, хорошо понимая: дать себя обнаружить, значит, быть самому уничтоженным, что невыгодно для продолжения рода. А вот затаиться, перетерпеть, как бы ни было больно, и в следующем сезоне начать всё сначала - будет истинно по-волчьи. За эту силу духа, которой порой не достаёт даже многим людям, волк должен вызывать у них искреннее восхищение, но уж никак не осуждение.

Не беда, что волк сер и овцу съел, благо – духом смел!

X X X

Придя в лес, надо двигаться и дышать в такт его ритму, а не принесённому с собой. Это – не боязнь заслужить его неодобрение, просто так удобнее найти с ним общий язык.

Лес обостряет чувства, и неопытный человек быстро устаёт от их насыщенности. Постепенно он начинает переносить весь интерес, подаренный ему лесом, на себя, и в результате оказывается в плену разыгравшегося воображения.

Быть наедине с природой нелегко, и для этого необходимо войти в неё как можно раньше. Как примет тебя лес, зависит от тебя самого. Можно прожить рядом с ним целую жизнь – и так и не увидеть его. Можно подолгу находиться в его окружении, страстно и искренне желая раскрытия лесных тайн, но так и не добиться ничего на этом пути. Наконец, можно попытаться пробыть среди лесной тишины максимально продолжительное время, пристально наблюдая за происходящим вокруг, и всё же потерпеть неудачу.

Как бы ты не был изощрён и настойчив в стремлении дотянуться до всего неизведанного в лесу, он без желания расстаётся со своими секретами. Лес не прощает ни единой, допущенной тобой в жизни, моральной ошибки, независимо от того, произошла она по недоразумению или из-за собственной духовной небрежности.

Последствия такой допущенной небрежности неминуемо скажутся когда-нибудь на твоём отношении к лесным жителям. Происходит это, по большей части, неосознанно, исподволь, а лес, конечно, всё чувствует и по-своему мудро реагирует на это. Лес, скорее, допустит к себе человека, не обременённого жаждой познания, даже невежественного и глупого, чем того, кто, тайно вынашивая планы проникновения в его непревзойдённый разум, сам в тоже время его не достоин.

Извращённый человеческий ум может принести много вреда природе, и потому сложного человека лес не один раз пропустит через себя и выслушает, прежде чем удостовериться в чистоте его намерений. Умный человек более опасен для него, нежели дикарь, в котором больше естества, и потому лес даже может его проглядеть. Но как только человек-злодей проявит себя, лес тотчас отлучит его от своих тайн, станет вдруг недоступным и замкнутым. И нет ничего хуже, чем оказаться тогда в лесу одному.

Человек – более способный ученик природы, нежели животные, но, тем не менее, ему приходится преодолевать, в сравнении с ними, ничуть не меньшие недостатки. Самое парадоксальное заключено в том, что, даже преодолев их, он оказывается в итоге перед суровыми реальностями того же мира, от которого когда-то оторвался в силу собственного развития. Только с большим пониманием происходящего вокруг и в себе самом. Наверное, именно поэтому человеку бесконечно интереснее жить на белом свете в отличие от любого животного и птицы, при этом искренне желая хотя бы на время побыть аистом, волком или только что родившимся жеребёнком.

Так поступил канадский писатель Эрнест Сетон-Томпсон. Оставаясь самим собой, он представил себя по-человечески находчивым и умным лисом Домино, отчаянно свободным мустангом-иноходцем, царственным волком-великаном Лобо, и многими другими зверями. Обострённость и полнота восприятия окружающей лесной жизни была у него порой несоизмеримо выше, чем у любого из описанных животных, несмотря на многообразную гамму чувств, которыми они обладали, а происходило это по причине неудержимого стремления к познанию, способного преодолеть любые инстинкты, в том числе страх.

Неутомимому писателю это отчасти удалось, как удалось бы осуществить ещё талантливее более тонкому человеку, надолго очутившемуся однажды в лесу. Лес принял бы его под своей осеняющей тайной и укачал на еловых душистых лапах, вдохнув в сердце неописуемый восторг и благость. Придя в лес – дыши и двигайся с ним в едином ритме!

X X X

Бродя целый день по лесу, и привыкнув к однообразию ходьбы и лесных пейзажей, всегда с удовольствием отметишь гору сосновых или еловых шишек, заботливо натасканную дятлом в небольшую впадинку с корневым

выступом, либо к пеньку на краю опушки, чем-то привлёкшему птицу. Приверженность дятла к какому-то одному месту давно известна.

Бывает, годами привязан к нему дятел, по нескольку сотен шишек выбивает за зиму, но места не переменяет. Хороша именно эта «кузня», а вернее – «верстачок», где он защемляет шишку и выколачивает из неё семена.

Может быть, эта приверженность – из-за неприхотливости дятла, его несравненной работоспособности? Некогда дятлу искать более подходящую «наковаленку», и, повстречав более-менее подходящую, он ударяется в свою бесперебойную стукотню… Всю зиму настукивает, несмотря на вьюги и метели, с утра до вечера, с осени до весны.

И что ещё интересно: порой встречаются «кузни» всего лишь с несколькими шишками, тогда как однажды я насчитал даже несколько сотен. Устав перебирать шишки, помнится, стал их десятками отбрасывать в сторону, а они всё не кончались… Видно, любимое то было место у дятла, и бросать его старательная птица не желала.

Пристрастие дятла к какой-то одной избранной «кузнице» отличает в нём не только старание и основательность, но и особый вкус: всё бы стучал, да стучал, а шишки росли горой, всем на удивление. Видать, сам Господь умудрил дятла служить в лесу «кузнецом», была бы только шея крепка!

X X X

Бывало, положив семечко на ладонь, опустишься на колени, прежде, чем его посадить, и вдруг задумаешься: отчего в каждом мельчайшем проявлении природы заложено стремительное движение к будущему, и все силы её работают на то, чтобы ему прорасти? И вот, задумавшись так, и позабыв обо всём, неожиданно ощутишь, как трогательно ждёт природа такого же внимательного и чуткого отношения к себе человека.

Жизнь, таящаяся в каждом крохотном семечке, поддерживает и вдохновляет меня на не прекращающийся творческий труд, когда взращённая в себе радость, кажется, куда-то однажды уходит, и тебе уже не верится, что доживёшь ты до очередного праздника жизни, побеждающего любую неустроенность, нежелание созидать. А как подумаешь обо всех семенах, несущих в себе жажду к жизни, так и вовсе одумаешься, и обратишь свой взор ко всем маленьким и большим деревьям, что тянут свои веточки к солнцу, не упуская ни единого шанса к росту, развивая себя, как самостоятельные, не похожие на другие деревья растения. И эту силу одинокого растения перенесёшь на себя, отчего сделается стыдно за допущенную слабость, и уж тоже, как любое деревце, стараешься тянуться к свету, радуя при этом других.

Такова сила природного примера, хотя бы это было обыкновенное зёрнышко, почти не приметная на ладони былинка, побуждающая не забывать в себе возможности, заложенные в тебя Божественным

Существованием, исключая всякое чувство личной ненужности и неспособности помочь другим, в конце концов, ощущая себя настоящим человеком.

X X X

Очень сложно радоваться на пустой желудок, но именно подобное отношение к жизни проповедовали отшельники, тем самым будто бы очищая и приближая себя к Богу. Чего же они добились, кроме бессмысленности и скудости своего отрешённого от мира прозябания? Дух их, на деле, был невероятно измучен, вместо того, чтобы с радостью владеть всем – и прекрасной землёй с её волшебными плодами, и божественными небесами.

Мы не должны отказываться от одного мира в угоду другому, а призваны сочетать их в себе одновременно: в этом суть нашего пребывания в этом божественном мире, наилучшая возможность реализовать свою внутреннюю природу. Не предавайте себя!

X X X

Религия - это законы обращения с божественной энергией, верное отношение к ней, подразумевающее величайшее уважение, чуткость и любовь к произведённым Богом чудесным свойствам. Религия означает почитание божественного духа, и если это почитание исполнено глубокого понимания, всё божественное становится для вас благословением, в противном случае – энергия Бога оказывается разрушительной. Причиной тому или другому являетесь вы: совершая над собой душевные усилия – наделяетесь благодатью, не желая изменяться к лучшему – обрекаете себя на утрату собственных возможностей.

Для меня религия - это поклонение жизни, призванной радоваться и наслаждаться ей, ощущая себя целостной личностью, не подверженной какому-либо иному, так называемому «религиозному» влиянию, когда ты не принадлежишь себе, а полагаешься на кого-то другого. Тогда как рассчитывать ты должен только на самого себя, на своё радостное восприятие существования, поклоняясь и принимая единого для всех Бога. Только такая религия позволяет раскрыться твоей внутренней природе, ты сможешь быть здоровым и наслаждаться жизнью во всей её чудесной полноте, в согласии с окружающей нас природой.

Чудесно было сказано одним мудрецом: только оказавшись на небе, люди, наконец, поймут: истинная религия – есть поклонение божественному духу. И всё…

Нет религии выше этой истины, и нет истины без понимания того, что именно сейчас подошло время для человека перестать, наконец, выдумывать жизнь, в том числе – в лице разнообразных религиозных учений, а начинать её с чистого листа, становясь настоящим. Это, несомненно, предполагает

способность быть ценным, самому обретая в себе божественные черты, тем самым продолжая и развивая глубинную суть Бытия, заложенную в него Богом. Не отказывайтесь от этой абсолютной свободы, поклоняясь создавшему вас божеству!

X X X

Всегда почему-то стремишься в мечтах к какому-то неведомому, скрытому от глаз людей лесному озеру, к которому они, обычно, испытывают суеверный страх. По берегам его живут дикие звери и птицы, бесконечным ковром расстилается морошка с брусникой, а вокруг витают злые и добрые духи.

Никто не знает его названия, озеро защищено дремучими лесами, и вода в нём всегда чёрная и спокойная. В этом озере водятся пудовые старые щуки и караси с локоть, но никому ещё не удавалось их поймать.

Хорошо бы побывать там, взглянуть хоть одним глазком и ничего не тронуть. А потом зачем-то вспоминать и рассказывать о том, как это далеко, и что туда почти невозможно добраться, но вот тебе, каким-то чудесным образом, всё же, удалось.

X X X

Всё наше радостное восприятие природы происходит от нелёгкой доли русского человека в течение многих веков, оттого и не могло не проснуться в нём любовное чувство к лесу и земле, воде и луговым просторам, ко всему родному, может быть – самому драгоценному, что у него было. И так, незаметно, несмотря на частые стихийные бедствия, родилось доброе, вдумчивое отношение народа к природе, дарившей людям жизненное благо. И именно через свою не простую судьбу и благодаря дорогой природе пришло к человеку его неприметное, но верное счастье: быть преданным родине и близким, в конечном итоге, к Богу в себе.

X X X

Потаённая гладь лесного озера – будто отражённое в зеркале небо, на котором плавают дивные белые звёзды, кувшинки… Чуть набегут тучи – лепестки звёзд сразу закрываются и тонут, выглянет солнце – прекрасные бутоны всплывают и распускаются, словно улыбаясь. Как хорошо, что обычная земная красота вдруг воспринимается небесной, и от этого представляется недосягаемой!

X X X

Только весной по-особому ощущается опустившаяся на землю ночная тишина, когда вокруг замолкает на свой положенный срок всё то, что живёт в лесу и терпеливо ждёт пробуждения, подчиняясь короткой, но торжественной темноте.

Так и ты: умолкаешь и подолгу заворожено слушаешь, как проистекает рядом таинственная весенняя ночь, а ухватить в ней самого главного – не в силах. Лес же, будто насупившись, пристально вглядывается в твою душу, но ничего не предпринимает.

Поёживаясь от пронизывающего холода, зеваешь, то и дело разминаешь онемевшие ноги, и вдруг замечаешь над высокой чёрной елью большую зелёную звезду. Это Венера тихо струит свой чарующий свет на землю. А на востоке, над тёмным лесом, уже занимается тихая заря…

X X X

Ни мартовское солнце, ни открывающиеся небеса, ни звонкое карканье воронья, ни напоённый ослепительной свежестью воздух не манят в ускользающую весеннюю даль, а манит какой-то неведомый синий гул, за которым готов отмахивать нескончаемые вёрсты, спать на ногах, вполглаза, и опять бежать без устали, ошалело улыбаясь.

X X X

После Спиридона-солнцеворота хоть на воробьиный скок, да прибудет денёк. Так издревле говорили на Руси, когда солнце в конце декабря поворачивало на лето, а зима на мороз. Каждые сутки прибавляли хотя бы минутку светлого времени, и до Нового года день прирастал, по народному мнению, на скачок маленькой неунывающей птички, может быть, более всех радостно встречающей движение к теплу и свету.

К середине января, в самые рождественские и крещенские морозы, когда миновал праздник покровителя свиней Василия, день неприметно увеличивался, по тем же народным приметам, уже на куриный шаг, но он не воспринимался так восторженно и не был столь дорог, как крохотный воробьиный прыжок. В заснеженном метельном декабре, после надоевшей осенней распутицы и стылого предзимья, этот неприметный подвиг любимой всеми птицы дарил несравнимое ни с чем счастье. Разве можно придумать что-либо ещё более русское, поэтичное и земное, чем «воробьиный скок»!

Слово это казалось самым дорогим в отпущенное на знакомство с суровой зимой короткое декабрьское время, которого на её пороге если и становилось больше, то на незатейливый, но милый русскому сердцу воробьиный скок. Тот самый воробьиный скок, с которого начинают проведывать человека неустанные вьюги, метели заносят постройки под самую крышу, и когда выходишь на заснеженный двор проводить старое надоевшее всем время, в ворота стучится молодой новый год!

X X X

Бывает, ещё в конце января в воздухе вдруг запахнет весной, и ты недоумеваешь: откуда взялся этот запах? Ведь ещё вчера его не было, хотя так же веял тёплый ветер и с крыш срывались крупные капли, а вот сегодня запах возник и разбередил душу.

Выйдя на улицу, замрёшь и стараешься угадать, где его источник. Вот сейчас, думается тебе, стоит только сосредоточиться - и, наконец, всё узнаешь. Терпеливо вслушиваешься, всматриваешься и вдруг нечаянно обнаруживаешь, что запах весны источает … подтаивающий снег, который в оттепель всегда становится нежным, навевает добрые мысли и заставляет учащённо биться сердце.

Так я думал раньше, и верилось, что окончательно подошёл к отгадке на мучающий меня вопрос. Но вот однажды, в двадцатых числах января, я так же вышел поутру из дома и сразу почувствовал, как остро пахнет весной. И хотя оттепели не было, будоражащий сердце ветерок не веял и подтаявший снег с крыш не соскальзывал, ощущение от дыхания весны было непередаваемым. Казалось, на дворе уже давно стоит март, а январь с февралём затерялись где-то в далёком прошлом.

Долго я не мог понять, что задолго до наступления марта в самом январском воздухе происходит какой-то неминуемый и еле уловимый поворот к весне, точно также, как в начале мая – к лету. Если ты почувствовал его, странная тяжесть от бесконечных снегопадов раньше других спадает с твоей души, и в ней неминуемо начинает зреть ощущение радостной новизны. Это уже не сладкий зимний сон, а ясная предвесенняя полудремота, готовая в любой миг прийти в себя от подступающей волнами пьянящей свежести, как это бывает только в марте.

X X X

Осень обычно пьянит своими туманными сумерками, тревожащими голосами птиц, собирающихся к отлёту у горизонта, последним трепетом берёз и осин, настоем из опавших листьев в колеях лесной дороги, остервенелым воплем лесовиков по дикой чащобе, но сама головы никогда не теряет, хоть и бредёт перед самой зимой простоволосая, в затрапезном платье, то и дело оступаясь и оглядываясь…

X X X

В начале ноября, когда выпадает коренной снег, лес окончательно замыкается в себе и становится похож на заколоченный, пустой театр, в котором все представления давно окончились, труппа разъехалась на

каникулы, и только стены его, вдалеке от движения и былой суеты, стали постепенно полниться каким-то необыкновенно чистым, молодым светом.

X X X

Бывало, охваченный переполняющими тебя в лесу впечатлениями, присядешь на пенёк, отдохнуть, и, переведя дух, вдруг поймаешь себя на ощущении своей ненужности здесь. Это открытие до такой степени поразит тебя, что ты долгое время не можешь прийти в себя, силясь разобраться в произошедшей с тобой перемене.

А потом, успокоившись и переболев эту свою ненужность, во всей простоте того, что совершается вокруг, постигнешь: таинственный лес за тем и существует, чтобы ты пришёл к нему, присел на пенёк, и записал всё то, что он с таким упорным трудом, веками, готовил для встречи с человеком.

В природе заключено много такого, что не сразу попадается на глаза, но, даже попавшись, ничего не объясняет: его надлежит неспешно и вдумчиво разглядеть. Работа эта, если ею заняться всерьёз, доставит немало удовольствия, обогатит душу, разовьёт внимание и воображение. И тогда сказкой дохнёт на тебя лес, обдаст с головы до ног своим дремучим величием и явит нечто незримое.

Вот у края опушки, на склоне пологого холма, расположилось небольшое семейство ёлочек… Все ёлки одинакового роста, но на одной из них – гроздья шишек, тогда как остальные – пустые. Шишек на единственно плодоносящей ёлке так много, что они еле умещаются на небольшой вершинке.

Долго я не мог ничего понять, сидел на пеньке, думал, и только обнаружив в траве пни от спиленных деревьев, наконец, нашёл тому, что увидел, разгадку. Оказалось, что ёлка с шишками просто намного старше своих соседей, и не давали ей роста мощные деревья, которые закрывали её своей тенью. Потом большие деревья срубили, и ёлка оказалась открытой. Она была намного старше рядом стоящих ёлочек и, конечно, начала плодоносить, тогда, как догнавшие её по росту были ещё не зрелы, отчего и получилось это несоответствие на небольшом участочке леса.

То, что на первый взгляд казалось необъяснимой тайной, неожиданно раскрылось, если просто предаться неспешным размышлениям, сидя на пеньке. Скрытен и смирён пень, а в лесу и ему молятся, ибо не найти в нём лучшего места для думки!

X X X

Истосковавшиеся по теплу маленькие птички к концу зимы необыкновенно оживляются, и в своём предвесеннем возбуждении начинают издавать не свойственные им звуки.

В зимнем лесу, когда большинство его мелких обитателей держится в верхнем пологе, поближе к шишкам, на фоне тёмно-зелёных верхушек елей, нелегко разглядеть - клесты, щуры или многочисленные снегири подают свой голос. Идя на лыжах и заслышав эти волнующие и непривычные для зимы мелодии, даже остановишься, долго вслушиваешься и никак не можешь разобрать: кто же это поёт? Но хорошенько присмотревшись, вскоре с удивлением узнаешь в вездесущих птичках обыкновенных гаичек, которые совершенно изменились благодаря своему необыкновенному творчеству!

Вот и дружные чечётки с приближением весны становятся непохожими на самих себя и вместо присущей им нежной песенки: «чет-чет-чет, чет-чет-чет, чет-чет-чет», вдруг оглашают лес дружным стрекотанием, превращаясь в каких-то неведомых маленьких сорок, только милых и ненадоедливых.

Даже воробьиный сыч, обычно скрывающийся в лесной чаще, норовит в эту пору раз-другой перелететь просеку или дорогу впереди идущего человека, как будто напоминая, что и он не в силах сдерживать себя в преддверии пробуждающейся повсюду жизни, вопреки своей природе утрачивает осторожность, и тоже чего-то ждёт от грядущих перемен, безбоязненно выбираясь к белому свету.

Скорая весна всё покажет и скажет!

X X X

С детства принимая и понимая мир как обаятельный и волшебный, призванный удивлять, приносить незабываемое и несравнимое ни с чем удовлетворение, когда только счастливо созерцаешь и воспринимаешь все вещи такими, какими они существуют, я и в зрелом возрасте, как бы меня не пытались запутать, представляю всё точно так же, по-прежнему, с затаенной радостью… И если вижу, как роскошным летним днём золотая пчела утопает в цветке, неспешно копошится в нём, и от этого цветок слегка покачивается на тонкой ножке, а воздух вокруг полнится её волшебным жужжанием и томным ароматом распускающихся трав, опять чувствую себя необыкновенно счастливым, без оглядки радуюсь в душе, и будто лечу.

X X X

Что за восторг шагать выбеленной от жара июльской дорогой, будто вытянутой пастушьим кнутом среди колосящейся ржи, перепрыгивать через небольшие канавки, обрывать васильки, пробуя их на зуб, тут же весело сплёвывать, жмуриться от разошедшегося солнца…

Но вот заслышится конский топот, и ты сразу спрячешься в поле от встречного проезжего, переждёшь, когда осядет пыль и, выбравшись на обочину, уж не скачешь, не срываешь васильков, а идёшь разомлевшей дорогой степенно, раздумчиво до самой деревни, будто не замечая проистекающей повсюду опьяняющей воли!

X X X

В марте вся земля и реки ещё покрыты снегом, но небесный ледоход уже тронулся: солнце растопило хмурые тучи-глыбы, небо голубеет, как вода, и по нему, будто льдинки в весенний разлив, быстро плывут маленькие лёгкие облака.

X X X

Вся трудность вхождения в контакт с животными, птицами или растениями заключена для человека в терпении, поскольку чтобы понять их, он должен принять условия жизни животных, птиц и растений, безоговорочно подчиняясь её темпу и ритму.

Нестерпимо мёрзнут ноги в стылой снеговой каше, когда, не шелохнувшись, стоишь в ночном весеннем лесу в ожидании глухариного пробуждения, - терпи; промозглый холод от земли предательски забирается под суконную куртку, в рукава, за шиворот, если неподвижно наблюдаешь из укрытия за заячьей свадьбой, - терпи; февральская безумствующая метель застала тебя далеко от деревни, сбивает с ног, пронизывает насквозь и норовит погрести под своими нескончаемыми заносами, - терпи; тридцатиградусный мороз, то и дело, выхолаживает лесную избушку, так что приходится подтапливать её каждые полчаса, скорчившись, разводить никак не поддающееся пламя огня, дуть до одурения на не желающие гореть полешки, - терпи; завела лесная нужда шагать по глинистой раскисшей дороге вёрст двадцать с гаком, под непрекращающимся нудным дождём, - терпи…

И так, в любую погоду, независимо от времени года, потому как в хорошую, солнечную пору никогда не увидишь того, что можно узнать в ненастье. Преодолевая нескончаемую лесную дорогу, ты вынужден запастись, в первую очередь, обыкновенным терпением, которое незаметно слагают твоя необыкновенная неутомимость, отвага и воля.

X X X

Часто не покидает ощущение, что птицы, устремляясь на юг, в то же время ведут себя так, будто хотят остаться. Они то и дело кричат, по необъяснимой причине надолго задерживают свой отлёт, и отчего-то очень беспокоятся, словно передавая свою тревогу всей округе – лесу, прибрежным камышовым зарослям и маленьким озеркам.

Им важно, наверное, чтобы их непременно кто-то услышал, и задремавшим было деревьям, реке и холмам ничего не остаётся, как невольно думать про них всю ненастную осеннюю пору, долгую зиму и терпеливо

ждать их радостного возвращения. Только почувствовав это незримое внимание родной земли, птицы, наконец, отправляются в дальние края.

X X X

Крапива содержит много полезного, но никогда не показывает этого, и, более того, всеми способами защищает свою скрытую помощь, будто стесняясь её. Так и стоит на страже таящегося в себе секрета, для многих – злая, не сваришь с неё пива, а она, вот, и под твоим забором нашла приют: коли узнаешь, чем крапива пахнет, она тебе своё волшебное зелье наведёт. Набери, человек, крапивы хотя бы на зелёные щи!

X X X

Волнушки получили своё название не только потому, что на их шляпках, от самой впадинки по середине, разбегаются к краям хорошо различимые радужные волны, но, наверное, и из-за волнения, которое они вызывают у грибника в конце сентября, после первых заморозков, когда многие грибы уже не растут, а розоватые волнушки радостно выглядывают из пожухлой листвы и будто восклицают, умоляя: «Возьмите нас с собой, мы ещё очень ароматные и крепкие!»

X X X

Наша зима – это большой и ослепительно белый заяц, что весь год живёт открыто для всех, но, в то же время, остаётся невидимым. Молись, заяц, всю зиму Богу!

Весна - это уже бойкий зайчишка в серых штанах, что, бывало, вдруг резко выкатится из зацветающего тальника, смело тронет по полю, затем сдвоит, скинется, и опять где-то скачет, пока и там не исчезнет. Не заяц, а лёгкое сизое облачко, озорно затерявшееся за ближайшим леском.

Лето - укромно притаившийся в шелковистой траве зайка с тёплой шёрсткой, что показывается лишь изредка, как ненавязчивое, милое видение, на мгновение порадует душу - и тотчас забывается, так вокруг много других завораживающих ощущений, запахов и красок.

Осень же сначала только поманит буровато-молочными заячьими ушами, забавно торчащими в озимых зеленях. Не сразу различишь самого косого с пегими подпалинами на боках в быстро светлеющих гачах. Заяц как-то неловко, скособочившись, подтягивает зад - и незаметно оказывается всё ближе и ближе.

Уже слышно, как шуршат по сухим листьям заячьи пазанки, кровь гулко ударяет в висках, а у самой деревни, в частом осиннике, оживлённо перекликаются сороки. Заяц вдруг останавливается и, поводя чуткими

ушами, косит боязливо: неужто и до него дойдёт в эту пору черёд? Осень, по-заячьи, сторожка, но не боязлива.

И вот, с отъезжего поля уже гулко доносятся радостные возгласы охотников: «До-о-шё-ёл!». Красоваться косому в сенях, на крепком гвозде, со свисающими толстыми усами! Но не сегодня-завтра Покров покроет землю снежком, опять незаметно подступит зима, и укутает всех в пушистый заячий мех.

X X X

Длинные лоскуты голубовато-сизого лишайника, свисающего с ветвей, напоминают душистый дымок лесного костра, что будто бы для забавы зацепился за их края, а улететь уже не в силах. Так и колышется слегка на ветерке, будит воображение, и оно рисует ещё бороду лешего, торчащую не клином - целым заступом, величиною с лопату, когда он, от нечего делать, коротает ночь у костерка в глубине чащи, зажмурившись от удовольствия.

Вроде бы, всего лишь обыкновенный лишайник, но непременно хранит в себе какую-нибудь притягательную тайну, что всегда ненавязчиво присутствует в лесу рядом, и также незаметно исчезает.

X X X

Чем пахнут времена года?

Обычно не вызывает никаких сомнений зима, которая, по мнению многих, не может пахнуть чем-либо, кроме ёлки и мандаринов, да ещё, пожалуй, яблок. И действительно, иногда снег источает аромат этих фруктов, но разве присуще зиме то, что ей не принадлежит, и какие запахи она порождает? Что на самом деле составляет её головокружительную или, быть может, усыпляющую суть?!

Одно я знаю точно: запах зимы – свежий и душистый, как только благоухают щёки молодых девушек с мороза, а ещё хвойные ветки, принесённые из леса в натопленный дом и поставленные в воду. Медленно оттаивая, они будто отходят ото сна, кажется, даже немножко распускаются и что-то нашёптывают. Ночью отчётливо слышится их ласковый шорох, и вместе с ним - чья-то таинственная поступь, что постепенно обволакивает сознание и уводит в неизведанные заснеженные глубины. Зима очаровывает скорее звуками, чем запахами, и более всего - своей загадочно переливающейся, будто колокольчики, мелодией.

Но вот пришла весна, самый её разгар, и сразу запахло талой корой. Остальные запахи лишь дополняют этот дурманящий аромат, который течёт над открывающейся прелой землёй, пронизывает всё вокруг и опьяняет. И снеговая вода, и сладостный перезвон сосулек, и завораживающие дуновения упругого ветерка, и даже вскрикиванья воронья с непрекращающимся

щебетом воробьёв пахнут зарождающейся жизнью, то есть - волглой корой. Под ней начинает струиться тот самый живительный сок, который вскоре всех напоит и от всего излечит.

Лето – это, наверное, свежее сено, липовый цвет и земляника. Тысячи будоражащих запахов и их оттенков, что просто околдовывают, повисают над деревней.

Но как различить тот единственный и верный, без которого лето - не лето? Самый дорогой, одинаково приятный и в дождь и в вёдро, незабываемый и тёплый? Запах короткого уральского лета, который почему-то особенно дорог.

Чистый золотой мёд! Вот в чём нельзя ошибиться, говоря и думая о лете. И свежее душистое сено, и аромат земляники, и цвет шиповника, кипрея и липы: все цветы и самые сладостные летние дуновения стекаются в мёде, и именно мёд, как ничто другое, заключает в себе силу и красоту лета.

Когда окажешься на пасеке, у медогонки, где по стенам висят розовато-кремовые, будто светящиеся рамки, сладко пахнет воском и пчёлы ненадоедливо, но настырно бьются в заляпанное мухами стекло, устремляясь к разомлевшему июльскому жару, ты почувствуешь, что суть лета, его запах, находится где-то здесь, рядом. Этот обволакивающий аромат немыслим без золотистого медового духа, которым пронизано всё вокруг.

Ну, а к осени, в пору увядания, все запахи сводятся к пряной горечи палого листа. В нём, пожалуй, ещё угадывается сытный аромат рыжиков и сыроежек. Так и хочется наломать этих красивых грибов, присесть где-нибудь на пенёк и, посыпав солью да сдобрив свою нехитрую снедь куском чёрного хлеба, с аппетитом уплетать их, впитывая вместе с ними чудесный дух уходящей осенней поры.

X X X

Каким чутьём, мужеством и знанием необходимо обладать, чтобы не бояться писать и говорить просто, от сердца, как и думается всем нам в минуты, когда мы слушаем его, не изменяя божественному сознанию, заложенному в нас с рождения. Но часто мы отчего-то не доверяем своему внутреннему голосу, уповая порой только на удивительно проникновенные слова хорошо всем известных русских писателей, а свои душевные рассуждения считаем чем-то незначительным, боясь им поверить. Именно эти простые мысли, которым мы не придаём значения, и являются тем недостающим знанием, которого мы чаще всего дичимся, но оно в нас существует. Причём, произносится это знание в душе каждого русского человека на самом чудесном, народном языке, коим мы с испокон веков обладаем.

Как необыкновенно хороша обычная русская речь, что дарит человечеству мир восхитительного покоя и отдохновения, ей нужно

наслаждаться и беречь, в тоже время, проявляя и терпение, и решимость, и замечательную отвагу для её сохранения. Без неё не обойтись русскому человеку, и он проживает неповторимую судьбу, наследуя прекрасный язык Толстого и Тургенева, Бунина и Чехова, и, конечно, Михаила Михайловича Пришвина, что превратил нашу русскую речь в неподражаемо чудесное искусство, сотворение мудрости, и она божественна!

Как прекрасен русский человек, когда он общается с другими людьми на этом удивительном языке, как чудесен наш неподражаемый русский мир вместе с неповторимой русской природой. Именно Михаил Михайлович Пришвин, благодаря своему простому и доходчивому языку, произвёл на меня самое незабываемое впечатление. Он убедил всё моё существо в глубокой привязанности и к русской речи, и к русскому лесу, в конечном итоге, к его чудесным тайнам и желанию познавать их, создавая при этом свой собственный мир, невозможный без творчества.

Созидать после того, как открыл для себя что-то значительное в жизни, пусть это будет море, лес или наш замечательный русский язык, особо радостно. Радостно оттого, что ты соприкоснулся с чудесами, с божественным проявлением этого мира, и они преобразили тебя, твою жизнь. Жизнь сама по себе прекрасна, но после того, как ты осознал, что тобой движут небеса, она становится ещё более чудесной.

Чудесно человеку самому созидать чудеса, отчего и другим хочется идти за тобой, также пристально вглядываясь и в себя, и в небо. Это единственно верный путь, которым хочется идти по жизни, и иного, более достойного предназначения, не существует.

Хорошо и приятно писать по-русски о лесе, что не стал для тебя околдовывающим обманом, а именно другом, вестником прекрасного мира, где ты открыл для себя и весну, и свадьбу журавлей, и свой первый глухариный ток. Как радостно всё это было слушать и впитывать, позабыв обо всём. А потом, затаив дыхание, пытаться изложить на бумаге все свои переживания, не забывая и холода осенней ночи, когда добирался по раскисшей дороге, в темноте, до деревни, и печного жара лесной избушки в сильный мороз, и устремления диких гусей и уток на родную северную сторону…

И, конечно, ты помнишь, как какая-то неведомая сила повлекла тебя под потаённый полог нашего таинственного русского леса, о котором писал и Толстой, и Тургенев, и Пришвин, и в твоей душе незаметно пробудилось нечто такое же потаённое и неведомое, именно исконно русское, уходящее в глубину его бесконечно таинственных веков. И однажды тебе захотелось рассказать обо всём этом простым и чудесным русским языком. Всякий язык Бога хвалит, а русский – почитает!

X X X

Иногда луна бывает совершенно безжизненной, равнодушной. В лунном свете зимнего леса лицо человека тогда превращается в застывшую маску, что кажется неестественным на фоне непередаваемой ночной красоты. Трудно не впустить в себя выхолащивающего лунного сияния, не испытав его безжизненной оголённости.

Но, отдав себя однажды на волю безучастного лунного света, знай: тебе уже не будет так, как если бы ты ещё не входил в ночной лес, и смотрел на него только со стороны. Соединившись с ним, ты остаёшься наедине с не знающей преград луной: дикой, неживой и властолюбивой.

Лишь на мгновение повеет она своим бесчувственным холодком – и раз и навсегда осадит все твои желания, растворит их в околдовывающем безразличии. Пусто станет тогда на душе, так что даже жаждущий добычи зверь равнодушно пройдёт мимо, не обратив на тебя внимания.

Прозрачные лесные призраки насторожатся, выступят из-за деревьев, и ночное забвение постарается навсегда прикрыть твои веки, остудить сердце и сомкнуть уста безжизненной улыбкой. Только неясные пятна, чёрные тени, и вечная безысходность лунной тьмы окутают собой всё вокруг.

Так коварно может вести себя зимней ночью равнодушная луна, что никуда не спешит и равномерно льёт на синие сугробы свой холодный, безучастный свет, а человек, если он неравнодушен ко всему, что его окружает, впитывает этот свет, незаметно полнится им, но не замерзает душой, становясь ещё более сильным.

X X X

Чистое апрельское утро… Казалось бы, обыкновенная для этой поры картина - синее угорье, кротко замершие по его склону пушистые ёлочки, воздух, звенящий весенней чистотой, лазоревые тени от берёз, будто продляющие собой на снегу проникновенное апрельское небо, но вдруг до щемящей в душе боли осознаёшь, что не сможешь ни какими словами передать эту красоту…

Остановившись посреди дороги, пристально вглядываешься во всё, что тебя окружает, и опять зачарованно повторяешь: синее угорье, приукрашенные снежком ёлочки, звенящий воздух, лазоревые тени, проникновенная небесная голубизна, но чего-то самого главного, составляющего прекрасную суть только что увиденного, высказать не в силах… Оно всё равно остаётся невыразимым.

X X X

В преддверии зимы, после отшумевшей листопадной метели октября, устанавливаются такие тихие и чуткие дни, что, кажется, даже воздух насторожен в ожидании грядущей непогоды, но её всё нет, и затаившаяся

тишина до дрожи трепетно и оголено вторит малейшему звуку, а сердце сладко замирает от ощущения надвигающегося холода.

Х Х Х

Люди пытаются выразить любовь к жизни в танцах и картинах, музыке и стихах, и если кто-то из них просто живёт – это вызывает недоумение. Но именно в обыденной жизни, ни к чему, вроде бы, не обязывающей, совсем, кажется, непритязательной, и отображается истинная признательность человека к тому, что составляет её суть. Ты просто живёшь, заботясь при этом о самых, казалось бы, обычных вещах, и, конечно, не можешь обойтись без обаяния таинственной лесной чащи, открывающей для человека примеры достойного существования.

Идёшь, бывало, в предрассветной темноте по лесу, и ничего не видно, только беззаботные звёзды перемигиваются меж собой. И вдруг задумаешься об этом огромном невидимом небосклоне, как о родном, хотя и недостижимом пространстве, и на душе отчего-то сразу теплеет.

А небесная звёздная река, заботливо ополаскивающая землю, проистекает повсюду, ласково и бесконечно льёт свет, и ты начинаешь ощущать, как земля раскрывает ему объятия в своих необозримых лесах. Леса, ты чувствуешь, сохраняют энергию Вселенной, копят её в себе, и незаметно отдают всем живым существам.

Людям же только остаётся отнестись к божественной природе с уважением, признательно, подобно Божественному Существованию копя и сохраняя уже своё сердечное тепло, ополаскивая им тех, кого оно не коснулось. Этот круговорот энергии вечен, он образует жизнеутверждающее движение не только к непознанному, но и непознаваемому, и всё это приходит к тебе на ум, когда ты просто идёшь ночной дорогою на глухариный ток, к своим любимым глухарям, ни о чём таком высоком, вроде бы, и не помышляя, и думаешь только о своей обыденной жизни, которая прекрасна.

Х Х Х

Уже в середине мая, без всякой надежды на успех, собрался я в последний раз к глухарям, и чем дальше шёл по дороге, тем более убеждался: поздно…

Давно угомонились в лесу ручьи, вроде бы, недавно вспыхнувшие первоцветы разлились в целые поляны, на вырубках, у старых пней, появились шоколадные шапочки строчков. Закрылся лиственный лес.

Воздух туманился от растекающегося аромата, листья уже по-летнему шептались на ласковом ветру, трава подтянулась под самое колено. Как-то не верилось, что глухарь прилетит на ток, да ещё запоёт.

Но в положенный час единственный глухарь действительно проснулся, долгое время сохранял молчание, а потом пропел только одну песню, после чего собрал хвост, гортанно цокнул и улетел.

И стало так грустно на душе, что весна кончилась… Впереди, кажется, бесконечное буйное лето, за которым даже не видится осень, и уж тем более - зима. Где-то там дорогая сердцу весенняя радость, что однажды опять слетит на мартовский наст, пройдётся по нему красавцем-глухарём, и запоёт, позабыв обо всём?!

X X X

Интересно, только ли из-за цвета, схожего с известными всем зверями, названы грибы лисичками? Ведь встречаются лисички и светло-жёлтые, и блёклые, серенькие, и даже ярко-оранжевые, как и сами лисы, но понимаем мы сущность этих грибов, наверное, благодаря чему-то другому…

Может быть, это какая-то игривая закруглённость краёв у шляпок, их рыжая волнообразность, наподобие вздутого ветерком меха, воздушность неуловимых звериных повадок, призывающих самку красться в глубине леса и очаровывать своего лиса?!

Так или иначе, но лисички и лисы – из одного семейства, и друг без друга почему-то не воспринимаются: говоря «лисица» - мы тотчас представляем во мху ярко-оранжевое и дружное грибное племя, произнося «лисички» - вспоминаем милых звериных детёнышей.

X X X

Ещё от деревни толком не отойдёшь, до настоящего леса далеко - кругом пеньки да чапыжник, но и в этом кажущемся безлесье ощущается еле уловимое присутствие почитаемого тобой лесного бога.

Лес здесь не высится вековым сосновым бором и не очаровывает шумом величественных дубрав, где бывает слышно, как горланят петухи, но дух его неприметно живёт в обгрызенных непогодой лысых пнях и в маленьких, недавно пробивших себе дорогу ёлочках, теряющихся под осень в пожухлой траве…

Его еле уловимое присутствие угадывается даже в разбросанном повсюду хворосте, и в не замечаемом никем сером небе, которое тоже, порядком истомившись, тихонечко прислонилось к самой деревне, и со вздохом улеглось за старым молчаливым прудком.

X X X

Красный цвет редок в природе, особенно среди зверей средней полосы, где выделяться им, особенно в зимнюю пору, не резон. И всё-таки лиса-огнёвка поражает нас своим ярко-оранжевым мехом, когда мы неожиданно

застаём её мышкующей посреди заснеженного поля и, радуясь тому, что увидели, в тоже время мучаемся вопросом: отчего природа оказалась такой неосторожной?

Оставаясь мудрой и сильной, она, наверное, просто позволила себе эту маленькую прихоть, безбоязненно демонстрируя свою неповторимую красоту.

X X X

Люблю лес, люблю ходить по нему в любую погоду. Но всегда ли с удовольствием отправляюсь к нему в гости? Нет, не всегда.

Иногда, по каким-либо причинам, мне этого делать совсем не хочется, и всё-таки - я иду. Порой так и подмывает повернуть обратно, но я, тем не менее, продолжаю свой путь, и постепенно желание дороги всё более усиливается, жажда встречи с дорогими сердцу местами нарастает, и вскоре я просто не могу остановиться.

X X X

Если ты болен, упал духом и во всём отчаялся - приди весной в лес, посиди немножко на каком-нибудь пеньке или поваленном дереве, поласкай взглядом распускающуюся медуницу, потрогай руками цветущую сосну, а затем прижмись к ней щекой. Да смотри не переборщи, к другим деревьям больше не прикасайся, хватит и её одной.

Солнечному лучу улыбнись, ненароком вспугни махонькую бодрую птичку и испугайся вместе с ней неизвестно чему, угоди ногой в ноздреватый, шумно осыпающийся голубоватый снег, радостно оглянись вокруг, набери полную грудь воздуха и, протянув к небу руки, засмейся!

X X X

Я лежу на нарах лесной избушки и слушаю, как близится за стеной вечер. Неимоверная тоска не одолевает моё сердце, потому что ночь в лесу не может быть к тебе равнодушной. Среди глухой неизбывности и темноты она дышит неведомой силой, незаметно натягивает синие сумерки на чёрные ели, и окружает совершенным покоем и тишиной, отчего одиночество становится желанным и неуязвимым.

Кажется, что если я усну, ночь вместе с чем-то, что давно меня ждёт, пропадёт бесследно и никогда уже не вернётся. Мне хочется, чтобы она всё время была со мной, пела над моей головой, убаюкивала своими дикими сомнениями, но в тоже время не давала забыться. Здесь, в лесу, ты будто оторван ото всех, долго не можешь уснуть, и всё о чём-то думаешь…

Ветер едва-едва трогает невидимые верхушки деревьев, тихонько раскачивает их, и в такт им рождаются мои неотступные спасительницы-

мысли, мои лесные бессонницы, что незаметно приводят меня к самому себе. Вернее, к пониманию, что здесь - твой дом, и оттого все думы покойны и легки.

X X X

У человека не хватает сил самым пристальным образом вглядываться в облака, когда те безмятежно катятся по небу, наполненные пронзительным белым светом, такие лёгкие, пушистые и недоступные. Или сосредоточенно и спокойно вслушиваться в мягкое, может быть, чуть ворчливое, но ненавязчивое бормотание укромной лесной речушки.

И так, безвозвратно, проплывают мимо него напоённые лёгкой радостью облака, холодные речные струи чуть слышно нашёптывают присмиревшим берегам что-то удивительно приятное и убедительно важное, сдержанно покачивают упругими верхушками гибкие сосны, величественно и мудро расходуя скрытый в своих телах свет. Человек живёт на земле не год и не два, кажется, всё ему давно известно, и не приходит он в лес для потаённого с ним разговора до тех пор, пока не обнаружит в своей душе истинную боль. Не открывает свою душу чудодейственной лесной чаще, пока не произнесёт про себя всерьёз слова о смысле жизни и смерти, и не почувствует в сердце жгучую потребность кого-нибудь полюбить…

Заострять своё внимание на неуловимой чёрточке в природе способен лишь человек спокойный и мудрый, достойный предпочесть общему ликованию тихую вкрадчивую радость. Такое всматривание в окружающий тебя мир под стать глубокому чувству или единственно верной мысли, высказанной не впопыхах, на бегу, а наедине с природой, с её необозримо лёгкими лазоревыми небесами и зелёными сочными нивами.

Всё в лесном царстве дышит полной жизнью, в спокойном созерцании ожидая внимательного прикосновения к себе человека.

X X X

Лесная дорога человеку не чужая, но и не близкая. Наполняя его жизнь недостающим смыслом, в напарники к нему она не просится, душу свою исхоженную и, тем не менее, никем не понятую, не открывает. Радуется или печалится дорога, только когда человек её собственными чувствами меряет, причисляя ей, незаметно для себя, собственные переживания.

Но не измерить её шагами и ежеминутно сменяющими друг друга настроениями. Неторопливо бежит она под ногами, за каждым лесным поворотом открывая новое только тому, кто неутомим.

X X X

Осуществляя однажды у себя в деревне горловое пение как одну из практик древнетибетской дыхательной гимнастики, я неожиданно обнаружил, что исходящая при этом звуковая вибрация отрицательно воздействует на … комаров. Только что надоедливые насекомые кружили по всему дому, мешая мне сосредоточиться, как куда-то все исчезли, будто их и не было. А может быть, наоборот, необычная звуковая тональность так зачаровала насекомых, что они, словно околдованные, просто замерли, безропотно внимая пронизывающей воздух мелодии.

Комары, видимо, были не в силах пошевелиться от этого охватившего всё пространство оцепенения, необыкновенной для них музыкальной дрожи, почему-то предпочитая её своему заунывному жужжанию. Горловое пение человека оказалось более глубоким, гармоничным, совершенно повергнувшим своей силой и мелодичностью неугомонных насекомых, и я решил впредь непременно воспользоваться им, оказавшись в летнем лесу.

Правда, при этом меня самого не покидало ощущение, что моя внутренняя мелодия исходит не из меня, а из Вселенной, и реакция комаров будто открывает во мне неведомое око возрождения, благодаря чему ты постигаешь, какое важное значение может играть в мире лишь одна растущая душа, черпающая силы из неистощимого источника Мироздания.

Вскоре я действительно очутился в июльском лесу и вынужден был заночевать в маленькой избушке у реки. Усевшись, поджав под себя ноги, у костра, я принялся сосредоточенно производить горловые звуки, которые лились над водой низко, сочно и полно. Вокруг тихо качали головами сосны и ели, комары будто замерли в воздухе, и я стал замечать, что мой сознательно пониженный тембр голоса, как это ни удивительно, постепенно изменяет течение струящейся рядом жизни.

Мантры, со своим особым вибрационно-резонирующим строем, вызывали в окружающей природе ещё большую гармонию, будто возвращая ей нечто молодое и мощное, но однажды почему-то утраченное. А комары, кажется, только радовались предоставленной им возможности побездельничать, восторженно приплясывая на одном месте в мягко роящихся над землёй летних сумерках.

X X X

Что заставляет птиц петь? Может, песней птицы благословляют радость своего поднебесного существования, ни с чем несравнимое ликование от возможности бесконечно парить в вышине? Но так ли безмятежны воспарения их маленьких душ, если рано или поздно им придётся всё-таки опуститься на землю для выполнения своих самых насущных забот – сооружения гнёзд и выведения в них птенцов?!

Неповторимыми голосами птицы знаменуют, вероятно, разрешение собственных проблем, и песня незамедлительно вырывается наружу, свидетельствуя о торжестве жизни. Птица искренна в своих побуждениях, её

веселье и печаль неподвержено сомнению, и чем вдохновеннее она поёт, тем справедливее её отношение к самой себе. Ведь любое пение предполагает чистоту помыслов, и нет существа более ответственного за переполняющую его жизнь, чем птица.

Недаром говорят, что жаворонок на невидимых нитях своих, никем не превзойдённых, трелей удерживает всю землю.

X X X

Весной я становлюсь восторженным апрелем, что прилетает на землю неведомым и прекрасным юношей, готовым всех обнять и осчастливить. Каждого касается он своим невидимым крылом, и каждый чувствует его проникновенное присутствие, и становится моложе.

Только один месяц продолжается это чудесное перевоплощение, но его вполне достаточно, чтобы летом ты заслуженно пресытился роскошным июлем, а осенью ощутил себя умудрённым ноябрём. Пронизанный искрящимся светом своевольный январь отзовётся тогда в твоей душе сладостным предчувствием долгожданной юности мира.

X X X

Замечал ли кто за собой, как улучшается настроение после соприкосновения с лесом? Вся злость сразу исчезает, хочется быть добрым, перестать лгать и подличать, более справедливо относиться к старшим и детям, стать достойным собственных возможностей. Не каждый труд способен открыть для человека подобное состояние.

Сродни общению с лесом в пробуждении здорового душевного настроя – пробежка с вёдрами на колодец. Стоишь над уходящим в холодную темноту срубом, смотришься, запыхавшись, на колышущуюся в ведре студёную воду, и чувствуешь себя весёлым и добрым. А идя обратно, и стараясь не расплескать ни капли, здороваешься с каждым встречным, пусть даже и незнакомым тебе человеком.

Ни следа какой-либо лени или печали в себе уже не испытываешь. Дверью впустую теперь не хлопнешь, при виде первых капель дождя за окном не скривишься, и до беспричинного окрика ни за что не опустишься. Так велика власть окружающей человека природы с её пушистыми облаками, грибным дождём и первозданной в своей чистоте колодезной водою.

В лесу открываются глаза, и ты начинаешь различать в себе то, чего никогда бы не ощутил в городе. Увидев себя, мир другого увидеть не так уж сложно, а разобравшись во всём достаточно хорошо, можно встать рядом. Например, с деревом, которому необходима помощь, или с выпавшим из гнезда птенцом. Все, кто бы они ни были, оказываются тебе родными и близкими, будто ты вместил в себя и их полноту восприятия мира.

X X X

В конце февраля возле волчицы появляются самцы, оспаривающие место супруга, которым, после боёв, остаётся самый сильный. Каждый волк, в меру сил и возможностей, старается отстоять собственную свободу выбора. Волк знает, что делает: добившись победы, он доводит права победителя до логического конца.

Те же, кто потерпел неудачу, будут, не изменяя себе, ждать своего часа, и когда он настанет, также надёжно, не теряя выдержки и достоинства, воздадут ему должное. Звери никогда не теряют права быть свободными и сильными, чего не скажешь о людях!

Человек, в отличие от волка, не хочет быть по-настоящему свободным. Свобода не даёт ему покоя, она тяготит его своими обязанностями, и он старается поскорее найти более лёгкий путь следования, отказавшись от неё. При этом человек ещё посягает и на свободу других, не имея на то никакого права.

Жизнь обитателей леса более гармонична, нежели жизнь людей, потому как является самым обыденным естеством всего сущего. В отсутствии извращённого разума, то есть разума с расчётом, животные живут, конечно, суровее, но значительно проще и надёжнее человека, а боль у них присутствует лишь в той мере, в какой её не хватает для поддержания жизни.

X X X

Целый месяц хлопотал я как-то рядом с глухарями: будил их, разбирал на снегу замысловатые следы и чертежи, искал места новых токовищ, радовался их стремительному и тяжёлому полёту, слушал непостижимую весеннюю песню, но … не стал им ближе. Глухари жили своей трепетно-осторожной жизнью, а я своей, начинающей казаться мне непутёвой и бездумной. Все попытки сблизиться ни к чему не приводили: я был бесконечно далёк от великолепных птиц, и всё же они меня безотчётно манили.

Каждый день, затемно, я уходил к ним из избушки, чтобы приблизиться и хотя бы чуть-чуть проникнуться их таинственным существованием, подсмотреть что-то недостижимое, ещё не виданное мной, но всё было напрасно. Глухари, в лучшем случае, терпели моё присутствие, а в самый неподходящий момент – улетали. И ничего нельзя было с этим поделать. Просто принять, как вынужденную и не совсем приятную действительность.

Глухари не издевались надо мной – они жили своей потаённой, лесной жизнью, в которой я оставался лишним. Но как было приятно пытаться почувствовать себя глухарём – этой диковиной птицей, что каждую весну поёт о неизведанной для нас древней любви.

X X X

Когда густые ели вдруг сменяют могучие сосны, неожиданно вырастающие перед тобой нескончаемым бором, лес на какое-то время становится привлекательнее, но потом скучнеет. Однообразие безукоризненных корабельных стволов и пышной благородности крон почему-то утомляет.

В соснах редко услышишь щебет птиц, хотя они очень красивы, и пристальней вглядываясь в эту убегающую ввысь розоватую недостижимость, в душу закрадывается, скорее, задумчивое равнодушие, нежели радость. А чуть позже и затаенная убеждённость, что сказочную таинственность придают лесу только дремучие ели.

X X X

Иной раз, сквозь сон, чувствуешь, как тоскливо за окном вьюге. Уютнее свернувшись под одеялом, думаешь, как она одинока и беспомощна в бушующем море снегов. Даже не смотря на свою удаль.

Можно представлять себя ясным месяцем, изредка посверкивающей в холодном небе звездой или даже голодным волком, но никак не вьюгой. Знаешь наверняка, что сердце не выдержит её безжалостно застывшего крошева, и лопнет от невыразимой тоски, когда закружится, как и она, в безудержном танце зимы.

X X X

Каждому времени года присущи свои черты… Зима, например, имеет ровный, уверенный почерк. Ей не страшна никакая оттепель, пытающаяся опередить время.

Весна – самая доброжелательная пора, в ней – высшая откровенность природы, когда всё раздаётся, поёт и ширится, раскрывая её необозримую глубину.

Лето до предела насыщено жизнью, которая создаёт общее настроение удивительной радости и покоя, оно с наслаждением вторит каждому шороху под ногами, птичьему возгласу, копошащимся вокруг запахам. Всё окружающее в нём создано для того, чтобы подчеркнуть, выявить любую мелочь в отдельности во имя общего жизнетворчества, благодаря которому всякая былинка в природе умывается и очищается.

Осень же приносит ясность дальнего видения, что не отрывает от земли, а только приземляет и делает её ещё более родной.

Уверенный и открытый, очищенный и просветлённый, устремляешься невольно ещё к какой-то неизведанной стороне этой удивительной жизни, что, может быть, вознесёт к такому чудесному времени, в котором всё

пережитое ранее покажется лишь полузабытым отголоском бесконечно утраченного, но дорогого вселенского детства.

X X X

Лес всесилен. Какую бы большую кручину ты ни приносил с собой в него, он при этом не обезличивается. Стойко и невозмутимо стоит он, поглощая собой любую беду, и всегда незаметно спасает.

Часто я забывался в лесу, потому что он навевал сладкий сон, какое-то неведомое счастье, с которым, была такая боязнь, более уже не встретишься. Незаметное блаженство, что живёт рядом, но часто не замечаемо, снисходило на меня.

И ещё глубокая убеждённость: когда-нибудь наступит такое время, что сама собой поднимется и навсегда исчезнет опустошающая человека буря бессердечности, по закону торжествующей добродетели на землю спустится прародительница-справедливость, берега рек и равнины опять оденутся девственным лесом, в лесах заведутся дикие звери и птицы, а на небе радостно вспыхнут божественные звёзды. И, наконец-то, уснут мёртвым сном человеческие дикие нравы там, откуда им никаким злым воображением не достичь светлого мира, даже если этому воображению представилась вероятность хоть на мгновение воскреснуть.

X X X

В лесу необходимо оставаться умудрённым зверем, но не человеком. Не открывай раньше времени себя и то, что знаешь, другому в лесу, и тогда всё у тебя будет по-прежнему получаться. Начинаешь же кому-либо что-то показывать, объяснять – тотчас теряешь понимание, слух, зрение и, в конце концов, жди неприятностей.

Человек, если он не случайно оказался в лесном мире, должен оставаться один, и сам дойти до всего. Быть незаметным, взвешивать каждый шаг, восхищаться только в своей душе – таков лесной закон.

Неприменим он, пожалуй, к зверёнышам – смышлёным детям с ясными глазами и тёмной душой, лишь изредка притихающим перед силой лесной жизни, а затем вновь принимающимся беззаботно резвиться, позабыв обо всём. Радость их лесного бытия призвана временами смягчать извечную настороженность чутких и мудрых родителей.

X X X

Бывают такие зимние сады, в которых с наслаждением бродишь по дорожкам, осыпаемых снежными хлопьями. Где-нибудь в старой части города или села, достаточно удалённые от шумного центра, чаще всего – неподалёку от леса, они удивительно располагают к уединению.

Под вечер окна ближайших уютных домиков, непременно с какими-либо непритязательно вырезанными, но загадочно украшающими их наличниками, зажигаются оранжевыми огоньками, и тёплые лучи от них ложатся поперёк заснеженных аллей. Всё окружающее пространство постепенно тонет в потемневшем воздухе, так что скоро уже нельзя различить опускающихся снежинок, и ты с приятными надеждами ступаешь по ровно устланной ими земле, представляя, что это – молоко земное.

А невидимое небо неустанно изливает свою сказочную густоту и благость, питая ею живые души, и на сердце становится легко и привольно. В такие моменты, кажется, будто снег очищает, ненавязчиво подсказывая вероятность долгой счастливой жизни.

X X X

Порой начинает казаться, что деревья в лесу всё видят и понимают. Наблюдают пристально, но ненавязчиво за каждым твоим шагом и, может быть, даже мыслями.

Все перемены настроения и повороты растревоженной лесом души им хорошо известны. Не сказать, чтобы ты носил в себе это ощущение постоянно: оно лишь временами подкатывает к горлу неизъяснимым комком, с мягким томлением тревожа грудь. И всегда кратко, словно лёгкий ветерок, появится откуда ни возьмись, опалит застоявшимся прохладным холодком, и отпустит, в тоже время оставив в душе неизгладимый след.

След этот ты можешь беречь очень долго, и он часто никак не проявляет себя. Живёт в тебе незаметно, скрывая истинную суть леса: то отступает в темноту, то появляется во снах. Однажды, по одному ему ведомой причине, он негаданно исчезает, уступив место удивлению и … страху. Страху не слепому, а коленопреклонённому – из уважения и почитания к лесу.

С этого момента лес уже не спускает с нарушившего его чистоту своего недремлющего таинственного внимания, но человек сам, рано или поздно, наказывает себя, теряя осмотрительность и совесть, и неминуемо когда-нибудь оступается, потеряв над собой контроль. Лес в подобных ситуациях не становится зловещим: таковым он начинает казаться утратившему достоинство человеку. И вот тогда он пугает своими очертаниями, темнотой и звуками, и даже ясные отсветы рогатого месяца стелются по притихшей земле как бы с потаённым коварством.

Охваченному гнетущими сомнениями и ужасом окружающей обстановки человеку хочется укрыться от неумолимого взгляда чащи, а любое бегство, как известно, оборачивается тупиком. Лес оказывается западнёй, на которую то и дело наталкивается бегущий. Своей неприступностью лес будит в человеке осознание допущенного им зла, и несоразмерность совершённого опускается на плечи того невыносимым грузом. При всём этом лес непререкаемо величествен: ведь он ещё в достатке располагает тем, что и не снилось многим, не вошедшим в него людям.

X X X

Неоднократно замечал за собой, но так и не понял до конца: в лесу всякий раз ты становишься другим: отрешённым, делающим всё непроизвольно, зато точно так, как надо, и без лишней суеты. И никогда не обращаешь внимания на подобное состояние, воспринимая его как должное.

А однажды вдруг открываешь: сколько в тебе существует простого звериного знания, проявляющегося только здесь, в лесу. Оно, это, несомненно, врождённое умение вести себя в привычной и, между тем, давно забытой за предыдущие жизни природной обстановке, тотчас просыпается, как только ты в ней оказываешься. Как будто именно для этого тебе предназначено жить, и лишь в лесу твоя душа обретает недостижимый среди людей покой.

X X X

А так ли высоко на самом деле небо?! Оно соприкасается с землёй везде, где жив человек…

Совсем необязательно дотрагиваться до него вздёрнутыми ладонями: небо всегда лежит на плечах человека, незаметно перетекая в его душу.

X X X

Обаяние увиденной тобой лесной жизни обычно возникает благодаря какой-нибудь мелочи. Может, это будет кучка наваленных дятлом сосновых шишек, нанизанная на сучок сорокопутом крохотная синица, утерянное тетеркой, ещё тёплое перо или изгрызенный белками лосиный рог… Что угодно может подвернуться тебе в лесу, но всегда оно как-то тихо поражает, и ты идёшь не спеша, и с удовольствием размышляешь о своей замечательной находке. Радуешься незаметно, сам с собой разговариваешь, а то и рассмеёшься: счастливее тебя сейчас, кажется, никого не отыскать.

Поначалу – это просто подсмотренная у леса тайна. От обладания ею на душе действительно становится радостно. Затем неожиданно рождается мысль, что постепенно складывается в удивительно простую и замечательную фразу. Тебе уже хочется написать рассказ, и ты мучительно подыскиваешь к неожиданно возникшей фразе или мысли сюжет, чтобы он был краток и наполнен поэзией леса.

Лихорадочно подбираешь название своему ещё не обрётшему форму рассказу, а мимо неслышно проскальзывают удивительные лесные картинки, будоража твоё воображение. Но название никак не приходит, что, впрочем, не расстраивает. Просто ты по-хорошему уже заболел всем, что тебя захватило в лесу, и лечиться никакого желания не испытываешь.

X X X

В весеннем лесу никогда не бывает тихо, даже ненастной ночью. Ещё до пробуждения глухаря, под монотонный холодный дождь, вдруг сипло запоёт встрепенувшийся дрозд, и не умолкает уже до самого рассвета. Часа в три лениво протянет над самой твоей макушкой невидимый вальдшнеп и, утробно огласив лес своим недовольным «хор-р-хор-р, цвиг-г-цвиг-г», свалится в молодые ёлочки, у самой опушки.

Промозглый туман медленно ползёт из глухой чащи на поляну, а глухарь беспокойно гомозится на суку, осторожно пробует насыщенный влагой воздух своей древней гортанью, и никак не может уразуметь: петь ему или не петь? Его переживания подхватывает серое утро, что, кажется, тоже досадует на непогоду, и льёт на еле различимую поляну свой белёсый промозглый свет…

X X X

Сколько раз находил я в лесу старые лосиные солонцы с обветшалыми корытами, выдолбленными когда-то из мощных осин, куда уже давно никто ничего не подкладывал. Солонцы эти устраивались обычно в ложках у ручьёв – местах достаточно сырых и долго удерживающих запахи, и потому следы зверей хорошо отпечатывались во влажном грунте, а подсохнув, надолго сохранялись.

Запах же, особенно в летнее время, стоял и слышался в воздухе за сто шагов. Лоси, как ни странно, продолжали из года в год посещать заброшенные солонцы, опять устраивая там лёжки, где иногда оставались на отдых, и словно чего-то терпеливо ожидали… Велика привязанность зверей к человеку, которых он однажды приманил лакомой солью, но безответственно позабыл об этом и оставил.

X X X

Бог для меня – истина, которая постоянно укрепляется благодаря духовному опыту, приобретаемому в совершаемых делах. По ним-то и видно сознание каждого. Дела могут касаться чего угодно: и литературы, и взаимоотношений с людьми, и обыденной жизни.

Например, однажды у меня выкопали яблони, а я взял и, несмотря ни на что, посадил другие. Или, случилось дело, сломал я как-то при весенней посадке хрупкий саженец груши, но не выкинул его, а осторожно перевязал, посадил и поливал сухую веточку два с лишним месяца, пока она не выпустила листочки…

Решаясь в своей душе на определённые усилия, мы непременно обретаем знания, с ними к нам приходят необходимый, пережитый нами опыт и вера в божественное начало. В конечном итоге, осознание того, чем

мы обладаем с рождения, но никак не можем воспользоваться для достижения подлинной жизненной мудрости.

X X X

Всем известен клён – дерево, хотя и не лесное, но не менее интересное благодаря разлапистым листьям, напоминающим ладони. На первый взгляд, действительно, кажется, будто он всё время куда-то пытается дотянуться и что-то удержать. А может быть, так дерево охорашивается?

Но если посмотреть внимательнее, то листья его не воспринимаются как лапы, и это неожиданное открытие приводит к видению в нём иной сути: клён, скорее всего, остаётся неравнодушным к тому, что его окружает, и просто всех дружелюбно приветствует. Дерево способно на такое.

Оставаясь в домах людей неугасимым отголоском уходящей осени, он своими листьями-опахалами ласково урезонивает наше разыгравшееся за лето воображение, а утихомирив его – неожиданно обескураживает незавершившейся в себе доброй жизнью.

X X X

Удивительно наблюдательный и сметливый русский крестьянин, не пропуская мимо ни единой мелочи, и в суевериях своих оставался обаятелен, ярок. Так, в неумелом полёте коростеля с несуразно вытянутой шеей и коротким хвостом, он готов был разглядеть способность птицы пешком совершать далёкие путешествия: осенью – на юг, а весной – на север, хотя виною тому служили её ночные перелёты, которых видеть никто не мог.

За то, что мёртвые клесты долго не разлагаются, простой человек считал птиц святыми, и это народное поверье подтверждал их крестообразно устроенный клюв, которым они, якобы, вытаскивали гвозди из креста с распятым на нём Христом. Тогда как на деле клесты просто всю жизнь питаются смолистыми семенами сосны и ели, и тельца их оказываются сильно забальзамированными, а перекрещивающимися половинками клюва птицам удобнее управляться с замёрзшими шишками.

По убеждению мужика, даже обычный удод признавался не иначе, как зловещей птицей, предсказывающей человеку смерть. Но всё, опять же, по причине того, что птицы эти исконно живут в глухих лесных местах, нередко облюбовывая старые, заброшенные кладбища с покосившимися крестами, да помимо всего, именно благодаря стараниям того же находчивого крестьянина, ещё издают голосом звуки, напоминающие недобрые слова: «Худо тут! Худо тут! Худо тут!»

X X X

Свежо в весеннем распустившемся лесу, густ и покоен ароматный воздух, и вдруг закружится в нём иссохший прошлогодний листочек… Падает медленно, долго, и так тебя это тронет, что позабудешь и про весну, и про богатую вальдшнепиную тягу накануне, и про то, как горят раздавленной клюквой брови у старых петухов-чернышей, чья страстная песня всё утро разносится над подёрнутой душистым парком речной долиной, и не смолкает.

А всего лишь - сморщенный листочек, трепетное напоминание о том, что давно отжило, но … не умерло.

X X X

К середине апреля лес, наконец-то, пробуждается и оторопело смотрит вокруг зеленовато-мутными глазами. Множество запахов кружат в нём голову, первые цветы решительно раздвигают подстилку из слежавшегося прошлогоднего листа, а берёзы наливаются соком, так что из каждой надломленной ветки летит на оживающую землю сладкая капель.

Набухают почки, густо течёт по стволам елей чистая смола, сдвинувшийся неведомо куда воздух так чист и прозрачен, что слезятся глаза. Тронулась, вроде бы, весна, пошла-поехала по потаённым лесным буеракам, но самый час преображения в природе подступает неуловимо: вчера, ввечеру, лес стоял ещё совсем голый, буровато-серый, а под утро уже весь окутался нежной зелёной дымкой.

X X X

Сколько бы ты ни мечтал унестись в звёздное небо зимой или весной, помочь в этом способен лишь ночной ноябрьский ветер… Удивительно, но только с ним почему-то можно ухватить часть звёздной жизни, быть там, сколько захочешь и, пока все спят, беспрепятственно вернуться на землю.

X X X

В отличие от хозяйственных домовитых пчёл, всё лето усердно переносящих пыльцу и нектар в ульи, шмель не имеет своего дома и, нагулявшись в своё удовольствие за нескончаемо летний день, лениво засыпает, под вечер, где придётся: внутри лилового колокольчика или в закрывшемся бутоне ароматного шиповника.

X X X

Приходит весной такой день, когда всякому живому существу в лесу хочется показать себя с самой выгодной стороны, и оно так забывается в этом неудержимом стремлении, что на время теряет свою природную суть.

Зайцы, например, утрачивают всякую осторожность и совершенно одуревают, открыто выбегая на поляны. Силой и прыткостью хвалясь перед возлюбленной, они носятся, как ошалелые, и вся эта беготня сопровождается истошным верещанием. В порыве страсти заяц совсем теряет осмотрительность, и даже может в своей суете угодить человеку прямо под ноги, изрядно его напугав.

Возбуждая себя подобным образом к любовным достижениям, заяц порой доходит до такого состояния, что уже ничего, кажется, не боится, а вернее – не замечает. И вот, бывало, если окажешься в этот момент с ним рядом, да изо всех сил свистнешь ему, чуть ли не в ухо, то зверёк сначала оторопеет, затем с него слетит вся весенняя бравада, и мигом сделается он опять робким заюшкой-горностаюшкой, обретя тем самым своё истинное лицо.

X X X

Удивительно мне теперь вспоминать, что в детском возрасте я прекрасно чувствовал и понимал природу, хотя и не мог ещё этого объяснить. А вот отец, который рано начал брать меня в лес и не зря слыл в своём кругу отменным стрелком, сам, не без оснований, считавший себя заправским охотником, её так тонко не воспринимал.

Мало того, он был очень удивлён, даже поражён, когда десятилетним мальчишкой я вывел его, заплутавшего вместе со мной, из чащи, да ещё, в подтверждение своей правоты, указал ему на глухариные наброды, которые мы миновали несколько часов назад, оставив рядом и свои следы. И это в совершенно незнакомом лесу, вообще, оказавшись в нём в первый раз!

Как будто вышло так, что лес зачем-то, ещё давно-давно, забрал меня в свои недра - и так и не выпустил, а я жил в нём в разных образах, узнавал всё больше и больше, и постепенно приближался к тому, что я сейчас из себя представляю. Куда-то приведёт меня эта таинственная лесная душа!

X X X

Только радуга в земном мире не имеет оборотной стороны, она не отбрасывает даже тени, но, находя прелестные отзвуки лишь в наших душах, не перестаёт радовать именно тогда, когда мы менее всего ожидаем её чудесного появления.

X X X

Вот и ушло лето… До чего же хорошо было в нём! Как-то неторопливо, но скоро пронесло оно перед нами своё прекрасное тело, и душа тонко прочувствовала все его ароматы, цветы и песнопения, и запомнила их. И, конечно, восхитилась роскошному жару, проникновенному свету нескончаемых дней, томительному ароматному духу, тихо пробирающемуся каждую ночь через окно прямо к тебе в постель… А как прекрасно было в саду поутру!

Жизнь же людей за всё это время воспринималась несравненно упрощённее, скучнее, почти условно, как некое достаточно обременительное и вынужденное действие, без которого, к сожалению, не обойтись.

С великой радостью и печалью несу я в душе ушедшее лето, думаю счастливо обо всём приключившемся в нём, с благодарностью принимаю в сердце его ласковое засыпание, и сам, незаметно, становлюсь покойнее, чище.

X X X

Майский свет уже не назовёшь ярким, как мартовский или апрельский, которые ослепляют, свет этот не такой проникновенный, и он уже не врывается в твоё восприятие, зато, благодаря ему душа начинает всё видеть, становясь огромной.

X X X

Вся печаль и мудрость мира заключена в том, что самое крохотное животное подвергается угрозе быть истребленным, но, тем не менее, пытается уцелеть, любыми путями защищая своё появление на свет.

X X X

Потаённая нежность маленькой лесной гвоздики сродни прикосновению девичьих губ или взмаху ресниц, в мгновение вспорхнувших и вернувшихся к своему покою. Цветы так же неожиданно вспыхивают в траве, обдавая своей восхитительной невинностью.

У неё, конечно, есть свой запах, вернее, еле уловимый аромат, и он, наверное, становится присущ молодым девушкам, когда они, сидя в траве, составляют для себя из этих цветов маленькие букеты.

X X X

Человек стареет не столько от возраста и несчастий, ощущения собственной никчёмности и осознания невозможности никогда больше не стать молодым, сколько от нежелания принимать жизнь такой, какая она есть, и идти, несмотря ни на что, дальше, оставаясь сильным в жизненных

бурях. Как это выходит у деревьев, что переживают лишь подлинную радость и цельность от взаимодействия с окружающей средой, живут дольше человека, и даже когда оказываются покалеченными - не прекращают роста.

X X X

Страсть к лесу пробудилась во мне ещё в раннем детстве, когда отец принёс домой огненную лису, тяжело покоящуюся у него на плече. Мать поцеловала отца, перегнувшись через подоконник, а я никак не мог отвести глаз от пушистого хвоста лисы, свисающего до самой земли, и её хитрой вытянутой морды. Казалось, будто лиса только прикинулась мёртвой, вот-вот встрепенётся и ускользнёт с нашего двора.

X X X

Вот и распустилась сирень, и сразу стало ясно, что дух весны уже улетел куда-то далеко-далеко, совсем растворился, а лето ещё не наступило, хотя повсюду разрастаются травы и появляются всё новые цветы. И тебе вдруг отчего-то становится так грустно, что хочется превратиться в маленькую бледно-голубую фиалку и, как весна, затеряться под каким-нибудь низеньким кустиком.

X X X

Даже когда листья опадают, они не находят себе покоя: кружатся, вихрятся, подымаются до самых верхушек деревьев и опять укладываются на холодную землю, а то опрометью мчатся над опушкой, беспомощно застревая в густых еловых ветвях, и всё рвутся и рвутся куда-то, не успокаиваясь… Куда-то им ещё, должно быть, надо долететь, чего-то успеть, и ты никак не можешь постигнуть: в каком листе больше жизни – в растущем или в оторвавшемся, уже совершенно от всего свободном?

X X X

Солнце июньским вечером нехотя опускается за горизонт золотой красногрудой птицей, толкается в малиновых облаках, будто влюблённое рыжее сердце, и всё машет своими огненными крылышками, машет, даже на короткое время не желая оставлять только было очнувшегося от весны и вновь позабывшего себя в летней роскоши человека… В преддверии скорого солнцестояния ему совсем не хочется поворачивать на зиму, что кажется сейчас такой недостижимой!

X X X

Милые пушистые белки, лишь изредка доводящие себя до озорства, в апреле просто преображаются, когда затевают брачные схватки. Их гибкие тельца неумолимо сталкиваются, хвосты переплетаются, встревожено летят по воздуху клочья шерсти…

Взметаясь упругими комочками к самым вершинам высоких елей, белки тотчас скатываются вниз, на снег, ошалело бегают между корней деревьев, и возбуждённо цокают. А потом - короткая возня, жалобный писк, и вновь, стремглав, наверх, где победителя уже встречает другой разъярённый соперник.

Белки так забываются в этой схватке, что ничего не замечают. Маленькие бусинки глаз грозно горят, тельце то и дело вздрагивает, а хвост бессильно бьёт по веткам, так что вниз сыплется мелкая шелуха.

Где уж тут, кажется, до самки, что сидит тихонечко на нижнем суку, почти у самой земли, и даже не решается принять какую-либо сторону. Бесшумно переживает она бой самцов, лишь изредка издавая протяжный ласковый звук, как будто призывая их прекратить всякие распри и, наконец, обратить на неё внимание.

X X X

Обычные полевые васильки так трогательны и чутки, что легко переливаются в глаза женщины, наполняя их небесной чистотой, когда она, бросившись в траву и широко раскинув руки, готова обнять все цветы.

Подставив лицо солнцу, женщина поначалу даже не заметит, что медленно впитывает их аромат, и пронзительная приподнятость цветов входит в неё благословенным теплом, проявляясь в глазах синевой. Она, скорее, причислит это счастье только небу, и будет невольно теребить махровые лепестки василька в руке, чему-то улыбаясь…

Цветок тогда сразу отдаст всего себя, и женщина, наконец, почувствует это, поднесёт его к губам и поцелует.

X X X

Тончайший дивный цвет и прохладу нежных листьев изливает в лесу божественная фиалка… Небесным провидением, наверное, уготован фиалке чарующий свет, что обронила однажды на землю природа.

Фиалка – символ неизбывности девичьих страстных сил, терпеливо копящихся в ней и выплеснутых весною. В имени её – великая нежность, изысканность и ароматный пыл. Фиалка – девушка, слегка вкусившая любовного напитка: с невинностью уже простилась, а броситься опрометью в водоворот любви – сладостная жуть!

Удивительные предания витают над ней, любовные видения, муки – как всё это превозмочь молодому, жаждущему любви сердцу? Терпения

набраться? Или священными запретами всё же пренебречь? Недаром фиалку нарекают кроткой и застенчивой, скорее скромной, чем роковой.

Божественный цветок свят и в изъяснении своих чувств. Лишь изредка позволит себе сладкую игру, которую никто и не заметит. И так все пленены нежным ароматом, который фиалка никогда не теряет.

Заложенная когда-то мужчиной между страницами книги, давно высохшая, фиалка не перестаёт изливать горячий и пряный запах своей сохранённой юности. За вереницей бесконечно сладостных утех её первый и последний любовник, тот, кто её сорвал, уже забыл подаренную ему фиалкой прелесть восприятий, а она всё надеется, ждёт и, как и прежде, во мраке ли ночи или чутком утреннем пробуждении, своим ароматом погружает мужскую душу в благоговейную сосредоточенность, окрыляя. Тем и живёт.

Полюбить фиалку легко, завоевать же её любовь не просто. Будь ты хоть гиацинтом, маком или тюльпаном! Фиалка выбирает своего возлюбленного сама.

Им может стать и не цветок, а просто ветер, разбрасывающий семена цветов. Как Гёте, что не выходил из дому, не насыпав их в карман. Шёл и сеял семена вдоль дорожек в окрестностях Веймара, где тогда жил. Фиалка бы, наверное, влюбилась именно в него – божественно-задумчивого, милого и неземного.

И всё же более всего фиалки благосклонны, вероятно, к женщинам. Для них покачивают цветы поутру головками, им распускают свои хрупкие лепестки. Без женщин, кажется, фиалки скоро бы увяли, и они ласково глядятся в их глаза, тянутся к ним и в восхищении трепещут, а женщины не в силах им чем-либо ответить.

X X X

Иной раз какая-нибудь птаха поёт на вершине высокой ели, а песня её не достигает земли… Видно только, как раскрывается клювик и распушаются перышки на горле, но ты почему-то не уходишь, терпеливо вслушиваешься, пытаясь разобрать тоненькие птичьи трели, и, всё же, ничего не слышишь.

Ухо улавливает лишь общий весенний рокот, то ускользающий, то нарастающий, в который, ты вдруг понимаешь, внесла свои мелодичные нотки и эта маленькая птичка… Гул от перекатывающихся весенних звуков опускается до земли, возносится над ней, и ты невольно улетаешь вместе с ним, пытаясь тоже привнести в него хотя бы стук своего растревоженного сердца.

X X X

Чтобы увидеть зверя или редкую птицу, лучше всего ходить по лесу одному, терпеливо вслушиваясь и всматриваясь в окружающую чащу. Если

ничего не помешает, какое-либо животное обязательно объявит себя, и тогда нужно, замерев, слиться с лесом.

Очень возможно, что зверь даже не почувствует твоего присутствия, приблизится почти вплотную и, может быть, не заметив, пройдёт совсем рядом. Полный радостного открытия, ты будешь стоять, охваченный волнением, с трудом сдерживая свой охотничий пыл.

Так, однажды, отрешённой походкою проследовал мимо меня сильный лось, у которого я разглядел цвет глаз и длинные ресницы, а один сохатый, не обращая никакого внимания на моё близкое соседство, спокойно обдирал молодые веточки осины, изредка всхрапывал, как лошадь, и шумно шевелил толстыми губами…

Разве можно назвать такую охоту бесплодной, когда после всего увиденного возвращаешься осенним вечером в натопленный дом, и по-особому приятно воспринимаешь его тепло и уют!

X X X

Ландыш - один из немногих цветов, чей аромат, кажется, никогда не забывается. Неназойливый, лёгкий и в то же время устойчивый, он уже не прерывается в тебе, если ты его однажды изведал. Аромат ландыша что-то вещает и неотступно манит, но встреча с ним всегда неожиданна, и происходит только тогда, когда ты совершил над собой усилие.

Жил ты напряжённо, не замечая даже весны, и вдруг захотелось тебе остановиться и ощутить тайну. Не подозревая, что она может находиться совсем рядом, отправился ты однажды в распускающийся лес, приподнял нижнюю еловую ветку и онемел: словно лёгкий небесный призрак в тихом блаженстве воскрес перед тобой.

От него пахнуло ароматной прохладой, вмиг опьянило невидимым вином. Благоухающая воздушная струя ударила в голову и закружила, как музыка, что сначала стесняет дыхание, а затем вынуждает лететь, питая неуёмное сердце огнём неистраченной природной любви.

Счастье тотчас охватывает тебя при виде этого скромного цветка. Не зря его свернувшиеся листья напоминают уши лани, а в трогательном имени слышится её девичья пора – ланка, и ты почему-то не решишься завладеть цветком: ландыш предпочитает укромное одиночество. Лишь неунывающая незабудка в соседстве с ним не вянет, а чувствует себя даже лучше и дольше живёт.

X X X

Насытившись солнечным раздольем и красками июня, только в конце месяца вдруг, к своему удивлению, обнаружишь, что сердце лета хранится в каком-нибудь тенистом уголке сада, где когда-то весной пощёлкивали соловьи, а теперь глухое затишье и тайна.

X X X

Добившись совершенства в созидании растительного и животного царства, Творец, однажды удовлетворившись содеянным, вознамерился создать бессмертную душу, которая бы в разных воплощениях не уставала расти от жизни к жизни, стремясь достичь божественного состояния. Творцу, наверное, страшно интересно, что из этого получится, и у него для этого давно заготовлено неиссякаемое терпение.

Давайте не будем его разочаровывать, потому как нет в жизни ничего более достойного, чем дело созидания, и оно так увлекательно!

X X X

Шоколадного цвета бабочки-траурницы обычно ни за что к себе не подпускают, а под осень успокаиваются, и их можно брать руками – не улетают. Но вот летом, когда отправляешься в лес за грибами, они кажутся совершенно неутомимыми, летают быстро и высоко, подымаясь даже к верхушкам деревьев, и поймать их почти невозможно.

Отдыхая однажды после удачной грибной охоты, я с наслаждением снял отсыревшие сапоги, поставил их перед собой и стал наблюдать за тремя траурницами, что без устали кружились в воздушном танце над поляной. Бабочки скоро почувствовали привлекающую их соль, и начали смело присаживаться на голенища сапог.

Как только какая-нибудь из них исчезала внутри, я тотчас набрасывал на сапог портянку, и бабочка оказывалась моей пленницей. Отпуская одну, я таким же нехитрым способом ловил следующую, но бабочки, не боясь тёмного плена, всё возвращались и возвращались.

X X X

Если всю жизнь ходить в лес, то постепенно в тебе скапливаются невидимые силы, как в дереве, которое расцветает весной, в довольстве и неге проживает лето, а под осень, умудрённое опытом жизни, роняет отшумевшие листья, и листопад этот бесконечен.

Листья летят, подставляя бока осеннему солнцу, и оно высвечивает их разноцветную суть: рыжую, оранжевую, фиолетово-пурпурную, жёлтую – всех оттенков не перечесть. Каждый лист своеобразен, и если ты внимателен и неравнодушен, он навсегда останется в памяти во всей своей красе. Надо не пропустить в жизни этот листопад, которым не перестаёт одаривать нас природа, лететь вместе с ним, отгадывать его для себя и других, и никогда не увядать в чувствах.

Вот и мои мысли о лесе, подобно листьям, рождаются, зреют и отлетают, готовые к восприятию их другими людьми. Но, оторвавшись, они

не уносятся безвозвратно в небытие, а становятся достоянием тех, кто больше других желает увидеть, услышать и почувствовать. Именно им – неравнодушным, любознательным и терпеливым адресуются эти строки. Хочется верить, что тот, кто их прочтёт, научится у деревьев, зверей и птиц тому, что долгое время было от него сокрыто.

Когда мысленно восполняешь в памяти все эти, казалось бы, обыкновенные лесные мелочи, мысли-листочки, то постепенно понимаешь, что именно через них входишь в желанный мир, где твоё маленькое «я» заполняется большой неведомой душой леса. Я храню множество таких мелочей и очень хочу, чтобы они стали частицей души всех читателей. Ведь в мире правды нет ничего чужого, и при внимательном рассмотрении всё почёрпнутое в лесу может стать общим, если кто-то пожелает сделать его своим.

Лес – кладовая жизненных сил, и листья-мысли не умирают: заботливый ветер уносит их к человеку. Кажется, что если листик оторвался от родимого дерева, то с ним надо распрощаться, он погиб, на самом деле - он только начинает жить. Всякий листочек, если его вовремя увидеть и подобрать, не пропадёт и станет маленьким открытием.

Листья-мысли созревают, падают, а ты собираешь их, и так постепенно слагается урожай знаний. Сердце твоё, как и весной, наполняется радостью, и радость эта рождает близость всего живого с человеческим миром, призванным реализовать своё истинное «я» в соединении с лесом. Осенний листопад в нём – это плод долгих размышлений, дождь мыслей, предназначенный сыпать для людей неустанно, чтобы они, не переставая, вглядывались в вечность и поверили, наконец, во всемогущего Бога.

Осенний листопад – это ещё и дождь чувств. Зарождаясь зимою, они копятся весну и лето, вспыхивают, угасают, и вновь, с новой силой, возгораются под осень, даря человеку надежду. Жизненный листопад – это и встреча, и прощание с дорогими сердцу воспоминаниями, своего рода окончательное освобождение от накопившихся мыслей и чувств, порождённых общением с удивительным миром русского леса, с его чудесным обаянием.

X X X

Иногда представляется, будто природа допускает огрехи, трудно соизмеримые с широко распространившимся мнением о её гармоничности. Многие животные, питающиеся в основном растительными кормами, вынуждены испытывать потребность в соли, без неё состав крови у них становится неестественным, то есть – нарушается, у них заметно ухудшается пищеварение, и соль они в лесу, чаще всего, не находят.

Так, лоси и зайцы с удовольствием приходят на подготовленные человеком солонцы. Столь предупредительная природа почему-то не позаботилась о нормальной жизнедеятельности растительноядных зверей, и

они вынуждены сами отыскивать способы утоления соляного голода. Зато полностью удовлетворила в этом ценном продукте хищников, поглощающих соль из мяса и крови своей добычи, тогда как растительноядным, соответственно, стоит немалого труда накопить её в себе.

Но, может быть, всё-таки это только кажущаяся недоделка в природе, объясняющаяся очень просто. В отличие от хищников, обречённых на вечный поиск пищи, растительноядные животные, при обилии корма, оказываются более свободными от него, и именно поэтому природа предопределила им хотя бы немного двигаться. Человек же однажды подглядел звериную мороку и решил им помочь.

X X X

Ольху, способную заполонить собой всё свободное пространство, не зря прозвали в народе «вражье племя». Склонное к безудержному напору дерево неутомимо надвигается своим серовато-сизым полком на всё живое и душит без разбору, не замечая при этом ничего вокруг. Удача, говорят, нахрап любит.

Но мало кого из-за этого привлекает ольха, и поэтому её неприглядная и неприхотливая жизнь, которую часто называют «запущенной», протекает скрытно, невыразительно.

Правда, есть в ольхе нечто такое, без чего невозможно представить всё живое: это - её непоколебимое стремление к свободе, когда ольха покрывает собой большие пространства. Но присмотревшись внимательнее, вдруг отличишь в ней нескрываемое намерение действовать по-своему, безо всякого стеснения, отчего вскоре приходит на ум, что не стремление к свободе одолевает ольху, а необузданное желание теснить всех отовсюду.

Только тот по-настоящему свободен в природе, кто не подчиняет других своим страстям!

X X X

Огонь в весеннем костре гудит, как в печи с хорошей тягой, и когда я смотрю на небо, то вижу искры, летящие, словно из трубы, вверх, они смешиваются там со звёздами. Не разберёшь: где на мгновение вспыхнувшие искры, а где – вечный свет далёких миров.

Жгучие морозы грызут лес изнутри, в еловых ветвях повисли клочья промозглого тумана, предутренняя тьма незаметно прокрадывается в озябшую душу, но костёр неизменно потрескивает в ночи, хранит алое тепло и добрую печаль, не даёт затухнуть твоему интересу к загадочной лесной чаще. Постепенно кровь опять начинает бодро струиться по жилам, сердце ударяет в такт неизвестным силам, что поддерживают в ночи живой огонь, и хочется лететь, окутанным его пламенем, к не умирающему звёздному свету, и не угасать душой.

X X X

Порой звери объявляют себя совершенно открыто, вроде бы, даже не замечая человека. Так, однажды, выскочил мне навстречу заяц, когда я переходил огромную поляну. Заяц, конечно, видел меня, но почему-то не свернул, и мчался во всю прыть прямо мне под ноги.

Остановившись, я стал наблюдать, чем всё это закончится. Заяц тоже замер, чуть приподнявшись на задних лапах. Когда я шевельнулся, зверёк как-то играючи ударил передними лапами о землю, распрямился и припустил наворачивать кругами по поляне, словно бы и не замечая моего присутствия.

Так он бегал минут пять, даже не пытаясь дать тягу в лес, время от времени приостанавливался и, в возбуждении подпрыгнув, вновь принимался без устали носиться, а я никак не мог постигнуть: что вынуждает зайца вести себя совершенно свободно, и почему он меня не боится? Боязно, наверное, любое дело, если к нему не приступиться!

X X X

Давно уже заметил, что по большей части мне приходится выхаживать лесные секреты, затрачивая при этом значительные физические усилия. Что-то я ищу в лесу и надеюсь в нём однажды увидеть, ведь не просто так часами брожу я по его неведомым тропинкам.

После тридцати пройденных за день километров ноги нестерпимо тяжелеют, под лопатками неприятным холодком не перестаёт бередить тягучая боль, на душе становится как-то неопрятно и пусто. Всё, что ты видел и слышал, кажется тебе уже незначительным, ты не можешь понять, какие силы гнали тебя в дальнюю дорогу, что именно заставляло тело напрягаться, словом, вразумительных для себя объяснений ты не находишь.

Так обычно думал я, возвращаясь из лесу разбитым, и не верил, что под вечер, подле жарко мятущегося в печке огня, мне вдруг сможет опять открыться нечто удивительное… Но со временем заполнившие тебя пустота и усталость постепенно отстаиваются, и ты обнаруживаешь в прожитом дне достаточно непознанного, вместившего, оказывается, столько впечатлений, что их, пожалуй бы, хватило не на одну лесную прогулку.

В расслабляющем тело и мысли домашнем тепле, возле жаркой печки, начинаешь понимать, как нелегко бывает достигнуть раскрытия лесных тайн, и что цена каждого, даже самого маленького секрета неизмеримо высока. Порой она вынашивается и выхаживается долгие годы, а многие загадки так и остаются неразгаданными.

X X X

Довольно-таки мирный зверь барсук на деле оказывается злобным, когда ожесточённо сцепляется с собаками, и невероятно хитрым, если человек застанет зверя в невыгодном для него положении: барсук с поразительным терпением и выдержкой прикидывается … мёртвым. Бывали случаи, когда зверь никак не выказывал своего отчаянного положения даже в рюкзаке охотника, «оживая» у самого дома, когда ему уже не уделяли никакого внимания. Барсук исчезал из-под самого носа, а человек и помыслить не мог, что зверь был жив и обвёл его вокруг пальца.

X X X

Страдает ли уставший от жизни волк, когда его отринула полная сил молодая волчица? На что волк решается в этой, казалось бы, потерянной для него жизни, если волчица находит более привлекательного и сильного самца?

Обезумев от горя, он, наверное, уходит далеко-далеко, в самые потаённые буераки. Идёт, сбивая лапы, спотыкается и постепенно обретает в этой беспросветной чаще нежданную свободу, в которой его уже никто и никогда не сможет предать…

X X X

Весеннее солнце всегда будто подсмеивается над тобой, играет в вымытом апрельскими дождями небе, брызжет разноцветными лучами, и ты сам становишься, как игривый ручей, что звонко переливается вдоль раскисшего большака, по которому ты бредёшь, еле передвигая отяжелевшие от налипшей грязи ноги.

Именно весной, в самую распутицу, охватывает неудержимое желание странствовать, когда солнце весёлыми кругами расплывается в небесной синеве, и невозможно удержаться от улыбки, то и дело, взглядывая на него и от удовольствия щурясь.

X X X

Всегда памятна и очень радостна обычная деревенская картинка: зимний морозный день, крыши домов укрыты богатыми снежными шапками, над которыми лисьими хвостами тянутся в небо сизые дымки, скрипит под валенками смёрзшаяся узенькая тропка, ведущая к колодцу, а вода в ведре не колышется - стоит стылая, тягучая и такая чистая, что от одного вида её начинает приятно ломить в затылке… Переминаясь с ноги на ногу, долго смотришь в эту прозрачно-выпуклую, переливающуюся на солнце чистоту, и думаешь про себя о простом и хорошем.

X X X

К началу октября погода в наших местах обычно выдаётся тихая, сухая. В лесу всё в постоянной суете: двигается, перелетает, скачет и бегает. Готовятся к зиме белки. Занятные зверьки ведут себя шустро, и выглядят несколько беззаботными.

В такую пору рябчики летят на манок плохо, нужно осторожно подкрадываться к ним, пристально разглядывая в ветвях. Кругленький рябчик на оголённых деревьях бывает скоро замечен, и остаётся только рассмотреть его в образовавшееся на несколько секунд окошко. Многое тут зависит от выдержки, терпения и успокоенной слитности с окружающим лесным царством, покидать которое никогда не хочется.

Подбитый рябчик летит вниз быстро, воздушно тукается в мох и, перевернувшись пухлым животиком кверху, затихает. Подходя к предполагаемому месту падения, в волнении ищешь птицу глазами, и обнаруживаешь у самых ног. Полюбовавшись красной бровью и бравым хохолком рябчика, а также ощутив в руках приятную тяжесть тушки, в глубине души понимаешь, что самое прекрасное – его потаённая лесная жизнь, уже больше не повторится.

Интереснее наблюдать, как озабоченно расхаживает петушок по ветке, аккуратно склёвывая перезревшие ягодки рябины, а жизнь его остаётся нетронутой. Но неимоверно трудно удержаться от соблазна овладения этой красотой. Требуется немалое время, чтобы отказаться от него, и ещё большее, пока научишься любоваться красивой статью лесной птицы, не присваивая себе право распоряжаться её прекрасной жизнью.

X X X

Ночью я проснулся от чего-то непонятного, что незаметно вошло в меня во время сна. Открыв глаза, долго лежал, вслушиваясь в распростёртую над землёю ночь. Потом до меня дошло, что вошедшее было тишиной, в которой слышались вкрадчивые шорохи чьих-то шагов, еле уловимое шуршание ветвей и непрерывный блеск звёзд.

Я ещё подумал, что именно так, незаметно, наверное, и рождается гармония. И тогда я вновь уснул, теперь до самого утра.

Во сне к моему затухающему костру приходил зверь, постоял возле него, и удалился неслышно, а я даже не открыл глаза: так мне было хорошо и покойно. Уже проваливаясь в какие-то неведомые глубины, подумал, что это была рысь, но такая догадка почему-то нисколько не растревожила. Она только слегка коснулась моего засыпающего сознания, так что я почувствовал её тёплое дуновение, и тотчас отлетела ночной потаённой птицей. Шорох её крыльев поглотила темнота…

А потом наступило утро.

X X X

Чем пахнет лесная дорога?

Она пахнет раздольем незабываемых мужских устремлений, замечательным одиночеством, наполненным гармонией с окружающим тебя миром, и ещё – еле уловимой звёздной пылью, на мгновение охватывающей тебя морозной весенней ночью, когда хочется жить от счастья сопричастности со всей Вселенной.

Лесная дорога напоминает тебе позабытый с детства вкус радости, которую ещё может принести, наверное, только женщина, что однажды принесла в твоё сердце любовь.

Дорога – сама женщина, безоглядно увлекающая и повергающая тебя в прекрасную безызвестность, а потом - возвращающая к самому себе. Запах дороги и леса всегда с тобой, если ты им никогда не изменял, как не изменял заключённому в твоём сердце божественному сознанию, и той самой женщине, которую ждал всю жизнь.

X X X

Даже в самый тихий, безветренный летний день листья осины дрожат. Долго эта загадка оставалась для меня неразрешимой, пока я не обнаружил, что виной тому – длинный и сильно сплюснутый с боков черешок листа, вращающийся из стороны в сторону при малейшем дуновении ветра.

Но найденное объяснение не обрадовало, а скорее обескуражило досадной незамысловатостью. Втайне почему-то верилось, что необыкновенное дерево не раскрыло до конца всех своих секретов, и только снисходительно подрагивает приветливыми листьями, словно осеняя твоё не угасающее стремление к правде.

X X X

Поначалу кажется, будто слуховое пространство зимой сжимается. Оно становится густым, вязким, человек словно и вовсе перестаёт слышать. Как глухой, когда вместо слухового органа он воспринимает совершаемые рядом сотрясения всем телом. Усвоение музыкальности, проистекающей в окружающей природе, вроде как, пропадает, и согласие всех существующих в ней звуков тоже нарушается.

Но стоит вороне морозным утром гаркнуть во всё своё воронье горло – вмиг лопается слуховая перепонка, и на тебя будто обрушивается звон из-под повизгивающих полозьев салазок, поскрипывающих валенок прохожего, переливающейся на солнце хрустальной воды у колодца, весёлого треска льда на реке, и особенно хорошо звучит в напрягшемся от удовольствия воздухе соседская пила, взявшаяся с самого утра перепиливать пузатые берёзовые чурбаки… А как поют в остановившемся, будто замершем от мороза воздухе обыкновенные дровни!

Нет, гудит зимнее пространство невообразимой гаммой самых расчудесных звукосочетаний, отчего и тебе самому, как и вороне, захочется гаркнуть на весь белый свет: «И душа видит, и сердце слышит студёною зимой, какая радость!»

Х Х Х

Редко кто видит махонького крапивника, чья мелодичная песенка, то и дело, доносится из густого кустарника у изгороди. Только на миг прошмыгнёт он рыжевато-бурым мышонком среди ветвей, у самой земли, и опять его не видать. Нужно немало терпения, чтобы хорошо разглядеть крохотного певца.

Но при всей своей осторожности и скрытности крапивнику не занимать совершенно бесшабашной повадки, когда он низко склоняет головку, а рыжеватый хвостик залихватски топорщится кверху, - вот-вот, кажется, перевернётся и упадёт. По этой позе его можно безошибочно отличить от других птиц, если, конечно, удалось подкараулить бравого удальца, которому по удали и его имя: не всякая птица способна в крапиву садиться, а только этот маленький молодец, и потому глядеть на него всегда любо!

Х Х Х

Очень странное, двоякое чувство вызывает весной линяющий заяц. Сверху белый, каким его привыкли видеть зимой, с чёрными глазами-пуговками и ушками, снизу он становится неопрятным, жалким зверьком, у которого старая свалявшаяся шерсть свисает рваными клочьями. Даже походка у него меняется: из недавнего бойкого зайки, совсем недавно отчаянно гоняющегося за длинноухой красавицей, он превращается в колченогого зайчишку-бедолагу, которому бы только проковылять никем незамеченным через распутицу-дорогу, да поскорее скрыться с чужих глаз в хвойной чащобе.

Грязновато-белый, как последний снег на тёмной земле, заяц в эту пору будто норовит лишний раз приостановиться и, в тоже время, поскорее улизнуть… Но не наряд по весне зайца красит, а правда жизни!

Х Х Х

Дятел-желна – большая чёрная птица с красной головой, что, кажется, забыла себя в лесу, отрешённо перелетает с дерева на дерево, то и дело пронзительно взывая неизвестно к кому, и всё больше таится, не ведая: зачем ей суждено быть такой?

Услышишь по осени, как протяжно и жалобно заголосит над лесом желна, и непременно вспомнишь что-то худое, поникнув душой. А дятел, не переставая, по-прежнему монотонно вскрикивает где-то вдалеке, будто

неотступно просит о чём-то, и вспомнишь тут, что в народе желну прозвали «бортником», тогда как обычного дятла – «дровосеком».

И тотчас подумается: может быть, это он не жалобится, а мёду у кого-то выпрашивает? От этого невольно улыбнёшься, представляя, как дятел, охочий до мёду, лазит в дупло, пытаясь отыскать соты. Большой, чёрный, с красной шапкой, да ещё – пчеловод!

X X X

Никакое время года не тревожит душу так, как весна. Ушастым филином прокричит и взмахнёт крыльями апрельская ночь. Предрассветные майские сумерки огласят лесную тишь скрытым глухариным щёлканьем. Мартовское утро восторженно озарит своё пробуждение пронзительным пением вездесущей синицы. Полдень же весны возвестит о себе радостным щебетанием жаворонка…

И ещё целых полдня, до самой вечерней зари, будут восторженно провозглашать долгожданную весну старый тетерев-косач, что пережил-таки суровую зимнюю пору. Недавно появившийся на освободившихся от снега полях кулик-чибис, проникновенно призывающий обратить внимание на свою озабоченную персону. Крохотная и аккуратная овсянка, пробавляющаяся вдоль раскисших от солнца дорог обронёнными зёрнами, и, конечно, неугомонные родные журавли, трубно прокричавшие: «Курлы-курла, курлы-курла, курлы-курла-а!»

Вот когда захочется, позабыв обо всём, вознестись вместе с ними в небесное пространство, и с нескрываемым восторгом воскликнуть: «Весна пришла! Весна пришла! Весна пришла-а!»

X X X

Часто из-за своей неловкой голенастости, по излишнему любопытству или неосторожности, птенец цапли вываливается из гнезда… Родители, что было не раз замечено, не проявляют при этом какого-либо беспокойства, и оттого представляются невменяемыми, почти равнодушными. Трудно поверить, будто они трезво воспринимают утерю малыша только как неминуемый природный отсев, и не пытаются ему ничем помочь. Холодность птиц так обескураживает, что ты просто не в силах постигнуть их поведение.

Оправдать видимое равнодушие птиц имеет право сама природа, в которой оказывается место и для вполне объяснимой удручённости. Упавшие птенцы достаточно крупны, чтобы родители могли вернуть их обратно в гнездо, и последние, наверное, свыкаются со своей судьбой, и их давно уже ничего не тревожит. Как не тревожит журавлей неминуемая гибель одного из детей, менее развитого и слабого, и всю свою любовь они отдают самому выносливому.

И всё же становится не по себе от этой вынужденной смерти только народившегося на свет существа. Как будто кто-то предал его и остался незамеченным, а тебе надлежит к этому привыкнуть. Если такая привычка станет обычной, когда-нибудь ты недосчитаешься и своих детей.

Мало того, все дети с недоумением задают вопрос о том, почему взрослые убивают животных? Дети не в силах воспринимать совершаемое взрослыми зло против животных, как неминуемую данность, многое в них самих уже решено природой изначально, и, тем не менее, дети вырастают и … начинают охотиться.

Но убивающие живое существо, в сравнении с теми, кто ратует за отказ от этого, как это ни странно, быстрей достигают спасительной истины, если при этом не устают мучиться и искать. Для того, чтобы понять суть существования и никого больше не убивать, человеку, оказывается, просто необходимо пережить недостающий духовный опыт, лишая жизни птицу или зверя. И именно им, не раз погрешившим против природы, надлежит рано или поздно распутать клубок собственных противоречий, отказавшись от её разрушения. Радетели же, ни разу не погрешившие против себя и природы, чаще всего не приближаются к истине вовсе.

Желая, во что бы то ни стало, постичь тайну зверя или птицы, человек стремится приблизить их к себе выстрелом, но осознанности это не прибавляет. Если человек не в силах преодолеть своё незнание, ему всё ещё нравится убивать. Может быть, с луком и стрелами он выглядел бы более привлекательным, но изменится ли от этого суть?

Хлёстко и неумолимо обрывая жизнь с помощью ружейного выстрела, человек только усугубляет впечатление от производимого насилия, безжалостно не оставляя себе и животным выбора. Он не в силах обойтись без надругательства над природой!

Впрочем, последнее слово всегда остаётся за человеком, постепенно вырастающем в своём ребёнке, и самое замечательное в лесу то, что он всегда, как бы глубоко ты не проник в его душу, остаётся незабываемой сказкой.

X X X

Зимняя ночь… Светит полная луна, мерцают звёзды, а в воздухе стоит морозный шорох. В такие ночи зайцы любят поиграть на гумне, затем дружно выбегают в поле и от души резвятся вокруг стога до самых утренних сумерек, пока небо не окрасит румяный восход. На снегу остаются только растрясённые пучки сена - излюбленное лакомство косых, которые с рассветом растворяются, как дымка, будто их и не было.

В общем-то, вполне простая и обычная для русской зимы картинка, но нужно невероятно много неутомимости и терпения, чтобы подглядеть её, восприняв для себя как чудесную и незабываемую сказку.

X X X

Полянка в лесу - важное жизненное пространство. Благоухающее и привлекающее к себе всё живое летнею порой, непритязательно увядающее осенью, полное загадок зимой, весной оно становится раскрепощённым и открытым, впитывая в себя все накопленные за год настроения, чтобы чуть позже отдать их цветам, травам, деревьям, воздуху и … человеку.

X X X

Весенняя ночь робко растворяется в сиплом вскрикивании совы, осенний рассвет – в слепом шорохе холодного дождя по опавшим листьям, летний день, кажется, не видим от копошащихся повсюду ароматов зацветающих трав и запёкшейся на солнце хвои, зимний же вечер с удовольствием застилает себе постель под еле угадываемый шёпот перемигивающихся разноцветных звёзд…

Лес жив своей особой тишиной, слагающейся из самых обыденных звуков, запахов и невидимых устремлений.

X X X

Безмолвие леса… Как оно прекрасно! И это безмолвие никогда не должно прекращаться.

Оно тянется бесконечно, как океан, но не надоедает. В нём – такое же бесконечное переживание жизни, хорошо ощущать его молча: молчание сохраняет энергию и приумножает её.

Для чего? Для постижения Бога и приближения к Нему. Во имя чего? Чтобы самому стать Богом. А потом? Сначала необходимо пройти этот путь в безмолвии, наполняясь божественной тишиной, потому что она нескончаемо благотворна.

Безмолвная божественная тишина… Невозможно не прочувствовать её вне нашего величественного ОТЦА-ЛЕСА, призванного мудро продлять её в человеке.

X X X

Весенний ветер развеет сладкое зимнее сновидение, взбудоражит сердце, и душа уже не находит себе места: она рвётся на волю, потому что молода.

Летом душа становится слегка самодовольной, ей нравится состояние достигнутой благости, она переполнена им.

Успокоиться душе суждено под осень, когда её накопленное богатство подёрнуто прелестной печалью. Душа уже узнала пределы жизни, поняла её

суть, и от неё требуется только вдумчивая проницательность, которая присуща зрелости.

Зима может стать для души временем большого отдыха, но это и пора созидания будущих возможностей на пути её движения к лучшему, может быть даже – к непознаваемому.

Живёт душа своими потаёнными заветами, будто зная: каждое время года ей свою сердечную весть подаёт.

X X X

Робкую и очень отходчивую берёзу, особо любимую за это в народе, между тем сложно обольстить временным теплом, и когда май с помощью своих чар настойчиво уговаривает дерево показать первые листочки, берёза не торопится распускаться. Не верит она ни ласковому ветру, ни соловьям, ни кукушкам, ни вальдшнепам, ни очаровательному обманщику-маю…

Терпеливо ждёт своего часа берёза, чтобы не разочаровать людских ожиданий. А уж коли берёзка наперёд опушается, то жди сухого лета!

X X X

Хорошо, когда можешь отыскать в себе настоящую силу, и самое подходящее для этого время – весна. Весной себя совершенно забываешь – как будто тебя и нет, но ты есть: просто ты так незаметно соединяешься с окружающей природой, что не чувствуешь собственного тела. Живёшь в единении со всем, летишь подобно весенним дням, и ни о чём худом не помышляешь. Только радость окутывает тебя, сладость чудесных песнопений, восторг и благолепие.

Хорошо весной не замечать себя, а жить одной этой порой. Сливаешься с весной и становишься единым с ней по торжеству утверждающегося духа. Полниться до краёв весною – твоя судьба!

X X X

Мякоть сыроежек необыкновенно чиста и опрятна, но более трогательна их неизменная белизна, с которой не сравнится даже царственный белый груздь.

Берёшься за такую ножку с особой нежностью, стараясь не надломить её, а если всё-таки нарушишь гриб, в нос тотчас ударит тонкий аромат его хрупкой плоти, так что невольно поднесёшь ко рту отломившийся кусочек, легонько вдохнёшь его пряный дух и … съешь.

Недаром название самого распространённого гриба русского леса – сыроежка!

X X X

Весна… Белые осевшие поля ещё не перечёркнуты коричневыми проталинами. Санные дороги чернеют осыпавшимся с возов сеном и навозом. Краснеют по оттаявшим кустам тальника надутые снегири.

За окном, то и дело, прочерчивают воздух носатые вороны, без устали стрекочут вездесущие сороки. Густеет от влаги воздух, в котором мгновенно сыреют крыши и стены домов. Всё как будто замерло в ожидании прилёта первых птиц, которые окончательно разбудят этот сладкий зимний сон. Весна!

X X X

Сколько раз приходилось слышать соловья, а всё было недосуг подглядеть, как выглядит эта птица. Однажды я всё же набрался терпения, долго и медленно подбирался к густому кусту сирени, силясь рассмотреть знаменитого певца, а когда обнаружил его в сплетении ветвей, то поначалу даже не поверил: соловей был уж какой-то совсем маленький, худосочный, и одет в невзрачное серенькое перо, будто накинул сюртучок не со своего плеча.

Но вот глаза птицы поразили: большие, чёрные, как две спелые смородинки, и до того трогательные и проникновенные, что я сразу почувствовал – в них вся весна!

X X X

Когда осень окончательно вступает в права, и на короткий миг одаривает всех чудом бабьего лета, многие травы и цветы в эту пору не уступают по яркости окраски летним нарядам. Земляничник становится пунцовым, багульник – бронзовым, голубика – фиолетовой, толокнянка – пурпурной, черничник – ярко-красным, ивовые листочки багровеют, на них высыпают лиловые крапинки… И даже стебель почти увядшего зверобоя неожиданно зардеется в этой раскрасневшейся от удовольствия компании!

X X X

Зимою часто попадаются на глаза небольшие дырочки в снегу. Идёшь не спеша на лыжах, посматриваешь вокруг, а вдоль лыжни, то и дело, возникают неприметные отверстия.

Бывало, остановишься и, присев на корточки, разглядываешь внимательно: кому это отверстие может принадлежать? Ясно, что маленькому грызуну – мышке-полёвке или бурозубке. Но вот зачем зверьку выбираться в мороз на поверхность, оставляя свои тёплые кладовые, заготовленные ещё с осени, не сразу разберёшь.

А оказывается, мышка время от времени выглядывает посмотреть: ночь наверху или день, и скоро ли зиме конец? Очередной снегопад завалит выходы, заметёт всё вокруг, а под утро глядишь – опять виднеются тут и там аккуратные углубления-оконца. Не сидится мышке под снеговой периной, хочется поскорее краешек света белого увидеть, что для неё - милая отрада!

Х Х Х

В народе говорят: Бог не только людей, но и листьев на дереве не уровнял, не то, что их облик, и даже облетевшие с деревьев листочки сохраняют своё лицо, приобретая, к тому же, ещё что-то новое. Берёзовые напоминают маленькие шкуры рыси, ирги – словно аккуратные монетки, засветившиеся изнутри золотистым жизненным соком, осиновые – бушующие пламенем сердца и души, тополевые – просто выкрашены жёлтым цветом, черёмуховые же почему-то не докрашены, а ясеневые – широкие, с тёмно-зелёными грязноватыми боками – принимаешь за чёрные грузди.

Только наклонившись, убеждаешься в неподражаемой осенней игре опавших листьев, которую они ненавязчиво и тихо затевают, а если лист доволен, так и грядущий год выдастся добрым и удачливым!

Х Х Х

Ходишь годами каким-то одним лесным местом и никогда даже не помышляешь встретить здесь волков. Место это ты всегда воспринимаешь только как глухариное или беличье. На худой конец – оно богато ягодой или грибное. Но уж никак - ни волчье.

И вот однажды, каким-нибудь глухим декабрьским вечером или под хмурое утро, натолкнёшься в лесу на тропу, оставленную недавно прошедшей стаей, и тропа эта войдёт в тебя словно осиновый кол. Разберёдит в душе всё, что ты знал об этих зверях, напугает, отчего вдруг мысленно перекинешься в такого же хитрого и кровожадного волка, ровно, как оборотень-ведун…

Вспомнишь тут, что в народе издавна сказ идёт, как в самую непроглядную ночную тьму выбирается такой ведун в лес, перекидывается через старый осиновый пень и превращается в волка. Всю ночь он потешается своей неуязвимостью, якобы, безжалостно выедая людям сердца, а под утро оборачивается вновь в человека, и ведёт жизнь неприметную, праведную.

Ни за что не разобрать изворотливое обличье злыдня, коли только не решишься в полночь проследить за ним, да воткнуть в тот осиновый пень нож булатный. Оборотень тогда до окончания века своего останется зверем, рыскающим по лесу, но только не переходи ему дорогу, не искушай злую судьбу.

Это не тот волк, которого люди пророчили вместе с медведем и девкой с полными вёдрами к доброй встрече. Не дай Бог помянешь его про себя, а он уже тут. Вот когда придётся выть тебе по-звериному за свой недогляд и простоту, понимая поговорку про то, что нужно верить волчьим слезам! Оборотню же доверять можно только убитому.

Недаром между людьми сани, что постоянно опрокидываются, телегу или какой кузов оборотнями звали. Своевольный декабрь вместе с народной молвой о зловещем волке-ведуне исподволь зиму поторапливали, скорого её разрешения желая.

Перед самым Новым годом за деревней костры жаркие растапливали, да снежных баб в огонь бросали, чтобы отступала зимняя темь от человеческого жилья, а жизнь на добрый лад поворачивала. Ведь декабрь, говорили в народе, старый год кончает, новому – дорожку с радостью и счастьем стелет, после чего тоже захочется пожелать и себе, и нашему чудесному декабрю, и всему русскому миру с его доброй молвой крепкого душевного здоровья!

X X X

Иной раз так устаёшь, что только в лесу постигаешь, как надоело тебе быть человеком. Вот бы, думаешь, взвиться звонким жаворонком в высокое июньское небо, или же обернуться матушкой-совой, что бесшумно и вольно парит в сумерках над укромною опушкой. А ещё хорошо почувствовать себя красавцем-шмелём, озабоченно перелетающим с цветка на цветок и, тем самым, поддерживая течение жизни. Кем угодно из лесных обитателей готов ты себя вообразить, хотя бы на миг желая забыть в себе человека.

Но проходит какое-то время, и грудь твою начинает теснить неизъяснимое чувство растерянности, а затем и вины: как мог ты отказаться от всего человеческого во имя звериного, если и так способен почувствовать себя кем угодно?!

X X X

Завидев в лесу какого-либо зверя, сорока неутомимо преследует его, перелетая с сучка на сучок, и громко стрекочет, предупреждая всех о происходящем. По сорочьему стрёкоту можно безошибочно угадать, куда направляется степенный лось, хитрая лисица или перепуганный заяц.

А однажды мне довелось наблюдать сороку, не на шутку раззадоренную появлением гончей собаки, которая увлечённо шла по лисьему следу, не обращая внимания на надоедливое сорочье стрекотание. Сорока просто изнемогала от охватившего её возбуждения, рискуя вот-вот сорваться с макушки осины от переполняющего её волнения.

Она беспрестанно крутилась во все стороны, наклоняясь при этом так, что длинный хвост торчал почти вертикально, озабоченно подпрыгивала,

вздрагивая всем телом, и неистово оглашала округу возбуждённым стрёкотом. Сорока была так увлечена, что ничего вокруг не замечала.

И тут я вдруг поймал себя на мысли, что в разносящихся над деревьями звуках, роняемых неугомонной птицей, угадываю нечто очень знакомое, что не раз уже слышал и переживал в лесу. К моему немалому удивлению, этими звуками оказалась … глухариная песня, вернее, её поразительно точное подобие, с присущими глухарю переходами, непередаваемым пощёлкиванием и самозабвенным точением.

Сорока, охваченная страстью преследования, непроизвольно, может быть даже под воздействием этого самого волнения, передавала когда-то уже слышанные в лесу звуки, причём, хорошо ею усвоенные, с невероятной точностью во всех паузах и всплесках. И в какой-то миг показалось – это сам глухарь огласил округу неподражаемой трелью, холод куда-то постепенно отступил и ноябрьский лес по-весеннему ожил и засветился.

X X X

Бывает, душевные мучения за лесных обитателей одолевают тебя больше, чем за окружающих людей. Боль не отпускает, даже когда ты покинул лес, и уехал от него за много километров в город: переживания тем острее жгут твоё сердце, чем дальше ты уходишь.

Так, однажды испытывал я муки за барсука, удавленного в петле охотниками. Не один год наблюдал я за ним, встречал в весеннем ночном лесу, на глухарином току, шёл по первым грязным отпечаткам его когтистых лап на сыром апрельском снегу, и стоял прямо над норой, в седых глубинах заснеженного января, с трепетом ощущая дикий звериный сон…

Снег тогда крупными хлопьями неслышно валил с невидимых небес, мягко укутывая землю, и было мне так, будто барсук знает, что я нахожусь рядом с ним, почему-то доверяет мне, и оттого ему ещё слаще преодолевать в своих снах добрую зиму.

А вот теперь я никак не могу взять в толк, что барсука нет, навечно нарушены нехитрые зимние сновидения милого зверька, и сердце моё никак не может успокоиться, преодолевая неизбывную боль.

X X X

Подступает осень, и ты невольно задумываешься о том, что самое трогательное устремление неминуемо увядающей поры – не тлен, а желание вернуться к чему-то, что на этот раз, кажется, не разрешилось, но на будущий год непременно получится, и будет намного лучше.

X X X

Из всех птичек, что радуют нас по весне, трясогузки - самые бойкие. Именно они безбоязненно присаживаются на крыльцо лесной избушки, то и дело заглядывают вовнутрь, вздрагивая хвостиком, поправляют на груди чёрный галстук и, быстро склонив головку набок, посверкивают бусинками-глазами.

Молниеносно оценив обстановку, птички никогда долго не задерживаются на одном месте, и устремляются дальше, невидимо семеня крохотными ножками, ловко ныряя из стороны в сторону, и до того настойчиво попискивая, что, кажется, вот-вот вскрикнут: мы очень неустрашимые и смелые, но почему же тогда такие маленькие?!

X X X

Чаще всего люди озадачены тремя вопросами: в чём заключён смысл жизни, её счастье и сила? Сила сосредоточена в самой себе, как результат твоих собственных душевных устремлений, но она непременно должна расти и нести правду. Счастье – в правде, которую ты чаще всего находишь для себя и людей в окружающей тебя природе.

Смысл жизни - великое таинство, и отыскивая его, невозможно миновать на этом пути Господа, открывая Его в своей душе. Ты и сам при этом становишься божественен, без понимания чего никогда не познаешь вкуса существования, смысл которого - в переживании радости.

Как это происходит в природе, в нашем чудесном лесу, и нет на свете ничего прекрасней этого удивительного переживания, когда именно в окружении дикой природы ты ощущаешь себя как в родном краю.

X X X

Густо заросшей вырубкой неспешно проследовал куда-то гигант-сохатый… Развесистыми рогами он ненароком задел на ходу осинку, и обломившаяся на морозе хрупкая веточка отскочила с треском, воткнувшись в розовеющий на закате снег.

Выбежавший на жировку зайчишка напугался поначалу, встал столбиком, навострив длинные уши, но успокоившись, повёл усами и принялся с удовольствием обгладывать отломившуюся веточку.

Вкусна на морозе осинка! Спасибо за подарок великану-лосю!

X X X

Свобода - это когда тебя ничего не сковывает, ты обрёл в себе Бога, заложенное Им в тебя божественное сознание, развил его, и значит, живёшь осознанно, то есть - радостно и свободно.

Но невозможно не ощущать себя свободным в нашем лесу, где всё проникнуто свободной волей, и её нужно лишь почувствовать и принять.

X X X

Если какое-то время неподвижно постоять в лесу, то вскоре птицы и звери перестанут тебя замечать. В большинстве случаев они, конечно, видят человека, но принимают его за неодушевлённый предмет, относясь с каждым разом всё менее осторожно.

А может быть, не теряя из поля зрения, они умеют просто не обращать на тебя внимания, продолжая заниматься своими делами, если твоё нахождение рядом не вызывает у них беспокойства, и ты, незаметно растворяясь в этом таинственном царстве берендея, не ведаешь – кем себя здесь вообразить: крепким боровиком, папоротником, а может быть – трогательной небесной птицей, призванной провозглашать торжество земной жизни?!

Но лучше, наверное, оставаться самим собой, впитывая каждой клеточкой тела этот неподражаемо волшебный мир, без которого ты отчего-то не мыслишь своей жизни. К тому же, закон этой чудодейственной неподвижности, позволяющей заглянуть в мир леса, действует не всегда и не со всеми его обитателями. Иногда приходится прилагать огромные усилия, прежде чем приблизишься к тайне и … опять окажешься в вынужденной неподвижности.

X X X

В марте беспрестанную улыбку дарит солнце, в апреле - просыпающаяся земля, а в мае - напоённый жизнью воздух, что становится всеобъемлющим, многоликим. И так, улыбка за улыбкой, как по ступенькам, всё радостное в природе возносится в голубеющую над лесом даль, и распахивает перед тобой желанное оконце.

X X X

Вот уже шесть лет прилетают ко мне в огород хорошенькие птички – горихвостки… Имя это они получили благодаря огненному подхвостью, при взлёте на мгновение вспыхивающему оранжевым теплом, в воображении унося тебя вслед за ними неизвестно куда. Неизменно прилетая каждый год, горихвостки приносили радость и успокоение своим маленьким присутствием. С ними было хорошо и надёжно жить, каждую весну ощущая их доброе соседство.

С начала мая вездесущие птицы принимались за строительство гнёзд и материалом для них выбирали волокна пакли, выбивающиеся между брёвен дома. Цепляясь тоненькими коготками за выступы в бревне, одна птичка вытягивала клювом пух из пакли, а другая обрывала его, и вместе они

уносили добытое в гнездо. Слаженность и сообразительность в совместной работе этих крохотных существ поражали.

Спрятавшись за стеной дома, у окна, я с интересом наблюдал за птичками и не мог надивиться. Очаровательные горихвостки и их сплочённое поведение представлялись мне чем-то совершенно невообразимым, и было совсем не жаль того тепла, которое они немилосердно воровали у меня прямо из-под носа.

X X X

Заяц – удивительно обаятельный зверёк. Даже добытый на охоте, он восхищает налитой тяжестью вытянувшейся тушки, когда держишь его за задние лапы. Всё, кажется, будто он вот-вот вырвется из рук и убежит. Отчего-то вспоминается такая интересная особенность из заячьей жизни, своего рода привычка, как способность рыть в мартовском, порядком уплотнившемся снегу глубокие норки.

Где-нибудь под охорашивающейся ёлочкой, в глубине леса, выбирает косой приглянувшееся ему место. Роет старательно, то и дело, замирая и озираясь, смешно шевеля розоватым влажным носом. Прислушавшись и ничего подозрительного не заметив, вновь принимается усердно выбрасывать из-под себя передними лапками зернистый снег, чуть не ложась на живот и прижимая длинные уши к спине.

Часто в такой ямке можно обнаружить обгрызенный им бок осинового поленца, до которого заяц удачливо докопался. Норки эти, должно быть, заменяют зверькам рыхлый снег, что к весне сменяется на прочный наст. В них можно укрыться от наступивших в природе крепких утренников, что откровенно оголяют и без того мало защищённую заячью жизнь. По привычке заяц живёт, и отвыкать от неё не намерен!

X X X

Встречи с людьми в лесу всегда редки и интересны, потому как лесной человек необычен сам по себе. Он в лесу всегда не случаен. От него веет какой-то самобытностью, особым взглядом на жизнь и добродушной лукавинкой, с которой он не без удовольствия поведает о чём-нибудь очень важном, о том, что непременно поразит даже самое избалованное воображение.

Такая встреча тем более любопытна весной, когда в лесу нет ни ягод, ни грибов, да и охота запрещена. Мой старичок собирал в апрельском лесу … берёзовые почки.

По его словам, примерно в последнюю неделю перед сходом снегов почки берёзы становятся клейкими, их можно обирать и затем сушить в полутёмном месте. Почки подсыхают, но не теряют своей клейкости. При больном горле они тщательно пережёвываются, а образовавшийся в

результате этого сок время от времени сглатывается. Вкус горьковатый и не совсем приятный, но эффект поразительный: на следующий день воспаления как не бывало!

X X X

Ничто в ночном лесу не завораживает так твоё восприятие, как неведомые шаги. Кажется, что вот-вот разверзнется перед тобой темнота - и мохнатой тучей навалится на тебя ни медведь, ни волк, а нечто непонятное, непостижимое. И ты с замиранием сердца ожидаешь этот страшный миг, и не замечаешь, как сам превращаешься в неведомого лесного гостя.

Шаги же, приблизившись вплотную, неожиданно истаивают, будто их и не было, и ты сразу понимаешь, что это нечто непостижимое уже прикоснулось к тебе, и ты стал в ночном лесу своим.

X X X

Перед наступлением сумерек белый снег незаметно окрашивается в розоватый, с заходом солнца - в лазоревый, в надвигающейся темноте - в сиреневый, а с установлением глубокой ночи превращается в лунно-золотистый.

Под утро он опять перевоплощается в синевато-лиловый, с таинственной бирюзой, и только к полудню оборачивается, наконец-то, самим собой: восхитительно белым, восторженным и немножко глупым.

X X X

Покидая лес поздней осенью, всегда странно и даже как-то неловко представлять, что все деревья и кустики останутся здесь без тебя до самой весны, и всю эту долгую пору будут мёрзнуть на стылом северо-западном ветру…

X X X

Апрельские дожди так неподражаемо шелковисты, чисты и, кажется, недвижимы в насыщенном влагой весеннем воздухе, что в них хочется так же неподражаемо чудесно замереть и не дышать.

X X X

Может быть, только в самом своём начале весна предстаёт умудрённой, добропорядочной хозяюшкой, в остальное же время она – веснушчатая босоногая девчонка, за которой хочется бежать, не чувствуя ног!

X X X

Звериные следы в заснеженном пустынном лесу так неожиданно остро волнуют сердце, что хочется тотчас идти по ним, воображая за каждым кустом пушистого белоснежного зайца или ослепительно огненную кумушку лису, и ни о чём другом не думать.

X X X

Поздней промозглой осенью, когда в жизни у тебя, кажется, ничего не ладится, ты почему-то по-особенному остро начинаешь воспринимать хмурые лесистые холмы и молчаливые речные долины. Замечаешь, как чёрен и гол становится лес, и как он растерянно сквозит своей неприкаянной наготой в туманных разреженных далях.

Настроение твоё невольно следует за еле угадываемой тенью, что оставляет после себя таинственная осень, и постепенно ты обнаруживаешь, что причина твоего невезения вдруг незаметно улетучивается, былые неудачи уже не донимают душу, и ты лишь радуешься возможности переживать запахи и звуки этой уходящей поры, в которой лес вспыхивает напоследок яркими шапками ещё не опавших деревьев, а воздух становится ароматен и свеж.

X X X

Занятно наблюдать, как у горизонта постепенно теряет свои краски весеннее небо, а вскоре, будто перевернувшись в себе самом, подобно песочным часам, вновь наливается живительным светом.

Из пронзительно зелёного, небо становится тёмно-синим, с кремовыми переливами и мягким радужным блеском. Затем неожиданно окрашивается трогательным пурпуром, с дымчато-лиловым нежным оттенком, неуловимо перетекая в фиолетово-сиреневый цвет.

И вдруг - опять, с нарастающей быстротой, как только что выдутое стекло, всплывает на востоке напружиненным и зелёным, очень густым, с белеющими в вышине зёрнышками предутренних, чуточку уставших за ночь звёзд.

Всё в эту пору желает радости, счастья, и даже небесные цвета торопятся жить.

X X X

Трудно поверить, но однажды, в пасмурную осеннюю ночь, мне почудилось, будто волчьи глаза, на мгновение вспыхнувшие аметистовыми огоньками где-то впереди, отражают в себе всё звёздное небо, темноту, лес, и

вместе с ними мою обыденную растерянность, а потом – убеждённость, что такой ночи уже никогда не будет.

X X X

Весной потеряешься душой где-то на пороге её тайны, отрешённо бродишь по лесу, вдыхая его берёзовый дым, и даже боишься поверить, что скоро спадёт с тебя бремя нескончаемой зимы, и в сердце проснётся, наконец-то, что-то самое долгожданное, бесконечно близкое и родное.

X X X

Поздней осенью, когда она, кажется, позабыла саму себя, лес полностью облетел, душа ни к чему не лежит, и неукротимая сила жизни, что обычно так безотчётно манит вдаль, уже не одолевает твоего сердца, тебе вдруг приснится странный сон… В нём молчаливо бушует море, белые гребни волн достигают самого горизонта, а между ними затерялся маленький кораблик. Кораблик захлёстывает яростный ветер, огромные валы бросают его в бездонное чёрное пространство, а он остаётся неустрашим!

X X X

Только весной, в апреле, рождается во мне волшебный мальчик, который всю оставшуюся весну и лето с восхищением встречает каждый день. К осени он незаметно подрастает, успокаивается, а перед зимой и вовсе исчезает.

Каждый год стараешься не пропустить - куда же он подевался, и всё же неизменно отвлекаешься и упускаешь до будущей весны никем не замечаемую пропажу, которую уже ничем не восполнить, но её почему-то совсем не жаль.

X X X

Вот уж кто по весне не бережёт ничего для себя, так это красавица черёмуха! Ароматная яблонька - майская невеста, что сама себе на уме. Роскошная с виду сирень - на деле замкнута и скупа, а вся салатная свежесть берёзы, липы, ивы и ольхи подолгу как будто что-то выгадывает, прежде чем распуститься во всей своей красе.

Когда же цветёт черёмуха, великодушно расточая свой душистый аромат, вся земля царствует, предвкушая богатое лето.

X X X

Весенний день, словно молодой породистый рысак, полон огромных сил, способный одолеть всех, с кем только можно потягаться; лето, как щенок, нетерпеливо бросается на грудь, ластится, играет; осень склоняется над тобой повидавшей виды умудрённой женщиной, нашёптывает что-то своё, наболевшее, даже если ты не хочешь её слушать; зима вдруг наваливается на плечи старой мохнатой медведицей, и ты обо всём забываешь и погружаешься в сковывающий сладкий сон…

Все времена года – живые, они играют с тобой, одолевают сомнениями и делятся знаниями, обогащают, в чём-то ты даже чувствуешь себя с ними обездоленным, но продолжительность этого чуткого существования не прекращается: последовательно осень сменяет лето, а весна – зиму, и сила этого неизбывного времени окрыляет.

Так и хочется вместе с ним развиваться, становиться сильнее, и ты расправляешь крылья и летишь: время за тобой, время перед тобой, а при тебе его нет. Весь ты переполнен насыщенной жизнью, когда хочется жить так, как душа твоя божественная велит. Живое время, время радостных приключений и открытий!

X X X

Долго я искал у себя в огороде гнездо горихвосток, которые прилетали каждый год, и всё мне не везло. И чердак осмотрел, и сеновал, и баню, и дровяник, и даже на старую черёмуху забирался: всё напрасно. Горихвостки, неизменно прилетая в мае, жили в непосредственной близости от меня, питались насекомыми только в моём огороде, вытаскивали из пазов дома паклю на строительство и укрепление гнезда, но никак его не объявляли. Внешне – доброжелательные и неприхотливые, они были скрытными птичками, и им ловко удавалось провести меня.

Однажды, обкапывая по весне яблони, я вдруг заметил на проводах, в двух метрах от угла крыши дома, самца горихвостки с жирной личинкой в клюве… Казалось бы, он должен спешить с кормом к самке, высиживающей птенцов, или к самим птенцам, а самец не торопился: что-то, похоже, тревожило его, и он беспокойно крутился на месте, не желая залетать в гнездо. Я прекратил копать и, замерев с лопатой, стал наблюдать: решится самец нырнуть в гнездо, которое явно находилось где-то под карнизом?! Но самец терпеливо ждал, по-видимому, остерегаясь, что я узнаю местонахождение птенцов и самки.

Тогда я решил усыпить его бдительность и потихонечку начал удаляться в сторону. Самец тотчас встрепенулся, вытянул шейку и юркнул под карниз, наконец, обнаружив своё убежище. А всего-то нужно было подсмотреть направление перелётов предусмотрительных птичек, что позднее использовал я в отыскании глухариных токов, подмечая, куда глухари устремляются под вечер и откуда слетают на кормёжку утром. Так, благодаря

крохотным горихвосткам, обрёл я важное лесное знание о больших и таинственных птицах.

X X X

В каком-то удивительном согласии выходят у меня отношения с яблонями, которые я каждый год сажаю в огороде, и всегда этому сопутствует какое-либо приятное знамение.

Грянет первый раскатистый гром, завозятся по лужам пучеглазые лягушки, скворцы вдруг запоют у самого дома так азартно, порывисто, что почувствуешь, как это им важно, а то за одну ночь вся южная сторона сада распустится ароматными крупными подснежниками. И ты после этого уже не сомневаешься: этой весной тебе не обойтись невинным романом…

Яблони же незаметно тянут ветви к небу, распускают нежные листочки и, наверное, радуются вместе с тобой возможности жить, чувствовать и любить, с великой благостью в душе, как и ты, осознавая себя частицей этого чудесного мира.

X X X

Лиса - полуночный ловкий вор, и это ремесло составляет её лисью суть. Как и любой другой зверь, она всё время занята собой. Особенно, когда выходит на охоту до лакомых для неё мышей: их писк она угадывает под снежной или земляной толщей.

Сколько раз приходилось мне находить глубоко вырытые ямки по опушкам укромных лесных полян или полей! Всунутая в них рука обычно не достигала дна. Невообразимо, как лисе, имея довольно внушительное тело и короткие лапы, удавалось проделывать подобное?!

У всякого Мирона, как говорится, свои приёмы: имеются они и у Патрикеевны, по которым её только и знают. Проворная лисонька кого угодно собьёт с толку: у неё всё ловко!

Не зря лиса почти никогда не попадалась мне на глаза. Её оранжевый хвост, возбуждённо вскинутый кверху, озарял лес своей красотой только в моём воображении. Но как приятно было однажды действительно заприметить чудесного зверя, безоглядно охваченного поиском добычи!

В какой-то миг даже показалось, что всё увиденное - плод фантазии, так искренне ты был предан лесному царству, но видение не исчезало. Неизъяснимая радость от соприкосновения с лесной жизнью захватила мою душу: ощущение было такое, что ты - частица этого удивительного мира, а яркая картинка с мышкующей лисой ещё долго тешила разыгравшееся воображение.

Видимый образ огненной лисы до сих пор стоит у меня перед глазами, и я никак не могу избавиться от ощущения, что лиса жива, она как будто даже рада от того, что тоже ободрила меня своим красивым присутствием, вселяя

уверенность, что я тогда не зря её увидел. Всякая лиса, конечно, собой красива, и хвост свой хвалит, да только не по красоте ей слава, а по сноровке!

Х Х Х

В природе важен какой-то маленький невидимый поворот, без которого и вода освободилась ото льда, и земля покрылась травой, и деревья оделись листом, а услышишь ли первый весенний гром – неизвестно.

Бывает, уже к середине мая с раннего утра задастся такой крепкий утренник, что, кажется, снежная корка выдержит лошадь с упряжью и телегой. Затем стылый северный ветер насеет по дороге крупы, разбросает её повсюду, но к полудню что-то неуловимое в воздухе повернёт на тепло, воздух как будто тронется, и, к всеобщему удивлению, из-за леса донесутся отдалённые раскаты грома.

А потом, прямо сквозь солнце, вдруг просыплется светлый радостный дождь, и всё вокруг оживёт. Тесно становится весне, и она совершает поворот у ворот на добрую жизнь!

Х Х Х

Представьте, что все звери и птицы решили отомстить человеку… Как они это сделают?

И звери, и птицы, наверное, просто покинут человека, оставив его наедине со своими недалёкими мыслями и устремлениями. Птицы лишат человека крыльев, а звери – проницательности и чутья. Им незачем будет возвращаться в предопределённую для них человеком несвободу. И звери, и птицы скорее предпочтут ей неведомую лесную глубину.

А что же деревья? Неужели они, лишённые возможности двигаться, так и останутся беспомощными и будут вынуждены терпеть? Может быть, их вершины просто перестанут шуметь, и эта отрешённая затаенность деревьев отзовётся в сердце растерявшего себя человека нескончаемой тишиной…

Х Х Х

Скребётся в углу лесной избушки мышь, на столе вздрагивает неровным пламенем старенький огарочек свечи, а вверху надтреснутого окошка посверкивает недостижимая зелёная звезда…

Кажется, ничего особенного не происходит, но от всего этого переживаешь в себе неимоверную приподнятость, и сильное желание жить.

Х Х Х

Каждый день – удивительно трогательная и упорно не замечаемая нами драгоценность. Чтобы понять это, стоит хотя бы однажды, с самого утра, понаблюдать за происходящим в природе. Заниматься этим лучше в деревне.

Никуда не спеша, следить в окно за тем, как уютно утверждается над землёй свет, и как радостно начинают сиять снега. Как неуклюже и чинно вышагивает в валенках по своим неотложным делам деревенский народ. Как безропотно замерли в остановившемся предвесеннем воздухе веточки тополей, рябины и сирени.

Без устали «летают» в переулках собаки, завидев малейший для себя интерес. Розоватое солнце то меркнет за пухлыми облаками, то вновь озаряет умиротворённый крестьянский быт. Всё так трепетно, доступно, что, кажется: вот-вот приоткроется тебе смысл этого удивительного природного порядка.

Но тщётно… Внимание ненароком проскальзывает мимо этого смысла, и на следующий день всё повторяется снова: и воздух, и спешащий по делам люд, и собаки, и солнце, и собственное умиление всем происходящим. И так, целый замечательный день: вспыхивая и затухая, незаметно и неизменно протекает он мимо не дающей покоя драгоценной тайны в этом сладостном зимнем времяпрепровождении…

И всё чудится, что обязательно поймаешь убегающую суть простого и прекрасного бытия. Но близится вечер, а ты по-прежнему охвачен неясной игрой, от которой так же, как и утром, получаешь скрытое наслаждение, и всё же, к концу дня, только лёгкая усталость опять начинает донимать твоё взбудораженное приятными размышлениями сердце.

День иссяк, и тебе нестерпимо жаль его утекающие краски, запахи и звуки… Что-то принесёт завтрашний?!

X X X

Лунные ночи тревожат сердце: они почему-то оказываются мучительными для человека. По ночам от мороза трещат стволы и лопаются ветки. На чёрном, скованном звёздами ночном небе безмолвно светит, словно начищенная снегом, луна. Кажется, что мороз от её света становится ещё крепче.

В такую пору пребывание в лесу для человека представляется неуместным. Он старается не думать об этом, преспокойно забываясь в расслабляющем тело и мысли тепле. А тем временем, под холодной луной, выходит к своей потаённой жизни из глухих буераков зверьё. Лесные обитатели живут не по-нашему: обедают по ночам, днём же таятся.

Зверей не страшит блуждающий лунный свет. Он зачарованно манит их к себе и не даёт уснуть. Звери не умеют думать, и только стремятся утолить неотступно настигающее их под утро чувство голода. С робким зарождением дня жизнь в глубине леса уже почти не сопротивляется смерти…

X X X

По-особенному прозрачны осенью лесные ручьи… Вода в них, кажется, недвижима, и на дне виден каждый камешек, пропускающий сквозь себя свет и мудрость окружающего его пространства. Неприметные тихие ручьи - глаза леса, что проникают в душу любознательного человека, и благодаря их свету он прозревает.

X X X

В шляпке переросшего белого груздя скапливается обильная дождевая влага… Она переливается в лучах скупого осеннего солнца, и часто привлекает белку.

Ловко примостившись на краю гриба, белка жадно запивает чистой водой семена еловых шишек или кедровых орешков. Хорошо, вольготно жить рыжей игрунье в благодатном октябрьском лесу!

X X X

У самого края высокого обрыва, будто на пороге в вечность, растут величественные сосны, и так отрешённо тянутся оттуда в небо, что проплывающие над ними облака даже останавливаются в своём движении, в восхищении вглядываются и чутко прислушиваются. Величественное устремление могучих деревьев настолько увлекает их, что облака, наверное, не знают: в какие заоблачные дали им ещё плыть?!

X X X

Тишина в лесу бывает разная… Если переговариваются деревья и птицы - это естественно, и тишину не слышишь. Она незаметно приходит к тебе с долгожданным ожиданием обыкновенного чуда.

Случается, тишину замечаешь лишь тогда, когда всё вокруг замирает, как перед непогодой, и от этого начинает звенеть в ушах. Такая тишина настораживает, она полна необъяснимых желаний.

Но иной раз тишина открывается трепетным и тонким чувством, которое неожиданно охватывает тебя и не отпускает. Хорошо тогда вслушиваться в удары растревоженного этой тишиной сердца, жить и мечтать о счастье для всех людей.

Ещё тишина может быть задумчивой, как осень, а зимой - самозабвенной. К весне же она становится по-настоящему пронзительной, и хочется звенеть в ней восхищённым зябликом или жаворонком. Любая тишина только и ждёт, чтобы её услышали, прониклись её мудрым присутствием и поблагодарили за подаренную радость и покой.

X X X

Медведи-сеголетки, в народе их ещё называют «лончаками», проводят первую зиму в берлоге с матерью. Чтобы начать самостоятельную жизнь, они должны покинуть старую медведицу. Но оставить её сами медвежата не могут, а мать отогнать детей не в силах. Вот природа и распорядилась по-своему…

В мае-июне у медведей проходят «свадьбы», и к медведице присоединяется чужой медведь-самец. Своим запахом, который передаётся и медведице, он отпугивает медвежат, а повторное сближение, если оно происходит, завершается полным отходом их от матери к самостоятельной жизни.

Мало того, взрослый медведь способен загрызть лончака, только чтобы добиться внимания самки. Ему за обычай предлагать ей себя, тогда как малыши могут лишиться жизни, и мать не в силах им помочь. Оттого и говорят в народе, что свадьба у медведей выходит краденой, никто на ней не пляшет, и когда самец за самкой приходит, медвежатам остаётся только прятаться.

Так у природы с давних пор и заведено: одни крадут, другие хоронятся, и менять своё жизнеустройство она, по всему видать, не намерена: лесной порядок, пожалуй, крепче людского будет, ему потачки не давай!

X X X

В ветреный день заходишь под сень корабельных сосен, и будто оказываешься на палубе величественного брига, где кроны деревьев наполняются, как паруса, ветром, и стволы гнутся наподобие мачты. А вот если вокруг спокойно – ощущаешь себя в уютной тихой гавани, где можно помечтать о предстоящих странствиях или вспомнить героическое былое…

Только упавшая с дерева шишка выводит из этого сладостного оцепенения, но после её падения вновь хочется тотчас отправиться в увлекательное путешествие!

X X X

Всякий год зима возникает в твоём окне, и всё, что происходит за ним, в который раз оказывается необычным. Так же неслышно идёт снег, и с косогора напротив дома скатываются на салазках деревенские ребятишки. Всё просто. Но воспринимаешь всё увиденное с неописуемым восторгом. Зимняя красота так тиха, мудра и чиста, что вызывает в душе лишь сладостные мгновения долгожданного перерождения.

Короткий зимний день удручает только стариков, когда они, изредка взглядывая через плечо в окно, и отрешённо замирая в своей грусти, сидят неподвижно, прислонившись спиной к стене, и не произносят ни слова.

Грусть их теперь схожа с бесшумно падающим снегом или таким же неслышным белым сном, что однажды сокровенно приходит хрупким розоватым утром, и ненавязчиво обнимает дома, сады, замершую подо льдом реку и лес.

Невозможно постигнуть, как из года в год, с неукоснительной неизбежностью подступая в одно и то же время, волшебница-зима всех очаровывает и оставляет без ответа: зачем она это делает?!

X X X

Заманчиво проникнуть в неведомый, непохожий на твой, лесной мир! Но для этого нужно преодолеть обустроенную домашнюю обстановку и уют, что отделяют тебя от обитателей леса, и попытаться увидеть ночь глазами совы, учуять добычу обонянием волка и услышать трубный призыв к единоборству с соперником ухом сохатого. Ты сам должен стать зверем, преисполненным жаждой добычи, таким же вольным и неудержимым в своих животных устремлениях, никого и ничего не боящимся.

И вот, как чуткий зверь, пристально вглядываясь и всматриваясь в потаённую лесную чащу, научишься ты постепенно видеть, слышать и чувствовать ещё более тонко, чем прежде. Так глубоко и проникновенно, что меж людей однажды скажут: он себе такую звериную сноровку взял, что у него, как и у леса, всего много… Не человек, клад!

X X X

В древности посвящения в великие мистические таинства сопровождались длительным пребыванием в темноте, она оказывалась живительной, когда человек преодолевал её своим внутренним зрением. Так и нахождение в ночном лесу, на глухарином токовище, невольно вызывает устремлённость к усилению в себе внутреннего света, позволяющего видеть…

Лесная тропа, в ночи, особенно – при поиске глухариных токов, сродни жизненной тропе мудрости, проходя которую, ты и не замечаешь, как постепенно, это происходит далеко не сразу, а в течение многих лет блуждания по лесу, твоё внутреннее зрение становится всё ярче. Какие-либо тревоги, связанные с темнотой, покидают сердце, и ты понимаешь, что испытание тьмой, что уготовил тебе ночной лес, незаметно изменило твою душу, она наполнилась космической ясностью и глубиной. Ты, в конце концов, обрёл недостающие стойкость и мужество, сердце твоё достигло мудрого покоя, и всё это - благодаря потаённой лесной чаще, её завораживающей темноте, несущей в себе внутренний свет.

Именно благодаря глухариным токам открыл я для себя, что ночь не так уж непроглядна! Даже без лунного света глаз способен воспринимать

окружающие предметы достаточно ясно, а проходит немножко времени - и ты вовсе осваиваешься в обступившей темноте.

Надо не лениться и как можно чаще бывать в ночном лесу, особенно – весеннем, и тогда увидишь многое из того, чего ни за что не встретишь днём. Лес устроен так, что ночь в нём полна жизни!

Х Х Х

Бывает, в феврале начнутся долгие оттепели, и в воздухе повеет весной. Снег на молодых ёлочках быстро подтаивает, скатывается, и деревья стоят обнажённые, вроде бы, даже чуточку растерянные, будто и не зима вокруг, если смотреть только вверх.

Ночная пороша заботливо присыплет открытые лица деревьев снежной пудрой, а на утро – опять тепло, и тогда припорошенные ёлочки сбрасывают свой ночной наряд и, радостно посверкивая свежими блёстками, выглядят ещё более молодыми.

Стоит конец февраля, а птицы и звери уже начинают делиться на пары. Клесты в лесу единственные, кто выводит птенцов. Весь шум в лесу от них. Носятся стайками, неутомимо щебечут, обрывая шишки с верхушек высоких елей.

Дятлы, забираясь в осиновую гущину, с остервенелым вскрикиванием гоняются друг за другом, они в эту пору не похожи на себя. Белки, цокая и вереща, время от времени перебегают с дерева на дерево, возбуждённо играют. Все они сейчас задают тон в лесу.

А вроде бы, тихо протекает лесная жизнь, надёжно скрыта она от посторонних глаз, нелегко пробраться к ней через великие сугробы. Снег, не переставая, кружит и падает с небес, и наст никак не может установиться. То и дело посвистывают метели, морозы прижимают снежный покров плотнее к земле, а через несколько дней опять валит снег, и нет ему конца.

Тяжело стало передвигаться большим зверям: волку – скрадывать добычу, лосю – отыскивать более сочную кору. Только лёгкому на подъём зайцу всё нипочём: в тёплые дни изредка можно услышать его предвесеннее бормотанье.

Долго ещё лежать снегам, дуть колючим ветрам, далеко до прилёта птиц, но в февральские оттепели уже ощутимо пахнуло весной, новой пробуждающейся жизнью. День усиленно прибывает, переваливает через надоевшую зимнюю стужу и длинную ночь. Чем больше света, тем больше радости в лесу!

Х Х Х

Белёсое, затянутое мутной плёнкой зимнее солнце как-то неловко выкатывается на хмурое небо и, прячась за рваные бесцветные тучи, начинает потихоньку светить. Делает оно это почти незаметно, но

приглядевшись, от него трудно бывает оторваться. Чем-то неизъяснимым притягивает к себе солнце в этом занесённом метелями мире.

Солнце почему-то хочется запомнить и даже унести с собой, поэтому часто достаёшь фотоаппарат и снимаешь. Ждёшь, когда тучи минуют его кремовые, чётко очерченные бока, и нажимаешь на спуск. Теперь солнце в каждом своём неповторимом мгновении остаётся с тобой.

Но тебе всё мало, ты жаден до его непередаваемо загадочного и рассеянного света, и всё снимаешь, снимаешь, стараясь запечатлеть что-то важное для себя, не упустить его, а солнце, равнодушное к твоим попыткам обрести его тайну, неприметно перекатывается по зимнему небу, то исчезая, то вновь появляясь в туманных февральских просветах…

X X X

Всё в природе награждает человека своими исконными качествами. Он становится лёгок и бодр при виде умытого утренним дождём облака, весело бегущего по небу. Могучим и глубоким душой от столкновения с лесным воеводой-медведем, не желающим уступать дорогу. А то бывает и так - станешь осторожен до беспамятства, подобно бедолаге зайчишке, что ещё до снега сменил летнюю шкурку на зимнюю, и вздрагивает от каждого шороха…

Сила природы так велика, что человек не может противостоять ей, невольно подчиняется и, преображаясь, порой не узнаёт себя.

X X X

Случится с тобой однажды такое, что жизнь покажется бессмысленной: и еда не лезет, и работа в тягость, и сон отлетает, и в лес идти совсем не хочется. Так проходит день, другой, третий, а то и неделя, даже месяц. Вот и солнечный март подступил – у тебя же одна мысль: как бы одолеть кручину и поверить в спасительную перемену, чтобы она, нежданно-негаданно, коснулась твоей души, и та, хоть маленечко отогревшись, радостно затеплилась, ожила?

А надо-то было всего лишь забыть на время себя самого, и помочь какому-либо доброму человеку. А ещё лучше - улечься с вечера пораньше, позабыв про все приключившиеся с тобой горестные переживания, радостно пробудиться поутру от барабанной дроби дятла, протяжно и звонко раздающейся в ближайшем лесу, и отправиться к нему в гости.

X X X

Далеко не сразу я разглядел, что дожди бывают разноцветные… Первые, апрельские дожди, обычно чистые и прозрачные, подобно драгоценным слезинкам земли - алмазным камешкам. В них сосредоточен весь весенний

свет. Летние дожди, пронизанные золотистым солнцем, с лёгкой туманной дымкой - нежно-перламутровые. Осенью же, в октябре, из-под высоких небес летят и разбиваются о ветви холодные серо-коричневые капли.

Но когда приглядишься к ним, то различишь, что скоро уже закружит в воздухе долгожданный снегопад - на одном часу и снег, и дождь, и после такой чистоты в природе заиграет в небе, сияя всеми красками, ясное солнышко. Быть было ненастью, да белый снежок помешал. Столько на свете радостного цвета, что сердце играет, а лицо тоже цветёт!

X X X

Во сне мне часто снятся одни и те же лесные места, в них я, вроде бы, неоднократно бывал, но вот что странно: наяву ни одно из них мне не встречалось. При этом – я хорошо знаком с лесной местностью, что приходит ко мне во снах. Несомненно, я неоднократно оказывался здесь, ибо очень легко ориентируюсь среди речных распадков, перелесков, холмов и потаённых троп, прекрасно представляя – куда мне следует каждый раз направиться, чтобы достичь задуманной цели.

Я иду по диким безлюдным местам, совершенно не тронутым бездумным вмешательством человека, и в тоже время понимаю, что моё нахождение в этом загадочном лесном мире не случайно: оказывается, я давно уже исследую его, причём, всегда один, и никто из людей мне здесь никогда не встречался. И всё это – во снах, что происходит с каким-то неизведанным для меня постоянством, когда я прохожу и давно знакомыми тропами, и ещё неизведанными.

Продвигаюсь по ним уверенно, точно зная – зачем я это делаю там, в своих снах, но когда просыпаюсь – не могу вспомнить: по какой причине я очутился в лесу, что не существует в реальном мире, тогда как могу отправиться в любой момент в свои любимые лесные места в настоящем, не погружаясь в сон… И сон ли это, а не перемещение души в иное энергетическое пространство, может быть – параллельное тому, где я сейчас живу?!

Случалось, наяву мне встречались в лесу такие уголки, к которым стремишься в мыслях, но не находишь ответа: чем они так привлекают? Вроде бы, те же величественные боры, потаённые лога и тропинки, что и в других местах, и всё же в них скрывается нечто неповторимое. Как объяснить эту удивительную привязанность, когда весь остальной лес для тебя как будто бы отступает на задний план?!

Наверное, в таком кусочке леса живёт часть твоей древней души, которая когда-то не захотела его покидать, а при встрече с тобой обращает на себя внимание и неотступно манит. Может быть, даже это была не одна жизнь, а несколько, что ты прожил в лесу, и теперь уже не в силах обрести вновь. Оттого и приходишь под таинственный лесной полог, ищешь их и не всегда находишь. Лишь редкие островки былой памяти будоражат твоё

воображение, и ты радуешься тому, что не забыл их до конца, и они когда-то были.

Но всё, что происходит с тобой во сне – совсем иное… И, тем не менее, ты бывал здесь, где всё тебе хорошо знакомо! Скорее всего, способность бывать в невидимых тебе на земле мирах, и только - во сне, связано с путешествиями души человека. Вернее, с помощью одного из тонких тел, принадлежащих ему, а именно - астрального, когда твоя духовная субстанция уже достаточно развита, она достигла более высокого уровня сознания, и обрела возможность перемещаться в энергетическом пространстве более свободно, то есть – осознанно.

А поскольку тебя глубоко занимает изучение природы, желание разгадывать её многочисленные тайны, и ты нередко бываешь в родном лесу, в своих любимых местах, то твоя развивающаяся душа, конечно, стремится к постижению непознанного, что лежит за рамками хорошо известного. Ей не хватает раскрытия новых горизонтов, и она неудержимо устремляется к ним, где бы они ни пролегали, пусть и за окраиной земной поверхности: ничто не в силах удержать тебя от овладения недостающими знаниями.

Воображаемое тебя уже не устраивает, твоё бессмертное духовное существо, одарённое всевышним разумом и волею, просит достижения непознаваемого, чтобы оно стало известным. Нет пределов тому, что способно объять это внутреннее природное око, твою неизбывную живую душу, что устремляется в беспредельную и увлекательную вечность, без начала и без конца чудесный божественный праздник. А как известно, чего душа, обращаясь к небесам, желает, то Господь и даёт!

X X X

Красота жизни… Основу её, конечно, составляет божественное содержание, иначе - это просто занятная привлекательность. А божественное содержание природы предполагает её высокую жизненную энергию и мудрую целесообразность, призванную обеспечить бесконечное развитие любого существования.

Такова природа всего божественного, и в своей основе, не важно - лес это, горы или море, она всегда интересна, богата и прекрасна.

X X X

Всегда поражало: как завораживающе звучит в весеннем лесу барабанная дробь дятла! Думалось: лес необычайно гармоничен, если так мелодично несёт в себе однообразный стук дятла по дереву, и он полон невероятных проявлений, которые соединяются в его насыщенном звуками живом пространстве. А барабанная дробь, может быть, самая выдающаяся вибрация, услышав которую, настраиваешься в жизни на что-то самое

важное, и терпеливо ждёшь, что за диковинную дверцу откроет в твоей судьбе этот звуковой ключик?

X X X

Поздняя осень, выпал первый снег, и, как ни странно, наступила именно та пора, когда в нашем лесу оживляются самые маленькие обитатели. В разлапистых ветках ёлок без устали вертится и тоненько посвистывает зеленовато-оливковая птичка – королёк.

Ростом он чуть больше стрекозы, разглядеть его можно только замерев и пристально вглядываясь в заснеженный лесной полог, а отличается он от других пернатых малюток рыжевато-золотистой коронкой на молодцеватом хохолке, отчего и получил своё гордое имя.

За неугомонный нрав и несоответствующую его размерам бойкость лесовики ещё прозвали эту птичку «гвоздик», то есть, несмотря на неказистый вид, - стойкий и неунывающий, сметливый и проворный. Не зря королёк поёт у нас и в морозы: маленькая птичка, да ноготок востёр!

X X X

В грибном царстве нашего русского леса никто не сравнится по яркой раскраске с сыроежками! Исстари повелась в народе поговорка о ряженых в цвета радуги грибах: тридцать пять братьев - и все от разных матерей. Зелёные, розоватые и лиловые, ярко-красные и бордовые, пурпурные, голубенькие, синие и серые, тёмно-коричневые, а то и густо-фиолетовые - нарядные сыроежки неповторимы по цветовым оттенкам, но более трогательна их фарфоровая белизна, которая всегда располагает к доверию и не внушает никаких сомнений.

X X X

Среди мелкорослых сосенок, на моховых кочках, созревает последняя ягода – клюква. В ней сосредоточены сентябрьское солнце, влага земли, червонное золото лиственных лесов, изумрудная хвоя, подмороженный чистый воздух, аромат инея, горечь болот и задумчивость осенних далей… Берёшь ягодку, а в ней – весь мир.

X X X

Как-то поздней осенью исхудавшая волчица, понуро опустив голову и хвост, неспешно семенила у края дороги мне навстречу. Казалось, её ничто не тревожит. В каких-нибудь двадцати метрах, даже не глянув в мою сторону, она резко повернула в кусты и исчезла.

Я стоял, опешив от ощущения близости редкого зверя, и почему-то был уверен, что ещё увижу его: так оно и случилось. Волчица, осторожно обойдя меня в чаще, бесшумно выскользнула из неё чуть поодаль, с другой стороны дороги, и опять глянула прямо в лицо.

Не отводя взгляда и не мигая, она с минуту холодно смотрела мне в глаза, а затем, всё так же понуро повернувшись и не издав ни звука, удалилась. Словно осень, что ты знаешь, уже ничего не принесёт тебе и скоро исчезнет, как и эта волчица, оставив после себя лишь ощущение щемящей душу недосказанности.

Так случается в эту неопределённую пору, когда кафтан с шубой, вроде бы, сдвинулись, но уступить друг другу не в силах. Поздняя осень, говорят в народе, подошла: то кисель, то блины, сиди, да гляди!

И тебе вдруг отчего-то становится грустно, когда врасплох застигнутый тобой в лесу зверь, не шелохнувшись, долго смотрит в твою сторону, затем как-то обмякает и, кинув на тебя, последний раз, свой потухший взгляд, не торопясь, удаляется в чащу, оставляя наедине со своими нехитрыми заботами.

X X X

Как-то утомился я шагать по солнечной апрельской дороге с лыжами через плечо, с рюкзаком, и улёгся от усталости прямо у обочины, на наст. После бессонной ночи на глухарином току, снежная постель показалась мне простой и удобной.

Небо над головой выгнулось необъятной синью, как шёлковое одеяло, и дышало теплом. У самых ног, в колее дороги, ласково журчал неугомонный ручей, так что мне тотчас захотелось спать, и я уснул.

Но спал, не обрывая своего восприятия, примечая и чувствуя всё вокруг, так что время пролетало мимо и … оставалось на месте.

X X X

Недвижимой представляется весенняя ночь. Оранжевая луна, крадучись, прячется за деревьями, неслышно перебирается к чернеющему западу. Сновидения в эту пору не одолевают разгорячённое за день воображение, и всё живое лишь замирает в предвкушении скорого оживления.

Первый вальдшнеп неожиданно протянет где-то над верхушками елей и, утробно хоркнув, разбудит ненадолго задремавший лес. Всё как будто встрепенётся в нём, приготовится встретить скорое утро, и словно станет легче дышать.

Невидимый воздух плотен, свеж, и приятным откровением слышится в нём монотонная песня кукушки. То удаляясь, то наплывая, она сначала не привлекает обострённого внимания. Слух напряжён в ожидании долгожданного глухариного точения.

Но постепенно заунывное кукование доходит до твоего успокоенного ночной тишиной сердца, и ты начинаешь, в такт неугомонной птице, считать свои года, готовые в любой момент оборваться, и от этого сердце вновь охватывает волнение, а кукушка всё кукует и кукует, не оставляя никакой надежды на безудержный порыв. Только безукоризненная, даже чуточку надоедливая размеренность, вносящая умиротворение в зарождающуюся жизнь.

И всё же непонятно к чему призывающий крик кукушки так и не даёт до конца успокоиться, тревожит, и, остановив своё счёт на трёхстах, я ещё долго слышу, как над лесом разносится размеренное «ку-ку, ку-ку, ку-ку», и при этом не могу отделаться от не совсем приятного ощущения, что буду жить вечно.

X X X

Весенний день ласково струится над оживающим лесом. Ослепительно припекает солнце, а дорога упрямой лиловой лентой убегает к манящему горизонту. С маленьких придорожных лужиц, подпуская почти вплотную, пугливо срываются юркие кулики-черныши, и над затопленным в низинах тальником разносятся их отрывисто-восторженные вскрикивания.

Одинокий ястреб-тетеревятник плавно кружит над еловыми гривами, наворачивая круг за кругом, медленно уменьшается, постепенно становясь невидимым. Я лежу на маленьком стожке сена, оставшегося с прошлого года, и отрешённо наблюдаю за его размеренными, еле уловимыми движениями.

Нельзя даже различить: шевелит ли он кончиками крыльев? Должно быть, ястреб уже успел рассмотреть во мне незваного гостя и, охладев, гордо взмыл в недосягаемое для человека пространство. Вознёсся, наслаждаясь собственной свободой, не принимая какую-либо ограниченность.

В его глазах сейчас, наверное, стекленеет презрение ко всему. На какой-то миг мне вдруг становится жаль себя.

Открывающаяся в лесу человеческая растерянность порой бывает постыдна. Правда, по некоторым причинам, она не всегда становится достаточно ощутимой. Главной виной тому – растраченная или пока так и не пробудившаяся в человеке совесть: свойство, которого лишены животные.

Совесть - робкое, а порой и довольно требовательное напоминание человеку о его душевном превосходстве над зверем, тогда как на деле это не всегда происходит. Более мучительным для человека оказывается постижение безвозвратной утраты им прекрасной звериной силы. И тогда человека начинает снедать тоска и неудовлетворённость, он заболевает полётом, и уже не мыслит себя без высокого неба.

Казалось, одиноко парящему в вышине ястребу нечего предпочесть своему отрешённому парению, и это отторжение гордой птицы сначала незаметно окрыляло, унося вместе с ней в необозримую высь, а затем повергало в ошеломительную зависть.

Земля под тобой становилась вдруг невесомой, какая-то неведомая сила приподнимала тебя над лесом, и ты уже не отдавал себе отчёта в своих чувствах, все они сливались во всепоглощающее переживание дикой свободы, а её можно ощутить вот только таким, тревожащим сердце, весенним днём, превращаясь в мыслях в легкокрылого и недосягаемого ястреба.

X X X

Если вообразить себя каким-либо растением, соединённым корнями с недрами матери-земли, то я представляю маленький северный цветок с бледно-голубоватым, неброским соцветием. Цветок стойко удерживается на обрывистом склоне высокой горы у какой-нибудь потаённой таёжной реки, и то улетает мысленно вслед за свежим ветерком ввысь, то возвращается и с тихой мечтательностью вновь прижимается к родимой земле. Как будто в оправдание перед всеми за своё неприметное счастье, цветок иногда низко склоняется головкой, но никто этого не замечает.

X X X

Нелегко отыскать в лесу такого зверя или птицу, чтобы они долгое время не подозревали, что на них смотрит человек. Встречи со зверями сами по себе не часты и, как правило, кратковременны. Что же касается птиц, то они скоро улетают, словно чувствуя чьё-то незримое присутствие. Так бывало не раз, когда я наблюдал за ними через оконное стекло лесного домика.

Подкравшись тихо к окошку, бывало, замрёшь и смотришь на расстоянии вытянутой руки, чем занимаются птицы, какое им свойственно поведение, или разбираешь яркое оперение, запоминая его всевозможные оттенки. Уже через несколько секунд птицы начинают выказывать тревогу, подхлёстывают себя ею, разжигают и, доведя своё обострённое восприятие до допустимого накала, улетают в возбуждении, тогда как ты всё это время, затаив дыхание, оставался недвижим. Значит, что-то они угадывают сквозь видимое раскрепощение, какой-то механизм предусмотрительности, заложенный в них природой, надёжно срабатывает, быть может, даже независимо от их воли.

Так, однажды, обнаружил я за окном избушки обыкновенного осоеда, птицу в наших лесах довольно редкую. В каких-нибудь десяти шагах от дома сарыч с нетерпеливым клёкотом переминался с ноги на ногу, рыл под собой землю в густой траве, а как только я подошёл к окну разглядеть его лучше, тут же улетел.

Осоед, как выяснилось позже, раскапывал осиное гнездо, не боясь при этом быть ужаленным. Осы – главная часть его обеда, но ест он только тех,

которые не совсем развились и не могут повредить его своим ядовитым жалом.

Осоед был красив, вёл себя, в отличие от других хищных птиц, как-то раскованно, и очень свободно передвигался по земле. Но более всего поразила меня его резкая, совершенно неожиданная настороженность, поскольку следил я за ним с подсолнечной стороны, и видеть меня за двойным стеклом он не мог. Не мог он меня и услышать, потому как подобрался я к окну, закрываясь от птицы стеной, не делая резких движений. Я даже не слышал самого себя!

Какие-то мгновения сарыч ещё находился в полной отрешённости, был начисто раскрепощён в своём увлечении добычей осиных яичек, но затем молниеносно насторожился, беспокойно закрутился на месте и, слегка взмахнув мощными крыльями, улетел. Звук его голоса – торопливое, часто повторяемое «ки-ки-квик», ещё долгое время слышался над лесом, а я подумал о том, что поводом для беспокойства осоеда послужил только мой взгляд, может быть, моё пристальное внимание к нему, и он, несомненно, почувствовала это.

X X X

Идя ночной порой на глухариный ток, задумаешься, бывало, о чём-нибудь, что давно не давало покоя, а окружающая парная темень жарко дышит в лицо и ещё более сгущает тяжкое настроение: радость равнодушно покинула твоё сердце.

Запинаясь о невидимые кочки, бредёшь в липкой темноте, и всё думаешь о чём-то тревожном, на душе неспокойно и сумрачно. Уже затемнели верхушки тальника на чуть светлеющем небе, утробно вздыхают по лужам разбуженные лягушки и, пустив несколько пузырей, умиротворённо замирают. Тяжело идти, тяжело дышать, нелегко думать!

И вот, крик случайного бекаса над самой головой выведет из охватившего оцепенения, заставит остановиться и неожиданно отвлечёт от невесёлых дум. Куличок стремительно падает в необозримой вышине, перышки на его крыльях вибрируют, и кажется, будто совсем рядом блеет барашек…

Вглядываясь в прозрачное небо, какое-то время стоишь в приятной растерянности, вслушиваешься и ощущаешь только удары разгорячённого от ходьбы сердца. Такой же крохотной птичкой бьётся оно в груди, трепещет невидимыми крылышками, а ты и не ведаешь, что незаметно, благодаря маленькому бекасу, в тебе уже пробудилась утерянная радость.

X X X

Поздней осенью, когда ещё не лёг на землю снег, особо ощущаешь тишину, что непроницаемо стоит над замершими деревьями, застылым озерком и уходящей вдаль пустынной дорогой.

Уже все деревья обронили листву, и только дубы жёстко шелестят своими ржавыми листьями. Нескладными увальнями выглядят они по сравнению с притихшими осинами, берёзами и липами. Их размытые очертания ещё сохраняют в себе уверенность: они не желают так скоро расставаться с теплом и крепко удерживают высохшие листья на чёрных ветвях.

Ветви упрямо упираются в бесцветную полосу осеннего неба, в стылом воздухе веет скорым приходом снега, над сухой подмороженной землёй будто стелется чуть приметный дымок. На всём лежит покой, и природа, кажется, замерла, отдыхая от переполнившей её жизни.

Уже давно ожидал ты первого чистого снега и знал, почти до мелочей, как это будет, но вот снег выпал, и белизна его сразу стала непривычной. Белое равнодушие заснеженных тихих полей и остановившегося пасмурного неба сначала на миг заворожило, а затем со всей ясностью обескуражило. Как серьёзно то, что произошло! Вновь подступило предзимье…

Воздух свеж, ароматен и спел. Липучий снег цепляется к подошвам сапог, оставляя позади тёмные следы. В них виднеются бурые примятые листья, они прилипают к каблукам, но кое-где всё ещё зеленеет трава. Изредка переступаешь поваленные осинки с обглоданными верхушками, и сразу представляется, как в ночной темноте здесь весело прыгали зайцы, и объедали вкусную, сочную кору.

С первым чистым снегом ты словно сам молодеешь. Возвращаясь же в дом, расслабленно оттаиваешь, так что недавнее возбуждение сменяется благостным настроением, пока опять не выйдешь во двор. Предзимняя тишина тогда быстро вселяет в твою душу долгожданную уверенность, покой и сладостную надежду на то, что предстоящая зима принесёт много радости и здоровья.

X X X

В густом еловом лесу поднял я однажды филина. Он бесшумно перелетел поляну, и уселся неподалёку. Летел ночной хищник плавно, так что можно было хорошо разглядеть его тёмно-рыжий окрас с ярко-чёрными красивыми подпалинами. Крылья у филина были неестественно вздыблены, потому как предплечья – самая сильная часть тела птицы, а когтистые ноги устрашающе свисали под брюхом.

Большую круглую голову, похожую на кошачью, украшали мохнатые уши… Вернее, пучки перьев, напоминающие их, и ещё - мощный загнутый клюв. Огромные оранжевые глаза бесстыдно взирали вокруг, будто пронзая своим холодом. Весь он был невозмутимый и целенаправленный, в

поведении птицы чувствовалась ненаказуемость, призванная в лесу только брать, ничего не отдавая взамен.

И сразу дохнуло сказочностью, уверенностью в том, что лесной дух всё же существует. Если не в этом, бесшумно проскользнувшем между деревьев филине, то в силе, что движет и созидает его полёт. Показалось, будто какой-то непонятный сон на миг обволок сознание, но, даже избавившись вскоре от нахлынувшего видения, некоторое время я ещё оставался завороженным от увиденного, а цвет оперения филина тотчас напомнил цвет шероховатого елового ствола, о который я опирался рукой, наблюдая за необыкновенной птицей.

Филин вертел головой, словно она была на шарнирах, хлопал огромными глазами и возбуждённо раздувал шею. Выглядел он скорее забавно, нежели устрашающе, между тем как в птичьем мире филин слывёт самым загадочным хищником, которого многие птицы и звери не на шутку боятся.

Облик птицы, действительно, вызывает ощущение беды или страха, но на самом деле в филине зловещего не больше, чем обаятельного, и лесной бог посылает его обитателям леса только за тем, чтобы филин своим уханьем напоминал им о таящейся в чаще опасности, и тут же от неё отпугивал, время от времени предоставляя возможность для спасения.

В народе издавна чтили сказочную лесную глухомань, но вскрикивания ночной птицы восприняли по-своему, и прозвали филина «пугачом». Крестьяне, заслышав в лесу ухающую птицу, всегда крестились и старались быстрее миновать «гиблое» место, приговаривая: «Из пустого дупла – либо филин, либо сам сатана!»

X X X

Разве можно точно передать то душевное восхищение, которое охватывает тебя поутру при входе в сосновый бор, с мартовскими синими тенями от стволов, меж которыми пролегли борозды глухариных набродов?! После того, как ты это увидел, в лесу почему-то начинает открываться ещё много такого, чего раньше вообще не замечал.

И тогда всё вокруг представляется чудесным: и снег, и воздух, и солнце, и глухари, которые только что были здесь, но улетели, и ты не в силах сдерживать восторженного сердцебиения от их недавнего присутствия. Скоро у глухарей начнутся тока, поплывут над землёй звуки их неподражаемой древней песни, и ты переполнен неописуемым чувством сопричастности всему, что происходит сейчас в природе.

Нужно всегда самому осознанно войти в мир дикой природы, отыскать для себя смысл её волшебства, и почувствовать себя самым счастливым.

X X X

Думал о том, почему ласточки более других птиц пользуются человеческой симпатией, особенно среди женщин. Приходили на ум и их внешняя красота, облачённая в белоснежную манишку и чёрный сюртучок, и трепетная забота о птенцах, ради которых вездесущие птички готовы неутомимо трудиться весь день, и стремительность завораживающего полёта, когда они львиную долю светлого дня свободно витают над землёй, ни на секунду не присаживаясь на неё.

А ещё - умение строить такие аккуратные и надёжные гнёзда под карнизами наших домов, не говоря уже о таинственных береговых норках, из которых, если потопать ногами, ласточки стрелой вырываются и долгое время носятся над водой, не в силах успокоить растревоженное маленькое сердце. Но все эти достоинства почему-то не удовлетворяли, в них не хватало чего-то самого главного, за что ласточками можно было восхищаться и любить.

И тут я вдруг остановил своё внимание на ласковости их имени, с какой в народе величали этих обаятельных птиц… И сразу вспомнилось ласковое деревенское утро, летом, что невозможно представить без их стремительного полёта, и ласковое тепло солнечных лучей, и что-то ещё очень нежное, без чего ласточкино утро никогда не будет таким добрым и дорогим.

Милые птицы, скорее всего, вселяют в сердца людей трогательную признательность за своё очаровательное добродушие, с каким они воспринимают жизнь: одновременно и божественно, и просто. И кому, как не женщинам, наиболее приятно представлять себя в тёплых струях живительного летнего воздуха именно ласточками, а не горихвостками или овсянками!

X X X

Однажды мне посчастливилось отыскать маленький глухариный ток неподалёку от деревни, и когда я подходил под песню к токующему глухарю, отчётливо было слышно тявканье собак. Глухарь в такие моменты замолкал, забавно замирая на суку с приподнятой лапой, настороженно поворачивал голову то в одну, то в другую сторону, внимательно прислушиваясь к доносящимся с деревни звукам, и новую песню заводил уже не так азартно, а как-то нехотя, в полсилы.

Родившись и живя рядом с человеческим селением, и будучи, по-видимому, достаточно молодым, глухарь чем-то неуловимым становился похож на деревенского петуха, оставаясь всё же лесным.

X X X

Одинокие пни, на первый взгляд, кажутся безучастными ко всему, что их окружает, неторопливо перекатывая свои угрюмые мысли. Усталыми

корнями погружённые в темноту подземного царства, они отдалённо улавливают шёпот буйно подступающих к ним трав.

Иногда, откуда-то сверху, до них доносится неясный шум и, угадывая в нём для себя что-то очень знакомое, они, поднатужившись, пытаются вспомнить, где и когда уже однажды слышали подобное. Но одиночество их так беспросветно, и подступившая старость настолько неумолима, что, забываясь в дремотном полусне, они опять, на неопределённое время, утихают, пока ветер не принесёт им какие-нибудь чуткие мысли.

Но много ли они могут взять с него в этом неуловимом общении? Скорее всего, ветер и не замечает в своём порывистом напоре присутствия пней и, почесавшись об их порядком иссохшие лысые спины, опять куда-то уносится. Старые пни, разволновавшись от его ласковых прикосновений, ещё долгое время не могут успокоиться, в волнении вспоминая только что пережитое. Если в такие моменты по ним слегка ударить какой-нибудь берёзовой или еловой палкой, то они тотчас отзовутся тонким сухим звоном. Так пни реагируют на оказанное им внимание.

Натолкнувшись в лесу на сухой растрескавшийся пень, обычно ненароком посочувствуешь его утомлённому виду, и с неожиданным облегчением присядешь перевести дух. Рука твоя нащупывает приятную шероховатую колкость, и ты чувствуешь, как лёгкое волнение исходит от пня, и душа твоя мгновенно перенимает его. И тогда ты поднимаешься невольно и, поворачиваясь к пню лицом, долго смотришь, что же насторожило тебя в нём.

Пристально вглядываясь в померкшие годовые кольца, пытаешься прочесть память остановившегося времени. Словно это звуковые бороздки: проведи по ним зелёной хвойной иголочкой – и запоёт тихо обнажённая душа, разбуженная ветром. В мёртвом пне, вместе с чем-то отжившим, всегда проявляется неведомое новое.

X X X

Чувствуют ли корни дерева себя подневольными, постоянно находясь в темноте, тогда как верхушка кудрявится на чистом воздухе, ополаскивается дождями, окутывается солнечным теплом? Никогда не доходит до них белый свет, не уставая, работают они в своём заточении и, наверное, не могут не ощущать волны радости, которую переживает дерево каждый день.

Когда входишь в лес, всегда по-особому воспринимаешь течение времени. Это века в образе старых деревьев смыкаются над твоей головой, и среди них слышно, как длится мгновение. Ты поглаживаешь рукой их коричневую шероховатость коры, втягиваешь в себя запах смолы и, наконец, понимаешь: дух времени вдыхают в деревья корни. Они гонят накопленный сок жизни по устремившимся к небу стройным древесным телам, строят город из леса, и в нём появляются звери, и прилетают птицы.

Корни дерева недвижимы, но порывы их души можно определить по тому, как оно живёт: шелестит листом, машет ветвями, клонится к земле, чуть не надламывая себя, или стоит, не шелохнувшись. Невидимые миру, они пронизывают своим присутствием весь окружающий воздух, ненавязчиво касаясь каждого, кто проходит мимо внезапно зашевелившихся стволов.

А то вдруг разбушуются кроны под ураганным ветром, зашумят деревья ветвями и в окружающем пространстве вмиг повеет отрешённой пустотой: тяжело тогда станет на сердце. Но не обратится твой внутренний взор под землю, и совершающееся в воздухе смятение ты отнесёшь к поднебесным силам, ожидая только оттуда пугающего известия. Стоишь и не чувствуешь, как именно из недр земли, от шевеления корней начинает подниматься протяжный гул.

Взвоют тогда леса, ещё сильнее загремят ветвями деревья, будто идёт великое переселение. Тёмно-зелёное полчище неистовствует, грозно бряцает иглами. Увесистые шишки обрываются и с глухим стуком ударяются о землю. Но не даются деревья: труженики корни противоборствуют стихии, не боясь задохнуться, ещё более погружаются в спасительную тьму, и нет в этой упорной отрешённости корней беспамятства или безрассудства. Они – сама непреклонность.

В мире природы есть свои заповеди блаженства и изматывающего труда, и эти заповеди удивляют нас самым неожиданным поворотом, так что мы принимаем их с благодарностью. Ступая между вырастающих из-под земли корней, стараемся не причинить им боли, а преодолев видимое неудобство, которое они создают, взираем на них с немым любопытством. Исподволь копится тогда в сердце необъяснимая зависть от их затаенной мощи.

Пытаясь заглянуть в подземный мрак и не в силах представить себе вечное отсутствие света, мы проникаемся к корням тихим уважением и недоумеваем: как можно, оставаясь в этом извечно непроницаемом лоне, всю жизнь, не переставая, трудиться?! Но корни, ни на что не обращая внимания, почти ничего не слышат: не прекращая труда, они молчаливо заповедуют нам свою непреложную созидательную истину.

X X X

Оказавшись под пологом дремучего леса, объятого тишиной и величественным покоем, мне всегда хочется понять: в чём высшее предназначение моей собственной жизни? Но ели и сосны в молчании смыкают над головой густые макушки, и мои неприкаянные мысли, достигнув их, беспомощно растворяются в вышине, не находя спасительного ответа. Сам себе я тогда начинаю казаться ничтожно маленьким, можно сказать, вообще не существующим среди этого царственно могучего леса. Почему так неотступно терзает душу это необъяснимое желание, что каждый год влечёт меня в знакомое мне одному лесное место, точно обещая раскрыть некий тайный смысл, я не знаю.

Вглядываясь поздним вечером, сидя у костра, в неподвижно сомкнувшееся над головой небо, я чувствую, что есть нечто важное в таком, казалось бы, бессмысленном времяпрепровождении. Это открывается вдруг, с тревожащим душу ощущением даруемой лесом свободы и взаимосвязи со всем, что тебя в нём окружает.

С могучими стволами древних деревьев, подпирающих собой звёздное небо, с ударяющей в голову грибной сыростью, буйством трав, обвивающих старые высохшие пни, с нежным цветом земляничника, распространяющего вокруг сладковато-пряный сонный аромат, - в тебя незаметно вливается что-то удивительно простое и чудесное. Вместе с этим простым и ясным откровением душа тотчас наполняется мудрым покоем и ещё таким пониманием собственной жизни, что изредка проникающая в неё туманная грусть уже не пугает, а только убаюкивает: благословен будет твой путь, если ты в своём таинственном уединении, постигая тайны леса, не отдалишься от людей.

X X X

Думая об отражающейся в глазах душе, я часто вспоминаю животных…

У медведя, судя по взгляду, душа глубоко скрытная, может быть, непонятная ему самому. Он тихо изливает её сквозь глаза-щелочки и, такой же непонятый никем, бесцельно шатается по лесу. Самому ему эта душа, наверное, не доставляет ничего, кроме недоумённых снов, и он с головой погружается в них долгою зимою.

Медвежья душа неприкаянна в большом сильном теле, и от её неприкаянности зависит непоследовательность его поведения: из обаятельного косолапого недотёпы – неуклюжего и неловкого во всём зверя, он может через мгновение превратиться в разъярённого хищника.

У волка тело как будто создано для бездушья, но и в нём душа теплится и не даёт ему покоя. Гонимый неизведанным, заключённым в нём природой смыслом, волк неутомимо преодолевает бескрайние снега и вновь, безропотно, зарывается в них. Ему, конечно, не до размышлений о своей волчьей сути, и он с холодной непримиримостью принимает только необходимость обыденной скитальческой жизни.

Независимо от оболочки, звериная душа, должно быть, существует по своим законам. У человека более, чем у животного, она тянется к свету. Перебрав же многих зверей, понимаешь, что светлых глаз ни у одного из них не отыскать.

Только что-то глубоко забитое и невыразимое, скорее, неприступное в своём понимании, чем страшное. Словно и жива душа, но удручена чем-то очень строгим, чего ей никогда не преодолеть.

И всё же, темнота зверя притягивает своей неисчерпаемостью, и начинает незаметно казаться, что именно из неё однажды родилось начало

всего. И тогда светлой становится звериная неприкаянность, что звери, ничего о ней не ведая, несут в себе всю жизнь.

Животные чуют тонкости природного мира, но не осознают их. Люди могут и должны осознать связь с ним, но не замечают своего реального могущества. Чутьё зверей чаще оказывается вернее безволия человека и его жалких устремлений, когда он и не предполагает о заложенных в себе природой возможностях.

Не зря в давние времена было принято при дворе правителя показывать гостям диких зверей, коней и собак. При этом замечали отношение к ним животных. Многие послы прошли через такое испытание, не добившись для своих государств ожидаемых преимуществ.

А многие писатели используют животных в творчестве только потому, что не в силах избавиться от собственного несовершенства. Вернее, не желая преодолеть свою неосознанность.

Тёмная же звериная душа светла отсутствием какого-либо невежества, подлости. Она светла своими бесстрашными устремлениями к свободе, что даровал ей Господь. Душа зверей жива!

Х Х Х

Недавно я узнал, как поёт мохноногий сыч. Он издаёт глуховатый, по нескольку раз повторяющийся свист наподобие того, когда осенний ветер порывами задувает в дуле ружейного ствола.

Свист, начинаясь на высокой ноте, к концу выдоха идёт на понижение. Как будто неведомая насупленная птица, спрятавшись в укромном уголке леса, кому-то выказывает неразделённую обиду, не видя ничего, кроме своего маленького загнутого носа.

Сыч подаёт голос обычно в ветреную, дождливую погоду, словно желая подладиться под неё. Почему-то сразу хочется улыбнуться, представляя себе, как он это делает.

Сидит, наверное, нахохлившись, угрюмо и отрывисто дудит неизвестно для кого в свою в свою невидимую дудочку какую-то лесную побудку, как будто ничего, кроме этого заунывного пения для него не существует. Недаром говорят про недовольного чем-то человека: «Сычом смотрит!»

Х Х Х

Только раз в году, и лишь про первый осенний месяц, в народе с лёгкой грустинкой, но в обычае было заметить: «Вот и засентябрило…»

В этом простом выражении – мудрая удовлетворённость от ладно прожитой за зиму, весну и лето жизни, что уж сейчас-то, наконец, несмотря на холодные дожди, листопад и уменьшение

дневного сета, должна подарить заслуженный покой и благо. Хоть и холоден сентябрь, да сыт!

Х Х Х

В ноябре лес ещё не укутан в снежные шали, и потому хорошо видно, как он собирает к ночи все свои последние мысли и силы, чтобы, кажется, только выстоять в преддверии грядущей суровой поры, и окончательно не почернеть.

Но не пристало в темноте природы что-либо худое искать, ибо чёрная ночь – белому дню родная мать, и неожиданно для самого себя лес из зелёного вдруг незаметно оборачивается в изумрудные одежды, а затем - в фиолетовые, пронизанные золотым свечением искрящихся звёзд. Когда на небе воцаряется малиновая луна – он и вовсе преображается в обворожительно-трепещущее, не желающее угасать пурпурное лесное сердце, что потаённо вздыхает в таинственной ночной тиши, не желая угасать.

Х Х Х

Отчего волки воют? Наверное, не от того, что им страшно и одиноко, а по той же вековечной причине, из-за которой мучается над смыслом жизни человек. Волк понимает это только по-волчьи и, угадывая в вое голос своих предков, собственным голосом вступает в нелёгкую звериную жизнь.

Вой - это сигнал наступления зрелости, приобщения к стае. Это знак причащения волка к его будущей неутомимой жизни, что кажется людям совершенно неустроенной, но для самого волка она остаётся единственно доступной и по-звериному священной.

Протяжно взывая в бесконечную даль ушедших времён, будто жалуясь кому-то на своё неустроенное житьё и неприкаянную судьбу, волк, несмотря ни на что, продолжает в себе жизнь рода. Живя для природы, платя дань неподкупному звериному богу, он, должно быть, приобретает нечто большее, чем своё постоянное беспокойство, хотя печаль безысходности иногда и сквозит в его выразительной песне.

Но на самом деле в волчьем вое чувствуется проявление ума этого животного, постигшего предел собственной ограниченности. Вернее, невозможности идти дальше того, чего он уже достиг.

И всё же, волк зачем-то устремляется в это чутко угадываемое им, но неведомое бытие, в тайну своего лесного существования, и оттого светла, наверное, становится его неизбывная печаль, что ты с такою же глубокой заботою принимаешь к сердцу: печаль зверя тебе близка. Не зря и среди людей слывёт пословица: не пекись о том, что насущно, пекись о нетленном!

Но пытаются ли звери, действительно, преодолеть мрак лесной жизни? Волки просто не устают быть волками, преданными самим себе, их звериной душе, что даёт им способность угадывать загадочную правду своей жизни через собственную темноту. У зверей во тьме свет виден, хоть он и лукав!

Х Х Х

Когда подкрадывается темнота, устраивается удобнее и замирает, в ближнем логу, за избушкой, начинается не ведающая покоя ночная жизнь. Осторожно ступает она среди разного зверья, птиц и насекомых, а невидимые растения источают таинственные и душные испарения, что дурманят голову и будят воображение. Тишину разрывают клокочущие глухие звуки, крадущиеся шорохи и чьё-то ворчание: темнота вступает в свои права.

Никогда в эту пору не ударит по дуплистому стволу дятел, ночь растворила его. Ночное море теней затопило и землю, и лес, и небо. И только луна спокойно сияет в недосягаемой вышине, изливая холодные лучи на дремлющие спины могучих елей, укромные поляны и мою избушку. Тёмная ночь в лесу – татю родная мать, но доброму сердцу она не в убыток.

Х Х Х

Каждая птица чудесна по-своему. Особенность тетерева – в его взрывчатости и стремительном напоре. Одинаково оглушительно режет он воздух зимой, неожиданно взрываясь из-под снега, и осенью, когда в умиротворённой тишине вдруг взметается свечой над частым осинником, исступлённо бьётся какое-то мгновение в его скрестившихся ветвях…

Сердце сладко замирает, подкатывая прямо к горлу, а потом словно срывается от невозможности вытерпеть эту восхитительную паузу, и жарко ударяет в виски. Короток миг тетеревиного порыва, но ещё долго стоит он в ушах, не давая на чём-либо сосредоточиться.

Когда же всё проходит, и первозданная лесная тишина вновь обволакивает твой слух, начинает казаться, что ничего не происходило. Так стремителен был этот поразительный взрыв энергии, неизвестно зачем скрытый ото всех в этом чёрно-синем, отливающем воронёной сталью оперении чудесной боровой птицы, что зачем-то очаровала и будто унесла с собой твоё взбудораженное сердце.

Х Х Х

Лес по ночам обычно наглеет… Вернее, наглеет в нём что-то неуловимое, так до конца, каждый раз, и не объяснимое, приходящее вместе с темнотой. Оно гуляет и порхает в непосредственной близости от тебя,

переносится разорванными тенями между деревьев, исчезает и вновь появляется, но всегда остаётся загадкой.

Маленькая избушка, робко притаившаяся среди леса, кажется, не защищает от этого наваждения. Трепещущий огонь в печке, с уверенным гулом вырываясь из трубы наружу, сразу осекается, в мгновение поглощённый окутывающей чернотой. Где-то там, в холодной недосягаемости леса, витают мириады не распознанных диких существ.

Ощущение их присутствия порой так остро, что приходится то и дело приподниматься на нарах, с затаенным дыханием подолгу всматриваясь в окошко, и настороженно вслушиваться: не стоит ли кто за стеной?

Порой кажется, что посреди мятущегося ночного бытия, за монолитными, овеянными ветрами и временем стенами, копошится непонятное возмездие, что всё-таки нащупало в тебе уязвимое место. А может быть, это подбирается твоя, всё время поражаемая, но неистребимая судьба, или кто-то, ни за что, ни про что, вдруг надумал тебя просто попугать, стараясь произвести впечатление твоего неминуемого поражения, как бы спокойно ты к этому не относился. Во всяком случае, ощущение от кого-то, притаившегося за дверью, несомненно, не покидает.

Присутствует необъяснимый страх, над ним никогда не приходится долго задумываться, и, тем не менее, он всегда подспудно присутствует в ночном лесу. Но на всякую беду страха не напасёшься, и хоть глаза у него велики, и он в доме только хорош, а без этого лесного страха почему-то менее приятно жить. В ком есть страх, в том есть и Бог!

X X X

Одно дело - просто ждать весну, другое - заранее готовиться к ней. Готовиться именно к той единственной, что должна принести нечто недостающее, важное и что может открыть только она, весна. Твоя весна!

Хорошо начинать её, когда повсюду ещё лежит снег… Февраль не сломил до конца рога зиме, и могут ударить крепкие утренники, такие крепкие, что если бы ни март, то ты даже засомневался бы в близкой весне. А порой задуют до того пронизывающие ветры, что и вовсе ранняя встреча весны покажется напрасной.

И всё же ты знаешь: весна уже где-то здесь, с тобой, и если её ещё не видно глазу и не слышно уху, то чувствуешь её несомненно. Она вливается в тебя не широким руслом, а лишь пробившимся сквозь снега ручейком: нашёптывает что-то сокровенное, робкое, но и неудержимое, будит в душе молодые силы и не даёт спать.

Каждый февраль, загодя до этого ожидаемого весеннего праздника, мысленно отправляешься ты к своим родимым лесным местам, мысли о которых тревожат всякий раз по-иному, навевают думы и воспоминания. Никогда вёсны, какие только были у тебя, не соединяются в одну, но всякая весна по-своему незабываема.

И посещает вдруг мысль, что к своей весне можно прийти только заслуженно: просто так она тебе не приоткроется, не пробудит в душе по-настоящему радостное чувство. Надо непременно выносить её в сердце, соскучиться и возжелать радостного полёта, чтобы, оторвавшись от земли, пропеть её вместе с родными птицами и вернуться обновлённым, таким же, как и они, помолодевшим, готовым к будущей долгой жизни.

X X X

Как-то затопил я в деревне баню, а дрова в печь подбросил старенькие, худые. Дым из трубы повалил густой, едкий, и тотчас на крышу уселась ворона. Отчего-то завертелась беспокойно, заходила по коньку взад-вперёд. Ворону явно что-то заинтересовало. Спрятавшись в дровянике, я решил понаблюдать за ней, понимая, что смышлёная птица появилась на крыше не случайно.

И вот, когда дым чуть развеялся, а жар, по-видимому, спал, ворона воровато взгромоздилась на трубу, как-то неловко раскорячилась и замерла. Таким образом, птица, вероятно, намеревалась вывести досаждающих ей паразитов – перьевых клещей, и меня поразила её сообразительность.

Ведь очутилась ворона у трубы сразу, как только из неё повалил дым: значит, она моментально среагировала и оценила возникшую ситуацию. Конечно, ворона могла проделывать подобное и раньше, но это никак не умаляет её способности быть поразительно смышлёной.

X X X

Соловей прилетает к нам, в отличие от других певчих птиц, когда уже можно напиться воды с берёзового листа, и сразу, по прилёту, занимает густые ольховые поросли по опушкам и берегам рек. В деревнях же выбирает, чаще всего, черёмуху и сирень. Буровато-серая маленькая птичка, почти невидимая в ветвях, среди фиолетово-лиловых нежных султанов и вовсе остаётся незамеченной, но именно благодаря сиреневому одурманивающему кипению, наверное, и поёт всю ночь.

Не будучи ночной птицей, соловей превращается весной в неё, чтобы непревзойдённой по красоте песней извещать и приманивать самок, что возвращаются с юга только ночами. Людям и невдомёк, что восхищённый певец всю ночь напролёт провозглашает не только любовь, но и сообщает всему миру о долгожданной встрече. В природе всё подчинено продлению жизни, а значит – работе, но с каким очаровательным восторгом она воспринимается маленькой серенькой птичкой с умными чёрными глазами!

Общеизвестно, что соловей – знатный певец, он не похож в своём природном умении ни на одну певчую птицу. Соловей не просто свищет и щёлкает, как обычно, не без восторга, принято упоминать среди людей о его непревзойдённом таланте, он именно поёт, издавая голосом восхитительные

звуки. Охотники до соловьёв различают все колена его песни, и даже дали им названия: бульканье, клыканье, дробь, раскат, пленканье, лешева дудка, кукушкин перелёт, гусачёк, юлиная-стукотня, почин, оттолчка, свисты, трели. Соловей поёт, говорят, себя тешит, но разве для всех нас по весне его песня не великая радость?!

Сколько раз мне приходилось слышать соловья, а всё было недосуг подглядеть, как выглядит эта птица. Однажды я всё же набрался терпения, долго и медленно подбирался к густому кусту сирени у себя в деревне, силясь рассмотреть знаменитого певца. Когда же обнаружил его в сплетении ветвей, то поначалу даже не поверил: соловей был уж какой-то совсем маленький, худосочный, и одет в неприглядное серенькое перо, будто накинул сюртучок не со своего плеча.

Но вот глаза птицы поразили: большие, чёрные, как две спелые смородинки, и до того трогательные и проникновенные, что я сразу почувствовал - в них вся весна!

X X X

В детстве для радости не виделось никакой опасности: она казалась вечной. В зрелости человека всё чаще начинает будоражить память об этой радости, желание прочувствовать её вновь и понять, почему и куда она уходит. И он, нередко, обращается к природе, отправляясь именно в лес, и часто всё увиденное там помогает ему преодолеть накопленную усталость и разочарование.

Но отчего закрадывается в сердце человека эта безрадостность, когда надо жить, да жить, до последней капли впитывая каждый отпущенный тебе день? Ведь в детстве чувство разочарования было так мимолётно, а теперь радость всё время приходится отстаивать, вернее, добираться до радости в себе приходится всё труднее и труднее, но когда, всё же, доберёшься до неё – она оказывается чистая и трогательная, как в детстве.

Лишиться радостного удивления всем тем, что есть в этом мире, значит, потерять единственную и изначально дарованную возможность обрести правду жизни, а правда всегда требует неиссякаемой честности по отношению к божественному существованию, неутомимого поиска сердечной радости в родной природе и самом себе.

X X X

Не на шутку может растревожить по весне сердце душистая черёмуха… Белопенная, щедро изливающая повсюду свой раздольный дух, - всего в ней в достатке, а больше - приворотного дурманящего зелья, от которого голова идёт кругом. Упаси Бог напиться её красой вволю – навек тогда в душе своей себя позабудешь: так говорят знающие люди.

Но как не встрепенётся сердце при виде зацветающей черёмухи! Ни невеста уже, а вся в белом. Неимоверной чистотой окрыляют её тонкие кружева. Раньше всех других деревьев расцветает черёмуха, но делает это не спеша, как будто желая убедиться: не опередил ли кто её в наряде?

А уж причёскою и вовсе ни с кем не сравнится: распустит свои пышные пряди – будто одеколоном обдаст! Манит тебя самое душистое дерево с головой окунуться в свои ароматные кудри и насладиться белым пьянящим теплом. Так пахнет только она, черёмуха, но описать её чудесный аромат невозможно: живёт черёмуха привольно – всего в ней довольно!

X X X

Первые весенние цветы, самые ранние, ни горицвет, ни гусиный лук, ни медуница и подснежники, а…бабочки: живые цветы, уже порхающие над землёй, пока она только собирается породить новую неповторимую жизнь.

X X X

Культура – это почитание божественного света, в первую очередь, в своей душе, и уже потом – в окружающей природе.

X X X

Простая лесная правда, без прикрас, всегда невероятно таинственна и чудесна.

X X X

Порой создаётся впечатление, будто лесная тишина очень долго обдумывает любое, зарождающееся в ней движение, но так ни к чему, кажется, и не приходит, оставаясь самой собой – настороженно вкрадчивым молчанием, когда вокруг тихо, но не пусто: тихое журчание ручья, тихое пение невидимой пташки, тихий шелест травы, тихое дуновение ветерка, чьи-то, еле слышные шаги… Покой лесной стихии – молчаливое пристанище чудесной божественной тишины.

X X X

Утраченная человеком способность удивляться – в лесу, рано или поздно, возрождается.

X X X

Мудрость человека заключается в том, чтобы не выделять в жизни, как и в природе, самое красивое или любимое, а принять всё как есть, целиком, вплоть до самой невыразительной мелочи, и уже никогда не предпочитать ей нечто более достойное и живое.

X X X

Крадётся над землёй весенняя ночь, и вместе с ней вливается в душу нечто свежее, чего не могли дать ни зима, ни осень, и даже - лето. Эта весенняя свежесть, которую начинаешь постепенно угадывать и в себе, проистекает как ласка матери, из оттаивающей земли, обхватывает сердце лохматою добротой, и стирается из памяти всё, что хотелось забыть, но оно не уходило, а с пробуждением весны – исчезло, будто его и не было.

X X X

Сколько интересно, нужно осуществить человеку в жизни полезного, чтобы полностью отработать и оправдать своё пребывание на земле? Чем определяется этот долг? Каким знанием и делами должна определяться его жизнь: с одной стороны – обыкновенная, а с другой – возвышенная?!

Наверное, на это уходит несколько его жизней, которые вмещаются в одну, вечную, дарованную ему Божественным Существованием, и, понимая это, всё предстоящее уже не видится человеку таким неосуществимым. Ему лишь следует правильно распорядиться этой своей единственной, длиною в бесконечность, жизнью: дорогой, неповторимой, и обязательно радостной и счастливой.

Счастье – когда найдёшь в жизни для себя самое важное. Вот это важное и следует, несмотря ни на что, осуществить. Если ты не справишься с возложенным на тебя Вселенной долгом, то придётся вновь насладиться восхитительной несправедливостью этой земной жизни в лице другого человека, только с меньшими возможностями. Может быть даже – в облике волка, папоротника или чудесной красногрудой чечевицы, обретая недостающее знание и переживая не менее интересные открытия на пути постижения Бога. Разве это ни прекрасно?!

X X X

Как бы хотелось однажды остановить время, войти в лес и прожить в нём целую вечность: волком, совой, медведем, глухарём, цаплей, барсуком и лисицей, лосем, кабаном, яркой сыроежкой, молчаливым рогозом, светлой берёзкой, могучим дубом и старым лысым пнём… Ещё, пожалуй, скромной медуницей, вольным канюком и неустрашимым ёжиком, вкрадчиво ступающей красавицей-рысью, стремительной белкой, безжалостной росомахой и сторожкой лаской, белоснежным лебедем, выдрой, пахучим

мхом, вересковым диким мёдом, потаённым чистым ручейком, весёлым роем пленительных звёзд, переливающихся в морозном небе.

Сколько же замечательных зверей, птиц и растений живёт в нашем родном лесу… И все они - неповторимые, трогательные и до отчаяния смелые, божественно прекрасные и неуловимые, до невероятного чуткие, проницательные и неутомимые, готовые в миг преобразиться, стать невообразимо выносливыми, или тотчас пожертвовать собой ради своих детёнышей, не страшащиеся никакой напасти, а жаждущие только свободы! При этом – неукоснительно утверждающие свою непреклонную звериную волю, во всём, в любой мелочи, что касается глубинной лесной жизни.

И разве можно в ней обойтись без роскошных луговых цветов, богатства грибного царства, замшелых болот и потаённых буераков, сокровенных птичьих гнёзд и переливчатых трелей их восторженных хозяев? А разве забыть плеяду легкокрылых неведомых насекомых, таинственных, словно пришедших из сказки?

И все они – эти звери и птицы, вековые деревья-великаны и молодые рощи, диковинные растения и еле уловимые перламутровые стрекозы абсолютно безоговорочно преданы своему лесному богу, ОТЦУ-ЛЕСУ, к коему взывают своими неповторимыми жизнями, чтобы он их любил и оберегал. И ЛЕС, действительно, оберегает этот чудный трепетный мир, куда хочется попасть и тебе, чтобы быть там своим… Но зачем?!

Разве не лучше представлять себя кем угодно, оставаясь человеком! Научился бы я, как волк, рысь или медведь, тайнам звериной жизни, умению красться зверем, парить вольной птицей или оранжевым перевёртышем-листом, неслышно опускаясь на такую же яркую сыроежку, не узнал бы уже никогда сладости постижения в себе божественного духа. Но как заманчиво, хотя бы раз в жизни, всё-таки слиться с первозданной лесной чащей, стать в ней, действительно, своим, и прожить в этом таинственном мире таинственную, ни на что не похожую прекрасную жизнь, захватившую тебя своей дикостью и свободой!

X X X

Мир живой природы всегда неудержимо манил к себе человека, и, тем не менее, это не мешало ему убивать своих меньших братьев. Происходило это часто для того, чтобы выгоднее продать роскошную звериную шкурку, использовать дичь в качестве пищи с целью поддержать свою жизнь, или по той известной для каждого охотника пустой причине, когда из-под ног нежданно взмывает что-то трепетное и шумное, бросаясь впопыхах наутёк, и тебе зачем-то непременно надлежит остановить его выстрелом.

Всё это будоражит память и сердце охотника, и он не в силах удержать неумолимо вспыхивающего желания насладиться молниеносным подчинением себе дикой, неведомой природы, когда лесная глушь, кажется, отступает. И вот ты с колотящимся сердцем бежишь сквозь кусты, не

чувствуя ничего, кроме жажды овладения зверем или птицей, а многообещающие тайны леса при этом всё-таки ускользают от тебя неразрешёнными…

Но на деле всё обстояло гораздо сложнее: в тайниках мятущегося сознания самого человека витало нечто негаданное и дремотное. Человека, скорее, тревожила его собственная дикая природа, тот зверь, что всегда находился у него в душе, или, быть может, в голове.

Человеку важно было приблизить к себе животное, даже ценой его умерщвления, как будто это могло что-то разъяснить для него. Ему думалось, что достигнув близости с этим животным, он, наконец, преодолеет не дающий покоя разрыв между незнанием и истиной. Но, ощутив тепло уходящей жизни на ощупь, почувствовав приятную упругость отяжелевшей тушки, человек понимал, в который раз совершая грехопадение: мучившая его тайна вновь остаётся неразгаданной.

Так, овеянные обаянием таинственной лесной жизни и многочисленных русских сказаний, звери когда-то были обречены на незаслуженное и жестокое выбивание. Это обаяние остаётся так велико, что покрывает собой как уже давно совершённые преступления, так и совершающиеся по сей день, а также любые доводы в пользу охоты и рационального отстрела многих птиц и животных.

Человек бывает полностью захвачен красотой зверя, желанием непременно удовлетворить свою охотничью страсть, если не преодолел в себе этот с первобытных времён присутствующий в нём неудержимый порыв. Если не обрёл знание, что непозволительно убивать зверя только потому, что он неподражаемо прекрасен и загадочен. Зверь не виноват в этом, и существует сам по себе, он не принадлежит никому.

Человек должен понять, что птица в руках - ещё не есть обладание её природой, зверь в клетке – это пустота и не затихающая неудовлетворённость от совершённого предательства по отношению к нему. Только свободное общение с обитателями леса позволительно под его таинственным пологом. В противном случае человеку никогда не суждено ощутить красоту и радость собственной жизни.

Быть человеком – это, значит, в полной мере осознавать истинную свободу существования на земле: не посягая на свободу других, уметь сохранить свою собственную, не забывая, что в основе обе неотделимы друг от друга. Лес же, порядком напуганный, но не покорённый, остаётся человеку непререкаемым укором в его бездумном стремлении свести эту неповторимую жизнь, когда и Богу нечего будет взять.

X X X

Непоколебимая вечность стоит в небесах, безмолвно распростёрла своё необъятное дыхание по всей земле: и день проходит, и ночь, и нескончаемые века. Не видать ни конца, ни края этой бесконечной жизни.

Зачем она, что за великую тайну скрывает в себе, и куда всех нас несёт? Неужели - просто так, без всякого смысла, лишь бы только жить, дышать, плодиться, и … умирать?

Не может того быть: во всём этом завораживающем истечении жизни должен быть заложен какой-то скрытый ото всех смысл, но отчего – неведомый, будто нарочно утаенный? Одолеет ли его когда-либо человек, доберётся ли до исконной вселенской правды?! Нет ответа…

И потому ничего не остаётся человеку, как отправиться в этот нескончаемый путь постижения, и на этом пути ни в коем случае недопустимо унывать, предаваться печали и чувствовать себя растерянным. Необходимо всецело, с удовлетворением, отдаться преодолеваемой дороге, не страшась никаких преград, прекрасно понимая, что иначе не достичь истины, той самой божественной правды, которая чудесным образом сокрыта от нас, и её так хочется разгадать.

И вот, если осознаешь в полной мере значимость этой вселенской загадки, или, вернее, твёрдое намерение её прояснить, то и настраивайся уже на жизнь мужественную и решительную, с желанием все беспокоящие тебя вопросы наилучшим образом разрешить. Причём, без оглядки, надеясь только на свою стойкость, терпение и выдержку. А верной порукой тому может послужить твой добрый настрой и такое же искреннее устремление души.

Взялся, как говорится, за гуж, так уж каляниться не пристало. Жарь по жизни во весь дух, пока его хватает, ибо размениваться на мелочи времени нет!

Нет ничего хуже бесплодно прожитой жизни, и хоть представляется она, по большей части, обыденной, но и эта её обыденная простота с непонятной быстротой минует: не успеешь оглянуться, а все жизненные страницы уже пролистаны. Хватишься так, бывало: где находился ты, чем был занят, и опять не находишь ответа…

Не дорожил ты, как зеницей ока, отпущенным тебе временем, не озадачивался пробуждением собственного сознания, и зря, потому как нет ничего более сладостного для человека, чем постигать и себя, и окружающую чудесную жизнь с её лесами, горами и морями, и быть для этого прекрасного мира пригодным. Ведь раньше смерти не помрёшь, и нужно успеть до правды добраться!

X X X

Задумаешься порой, ночуя в лесной избушке, о проистекающей вокруг неведомой жизни, и неожиданно осознаешь себя в ней неотъемлемой частицей. Понимание этого приходит к тебе легко, будто ты никогда и не сомневался в том, что мир устроен иначе. А помогает тебе разобраться в себе лес, его потаённая тишина, и именно благодаря этому ты осознаёшь, что земная жизнь есть продолжение существования небесного, и оно

подразумевает не только осознание своего тела, но и устремления души, чётко представляя – что ты делаешь и для чего.

Каждый твой шаг, каждое движение души должны быть осознаны. Тебе непременно необходимо осознавать – зачем ты живёшь, что будешь делать сегодня, завтра и в течение всего года. Перед тобой должна стоять глубоко осознанная цель, и ты осознанно должен идти к ней.

Мало того, всё, что происходит вокруг – не минует твоего внимания, ты всё примечаешь, ничего не упуская, во всём участвуешь, будто находясь над собой, озирая весь окружающий мир, понимая его и принимая. С течением времени ты научишься различать энергию всех предметов, находящихся рядом: все они одушевлены. И когда ты овладеешь пониманием окружающей жизни, то непременно начнёшь постигать саму жизнь.

Значения преисполнено всё, даже – тишина. Может быть, все звуки в природе только за тем и существуют, чтобы иметь возможность и умение обратить внимание на тишину, которая никогда не бывает пустой, она всегда заполнена ещё более содержательным составляющим, которое невидимо, но оно есть. Важно научиться чувствовать его, и находясь в нём – понимать.

Реальность такова, что невидимое в ней – наиболее значимо, именно оно определяет весь этот красочный мир. Нужно не забывать об окружающем нас пространстве, которое огромно в сравнении с горами, деревьями, даже звёздами, его, кажется, не объять, но мы должны стремиться к его познанию, относясь с великим уважением. Верно воспринимая невидимое пространство – всё, что нас окружает, оно необыкновенным образом оживает.

Осознание мира следует начать с самого себя, с собственного тела и мыслей, и только тогда ты освоишь более тонкие вибрации окружающего божественного мира с его необъятными далями, морями и лесами. Рай везде, где бы ты ни был, он неотделим от тебя, и в этом – истинное счастье нахождения на этом божественном свете.

Нужно просто понять эту благостную истину, почувствовать Бога в своей душе, и следовать Ему, ничего не боясь и не прося.

Оглавление

Предисловие 2
Первая часть. Дух деревьев 5
Вторая часть. Отец-Лес 61
Про чудеса и тайны 61
Перелески 89
Жизнь в лесу 93
Предвкушение тайны 97
Лесной бог 99
Голос природы 105
Угожее поместье 106
Дерева 124
Одиночество 131
Костёр жизни 134
Отец-лес 139
Небывалое 144
Лесной суседушка 151
Светлая полянка 165
Чёртик 171
Берлога 178
Не убий! 207
Третья часть. Обаяние родной природы 224